№ 1848 5.

ПАНТЕОНЪ

издаваемый

Ф. КОНЕМ.

Санктпетербургъ.

Зотовъ. — Хмѣльницкій. — Бутковъ. — Достоевскій. — Андреевъ. — Семевтовскій. — Кони

ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ѲЕДОРОМЪ КОНИ.

Шив 10427.
18229, 9794

ТОМЪ III.

МАЙ. — КНИЖКА ПЯТАЯ.

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Дом. Театрального
... имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 мая, 1848 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

—

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОЛЬЕРЪ. Историческая драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. *В. Р. Зотова*, . . .

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БАРОНЕССА ФЛАГСБЕРГЪ. Часть вторая. Романъ *Николая Семянтовскаго* . .
ВЗАИМНЫЕ СОЧУВСТВОВАТЕЛИ. Повѣсть *Я. Буткова* 1

III. ЮМОРИСТИКА.

ГУВЕРНАНТКА. Очеркъ. *А. Андреева* 1

IV. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

КАРЛО ГОЦЦИ И ЕГО ИСПАНСКО-ВЕНЕЦІАНСКІЙ ТЕАТРЪ. Статья *Филарета Шаля* 2

V. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ ФЛОРЫ О ВРЕМЕНИ РЕСТАВРАЦІИ. 1

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русскій театръ въ Петербургѣ.

1. Старая мыза. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Пер. съ фран.
2. Память Бородинской битвы. Сельская картина 1839 года, въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч *Е. И. Великопольскаго.*
3. Урокъ юнкеру передъ производствомъ въ корнеты. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи и двухъ отдѣленіяхъ. Соч. *Д. А. Шепелева.*
4. Двое кривыхъ, или докторъ шарлатанъ. Не драма и не трагедія, не комелія и не водевиль, не опера и не балетъ, но всего по немножку, въ одномъ дѣйствіи, передѣлка съ французскаго. *К. А. Тарновскаго.*
(*Бенефисъ г. режиссера Куликова*)
5. Красавица и звѣрь. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго А. Н. *Андреева.*
6 Волчій ротъ и лисій хвостъ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Передѣлка съ французскаго. *Д. Ленскаго.*
7. Артисты между собою, или чей фантъ вынется что тому дѣлать? Интермедія-дивертисманъ, въ одномъ дѣйствіи.
(*Бенефисъ г-жи Валберховой.*)
Статьи Ѳ. А. *Кони* 9

VII. ПАНОРАМА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

1. Франція. Парижскіе театры. — Искательница приключеній, г. *Ожье.* — Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée, г. *Альфреда Мюссе.* — Пробужденіе отъ сна, г. *Ленрово.* — Торговецъ игрушками, гг. *Мелевиля* и *Гильяра.* — Геркулесъ Беломъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи *Дюверра* и *Лозанна.* — Рояль-Пандаръ, или любовь повѣсы, гг. *Деннери* и *Поля Фуше.* — Неголяй въ супружествѣ, г. *Марвиля.* — Мадемуазель де Туази, гг. *Сенъ-Жоржа* и *Бернара-Лопеса.* — Мадельнетта и Маделина, г. *Альзея.* — Сентиментальное путешествіе, гг. *Варена* и *Брунсвика.* — Вѣра, Надежда и Любовь, г. *Розье.* — Виконтесса д'Обре, г. *Ш. Лафона* . . . . . .
2. Англія. Лондонъ. — Отрантскій замокъ.—Тезей и Аріадна.—Миссія въ Борнео. (

Содержание пятой книжки. 1848. – Т. 3. (Продолжение).

VIII. Петербургский телеграф.
Рассказы А. Плещеева. - Управитель, повесть Аскольдова. - Люди странствующие, повесть Ковалекского. – Приключения домашнего учителя, роман А. Р-ва, Москвитянин. Несколько слов о русских газетах.
М. Достоевский.
Сигналы музыкальные. [Концертная жизнь Петербурга].

IX. Смесь.
Поездка в Венецию в 1837 году: статья Арсена Гуссе. – Теперь и тогда : новый роман Самуила Уоррена. – Несколько дней в Берлине: из путевых записок Шарлотенбург. - Фридрих Великий, как виртуоз, и Наполеон, как меломан.

X. Калейдоскоп.
Благодетельный призрак. – Сам не свой от чужого. – Третий ряд английских причуд. – Некролог. Актер Верне. Люи Адан.. – Новое приложение хлороформа.

XI. Балагур.

XII. Репертуар русской сцены. № 5.
Обер-кухмейстер Фельтен: водевиль в одном действии **Н. Н. Хмельницкого.**

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

МОЛЬЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

В. Ѳ. Зотова.

—

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Предразсудокъ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЖАНЪ-БАТИСТЪ ПОКЕЛЕНЪ, директоръ странствующей труппы актеровъ.

МАРТА ЖИРАРЪ, содержательница трактира подъ вывѣской: «Благочестиваго пустынника».

ТАРТЮФОЛЛИ, іезуитъ.

ГЕНРИХЪ ДЕ-ГИШЪ, его воспитанникъ.

АРМАНДА БЕЖАРЪ, актриса въ труппѣ Покелена.

ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ, } актеры.

ЛАФОРЕ, служанка въ трактирѣ.

ЖЕРОМЪ, старый гувернеръ Покелена.

Актеры и актрисы труппы Покелена, служители въ трактирѣ.

Дѣйствіе происходитъ въЛіонѣ, въ 1647 году.

—

I.

Общая комната въ трактирѣ «Благочестиваго пустынника» нѣсколько дверей, столъ и стулья.

ТАРТЮФОЛЛИ, *одинъ, потомъ* **ЛАФОРЕ.**

ТАРТЮФОЛЛИ, (*ходитъ по комнатѣ*). Странно! до сихъ поръ еще нѣтъ писемъ!.. Кажется, всѣ поднялись ужъ въ этой гостинницѣ... Моя хорошенькая хозяйка проснулась вѣрно раньше всѣхъ... Она сама за всѣмъ смотритъ, во все входитъ... она такъ мила и если бы не мое званіе... Но чтожъ? оно не мѣшаетъ... конечно мнѣ на ней нельзя жениться... Кажется однако, что она на меня не слишкомъ ласково посматриваетъ?.. Пустяки! она женщина умная и пойметъ всѣ выгоды, которыя можетъ извлечь изъ моей любви. Меня безпокоитъ этотъ господинъ Покеленъ. Онъ что-то слишкомъ часто разговариваетъ съ нею. Конечно, она хозяйка-трактирщица... могутъ быть дѣла... но все-таки!... И что за человѣкъ этотъ Покеленъ? Откуда онъ? что это за люди, которыхъ онъ принимаетъ къ себѣ? отчего его по вечерамъ никогда не бываетъ дома? надобно узнать все это. Нельзя ли найти чего-нибудь такого, чтобы могло уронить его въ глазахъ Марты. Онъ становится мнѣ опасенъ!.. Посмотримъ, поищемъ!...

ЛАФОРЕ, (*входя*). Къ вамъ письмо, синьоръ Тартюфолли.

ТАРТЮФОЛЛИ. Отъ кого?

ЛАФОРЕ, (*сухо*). А вотъ прочтете, такъ узнаете.

ТАРТЮФОЛЛИ. Дочь моя! ты всегда очень дерзко отвѣчаешь мнѣ, грубо обращаешься со мною. Конечно, я по долгу христіанскому прощаю тебя, но все-таки сегодня же попрошу, чтобы твоя хозяйка прогнала тебя отсюда.

ЛАФОРЕ. Можете! ужъ она вѣрно не сдѣлаетъ этого!

ТАРТЮФОЛЛИ. Это отчего?

ЛАФОРЕ. Оттого, чтобы сдѣлать что-нибудь на зло вамъ. (*уходитъ*).

ТАРТЮФОЛЛИ. Скверная дѣвчонка! она смѣетъ не уважать меня... я покажу ей, кто таковъ Тартюфолли, она еще не знаетъ меня! Отъ кого это? (*распечатывая*). А! отъ его преподобія Пріора

іезуитскаго ордена. Посмотримъ, что пишетъ святой отецъ! (*читая*) «Любезный сынъ нашъ, исполнитель нашихъ секретныхъ порученій и ревностная опора нашего благочестиваго ордена.»—Не могъ написать: любезнѣйшій сынъ нашъ и ревностнѣйшая опора! какъ къ брату Фратичелли!.. Старый болванъ!—«Дошло до нашего свѣденія, что Ліонскіе комедіанты подали просьбу въ Парижъ о позволеніи играть имъ въ Парижѣ, передъ его королевскимъ величествомъ Людовикомъ XIV. Такъ-какъ подобныя театральныя представленія весьма портятъ нравственность и господа сочинители въ своихъ комедіяхъ выводятъ на сцену лица, достойныя всякаго уваженія — то, въ слѣдствіе этихъ причинъ, мы бы желали, чтобы вкусъ къ подобнымъ богопротивнымъ зрѣлищамъ не распространялся и болѣе всего, чтобы его величество не видалъ этихъ комедіантовъ. Ко второму я принялъ свои мѣры, къ первому поручаю принять вамъ. Отыщите въ Ліонѣ скопище зловредныхъ комедіантовъ и запретите моимъ именемъ давать имъ представленія въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ. Вашъ доброжелательный и такъ далѣе.»—Прекрасно! это давно бы надобно было сдѣлать. Актеры язва общества! Театръ губитъ душу и тѣло. Вотъ первое умное приказаніе, которое я получаю отъ моего начальника. Но гдѣ отыскать ихъ? гдѣ живутъ они? мнѣ бы хотѣлось сначала развѣдать объ этомъ и попробовать, не успѣю ли я обратить ихъ на путь истинный моими увѣщаніями. Это бы принесло мнѣ много славы, чести, и денегъ! Вотъ кажется и моя прекрасная хозяйка.

—

II.

ТАРТЮФОЛЛИ, МАРТА.

МАРТА. Это вы, отецъ мой! я искала васъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами, попросить вашего совѣта.

ТАРТЮФОЛЛИ. Ты знаешь, что я всегда готовъ давать совѣты, дочь моя, особливо тебѣ... я такъ люблю тебя, ты это знаешь.

МАРТА. Да! вы такъ добры ко мнѣ. Вы часто приходите бесѣдовать со мною о Богѣ, о добродѣтели. Я люблю васъ, какъ своего отца.

ТАРТЮФОЛЛИ. Какъ отца? отчего же, какъ отца; я еще гожусь быть твоимъ другомъ.

МАРТА. О! вы для меня все! вы охраняете отъ обольщеній свѣта бѣдную дѣвушку, которая осталась сиротою въ 17 лѣтъ и должна была управлять одна безъ помощника, быть хозяйкой этой огромной гостинницы.

ТАРТЮФОЛЛИ. Да! ты права, дочь моя! тебѣ нуженъ помощникъ, защитникъ, который бы управлялъ твоими дѣлами и не свя-

зывая себя неразрывными узами супружества, могъ бы помогать тебѣ совѣтами и дѣлами.

МАРТА. Что вы говорите? Развѣ я могу кому-нибудь, кромѣ мужа, позволять оказывать мнѣ помощь и услуги. Но я чувствую сама, что одна не могу управлять всѣмъ домомъ и потому-то хотѣла узнать... спросить васъ, хорошо ли я сдѣлаю, если выду замужъ?

ТАРТЮФОЛЛИ. Замужъ? ты выдешь замужъ? Ахъ, какой ужасный грѣхъ, дочь моя!

МАРТА. Помилуйте, отецъ мой! отчего же это грѣхъ? Замужство цѣль всякой женщины.

ТАРТЮФОЛЛИ. Конечно, но есть случаи, обстоятельства въ жизни, когда совсѣмъ не нужно выходить замужъ.

МАРТА. Но я чувствую, что очень люблю его и никогда не выду замужъ, или выду только за него.

ТАРТЮФОЛЛИ. Кто же этотъ дерзкій, который поселилъ въ твоемъ сердцѣ такія грѣшныя мысли о замужствѣ?

МАРТА. Онъ... мой гость и постоялецъ... Жанъ-Батистъ Покеленъ ..

ТАРТЮФОЛЛИ. Покеленъ... о какой ужасъ!.. дочь моя, ты погубишь себя, видишь, я плачу о тебѣ.

МАРТА. Но я право не вижу тутъ ничего ужаснаго. Онъ такой скромный и умный молодой человѣкъ, такъ любитъ меня — я это знаю, хоть онъ и никогда не говорилъ объ этомъ. Конечно, онъ бѣденъ, но за то я богата. Мы ни въ чемъ не будемъ нуждаться.

ТАРТЮФОЛЛИ. Но знаешь ли ты, что онъ за человѣкъ? Онъ пріѣхалъ въ нашъ городъ Богъ знаетъ откуда. Что онъ здѣсь дѣлаетъ, чѣмъ онъ живетъ и занимается?

МАРТА. Онъ ничего еще не говорилъ мнѣ объ этомъ, но только потому, что я сама ни о чемъ его не спрашивала.

ТАРТЮФОЛЛИ. А главное, главное, дочь моя, куда онъ исчезаетъ каждый вечеръ, какія мѣста посѣщаетъ, можетъ быть, вертепы грѣха и преступленія, о которыхъ нельзя подумать безъ содроганія.

МАРТА. Вотъ объ этомъ-то именно я и хотѣла поговорить съ вами. Онъ мнѣ сказалъ, куда онъ ходитъ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Сказалъ? онъ сказалъ? злодѣй не побоялся сдѣлать тебѣ это признаніе.

МАРТА. Да, онъ сказалъ мнѣ, что ходитъ всякій вечеръ въ театръ!

ТАРТЮФОЛЛИ. Въ театръ! о, верхъ преступленія! въ театръ! Развѣ ты не знаешь, какой это ужасный грѣхъ.

МАРТА. Вы мнѣ ужъ сколько разъ говорили объ этомъ. Я знаю, это дурно, но отчего же не простить молодому человѣку

юношескихъ заблужденій. Мнѣ и вы, старый другъ нашего дома, и мой покойный батюшка и матушка—всѣ запрещали ходить въ театръ, растолковали, какъ это дурно — но ему, можетъ быть, нѣкому было сказать: сынъ мой, берегись театра! театръ можетъ погубить твою душу! Такъ чѣмъ же виноватъ онъ?

ТАРТЮФОЛЛИ. Чѣмъ виноватъ? онъ ходитъ въ театръ, въ это вмѣстилище всѣхъ пороковъ и чѣмъ виноватъ? я не узнаю тебя, дочь моя.

МАРТА. Видите ли — я еще ничего не говорила ему, но увѣрена, что онъ перестанетъ ходить въ театръ, если я попрошу его. Я даже поставлю это въ число первыхъ и необходимыхъ условій нашего брака.

ТАРТЮФОЛЛИ. Но человѣкъ, который хоть разъ былъ въ театрѣ, есть уже существо безвозвратно погибшее, заранѣе обреченное всѣмъ адскимъ мукамъ.

МАРТА. Помилуйте! вѣдь онъ не актеръ. Вѣдь вы позволяете же ходить въ театръ своему воспитаннику, Генриху де Гишу, этому милому молодому человѣку, котораго вы нынче такъ рѣдко приводите сюда.

ТАРТЮФОЛЛИ. Если я позволяю ему губить себя, то это по приказанію отца его, министра Людовика XIV, который хочетъ, чтобы сынъ его все зналъ и объ всѣмъ имѣлъ понятіе; я вѣрно не по своей волѣ это дѣлаю, если же я рѣдко привожу его сюда, то на это есть другія причины. Молодые люди въ 18 лѣтъ такъ влюбчивы, а здѣсь есть одна особа, которая внушитъ земныя мысли даже и тому, кто думаетъ только объ одномъ небѣ.

МАРТА. Какъ вамъ не стыдно говорить такія вещи. Мнѣ право странно слышать ихъ отъ васъ...

ТАРТЮФОЛЛИ. Я забочусь о твоемъ спасеніи, мое дитя, Мнѣ больно видѣть, какъ ты падаешь въ бездну заблужденія. Этотъ Покеленъ просто злодѣй; я увѣренъ, что онъ скрываетъ отъ тебя свои черныя чувства и поступки; я увѣренъ, что онъ извергъ и преступникъ, я сказалъ бы ему это въ глаза, если бъ онъ только былъ здѣсь.

—

III.

МАРТА, ТАРТЮФОЛЛИ, ПОКЕЛЕНЪ.

ПОКЕЛЕНЪ, (*явившись на порогѣ во время послѣднихъ словъ Тартюфолли*). Онъ здѣсь: что вамъ угодно было сказать ему?

ТАРТЮФОЛЛИ. Какъ некстати!—Ничего! совершенно ничего! я справлялся о вашемъ здоровьи.

МАРТА. Синьоръ Тартюфолли сомнѣвается въ томъ, что вы благородный человѣкъ и не занимаетесь никакимъ дурнымъ ремесломъ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Совсѣмъ нѣтъ! я только ..

ПОКЕЛЕНЪ. Какъ бы ни было дурно мое ремесло — оно все-таки лучше ремесла шпіона, которымъ здѣсь многіе занимаются съ такимъ успѣхомъ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Что вамъ угодно сказать этимъ?

ПОКЕЛЕНЪ. Все, что вамъ угодно будетъ понять!

ТАРТЮФОЛЛИ. Мнѣ кажется, что желанье узнать, что вы за человѣкъ и чѣмъ занимаетесь—очень натурально. Этимъ начинаются всѣ разговоры. И я удивляюсь, что ваша хозяйка, не узнавши ничего объ этомъ, рѣшилась принять васъ къ себѣ въ домъ?

ПОКЕЛЕНЪ. А, такъ и мамзель Мартѣ хочется узнать это?

МАРТА. Я ничего не хочу и не требую вашего признанія; я не имѣю права на вашу довѣренность...

ПОКЕЛЕНЪ. Если такъ—я все скажу, все открою вамъ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Это будетъ очень любопытный разсказъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Жаль только, что кромѣ мамзель Марты никто не услышитъ его (*Марть*). Здѣсь подлѣ есть комната.....

ТАРТЮФОЛЛИ. Зачѣмъ же! Не извольте безпокоиться. Я не хочу мѣшать вамъ и оставляю васъ, но мы еще увидимся... Пойду собирать свѣденія о господинѣ Покеленѣ. (*Уходитъ*).

—

IV.

МАРТА, ПОКЕЛЕНЪ.

ПОКЕЛЕНЪ, (*Марть, которая стоитъ въ задумчивости*). Вы сердитесь на меня, милая Марта.

МАРТА. Признаюсь вамъ, мой добрый Покеленъ, что мнѣ не нравится ваше обращеніе съ отцемъ Тартюфолли, онъ мой духовникъ, старый другъ нашего семейства.

ПОКЕЛЕНЪ. Развѣ это мѣшаетъ ему быть дурнымъ человѣкомъ; вы еще не знаете его, Марта, и дай Богъ, чтобъ я въ немъ ошибался.

МАРТА. Но чѣмъ же могъ онъ заслужить ваше нерасположеніе?

ПОКЕЛЕНЪ. Развѣ онъ не старается очернить меня въ вашихъ глазахъ, развѣ онъ не выискиваетъ всевозможныхъ средствъ, чтобы только помѣшать намъ любить другъ друга... О! не краснѣйте, милая Марта, не смущайтесь... хоть я въ первый разъ говорю вамъ о любви моей, но вы давно поняли ее — и вѣрно не сердитесь за нее, если обходитесь со мной также ласково, какъ прежде.

МАРТА. Съ чего вы взяли!

ПОКЕЛЕНЪ. Марта, я научился узнавать людей и ихъ чувства. Въ моемъ званіи это необходимо!... Къ чему вамъ скрываться, я люблю васъ, люблю страстно и если молчалъ до сихъ поръ, то одна гордость мѣшала мнѣ предложить вамъ руку и сердце. Я ничего не имѣю — а вы богаты... но сегодня я рѣшился открыть вамъ сердце мое, просить вашего согласія, сегодня я получу изъ Парижа отвѣтъ, который упрочитъ мою будущность, и дастъ мнѣ возможность предложить вамъ вмѣстѣ съ рукою независмое состояніе и имя, которое, можетъ быть, будетъ знать вся Франція.

МАРТА. Къ чему мнѣ все это! не пріятнѣе ли мнѣ будетъ за вашу любовь принести вамъ въ приданое все, что я имѣю....

ПОКЕЛЕНЪ. Такъ вы любите меня, такъ вы не отвергаете бѣднаго Покелена?... Вы соглашаетесь, незная даже, кто онъ?...

МАРТА. Нѣтъ, Покеленъ! Прежде, нежели я сдѣлаюсь вашей женою, я должна узнать всю вашу прежнюю жизнь... я воспитывалась, можетъ быть, не такъ, какъ вы, Покеленъ. Батюшка и матушка мои были люди набожные; они внушили мнѣ много такихъ мыслей и понятій, надъ которыми вы бы вѣрно стали смѣяться, но которымъ я никогда не измѣню, еслибъ даже и сдѣлалась отъ этаго несчастною.

ПОКЕЛЕНЪ. О! я увѣренъ, что ни въ прежней, ни въ теперешней жизни моей вы не найдете ничего предосудительнаго. Меня даже многіе знаютъ въ этомъ городѣ. Я принадлежу къ семейству богатому и честному, которое сдѣлало себѣ имя въ торговлѣ. Отецъ мой занималъ даже должность обойщика при дворѣ Я воспитывался въ Клермонской Коллегіи — и тамъ познакомился со многими теперь извѣстными людьми; я имѣлъ счастіе пріобрѣсть покровительство принца Конти, съ которымъ сидѣлъ на одной скамейкѣ.

МАРТА. Какъ, вы знакомы съ этимъ великимъ человѣкомъ?

ПОКЕЛЕНЪ. Онъ тогда былъ гораздо ниже меня—и по росту и по ученью. Несмотря на блестящее образованіе, которое мнѣ дали въ Коллегіи, отецъ мой хотѣлъ, чтобы я сдѣлался обойщикомъ; но какъ я не имѣлъ никакого расположенія къ этому ремеслу, то и сдѣлался адвокатомъ.

МАРТА. Что-жъ! это прекрасное и благородное званіе.

ПОКЕЛЕНЪ. Да! но я и тутъ не имѣлъ успѣха. Видя, что на вѣсахъ у правды часто перевѣшивала та сторона, на которой лежали тяжеловѣсныя доказательства, я получилъ отвращеніе отъ адвокатскаго званія и сдѣлался, наконецъ, тѣмъ, къ чему чувствовалъ всегдашнее призваніе — гонителемъ людскихъ недостатковъ и пороковъ, живою картиною ихъ мелочныхъ страстей, однимъ словомъ сдѣлался.....

V.

МАРТА. ПОКЕЛЕНЪ. ЛАФОРЕ.

ЛАФОРЕ, (*вбѣгая*). Господинъ Покеленъ, господинъ Покеленъ! къ вамъ явилась цѣлая толпа какихъ-то странныхъ людей. Они всѣ требуютъ, чтобы вы какъ можно скорѣе ихъ приняли, что они пришли за важнымъ дѣломъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Странно! что имъ нужно? Я имъ сказалъ ужъ разъ, чтобы они всѣ свои требованія объясняли мнѣ по вечерамъ, когда я съ ними вижусь, а не приходили нарушать тишину въ этомъ домѣ!... Но что, если это отвѣтъ!... Милая Марта, вы позволите мнѣ здѣсь принять ихъ!

МАРТА. Съ удовольствіемъ! Не забудьте однако, что вы начали разсказывать мнѣ вашу жизнь и остановились на самомъ любопытномъ мѣстѣ.

ПОКЕЛЕНЪ. Черезъ часъ я явлюсь къ вамъ, но теперь.....

МАРТА. Я васъ оставлю! что это за люди? Странно. (*уходитъ*).

ПОКЕЛЕНЪ. Лафоре! оставь и ты меня.

ЛАФОРЕ. Слушаю-съ, господинъ Покеленъ! И какъ я нелюбопытна, но ужъ если вы сказали слово, то я никакъ не рѣшусь васъ не послушаться (*уходитъ*).

—

VI.

ПОКЕЛЕНЪ, ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ, АРМАНДА БЕЖАРЪ, АКТЕРЫ и АКТРИСЫ.

ПОКЕЛЕНЪ. Господа! какъ мнѣ ни пріятно ваше посѣщеніе, но я прошу васъ разъ навсегда не безпокоить этого благочестиваго дома собраніями и совѣщаніями. Мы видимся всякій вечеръ на сценѣ — зачѣмъ же вы явились сюда. Я увѣренъ, что вы уже успѣли перепугать всѣхъ постояльцевъ въ этой гостинницѣ.

АРМАНДА. Ты не справедливъ къ намъ, Покеленъ. Мы всѣ помнимъ твое приказаніе; знаемъ, что въ нашемъ положеніи всего выгоднѣе скрываться, но насъ приводитъ сюда ужасная новость, поразившая насъ до такой степени, что мы тотчасъ же рѣшились идти всѣ вмѣстѣ совѣтоваться съ тобою.

ПОКЕЛЕНЪ. Что же это за новость, которая васъ такъ поразила.

ЛАГРАНЖЪ. Намъ запрещено играть въЛіонѣ.

ПОКЕЛЕНЪ. Запрещено? кто запретилъ это?

ДЮПАРКЪ. Приказъ этотъ объявленъ намъ черезъ старшинъ города. Онъ отъ пріора іезуитскаго ордена.

ПОКЕЛЕНЪ. Іезуиты, о! вы мнѣ дорого поплатитесь за это! я выведу васъ на сцену, я заклеймлю васъ въ глазахъ цѣлаго свѣта клеймомъ лицемѣрія и низости.

АРМАНДА. Однако-же, Покеленъ, подумай о томъ, что намъ теперь должно дѣлать. Принимая насъ въ свою трупну, ты обѣщалъ намъ: успѣхъ, славу, обезпеченное состояніе и съ тѣхъ поръ водишь изъ города въ городъ, заставляя насъ часто терпѣть нужду и недостатки, еще чаще обиды и презрѣніе..... чѣмъ все это кончится?

ЛАГРАНЖЪ. Да, Покеленъ, мы въ правѣ требовать отъ тебя исполненія обѣщанія.

ДЮПАРКЪ. Иначе мы оставимъ тебя и разойдемся.

ВСѢ. Да! да! мы бросимъ тебя!... разойдемся.

ПОКЕЛЕНЪ. Васъ ли я слышу, друзья мои! Откуда такая раздражительность? Это-ли терпѣніе, которое мы должны имѣть въ нашемъ состояніи? Какъ, одна неудача заставляетъ васъ падать духомъ и роптать на судьбу — стыдитесь! Развѣ я не здѣсь, не подлѣ васъ, развѣ я не обѣщаю защищать васъ, дѣлить съ вами все — и славу, и гоненіе? Развѣ я не забочусь объ васъ? Іезуиты не позволяютъ намъ играть въ Ліонѣ — развѣ вы забыли, что насъ ждетъ Парижъ. Принцъ Конти обѣщалъ мнѣ свое покровительство. Сегодня же король долженъ прислать рѣшительный отвѣтъ! Я заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ. Я просилъ васъ до времени скрывать наши намѣренія. Мы имѣемъ такъ много непріятелей. Парижскіе актеры могутъ интриговать противъ насъ, узнавъ о нашей просьбѣ; но я обѣщалъ вамъ славу и деньги — и сдержу свое обѣщаніе; потерпите только до завтра, друзья мои—а терпѣніе есть первая театральная добродѣтель.

ЛАГРАНЖЪ. Да! но оно скоро можетъ надоѣсть.

ПОКЕЛЕНЪ. Я никого не удерживаю! Кто не хочетъ терпѣть вмѣстѣ со мною, пусть оставитъ меня. Я не держу васъ!.. Забудьте все, чѣмъ вы мнѣ обязаны, покиньте человѣка, который заботился только объ однихъ васъ, объ вашемъ довольствѣ и счастіи. Я одинъ отправлюсь въ Парижъ, одинъ сдѣлаю себѣ имя; и если свѣтъ вспомнитъ когда нибудь бѣднаго Покелена, то онъ незабудетъ и его неблагодарныхъ товарищей.

АРМАНДА. Ты правъ, Покеленъ, мы виноваты передъ тобою; безъ тебя мы ничего не сдѣлаемъ, ничего не будемъ значить. Ты одушевляешь насъ, ты одинъ умѣешь помирить насъ, заставить дѣйствовать за одно. Ты неоставишь насъ, не правда-ли? До конца жизни будешь нашимъ директоромъ и собратомъ, ты обѣщалъ намъ это и сдержишь свое обѣщаніе.

ПОКЕЛЕНЪ. Мнѣ кажется, что и вы обѣщались повиноваться мнѣ, слѣпо исполнять всѣ мои приказанія.

АРМАНДА. Мы и теперь повторяемъ тоже самое, не правда ли, друзья мои? Вы обѣщаете во всемъ слушаться Покелена?

ВСѢ. Да! да! мы обѣщаемъ!...

ПОКЕЛЕНЪ. Ты все таже, Арманда. Всегда вѣтрена и непостоянна, всегда дѣйствуешь по минутной прихоти и никогда не смотришь на послѣдствія. Я увѣренъ, что ты первая подговаривала моихъ товарищей бѣжать отъ меня.

АРМАНДА. Но теперь первая прошу у тебя прощенія. Ты не сердишься на меня, Покеленъ, не правда ли?

ПОКЕЛЕНЪ. Могу ли я сердится на тебя. Твое доброе сердце заставляетъ позабыть о твоей вѣтренной головѣ. Я радъ, друзья мои, что вы отказались отъ своего намѣренія. Мы должны дѣйствовать единодушно. Я увѣренъ, что все пойдетъ прекрасно, если мы только не будемъ ссориться. Теперь, друзья мои, прошу васъ порадоваться со мною — хотя радость эта касается только до одного меня, но я увѣренъ, что вы ее раздѣлите. Я женюсь на Мартѣ Жираръ, хозяйкѣ этой гостинницы.

АРМАНДА. Ты женишься, Покеленъ, ты женишься? О это невѣроятно!

ПОКЕЛЕНЪ. Отчего же, милая Арманда? Развѣ ты думаешь, что актеръ не можетъ быть хорошимъ мужемъ.

АРМАНДА. Нѣтъ! но я... (О Боже мой! Боже мой!)

ЛАГРАНЖЪ. Поздравляемъ! поздравляемъ!

ДЮПАРКЪ. Что съ тобой, Арманда? ты поблѣднѣла, насилу стоишь на ногахъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Въ самомъ дѣлѣ! ты такъ перемѣнилась?...., ты, всегда веселая, живая? Развѣ тебѣ не нравится мой выборъ?

АРМАНДА. Нѣтъ! но я думала..... мнѣ казалось, что Покеленъ выберетъ себѣ жену между нами, между моими подругами....

ПОКЕЛЕНЪ. До сихъ поръ изъ нихъ еще ни одна не удостоивала меня ласковаго взгляда.... Я полюбилъ Марту всей душею. А между твоими подругами, кто бы согласился быть женою Покелена? Онѣ ищутъ себѣ обожателей въ первыхъ рядахъ зрителей. Не гордая ли Магдалина, не вѣтренная ли Арманда?

АРМАНДА. Я?... О! къ чему говорить объ этомъ? но ты былъ всегда нашимъ другомъ, моимъ покровителемъ, ты всегда любилъ меня, а теперь, женившись на Мартѣ, забудешь о своей сестрѣ, о своей Армандѣ.... Незнаю отъ чего, но мнѣ хочется плакать, очень хочется; о Покеленъ, зачѣмъ ты женишься? (*плачетъ*).

ПОКЕЛЕНЪ. Арманда, ты плачешь! ребенокъ, перестань! Улыбка такъ идетъ къ тебѣ.

АРМАНДА, (*отирая слезы*) Въ самомъ дѣлѣ!....

ПОКЕЛЕНЪ. Въ день моей свадьбы, я сдѣлаю тебѣ прекрасный подарокъ: ожерелье изъ кораловъ....

АРМАНДА, (*весело*). Ахъ! какъ я тебѣ благодарна!... но все таки, зачѣмъ ты женишься на Мартѣ!

—

VII.

ЛАФОРЕ, потомъ ЖЕРОМЪ.

ЛАФОРЕ. Господинъ Покеленъ! васъ тамъ спрашиваетъ какой-то смѣшной старикъ. Онъ говоритъ, что пришелъ отъ вашего батюшки.

ПОКЕЛЕНЪ. Отъ моего отца!... О! скорѣе! скорѣе! зови его. Друзья мои, простите моей радости! онъ вѣрно принесъ мнѣ отвѣтъ отъ моего отца. Я писалъ къ нему, просилъ его о прощеніи... Мнѣ еще нужно будетъ условиться съ вами о нашей поѣздкѣ въ Парижъ. Я съ часу на часъ ожидаю отвѣта. И если уже вы всѣ собрались ко мнѣ, то мы здѣсь можемъ сдѣлать наше сегоднишнее засѣданіе. Надѣюсь, что оно будетъ послѣднее! (*показывая дверь на право*) Здѣсь моя комната. Вы подождете меня! До свиданія. (*Всѣ уходятъ на право, Лафоре отворяетъ двери Жерому и уходитъ*).

ПОКЕЛЕНЪ, (*увидя входящаго Жерома*). Мой добрый гувернеръ!

ЖЕРОМЪ, (*бросаясь къ нему на шею*). Мой Жанъ-Батистъ!... милый мой воспитанникъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Вы ли это, мой бывшій наставникъ? Я не могу еще повѣрить своимъ глазамъ.

ЖЕРОМЪ. Да! да! Жанъ-Батистъ? Это я, дядя Жеромъ, какъ ты называлъ меня, бывшій профессоръ латинскаго языка, твой гувернеръ и учитель, прихожу къ новому Коріолану, бѣжавшему изъ родительскаго дома.

ПОКЕЛЕНЪ. Вы приходите ко мнѣ отъ имени моего отца?

ЖЕРОМЪ. По его приказанію, посланникомъ отъ всего сословія обойщиковъ, униженныхъ въ лицѣ твоемъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Униженныхъ!

ЖЕРОМЪ. То есть, я пересказываю тебѣ ихъ слова, а самъ я очень радъ увидѣть моего воспитанника — и нисколько не сержусь на него за то, что онъ сдѣлался актеромъ... нѣтъ, то есть, сержусь очень сержусь (Что ты тутъ врешь, старый дуракъ).

ПОКЕЛЕНЪ. Вы вѣрно принесли отвѣтъ отъ моего отца, о! скажите же, скажите скорѣе, простилъ ли онъ меня?

ЖЕРОМЪ. (Крѣпись! крѣпись старикъ!) Я приношу тебѣ послѣднія условія разгнѣваннаго твоего родителя. Откажись навсегда отъ театра! оставь своихъ сообщниковъ на этомъ погибельномъ

пути — и ты прощенъ, и все забыто и завтра же ты сдѣлаешься придворнымъ обойщикомъ и вся фамилія Покеленовъ будетъ гордиться тобою.

ПОКЕЛЕНЪ. Какъ! и вы, старый другъ мой! и вы тоже противъ меня.

ЖЕРОМЪ. Да! и я! что же дѣлать! ты смѣло можешь сказать: и ты, милый Брутъ, противъ меня, и ты!

ПОКЕЛЕНЪ. И вы возстаете противъ драматическаго искусства, вы, энтузіастъ великихъ писателей Греціи и Рима?

ЖЕРОМЪ. Что дѣлать! Родные твои всѣ упрекаютъ тебя, называютъ отступникомъ, еретикомъ, неблагодарнымъ; все твое семейство вооружилось на тебя и я долженъ былъ ѣхать сюда, объявить тебѣ его послѣднюю волю.

ПОКЕЛЕНЪ. И вы рѣшились на это?

ЖЕРОМЪ. Да! и долженъ сказать тебѣ, что писать стихи и комедіи есть дѣло губящее душу и сердце, что играть на сценѣ, значитъ преграждать себѣ путь въ небесную обитель, заблаговременно приготовлять себѣ мѣсто въ аду, что....

ПОКЕЛЕНЪ. Постойте, добрый другъ мой! не клевещите на самаго себя! это могутъ говорить люди непонимающіе высокаго званія писателя и актера, бича пороковъ. Вы не принадлежите къ числу этихъ вандаловъ, это неправда. Какъ! вамъ порицать комедіи, вамъ возставать противъ нихъ. А кто меня училъ восхищаться красотами Плавта и Теренція? Кто читалъ мнѣ съ такимъ увлекательнымъ жаромъ комедіи *Аристофана*. Кто плакалъ о томъ, что пьесы Менандра не дошли до потомства.

ЖЕРОМЪ. Да! сказать правду, славные люди были эти писатели, но я все-таки явился за тѣмъ, чтобы уговорить тебя бросить пагубное ремесло актера и комическаго писателя: сынъ мой! милый Жанъ-Батистъ! твое семейство...

ПОКЕЛЕНЪ. Мое семейство! Я не прошу его богатства, его имени, за что же оно хочетъ лишить меня моей славы?

ЖЕРОМЪ. Но я прошу тебя!... Ты образумишься!... И вѣдь подумаешь, что это я вбилъ ему въ голову любовъ къ театру?...

ПОКЕЛЕНЪ. Да! вы первые раскрыли передо мною всѣ богатства театра древнихъ. Вы такъ хорошо читали ихъ пьесы.

ЖЕРОМЪ. Да, правду сказать, я не дурно читалъ ихъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Скажите лучше, вы играли ихъ; при каждомъ новомъ лицѣ вы перемѣняли тонъ вашего голоса. Вы заставляли меня забывать, что я былъ простымъ ученикомъ; я воображалъ себя зрителемъ, римляниномъ, аѳинянином.

ЖЕРОМЪ. А я,... я всегда ставилъ себя на мѣсто актеровъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Помните, какъ вы даже играли вмѣстѣ съ нами на нашемъ домашнемъ театрѣ, послѣ классовъ?.. Вы не стыдились этого.

ЖЕРОМЪ. Мнѣ стыдиться? Ну да отчего-же!... Напротивъ, я этимъ гордился. Росціи—развѣ не былъ другомъ всѣхъ великихъ мужей,

Цицеронъ, Горацій развѣ не играли сами на театрѣ? Римскіе императоры развѣ не выходили на сцену передъ глазами всего народа?... И можетъ ли что нибудь быть лучше, благороднѣе, возвышеннѣе званіе актеровъ?... Вотъ тебѣ разъ, что я тутъ наговорилъ! хорошо я уговариваю его!...

ПОКЕЛЕНЪ. Но кто-же заставляетъ васъ говорить противъ себя, противъ собственнаго убѣжденія? Искусство краснѣетъ за васъ! За что вы лишаете его такого ревностнаго защитника!

ЖЕРОМЪ. Да что же въ самомъ дѣлѣ! Какъ это мнѣ не стыдно быть гонителемъ искусства, унижать званіе, которое я уважаю въ душѣ. Я уступилъ просьбамъ, обольщеніямъ — Но теперь я опровергаю все, что сказалъ — и первый говорю тебѣ: Жанъ-Батистъ! не оставляй никогда твоего прекраснаго поприща: ты сдѣлаешься на немъ великъ и славенъ—въ этомъ ручается твой другъ и наставникъ!...

ПОКЕЛЕНЪ. Благодарю васъ! Я чувствую: во мнѣ довольно силы бороться съ порокомъ — я не уступлю ему ни шагу!

ЖЕРОМЪ. Браво, браво! Мужайся Жанъ-Батистъ — а я, я отправлюсь назадъ и скажу твоимъ роднымъ, но нѣтъ.... я не отправлюсь къ нимъ. Они объявили мнѣ, что дверь ихъ будетъ навсегда заперта для меня, если я не успѣю тебя убѣдить возвратиться въ домъ отеческій.

ПОКЕЛЕНЪ. Но тогда что-же вы будете дѣлать? Я знаю, что у васъ нѣтъ ничего, что вы жили только пансіономъ, получаемымъ отъ моего отца.

ЖЕРОМЪ. Я отказался отъ него.

ПОКЕЛЕНЪ. Но за что-же они отказываютъ вамъ отъ дому?...

ЖЕРОМЪ. Они говорятъ, что я причиной того, что ты сдѣлался актеромъ.

ПОКЕЛЕНЪ. И тутъ моя вина! Но я не позволю вамъ окончить дни ваши въ недостаткѣ и бѣдности. Вы не откажетесь принимать отъ меня ежегодное пособіе. .

ЖЕРОМЪ. Откажусь, добрый мой Жанъ-Батистъ, непремѣнно откажусь! Совѣсть будетъ упрекать меня, что я даромъ принялъ отъ тебя кусокъ хлѣба.

ПОКЕЛЕНЪ. Отъ васъ зависитъ не даромъ принять его!

ЖЕРОМЪ. Понимаю — ты мнѣ хочешь дать какую нибудь должность при театрѣ. Говори, говори — я готовъ на все.

ПОКЕЛЕНЪ. Вы знаете наизустъ нашихъ лучшихъ авторовъ? —

ЖЕРОМЪ. Еще бы! всѣ роли до одной! О еслибъ я былъ актеромъ....

ПОКЕЛЕНЪ. Отчегоже вамъ и не быть имъ?

ЖЕРОМЪ. Какъ? что ты хочешь этимъ сказать?... Развѣ ты находишь...

ПОКЕЛЕНЪ. У васъ есть неподдѣльное дарованіе, много жару и комизма. Хотите-ли вы вступить въ мою труппу?

ЖЕРОМЪ. Мнѣ быть актеромъ! мнѣ!

ПОКЕЛЕНЪ. У васъ прекрасное дарованіе.

ЖЕРОМЪ. Ты тронулъ мое самолюбіе!... Я... я право не знаю.

ПОКЕЛЕНЪ. Соглашайтесь, прошу васъ! мы будемъ жить вмѣстѣ, вы никогда не оставите вашего воспитанника, имена наши вмѣстѣ перейдутъ въ потомство, вы будете спокойны и счастливы подъ конецъ вашей жизни. Вы возвысите собою званіе актера... добрый Жеромъ, согласны ли вы?

ЖЕРОМЪ. Жанъ-Батистъ!... Ты побѣдилъ! я перехожу Рубиконъ, обними твоего новаго собрата (*бросается въ его объятія*).

—

VIII.

ПОКЕЛЕНЪ, ЖЕРОМЪ, АРМАНДА.

АРМАНДА, (*входя*). Прости меня, Покеленъ, что я помѣшала твоему разговору, но мнѣ было очень нужно видѣть тебя...

ПОКЕЛЕНЪ. О! извини меня милая Арманда! я теперь такъ доволенъ! Мнѣ удалось побѣдить моего друга — врага! Рекомендую тебѣ нашего новаго товарища.

АРМАНДА. Какъ? этотъ господинъ вступаетъ въ нашу труппу.

ЖЕРОМЪ. Да прелестная сирена! я рѣшаюсь вступить на это скользкое поприще...

АРМАНДА. Особливо для васъ! если вы упадете на немъ, то ужъ вѣрно не встанете...

ПОКЕЛЕНЪ. Арманда! ты видишь передъ собою моего стараго гувернера. Надѣюсь, что ты поняла послѣ этого, что всякая насмѣшка надъ нимъ падаетъ на меня самаго. Пойдемте, любезный Жеромъ. Я представлю васъ нашимъ товарищамъ.

АРМАНДА. Но я хотѣла поговорить съ тобою, Покеленъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Я сей-часъ вернуся! пойдемте мой добрый профессоръ.

ЖЕРОМЪ. Aut Caesar aut nihil! (*уходитъ съ Покеленомъ*).

АРМАНДА, (*одна*). Разсердился! онъ и не подозрѣваетъ, о чемъ я хочу говорить съ нимъ... Но я рѣшаюсь, я должна его оставить, оставить навсегда. Чувствую, что я люблю его и не снесу присутствія его жены, его Марты. Я буду ненавидѣть ее, стараться вредить ей! О, положеніе мое ужасно!

—

IX.

АРМАНДА, ГЕНРИХЪ ДЕ-ГИШЪ.

ГЕНРИХЪ, (*входя въ боковыя двери*). Она! Боже мой! Какое счастіе! О! сама судьба покровительствуетъ мнѣ! (*бѣжитъ и бросается къ ногамъ ея*) Арманда! божественная Арманда! я снова вижу тебя.

АРМАНДА. Ахъ, Боже мой! я вижу! какъ вы меня испугали; что это значитъ!

ГЕНРИХЪ. Ничего! не пугайся, я обожаю тебя до сумасшествія, я влюбленъ въ тебя до глупости...

АРМАНДА. Да вѣдь это все одно и тоже!

ГЕНРИХЪ. Разумѣется! но вѣдь и любовь отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ одно и тоже.

АРМАНДА. Конечно! чего-же, однако, вамъ отъ меня угодно! и что значитъ этотъ новый способъ здороваться съ людьми, бросаясь передъ ними на колѣна? говорить *ты* незнакомой женщинѣ?

ГЕНРИХЪ. Развѣ ты не узнаешь меня?

АРМАНДА. Помнится, что я васъ видѣла въ театрѣ; вы всегда аплодируете мнѣ съ такимъ шумомъ и жаромъ, что мнѣ даже жаль вашихъ бѣдныхъ сосѣдей.

ГЕНРИХЪ. Стало быть, ты замѣтила меня! О! я счастливъ! невыразимо счастливъ! я только этого и добивался; я слѣдую за тобой вездѣ, жду тебя у подъѣзда, провожаю тебя домой, бываю всякій разъ въ театрѣ, когда ты играешь, и чтобы имѣть случай видѣть тебя еще чаще, всякій день — я рѣшился идти въ актеры.

АРМАНДА. Вы съ ума сошли!

ГЕНРИХЪ. Да, мнѣ и самому это кажется: но вѣдь и въ этомъ тоже ты виновата; я не могу жить безъ тебя — и рѣшился изъ любви сдѣлаться актеромъ. Играть вмѣстѣ съ тобою—это такое блаженство, выше котораго нѣтъ ничего въ мірѣ, говорить тебѣ на сценѣ: люблю! и слышать, какъ ты мнѣ отвѣчаешь: и я тоже...

АРМАНДА. Да! если суфлеръ не позабудетъ мнѣ объ этомъ напомнить, потому что я всегда плохо знаю свои роли... неужели, однако, вы не шутя хотите вступить на сцену?

ГЕНРИХЪ. Какія тутъ шутки? я вижу что не могу жить безъ тебя и безъ театра — и непремѣнно буду актеромъ, хоть только для того, чтобы сдѣлать что нибудь на зло моему почтенному воспитателю, синьору Тартюфолли, который боится театра больше ада и мучитъ меня безжалостнѣе чорта — право!

АРМАНДА. Но ваше званіе, ваше имя, ваши родныя, ваши обязанности!

ГЕНРИХЪ. Мое званіе — мученикъ синьора Тартюфолли! имя — Генрихъ де Гишъ, званіе — сынъ министра; но мнѣ отъ

этого вѣдь нисколько не легче, батюшка не хотѣлъ представить меня ко двору, говоря, что я еще слишкомъ молодъ и послалъ меня путешествовать съ моимъ наставникомъ, какъ онъ говоритъ, для образованія ума и сердца. Я пріѣхалъ въ Ліонъ, увидѣлъ прекрасную Арманду и рѣшился пріобрѣсть любовь ея и славу на театральныхъ подмосткахъ. Эта идея пришла мнѣ въ голову вдругъ сегодня ночью; я тотчасъ же распросилъ, кто директоръ труппы, гдѣ живетъ онъ и бросился сюда, чтобъ просить позволенія дебютировать въ ролѣ твоего любовника. Меня ничто не связываетъ, у меня нѣтъ никакихъ обязанностей, кромѣ двухъ: любить тебя и бѣсить Тартюфолли.

АРМАНДА. А сколько вамъ лѣтъ, мой страстный поклонникъ?

ГЕНРИХЪ. 20 лѣтъ 2 мѣсяца и 16 дней. Но, несмотря на мою молодость, я все испыталъ, перешелъ черезъ всѣ бурныя волненія страстей, перегорѣлъ въ ихъ раскаленномъ горнилѣ, давно уже разочаровался.

АРМАНДА. Это и видно! Знаете что, вы были бы въ самомъ дѣлѣ прекраснымъ актеромъ. Вы съ такою увѣренностью разсказываете то, чего никогда не чувствовали, что, право, подаете большія надежды.

ГЕНРИХЪ. О! не шути надъ моей страстью, жестокая! Я снова падаю къ ногамъ твоимъ! Сжалься надо мною! Позволь мнѣ любить тебя...

АРМАНДА. Да развѣ я могу вамъ запретить это?

ГЕНРИХЪ, (*вскакивая съ колѣнъ.*) Такъ ты позволяешь? О прелестная дѣва! стало быть я смѣю надѣяться.

АРМАНДА, (*вырывая руку свою.*) Это ужъ слишкомъ, господинъ Генрихъ де Гишъ! Развѣ вы думаете, что съ актрисою вельможа можетъ дѣлать все, что ему вздумается?

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ! нѣтъ! Напротивъ, актриса можетъ дѣлать съ вельможею все, что ей вздумается. Я люблю тебя искренно! и въ доказательство предлагаю тебѣ мою руку, мое имя, мое состояніе.

АРМАНДА. Это ужъ переходитъ границы шутки. Если я поймаю васъ на словѣ и соглашусь выдти за васъ замужъ....

ГЕНРИХЪ. Я буду счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! О! несравненная! снова! то есть, въ третій разъ падаю на колѣна передъ тобою и взываю къ тебѣ: рѣши судьбу мою!

—

X.

АРМАНДА, ГЕНРИХЪ, ПОКЕЛЕНЪ.

ПОКЕЛЕНЪ, (*входя.*) Что это значитъ? Изъ какой пьесы разыгрываетъ сцену моя прекрасная Арманда?

АРМАНДА. Да! я взяла на себя роль, отъ которой бы вѣрно

отказались всѣ мои подруги: роль непреклонной красавицы, которая отказывается отъ руки и состоянія богатаго и прекраснаго вельможи, потому-что любитъ актера. (*уходитъ.*)

ПОКЕЛЕНЪ. Она любитъ меня. Я давно знаю это! А я... О! отчего человѣкъ не можетъ по произволу управлять своими чувствами.

ГЕНРИХЪ. Она любитъ актера, сказала она! Актриса любитъ актера—на что-же это похоже. Это противно всѣмъ условіямъ свѣта, въ которомъ уже всегда такъ водится, чтобы актрисъ любили вельможи, а актеровъ жены вельможъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Позвольте узнать мнѣ, государь мой, зачѣмъ же любовь къ Армандѣ привела васъ ко мнѣ: развѣ вы не могли сдѣлать ей любовнаго объясненія у нея въ домѣ. Или вы думали, что директоръ трупы долженъ васъ благословить въ концѣ сцены, какъ это всегда бываетъ въ комедіяхъ?

ГЕНРИХЪ. А, вы директоръ трупы! тѣмъ лучше! очень радъ! Я шелъ къ вамъ и объясненіе это сдѣлалъ мимоходомъ, встрѣтясь здѣсь съ прекрасною Армондаю. Не одна любовь къ ней горитъ въ моемъ сердцѣ. Оно наполнено также любовью къ театру. Я хочу поступить въ актеры.

ПОКЕЛЕНЪ. Вы? поступить въ актеры?

ГЕНРИХЪ. Чему-жъ вы удивляетесь? Развѣ вы думаете, что я буду плохимъ актеромъ? Увѣряю васъ, что у меня большія способности. Когда я, бывало, ребенкомъ игралъ въ наши домашніе спектакли Эдипа или Брута, такъ всѣ плакали отъ восторга! Я чувствую необыкновенную страсть къ театру. Какъ весело выдти на сцену въ красной тогѣ, гордо завернуться въ нее и закричать такъ, чтобы у всѣхъ въ ушахъ зазвенѣло: «Ты! ты злодѣй!» Только предупреждаю васъ, что я стану играть однѣ первыя роли, другихъ и не давайте мнѣ, да и то не въ трагедіяхъ Корнелья. Онъ писалъ такой вздоръ. Его *Сидъ* по мнѣ сущая глупость.

ПОКЕЛЕНЪ. Чего же вы ищете въ вашемъ званіи? славы — она покупается дорогою цѣною! и то не всегда публика поймetъ и оцѣнитъ талантъ актера. Если онъ, убитый горестью, вызываетъ звуки изъ глубины своего сердца, если онъ холодно передаетъ страданія души своей — публика молчитъ, не слушаетъ и не замѣчаетъ его. Она разражается оглушительнымъ аплодисманомъ только тогда, когда онъ, закинувъ голову, раздвинувъ ноги и поднявъ руки, зареветъ какую-нибудь безтолковую тираду. Много ли найдете вы въ нашемъ театрѣ истинныхъ знатоковъ и любителей искусства? кто господствуетъ въ немъ? глупая и пустая толпа, которая не понимаетъ идеи пьесы и хлопаетъ только однимъ убійствамъ и бѣганью по сценѣ.

ГЕНРИХЪ. Что мнѣ до публики; я буду играть для самаго себя. Съ пламенной любовью къ моему искусству, буду я всякій ве-

Ленингр... БИБЛИОТЕКА

черъ всходить на подмостки театра, въ своей роли буду находить отраду и утѣшеніе.

ПОКЕЛЕНЪ. И вы горько ошибетесь! зависть, заботы жизни, безпокойство, холодность публики — убьютъ въ васъ всякую любовь къ искусству. Вы хотите всегда выходить на сцену съ любовью въ душѣ—а почему вы знаете, что въ тотъ вечеръ, когда вы будете забавлять публику въ какомъ нибудь жалкомъ фарсѣ, судьба не пошлетъ вамъ горя и несчастія, что вы, растерзанные въ глубинѣ души, должны смѣяться въ то время, когда сердце ваше обливается кровью. Вамъ заплатила она, эта безжалостная публика, за то, чтобы вы смѣшили ее на сценѣ — и что ей за дѣло, что въ этотъ же вечеръ васъ обманула ваша жена, или умеръ вашъ лучшій другъ. Играйте, смѣйтесь, кривляйтесь — и за всѣ ваши мученія вы, можетъ быть, будете освистаны, обруганы, закиданы гнилыми яблоками, потому-что публикѣ это угодно, потому-что она заплатила деньги за то, чтобы имѣть право ругать васъ, если ей это вздумается. Вы хотите быть актеромъ — забудьте же, что вы человѣкъ — не знайте ни человѣческихъ радостей, ни огорченій; будьте равнодушны, холодны ко всему, что не касается до вашей роли и если вы хоть на минуту забудете ее и выскажете людямъ ваши истинныя чувства, желанія, страсти, мысли, люди не повѣрятъ вамъ! Падите къ ногамъ красавицы—излейте передъ ней всю вашу душу, всю любовь свою и она отвѣтитъ вамъ: какой вы славной актеръ! бросьтесь на грудь къ вашему другу, увѣрьте его, что вы готовы отдать жизнь на жертву святой и чистой страсти дружбы и онъ непремѣнно спроситъ въ душѣ своей: изъ какой это трагедіи.

ГЕНРИХЪ. Признаться, картина эта весьма неутѣшительна и мнѣ кажется, что ремесло актера не такъ завидно, какъ я сначала его представлялъ себѣ.

ПОКЕЛЕНЪ. Я представилъ вамъ положеніе актера въ отношеніи къ публикѣ, къ другимъ людямъ — но посмотрите на него, когда онъ у себя дома, въ кругу его собратій, такихъ же актеровъ, какъ и онъ самъ. Зависть, интриги, сплетни, клевета, недоброжелательство, споры — вотъ вамъ жизнь актера! Хотите ли знать, что съ нимъ бываетъ послѣ смерти, часто ранней и безвременной. Та толпа, которая наканунѣ хлопала ему съ восхищеніемъ, отказываетъ ему въ христіанскомъ погребеніи. Она ругается надъ гробомъ того, кого, можетъ быть, сама свела въ этотъ бѣдный гробъ, который долженъ пріютиться гдѣ нибудь въ уголку кладбища, далеко отъ остальныхъ людей. И когда, послѣ смерти, всѣ люди становятся прахомъ—актеръ все-таки остается актеромъ.

ГЕНРИХЪ. Это ужъ ни на что не похоже!

ПОКЕЛЕНЪ. Но я еще не говорилъ вамъ о матеріальныхъ удовольствіяхъ нашего званія: насъ гоняютъ изъ города въ городъ, какъ зачумленныхъ; бѣдность, самая тяжкая бѣдность ча-

сто преслѣдуетъ актера. На сценѣ королевскій пиръ, а за кулисами кусокъ хлѣба, смоченный слезами досады и горя! на плечахъ царская порфира, а подъ нею нѣтъ даже рубашки! и вотъ вамъ жизнь и смерть актера! Теперь протяните руку вашему собрату и вступите въ это завидное званіе.

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ! чортъ возьми! покорно васъ благодарю! вы сдѣлали мнѣ такое описаніе, что у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Слуга покорный! я ужъ никакъ не пойду въ актеры. Развѣ, если придется изъ двухъ золъ выбирать меньшее и если синьоръ Тартюфолли захочетъ сдѣлать изъ меня іезуита, только въ такомъ случаѣ я пойду въ актеры. Вы, однако-же, человѣкъ благородный. Вмѣсто того, чтобы заманить меня въ свою труппу, вы старались показать мнѣ всѣ невыгоды вашего званія. И я дамъ вамъ за это добрый совѣтъ. Вы хорошій актеръ, но драматическимъ писателемъ вамъ не быть никогда. Вчера играли вашу комедію: *Вытренникъ*, это—сказать вамъ откровенно—ужасный вздоръ. Играйте лучше сами и не принимайтесь писать пьесы. Я говорю вамъ, какъ другъ—изъ васъ рѣшительно ничего не выдетъ! (*идетъ къ дверямъ, но сталкивается въ нихъ съ Тартюфолли*).

—

XI.

ТАРТЮФОЛЛИ, ГЕНРИХЪ, ПОКЕЛЕНЪ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Что это! мой воспитанникъ!

ГЕНРИХЪ. Мой гувернеръ! попался я!

ТАРТЮФОЛЛИ. За чѣмъ вы здѣсь, у этого человѣка, у поношенія рода человѣческаго?

ПОКЕЛЕНЪ. Это вашъ воспитанникъ, господинъ Тартюфолли, поздравляю! у него есть прекрасное расположеніе, хорошіе способности! онъ сейчасъ просилъ меня, чтобы я принялъ его въ свою труппу.

ТАРТЮФОЛЛИ. Какъ? мой воспитанникъ... онъ... актеромъ!

ГЕНРИХЪ. Да! почтеннѣйшій мой наставникъ! не видать бы вамъ меня, если бы не этотъ добрый и почтенный человѣкъ, который отговорилъ меня идти въ актеры! (*уходитъ*).

ТАРТЮФОЛЛИ. И вы... и онъ сдѣлалъ это?

ПОКЕЛЕНЪ. Неужели вы думаете, что всѣ похожи на васъ, синьоръ Тартюфолли? Неволей вербуютъ только въ іезуиты.

ТАРТЮФОЛЛИ. Вы хотите прославиться своимъ великодушіемъ, но я вижу цѣль, съ которою вы все это сдѣлали: въ этомъ случаѣ зависть руководила вашимъ поступкомъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Зависть?

ТАРТЮФОЛЛИ. Да зависть, потому-что вы видѣли талантъ моего воспитанника и боитесь, чтобы онъ не сталъ выше васъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Благодарю васъ!

ТАРТЮФОЛЛИ. За правду?

ПОКЕЛЕНЪ. Нѣтъ, за знакомство съ вами. Чѣмъ чаще я вижу васъ, тѣмъ больше увѣряюсь въ той истинѣ, что главная, отличительная черта человѣка отъ животныхъ состоитъ въ томъ, что онъ изъ всего прекраснаго можетъ извлекать худое, изъ роскошнаго цвѣтка ядъ, а изъ добраго поступка — черныя побужденія.

ТАРТЮФОЛЛИ. Ха! ха! ха! Какія громкія фразы. По счастію, они въ устахъ такого человѣка, какъ вы, не могутъ быть для меня оскорбительны... я знаю, кто вы такой!

ПОКЕЛЕНЪ. А! въ такомъ случаѣ вы знаете больше, чѣмъ я, потому-что я до сихъ поръ еще самъ хорошенько не узналъ себя.

ТАРТЮФОЛЛИ. Такъ я постараюсь другихъ познакомить съ вами, я ужъ послалъ за вашей невѣстой. Вотъ кстати и она.

XII.

ПОКЕЛЕНЪ, ТАРТЮФОЛЛИ, МАРТА, ЛАФОРЕ, потомъ АРМАНДА, ЖЕРОМЪ. ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ, АКТЕРЫ.

МАРТА, (*входя*). Отецъ мой, вы перепугали меня! что такое хотѣли вы объяснить мнѣ? что случилось?

ТАРТЮФОЛЛИ. О! когда я подумаю, что безъ меня ты бы навсегда пала въ бездну преступленія, сдѣлалась жертвою ада!..

МАРТА. Боже мой! какая опасность угрожаетъ мнѣ?

ТАРТЮФОЛЛИ. Постой, дитя мое! позволь мнѣ прежде принести теплую молитву Богу за твое спасеніе (*складываетъ руки на груди и опускаетъ голову*).

ПОКЕЛЕНЪ, (*пораженный*). Ахъ! какая прекрасная идея!.. Лицемѣръ... ханжа... обманываетъ всѣхъ... хочетъ обольстить жену своего благодѣтеля... обкрадываетъ его...

МАРТА. Что съ вами, милый Покеленъ? отчего вы такъ пристально смотрите на Тартюфолли, что такое видите вы?

ПОКЕЛЕНЪ. Комедію! прекрасную комедію въ 5-ти актахъ, въ стихахъ.

ЛАГРАНЖЪ, (*который вошелъ въ началѣ сцены*). А названіе ея?

ПОКЕЛЕНЪ. *Тартюфъ* или *Лицемѣръ*!.

МАРТА. Что все это значитъ?

ДЮПАРКЪ. Чтоже ты, Покеленъ? мы давно тебя дожидаемся.

ЖЕРОМЪ. Ахъ, Жанъ-Батистъ, что это все за славные люди твои товарищи.

АРМАНДА. О чемъ такъ задумался, Покеленъ?

МАРТА. Боже мой? что я вижу! чего хотятъ отъ него эти люди? кто они такіе? (*схватываетъ за руку Тартюфолли*). Отецъ мой! объясните мнѣ все это... сердце мое замираетъ!

ТАРТЮФОЛЛИ. Да! дочь моя! пути Всевышняго неисповѣдимы! онъ послалъ меня грѣшнаго спасти тебя отъ сѣтей діавола, отъ вѣчныхъ мукъ. Знаешь ли ты, кто этотъ человѣкъ, за котораго ты хотѣла выдти замужъ?..

ЛАФОРЕ. Да перестанете ли вы мучить бѣдную госпожу Марту, видите, она чуть на ногахъ держится. Ну, говорите скорѣе, кто онъ такой — вѣдь ужъ вѣрно не хуже васъ.

ТАРТЮФОЛЛИ. Онъ... этотъ человѣкъ!.. Нѣтъ, что я говорю— онъ не человѣкъ — онъ актеръ!

МАРТА. Актеръ! (*падаетъ на стулъ*). О! это ужасно!

ПОКЕЛЕНЪ. Что съ вами сдѣлалось, Марта? неужели мое званіе такъ пугаетъ васъ, неужели вы до сихъ поръ не знали его? Еще сегодня утромъ я началъ говорить вамъ о моемъ положеніи, о моихъ надеждахъ.

МАРТА. Но вы не кончили; намъ помѣшали! О! я вѣрю, что вы нисколько не виноваты, что это случай, судьба... но, Боже мой, Боже мой! зачѣмъ вы сдѣлались актеромъ?..

ПОКЕЛЕНЪ. Марта! что значитъ это! Неужели одно пустое названіе перемѣнило ваши мысли? неужели вы ненавидите меня.

МАРТА. Не васъ! нѣтъ! не васъ — а это званіе... Я воспитана въ строгихъ правилахъ, Покеленъ! мнѣ съ младенчества внушали ужасъ къ актерамъ. Еще ребенкомъ я считала смертнымъ грѣхомъ играть на театрѣ—и съ тѣхъ поръ... Покеленъ! простите меня! я дала слово моей умирающей матери свято сохранять всѣ наставленія ея, все, чему учили меня въ молодости, а мать моя часто говорила мнѣ: бойся прежде всего лукаваго, а потомъ актеровъ! Сожалѣйте обо мнѣ, но не проклинайте меня — я не могу выдти за васъ замужъ!..

ПОКЕЛЕНЪ. Люди! люди! за что вы разрушаете мое счастье?.. за что преслѣдуете вы бѣднаго Покелена?.. Все кончено. Я любилъ васъ, Марта! я до сихъ поръ еще люблю васъ—но гордость не позволитъ мнѣ умолять васъ. Мы не созданы другъ для друга, вы бы никогда не поняли ни меня, ни моихъ идей, ни моей любви! Богъ съ вами! идите по пути, которому привыкли слѣдовать съ самаго дѣтства, вѣрьте свято всѣмъ предразсудкамъ младенчества, мы больше никогда не увидимся!

ТАРТЮФОЛЛИ. Кажется! тѣмъ больше, что здѣсь вамъ запрещено играть, а вотъ и еще сейчасъ пришло изъ Парижа

письмо подъ королевской печатью, адресованное на имя господина Покелена, директора труппы. Не знаю, какимъ образомъ сдѣлались вы извѣстнымъ даже въ Парижѣ, но увѣренъ, что оно заключаетъ приказаніе удалиться куда нибудь подальше отъ Ліона, можетъ быть, даже совсѣмъ изъ Франціи. Не угодно ли вамъ получить его? (*отдавая письмо Покелену*). Я взялъ его прямо изъ рукъ курьера, чтобы имѣть самому удовольствіе вручить вамъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Покорно васъ благодарю! (*прочитавши, къ актерамъ*). Друзья мои! поздравляю васъ! намъ позволено пріѣхать въ Парижъ и давать тамъ представленія на театрѣ въ Пале-Ройялѣ. Вотъ и привиллегія, подписанная нашимъ добрымъ государемъ.

АКТЕРЫ. Виватъ!

ПОКЕЛЕНЪ. Еще разъ благодарю васъ за то, что вы сами поторопились принести мнѣ пріятное извѣстіе.

ЛАФОРЕ. Вотъ же тебѣ, старый лицемѣръ!

ПОКЕЛЕНЪ. Теперь, друзья, въ Парижъ! тамъ ожидаетъ насъ слава! тамъ конецъ нашему странствованію, тамъ мы будемъ счастливы и довольны!..

МАРТА. Покеленъ! ты оставляешь меня!..

ПОКЕЛЕНЪ. Ты сама этого желала, Марта.

МАРТА. Но есть еще средство!.. откажись отъ этого ужаснаго званія и тогда...

ПОКЕЛЕНЪ. Марта! посмотри на этихъ людей! Многіе изъ нихъ покинули свои семейства и родимые города и послѣдовали за мною. Я клялся до конца не оставлять ихъ, дѣлить съ ними радость и горе, я обѣщалъ имъ славу и спокойствіе. И ты хочешь, чтобы я обманулъ ихъ, чтобы я пожертвовалъ ими пустому предразсудку ребячества. Марта! Марта! и любовь имѣетъ свои границы, и она не извиняетъ нарушенія обѣщаній!..

МАРТА. О Боже мой! какъ я несчастна! (*закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

ЛАФОРЕ. Нѣтъ! это ни на что не похоже! поступать этакъ съ такимъ человѣкомъ! Богъ вамъ судья, сударыня, а я не могу перенести этого! Оставайтесь вы съ своимъ іезуитомъ, а я не могу видѣть его и пойду лучше къ актерамъ (*идетъ къ Покелену и присѣдаетъ передъ нимъ*) Господинъ Покеленъ, возмите меня къ себѣ, мнѣ до смерти надоѣло быть служанкою.

ПОКЕЛЕНЪ. Съ охотою, добрая Лафоре. И такъ, друзья мои, мы завтра же отправляемся всѣ вмѣстѣ въ Парижъ!

АРМАНДА. Нѣтъ, не всѣ, Покеленъ! я пришла проститься съ тобою.

ПОКЕЛЕНЪ. Ты оставляешь меня, Арманда, за что-же?

АРМАНДА. Ты хотѣлъ жениться, Покеленъ, и я....

ПОКЕЛЕНЪ. Но вѣдь теперь я не женюсь больше?..

АРМАНДА. Это правда, но рано или поздно ты сдѣлаешь это, и тогда я должна же буду оставить тебя, а тогда я, можетъ быть, еще больше привыкну къ тебѣ и мнѣ еще труднѣе будетъ съ тобою разстаться.

ПОКЕЛЕНЪ. Я понимаю тебя, Арманда! ты любишь меня, а я... Арманда, хочешь ли ты принять мою руку и мое сердце, которое постарается забыть неблагодарную?

АРМАНДА. О Покеленъ! *(бросается къ нему въ объятія).*

МАРТА. Нѣтъ! я не могу перенести моей тоски. Покеленъ! Покеленъ, я согл.... *(хочетъ броситься къ нему)*

(Тартюфолли схватываетъ ее за руку и показываетъ ей на Арманду, лежащую въ объятіяхъ Покелена; Марта въ отчаяніи опирается на стулъ.)

МАРТА. Нѣтъ! это невыносимо! отецъ мой! я отдаю все мое имущество вашему ордену и иду въ монастырь.

ТАРТЮФОЛЛИ. Доброе дѣло! дочь моя! А я именемъ ордена принимаю твое имѣніе!

(Марта бросается къ двери и останавливается, вскричавъ: Покеленъ! *Онъ вздрагиваетъ, и взглянувъ на нее холодно, кланяется. Она закрываетъ лицо руками. Онъ бросается къ ней, падаетъ на колѣна и цѣлуетъ ея руки. Она вырывается и убѣгаетъ. Тартюфолли уходитъ за нею.)*

ПОКЕЛЕНЪ. О! друзья мои! скорѣе! скорѣе въ Парижъ! Тамъ, можетъ быть, я позабуду все на свѣтѣ, кромѣ моего театра, тамъ, можетъ быть, успѣю я получить прощеніе моего отца...

ЖЕРОМЪ. Бѣдный Покеленъ! вѣдь я давича и позабылъ сказать тебѣ, что отецъ твой запретилъ тебѣ носить его родовое имя, если ты останешься актеромъ.

ПОКЕЛЕНЪ. Какъ? они отнимаютъ у меня все, даже имя! О! я составлю себѣ другое, и оно перейдетъ въ потомство!... Друзья мои, съ этихъ поръ я называюсь — *Мольеромъ!*

ВСѢ. Да здравствуетъ Мольеръ! виватъ!

(занавѣсъ опускается).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Первое представленіе Тартюфа.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

МОЛЬЕРЪ.
АРМАНДА, жена его.
ТАРТЮФОЛЛИ.
ШАПЕЛЬ, другъ Мольера, писатель.
ЛАФОРЕ, служанка Мольера.
МАРТА } сестры милосердія.
КЛАРА }
ЖЕРОМЪ }
ЛАГРАНЖЪ } актеры.
ДЮПАРКЪ }
Актеры и актрисы, народъ, слуги Мольера.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ 1657 г.

—

I.

Комната Мольера, въ театрѣ Пале-Рояля. Въ глубинѣ дверь выходящая на терассу; двери по срединѣ и по бокамъ. **МОЛЬЕРЪ** *сидитъ у стола и читаетъ.* **ЛАФОРЕ** *слушаетъ его, облокотившись на щетку.*

МОЛЬЕРЪ, (*кладя на столъ тетрадь*). И конецъ! Ну что, каково?

ЛАФОРЕ. Удивительно! откуда только это у васъ берется? давно ли вы мнѣ разсказывали сюжетъ вашего Скупаго, а поглядишь: ужъ онъ и оконченъ. Скоро же вы его написали.

МОЛЬЕРЪ. Ну, а конецъ какъ тебѣ кажется? хорошо ли будетъ такъ кончить: «а я пойду посмотрѣть на мою любезную шкатулку.»

ЛАФОРЕ. Да! вы все таки писали всю піесу для скупаго, такъ нъ у васъ и долженъ кончить піесу. Она будетъ имѣть большой успѣхъ.

МОЛЬЕРЪ. Ты думаешь?

ЛАФОРЕ. О! я въ этомъ увѣрена! Я удивляюсь только тому, что вы можете думать о другомъ въ день перваго представленія нашего Тартюфа.

МОЛЬЕРЪ. Если сказать правду, такъ я нарочно стараюсь позабыть о томъ, и заняться чѣмъ нибудь другимъ, постороннимъ. Не забудь, что я цѣлые три года хлопоталъ, чтобы его позволили играть, и только теперь получилъ разрѣшеніе.

ЛАФОРЕ. Однако, вѣдь и теперь могутъ остановить, если только захотятъ, представленіе нашей піесы. Вы получили лично словесное позволеніе Короля, но Президентъ королевскаго суда въ правѣ потребовать письменнаго.

МОЛЬЕРЪ. Онъ этого не сдѣлаетъ.

ЛАФОРЕ. Непремѣнно сдѣлаетъ; онъ васъ терпѣть не можетъ.

МОЛЬЕРЪ. Но я, на всякій случай, отправилъ моего добраго Жерома въ Лиль, гдѣ теперь Король, и онъ привезетъ мнѣ позволеніе. Я совершенно спокоенъ на этотъ счетъ и боюсь только одного, чтобъ Тартюфъ не упалъ.

ЛАФОРЕ. Помилуйте, я вамъ ручаюсь! Чего-жъ вамъ еще больше?

МОЛЬЕРЪ. Да! я тебѣ обязанъ многими вѣрными замѣчаніями. Лафоре, ты помогла мнѣ создать въ Тартюфѣ важную роль Дорины— и я всегда буду совѣтоваться съ тобою, хотя всѣ смѣются надъ этимъ и въ томъ числѣ жена моя и другъ мой Шапель.... (*на порогѣ комнаты показываются Шапель и Арманда. Они смѣются.*) Ну вотъ, неправду ли я говорилъ?

—

II.

ЛАФОРЕ, МОЛЬЕРЪ, АРМАНДА, ШАПЕЛЬ.

ШАПЕЛЬ. Браво, Мольеръ! Какой у тебя славный совѣтникъ.

ЛАФОРЕ. Покорно васъ благодарю.

АРМАНДА. Знаешь ли, другъ мой, что это не хорошо, что объ этомъ говоритъ цѣлый городъ. Принимать совѣты служанки — гдѣ это видано?

МОЛЬЕРЪ. А съ кѣмъ же прикажете мнѣ совѣтоваться, сударыня? Госпожа Мольеръ цѣлый день занимается своими нарядами, а другъ мой Шапель часто бываетъ въ такомъ положеніи, что самъ не понимаетъ никакихъ совѣтовъ.

АРМАНДА. Господинъ Шапель, кажется онъ про васъ говоритъ?

ШАПЕЛЬ. И про васъ то же, госпожа Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ. Мнѣ нечего говорить про госпожу Мольеръ — она знаетъ, что я считаю совершенно излишнимъ дѣлать ей какія бы

то ни было замѣчанія. Но тебѣ, другъ мой, старый товарищъ Клермонской Коллегіи, котораго отыскалъ я по пріѣздѣ въ Парижъ, тебѣ мой умный поэтъ-весельчакъ Шапель я бы совѣтовалъ не слишкомъ дружиться съ Бахусомъ. Парижскіе трактиры не дорога въ Академію.

ШАПЕЛЬ. Да что ты сегодня такъ нападаешь на меня. Развѣ и я долженъ быть академикомъ, потому что ты имъ будешь сдѣланъ. Когда я бываю пьянъ, то считаю себя счасливѣйшимъ человѣкомъ, а я тогда вижу двухъ Мольеровъ! Желалъ бы, чтобъ и вся Франція видѣла тоже самое!

АРМАНДА. Полноте оправдываться, Шапель! Развѣ вы не видите, что господинъ Мольеръ теперь не въ духѣ, оттого, что мы помѣшали его бесѣдѣ съ служанкой. Извинитесь лучше, что мы не во время пришли, и уйдемте, чтобы не прерывать интереснаго разговора. (*Она хочетъ уйти, Мольеръ дѣлаетъ движеніе, чтобы остановить ее и говоритъ трепещущимъ голосомъ:*) Арманда!

АРМАНДА. (*сухо*) Что вамъ угодно!

МОЛЬЕРЪ. Я хотѣлъ бы поговорить съ тобою.

АРМАНДА. Говорите! я васъ слушаю!

ШАПЕЛЬ. (*Лафоре*) Мы, кажется, будемъ здѣсь лишними! (*уходитъ съ нею*).

МОЛЬЕРЪ. Арманда! неужели опять я долженъ буду просить у тебя прощенья?

АРМАНДА. А неужто я у васъ? Вы сегодня съ перваго слова обидѣли меня, сказавши, что я занимаюсь одними нарядами.

МОЛЬЕРЪ. А развѣ это неправда, Арманда? Развѣ рѣдко случается, что мы видимся съ тобою только въ театрѣ?

АРМАНДА. Кто же въ этомъ виноватъ? Не сами ли вы проводите цѣлый день съ нашей служанкой.

МОЛЬЕРЪ. Арманда!

АРМАНДА. Да, сударь, да! Вы любите, чтобъ за вами ухаживали, вамъ угождали, но если служанка заступаетъ для васъ мѣсто жены, то будьте увѣрены, что жена никогда не заступитъ мѣста служанки.

МОЛЬЕРЪ. Арманда! Это уже слишкомъ...

АРМАНДА. Вы сами принуждаете меня говорить истину. Вы, сударь, эгоистъ. Требуете, чтобы только вамъ угождали, а сами!... думаете ли вы о женѣ своей?—нисколько! Вы заботитесь только объ успѣхѣ вашихъ пьесъ, о славѣ вашей. А какое мнѣ дѣло, что вы великій человѣкъ; мнѣ нуженъ мужъ, а не писатель; понимаете ли вы это? Не думаете ли вы, что для женщинъ довольно того, что другіе будутъ удивлятся ея мужу? Я выходила замужъ за васъ, а не за вашу геніальность, за человѣка, а не за его литературную извѣстность. Меня зовутъ теперь женою Мольера, но право мнѣ кажется, все равно, если бы меня звали женою Горація

или Цицерона, потому что я имѣю счастіе носить одно имя моего знаменитаго супруга, который нисколько не любитъ меня.

МОЛЬЕРЪ. Арманда, ты несправедлива ко мнѣ. Я не люблю тебя? Малѣйшее желаніе твое для меня законъ. Отказывалъ ли я тебѣ въ чемъ нибудь? за что же ты упрекаешь меня? я тружусь и пишу для тебя. Мнѣ отрадно и сладко положить къ ногамъ твоимъ труды мои, увѣнчанные успѣхомъ, принести тебѣ въ даръ восторги и похвалы людей. Ты смѣло можешь радоваться моимъ успѣхамъ. Слава не мѣшаетъ любви, а я, еслибъ ты знала, какъ я страдаю, видя тебя окруженную толпою модной знати, слыша ихъ слова и любезности.

АРМАНДА. Ахъ, Боже мой! Ужъ не запретите-ли вы мнѣ слушать похвалы моему таланту отъ строгихъ знатоковъ искусства!

МОЛЬЕРЪ. Знаешь ли ты, что эти строгіе знатоки искусства видятъ въ актрисѣ женщину, хвалятъ не талантъ, а красоту ея.

АРМАНДА. Чтобъ удивляться красотѣ и умѣть оцѣнить ее, надобно тоже имѣть много вкуса и опытности.

МОЛЬЕРЪ. Ты обращаешь все это въ шутку, Арманда, но я чуть не плачу. Съ твоимъ вѣтреннымъ характеромъ ты сама даешь поводъ низкой клеветѣ чернить тебя. Арманда, молва распускаетъ про тебя самые ужасные слухи.

АРМАНДА Что же мнѣ дѣлать? Кажется, снимать подозрѣніе съ жены и мстить, если ее оскорбляютъ — долгъ мужа.

МОЛЬЕРЪ. А если онъ не можетъ сдѣлать этого?

АРМАНДА, (*гордо*). Не можетъ?

МОЛЬЕРЪ. Да! не можетъ! потому что тогда бы ему пришлось драться съ цѣлымъ свѣтомъ, потому что не одинъ человѣкъ распускаетъ оскорбительный слухъ, а всѣ; наконецъ, потому, что вы сами первая причина этихъ слуховъ.

АРМАНДА. Мнѣ кажется, что вы сами во многомъ помогаете злымъ языкамъ. Вы жалуетесь всѣмъ на мою вѣтренность, на мое кокетство, на то, что я не понимаю васъ, не умѣю цѣнить вашихъ заслугъ, отравляю вѣчными ссорами и жалобами вашу жизнь.

МОЛЬЕРЪ. Развѣ это неправда, Арманда? Развѣ въ десять лѣтъ нашей семейной жизни я зналъ хоть одинъ день спокойствія? Развѣ я немучился ежеминутно то досадою, то любовью, то ревностью. Я люблю тебя — ты это знаешь, и во зло употребляешь любовь мою! Чѣмъ оканчиваются всѣ наши ссоры: тѣмъ, что ты кругомъ виновата, а я прошу у тебя прощенія, какъ вчера, какъ всегда, какъ сегодня! Арманда! Прошу тебя, подумай о своемъ положеніи! Ты благородна душею—я это знаю; зачѣмъ же допускать клеветѣ безвинно чернить себя? Не будь такъ весела и привѣтлива съ тѣмъ, кто отпускаетъ тебѣ комплименты и похвалы; не кокетничай съ этими вельможами, которые толпятся у насъ за кулисами — и прости

твоего бѣднаго мужа, который до безумія любитъ тебя (*становится передъ нею на колѣна и цѣлуетъ ея руку.*)

АРМАНДА. Ты стоилъ бы того, чтобъ я наказала тебя моимъ молчаніемъ. Если что можетъ извинить твои вѣчныя жалобы, такъ это одна любовь твоя. Но вѣдь и она, наконецъ, можетъ надоѣсть, если будетъ доказываться одними упреками и подозрѣніями. Ты жалуешься на мой характеръ, а я на твой; я вѣтрена, а ты подозрителенъ, но я все таки прощаю, хоть и знаю, что завтра ты непремѣнно опять начнешь свои жалобы.

МОЛЬЕРЪ. О! я клянусь тебѣ!... Если ты не подашь повода....

АРМАНДА. Опять! замолчи, пожалуйста. На сегодняшній день довольно! И я хочу наградить тебя за то, что сегодня ты такъ скоро сталъ просить прощенія, хоть обыкновенно долго упрямишься; ты сейчасъ говорилъ мнѣ, что кладешь къ моимъ ногамъ твои трофеи, дань удивленія и восторга толпы къ твоему генію, я дѣлаю тоже самое и приношу въ даръ тебѣ мои лавры, дань восторга и удивленія моей красотѣ — любовныя объясненія. (*отдаетъ ему записки*).

МОЛЬЕРЪ. Ты ангелъ, Арманда! Я вполнѣ понимаю твое достоинство и прекрасное сердце, и совершенно увѣренъ въ тебѣ; въ доказательство чего разрываю эти записки, нечитая ихъ. (*рветъ записки*) Простила ли ты меня?

АРМАНДА. До завтрашней ссоры. Однако, мнѣ надобно еще протвердить роль Эльмиры въ твоемъ Тартюфѣ. Прощай, мой Донъ-Гарсія! Прощай, ревнивецъ, научись лучше понимать жену твою— и я увѣрена, что ты будешь уважать ее! (*уходитъ*).

МОЛЬЕРЪ, (*смотритъ ей въ слѣдъ и потомъ садится.*) Нѣтъ! Она не можетъ обманывать. Она ни въ чемъ не виновата! На нее клевещутъ!... враги мои преслѣдуютъ и ее также... Но эти записки... Еслибъ они были для нея дороги — она бы не отдала мнѣ ихъ... Но, можетъ быть, изъ нихъ я могъ бы узнать... И къ чему я разорвалъ ихъ?... Кажется, ихъ можно сложить?... (*поднимаетъ кусочки и старается сложить.*) Нѣтъ! На это надо много времени.. Мольеръ! Мольеръ стыдись, что ты дѣлаешь? Брось эти записки, брось!... Подъ этою кто-то не постыдился подписать свое имя: «Генрихъ де Гишъ!»... Графъ и актеръ разница велика!... Блестящее имя, свѣтская ловкость, кафтанъ, вышитый золотомъ; умѣнье блеснуть громкими фразами; это даже слишкомъ много, чтобы прельстить... Мольеръ, Мольеръ! за что тебя наказалъ Богъ...

—

III.

МОЛЬЕРЪ, ЛАФОРЕ, потомъ ТАРТЮФОЛЛИ.

ЛАФОРЕ. Господинъ Мольеръ! знаете ли, кто къ намъ пожаловалъ? вашъ Тартюфъ! Онъ хочетъ васъ видѣть.

МОЛЬЕРЪ. Тартюфъ? Про кого ты говоришь?

ЛАФОРЕ. Да про этого іезуита, который 10 лѣтъ тому назадъ....

МОЛЬЕРЪ. Тартюфолли! О! при этомъ имени все прошедшее пробуждается въ душѣ моей! За чѣмъ онъ? что ему надобно?

ЛАФОРЕ. Онъ говоритъ, что ему необходимо видѣть васъ.

МОЛЬЕРЪ. Введи его и оставь насъ! (*Лафоре уходитъ*).

ТАРТЮФОЛЛИ, (*входя*). Привѣтъ великому писателю и актеру XVII столѣтія. Я приношу ему въ даръ миръ и дружбу.

МОЛЬЕРЪ. Я не принимаю ни отъ кого подарковъ, а особливо такихъ, какіе вы мнѣ предлагаете.

ТАРТЮФОЛЛИ. (И я долженъ сносить все это! Но, погоди! ты намъ за это поплатишься).

МОЛЬЕРЪ. Что же угодно вамъ попросить отъ меня въ замѣнъ мира и дружбы, которые вы мнѣ предлагаете?

ТАРТЮФОЛЛИ. Вы считаете меня врагомъ своимъ, не такъ ли?

МОЛЬЕРЪ. Врагомъ! нѣтъ! для врага вы слишкомъ ничтожны; завистникомъ — если вамъ угодно.

ТАРТЮФОЛЛИ. И точно! какъ не позавидовать великому Мольеру, всѣ его такъ любятъ; вельможи, придворные!... Семейная жизнь его такъ тиха и спокойна!—но не о томъ рѣчь. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались, небольшія мои заслуги, по волѣ Божіей, были замѣчены святѣйшимъ отцомъ, архіепископомъ Парижа. Онъ взялъ меня къ себѣ и теперь я у него первый секретарь.

МОЛЬЕРЪ. Поздравляю васъ, а не его.

ТАРТЮФОЛЛИ. И являюсь къ вамъ по приказанію архіепископа.

МОЛЬЕРЪ Что же отъ меня угодно архіепископу?

ТАРТЮФОЛЛИ. На дняхъ васъ будутъ выбирать въ академики; вы это знаете, но большинство противу васъ и вы не будете выбраны.

МОЛЬЕРЪ. Я это зналъ и прежде.

ТАРТЮФОЛЛИ. Архіепископъ предлагаетъ вамъ, однако, свое ходатайство и голоса всѣхъ духовныхъ лицъ, засѣдающихъ въ Академіи, если....

МОЛЬЕРЪ. Вотъ этого то *если* я и дожидался... хотите, я окончу фразу, вами начатую: если Тартюфъ не будетъ игранъ? не такъ ли?

ТАРТЮФОЛЛИ. Точно такъ! и я долженъ отвѣчать архіепископу?...

МОЛЬЕРЪ. Что сегодня же вечеромъ я приглашаю его посмотрѣть на первое представленіе Тартюфа.

ТАРТЮФОЛЛИ. И вы отказываетесь отъ покровительства такого лица, вы не боитесь возбудить гнѣвъ его?

МОЛЬЕРЪ. Я боюсь только одного, чтобы потомство не сказало: Мольеръ боялся знатныхъ и льстилъ имъ! Надѣюсь, однако, что оно никогда не скажетъ этого. Снесите отвѣтъ мой архіепископу, господинъ первый секретарь его, и скажите, что Мольеръ пошелъ готовиться къ первому представленію Тартюфа!... (*уходитъ*).

ТАРТЮФОЛЛИ. О, мы найдемъ средство унизить вашу гордость, господинъ скамарохъ! Вы не боитесь архіепископа! Мы воздвигнемъ на васъ перваго Президента королевскаго суда. Сейчасъ же отправлюсь къ нему и уговорю, чтобы онъ запретилъ Тартюфа... Но мой бывшій ученикъ!... Онъ просилъ меня... Какъ бы мнѣ увидѣть жену Мольера. Кто-то идетъ, не она ли?

—

IV.

ТАРТЮФОЛЛИ, ЛАФОРЕ, МАРТА, КЛАРА.

ЛАФОРЕ. Войдите сюда, добрыя сестры! господинъ мой сейчасъ будетъ Онъ очень занятъ. Подождите здѣсь немножко? А, вы еще не ушли, синьоръ іезуитъ, не хотите-ли остаться посмотрѣть, какъ мы сегодня будемъ васъ представлять?

ТАРТЮФОЛЛИ. Ахъ, это ты, милая Лафоре! Вѣдь это ты, кажется, ввела меня сюда?

ЛАФОРЕ. Да-съ! и выведу васъ еще съ большимъ удовольствіемъ! Чтожъ вы стоите. Пожалуйте!

ТАРТЮФОЛЛИ. (*пишетъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумажки*). Я тотчасъ же уйду! потрудитесь только отдать вотъ эту записочку госпожѣ Мольеръ.

ЛАФОРЕ. Госпожѣ Мольеръ!

ТАРТЮФОЛЛИ. Да! и попроси отвѣта, — а я покамѣсть подожду здѣсь!

ЛАФОРЕ. Здѣсь... Сейчасъ же принесу отвѣтъ, чтобъ васъ не задерживать. Добрыя женщины! Извините, что я васъ оставляю съ этимъ человѣкомъ; я сейчасъ ворочусь. Впрочемъ, попробуйте поговорить съ нимъ; можетъ быть, вы и обратите его на путь истины... (*уходитъ.*)

ТАРТЮФОЛЛИ. Змѣя!... Откуда вы, сестры мои?

КЛАРА. Изъ странноприимной обители Святаго Варсонофія, изъ Тулона.

ТАРТЮФОЛЛИ. Какимъ же образомъ вы очутились въ Парижѣ, и еще въ домѣ у актера, у человѣка погибшаго и обреченнаго на гибель вѣчную?

КЛАРА. Изъ насъ каждый годъ двѣ сестры отправляются въ Парижъ сбирать подаяніе на нашу обитель и прислуживать боль.

нымъ. Нынче пришла наша очередь и какъ всѣ сестры наши, возвратившись въ обитель, разсказали намъ о щедрости и добродушіи Мольера, то мы къ нему первому отправились за подаяніемъ. Впрочемъ, на это была воля сестры моей.

ТАРТЮФОЛЛИ. Но это не должно быть. Вы можете подвергнуться въ Парижѣ соблазну всякаго рода; я напишу къ вашей настоятельницѣ, какъ зовутъ васъ?

КЛАРА. — Меня сестра Клара!

МАРТА, (*которая во все время стояла въ глубинѣ, подходитъ и отбрасываетъ назадъ покрывало*). А меня сестра Марта.

ТАРТЮФОЛЛИ. Марта!.... Марта!..... (*дрожитъ*).

МАРТА. Неправда ли, что имя это напоминаетъ тебѣ многое, отецъ Тартюфолли!

ТАРТЮФОЛЛИ. Конечно!... я очень радъ... увидѣть тебя!...

МАРТА. Не отъ радости ли ты такъ поблѣднѣлъ и дрожишь?

ТАРТЮФОЛЛИ. Да! неожиданная встрѣча!... воспоминаніе прошедшаго!. .

МАРТА. И голосъ совѣсти? Не такъ ли, синьоръ Тартюфолли.

ТАРТЮФОЛЛИ. Я не знаю, что ты этимъ хочешь сказать! совѣсть моя чиста и ни въ чемъ не могу упрекнуть себя!...

МАРТА. Ни въ чемъ? а мое имѣніе, которое я завѣщала Церкви и которое ты присвоилъ себѣ?... а Тартюфолли! я бы могла быть счастлива и ты всего лишилъ меня! О! сестра моя! Бѣжимъ, бѣжимъ отсюда!... этотъ воздухъ зараженъ его порочнымъ дыханіемъ. (*Убѣгаетъ съ Кларой.*)

ТАРТЮФОЛЛИ. Ушли! тѣмъ лучше! появленіе ея, однако-же, кстати. Можно изъ всего этого сочинить прекрасную исторію! Посмотримъ, господинъ Мольеръ, кто кого побѣдитъ: іезуитъ или актеръ!

—

V.

ТАРТЮФОЛЛИ, АРМАНДА.

АРМАНДА. Что значитъ, синьоръ Тартюфолли, ваше появленіе и ваша записка? потрудитесь объяснить мнѣ все это?

ТАРТЮФОЛЛИ. Позвольте мнѣ прежде, чѣмъ я начну разсказъ мой, полюбоваться на васъ, я десять лѣтъ не видалъ васъ! Ахъ Боже мой, какъ вы похорошѣли, госпожа Мольеръ!

АРМАНДА. Вы находите?..

ТАРТЮФОЛЛИ. Я внѣ себя отъ удивленія?

АРМАНДА. И вы мнѣ удивляетесь? — Признаюсь, такая снисходительность...

ТАРТЮФОЛЛИ. А вы считали меня строгимъ фанатикомъ, изувѣромъ,—нѣтъ! первый долгъ нашъ прощать слабости другихъ, потому-что мы сами имъ подвержены Пріятно ли жить съ такими людьми, которые не прощаютъ намъ ничего, не позволяютъ, чтобы мы были снисходительны къ другимъ, хотятъ, чтобы ихъ жены существовали только для нихъ, подстерегаютъ каждое слово ихъ, вѣчно упрекаютъ и ссорятся... Кажется я попалъ.

АРМАНДА. Вы хотите намекнуть на моего мужа, вы его обвиняете....

ТАРТЮФОЛЛИ. Я не обвиняю никого! Боже меня сохрани! я жалѣю только объ томъ, что вы несчастны.

АРМАНДА. Я несчастна? съ чего вы это взяли?

ТАРТЮФОЛЛИ. Я увѣренъ въ томъ—я хорошо знаю характеръ вашего мужа; онъ тирански обходится съ вами, ангеломъ доброты и покорности, онъ не понимаетъ своего счастья, онъ пренебрегаетъ имъ, тогда, какъ другой...

АРМАНДА, Другой?..

ТАРТЮФОЛЛИ. Да, другой жилъ бы только для васъ, думалъ бы только о томъ, чтобы угодить вамъ, былъ бы вашимъ рабомъ, молился бы вамъ.

АРМАНДА. Кто же этотъ нѣжный обожатель и покорный рабъ, не вы ли?

ТАРТЮФОЛЛИ. Нѣтъ! но тотъ, кто десять лѣтъ любитъ васъ страстно, кого однажды вы отвергли, какъ ничего незначущаго юношу, и который теперь кладетъ къ ногамъ вашимъ имя свое, прославленное въ битвахъ и украшенное графской короной...

АРМАНДА. Синьоръ Тартюфолли! я слушала васъ съ терпѣніемъ и если теперь не сзываю людей моихъ, чтобы выгнать васъ отсюда, то это только потому, что имѣю уваженіе къ сану, который вы мараете вашими поступками. Прошу васъ сейчасъ же выдти отсюда и впередъ не являться ко мнѣ съ подобными предложеніями.

ТАРТЮФОЛЛИ. (*скрывая гнѣвъ свой*). Вы горды, сударыня, а Богъ гордымъ противится. Я изъ одного усердія, изъ желанія услужить моему бывшему воспитаннику, принялъ на себя его порученіе. Онъ любитъ васъ до безумія и прислалъ вамъ со мною вотъ это письмо, которое я кладу сюда на столъ; вы прочтете его, когда обдумаете все хорошенько. Вы, можетъ быть, позабыли объ моемъ воспитанникѣ, такъ я вамъ объ немъ напомню. Его зовутъ Генрихъ графъ де Гишъ! (*уходитъ*).

АРМАНДА. Де Гишъ! Генрихъ де Гишъ! я помню! онъ такъ любилъ меня! Какимъ образомъ онъ такъ скоро получилъ графское

достоинство!.. Онъ былъ такого веселаго характера.—Я, какъ теперь, помню его, однакожъ 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Неужели онъ до сихъ поръ еще помнитъ обо мнѣ? Любопытно, что онъ пишетъ? Если я прочту — это будетъ очень дурно, но вѣдь это ни къ чему необязываетъ меня,—я никогда не соглашусь видѣть его... Кто то идетъ, нельзя же здѣсь оставить это письмо. (*беретъ его*) Нѣтъ! это мнѣ такъ послышалось! какая тонкая бумага... эти вельможи пишутъ такъ хорошо! Ахъ, Боже мой! отчего это письмо вдругъ само распечалось! нельзя же мнѣ теперь не прочесть его. (*Читаетъ*).

—

VI.

АРМАНДА, МОЛЬЕРЪ.

МОЛЬЕРЪ, (*входя*). Жена моя читаетъ что-то съ такимъ вниманіемъ. (*подходитъ и становится позади ея*) Если бы я несчиталъ низостью подсматривать за нею...

АРМАНДА. Какъ благородно! ни слова о любви! Воспоминаніе прошедшаго... желаніе снова увидѣть меня!.. Генрихъ де Гишъ!

МОЛЬЕРЪ. (*вскрикнувъ*). Генрихъ де Гишъ!

АРМАНДА. Мой мужъ! (*сжимаетъ записку въ рукахъ*).

МОЛЬЕРЪ. Извините, что я помѣшалъ вамъ, сударыня! продолжайте! продолжайте! я уйду, если вамъ угодно.

АРМАНДА. Не обвиняй меня, Жанъ Батистъ! это случилось такъ неожиданно... Я готова отдать тебѣ эту записку...

МОЛЬЕРЪ. А у васъ ихъ еще много осталось?.. Вы вѣрно не хотѣли вдругъ поразить меня и теперь намѣрены каждый часъ отдавать мнѣ по запискѣ. Я увѣренъ, что скорѣе устану получать ихъ, чѣмъ у васъ истощится весь запасъ?..

АРМАНДА. Къ чему тутъ колкости, Жанъ Батистъ. Я получила записку,—и отдаю тебѣ, какъ и прежнія.

МОЛЬЕРЪ. Но эта записка вѣроятно была вамъ дороже другихъ: вамъ сперва надо было прочитать ее.

АРМАНДА. Конечно, я дурно сдѣлала, что прочитала, но вѣдь надобно же было узнать, о чемъ ко мнѣ пишутъ эти господа и кто они такіе. Вѣроятно тотъ, кто писалъ эту записку, знаетъ меня, а я не имѣю этой чести и въ первый разъ встрѣчаю это имя.

МОЛЬЕРЪ. Неправда! Онъ не разъ уже писалъ къ вамъ!

АРМАНДА. А вы почему это знаете? Вѣрно вы ужъ успѣли перехватить записку въ такомъ родѣ?

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ! Вы сами мнѣ отдали ее часъ тому назадъ.

АРМАНДА. А, такъ вы читали ее?.. (*молчаніе.*) Признаюсь вамъ господинъ Мольеръ, я не ожидала отъ васъ такого признанія...

и если вы этимъ доказываете мнѣ любовь мою, то можете избавить меня отъ подобныхъ доказательствъ.

МОЛЬЕРЪ. Арманда!

АРМАНДА. Я теперь поняла васъ. Всѣ ваши поступки происходятъ не отъ любви, а отъ подозрительности, и если я теперь буду дѣйствовать не такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, то обвиняйте въ этомъ самого себя! (*уходитъ.*)

МОЛЬЕРЪ. Арманда!.. О это ужасно! Потерять ея уваженіе, и въ тоже время мучиться самой ужасной ревностью... и вотъ жизнь моя! И многіе завидуютъ моей славѣ. Что мнѣ въ ней? Развѣ слава излечиваетъ раны сердца? Развѣ она спасаетъ отъ порока и оскорбленій и въ то время, когда сердце мое истерзано тысячью ужасныхъ жертвъ, я долженъ добывать эту славу гримасами и кривляньями передъ пустою толпою. И одинъ, вѣчно одинъ! Ни друга, ни товарища!... И говорятъ, что въ минуты отчаянія, Богъ посылаетъ человѣку ангела-утѣшителя, гдѣ же онъ, гдѣ же мой ангелъ-хранитель?

VII.

МОЛЬЕРЪ, ЛАФОРЕ, *потомъ* МАРТА.

ЛАФОРЕ. Господинъ Мольеръ! къ вамъ пришли за подаяніемъ двѣ сестры милосердія.

МОЛЬЕРЪ. О, я не могу теперь заняться даже добрымъ дѣломъ. Вели дать имъ 20-ть луидоровъ и скажи, чтобы онѣ молились о грѣшникѣ Мольерѣ.

ЛАФОРЕ. Одна изъ нихъ хочетъ видѣть васъ, поговорить съ вами.

МОЛЬЕРЪ. Я не могу, я... Но можетъ быть у нее есть ко мнѣ какая нибудь просьба... Спасти кого нибудь отъ нищеты, отъ порока, отъ отчаянія... говорятъ что за это Богъ посылаетъ счастіе въ семействѣ!.. Зови ее!..

ЛАФОРЕ, (*отворяя дверь.*) Пожалуйте сюда, сестра Марта. (*уходитъ.*)

МОЛЬЕРЪ. Марта!.. Чье имя сказала она! Марта! да! я помню это имя! Оно нѣкогда вливало радость въ мое сердце, заставляло его биться сильнѣе прежняго, наполняло его восторгомъ!... Отчегоже я забылъ это имя? Нѣтъ! нѣтъ! я не забылъ его, я до сихъ поръ еще вижу ее... слышу ея голосъ.

МАРТА. Миръ и привѣтъ брату Покелену.

(*Марта откидываетъ покрывало. Мольеръ падаетъ на колѣна.*)

МОЛЬЕРЪ. Творецъ! благодарю тебя! Ты послалъ мнѣ ангела утѣшителя.

МАРТА. Ты не забылъ меня, Покеленъ?

МОЛЬЕРЪ. Мнѣ позабыть тебя, моя спасительница, мой ангелъ!

МАРТА. Названіе ангела прилично только служителямъ Бога; на колѣнахъ молятся только Ему одному: встань братъ Покеленъ и называй меня сестрой Мартой!..

МОЛЬЕРЪ. Марта! Марта! Позволь мнѣ остаться у ногъ твоихъ, позволь мнѣ плакать у нихъ.

МАРТА. О чемъ плакать, Покеленъ? Слезы не всегда доставляютъ облегченіе. Часто они горячи и мучительны, часто они жгутъ блѣдныя щеки и оставляютъ на нихъ глубокіе, неизгладимые слѣды...

МОЛЬЕРЪ. Но я плачу отъ радости, я плачу отъ восторга, Марта!

МАРТА. Чему радоваться? Марта умерла для Покелена, Покеленъ также умеръ для Марты. Ихъ нѣтъ обоихъ. Теперь съ великимъ писателемъ Мольеромъ говоритъ бѣдная сестра милосердія. Она пришла утѣшить тебя, принести тебѣ спокойствіе.

МОЛЬЕРЪ. И ты ошиблась, Марта. Вмѣсто спокойствія, ты поселишь въ сердцѣ моемъ всѣ муки поздняго отчаянія; ты заставила меня ненавидѣть настоящую жизнь мою, жалѣть о невозвратномъ прошедшемъ, вспомнить то, о чемъ я бы долженъ былъ забыть навсегда.

МАРТА. И ты забудешь, Покеленъ! прости мнѣ, что я называю тебя этимъ именемъ. Я не знаю Мольера и обращаясь къ Покелену, увѣрена, что онъ поймете меня. Развѣ онъ слабый ребенокъ, что не можетъ побѣдить себя? Развѣ онъ вѣтренный юноша, что не можетъ понять своихъ обязанностей? И я плакала, и я какъ милости просила у Бога забвенія... и Богъ послалъ мнѣ его и я забыла все прошедшее, и мечты и надежды, и тебя, и себя, все, кромѣ самого Бога! У тебя есть также свои обязанности, Покеленъ. Ты долженъ жить для отечества, для его славы, для своей жены, для ея счастія. Я все знаю. Я для того и пришла, чтобы утѣшить тебя, молва преслѣдуетъ тебя клеветою, вноситъ раздоръ въ твое семейство, отплати ей презрѣніемъ и въ чувствахъ своего сердца ты найдешь награду за свои страданія.

МОЛЬЕРЪ. Но ты не знаешь жизни моей, Марта! Не знаешь моего ужаснаго положенія! Въ семейномъ быту моемъ, я не имѣлъ ни одного спокойнаго и веселаго дня. Поведеніе жены моей...

МАРТА. Покеленъ, ты самъ клевещешь на нее, самъ мучишь себя напрасными подозрѣніями; спроси у своего сердца, оно скажетъ тебѣ: она чиста и непорочна.

МОЛЬЕРЪ. Да, но люди говорятъ другое.

МАРТА. Люди, Покеленъ! Развѣ ты до сихъ поръ еще не узналъ людей?

МОЛЬЕРЪ. Но жена моя вѣтрена, капризна, горда, вспыльчива.

МАРТА. А ты развѣ не имѣешь недостатковъ? Прощай ея проступки и она проститъ тебѣ твои.

МОЛЬЕРЪ. Но Марта, Марта..... она не любитъ меня!

МАРТА. А ты, Покеленъ, ты развѣ любишь ее?....

МОЛЬЕРЪ. Я!.. о! что ты открыла мнѣ? Я не люблю ее, нѣтъ! я люблю тебя, Марта, одну тебя.

МАРТА. И я тоже, я люблю моего Покелена, и не стыжусь признаться въ этомъ, потому что Покелена моего уже нѣтъ. Я увѣрена, что и тотъ, кто теперь носитъ имя Мольера, любитъ свою прежнюю Марту, а не меня, не сестру милосердія, не служительницу Бога! Для него самаго, для его чести, я хочу, я должна вѣрить этому. Иначе онъ потерялъ бы мое уваженіе. О Покеленъ, Покеленъ! посмотри на меня, на это блѣдное лицо, изнуренное постомъ и молитвою, на эти глаза, потухшіе отъ слезъ, на эти руки, исхудавшія отъ трудовъ и болѣзней, и скажи: узнаешь ли ты во мнѣ твою прежнюю Марту? И я, я не узнаю моего Покелена! Онъ твердо бы перенесъ всѣ несчастія, онъ не упалъ бы духомъ въ минуты горести, онъ не роптalъ бы на судьбу, какъ малодушный ребенокъ! Покеленъ! Покеленъ! Еслибъ ты зналъ, какъ я страдала, сколько горя я перенесла, но я съ терпѣніемъ и любовью несу тяжелый крестъ мой — неужели хочешь ты, чтобъ женщина твердостью духа стала выше тебя?

МОЛЬЕРЪ, (*падая на колѣна*). Марта! Марта! Ты Ангелъ! Благослови меня на трудный путь моей жизни! (*Опускаетъ голову, Марта закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

—

VIII.

МАРТА, МОЛЬЕРЪ, АРМАНДА.

АРМАНДА, (*въ дверяхъ*). Тартюфолли не обманулъ меня! эта женщина его любовница!

МАРТА. Встань, мой бѣдный Покеленъ! Я не могу благословить тебя. Чувствую, что въ этомъ сердцѣ есть еще прошедшее. Я бы не должна была явиться къ тебѣ, но я слышала, что ты несчастливъ и пришла утѣшить тебя. Мы больше не увидимся въ этомъ свѣтѣ. Прощай! и если въ страшныя минуты жизни твердость духа оставитъ тебя — вспомни о томъ, что терпитъ Марта и перенеси всѣ несчастія.

МОЛЬЕРЪ, (*на колѣнахъ*). Марта! Марта! ты покидаешь меня, ангелъ, на мгновеніе слетѣвшій ко мнѣ съ небесныхъ высотъ, позволь мнѣ поцѣловать хоть край этой одежды, которая скрываетъ твои ангельскія крылья!.....

АРМАНДА. Ха! ха! ха! изъ какой это пьесы, господинъ Мольеръ? Браво, браво! вы прекрасный актеръ. (*Хлопаетъ въ ладоши и хохочетъ*).

МОЛЬЕРЪ. Арманда!

АРМАНДА. А вы не ждали меня, не правда ли? Вѣдь и я умѣю являться кстати; вы подсмотрѣли, какъ я читала любовное письмо — я подслушала любовное объясненіе. Вѣдь это гораздо интереснѣе.

МОЛЬЕРЪ. Арманда!

АРМАНДА Извините, господинъ Мольеръ — вы любите давать другимъ нравоученія, не угодно ли теперь и вамъ послушать ихъ. Вы упрекаете жену свою въ кокетствѣ, въ вѣтренности, а сами возобновляете старинныя знакомства, что я говорю возобновляете — вы и не прерывали ихъ; десятилѣтняя связь доказываетъ большое постоянство, съ которымъ я могу даже поздравить васъ.

МАРТА. Сестра моя.

АРМАНДА. Я сестра твоя, безстыдная женщина!... ты сестра такихъ же порочныхъ созданій, какъ ты сама.

МОЛЬЕРЪ. Арманда! еще одно слово! ..

АРМАНДА. О! вы вступаетесь за нее, это очень натурально, вы защищаете ее — это прекрасно, это благородно; но позвольте же и мнѣ высказать все, что я чувствую; этой доброй сестрѣ милосердія, которая съ такимъ усердіемъ утѣшаетъ страдальцевъ.....

МАРТА. Покеленъ, удержи гнѣвъ свой, ты видишь въ какомъ ослѣпленіи эта женщина.

АРМАНДА. А! она все еще зоветъ васъ вашимъ прежнимъ именемъ, сладкимъ именемъ Покелена. Немудрено, оно такъ много напоминаетъ, и съ какимъ чувствомъ она произноситъ это имя! Вамъ бы сударыня гораздо приличнѣе быть актрисой.

МАРТА. Покеленъ! я не вынесу этого! Прости, прости на всегда. (*Убѣгаетъ*).

АРМАНДА. Нѣтъ! ты должна все выслушать! (*хочетъ остановить ее. Мольеръ, столвшій неподвижно, бросается къ ней, схватываетъ ее за руку и привлекаетъ на авансцену. Онъ смотритъ ей прямо въ глаза и жметъ руку, она падаетъ на колѣна отъ боли*).

МОЛЬЕРЪ. Арманда!...

—

IX.

МОЛЬЕРЪ, АРМАНДА, ШАПЕЛЬ.

ШАПЕЛЬ, (*входя*). Браво! браво! вотъ превосходная сцена! я право готовъ былъ подумать, что ты и въ самомъ дѣлѣ заставилъ

жену свою упасть передъ тобою на колѣна!... Какую это сцену вы проходили?

МОЛЬЕРЪ. А ты видѣлъ !.... это изъ моей комедіи: «Школа мужей.»

ШАПЕЛЬ. Прекрасно! прекрасно! очень натурально! жена твоя до сихъ поръ еще такъ взволнована.

МОЛЬЕРЪ. Ты знаешь, она прекрасная актриса и всегда входитъ въ свою роль.

АРМАНДА. О да! особливо въ сегодняшнюю.

ШАПЕЛЬ. Однако, вѣдь черезъ часъ начало Тартюфа, а вы еще не одѣты.

МОЛЬЕРЪ. Я шелъ одѣваться, но встрѣтилъ здѣсь жену мою, она читала, проходила свою роль... я заговорился съ нею... она заставила меня позабыть все на свѣтѣ, или лучше сказать, позабыться. Я сейчасъ буду готовъ! публику не надобно заставлять дожидаться.

ШАПЕЛЬ. А вотъ и твои товарищи собрались.

—

X.

ТѢЖЕ, ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ, АКТЕРЫ, АКТРИСЫ, потомъ **ЛАФОРЕ И ТАРТЮФОЛЛИ.**

ЛАГРАНЖЪ. Мольеръ! у кассы собирается народъ; требуютъ билетовъ.

ДЮПАРКЪ. Вся площадь передъ театромъ занята народомъ.

МОЛЬЕРЪ. Сейчасъ, друзья мои! велите отворить кассу, скорѣе въ театръ—и мы разыграемъ Тартюфа на славу!

ТАРТЮФОЛЛИ, (*входя*). Не извольте торопиться. Тартюфъ не пойдетъ сегодня! Не угодно ли прочесть вамъ этотъ приказъ господина Президента королевскаго суда.

МОЛЬЕРЪ. (*беретъ пакетъ и, распечатавъ, читаетъ*). «Мы, властію, данною намъ королемъ Франціи и Наварры и проч и проч. Людовикомъ XIV, приказываемъ господину Мольеру предъявить намъ письменное дозволеніе его королевскаго величества на представленіе Тартюфа. Въ противномъ случаѣ запрещаемъ играть эту пьесу.» И за часъ до представленія!

ШАПЕЛЬ. Это ужасно!

ЛАФОРЕ. Если бы я знала, ни за что-бы не впустила сюда этого мошенника!

МОЛЬЕРЪ. Лагранжъ! прикажи остановить всѣ приготовленія къ Тартюфу, а ты Дюпаркъ скажи народу, что Тартюфъ запрещенъ! (*Лагранжъ и Дюпаркъ уходятъ*).

ШАПЕЛЬ. Это все ваши штуки, синьоръ іезуитъ!

ТАРТЮФОЛЛИ. Я забочусь о нравственности, государь мой!..

МОЛЬЕРЪ. Это ужасно! И Жеромъ долженъ пріѣхать сегодня же. Но и его вѣрно предупредили, король отказалъ... о! Мольеръ, Мольеръ! Они убьютъ тебя!.. Но что значитъ этотъ шумъ? (*шумъ за сценой*).

ДЮПАРКЪ. (*входя*). Мольеръ! я объявилъ, что пьеса запрещена, но народъ волнуется, хочетъ видѣть тебя самаго, толпится у твоего крыльца?...

МОЛЬЕРЪ. И я покажусь имъ, я скажу... что мнѣ сказать имъ?.. отворите двери! (*слуги отворяютъ двери; въ глубинѣ сквозь нихъ видны зданія Парижа и головы многочисленной толпы, стоящей у крыльца. Оттуда раздаются крики*): пьесу! пьесу! Тартюфа! Тартюфа!

ШАПЕЛЬ. Что ты хочешь дѣлать?

МОЛЬЕРЪ. Я сдѣлаю анонсъ публикѣ! (*подходитъ къ дверямъ и кланяется. Въ толпѣ крики*: тише! тише Господа!) Вы просите Тартюфа? Тартюфъ запрещенъ! Господинъ Президентъ не хочетъ, чтобъ *его* представляли! (*крики: браво! браво, хлопанье въ ладоши, дверь затворяется.*)

ШАПЕЛЬ. И мы, съ своей стороны, господа скажемъ: браво Мольеръ!

ВСѢ. Браво Мольеръ!

—

XI.

ТѢЖЕ, ЖЕРОМЪ, (*въ ботфортахъ, въ пыли*).

ЖЕРОМЪ, (*вбѣгая*). Стойте! стойте! я привезъ вамъ позволеніе отъ нашего добраго короля! Вотъ оно! вотъ оно!

МОЛЬЕРЪ. О! я былъ въ этомъ увѣренъ! друзья мои, да здравствуетъ великій король нашъ, Людовикъ XIV.

ВСѢ. Да здравствуетъ!

МОЛЬЕРЪ. И такъ, мы, наконецъ, сегодня увидимъ знаменитаго Тартюфа!

АРМАНДА. Извините меня, господа, но несмотря на все мое желаніе, я чувствую себя не очень здоровою и не могу сегодня играть въ Тартюфѣ.

МОЛЬЕРЪ. Боже! она хочетъ лишить меня и моей славы! Да! точно, друзья мои (Какая мысль!) Жена-моя очень больна и не въ состояніи доиграть эту роль... (*тихо Армандѣ*). Я благодарю тебя за это, Арманда, ты знала, что въ теперешнемъ положеніи, я такъ разстроенъ, что не могу играть, и сама рѣшилась взять на себя всѣ упреки... о! какое великодушіе...

ШАПЕЛЬ. Неужели госпожа Мольеръ.....

АРМАНДА, (*Мольеру*). Ты такъ блѣденъ, ты дрожишь!.. Ты не можешь играть!.. (*ко всѣмъ*) Въ такомъ случаѣ, господа, я согласна, согласна! зачѣмъ же лишать мужа моего удовольствія сыграть лучшую его роль?.

МОЛЬЕРЪ. (*я перехитрилъ ее*). И такъ, друзья, въ театръ?

ВСѢ. Въ театръ!

(*Занавѣсъ опускается*).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ:

Камердинеръ Людовика XIV.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЛЮДОВИКЪ XIV.
ГЕРЦОГЪ ЛОНГВИЛЬ, оберъ-церемоніймейстеръ.
ПРИНЦЪ КОНДЕ.
ВАЛЛО, первый Докторъ.
ПРІОРЪ іезуитскаго Ордена.
ГЕНРИХЪ ГРАФЪ ДЕ ГИШЪ, первый каммеръ-юнкеръ.
ГЕРЦОГЪ ДЕ ЛАФЕЙЛЬЯДЪ оберъ-каммергеръ.
МАРКИЗЪ БЕРГЕНЬ } Придворные
ВИКОНТЪ ДЕ ЛЮЗИНЬИ }
МОЛЬЕРЪ, Камердинеръ Людовика XIV.
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА Кармелитскихъ монахинь.
БОНТАНЪ, первый камердинеръ короля.
Вельможи, пажи, дворъ Людовика XIV, камердинеры.

Дѣйствіе происходитъ въ Версали, въ 1670 году.

—

I.

Комната подлѣ спальни короля. Двѣ двери.
ГЕРЦОГЪ ЛОНГВИЛЬ, ГРАФЪ ДЕ ГИШЪ. *Въ глубинѣ толпы придворныхъ, входятъ, выходятъ, разговариваютъ. У спальни два камердинера, у входа два офицера дворцовой стражи.*

ЛОНГВИЛЬ. Васъ ли я вижу, любезный де Гишъ?

ДЕ ГИШЪ. Любезный герцогъ! я рѣдкій гость во дворцѣ, но все-таки не до такой степени, чтобы можно было удивляться, увидя меня здѣсь.

ЛОНГВИЛЬ. Мое восклицаніе означало радость, а не удивленіе, любезный графъ.

ДЕ ГИШЪ. Чрезвычайно вамъ благодаренъ! Что новаго?

ЛОНГВИЛЬ. Почти ничего?

ДЕ ГИШЬ. Во дворцѣ ничего? И вы говорите это не шутя?...

ЛОНГВИЛЬ. Нисколько. Толкуютъ объ испанскихъ дѣлахъ, о Нимвегенскомъ мирѣ и только.

ДЕ ГИШЪ. И только?

ЛОНГВИЛЬ. Да еще о новой комедіи Мольера: *Мѣщанинъ во дворянствѣ*, это самая важная новость.

ДЕ ГИШЬ. И чтожъ, разумѣется хороша?

II.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ЛАФЕЙЛЬЯДЪ, потомъ **МОЛЬЕРЪ** и **ПРИНЦЪ КОНДЕ.**

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. (*подходя*) Дурна, гадка, отвратительна!

ДЕ ГИШЪ. Въ самомъ дѣлѣ?

ЛОНГВИЛЬ. (*тихо Гишу*) Спроси, о чемъ мы говорили?

ДЕ ГИШЪ. А что это вы такъ браните, любезный Герцогъ?

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Какъ что? комедію Мольера. Развѣ вы не объ ней говорили?

ДЕ ГИШЪ. Это правда, но знаете ли вы какую именно?

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Для меня все равно! Всѣ онѣ равно дурны, пошлы и глупы.

ЛОНГВИЛЬ. Особенно *Критика на школу женщинъ* и *Сицилiанецъ*.

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Отчего же особенно?

ЛОНГВИЛЬ. Оттого что онъ такъ вѣрно срисовалъ въ нихъ вашъ портретъ, что право можно подумать, будто вы сами давали ему сеансы.

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. О! я этого никогда не забуду! И если бы онъ былъ дворяниномъ.....

ДЕ ГИШЪ. Полноте, любезный герцогъ. За что сердиться на Мольера, онъ великій писатель. Вы должны быть ему благодарны: онъ обезсмертилъ васъ, передалъ вашъ портретъ отдаленному потомству.....

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Я знаю, что вы всегда защищаете Мольера: это иначе и быть не можетъ. Вы знаете, что за всѣ похвалы мужу жена наградитъ васъ улыбкою или даже чѣмъ нибудь побольше.

ДЕ ГИШЪ. Герцогъ!..

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Полноте скрываться, любезный де Гишъ; всѣ мы это знаемъ и сердиться тутъ не зачто. Мнѣ очень жаль бѣднаго Мольера, но что же дѣлать.

ПРИНЦЪ КОНДЕ. (*входя разговариваетъ съ Мольеромъ*) Слышите ли, Мольеръ, и во дворцѣ читаютъ ваши стихи и восхищаются ими.

МОЛЬЕРЪ. Слышу, ваша свѣтлость! И вижу, что они прямо ко мнѣ относятся.

ПРИНЦЪ. Съ чего вы взяли? Они говорятъ о какомъ нибудь бѣдномъ рогоносцѣ.

Гишъ. (*къ Лафейльяду и Лонгвилю*) Но, увѣряю васъ...

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Полноте, полноте, господинъ Амадисъ Гальскій. Мы знаемъ навѣрно!

ПРИНЦЪ. (*подходя къ нему, вмѣстѣ съ Мольеромъ*). О чемъ это вы такъ жарко спорите господа? (*всѣ кланяются*).

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. О новыхъ побѣдахъ Графа де Гишъ, ваша свѣтлость, въ которыхъ онъ однако не хочетъ признаться.

де Гишъ. (*тихо ему*) Молчите! Мольеръ съ нимъ вмѣстѣ!...

ЛОНГВИЛЬ. (*въ замѣшательствѣ*) А... вотъ знаменитый комикъ! привѣтствуемъ васъ въ вашей новой должности.

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. (*де Гишу*) О какой это новой должности онъ говоритъ—ужъ не объ этой ли? (*дѣлаетъ надъ головою рога*).

ДЕ ГИШЪ. Бѣдный герцогъ совсѣмъ растерялся. Ужъ больше мѣсяца, какъ Мольеръ получилъ должность каммердинера у его Величества.

МОЛЬЕРЪ. (И сносить эти: полу-слова, знаки, насмѣшки! О добрый король мой! дорого заставляешь ты платить меня за всѣ твои милости.)

ПРИНЦЪ. (*разговаривая съ придворными*) Вы все таки не сказали мнѣ, господа, кто этотъ несчастный рогоносецъ.

ДЕ ГИШЪ. Ваша свѣтлость, увѣряю васъ, что это одни пустые слухи, несправедливыя подозрѣнія.

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Къ тому же, ваша свѣтлость, этотъ человѣкъ близкій пріятель господину Мольеру и ему будетъ непріятно слышать...

МОЛЬЕРЪ. Отчего же, господа! говорите! я такъ привыкъ къ людской клеветѣ, что никакая выдумка, какъ бы зла ни была она, не удивитъ меня.

ЛАФЕЙЛЬЯДЪ. Если вы позволяете, въ такомъ случаѣ я сочту за особенное удовольствіе разсказать его свѣтлости... Принцъ. Я васъ понялъ, Герцогъ и прошу уволить отъ вашихъ разсказовъ. Человѣкъ, который распространяетъ дурные слухи, для меня такъ же презрителенъ, какъ и тотъ, кто изобрѣтаетъ ихъ.

ДЕ ГИШЪ. Ваша свѣтлость....

ПРИНЦЪ. Ни слова болѣе объ этомъ!... (*Лафейльядъ отходитъ въ глубину.*)

—

III.

ПРІОРЪ ІЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА и ВАЛЛО.

ВАЛЛО. (*входя*) Вотъ здѣсь, святой отецъ, вы можете подождать. Его величество скоро выйдетъ. Здѣсь онъ обыкновенно разговариваетъ съ своими приближенными и любимцами, здѣсь онъ завтракаетъ, выслушиваетъ разныя просьбы.....

ПРІОРЪ. Благодарю васъ, господинъ первый докторъ, я подожду.... Еще одно слово, если позволите: правда ли, что его величество сдѣлалъ своимъ камердинеромъ этого актера, какъ бишь онъ.....

ВАЛЛО. Вы говорите про Мольера — это правда, но онъ далъ ему это званіе какъ писателю, который приноситъ честь своему вѣку.... Да вотъ кстати и онъ самъ разговариваетъ съ принцемъ Конде, герцогомъ Лонгвилемъ и графомъ де Гишъ.

ПРІОРЪ. Какъ? и эти люди не стыдятся говорить съ комедіантомъ?

ВАЛЛО. Они очень любятъ его. (*подходя къ нимъ*) Ваша свѣтлость.

ПРИНЦЪ. А! мой дорогой Эскулапъ! здоровы ли вы?

ВАЛЛО. У докторовъ объ этомъ никогда ни спрашиваютъ, ваша свѣтлость. Они бываютъ только тогда здоровы, когда другіе больны. Пріоръ Іезуитскаго Ордена желаетъ видѣть его величество...

еслибъ ваша свѣтлость въ разговорѣ съ королемъ намекнули ему объ этомъ.

ПРИНЦЪ. Хорошо. Что-же вы такъ объ этомъ заботитесь, господинъ первый докторъ?

МОЛЬЕРЪ. Они занимаются одинаковымъ ремесломъ, ваша свѣтлость и нужны другъ другу: одинъ убиваетъ, а другой хоронитъ.

ВАЛЛО. Берегитесь послѣ этого попасться въ мои руки, господинъ Мольеръ!..

ПРІОРЪ. И въ мои тоже!..

МОЛЬЕРЪ, (*взглядывавшійся въ Пріора.*) Но если я не ошибаюсь, мнѣ господинъ Пріоръ нѣсколько знакомъ.

ДЕ-ГИШЪ. И мнѣ также... Да! Это онъ, мой бывшій воспитатель, синьоръ Тартюфолли!

ПРИНЦЪ. Какъ, это онъ?

ПРІОРЪ. Я давно уже позабылъ это имя!

ПРИНЦЪ. Но мы никогда его не забудемъ. Оно сдѣлалось безсмертнымъ.

ПРІОРЪ. Точно также, какъ и ваше, принцъ.

МОЛЬЕРЪ. Побѣдою при Рокруа?

ПРІОРЪ Нѣтъ, комедіею Мизантропъ!

ПРИНЦЪ. Какимъ это образомъ?

ПРІОРЪ. Всѣмъ извѣстно, что господинъ Мольеръ списалъ характеръ Мизантропа съ вашей свѣтлости.

ПРИНЦЪ. Я не зналъ этого. Позвольте поблагодарить васъ, Мольеръ! Это слишкомъ много чести для меня. Характеръ Альцеста такъ высокъ и благороденъ! Вы обезсмертили мое имя, дайте мнѣ вашу руку, Мольеръ...

МОЛЬЕРЪ. Ваша свѣтлость! Вы истинно великій человѣкъ, синьоръ Тартюфолли не ошибся. Я осмѣлился нѣкоторые черты вашего характера придать моему Мизантропу и пьеса моя только по этому имѣла успѣхъ... Впрочемъ, я считаю лучшею моею пьесою Тартюфа. Вотъ тамъ я писалъ прямо съ натуры и вы сами можете судить, вѣренъ ли портретъ?

ПРИНЦЪ. Чрезвычайно! Я иду теперь къ его величеству, и доложу объ васъ, господинъ Пріоръ. Пойдемте, Валло! (*ему тихо.*) Ну что, какъ здоровье нашего Мольера?

ВАЛЛО. Очень дурно, ваша свѣтлость. Онъ все хвораетъ. (*уходитъ съ Принцомъ въ спальню короля*)

МОЛЬЕРЪ, (*де-Гишу который хотѣлъ уйти.*) На два слова, графъ... (*Отходитъ съ нимъ на авансцену. Пріоръ и Лонвиль уходятъ въ глубину, разговаривая.*)

ДЕ-ГИШЪ. Къ вашимъ услугамъ, господинъ Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ. Графъ! что я сдѣлалъ вамъ? за что разрушаете вы мое семейное счастіе? за что порочите вы честное имя мое, не запятнанное ни однимъ дурнымъ поступкомъ?

ДЕ-ГИШЪ. Я не понимаю васъ, Мольеръ!

МОЛЬЕРЪ. Вы очень хорошо понимаете меня, графъ. Къ чему отговорки, недостойныя благороднаго человѣка? за что вы такъ неутомимо преслѣдуете жену мою? Вы давно знаете ее, и хотя я увѣренъ, что она не отвѣчаетъ на ваши постыдныя искания, но все таки вы бросаете ими тѣнь на мою Арманду...

ДЕ-ГИШЪ. Г. Мольеръ! Подобные разговоры не ведутъ ни къ чему, и я...

МОЛЬЕРЪ. Вы выслушаете меня, графъ де-Гишъ, потому что вы должны сдѣлать это, потому что вы должны загладить оскорбленіе, которое нанесли моему имени. Отчего вы избрали Арманду цѣлью своей позорной страсти? Оттого, что она актриса, и вы думаете, что съ актрисой можно поступать, какъ вамъ вздумается, что она не можетъ быть ни вѣрной женою, ни доброй матерью? Не для того ли преслѣдуете вы ее три года, чтобы доказать постоянство чувствъ своихъ, которыя не измѣнились въ теченіе 13-ти лѣтъ. Что влечетъ васъ къ ней?—одно упрямство и изъ одного упрямства вы хотите погубить честь женщины.

ДЕ-ГИШЪ. Еще разъ, прошу васъ оставить этотъ разговоръ. Къ чему можетъ онъ привести насъ?

МОЛЬЕРЪ. Къ тому, что вы дадите мнѣ слово благороднаго человѣка прекратить ваши исканія и оставить въ покоѣ жену мою.

ДЕ-ГИШЪ. Вы странный человѣкъ, Мольеръ, и требуете отъ меня того, чего я не въ силахъ сдѣлать. Вы хотите, чтобы я заставилъ замолчать всѣхъ клеветниковъ, которые оскорбляютъ жену вашу, но развѣ я въ состояніи сдѣлать это?

МОЛЬЕРЪ. Я не прошу васъ объ этомъ. Вы не хотите отвѣчать мнѣ прямо на мой вопросъ... Графъ! и актеръ также можетъ мстить за честь свою.

ДЕ-ГИШЪ. Мнѣ кажется, что вы забываете, съ кѣмъ говорите?

МОЛЬЕРЪ. Съ человѣкомъ, который обидѣлъ меня, и который долженъ дать мнѣ за это удовлетвореніе.

ДЕ-ГИШЪ. Вы просто сошли съ ума! графу драться съ комедіантомъ.

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, комедіанту съ такимъ же точно комедіантомъ; развѣ ремесло у насъ не одно и тоже? Я каждый вечеръ надѣваю маску, чтобы забавлять почтенную публику, вы также, съ тою только разницею, что не снимаете маски цѣлый день, стараясь подслужиться нашему королю. Я смѣшу народъ часто плача въ глубинѣ души, вы принимаете то серьезный, то радостный видъ, смотря потому улыбнутся или нахмурятся другіе. Вы нѣкогда просились у меня въ актеры... помилуйте, да развѣ вы дурно играете роль благороднаго вельможи, честнаго человѣка? Вы побѣдили меня и я не краснѣя уступаю вамъ превосходство надо мною.

ДЕ-ГИШЪ. Я нашелъ бы, что отвѣчать тебѣ, если бы не боялся унизить свое достоинство. Не моей рукѣ наказывать дерз-

каго скомароха, который осмѣлился забыться до такой степени. Сегодня же король или дастъ мнѣ отставку, или запретъ тебя въ Бастилію! (*уходитъ въ глубину.*)

—

IV.

БОНТАНЪ, ЛЮЗИНЬИ, ДЕ БЕРГЕНЬ.

БОНТАНЪ, (*въ дверяхъ спальни.*) Его величество приглашаетъ къ себѣ господина Пріора Іезуитскаго Ордена. (*Пріоръ тихо кланяется и идетъ въ спальню; проходя мимо Мольера, онъ говоритъ ему тихо.*)

ПРІОТЪ. Я иду подать на васъ доносъ королю. (*Уходитъ*).

БОНТАНЪ. Дежурными камердинерами при особѣ его величества назначаются на сегодняшній день: Маркизъ де Бергень, Викаръ де Люзиньи и господинъ Мольеръ.

БЕРГЕНЬ, (*выходя изъ глубины*). Ты слышалъ, виконтъ?

ЛЮЗИНЬИ. Слышалъ! До чего нынче доходитъ упадокъ этикета, меня, маркиза де Люзиньи, заставляютъ дежурить съ комедіантомъ.

БЕРГЕНЬ, (*Бонтану*). Я отказываюсь дежурить его величеству съ тѣмъ, кто даже и не дворянинъ.

ЛЮЗИНЬИ. И я также!

МОЛЬЕРЪ. Браво! браво, господа! возстаньте всѣ общими силами на бѣднаго Мольера, унизьте, уничтожте его за то, что онъ не похожъ на васъ, за то, что онъ думаетъ въ драматическомъ искусствѣ найти награду за всѣ горести этой жизни.

БЕРГЕНЬ. Мнѣ кажется, что онъ считаетъ себя обиженнымъ.

ЛЮЗИНЬИ. Мольеръ! человѣкъ, самъ сочинившій для себя какое-то имя.

МОЛЬЕРЪ. И имя это незабудется потомствомъ, тогда какъ объ вашемъ никто и не подумаетъ справиться.

БОНТАНЪ. Я доложу объ этомъ его величеству. (*Уходитъ, придворные отходятъ въ глубину, Мольеръ остается одинъ на авансценѣ*).

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, положеніе мое невыносимо!... Насмѣшки придворныхъ, ненависть, оскорбленіе, честь моя, запятнанная низкимъ честолюбіемъ, всеобщее презрѣніе, семейное горе — о! Мольеръ! Мольеръ! зачѣмъ ты хочешь идти наперекоръ судьбѣ! Покорись своей участи. Склони безмолвно твою бѣдную голову, терпеливо сноси всѣ удары рока — и бѣги отсюда, гдѣ всѣ гнушаются тобою, гдѣ ты не на своемъ мѣстѣ. (*Хочетъ бѣжать, но въ дверяхъ показывается Настоятельница обители Сестеръ Милосердія.*

Она показываетъ ему одною рукою на небо, другою на распятіе, висящее у нее на груди).

—

V.

МОЛЬЕРЪ, НАСТОЯТЕЛЬНИЦА.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. А развѣ тамъ не ждетъ тебя награда за страданія? А развѣ распятый на крестѣ не сносилъ терпѣливо своихъ мученій?

МОЛЬЕРЪ. Что это?... Чего ты хочешь отъ меня, сестра моя? я не узнаю тебя?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. И я не узнаю моего Покелена, въ этомъ слабомъ и безхарактерномъ человѣкѣ.

МОЛЬЕРЪ. Марта! Марта! Ты какъ чудный ангелъ являешься ко мнѣ въ тяжкія минуты жизни, ты спасаешь меня отъ отчаянія. О! чѣмъ я заслужилъ это?... Марта, высокое, неземное существо! Я жду твоихъ приказаній! что долженъ дѣлать я?... Слабый грѣшникъ на колѣнахъ ожидаетъ словъ утѣшенія и спасенія.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Останься здѣсь, перенеси всѣ оскорбленія, и будь увѣренъ, что король вознаградитъ тебя за нихъ, а Богъ помилуетъ. Не предавайся напрасному отчаянію, оно убиваетъ тебя, а ты нуженъ для Франціи, для ея славы—терпи и надѣйся.

МОЛЬЕРЪ. Твои слова заставляютъ все вытерпѣть и всего надѣяться. Не знаю, зачѣмъ ты явилась сюда во дворецъ, но хочу вѣрить, что Богъ послалъ тебя спасти меня. (*Двери въ королевскія комнаты отворяются, на порогѣ является Бонтанъ*).

БОНТАНЪ. Король!

(*Придворные выходятъ изъ глубины и становятся по обѣимъ сторонамъ, двери въ два ряда. Настоятельница въ самомъ углу сцены, Мольеръ подлѣ нея.*

—

VI.

ЛЮДОВИКЪ XIV *выходитъ изъ спальни съ бумагою въ рукѣ. Онъ проходитъ между придворными, ласково кланяется на обѣ стороны. За нимъ идетъ принцъ Конде, Пріоръ и Валло.*

ЛЮДОВИКЪ XIV. Здравствуйте, господа! Бонтанъ! кресло! (*По знаку Бонтана, королю ставятъ посрединѣ комнаты кресла. Онъ садится въ нихъ, принцъ Конде становится у креселъ, по правую сторону.*)

ЛЮДОВИКЪ, (*осмотрѣвъ вокругъ себя*). Герцогъ Лонгвиль. (*Герцогъ съ низкимъ поклономъ становится по лѣвую сторону кресла*). Я вижу здѣсь духовную особу и женщину, двѣ причины, чтобы незаставить ее дожидаться. О чемъ она проситъ?

ЛОНГВИЛЬ. Ни о чемъ, ваше величество. Она явилась по вашему приказанію. Вы хотѣли говорить съ нею. Она лучшій другъ герцогини Лавальеръ, настоятельница той обители, куда хочетъ поступить герцогиня.

ЛЮДОВИКЪ. Я помню!... я хотѣлъ, чтобы она уговорила Луизу не оставлять меня!... Но теперь это невозможно. Между нами все кончено! Попроси почтенную сестру посѣтить меня въ другое время, теперь я не тѣмъ занятъ. (*Лонгвиль подходитъ къ настоятельницѣ и говоритъ ей. Она начинаетъ пробираться къ дверямъ, между придворными, но услыша слова короля, опять останавливается*). Мы получили сегодня престранный доносъ отъ господина Пріора Іезуитскаго Ордена. Въ немъ обвиняютъ Мольера въ ужасныхъ преступленіяхъ....

МОЛЬЕРЪ. Какъ, государь, меня?

ЛЮДОВИКЪ. Вы здѣсь, Мольеръ, тѣмъ лучше! вы можете оправдаться. Я не хотѣлъ бы передавать этого дѣла въ нашъ королевскій судъ. Оно слишкомъ странно, чтобъ не сказать, невѣроятно.

ПРІОРЪ. Ваше величество! Одно усердіе руководило мною, когда я собиралъ эти слухи, столь вредные для общей нравственности и религіи.

ЛЮДОВИКЪ, (*читая бумагу*). Нѣкоторые пункты обвиненія я оставляю безъ вниманія: *Мольеръ безбожникъ* — чѣмъ можно доказать это? *Онъ дурно живетъ съ женою.* — Мнѣ какое до этого дѣло. *Онъ дурно отзывается о моихъ поступкахъ* — вамъ какое до этого дѣло?

ПРІОРЪ. Но ваше величество, усердіе и рвеніе быть полезнымъ... любовь къ истинѣ и добродѣтели....

ЛЮДОВИКЪ. Усердіе... любовь къ добродѣтели! Вы всѣ говорите одно и тоже, но такъ ли вы поступаете? Неужели вздорными доносами хотите вы доказать любовь къ добродѣтели. Не понимаю, что могло заставить васъ, господинъ Пріоръ рѣшиться подать мнѣ эту бумагу. Повѣрьте, что я оставилъ бы ее безъ вниманія, если бы тутъ не было одно обвиненіе, которое очень важно, и потому заслуживаетъ, чтобы мы его просмотрѣли.

МОЛЬЕРЪ. О! ради Бога! Ваше величество! простите моему нетерпѣнію, но я хочу узнать, до чего простирается недоброжелательство моихъ враговъ.

ЛЮДОВИКЪ. Вы узнаете это! Васъ обвиняютъ въ связи съ одной изъ Сестеръ Милосердія.

МОЛЬЕРЪ. Боже! какая низость! И вы повѣрите этому, государь?

ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, Мольеръ, но всякая клевета, какъ бы ни гнусна была она, должна быть опровергнута. Что это за связь! Кто эта сестра милосердія?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА, *(подходя къ королю)*. Это я, государь.

ЛЮДОВИКЪ. Вы?...

ПРІОРЪ. Марта!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Онъ узналъ меня, ваше величество!.. Будетъ ли въ немъ столько дерзости, чтобы повторить при мнѣ, смотря мнѣ въ лицо, свое гнусное обвиненіе? *(поднимаетъ покрывало и смотритъ ему въ глаза)*

ПРІОРЪ. Я не могу поручиться за справедливость слуховъ; сердце человѣка видитъ одинъ Богъ, наружность часто бываетъ обманчива!.

ЛЮДОВИКЪ. Это мы видимъ очень ясно. Что же послужило поводомъ къ вашему обвиненію, сестра моя?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Прежнее наше знакомство, государь! Я была невѣстою этого Покелена.

ПРІОРЪ. Стало быть...

ЛЮДОВИКЪ. Молчите, господинъ Пріоръ и помните, что вы должны отвѣчать только тогда, когда васъ спрашиваютъ. Далѣе, сестра моя.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Но я сама отказала ему въ рукѣ своей и вступила сначала въ обитель сестеръ милосердія, а потомъ въ монастырь Кармелитокъ. Съ тѣхъ поръ, тому уже 13 лѣтъ, я вижу его сегодня во второй разъ.

ЛЮДОВИКЪ. Сильна же эта связь, которая довольствуется однимъ свиданіемъ, не такъ ли, достопочтенный отецъ Пріоръ?

ПРІОРЪ. Люди часто многаго не видятъ, ваше величество, но Богъ видитъ все!

ЛЮДОВИКЪ. Зачѣмъ же вы являлись къ нему?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Для того, чтобы укрѣпить духъ его, ослабѣвшій въ несчастіяхъ и горѣ, надеждою на будущее счастіе, чтобы утѣшить его, и сказать: Покеленъ, есть люди, которые страдаютъ больше тебя, но посмотри на нихъ и ты увидишь, убило ли ихъ отчаяніе.

МОЛЬЕРЪ. О! Государь, сестра Марта всегда была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Она два раза спасла меня отъ отчаянія, она научила меня вѣрить и надѣяться, если не на людей, то на Бога.

ЛЮДОВИКЪ. Благодарю васъ, сестра моя! Вы сохранили нашего Мольера. Онъ нуженъ для насъ. Для чести Франціи, я не хочу изслѣдовать этого обвиненія *(рветъ бумагу)*. Довольны ли вы моимъ рѣшеніемъ, господинъ Пріоръ? Если нѣтъ, объявите намъ тотчасъ же и мы нарядимъ судъ изслѣдовать это дѣло. Но тогда—даю вамъ мое королевское слово—клеветникамъ не будетъ пощады!

ПРІОРЪ. Смѣю ли я противиться рѣшенію вашего величества.

И если вы нашли невѣроятнымъ это обвиненіе, то я первый отказываюсь отъ него. Я основался только на томъ, что духовное начальство до сихъ поръ еще не позволило крестить сына Мольера, которому ужъ два года.

ЛЮДОВИКЪ, (*вставая*). Оно не позволило—такъ мы позволяемъ! Мольеръ есть ли крестный отецъ у вашего ребенка?

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, государь.

ЛЮДОВИКЪ. Посмотримъ, кто осмѣлится дурно отзываться о томъ, котораго крестнымъ отцемъ будетъ Людовикъ XIV, король Франціи!

МОЛЬЕРЪ, (*падая къ ногамъ*). Государь!..

ЛЮДОВИКЪ. Встань, Мольеръ! это не милость, а награда за несправедливое обвиненіе. Благодари за это отца Пріора.

ПРІОРЪ. Позвольте васъ поздравить, любезный Мольеръ, такая честь!.. (А все-таки у короля останется что нибудь отъ этого доноса).

ЛЮДОВИКЪ. Вы можете теперь удалиться, святой отецъ, но помните, что я не всегда прощаю подобные доносы; вы также, сестра моя!.. Еще разъ, благодарю васъ—будьте увѣрены, что я васъ не забуду!.. (*Пріоръ и настоятельница кланяются и уходятъ. Въ дверяхъ настоятельница останавливается и показываетъ на небо. Мольеръ наклоняетъ голову*).

МОЛЬЕРЪ. Я понялъ тебя, неземное созданіе? Тамъ и только тамъ! но скоро ли настанетъ это время?

ПРИНЦЪ. Ваше величество! Только Людовикъ XIV могъ такъ поступить съ Мольеромъ!

ЛЮДОВИКЪ. Какъ? и вы начинаете льстить, ваша свѣтлость.

ПРИНЦЪ. Великимъ людямъ льстятъ одною правдой, государь.

БОНТАНЪ, (*подходя*). Ваше величество! прикажете подать завтракъ?

ЛЮДОВИКЪ. Да! накройте мнѣ! (*камердинеръ накрываютъ столъ на 2 прибора посрединѣ и ставитъ кресла*). Мнѣ еще надобно сдѣлать кой-какія распоряженія; графъ де Гишъ! (*де Гишъ подходитъ съ поклонами*). До меня дошли слухи, что вы дурно ведете себя въ Парижѣ; поселяете раздоры въ семействахъ... не хотимъ изслѣдовать ихъ, но дадимъ время имъ умолкнуть, а вамъ загладить дурные слухи какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Жалуемъ вамъ полкъ, и отправляемъ васъ въ Нидерланды. Отличитесь и пріобрѣтите снова наше благоволеніе. (*Гишъ становится на колѣна, потомъ кланяется и уходитъ.*)

МОЛЬЕРЪ. О Людовикъ! всей жизни Мольера мало, чтобъ благодарить тебя.

ЛЮДОВИКЪ. Герцогъ де Лафейльядъ! У меня и для васъ есть также назначеніе. Вы отправитесь губернаторомъ въ Пикардію. Тамъ вы будете намъ приносить пользу, а здѣсь, при дворѣ, таланты ваши пропадаютъ даромъ. (*Лафейльядъ раскланивается и ухо-*

дитъ. Къ придворнымъ) Господа, вы можете идти завтракать. Столъ для васъ готовъ. (*Придворные кланяются и идутъ въ глубину театра, Мольеръ также; увидя это, они останавливаются и всѣ по немного отступаютъ, расходятся и становятся на свои прежнія мѣста.*).

ЛЮДОВИКЪ. (*замѣтя это*) Что это значитъ, господа? Вамъ неугодно идти завтракать?... (*всѣ молчатъ*) Вы молчите! Мольеръ, не можете ли хоть вы мнѣ объяснить этого?

МОЛЬЕРЪ. Объясненіе очень просто, государь. Вашимъ вельможамъ стыдно обѣдать за однимъ столомъ съ актеромъ. Если я прихожу позже ихъ, то всѣ мѣста за королевскимъ столомъ уже заняты. Если раньше, то завтракаю одинъ, потому что никто не хочетъ сѣсть подлѣ меня.

ЛЮДОВИКЪ. Понимаю! они неисправимы. Но мы дадимъ имъ урокъ! Брата моего здѣсь нѣтъ и мѣсто за моимъ столомъ принадлежитъ его свѣтлости Принцу Конде. Но вы вѣрно не разсердитесь на меня, Принцъ, если я приглашу другаго на ваше мѣсто позавтракать со мною!

ПРИНЦЪ. (*кланяясь*) Ваше Величество!.. Вы меня этимъ обяжаете

ЛЮДОВИКЪ. Я былъ въ васъ увѣренъ!... Мольеръ! приближьтесь! Эти господа не хотятъ завтракать за однимъ столомъ съ вами? Садитесь же со мною! (*всеобщее волненіе*) Тотъ, кто недоволенъ этимъ, пусть скажетъ мнѣ (*всѣ низко кланяются*).

МОЛЬЕРЪ. Мнѣ, государь! за однимъ столомъ съ вами?...

ЛЮДОВИКЪ. Мы просимъ васъ принять наше приглашеніе. Садитесь! (*Людовикъ садится. Мольеръ послѣ него*) Принцъ Конде! Ваша очередь служить королю! Господину Мольеру будутъ служить дежурные маркизъ де Бергень и виконтъ де Люзиньи (*они подходятъ съ низкими поклонами, весь дворъ окружаетъ столъ*) Что вы нынче пишете новаго, Мольеръ?

МОЛЬЕРЪ. «Ученыхъ женщинъ», государь!...

ЛЮДОВИКЪ. Прекрасный сюжетъ. Ваша свѣтлость! налейте мнѣ рюмку вина. Г-да де Бергень и де Люзиньи, налейте господину Мольеру. (*Они бросаются исполнить приказанія короля*).

ЛЮДОВИКЪ. (*вставая и поднимая рюмку вверхъ*) За успѣхъ «Ученыхъ женщинъ»! За здоровье Мольера!

МОЛЬЕРЪ, (*поднимаетъ рюмку*) Да здравствуетъ король нашъ, Людовикъ великій!

ВСѢ. Виватъ! (*занавѣсь опускается*)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ:

Послѣднее представленіе Мнимаго Больнаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЛЮДОВИКЪ XIV.	**ЖЕРОМЪ.**
ПРИНЦЪ КОНДЕ.	**ЛАФОРЕ.**
ВАЛЛО.	**ШАПЕЛЬ.**
МОЛЬЕРЪ.	**ЛАГРАНЖЪ.**
АРМАНДА.	**ДЮПАРКЪ.**
ПРІОРЪ.	Актеры, актрисы, придворные.
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА.	

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, 17-го февраля 1673 года.

Театральное фойе въ театрѣ Пале-Рояля. Двери направо, выходъ налѣво въ уборную.

I.

ЛАФОРЕ. (*выходитъ изъ уборной*) **ЖЕРОМЪ** *въ главныя двери оба они очень постарѣли.*

ЛАФОРЕ. Ну что, г-нъ Жеромъ, что на сценѣ...

ЖЕРОМЪ. Постой! я такъ усталъ: взошелъ сюда по такой высокой лѣстницѣ.

ЛАФОРЕ. Помилуйте, всего десятокъ ступеней.

ЖЕРОМЪ. (*садясь*) Ну такъ ступени должно быть очень круты.

ЛАФОРЕ. Или ноги у васъ слишкомъ плохи, папа Жеромъ.

ЖЕРОМЪ. Съ чего ты это взяла? Мнѣ всего восьмой десятокъ, я еще очень бодръ и моложавъ и право бы могъ еще играть любыя роли, да Мольеръ вотъ ужъ который годъ не даетъ ни одной, говоритъ, чтобы я отдыхалъ.

ЛАФОРЕ. Ну куда вамъ играть на сценѣ, вы насилу ноги волочите: разскажите-ко мнѣ поскорѣй, что дѣлается на сценѣ?

ЖЕРОМЪ. Кончаютъ третье дѣйствіе *Мнимаго Больнаго*. Король въ восторгѣ, Мольеръ играетъ удивительно.

ЛАФОРЕ. Ахъ, я право боюсь за господина Мольера. Мнѣ кажется, что мнимый больной болѣнъ на самомъ дѣлѣ.

ЖЕРОМЪ. А что ты думаешь: это можетъ быть. Я замѣтилъ въ немъ необыкновенную блѣдность. Выходя изъ-за кулисъ онъ едва могъ держаться на ногахъ отъ слабости, тяжело дышалъ, лихорадка била его.... Вѣдь этакой этотъ Жанъ Батистъ, не бережетъ себя нисколько: я еще вчера говорилъ ему: ты нездоровъ, не играй Мнимаго Больнаго! Дай мнѣ сыграть, я знаю роль прекрасно — такъ нѣтъ же, не далъ.

ЛАФОРЕ. Богъ судья госпожѣ Мольеръ! Этотъ грѣхъ будетъ лежать у нея на душѣ.

ЖЕРОМЪ. Это отчего?

ЛАФОРЕ. Оттого, что при этакой жизни хоть какое здоровье потеряешь. Вѣчныя ссоры, жалобы, упреки, слезы. Она непремѣнно убьетъ моего добраго господина.

ЖЕРОМЪ. Что ты говоришь, Лафоре? Я ничего не видалъ похожаго на это?...

ЛАФОРЕ. Вы невидите ничего у себя подъ носомъ, такъ гдѣ-же вамъ знать это! Мой господинъ умираетъ отъ огорченій, причиною которыхъ все таки его жена. Конечно, они уже съ годъ не живутъ вмѣстѣ и видятся только на сценѣ, но все таки вѣдь онъ мужъ, все таки сердце его обливается кровью при каждомъ дурномъ поступкѣ его жены.

ЖЕРОМЪ. Это правда! Скажите, а я ничего и не подозрѣвалъ.... Это очень дурно! Они должны помириться. Я постараюсь, я поговорю съ ней, можетъ быть, мое краснорѣчіе...

ЛАФОРЕ. Хорошо краснорѣчіе. Если вы будете уговаривать ее также, какъ уговаривали господина Мольера бросить театръ — такъ большая польза будетъ отъ этого.

ЖЕРОМЪ. Нѣтъ! Нѣтъ! Я буду говорить совсѣмъ въ другомъ родѣ. Любовь къ моему Жанъ Батисту дастъ мнѣ силу убѣжденія. Но вотъ и онъ самъ: значитъ третій актъ кончился.

—

II.

МОЛЬЕРЪ (*блѣдный и похудѣвшій, въ костюмѣ Мнимаго Больнаго. Его поддерживаетъ* **ШАПЕЛЬ**, *за ними* **ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ, АКТЕРЫ** и **АКТРИСЫ**.

МОЛЬЕРЪ. Благодарю тебя, другъ Шапель. Теперь мнѣ немного лучше.

ЖЕРОМЪ. Что съ тобою, милый Жанъ Батистъ?

МОЛЬЕРЪ. Ничего, ничего, добрый Жеромъ, не безпокойся. Мнѣ сдѣлалось дурно, но теперь все прошло, я здоровъ.

ЖЕРОМЪ. Но, помилуй, ты насилу стоишь на ногахъ, сядь, да отдохни не много. (*Мольеру подаютъ кресла; онъ садится.*)

ШАПЕЛЬ. Въ самомъ дѣлѣ, другъ Мольеръ, ты напрасно такъ себя изнуряешь. Можно было отложить представленіе.

ЖЕРОМЪ. Да! я бы сыгралъ твою роль. Я знаю ее.

ЛАГРАНЖЪ. Ты сегодня игралъ удивительно, Мольеръ!

ДЮПАРКЪ. Особливо въ сценѣ, когда ты притворялся мертвымъ. Это было верхъ искусства.

МОЛЬЕРЪ. Можетъ быть! потому что я въ самомъ дѣлѣ съ нѣкоторыхъ поръ приготовляюсь къ этой роли.

ЖЕРОМЪ. Жанъ-Батистъ!..

МОЛЬЕРЪ. Я говорю, что чувствую, Жеромъ, и къ чему мнѣ себя обманывать? Я не боюсь смерти и не стану жалѣть о жизни. Что я испыталъ въ ней? — минуты славы, годы несчастья...

ЖЕРОМЪ. Жанъ-Батистъ!..

МОЛЬЕРЪ. Я знаю, ты всегда называешь меня этимъ именемъ,

Жеромъ и мнѣ сладко слышать его. Я не люблю имени Мольера, оно ничто не принесло мнѣ, кромѣ страданій. Имя Жанъ-Батиста напоминаетъ мнѣ завидные годы младенчества и твою дружбу Жеромъ. Было у меня еще одно имя, но съ тѣхъ поръ, какъ *она* умерла для свѣта, я позабылъ и разлюбилъ его!..

ЛАФОРЕ. Не отложить ли спектакль, мой добрый господинъ? вы такъ блѣды еще.

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ! у меня достанетъ силъ еще сыграть мою послѣднюю интермедію. Завтра же я попрошу отпускъ у Людовика и уѣду на нѣсколько мѣсяцевъ въ Отейль, къ моему другу Боало. Природа и спокойная жизнь лучше всякихъ докторовъ изцѣлятъ меня..

ШАПЕЛЬ. Дай Богъ; тебѣ всего 50 лѣтъ ты еще можешь написать много хорошаго, сдѣлать много добра, доставить много славы Франціи.

ЛАФОРЕ. Боже мой! Что я вижу! Какая честь, сюда идетъ принцъ Конде съ толпою вельможъ.

МОЛЬЕРЪ, (*стараясь приподняться.*) Великій Конде! Друзья они, помогите мнѣ встать, чтобы привѣствовать его.

III.

ПРИНЦЪ КОНДЕ, ВАЛЛО, ПРИДВОРНЫЕ.

ПРИНЦЪ, (*увидя, что Мольеръ всталъ, идетъ къ нему и сажаетъ его въ кресла.*) Мольеръ! прошу васъ! Я долженъ стоять передъ вами.

МОЛЬЕРЪ. Ваша свѣтлость!..

ПРИНЦЪ. Меня прислалъ король узнать о вашемъ здоровьи.

МОЛЬЕРЪ. Столько милости!..

ПРИНЦЪ. Онъ замѣтилъ изъ ложи вашу блѣдность и прислалъ вамъ своего доктора.

МОЛЬЕРЪ. Вы знаете, что я всегда питалъ антипатію къ докторамъ и къ лицемѣрамъ, и уважаю въ господинѣ Валло человѣка, но не доктора.

ВАЛЛО. Откровенность за откровенность, господинъ Мольеръ, и я также люблю въ васъ человѣка, а не писателя.

ПРИНЦЪ. Валло несправедливъ къ вамъ, Мольеръ, но всѣмъ извѣстно, что онъ ничего не хочетъ знать на свѣтѣ, кромѣ медицины.

МОЛЬЕРЪ. Но я хорошо себя знаю и рѣшился не откладывать представленія.

ПРИНЦЪ. Я снесу его величеству вашъ отвѣтъ (*уходитъ съ придворными.*)

ШАПЕЛЬ. Мольеръ! Мольеръ! мнѣ право кажется, что ты напрасно хочешь играть, ты такъ слабъ.

МОЛЬЕРЪ. Милость короля возвратила мнѣ силы. Велите начинать интермедію.

—

IV.

АРМАНДА (*выходитъ изъ уборной.*)

АРМАНДА. Извините! я неожидала встрѣтить здѣсь такое многочисленное общество, и чтобъ не мѣшать вамъ... (*хочетъ уйти.*)

МОЛЬЕРЪ. Вы можете остаться здѣсь, сударыня, мы уходимъ. (*Арманда насмѣшливо кланяется и отходитъ въ сторону; Мольеръ встаетъ и идетъ къ дверямъ, шатаясь, онъ останавливается и смотритъ на нее; она отворачивается.*) Ни одного взгляда!.. А за одно слово я бы все простилъ, я бы все забылъ! (*Уходитъ, за нимъ всѣ, кромѣ Жерома. Онъ остается въ глубинѣ и смотритъ на нее.*)

АРМАНДА, (*чрезъ нѣсколько времени, задумываясь.*) Вѣдь не мнѣ же идти просить у него прощенія! (*хочетъ уйти въ уборную.*)

ЖЕРОМЪ. На два слова, госпожа Мольеръ.

АРМАНДА. Что вамъ угодно?

ЖЕРОМЪ. Очень многое для меня, для васъ, для вашего супруга.

АРМАНДА. А! вы объ немъ хотите говорить.

ЖЕРОМЪ. О комъ же больше? Развѣ я думаю теперь о комъ нибудь, кромѣ его, моего воспитанника, моего Жанъ-Батиста.

АРМАНДА. Вы вѣрно хотите меня осыпать упреками — я уже ихъ слышала довольно.

ЖЕРОМЪ. Нѣтъ, нисколько! во первыхъ потому, что упрекать должно въ заключеніи рѣчи, а я только-что начинаю вступленіе, а во вторыхъ потому, что упреки ничего не доказываютъ: я обращаюсь къ вашему сердцу; посмотрите на Жанъ-Батиста: онъ болѣнъ, онъ умираетъ отъ любви къ вамъ... вы улыбаетесь: я смѣшонъ, не правда-ли? но если у меня нѣтъ краснорѣчія, за то есть сердце — я люблю моего Жанъ-Батиста больше всего на свѣтѣ, и уже гораздо больше васъ, сударыня!

АРМАНДА. Я не спорю! Я нѣкогда тоже любила его, но его подозрительная ревность, вспыльчивость, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ грубость, вывели меня, наконецъ, изъ терпѣнія. И къ тому же я тутъ ни въ чемъ не виновата. Онъ самъ первый объявилъ мнѣ, что все между нами кончено, что если онъ не разводится со мною, то это только для того, чтобы не подать поводъ еще къ большимъ сплетнямъ и клеветамъ, и что, наконецъ, если мы и оста-

немся жить въ одномъ домѣ, то будемъ видѣться только на сценѣ.

ЖЕРОМЪ. Но развѣ тотъ виноватъ, кто начинаетъ ссору? Нѣтъ тотъ, кто причина ея. Всѣ упрекаютъ васъ въ вѣтренности, въ легкомыслiи... простите меня — я говорю, что чувствую. Въ мои лѣта поздно прикрывать истину цвѣтистыми фразами. Мнѣ скоро 80 лѣтъ и вотъ почему, помиривъ васъ съ Жанъ-Батистомъ, я хочу сказать себѣ: теперь умирай старикъ, ты больше ненуженъ на землѣ, ты сдѣлалъ одно доброе дѣло: съ тебя и этого довольно.

АРМАНДА. Помириться! мнѣ помириться съ нимъ! Онъ жестоко оскорбилъ меня своими подозрѣнiями. Мнѣ просить у него прощенiя? Не значитъ ли это признать себя виновной?

ЖЕРОМЪ. Но правы ли вы? Загляните въ сердце ваше, спросите у вашей совѣсти?...

АРМАНДА. Вы забываете, суларь.

ЖЕРОМЪ. Нѣтъ! я все помню! все, что онъ для васъ сдѣлалъ, все, что онъ за васъ перенесъ, все, что онъ черезъ васъ потерялъ. Но положимъ, что онъ виноватъ передъ вами: все таки онъ вашъ мужъ, онъ любитъ васъ, онъ великiй писатель, жизнь его нужна для Францiи, а вы убиваете его... Вы даже не замѣчаете того, что онъ стоитъ на краю гроба, и что, можетъ быть, даже въ эту минуту онъ умираетъ, убитый болѣзнью и горестью.

АРМАНДА. О! Жеромъ! молчите! съ чего вы взяли! Мольеръ въ опасности, Мольеръ умираетъ! о нѣтъ! нѣтъ! это не правда, этого быть не можетъ...

ЖЕРОМЪ. Это, къ несчастью, ужасная истина! Больной вышелъ онъ на сцену—и кто могъ удержать, отговорить его, есть ли у него подруга, жена, которая сказала бы: Мольеръ! не играй сегодня! я прошу тебя! Развѣ ты не знаешь, какъ дорого для меня твое здоровье...

АРМАНДА. О! Жеромъ! Жеромъ! я виновата! я очень виновата передъ нимъ! Одна мысль потерять его приводитъ меня въ ужасъ. Жеромъ, вѣдь онъ мужъ мой, вѣдь я люблю, вѣдь я очень люблю его.

ЖЕРОМЪ. Не плачь, дитя мое, что сдѣлано, того не воротить, постараемся хоть загладить прошедшее.

АРМАНДА. О! да! ты правъ! бѣжимъ туда, къ нему! упасть къ ногамъ его, вымолить, выплакать себѣ прощенiе.

ЖЕРОМЪ. О! дай Богъ только, чтобъ мы не опоздали! (*бѣгутъ къ дверямъ: за сценой раздается глухой шумъ. Шапель вбѣгаетъ встревоженный*).

V.

АРМАНДА, ЖЕРОМЪ, ШАПЕЛЬ.

Шапель. Арманда! вы здѣсь! о ради Бога! сберите всѣ ваши силы. .. Мольеръ.

Арманда. (*падая въ кресла*) А! онъ умеръ! Боже!..

Шапель. Нѣтъ еще! Но вся надежда пропала. Онъ недоигралъ интермедіи. Въ срединѣ самой забавной сцены съ нимъ сдѣлались ужасныя конвульсіи, въ груди у него лопнула артерія, кровь полилась изъ горла, онъ упалъ безъ чувствъ.

Жеромъ. Жанъ-Батистъ. .. Жанъ-Батистъ.... подожди твоего стараго Жерома.

Шапель. Его начали приводить въ чувство, но за кулисами столпилось такое множество народа, его несутъ сюда.... тотчасъ же послали....

Арманда. За докторомъ?

Шапель. За духовникомъ!....

Арманда. (*падая на колѣна*) Боже! не ужели ты безжалостенъ ко мнѣ: я виновна, я грѣшница, за что же за меня наказываешь ты его! (*Падаетъ на землю безъ чувствъ, двери отворяются, Мольера полумертваго несутъ на креслахъ; за нимъ Лафоре, Лагранжъ, Дюпаркъ, толпа актеровъ и народа.*)

—

VI.

АРМАНДА, ШАПЕЛЬ, ЖЕРОМЪ, МОЛЬЕРЪ, ЛАФОРЕ, ЛАГРАНЖЪ, ДЮПАРКЪ.

Мольеръ. Благодарю васъ, друзья мои!...

Жеромъ. (*рыдая*) Жанъ-Батистъ! Жанъ-Батистъ!

Мольеръ. Старый другъ, дай руку, ты такъ любилъ меня.

Шапель. Мольеръ!

Мольеръ. О! друзья мои! я умираю! не болѣзнь, нѣтъ, но горе и *она* убили меня... Силы меня оставляютъ, руки мои холодѣютъ, горько умирать, не довершивши своего назначенія, не высказавши всего, что было здѣсь... и здѣсь (*показываетъ на голову и на сердце*).....

—

VII.

ПРІОРЪ, потомъ НАСТОЯТЕЛЬНИЦА.

ПРІОРЪ. (*подходя къ креслу Мольера, наклоняется надъ нимъ*) Сынъ мой, не пора ли примириться съ небомъ!

МОЛЬЕРЪ. (*увидя его, дрожитъ*) Не черезъ тебя, отецъ мой! не черезъ тебя!

ПРІОРЪ. Слышите ли, друзья мои! Онъ великій грѣшникъ, онъ отказывается отъ утѣшеній религіи. (*Арманда приходитъ въ себя, поднимается съ полу, подползаетъ къ кресламъ Мольера съ другой стороны и падаетъ къ ногамъ его съ крикомъ.*

АРМАНДА. Прощанія!

(*Въ то же время вбѣгаетъ настоятельница и бросается къ кресламъ, оттолкнувши Пріора,*)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Прочь! прочь! онъ мой, онъ мнѣ принадлежитъ! Покеленъ! Покеленъ, узнаешь ли ты меня?

МОЛЬЕРЪ. Марта!.. о! добрый другъ мой, прогони его, моего злаго духа, онъ мой Тартюфъ! О! благодарю тебя, Господи. Въ этотъ часъ Ты послалъ мнѣ утѣшеніе. Марта! дай мнѣ твою руку. Позволь мнѣ поцѣловать ее. Первый и послѣдній поцѣлуй! Марта! Марта! о! (*умираетъ; общій крикъ ужаса*).

ЖЕРОМЪ. И прежде меня!

АРМАНДА. И не простивъ меня! (*падаетъ на его тѣло*).

—

—

VIII.

ПРИНЦЪ КОНДЕ, ЛЮДОВИКЪ XIV, придворные.

ПРИНЦЪ. Король идетъ; онъ хочетъ видѣть Мольера! Мольеръ, что съ нимъ!

ВСѢ. Умеръ!

ПРИНЦЪ, (*бѣжитъ на встрѣчу къ вошедшему Людовику*). Государь, государь! Мольеръ умеръ.

ДЮДОВИКЪ, (*останавливаясь и снимая шляпу*). Мольеръ безсмертенъ.

(*Занавѣсъ опускается*).

—

—

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

—

БАРОНЕССА ФЛАТСБЕРГЪ.

РОМАНЪ

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Полезные обычаи съ трудомъ измѣняются модными нововведеніями, поэтому и въ прежніе годы, какъ и въ настоящее время, существовало у докторовъ обыкновеніе отправлять на воды, за границу, больныхъ, которыхъ вылечить они чувствовали себя не въ силахъ или которыхъ смерть не желали взвалить на свою репутацію. Генеральша Лембахъ была больна неизлечимою болѣзнію — *старостію*, если не для излеченія, то по крайней мѣрѣ для собственнаго облегченія консиліумъ знаменитыхъ докторовъ рѣшилъ, что всего полезнѣе для г-жи Лембахъ будетъ поѣздка къ Германскимъ минеральнымъ ключамъ, а потомъ для развлеченія или, какъ выражались доктора, для *возобновленія жизненныхъ силъ* — въ Парижъ. Генеральша, вѣровавшая въ докторовъ, какъ въ непреложныхъ оракуловъ судьбы, безусловно согласилась на опредѣленіе своего мудраго тріумвирата и, какъ миролюбивый прокуроръ пропустила его къ исполненію безъ протеста. Эта поѣздка тѣмъ полезнѣе была для генеральши, что по смерти мужа, ей досталось значительное богатство, которое преимущественно заключалось въ денежныхъ капиталахъ, хранившихся въ разныхъ иностранныхъ банкахъ.

— Да, совѣтую вашему превосходительству не терять вре-

мени; уѣзжайте поскорѣе, чтобы пріѣхать въ Баденъ-Баденъ до начала курса. Вамъ надо тамъ устроиться, потому-что одно спокойствіе и удобство на водахъ производитъ уже спасительное дѣйствіе, а самыя воды довершатъ остальное! говорилъ докторъ Мейенкампфъ.

— О да, ваше превосходительство, я увѣренъ, что вы возвратитесь къ намъ съ цвѣтущимъ здоровьемъ, и сбросите тамъ, по крайней мѣрѣ, десятокъ лѣтъ. Но не теряйте времени! говорилъ другой докторъ, также нѣмецъ.

То же самое подтвердилъ и третій докторъ, французъ, участвовавшій въ консиліумѣ. Добрая Лембахъ радостно улыбалась, при мысли о спускѣ съ плечъ десятка лѣтъ и лицо ея, противъ обыкновенія, казалось, расцвѣтало молодостью.

— Быть можетъ, господа, вы увѣрите меня, что я возвращусь въ Петербургъ восмнадцати-лѣтнею красавицею! Тогда берегитесь, вы накличите на себя бѣду: я рѣшительно обѣщаю всѣмъ вамъ вскружить головы!

— Сердца наши и теперь въ вашей власти! ловко сказалъ докторъ французъ.

Генеральша и доктора долго еще шутили и смѣялись. Разговоръ быстро переходилъ отъ предмета къ предмету и, наконецъ, опять коснулся путешествія за границу.

— Вы одни изволите отправиться путешествовать? спросилъ Мейенкампфъ.

— Конечно съ племянницей, это и для нея полезно. Въ Парижѣ я проживу для воспитанія ея два, три года, потомъ поѣду въ Италію, мнѣ хочется еще разъ взглянуть на Римъ и Венецію и, чрезъ Германію, возвращусь въ Россію.

— Изъ словъ вашего превосходительства я заключаю, что вы намѣрены покинуть насъ на нѣсколько лѣтъ.

— Что дѣлать! вѣдь это въ послѣдній разъ въ жизни, чувствую, что скоро отправлюсь путешествовать въ вѣчность и желала бы до этого безконечнаго путешествія обозрѣть еще Европу — и вздохнуть свободнѣе подъ небомъ Италіи.

— Мы вполнѣ увѣрены, что воды совершенно укрѣпятъ здоровье ваше и обѣщаемъ вамъ долгую жизнь; въ этомъ не сомнѣвайтесь, сказалъ Мейенкампфъ, вставъ съ креселъ и раскланиваясь съ Лембахъ.

Генеральша приподнялась, доктора распрощались и вышли изъ гостиной. У подъѣзда они остановились и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Она чрезъ десять дней умретъ!

— Да, она очень слаба!

— И мы на дняхъ вѣрно прочтемъ въ газетахъ, что генеральша отправилась за границу здѣшняго свѣта!

— Кому же тогда достанется все ея богатство?

— Разумѣется, племянницѣ: она ближайшая ея родственница!

— Вотъ невѣста! очаровательна и богата!

— Да! кусочикъ лакомый! сказалъ французъ.

— Кушъ порядочный! добавилъ нѣмецъ и они разъѣхались.

Это было въ началѣ марта. Генеральша приказала собираться въ путь и рѣшилась выѣхать въ половинѣ апрѣля. Весною здоровье ея дѣйствительно разстроилось, были дни, въ которые она съ трудомъ могла ходить по комнатѣ и начинала сомнѣваться въ возвращеніи своемъ изъ-за границы. Умереть за границею она не хотѣла; мужъ ея покоился на Бородинскомъ полѣ, а по-этому она также желала быть погребенною въ Россіи.

— Анеточка, мы поѣдемъ за границу, смотри береги меня, чтобы я не умерла тамъ, тогда ты будешь вполнѣ счастлива! говорила генеральша, чувствуя сильную слабость.

Анеточка сидѣла у ногъ Лембахъ, ласкалась къ ней, цѣловала ея руку и съ замѣтнымъ соболѣзнованіемъ и любовію увѣряла, что силы ея укрѣпятся и что она будетъ здорова и весела...

Задумчивый, грустный взоръ генеральши былъ устремленъ на милую Анеточку; Лембахъ думала: Не дай Богъ, чтобъ я умерла! Ты не знаешь, дитя мое, какое горе можетъ тебя постигнуть! Я тебѣ оставлю мои деньги и вещи, у меня есть дальніе родственники — они враги мои, я не желаю, чтобы они завладѣли моимъ богатствомъ... но если я умру, тогда кончено, все перемѣнится; тебя увлекутъ въ тяжбы и ужъ тутъ ничего хорошаго не жди. Возвращусь изъ-за границы и все обращу въ чистыя деньги, буду умирать, отдамъ ихъ тебѣ или еще заблаговременно распоряжусь вынуть ихъ изъ банковъ, и тогда только умру спокойно.

Такія благодѣтельныя мысли часто занимали и даже веселили Лембахъ.

Обращая вниманіе на умъ и способности рѣзвой дѣвочки, на ея милыя привлекательныя ласки, нельзя было не пожелать ей всего лучшаго. Можетъ быть, нашлись бы люди, которые, узнавъ о ея происхожденіи, изъ зависти, совѣтами своими старались бы охладить къ ней любовь генеральши, но

повторяю опять, Лембахъ никогда и ни при комъ не называла Анеточку иначе, какъ своею родственницею, и часто, смотря на игры ея, въ кругу дочерей княгинь и графинь, она вполнѣ признавала превосходство ея природныхъ дарованій.

Въ самомъ дѣлѣ, Анеточка была лучше прочихъ дѣвицъ-ровесницъ своихъ; она говорила по французски и по нѣмецки, прекрасно пѣла, вышивала, танцовала, и послѣ всего этого, при ея обворожительной наружности, конечно не мудрено, что нѣкоторыя важныя маменьки видѣли въ Анетѣ опасную соперницу для своихъ дочерей.

На балѣ у князя Черницкаго, графиня Шумова, лаская и цѣлуя Анеточку, сказала:

—Чрезъ десять лѣтъ ты вскружишь голову всей Петербургской молодежи, предсказываю, что тебя ожидаетъ великое счастіе, если только ты будешь считать счастіемъ видѣть у ногъ своихъ необозримыя толпы поклонниковъ.

Увидимъ въ послѣдствіи, сбылось ли это предсказаніе.

Вліяніе генеральши Лембахъ въ аристократическомъ кругу было чрезвычайно сильное и по этому-то знатныя дамы, если внутренно и не были расположены къ Анеточкѣ, скажу яснѣе, если онѣ не желали ей первенства между всѣми невѣстами, въ числѣ которыхъ были и ихъ дочери, то все же показывали, что онѣ ее любятъ, удивлялись ея уму и воспитанію и, наперерывъ старались приглашать ее на свои вечера. Лембахъ, чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ важныхъ маменекъ достоинства своей воспитанницы, весьма рѣдко и только къ немногимъ изъ нихъ отпускала ее; но это болѣе происходило оттого, что генеральша боялась, чтобы Анеточка, какъ дитя, хотя дитя и умное, и разсудительное, не проговорилась о своемъ происхожденіи.

Въ обществѣ безпрекословно вѣрили, что Анета ближайшая родственница покойнаго мужа генеральши, и даже догадки и сомнѣнія не получали ходу, потому что генеральша заблаговременно строго запретила людямъ своимъ распускать какіе бы то ни было слухи, на счетъ ея воспитанницы. Замѣтимъ еще, что Лембахъ не показывала Анеточку знакомымъ болѣе года по взятіи ея къ себѣ, и когда начала вывозить ее въ общества, то повторяла всѣмъ и каждому, что племянницу ея недавно привезли изъ южныхъ губерній, гдѣ она жила у дальней родственницы, которая умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда ея въ Петербургъ.

Считаю лишнимъ говорить о вѣчноновыхъ уборахъ Ане-

точки; самая сильная страсть генеральши была ежедневно наряжать свою племянницу въ богатыя и модныя платья; все это дѣлалось единственно потому, что она не желала въ чемъ нибудь видѣть первенство другихъ дѣтей передъ Анеточкой. Анеточка моя должна во всемъ и всегда превосходить своихъ ровестницъ. Вотъ главное правило, которымъ руководствовалась Лембахъ, и судите послѣ этаго о жизни, какою наслаждалась бѣдная дочь торговки, живя въ домѣ своей благодѣтельницы.

Къ началу апрѣля здоровье Лембахъ нѣсколько поправилось. Она дѣлала прощальные визиты предъ отъѣздомъ за границу. Пріятельницы, прощаясь съ нею, въ пышныхъ выраженіяхъ желали ей счастія и скораго возвращенія въ полномъ здравіи, а между тѣмъ внутренно думали: хорошо, если ты умрешь за границею, я займу твое мѣсто въ ряду знатныхъ дамъ, хорошо если умрешь и потому уже, что племянница лишится въ тебѣ подпоры и не будетъ мѣшать моимъ дочерямъ играть первую роль въ свѣтѣ. Да, Анеточка была для всѣхъ, какъ бѣльмо въ глазу.

За три дня до отъѣзда генеральши за границу, часу въ первомъ, цѣлая толпа модистокъ привезла Анеточкѣ новые уборы. Въ то самое время, когда она, веселая и беззаботная, стояла передъ трюмо, примѣряя одно изъ платьевъ, горничная украдкою шепнула, что пришла ея мать и хочетъ съ нею проститься. Вѣсть эта произвела на Анету странное дѣйствіе: она вмигъ покраснѣла, какъ роза, потомъ вдругъ поблѣднѣла, и, какъ бѣлая, мраморная статуйка, стояла противъ зеркала: сердце ея сильно билось, неудовольствіе и какая-то неопредѣленная боязнь оковала ей руки и ноги, и она машинально и съ принужденіемъ сказала:

— Ахъ, Боже мой! какъ не во время. Ты видишь, мнѣ некогда теперь!

— Она хочетъ проститься съ вами! шепнула горничная.

Анета еще болѣе разстроилась. Яркій румянецъ сильнѣе прежняго вспыхнулъ на бархатныхъ ея щекахъ.

— Поняла ты, что я сказала? прикрикнула Анета и топнула въ нетерпѣніи своей маленькой ножкой!

Въ эту минуту генеральша вошла въ комнату.

— Чѣмъ ты не довольна, моя милая? спросила Лембахъ по-нѣмецки, не желая подать повода къ догадкамъ француженкамъ, одѣвавшимъ Анету.

— Мѣшаютъ мнѣ, говорятъ, что пришла старуха, но теперь не время...

— Конечно, мой другъ, теперь здѣсь посторонніе, вели ей придти въ другое время.

— Слышишь, Жозефина, вели ей придти въ другое время! сказала Анета и занялась нарядомъ.

Жозефина посмотрѣла на Анету съ явнымъ недоумѣніемъ, но, повинуясь приказанію, молча вышла изъ будуара и чрезъ минуту послѣ того, въ сосѣдней комнатѣ послышался умоляющій голосъ Архипьевны.

— Дайте, голубушки, хоть въ дверь взглянуть на мое ненаглядное сокровище, не откажите милосердыя, ее увезутъ въ дальній путь, можетъ быть, ее уже не увидятъ мои оченьки.

— Пусть подойдетъ, не велика бѣда, если и замѣтитъ генеральша. Подойдите, матушка, къ дверямъ, вы все увидите, барышню одѣваютъ француженки и ей точно теперь не время, скоро гостей наѣдетъ къ намъ цѣлой домъ, сказала Жозефина другой горничной, какъ бы совѣтуясь съ нею, подвела Архипьевну къ дверямъ и нѣсколько ихъ отворила. Архипьевна прильнула къ двери, какъ воръ, высматривающій добычу.

— Господи, Боже мой, благодарю Тебя, Создатель небесный, за великую милость ко мнѣ многогрѣшной! Вотъ какая дочка-то у меня! Боже мой, Боже, а платье-то какое на ней? А сама она красавица; голубушка моя, сердце мое... да тебя ли видятъ глаза мои, ты ли это, дитя мое родимое, Анюточка?.. тихо говорила удивленная мать, смотря на разряженную Анеточку, вертѣвшуюся передъ трюмо.

— А что, не узнаете, матушка, дочери вашей? тихо спросила Жозефина.

— Не узнаю, голубушка моя, не узнаю, Богъ свидѣтель не узнаю! Такая она стала пригожая, да красивая и въ такомъ нарядѣ. Да кто ее теперь узнаетъ!

— Генеральша очень любитъ ее и ничего не жалѣетъ для нея...

— Пошли Господь Богъ счастіе генеральшѣ!

Изъ глазъ Архипьевны покатились крупныя слезы, она закрыла лицо рукою.

— Вы плачете?

— Плачу, плачу отъ радости, что Господь Богъ сподобилъ увидѣть счастіе дочери, плачу и оттого еще, что долго не увижу ее, зеничко моего сердца, какъ она поѣдетъ съ генеральшею за море...

— Не печальтесь, матушка, мы не долго будемъ за границею, можетъ къ зимѣ еще возвратимся.

— Такъ, но все же, моя голубушка, сердцу материнскому жаль разстаться съ роднымъ дѣтищемъ. Архипьевна сильнѣе заплакала.

— Дитя мое милое! Подойди ко мнѣ, я прижму тебя къ сердцу! Надѣлю тебя благословеніемъ, вовѣки нерушимымъ...

— Матушка, пойдемъ-те въ другую комнату, неравно генеральша войдетъ сюда, тогда будетъ насъ бранить.

— Позволь, голубушка моя, отсюда перекрестить на дальній путь мою Аннушку.

— Благословите, матушка, только скорѣе, бѣда мнѣ будетъ.

— Господи не оставь ее!.. Св. Кирило и вы угодники Божіи молите Матерь Пречистую за нее...

Мать не могла окончить молитвы, слезы и печаль сжали ея сердце. Она едва могла приподнять руку и благословить дочь, которая въ это время прыгала передъ зеркаломъ и думала о эфектѣ, который долженъ произвести новый ея нарядъ.

— Пойдемъ-те къ намъ, посидите у насъ еще, матушка! сказала Жозефина, отводя Архипьевну отъ дверей.

— Дай еще разъ взглянуть на нее!.. О моя голубушка! скоро ли я увижу тебя, скоро ли прижму къ сердцу? Куда-то несетъ тебя Христосъ, дитя мое ненаглядное!..

Мать скрестила руки на груди и нѣсколько мгновеній невыразимо болѣзненный взоръ ея устремленъ былъ на Анету.

— Ну прощай! довольно громко произнесла наконецъ мать. Прощай, прощай, будь здорова и счастлива, Господь Богъ да сохранитъ тебя!

— И мать мысленно прижимала къ сердцу и цѣловала дочь свою въ то время, когда она въ пяти шагахъ стояла за дверью.

Съ сердцемъ, разрывающимся на части, мать отвела взоръ отъ дочери. Горничная, плотно притворивъ дверь и взявъ за руку Архипьевну, повела ее въ другую комнату. Состояніе души бѣдной женщины было ужасно; въ самомъ дѣлѣ, мать не смѣла прижать дочь свою къ сердцу, не смѣла сказать ей ни одного слова; она боялась своимъ словомъ, своимъ дыханіемъ разсѣять очарованіе, составлявшее счастіе дочери, счастіе, о которомъ она прежде не только не смѣла, но даже не умѣла мечтать... и она всѣ нѣжныя чувства, все человѣческое, что

было у нея въ груди сосредоточила въ своемъ сердцѣ, которое тоскливо хотѣло вырваться наружу.

Подобно узницѣ, томившейся нѣсколько лѣтъ въ цѣпяхъ и вдругъ выведенной на свѣтъ, вышла Архипьевна изъ дому генеральши. Смертная блѣдность и слабость обезобразили ея прежде спокойное лицо, блуждающіе глаза ея ничего не выражали или выражали то болѣзненное состояніе, которое встрѣчаемъ въ несчастныхъ, потерявшихъ отъ сильной страсти всякое умственное сознаніе. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и, не будучи въ состояніи итти далѣе, сѣла у крыльца сосѣдняго съ квартирою генеральши дома; голова ея опустилась на грудь, она казалось, была полуживая. Въ первыя минуты печаль подавляла всѣ рождавшіяся мысли въ головѣ Архипьевны, потомъ, когда Архипьевна нѣсколько пришла въ себя, чувство материнской любви восторжествовало надъ всѣми прочими чувствами и она, мечтая о счастіи дочери, нѣсколько умѣряла свои сердечныя мученія, и уже съ разсудительностію готова была принесть сердце, чувства и даже собственную жизнь въ жертву, лишь бы только дочь ея была истинно счастлива; это чувство, отрадное и благотворное, нѣсколько укрѣпило силы Архипьевны и она, мечтая о будущности дочери, встала и бодро пошла къ своей квартирѣ.

Въ этомъ самоотверженіи не было мѣста недостойному чувству — самолюбію; въ сердцѣ Архипьевны никогда не рождалась мысль видѣть дочь счастливою для того только, чтобы указать на нее знакомымъ и врагамъ, укорять ихъ и тщеславиться самой; нѣтъ, она желала счастія дочери единственно для счастія Анеты; она даже хотѣла бы скрыть отъ всѣхъ это счастіе, какъ сокровище, она боялась, чтобъ его не омрачила зависть, не похитила злоба. Но и было чего бояться.

Право, еслибъ я былъ живописецъ, то самую изящнѣйшую свою картину списалъ бы съ Анеты, когда она въ восхищеніи вертѣлась передъ трюмо, и ея очаровательное личико сіяло заревомъ дѣтскаго восторга; для дополненія картины, я окружилъ бы ее группами ловкихъ модистокъ и изъ боковыхъ дверей высунулъ бы оригинальную голову, въ красномъ платкѣ, плачущей и удивленной матери. На выставкѣ, проходя мимо моей картины, поэтъ вѣрно остановился бы и воскликнулъ, вотъ она, вотъ моя идеальная красавица, о которой такъ сладко мечталъ я, и — не ручаюсь за пламенное сердце поэтовъ, можетъ быть многіе изъ нихъ влюбились бы въ портретъ и воспѣли-бы его въ сладкихъ риомахъ *къ ней*.

Генеральша въ этотъ день пригласила къ себѣ на прощальной обѣдъ, какъ она говорила, только короткихъ пріятельницъ; не смотря однако-же на это важное условіе, въ половинѣ четвертаго двѣ гостиныя и зала были полны гостями. Привезенныя знатными маменьками пріятельницы Анеты собрались въ ея комнатѣ; дѣвочки съ завистію посматривали на нарядъ ея, осматривали ее вокругъ, цѣловали, обнимали и пренаивно увѣряли, что она лучше всѣхъ одѣта, что она милѣе и привлекательнѣе ихъ всѣхъ. За наряды начинались споры и ссоры, не прекращавшіяся наставленіями маменекъ, увѣрявшихъ дочерей, что нельзя же всѣмъ такъ одѣваться, какъ генеральша наряжаетъ племянницу; она у нея одна и притомъ сама генеральша богатая женщина, а у меня, говорила другая нѣжная маменька, васъ много, все новыя, да новыя платья шить невозможно. Дѣвочки не охотно слушали подобныя истины и зависть нисколько не усмирялась ласковыми доводами маменекъ, которымъ и безъ этого очень не нравилось первенство Анеты.

Въ пятомъ часу, при звукахъ оркестра, кавалеры повели дамъ въ убранную цвѣтами столовую. Блескъ, музыка, красота и роскошь царствовали здѣсь самовластно. Сѣли за столъ; разговоръ, къ великому удовольствію генеральши Лембахъ, начался о предстоящей поѣздкѣ ея за границу и склонился къ тому, что это путешествіе принесетъ двоякую благодѣтельную пользу: прежде всего укрѣпитъ ея силы, а потомъ доставитъ случай Анеточкѣ довершить образованіе свое въ салонахъ парижской и вѣнской аристократіи, это говорили старики, у которыхъ были сыновья, и не одинъ изъ нихъ, допивая бокалъ шампанскаго, смотрѣлъ на Анету и думалъ:

— Пусть везетъ тебя генеральша за границу, ты возвратишься прекрасною невѣстой, и почему знать; легко статься можетъ, что мой Ваня, или Вася, или Николя женится на тебѣ. Такъ думали папеньки, а маменьки разсчитывали иначе и всѣхъ этихъ желаній, мыслей и расчетовъ нѣжныхъ родителей никакъ не приведешь къ одному знаменателю.

Обѣдъ длился два часа, подали кофе, пріятельницы и пріятели Лембахъ поговорили съ нею еще съ полчаса послѣ обѣда, пожелали ей и ея племянницѣ искренно и не искренно всѣхъ благъ и счастія и, послѣ прощальныхъ чмоканій и объятій, разъѣхались одни за другими.

Чрезъ три дня послѣ этого въ Академическихъ Вѣдомостяхъ подъ рубрикою: *выѣхавшіе за границу*, было напечатано:

«Въ Германію: генеральша Лембахъ, съ племянницею, дѣвицею Анетою Громковой.»

IV.

Часу въ первомъ дня, въ маленькой, богато убранной комнатѣ, предъ пылавшимъ мраморнымъ каминомъ, лежала въ роскошномъ волтеровскомъ бархатномъ креслѣ дѣвушка лѣтъ восемнадцати, чрезвычайно привлекательная. Черные глаза ея блистали изъ подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, мраморная шея была до половины открыта, одна прекрасная аристократическая рука ея свободно лежала на колѣнѣ, въ другой, опустившейся въ кресла, держала она полуоткрытую книжку французскаго романа, маленькія ножки ея, положенныя одна на другую, покоились на мягкой бархатной скамейкѣ; очаровательная головка ея небрежно склонилась въ правую сторону кресла, полуоткрытый взоръ былъ устремленъ на пылавшіе уголья. Нѣсколько по-отдаль отъ нея сидѣли въ креслахъ двѣ дѣвицы: одна изъ нихъ, смуглая, съ правильными, но не такъ пріятными чертами лица, другая также брюнетка, съ рѣдкими, голубыми глазами подернутыми тою влагою, которая всегда такъ много обѣщаетъ любящимъ. Замѣтно было, что всѣ три дѣвицы короткія пріятельницы и что первая между ними во всемъ первенствовала. Что касается до красоты этихъ дѣвицъ, то всякій, бѣгло взглянувшій на нихъ, безъ сомнѣнія очаровался бы блондинкою. Эти три дѣвушки, при отрадной теплотѣ угольевъ, казалось, болѣе были расположены къ дремотѣ, чѣмъ къ разговору, и поэтому изрѣдка только, то одна, то другая произносила два, три несвязныя слова, получала самый лаконическій отвѣтъ, и тишина опять воцарялась въ комнатѣ. Блондинка держала въ рукѣ полузакрытую книгу, она лѣнилась даже поднять руку, приблизить къ глазамъ романъ и продолжать чтеніе.

— При такой мятелицѣ я не думаю, чтобы къ намъ пріѣхалъ кто нибудь сегодня! — сказала блондинка послѣ долгаго молчанія.

— Да, ужасная погода! отвѣчала брюнетка.

Молчаніе снова водворилось.

Блондинка закрыла свои прекрасные глаза и, казалось, уснула въ креслѣ. Одна изъ пріятельницъ встала съ кресла и

свободно раскинулась на широкомъ турецкомъ диванѣ, стоявшемъ въ противуположной сторонѣ.

— Вотъ кстати, если мы уснемъ, сказала брюнетка, приподнявшись съ кресла, чтобы по удобнѣе усѣсться и вздремнуть, подражая пріятельницамъ.

— Страшная лѣнь... нѣтъ силъ чѣмъ нибудь заняться... а здѣсь такъ тепло!.. Несвязно проговорила блондинка, не раскрывая глазъ. И тишина опять воцарилась. Чрезъ двѣ минуты въ передней послышался звонокъ. Блондинка начала зѣвать, поворотила голову влѣво и видя, что одна изъ пріятельницъ лежитъ на диванѣ, сказала:

— Любинька! ты спишь?

— Нѣтъ, Анеточка, не сплю!

— Слышала звонокъ?

— Да, можетъ быть, кто пріѣхалъ. Принимаетъ ли сегодня генеральша? спросила брюнетка.

— Что за вопросъ, Надинька, развѣ ты не знаешь, что по вторникамъ, когда она здорова, у насъ всегда бываютъ гости.

Дверь тихо отворилась и горничная доложила, что пріѣхалъ графъ Кронштгельмъ.

— Молодой графъ? спросила Анета.

— Молодой-съ, Иванъ Карловичъ!

— Проси! Какъ онъ интересенъ былъ вчера на вечерѣ у Черницкой!

— Любинька! слышишь, графъ пріѣхалъ, поправься, полно дремать!

Любинька поспѣшно встала съ дивана, протерла глаза, подошла къ зеркалу, наскоро поправила волосы и сѣла на диванъ. Блондинка отодвинулась отъ камина, Надинька также поправила свою юбку. Минуту спустя, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, бѣлокурый и высокій, съ круглымъ и румянымъ лицомъ, на которомъ горбатый носъ также былъ примѣтенъ, какъ черное большое пятно на полномъ мѣсяцѣ. Графъ поклонился, сказалъ блондинкѣ нѣсколько привѣтствій на нѣмецкомъ языкѣ, Анета отвѣчала ему тѣмъ же, графъ еще проболталъ нѣсколько словъ по-французски, обратясь къ Надинькѣ и Любинькѣ и преспокойно развалился въ мягкомъ креслѣ. —

— Гдѣ князь Юрій Николаевичъ? спросила Анета.

— Я полагалъ, что встрѣчу его здѣсь у ногъ его властительницы.

— Ха, ха, ха! Какой вы комплиментистъ, графъ!

Графъ, съ нѣмецкой важностью небрежно взбилъ рукою во-

лосы кверху, поправилъ накрахмаленные воротнички, доходившіе до самаго носу, да повертѣлъ головою въ своемъ жабо, и сказалъ:

— Я говорю только правду, Анна Васильевна.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же князь Юрій?

— Онъ долженъ сейчасъ пріѣхать.

— Князь Юрій всегда готовъ къ услугамъ вашимъ, Анна Васильевна, проговорилъ басомъ князь Юрій Черницкій, неожиданно входя въ комнату. Это былъ одинъ изъ тѣхъ юношей, для которыхъ тщеславный титулъ и дородство составляютъ все блаженство на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, князь Юрій былъ по-истинѣ упитанный телецъ и скрывалъ свою неуклюжесть подъ фанфаронскими пріемами свѣтскаго льва.

— Мнѣ особенно пріятно благодарить васъ за исполненіе обѣщанія, тѣмъ болѣе, что и сегодня вѣрно, какъ и всегда, тысячи важныхъ причинъ удерживали васъ дома! съ улыбкою сказала Анета.

— Для меня не существуетъ никакихъ препятствій, когда я спѣшу исполнить ваши приказанія.

Князь небрежно развалился на диванѣ, подлѣ Любиньки.

Конечно, мнѣ очень пріятно слышать ваши слова, но грустно на душѣ, когда подумаю, что трудно имъ вѣрить.

— Анна Васильевна! я вамъ не далъ повода сомнѣваться въ искренности моихъ чувствъ.

— Я не говорю о чувствахъ — но только вспоминала прежнія ваши обѣщанія, которыхъ вы не исполнили, потому-что вамъ, вѣроятно, помѣшали тысячи препятствій, какъ это всегда и со всѣми бываетъ.

Князь на нѣсколько мгновеній умолкъ, какъ будто-бы не нашелся что отвѣчать, потомъ, перемѣнивъ голосъ, сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, Анна Васильевна, я счастливъ, что вы помните обо-мнѣ, хотя память эта не слишкомъ выгодна для моего самолюбія, но я впередъ постараюсь самымъ точнымъ исполненіемъ обѣщаній моихъ заслужить у васъ лучшее мнѣніе.

— Увидимъ, съ веселою улыбкою сказала Анета и кокетливо отворотилась отъ него. — Какъ интересенъ этотъ романъ, утромъ я прочла двѣ части, вотъ дочитываю третью. Одинъ изъ героевъ его живо напомнилъ мнѣ мои младенческія лѣта, моего роднаго дядю, генерала французской службы,

Жанверо, моего отца и другаго дядю Лембахъ. Онъ напомнилъ мнѣ много, о чемъ я такъ часто сладко мечтаю.

Она опустила прекрасную головку и задумалась.

— Да, это естественно, мы всегда съ наслажденіемъ читаемъ книгу, которая напоминаетъ намъ близкое сердцу, дѣтство, юность, кой-какія задушевныя... князь недоговорилъ.

— Я это испытала сегодня, сказала Анета, очнувшись изъ задумчивости: три часа, проведенные мною за чтеніемъ, были для меня самыми блаженными часами, я вспомнила дѣтство и увлеклась воображеніемъ. Мысленно переносилась я въ тѣ мѣста Франціи, Германіи и Италіи, которыя я такъ недавно еще посѣщала, въ замокъ на берегу Рейна, гдѣ я родилась, и не въ далекѣ отъ него, въ нашъ небольшой городокъ, разбросанный по скату горы. Все это живо рисуется въ моемъ умѣ и право иногда я сильно сожалѣю, зачѣмъ не дано мнѣ свыше дара передавать мысли и чувства мои бумагѣ, съ такою полнотою и силою, съ какою они возникаютъ въ головѣ и сердцѣ. О тогда бы я написала изъ моей жизни презанимательный романъ, я умѣла бы увлечь читателя разнообразными картинами, интересными сценами, описаніями семилѣтняго путешествія моего по Европѣ, разсказала бы мою жизнь въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Вѣнѣ. Боже мой! сколько странныхъ случаевъ, при невѣроятномъ стеченіи обстоятельствъ, испытала я въ младенчествѣ, въ кругу моего семейства.

Князь, графъ и двѣ дѣвицы слушали Анету съ величайшимъ вниманіемъ. Замѣтимъ, что разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ.

— Да, князь, право преинтересный романъ можно бы написать объ одномъ только моемъ рожденіи.

— Услышать хоть отрывочекъ этого романа изъ устъ вашихъ было бы для насъ величайшимъ наслажденіемъ! сказалъ князь. Но, можетъ быть, просить о томъ было бы нескромно съ нашей стороны... бываютъ тайны...

Веселая улыбка пробѣжала по лицу блондинки, она видимо одушевилась и спѣшила прервать оратора...

— О, нѣтъ! тайнъ тутъ нѣтъ никакихъ, и если это васъ такъ интересуетъ, я готова сообщить нѣкоторыя черты изъ моего дѣтства. Начну разсказъ съ того, что отецъ мой, генералъ Жанверо, любимецъ Наполеона, послѣ Египетской кампаніи женился на графинѣ Ларьель, извѣстной въ свое время красавицѣ. Женитьбу эту одобрялъ и даже можно сказать ус-

троилъ самъ императоръ; онъ передъ вѣнцомъ подарилъ матери моей діадиму, стоившую, какъ говорилъ мнѣ дядя, болѣе двухъ сотъ пятидесяти тысячъ франковъ, о другихъ подаркахъ я не хочу упоминать. Не скрою, что до Египетскаго похода, отецъ мой былъ человѣкъ извѣстной храбрости, но чрезвычайно бѣдный, послѣ же похода, онъ вскорѣ разбогатѣлъ; много помогалъ ему Наполеонъ, но многое онъ и самъ пріобрѣлъ по службѣ. Мать моя долго нерѣшалась на этотъ бракъ, она видѣла въ отцѣ моемъ болѣе храбраго солдата, съ желѣзною волею, каменнымъ сердцемъ и ледяною душою, чѣмъ нѣжнаго мужа, который бы умѣлъ цѣнить достоинства такой женщины, какова была графиня Юлія Ларьель. Наполеонъ очень хорошо зналъ образъ мыслей моей матери, хорошо также зналъ и то, что руки ея искалъ не одинъ владѣтельный принцъ; но онъ что задумалъ, то непремѣнно желалъ исполнить. Эта черта великаго императора всѣмъ извѣстна. Разъ, часу въ одинадцатомъ вечера, Наполеонъ приказалъ немедленно послать за отцемъ моимъ, поручивъ посланному лично войти въ кабинетъ его и замѣтить, чѣмъ онъ занимается и въ какомъ онъ расположеніи духа.

Посланный пріѣхалъ къ генералу Жанверо, безъ доклада вошелъ въ его кабинетъ; отецъ въ эту минуту читалъ письмо, полученное минуты за двѣ передъ входомъ императарскаго адьютанта. Письмо это писалъ другъ его дѣтства, генералъ Карръ; онъ извѣщалъ отца, что графиня Ларьель еще вчера вечеромъ помолвлена за какого – то принца. Адъютантъ передалъ приказаніе Наполеона и настоялъ на томъ, чтобы генералъ Жанверо, въ ту же минуту сѣлъ въ карету и ѣхалъ съ нимъ въ Тюильри. Вижу, сказалъ великій императоръ, замѣтивъ смущеніе на лицѣ Жанверо, ты недоволенъ мною, вѣроятно я помѣшалъ твоимъ занятіямъ, потребовавъ тебя къ себѣ не въ пору. Отецъ мой не нашелся, что отвѣчать. Слушай, храбрый генералъ Жанверо, я знаю очень хорошо, что ты влюбленъ въ графиню Ларьеръ, такъ знай-же что она помолвлена вчера за принца Маренвиля; но, не отчаявайся, рука ея будетъ принадлежать тебѣ, въ этомъ я—порукою. Отецъ мой стоялъ предъ Наполеономъ ни живъ, ни мертвъ. Садись Жанверо, я напишу тебѣ рекомендательное письмо къ матери графини Ларьеръ, я знаю, она исполнитъ мою просьбу, тѣмъ болѣе, что я старый другъ ея. Отецъ мой сѣлъ въ кресло, а императоръ придвинулъ стулъ къ пись-

менному столику, оторвалъ клочекъ бумаги и началъ писать. Я вамъ передамъ только тѣ немногія слова, которыя удержались въ памяти моей; въ дѣтствѣ дядя заставилъ меня выучить эту записку наизустъ, я долго ее сохраняла, но во время послѣдней поѣздки въ Италію, когда на насъ въ Понтинскихъ болотахъ напали разбойники, въ числѣ прочихъ бумагъ похищена и эта священная для меня записка. Сколько могу припомнить, Наполеонъ началъ ее такъ: «Графиня! рекомендую «вамъ моего друга и ратнаго товарища, генерала Жанверо. «Если вы сколько нибудь расположены ко мнѣ и увѣрены въ «расположеніи моемъ къ вамъ и къ этому генералу, то ни- «чѣмъ другимъ недокажите мнѣ своей преданности, какъ изъ- «явленіемъ согласія осчастливить его именемъ сына вашего; «если вы согласитесь на это, то я въ походной журналъ свой «запишу еще одну блистательную строку, въ которой рядомъ «будутъ стоять три имени дорогія сердцу моему: имя моего «храбраго генерала Жанверо, ваше и дочери вашей.» Окончивъ письмо, Наполеонъ сложилъ его, какъ слѣдуетъ, запечаталъ и, отдавая моему отцу, приказалъ немедленно отвезть его графинѣ. Отецъ не могъ не исполнить священной воли государя, и вышедъ отъ него, поскакалъ прямо къ графинѣ. Онъ велѣлъ доложить о себѣ, но графиня приказала извиниться, что она сегодня занята семейными дѣлами и не можетъ принять генерала. Отецъ спокойно выслушавъ отказъ, просилъ передать графинѣ, что онъ пріѣхалъ по порученію императора, съ письмомъ отъ его величества и непремѣнно долженъ ее видѣть.

Разсказъ Анеты чрезвычайно заинтересовалъ всѣхъ, какой-то шумъ въ сосѣдственной комнатѣ прервалъ на мгновеніе слова разскащицы и всѣмъ это было крайне непріятно. Надинька привстала, хотѣла затворить дверь, графъ понялъ ея намѣреніе и предупредилъ ее.

— Конечно, графиня Ларьель, послѣ этого, не могла уже отказать въ пріемѣ генералу Жанверо, и хотя съ досадою, но приказала просить его въ гостиную. Отецъ мой, видный и статный мужчина, смѣло вошелъ и вовсе не смутился, встрѣтя соперника своего принца Марензиля, съ жаромъ говорившаго что-то молодой графинѣ. Жанверо, какъ будто не замѣтилъ его, принцъ взглянулъ на него съ пренебреженіемъ и, не сказавъ ни слова, продолжалъ разговоръ съ невѣстою. Жанверо подалъ письмо графинѣ, она поспѣшно, съ видимымъ неудо-

вольствіемъ и нетерпѣніемъ разломила печать, бѣгло прочла его и обратясь къ дочери, сквозь слезы сказала:

«Юлія, государь оказываетъ намъ величайшую милость, онъ хочетъ самъ располагать твоею рукою и потому, принцъ, извините, если выборъ его всличества падетъ на другое лицо, а не на васъ: желаніе государя для всѣхъ должно быть священно. Я съ дочерью и генераломъ Жанверо сію минуту должна представиться во дворецъ и изъяснить императору, что дочь моя изъявила уже желаніе отдать вамъ руку.» Принцъ смутился, поблѣднѣлъ, схватилъ шляпу, простился съ графинею и невѣстою, и тотчасъ уѣхалъ. Черезъ часъ послѣ этого, Наполеонъ принималъ у себя графиню Ларьель, ея дочь и генерала Жанверо. «Государь! вотъ дочь моя! у нея нѣтъ отца, осчастливьте ее именемъ вашей дочери, сказала моя бабушка, подводя дочь къ государю.» — Благодарю, графиня, вотъ нашъ сынъ. — Онъ взялъ за руку моего отца и подвелъ къ графинѣ. — «Графиня! я ручаюсь за счастіе вашей дочери, если рука ея будетъ принадлежать храброму генералу Жанверо.» — Вы отецъ ея, государь, стало-быть, имѣете полное право располагать рукою вашей дочери. — И такъ, по праву отца, я назначаю ее въ невѣсты генералу Жанверо. — Онъ взялъ руку моей матери и моего отца и соединилъ ихъ. — Я желалъ бы видѣть ихъ предъ алтаремъ завтра же, въ эту пору, а если можно, такъ и сегодня, теперь еще довольно рано!»—Государь посмотрѣлъ на часы: «Да, еще рано, одинадцатый часъ; мы успѣемъ и сегодня сдѣлать доброе дѣло. Затѣй никакихъ не надобно, это все впереди.» — Графиня не могла прекословить Наполеону. Онъ приказалъ немедленно подать кареты, ушелъ въ свою спальню, надѣлъ мундиръ, послалъ за двумя или тремя изъ своихъ приближенныхъ генераловъ, самъ наложилъ на голову невѣсты драгоцѣннѣйшую діадиму, и послѣ того, черезъ часъ, отецъ и мать моя стояли у налоя. По-утру, въ Болонскомъ лѣсу нашли трупъ принца, изъ сердца его вынули двѣ пули. Онъ не пережилъ своей любви. Вскорѣ послѣ брака родителей моихъ открылись военныя дѣйствія. Отецъ мой не могъ, да и не думалъ, оставить военной службы; онъ долженъ былъ выступить въ походъ за границу. Мать моя чрезвычайно безпокоилась за него; сколько она холодна была до супружества, столько полюбила его послѣ брака. Отецъ уѣхалъ за границу, мать сильно заболѣла. Въ походѣ отецъ получилъ объ этомъ извѣстіе и возвратился въ Парижъ, это нѣсколько успокоило мою мать и подкрѣпило ея

силы. Тогда же бабушка, мать и отецъ переѣхали въ замокъ нашъ, что на берегу Рейна. Здѣсь я родилась, мать скончалась на третій день послѣ того, какъ я увидѣла свѣтъ, а отецъ, похоронивъ ее, убитый горемъ, рѣшился взять кормилицу и меня съ собою и немедленно поѣхалъ въ армію, которая въ то время приближалась уже къ Бородину. Въ Бородинскомъ сраженіи отецъ мой убитъ, карету его и меня съ кормилицею взяли казаки: насъ привезли въ какую-то деревню подъ Москвою, и здѣсь, какъ потомъ уже разсказывали мнѣ, изъ рукъ въ руки передали меня русскіе офицеры полковнику Фрейнгольду, старинному знакомому родной сестры моей матери, генеральши Лембахъ, жившей въ то время въ Москвѣ, куда и меня привезли. Но отсюда скоро мы выѣхали; ибо военныя дѣйствія сосредоточивались тогда у стѣнъ древней столицы. Мужъ тетушки моей, а мой дядя, генералъ Лембахъ, также былъ убитъ въ Бородинскомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ вкратцѣ первый томъ романа моей жизни: рама очень широка, краски ярки, канва художественная, нужна только искусная кисть, а картина можетъ быть написана превосходно.

— Изъ Москвы вы вѣрно съ генеральшею пріѣхали въ Петербургъ? спросилъ графъ.

— Да, въ Петербургъ.

— Я воображаю, какъ пріятно было вамъ, во время путешествія, посѣтить мѣсто родины вашей?

— Да, произнесла Анета и быстро вскочила съ кресла; неистовый крикъ и громкій плачь послышался въ сосѣдней комнатѣ.

—Что это такое? въ страшномъ испугѣ сказала Анета. Сердце ея сильно забилось, спокойное выраженіе исчезло, руки и ноги задрожали, она бросилась въ другую комнату и едва успѣла растворить дверь, какъ къ ногамъ ея упала рыдающая женщина, въ истасканномъ черномъ салопѣ, и такъ сильно обняла ея ноги, что Анета и съ помощію двухъ горничныхъ, не могла освободиться изъ ея объятій. Нѣсколько мгновеній женщина издавала одни глухія стенанія, но потомъ она громко зарыдала и безчисленными поцѣлуями начала покрывать ноги испуганной и смущенной разсказчицы.

— Дочь моя, рожденіе мое, утѣшеніе мое, ангелъ мой небесный, тебя ли я вижу, тебя ли я прижимаю къ сердцу своему! Анюта, моя милая Анюточка, я семь лѣтъ тебя не видала, сердце ты мое милое, дай же обнять, да расцѣловать тебя, мое счастіе, моя зоренька ясная!

— Оставь меня, оставь, ради Бога оставь! въ полголоса говорила пораженная Анета: оторвите ее отъ меня, оторвите!

— Нѣтъ не оторвутъ, никто не оторветъ дочь мою, мое зеничко! кричала Архипьевна. — Семь лѣтъ я ждала, семь лѣтъ денно и нощно плакала о тебѣ, да молила святыхъ угодниковъ; отняли тебя отъ моего сердца, увезли за море, я умирала безъ тебя, жизнь моя!...

На этотъ крикъ, шумъ и рыданія столпились у дверей всѣ гости, сидѣвшіе въ комнатѣ Анеты. Состояніе ея было и жалкое и смѣшное; въ первыя минуты она совершенно растерялась, обезсилѣла и не знала что дѣлать; такая сцена была для нея губительнѣе раны, нанесенной тупымъ ножемъ въ сердце. Она едва не лишилась чувствъ, но разсудокъ взялъ верхъ и Анета, собравъ послѣднія силы, вырвалась изъ объятій матери, которая удерживая ее силою, разорвала на ней платье.

— Возьмите ее отсюда, уведите ее прочь! Зачѣмъ вы ее сюда впустили?.. въ разстройствѣ кричала Анета.

— Кого? меня взять? Я мать твоя, Анеточка, развѣ ты не узнала меня? произнесла почти не своимъ голосомъ Архипьевна, и силы ея совершенно ослабѣли, она упала на полъ, два лакея подняли ее и вынесли въ другую комнату, а чрезъ нѣсколько минутъ, когда бѣдная старуха пришла въ чувство, она была уже за порогомъ дома, въ которомъ жила родная дочь ея.

Въ безпамятствѣ Анета вбѣжала въ комнату, гдѣ видѣли ее гости, пораженною такою сценою. Въ первыя минуты, она не замѣтила, что платье ея было разорвано. —

— Ахъ, Боже мой! произнесла она и снова убѣжала въ ту комнату, гдѣ происходила эта сцена; здѣсь она бросилась на постель; сердце ея сильно билось, казалось, что оно разорвется и кровь брызнетъ фонтаномъ изъ всѣхъ отверстій ея головы, волосы и платье были въ страшномъ безпорядкѣ, ее болѣе всего занимала мысль, какъ переголковать эту сцену, какъ скрыть стыдъ и позоръ свой отъ своихъ взыскательныхъ гостей. Эта мысль заставила ее придти въ себя, и, хотя чрезвычайно блѣдная и разстроенная, она возвратилась въ гостиную, но, по крайней мѣрѣ, свободно уже могла говорить.

Гости молчали и съ удивленіемъ смотрѣли на Анету; никто изъ нихъ не могъ понять всего происходившаго, а мысль признать эту женщину за родную мать Анеты, никому изъ нихъ не приходила въ голову.

Анета бросилась въ кресло. Любонька и Надинька подошли къ ней, брали ее за руки, за голову и, сколько возможно, старались успокоить.

— Она уже нѣсколько разъ дѣлала это со мною! безсвязно говорила Анета, лежа въ креслѣ и тяжко дыша, сердце ея сильно трепетало.

— Вѣроятно сумасшедшая? сказалъ князь, это тотчасъ видно; къ тетушкѣ моей, княгинѣ Зарянской, каждую недѣлю является подобная гостья, съ тою только разницею, что это старуха, а къ княгинѣ приходитъ очень недурная дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, и каждый разъ приноситъ въ платкѣ щепки, куски стекла, камни, хохочетъ и увѣряетъ, что это розы, жасмины, тюльпаны; говорятъ, что она помѣшалась отъ любви; ея возлюбленный ремесленникъ, непринятый цѣхомъ, бросился въ Неву и утонулъ.

Чрезъ десять минутъ Анета забыла уже все происходившее, сердце не упрекало ее, и она даже сама готова была вѣрить своему вымыслу, что она дочь графини Ларьель.

Въ дѣтствѣ мы видѣли Анету доброю, милою дѣвочкою, истинно любящею мать, потомъ не могли не замѣтить постепеннаго измѣненія и охлажденія всѣхъ этихъ прекрасныхъ чувствъ, которыя, какъ можно было полагать, при нравственномъ воспитаніи ея въ домѣ генеральши Лембахъ, скорѣе могли-бы роскошно развиться въ нѣжномъ сердцѣ ребенка, чѣмъ заглохнуть. Эти святыя чувства незамѣтно для ней самой замѣнились совсѣмъ другими, Анета не знала ни печали, ни удовольствія, ни несчастія, ее ничто не привлекало, ничто не занимало, она жила не сердцемъ, не душею, не разсудкомъ, но подъ вліяніемъ холодныхъ условій моднаго общества.

Черезъ часъ послѣ этой сцены, генеральша, кончивъ свой туалетъ, съ свойственною ей важностію, вошла въ гостиную. Веселый разговоръ, начатый графомъ, продолжался во все время, всѣ хохотали непринужденно, а Анета больше всѣхъ. Въ половинѣ четвертаго съѣхалось множество гостей: болѣе десяти подругъ Анеты, между которыми она первенствовала, какъ стройный тополь между бѣдными зеленью кустами.

Я не успѣлъ сказать моимъ читателямъ, что генеральша Лембахъ за двѣ недѣли только возвратилась изъ-за границы, гдѣ прожила вмѣстѣ съ Анетою семь лѣтъ, и въ томъ числѣ четыре года въ Парижѣ, а остальные три года попеременно, то въ Италіи, то въ Германіи. Сверхъ ожиданія докторовъ, здоровье генеральши дѣйствительно укрѣпилось, это доказыва-

ли свѣжесть лица и бодрость ея духа. Что сказать объ образованіи Анеты за границею въ продолженіи этихъ семи лѣтъ? Прежде всего я напомню читателямъ, что Анета была увезена во Францію на одинадцатомъ году жизни, слѣдовательно, почти еще ребенкомъ—пурпурнымъ шипкомъ розы и этотъ шипокъ роскошно распустился подъ южнымъ небомъ.

Въ Парижѣ Анета развилась роскошно, образованіе ея довершено въ аристократическихъ салонахъ столицъ Франціи и Германіи. Послѣ этого, при своей счастливой наружности, могла ли она не первенствовать въ гостиныхъ нашей сѣверной столицы. Вкусъ Анеты сдѣлался модынъ и любимымъ вкусомъ всѣхъ ея сверстницъ, все, что нравилось Анетѣ, нравилось и всѣмъ, что Анета охуждала, охужлали и другіе. Рабскимъ подражаніямъ и самымъ внимательнымъ угожденіямъ молодыхъ людей не было конца: сегодня Анета убрала цвѣтами свою голову, завтра всѣ дѣвицы, подражая ей, накалывали цвѣты; Анета любитъ черный цвѣтъ и всѣ въ черномъ; Анета по привычкѣ склонитъ голову въ лѣвую сторону и всѣ тоже дѣлаютъ; Анета кланяется съ улыбкою и всѣ кстати и некстати также улыбаются; послѣ всего этого конечно не мудрено, что Анета, на своемъ горизонтѣ, блистала звѣздою первой величины.

V.

Вечеромъ по Невскому Проспекту тихо шла старуха, въ старомъ черномъ салопѣ, она опиралась на палку и отъ слабости дрожала; на посинѣлыхъ губахъ ея замѣтно было судорожное движеніе, въ ввалившихся глазахъ оставались еще слѣды недавнихъ слезъ. Повидимому, старуха эта была не изъ числа тѣхъ, которыхъ часто встрѣчаемъ мы на перекресткахъ улицъ и при входахъ въ церкви. Она не останавливалась при встрѣчѣ съ хорошо одѣтымъ прохожимъ и не говорила обычной фразы попрошаекъ: «Смѣю ли я просить вашу милость, батюшка, бѣдной женщинѣ подаянія». Съ проспекта она своротила влѣво, на Казанскую площадь и, прошедши ее, вошла въ соборъ. Не останавливаясь у дверей, пробралась она сквозь густые ряды салопницъ, постоянно толпящихся въ придверіи храма для испрошенія милостыни. У лѣваго придѣла, между колоннами, предъ образомъ Спасителя, пала она на колѣна и начала пламенно молиться. Избытокъ чувствъ заставилъ ее такъ громко произносить слова молитвы, что всѣ, стоявшіе у алтаря, слышали почти каждое ея слово.

— Благодарю Тебя, Создатель Небесный, благодарю Тебя, Спаситель мой; Ты допустилъ увидѣть и обнять сокровище — дочь мою, Ты извелъ ее изъ нищеты и бѣдности, Ты укрылъ ее отъ зла и разврата, возвеличилъ ее красотою, просвѣтилъ ея разумъ; благодарю Тебя, Создатель мой, за нее и молю, укрѣпи изнемогающія силы мои, дай узрѣть мнѣ, когда она предъ алтаремъ Твоимъ станетъ, украшенная брачнымъ вѣнцемъ, дозволь мнѣ еще разъ благословить ее и потомъ уже, когда увижу ее счастливою, пошли мнѣ смерть, а ей долгую жизнь. Господи, неотвергни моленія моего!.. Женщина припала къ землѣ, на нѣсколько мгновеній молитва замерла въ ея сердцѣ и сила святаго чувства совершенно овладѣла ею; въ то мгновеніе душа ея была не на землѣ... Ослабѣвъ отъ душевнаго волненія, едва собралась она съ силою приподняться на ноги; опираясь на палку, осторожно сошла по каменнымъ ступенямъ алтаря и, пробравшись между молившимися, подошла къ свѣчному столу, обмѣняла двѣ свѣчи и опять кое-какъ пробралась къ алтарю, поставила свѣчи передъ мѣстными образами, еще помолилась и потомъ съ благословеніемъ вышла изъ Собора. Молитва ея все еще не прекращалась. Поворотивъ на право, по Екатерининскому Каналу, старуха нѣсколько разъ останавливалась противъ Собора, крестилась и читала молитву.

—Боже мой, Боже! какіе злые люди эти лакеи! сегодня меня безмилосердно вытолкали изъ дому и за что же? За то, что обняла и поцѣловала ноги моей дочери! Ахъ, сердце мое дорогое, Аннушка моя милая, какая ты стала пригожая да хорошая! Есть ли красивѣе и умнѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ, дочь моя?.. Не знаю, есть ли?.. Господи, подай счастіе и здоровье ея благодѣтельницѣ. Горе мое, тяжкое горе, что никакъ мнѣ не позволяютъ видѣть ее. Что бы это значило? Я знаю, что сама Аннушка плачетъ и тоскуетъ отъ этого, она рада бы и въ каретѣ пріѣхать въ мою лачугу, да генеральша не позволяетъ, а она, моя ясная зоренька, крѣпко боится генеральши. Сегодня я хоть и сама себя не помнила отъ радости, когда увидѣла ее, а все же потомъ, когда немного отошло отъ сердца, слышала, какъ она просила уговорить меня, чтобы я не рыдала, а тѣ, злыя горничныя, да два лакея—прости имъ, Боже!—вытолкали меня изъ дому. Твоей нѣтъ здѣсь дочери, что ты, сумасшедшая! какъ ты смѣешь входить въ домъ? Ахъ ты попрошайка этакая!... Ахъ вы злые аспиды, анаѳемы вы этакіе! Прости вамъ Господь!... у меня нѣтъ дочери? а Аннушка, развѣ не мое рожденіе? знать завидно вамъ стало! То-то они и слу-

шать нехотятъ, когда имъ это скажешь. Ладно, вытолкали, а вотъ еще заберусь въ другое время, нѣтъ ужъ тогда и топоромъ не отрубишь меня, расцѣлую мое милое сердце. Я знаю, она крѣпко, крѣпко меня любитъ... Я вѣдь мать ея, родная мать!

Вскорѣ непріятныя воспоминанія смѣнились веселыми мечтами и старуха съ наслажденіемъ продолжала думать о будущей блестящей судьбѣ своей дочери, она воображала видѣть ее женою богача, такого, что и свѣтъ не производилъ, и никакъ не желала допустить, что Аннушка можетъ выдти за мужъ за бѣднаго человѣка, но, наконецъ, она примирилась и съ такою судьбою, лишь бы только дочь ея была счастлива.

— А вотъ и нашъ домина! не замѣтила, какъ пришла, дома ли-то мои сожительницы? Ладно, если онѣ ушли!.. сказала старуха, приблизясь къ своей квартирѣ.

Кончились мечты, тяжкая существенность возвратилась къ ней, а съ существенностію старуха вновь почувствовала слабость силъ своихъ.

— Мнѣ казалось, что я не устала, а ноги болятъ, руки дрожатъ, голова отяжелѣла. Господи, подкрѣпи меня еще годокъ-другой, поддержи, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда Аннушка вполнѣ достигнетъ счастія, тогда уже возьми отъ меня жизнь, я умру, славя имя Твое святое.

Старуха съ трудомъ отворила дверь, чуть-чуть держась, переступила порогъ и вошла въ свой темный уголъ.

— А ты дома еще, Андреевна!

— Дома, я тебя поджидала! гдѣ ты такъ долго была?

— Въ церкви, матушка моя, въ церкви! охъ... охъ... говорила Архипьевна, крехтя отъ усталости и бремени лѣтъ. Охъ, охъ... охъ... такъ устала, Боже помилуй меня грѣшную! охъ.. охъ... о-хъ.

— Оставайся же ты дома, а я пойду часа на два; у тебя чай деньги-то и куры неклюютъ, а у меня и копѣечки нѣтъ за душою!

— Иди, моя голубушка, иди, Господь пошлетъ тебѣ милость!

Андреевна ушла, старуха заперла дверь и не сбросивъ головнаго платка, ни стараго чернаго атласнаго салопа, легла на постель, мысли ея опять обратились къ дочери. Старуха думала: что, въ эту самую минуту подъѣзжаетъ карета къ домишку, изъ кареты выходитъ прекрасная, знатная барышня, входитъ въ это жилье и прямо бросается обнимать старуху.

Что, если бы пріѣхала моя Аннушка? Какое было бы для меня счастіе!..

Старуха встала, сняла солопъ, посмотрѣла на него.

— Спаси, Господи, душу генеральши, славный салопчикъ подарила мнѣ, вотъ скоро восьмой годъ ношу, а нигдѣ ни дырочки и еще пять лѣтъ проносишь. Бережно сложила она салопъ и повѣсила его на стѣнѣ, прикрыла кускомъ грязнаго полотна, поставила палку въ уголъ, сняла платокъ, которымъ повязана была голова ея, сѣла на постель и глубоко задумалась. Добрая старуха за нѣсколько сотъ рублей, собранныхъ ею при всѣхъ крайнихъ лишеніяхъ, мечтала купить для дочери, по крайней мѣрѣ, половину вселенной.

Вдругъ кто-то сильно постучалъ въ дверь, старуха опомнилась и слабымъ голосомъ спросила:

— Кто тамъ?

— Отопри, Архипьевна!

Архипьевна встала, подошла къ дверямъ и отперла. Въ жилье вошла Андреевна.

— Что такъ скоро воротилась?

— Встрѣтила своихъ, надобно принарядиться, пойдемъ на похороны. Слава Тебѣ Господи, какой-то богатый купецъ померъ.

— На похороны!

— Да, слава Господу, хоть сегодня накормятъ и напоятъ вдосталь. Вотъ, кажись, недѣли двѣ, какъ похоронъ-то было не слышно, такое горе, что и сказать не приведи Богъ!

Андреевна надѣла рубище, вмѣсто прежняго довольно опрятнаго чернаго цвѣта салопа, подвязала одну руку, какъ будто бы до половины у нея она была отрѣзана, въ другую взяла палку и поспѣшно ушла.

Архипьевна заперла за нею дверь и, возвращаясь къ постели, посмотрѣла на образъ, перекрестилась и подумала:

—Слава Тебѣ, Господи, что дочь моя взята генеральшею, не случись этой благодѣтельницы, такъ была бы она попрошайкою, а можетъ быть, такою же негодною и не воздержною, какъ вотъ эта..... Ну, да Богъ съ нею! осуждать грѣхъ.

Старуха легла на постель и вскорѣ уснула.

VI.

Предсказаніе графини Шумовой вполнѣ сбылось: Анета вскружила головы всѣмъ молодымъ людямъ. Два сы-

на графа Кронштельма: Эдуардъ, котораго мы видѣли въ числѣ слушателей исторіи рожденія и жизни Анеты, ею самою разсказанной, и Карлъ, прекрасный молодой человѣкъ, воспитанникъ Геттингенскаго Университета, сынъ генерала Герсберга, не такъ видный по наружности, сколько замѣчательный по уму, образованію и несмѣтному богатству, которое долженъ былъ получить по смерти престарѣлаго отца, молодой графъ Даевъ, извѣстный въ тѣ годы красавецъ и, наконецъ, сынъ самаго знаменитаго свѣтскаго героя, князя Владиміра Черницкаго, князь Юрій Черницкій, были не до безумія, но безумно влюблены въ Анету. Анета очень хорошо это понимала и была вполнѣ увѣрена, что у каждаго изъ этихъ свѣтилъ есть свои спутники, которые, подобно имъ, также вздыхаютъ, страдаютъ, томятся отъ любви къ ней; это ей было очень пріятно; она умѣла всѣхъ увлекать, всѣхъ порабощать и влюбленные были для нея тѣже изящныя фарфоровыя куклы, привезенныя ею изъ Парижа и стоявшія на этажеркѣ въ ея комнатѣ, которыхъ она, отъ нечего дѣлать, иногда разсматривала, переставливала съ мѣста на мѣсто и потомъ оставляла безъ всякаго вниманія.

Мнѣ кажется, если бы воодушевилась статуя Праксителя, то и она болѣе имѣла бы чувства, и скорѣе влюбилась, нежели моя Анета; у ней, казалось, вовсе не было сердца.

Графиня Даева жила на своей очаровательной дачѣ, лежащей у самаго берега на Каменномъ Островѣ. Не припомню теперь, по какому именно случаю, Даева пригласила къ себѣ разъ на вечеръ большое число гостей. Въ половинѣ одиннадцатаго тѣнистая липовая аллея, передъ ея изящнымъ домикомъ была вся заставлена экипажами, домикъ ярко блисталъ огнями, въ растворенныхъ окнахъ слышалась бальная музыка и безпрестанно мелькали то женскія, то мужскія профили: шумъ, говоръ, блескъ, роскошь уборовъ, обояніе красоты, пламень чувственности, блестки ума, — все было здѣсь перемѣшано, какъ въ колодѣ картъ. Въ гостиной, оклеенной французскими блѣдно-розоваго цвѣта обоями, на роскошномъ турецкомъ диванѣ, тянувшемся вдоль всей передней стѣны, сидѣла Анета съ Клавдіею, старшею дочерью княгини Розинской. Княжна была влюблена въ князя Юрія Черницкаго.

Если читатель желаетъ, чтобы я начерталъ портретъ Клавдіи, то да благоволитъ вообразить себѣ князя Юрія въ нарядѣ Клавдіи и сходство будетъ чрезвычайно близкое. Клавдія была такъ же, какъ и князь, дородна и высока рос-

томъ, брюнетка съ маленькимъ носомъ и круглымъ лицомъ, чрезвычайно нѣжной бѣлизны.

За двѣ минуты передъ этимъ кончилась кадриль, которую въ то время танцовали еще по всѣмъ правиламъ искусства и не находилось ни одного дерзскаго смертнаго, который бы осмѣлился пропустить хоть одно *па* въ какомъ бы то ни было танцѣ. За кадрилью слѣдовала мазурка, длинная, скучная, томительная для кавалера, неудачно выбравшаго даму и для дамы, ангажированной скучнымъ и не интереснымъ кавалеромъ. Анета и Клавдія были еще не ангажированы.

— Князь Юрій идетъ къ намъ, вѣроятно онъ будетъ приглашать меня на мазурку, я откажусь, что бы разсердить его! сказала Анета, вполнѣ увѣренная, что князь подойдетъ къ ней и отказомъ своимъ желала обратить князя съ просьбою къ влюбленной въ него Клавдіи.

Князь Юрій подошелъ къ Анетѣ, сказалъ по французски нѣсколько комплиментовъ и потомъ прибавилъ:

— Смѣю ли надѣяться на счастіе танцовать съ вами мазурку?

— Нѣтъ, не надѣйтесь... если это дѣйствительно счастіе, такъ оно отъ васъ ускользнетъ! прехладнокровно отвѣчала Анета.

— Смѣю ли, по крайней мѣрѣ, спросить, почему я его лишаюсь?

— Я дала уже слово! сказала Анета и отворотилась.

Князь поклонился и отошелъ. Въ углу гостиной сидѣла княжна Софія, меньшая дочь княгини Розинской. Князь подошелъ къ ней и пригласилъ ее на мазурку, усѣлся подлѣ нея, началъ разговаривать, шутилъ, смѣялся и заставлялъ хохотать свою даму.

Въ эту минуту заиграли мазурку, въ гостиную нахлынула цѣлая толпа кавалеровъ, всѣ они обратились въ разныя стороны и ангажировали дамъ. Графы Эдуардъ и Карлъ Кронгельмы, оба вмѣстѣ, подбѣжали къ Анетѣ. Анета искоса посмотрѣла на князя Юрія, какъ бы желая дать замѣтить, что отказала ему и съ улыбкою подала руку графу Эдуарду, съ которымъ князь былъ непримиримый врагъ. Князь показывалъ видъ, будто этого не замѣтилъ, но сердце его закипѣло, глаза заблистали и лицо побагровѣло, онъ готовъ былъ въ туже минуту на мѣстѣ убить Эдуарда. Графъ Владиміръ пригласилъ княжну Клавдію, которую онъ считалъ уродомъ и которая съ своей стороны терпѣть не могла графа. Танцующіе вышли въ

залу, заняли мѣста, шумъ утихъ, музыка заиграла, и князь Юрій вырвался изъ средины съ своею дамою, графъ Эдуардъ опередилъ его, помѣшалъ ему окончить кругъ и самъ продолжалъ фигуру. Вслѣдъ за Эдуардомъ продолжали фигуру слѣдующіе и князь Юрій остался почти въ послѣдней парѣ. Онъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія на графа и только вѣжливо извинился передъ своею дамою.

Мазурка продолжалась болѣе часа и кончилась далеко за полночь. Князь Юрій, простившись съ графинею Даевой, не внимая убѣдительнѣйшимъ ея просьбамъ, въ туже минуту уѣхалъ. Между кавалерами поднялся таинственный говоръ. Всѣ замѣтили, что князю Юрію не понравилась выходка графа Эдуарда и опредѣлили, что на дняхъ непремѣнно должна быть дуэль. Графиня Даева и всѣ вообще дамы не обратили вниманія на эту выходку и многія изъ нихъ не замѣтили даже, что князь Юрій уѣхалъ; Анета же, кажется, и вовсе объ этомъ не заботилась...

Графъ Эдуардъ понялъ всю неловкость своего положенія. Онъ хорошо зналъ, что вовлеченъ въ непріятность съ княземъ противъ воли, онъ постоянно старался избѣгать даже встрѣчи съ Юріемъ и теперь, къ досадѣ его, онъ съ нимъ столкнулся на паркетѣ и оспоривалъ свое первенство, на которое, по собственному сознанію графа, онъ не имѣлъ права. Къ досадѣ Эдуарда, братъ его Карлъ объявилъ на него новое неудовольствіе за то, что онъ вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Анетѣ, ангажировать ее на мазурку. Это чрезвычайно разстроило Эдуарда, сердце предвѣщало ему недоброе и все изъ-за чего, подумалъ онъ, смотря на Анету, хохотавшую въ гостиной.

— И все изъ-за этой безчувственной куклы. Но за то, какъ она хороша! Онъ хватался за сердце, всталъ со стула и взялъ было съ окна шляпу, желая уѣхать; внимательная графиня поняла намѣреніе его и уговорила ужинать.

Въ пятомъ часу зала и гостиныя опустѣли, кой гдѣ еще тускло догорали не потушенныя свѣчи и освѣщали пространныя, роскошныя комнаты, назадъ тому часъ, наполненныя блестящимъ обществомъ. Поэтъ можетъ быть сравнилъ бы эти опустѣвшія комнаты съ сердцемъ женщины, въ которомъ въ свое время было столько жизни, страстей, любви, пламени... и потомъ все исчезло и осталась одна неинтересная пустота, съ тусклыми воспоминаніями; я скорѣе готовъ сравнить ихъ съ сердцемъ самаго поэта, которое по временамъ наполняется вдохновеніемъ, дышетъ нѣгою страсти, изливается въ

сладкихъ звукахъ и потомъ снова засыпаетъ, утомленное собственнымъ наслажденіемъ.

На третій день вечеромъ разнесся слухъ, что князь Юрій стрѣлялся съ графомъ Эдуардомъ, говорили, что у князя были секундантами родной братъ Эдуарда, графъ Карлъ, и молодой Вороновъ, у графа Эдуарда одинъ изъ его сослуживцевъ и какой-то офицеръ, также попавшій въ плѣнъ Анеты. Слухи носились разные; многіе утверждали, что дуэль кончилась ничѣмъ: по условію было назначено по одному выстрѣлу; князь Юрій и графъ Эдуардъ оба дали по промаху и секунданты не согласились допустить ихъ до вторыхъ выстрѣловъ; говорили, что князь вызывалъ графа во второй разъ, но графъ не явился въ назначенное время. Слухи эти ничѣмъ не оправдывались, напротивъ, графъ, встрѣчаясь въ обществѣ съ княземъ Юріемъ, замѣтно былъ съ нимъ въ большой дружбѣ. Однако-же, чрезъ два дня послѣ этого, у самаго берега Невы, на Крестовскомъ Острову, подняли трупъ князя Юрія: онъ былъ убитъ пулею, попавшею ему въ лѣвой бокъ, нѣсколько пониже сердца. Въ шляпѣ у князя отыскали записку, писанную на французскомъ языкѣ: «Если я буду убитъ или тяжело раненъ и умру на мѣстѣ дуэли, то поручаю моимъ родственникамъ здѣсь же похоронить меня. Не совѣтую разыскивать съ кѣмъ я стрѣлялся, узнавать причину и всѣ прочія обстоятельства дуэли; это навсегда и для всѣхъ останется тайною».

И въ самомъ дѣлѣ, эта тайна не была разрѣшена. Происшествіе это приписывали всѣ чрезмѣрной любви князя къ Анетѣ, многіе догадывались, что графъ Эдуардъ былъ противникомъ князя, но Эдуардъ отрекся отъ этого.

Утромъ, на другой день, графъ Эдуардъ пріѣхалъ къ генеральшѣ Лембахъ и первый сообщилъ Анетѣ и генеральшѣ извѣстіе о смерти князя Юрія. Генеральша чрезвычайно испугалась, съ нею сдѣлалось дурно.

— Мнѣ очень жаль князя Юрія, здоровье его было завидное, и конечно, если-бы не этотъ случай, онъ еще долго бы прожилъ! прехладнокровно говорила Анета.

Графъ видимо сожалѣлъ о князѣ.

— Къ чему сожалѣть, графъ, по моему мнѣнію, надобно радоваться, что человѣкъ умеръ въ молодости; быть можетъ, его ожидали самыя ужасныя страданія въ жизни.

— Это одно предположеніе; также можно думать, что князя ожидало великое счастіе, какъ и всѣ полагали. Вы сами на-

ходили въ немъ такъ много прекрасныхъ достоинствъ, которыхъ лишены другіе.

— Да!.. онъ былъ прекрасный молодой человѣкъ, говорила Анета, садясь за рояль, она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла шутливый французскій романсъ.

Графъ былъ чрезвычайно разстроенъ; румянецъ, постоянно игравшій на его широкомъ лицѣ, замѣнился болѣзненною блѣдностію, голубые глаза его были мутны, въ словахъ и движеніяхъ было замѣтно сильное безпокойство, онъ посидѣлъ не болѣе получаса и уѣхалъ.

Въ столицѣ всѣ сожалѣли о князѣ Юріѣ, всѣ единогласно приписывали причину дуэли любви его къ Анетѣ. Это самое веселило отчасти маменекъ, имѣвшихъ взрослыхъ дочерей. Онѣ изъ всего этого выводили весьма выгодное для себя заключеніе и были увѣрены, что подобное обстоятельство много повредитъ Анетѣ въ сердечныхъ ея побѣдахъ, что теперь толпа ея поклонниковъ разсѣется и молодежь, убѣдившись въ ея безчувственности, или лучше сказать, въ безмѣрномъ тщеславіи, будетъ осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и не станетъ такъ легкомысленно расточать любовь свою. Были и такія маменьки, которыя изъ зависти увѣряли, что Анетѣ, послѣ смерти князя Юрія, не должно уже и думать о знатномъ женихѣ; другія изъ подъ руки болтали, что Анетѣ полѣзнѣе было бы уѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу и возвратиться въ Петербургъ, когда этотъ непріятный случай будетъ нѣсколько забытъ. Многіе вѣрили, что вѣсъ и значеніе Анеты въ обществѣ чрезвычайно измѣнится, они даже утверждали, что Анета преступница, убійца... Добрыя и нѣжныя маменьки говорили много, но не разсчитывали, что говоръ ихъ былъ безполезенъ и понятенъ всѣмъ и каждому.

Анета явилась въ обществѣ и все утихло. На балѣ у графини Даевой она опять самовластно порабощала сердца молодыхъ людей, опять была царицею вечера. Къ досадѣ маменекъ, число поклонниковъ Анеты не только не уменьшилось, но еще увеличивалось, и между ними на балѣ у графини, замѣтили молодаго виконта Анжеро, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшаго изъ Парижа. На другой день послѣ бала виконтъ сдѣлалъ визитъ генеральшѣ Лембахъ. Этого было достаточно для нашихъ маменекъ, чтобы увѣриться самимъ и увѣрять другихъ, что Анета выходитъ за мужъ за француза. Анжеро былъ значительный человѣкъ, богатъ и красивъ собою; Анета дѣйствительно отдавала ему во всемъ преимущест-

во предъ прочими поклонниками. Виконтъ старался узнавать, на какомъ балѣ или вечерѣ будетъ Анета и самъ непремѣнно пріѣзжалъ въ тотъ домъ. Вскорѣ онъ сталъ постояннымъ ея кавалеромъ; ему было скучно безъ Анеты, а, можетъ быть, и Анетѣ было непріятно не встрѣчать его въ обществѣ. Генеральшу Лембахъ Анжеро посѣщалъ ежедневно. Какъ французъ и еще такой французъ, которому хорошенькая женщина умѣла вскружить голову, виконтъ только и разговаривалъ въ обществѣ о рѣдкой красотѣ Анеты, сравнивалъ ее съ неземнымъ существомъ, разсыпалъ на ея счетъ тысячи похвалъ и восторговъ, словомъ: сходилъ съ ума отъ Анеты, и утверждалъ, что ни въ одной Европейской столицѣ нѣтъ женщины, которая въ чемъ бы то ни было могла поспорить съ Анетой.

Анжеро пріобрѣлъ большой вѣсъ въ обществѣ; его сужденія находили отголосокъ, и везлѣ его обращенію, манерамъ и даже всѣмъ мелочамъ его гардероба старались подражать наши молодые и пожилые франты. Если виконтъ былъ у кого на вечерѣ, того называли счастливцемъ и онъ считался уже въ мнѣніи общества выше другихъ: на все есть своя мода!

Маменьки торжественно объявили, что Анжеро женится на племянницѣ генеральши Лембахъ. Слухъ этотъ оправдывался разными обстоятельствами: Генеральша Шухова, заѣхавъ по утру на Невскомъ Проспектѣ въ бриліантовый магазинъ, увидѣла два золотыя кольца, одно съ французскимъ вензелемъ А. Г., другое съ русскимъ В. Ф. А., она узнала, что кольца заказаны Анжеро, чего же больше нужно для доказательства, что Анета выходитъ замужъ за виконта; вотъ ихъ обручальныя кольца, думала генеральша и, разсматривая ихъ, язвительно улыбалась. Вотъ вензель Анеты Громковой, а вотъ виконта Филиппа Анжеро.

Съ досадою уѣхала она изъ магазина и хотя въ тотъ день была очень озабочена, но все же, по дорогѣ, заѣхала къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ и чрезъ часъ, по крайней мѣрѣ, десять семействъ успѣла увѣрить, что на дняхъ Анета непремѣнно будетъ помолвлена за виконта Анжеро. Тогда-то добродѣтельныя маменьки вновь зашумѣли, одни изъ нихъ радовались, другія грустили; многія прочили за француза своихъ дочерей; но дѣло кончено; пусть онъ женится на Анетѣ, по крайней мѣрѣ, она не будетъ уже привлекать къ себѣ такое число жениховъ, которые давно бы уже были завербованы для ихъ дочекъ. Такъ разсчитывали маменьки и всѣ вмѣстѣ ожидали съ нетерпѣніемъ и досадою

дальнѣйшаго извѣстія объ Анетѣ и ея виконтѣ, говоря иронически: «не нашла лучше! Богъ знаетъ, за какого выходца выходитъ.» Между тѣмъ, толпы поклонниковъ Анеты нисколько не уменьшались, и несмотря на разнесшійся слухъ о ея замужествѣ, молодежъ не переставала оспоривать другъ у друга право на сердце общей богини.

Нѣсколько мѣсяцевъ пронеслось, какъ нѣсколько часовъ. Слухи на счетъ судьбы Анеты все болѣе и болѣе оправдывались: самъ виконтъ не скрывалъ уже отъ своихъ пріятелей, что Анета его невѣста, а пріятели торжественно говорили объ этомъ въ салонахъ. Знакомые поздравляли Анету съ счастіемъ, Анета же, какъ всегда при подобныхъ обстоятельствахъ, искренно смѣялась, принимала слухъ этотъ за шутку; она полагала, что все это дѣлаетъ зависть и досада маменекъ, и отчасти была права.

Скоро послѣ смерти князя Юрія случилось другое непріятное происшествіе. Графъ Кронштгелмъ, болѣе прочихъ надѣявшійся получить руку Анеты, разъ утромъ пріѣхалъ съ визитомъ къ генеральшѣ Лембахъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Анжеро, разговаривавшаго наединѣ съ Анетою. Лишившись одного изъ пяти любимыхъ мопсовъ, старуха Лембахъ чувствовала себя нездоровою и поэтому не выходила изъ своихъ комнатъ. Графа Карла приняла Лембахъ въ зеленой гостиной. Графъ былъ очень скученъ и разстроенъ, онъ мало говорилъ, задумывался и на вопросы генеральши или отвѣчалъ невпопадъ или вовсе не слышалъ ея словъ. Внимательная генеральша Лембахъ старалась разсѣять его, и будучи сама чрезвычайно поражена своимъ несчастіемъ, шутила и смѣялась, желая сколько можно развеселить графа, но ни вниманіе Лембахъ, ни ея шутки не дѣйствовали на него. Генеральша приказала просить въ гостиную Анжеро и Анету.

— Виконтъ Анжеро большой болтунъ, онъ съ утра до вечера забавляетъ меня и Анету! сказала генеральша.

Графъ Карлъ горько улыбнулся и молчалъ.

— Я знала его еще въ Парижѣ, отецъ его очень знатный и богатый аристократъ, сынъ умница, хотя немножко болтливъ, но это отличительная черта всей парижской молодежи.

Графъ все молчалъ, въ сердцѣ его разливался губительный ядъ, душа испытывала всѣ адскія мученія, генеральша не догадывалась, что она еще больше растравляетъ его раны.

Ловкій французъ ввелъ Анету подъ ручку, она была чрезвычайно весела и громко хохотала. Виконтъ также смѣялся,

онъ разсказывалъ ей какой-то парижскій анекдотъ. Они сѣли противъ генеральши и графа Кронштельма. Анжеро, досказавши анекдотъ и похохотавши съ Анетой, завелъ разговоръ съ генеральшею и графъ Карлъ сѣлъ подлѣ Анеты.

— Вы сегодня разстроены, графъ, вы страшно блѣдны, не больны ли?

Душевное мученіе сомкнуло уста графа; на вопросъ Анеты онъ долго не могъ отвѣчать.

— Ужъ не влюблены ли вы, графъ, не измѣнили ли вамъ? шутя говорила Анета.

— Да, я не такъ здоровъ! едва проговорилъ графъ.

— Что съ вами? Вѣроятно мое замѣчаніе... справедливо: вы влюблены?

— Да, и если бы вы знали, какъ очаровательнъ предметъ моего сердца! сказалъ графъ Карлъ и горькая улыбка мелькала на блѣдныхъ губахъ его. Ясно видно было, что слова эти произнесъ онъ въ нестерпимымъ мученіемъ.

— О, я вполнѣ увѣрена въ этомъ. Скажите мнѣ, брюнеткѣ или блондинкѣ отдали вы сердце; я отгадаю, платитъ ли она вамъ взаимностію.

— Блондинкѣ.

— Какіе глаза?

— Черные, большіе, осѣненные длинными рѣсницами. Въ глазахъ этихъ заключается цѣлый рай блаженства.

— Ростъ, станъ, все мнѣ опишите, какой цвѣтъ она любитъ?

— Ростъ вашъ, станъ вашъ, черный цвѣтъ предпочитаетъ прочимъ.

Анета пріятно улыбнулась. Она поняла, кого описывалъ графъ.

— Сколько могу судить по вашему описанію, графъ, богиня ваша похожа на одну изъ моихъ знакомыхъ...

— Да, и очень даже...

— Эта женщина холодна къ вамъ. Она васъ любитъ, какъ и прочихъ, но любить сердцемъ, любить васъ однихъ, предпочитать васъ всѣмъ она не въ силахъ. Сердце ея ищетъ чего-то другаго и не находитъ! Не правда ли, графъ, я мастерица отгадывать чужія тайны?

— Графъ покраснѣлъ, судорожное движеніе пробѣжало на его губахъ, глаза сначала заблистали, налились кровью, а потомъ приняли выраженіе какого-то болѣзненнаго чувства. Онъ хо-

тѣлъ встать и не могъ, силы измѣнили ему, это еще болѣе его смутило.

— Да, отвѣчалъ онъ наконецъ. Я очень хорошо знаю, что она не въ силахъ платить мнѣ взаимностію. Я теперь только начинаю вѣрить, что у женщинъ вмѣсто сердца въ груди какая-то твердая скорлупа, въ которой переливается холодная кровь...

— Ха, ха, ха! Графъ, какой вы опытный физіологъ!

Графъ замолчалъ. Анета бросила на него испытующій взглядъ, который, казалось, проникалъ въ самую душу графа. Она видѣла его мученія, она не догадывалась, но твердо знала, что графъ влюбленъ въ нее и издѣвалась надъ его святыми чувствами, шутила надъ его страданіями, казалось, ей даже пріятно было видѣть мученія графа, сладко было растравлять его сердце и, доведя его до послѣдней степени мученія, съ насмѣшкой оттолкнуть отъ себя, ясно высказавъ, что для нея смѣшны и жалки его чувства.

Измученный, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ душою, отравленною ядовитою печалью, пріѣхалъ графъ домой. Черезъ часъ ему сдѣлалось очень дурно, къ вечеру усилился жаръ, появился бредъ и открылись всѣ признаки горячки. Старанія докторовъ оставались безполезны, причины недуга были такъ сильны, что и самую болѣзнь прервать уже было невозможно.

Три дня графъ лежалъ совершенно безъ чувствъ, затѣмъ опять появился бредъ и имя Анеты слетѣло съ горѣвшихъ устъ его. Доктора и родные графа поняли причину болѣзни...

Между тѣмъ и послѣ этого случая, толпы поклонниковъ Анеты волновались, какъ море: они, то приближались къ ея ногамъ и лобызали ихъ, то далеко отплескивались, уступая мѣсто сильнѣйшимъ валамъ и опять въ свою очередь катились къ ней. Но напрасны были приливы и отливы: они не могли поколебать гордую скалу и только лизали ея подошву.

—

ВЗАИМНЫЕ СОЧУВСТВОВАТЕЛИ.

ПОВѢСТЬ

Я. БУТКОВА.

—

ЖАЖДА СОЧУВСТВІЯ.

Въ Малой Коломнѣ, у Максима Степановича Неуступова, бывшаго человѣка, а нынѣ милостиваго государя, жилъ нѣкто Лукьянъ Тимофеевичъ Перетыка–*Судырь*, произшедшій изъ малороссійскаго званія, принадлежавшій, по занятіямъ, къ извѣстному своимъ благосостояніемъ сословію горюновъ, состоящихъ причемъ-нибудь и не при чемъ не состоящихъ. Лукьянъ Тимофеевичъ брился каждую субботу, въ четыре часа пополудни, и вообще отличался добротою души, орфографическими ошибками, умѣренною жизнью и черниговскимъ нарѣчіемъ.

Кругъ знакомства его былъ не обширный, но избранный: купеческое семейство Горчицыныхъ, Ѳедора Петровича и Марьи Ѳоминишны, съ ихъ дочерью Дашенькою и сыновьями Аристархомъ и Глѣбушкою; холостое семейство господина Пышкина, Алексѣя Львовича, кромѣ бѣжавшей въ Москву самой госпожи Пышкиной; временное семейство подпоручика Гутентага, все сполна—отъ временной фрау Гутентагъ до постояннаго Макара Тупицына, наконецъ, индивидуумы и сосѣди: мѣщанинъ Варенухинъ, конторщикъ одного торговаго дома, и Михайло Ивановичъ Ныловъ, бывшій винный приставъ, а нынѣ кающійся грѣшникъ.

Впрочемъ, въ одномъ только семействѣ Горчицыныхъ онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе возвышеннымъ стремленіямъ своего сердца. Со всѣми прочими онъ поддерживалъ обыкновенное свѣтское знакомство, считая долгомъ посѣщать ихъ въ нѣкоторые дни, для одного соблюденія свѣтскихъ приличій. Былъ онъ человѣкъ съ страстною, воспріимчивою душою, которая долго и тщетно искала искренности и сочувствія отъ толпы, проникнутой эгоизмомъ, волнуемой матеріяльными интересами. «Свѣтъ» считалъ онъ безчувственною, ледяною глыбою, недоступною животворнымъ лучамъ поэзіи. Одна природа, неподдѣльная, Екатерингофская, возбуждала въ немъ уваженіе, любовь, восторги, благоговѣніе и онъ довѣрчиво и страстно кинулся въ ея объятія.

Зеленая травка и Финское взморье долго тѣшили и чаровали его. Долго былъ онъ безусловно счастливъ, когда, сбросивъ съ себя свѣтскіе вериги, глупое бремя обычаевъ, моды,

приличій—уединялся въ непроходимой дебри Екатерингофской, или лежалъ, безъ стѣснительной верхней одежды, на самомъ берегу полной Таракановки, при впаденіи ея въ Финскій заливъ, когда съ страстнымъ вниманіемъ, будто къ сладкому шопоту любви, прислушивался — то къ шуму величественныхъ, вѣковыхъ и необъятныхъ дубовъ, касавшихся вершинами самыхъ облаковъ, то къ глухому ропоту морскихъ валовъ, воздымавшихся, подобно горамъ Пулковскимъ и Валдайскимъ, изъ нѣдръ бездонной и безбрежной пучины, и съ яростію дробившихся у ногъ его.

Наконецъ, онъ почувствовалъ, что для полноты его счастія недостаетъ здѣсь, на великолѣпномъ берегу Таракановки, нѣкотораго отеля, называемаго въ просторѣчіи рестораціею.... На слѣдующій годъ, признательная къ своему сочувствователю природа, послѣ перваго лѣтняго дождя, вмѣстѣ съ грибами и лягушками выростила на указанной мѣстности сосновый балаганъ, выкрасила его желтымъ цвѣтомъ и украсила достопримѣчательною надписью: «Въ хотъ взаведеніе чай вотъ ка іні рашки!»

Снова на цѣлое лѣто сталъ счастливъ отшельникъ свѣта, Лукьянъ Тимофеевичъ Перетыка. Вечеръ субботній и все воскресенье—вожделѣнный періодъ свободы отъ дѣлъ проводилъ онъ въ восторженномъ созерцаніи матери—природы, кушалъ чай на дикомъ и пустынномъ берегу безграничнаго моря, а воображеніе, съ своей стороны, рисовало ему чудесныя картины изъ естественнаго человѣческаго быта. Онъ видѣлъ, съ сердечнымъ умиленіемъ, что Гришка, служитель созданнаго природою «заведенія», и Тарасъ, его буфетчикъ, могли удовлетворить самое взыскательное естестволюбіе.

Въ тоже время, Лукьянъ Тимофеевичъ нашелъ недалеко отъ Екатерингофа, въ Тентелевой деревнѣ, новый источникъ и родъ счастія. Это счастіе заключалось въ необъятномъ семейномъ самоварѣ Горчицыныхъ, за которымъ засѣдалъ весь торговый домъ ихъ, въ томъ числѣ остроглазая и рѣзвая Дашенька, дочь торговаго дома, Аристархъ — сынъ и компанія торговаго дома, и Глѣбушка, глупый и избалованный мальчикъ, по совершенной юности и легкомыслію еще не состоящій въ компаніи съ торговымъ домомъ. Къ этому-то самовару, по волѣ судебъ и случая, примкнулъ Лукьянъ Ивановичъ, въ качествѣ гостя и искренняго сочувствователя всего семейства Горчицыныхъ. Нѣкоторыя внѣшнія, дѣловыя отношенія между нимъ и старикомъ Горчицынымъ сдѣлали его пріятнымъ и желаннымъ членомъ семейныхъ засѣданій вокругъ самовара, такъ, что онъ почти вовсе пересталъ посѣщать въ урочные дни пустынный брегъ безграничнаго моря и кушать чай въ заведеніи на пустынномъ брегѣ безграничнаго моря; притомъ же, однажды въ заведеніи у него украли шинель, а на брегѣ съ него просто и естественно—стащили пальто, сверхъ всего этого, Дашенька, съ своей стороны, какъ будто все—что-то хотѣла сказать ему, не то, о чемъ она говорила съ нимъ постоянно, а другое, болѣе естественное... Однако-жъ, Дашенька

ничего такого неговорила ему, а только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ приходилъ въ восторгъ отъ созерцанія красотъ природы и патріархальной простоты нравовъ, господствующихъ между неиспорченными образованностію и небритыми сынами природы—туземцами Тентелевой деревни.

Лукьянъ Тимофеевичъ, проникнутый новымъ живымъ ощущеніемъ, отрывался отъ своего кружка, уходилъ подъ сѣнь извѣстныхъ величественныхъ дубовъ и даже на безопасный пунктъ знакомаго берега и повѣрялъ думы свои волнующемуся морю... Но къ концу лѣта снова почувствовалъ онъ, что для полноты его счастія недостаетъ еще одного обстоятельства — вѣрнаго друга, совершеннаго сочувствователя, который бы понималъ его вполнѣ, предъ которымъ бы могъ онъ высказаться весь, безъ недомолвокъ, какъ передъ Дашенькою, на котораго бы могъ надѣяться, какъ на самаго себя, даже болѣе, чѣмъ на самаго себя.

Тутъ онъ былъ нѣсколько смущенъ собственною притязательностію. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять такого удивительнаго человѣка?

Какъ гдѣ?—А Звѣробоевъ, Ахиллесъ Несторовичъ, тотъ самый, что живетъ большею частію въ Сытномъ переулкѣ, иногда нигдѣ не живетъ, ходитъ по Невскому въ усахъ, иногда пари держитъ на усы, обѣдаетъ у Излера и Жоржа—иногда вовсе нигдѣ не обѣдаетъ—но всегда, вѣчно, человѣкъ «съ душою».

Убѣдившись въ крайней надобности имѣть сочувствователя, Лукьянъ Тимофеевичъ, можетъ быть, даже слишкомъ поторопился, завербовавъ въ эту должность именно господина Звѣробоева, а не кого нибудь другаго. Ему и въ голову не пришло потрудиться припомнить, съ котораго времени они сдѣлались такими ревностными друзьями, съ чего началось ихъ знакомство, по какой уважительной причинѣ они стали говорить одинъ другому — ты? Какъ-бы-то-нибыло для Лукьяна Тимофеевича жаркая потребность сочувствія была удовлетворена, союзъ съ Звѣробоевымъ заключенъ и между ними утвердилось сочувствіе прочное, на вѣки нерушимое.

Пріобрѣтеніе взаимнаго сочувствователя произошло такимъ достопамятнымъ образомъ:

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, часа въ два по полудни, Лукьянъ Тимофеевичъ, сидя за своею механическою работою, почувствовалъ, что другіе въ это самое время гуляютъ по Невскому—а онъ не гуляетъ, что другіе, можетъ быть, даже безъ взякаго сомнѣнія—наслаждаются созерцаніемъ удивительно схожаго съ оригиналомъ дагерротипнаго портрета, снятаго краснымъ солнышкомъ съ его собственной особы и выставленнаго, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Невскаго Проспекта, а онъ, съ своей стороны, вовсе не наслаждается; между тѣмъ, стоило бы только придумать основательную причину... и Лукьянъ Тимофеевичъ придумалъ такую неотразимую причину: что больной и отставной хозяинъ просилъ его навести, гдѣ слѣдуетъ, справку о пенсіи, а наведеніе сіе можетъ

быть сдѣлано съ желаемымъ успѣхомъ только въ сіи дѣловые часы.

Такая причина была принята благосклонно и Лукьянъ Тимофеевичъ получилъ позволеніе отлучиться для похвальнаго дѣла, а кстати его попросили, мимоходомъ, нанять хорошенькую карету и прислать ее къ подъѣзду, чтобы тутъ подождала.

Такимъ образомъ, Лукьянъ Тимофеевичъ, свободный отъ дѣлъ, изсушающихъ сердце и производящихъ трясеніе въ рукахъ, отправился себѣ погулять хорошенько. Прогулку свою началъ онъ не съ самаго вступленія на Невскій Проспектъ: съ полверсты прошелъ онъ шибко, ни на что не обращая вниманія, какъ человѣкъ, стремящійся къ неизъяснимо важной цѣли. Онъ дѣйствительно имѣлъ эту цѣль и остановился только достигнувъ ее совершенно, достигнувъ бойкой мѣстности, на которой красовалось дагерротипное его изображеніе... Тутъ, съ сердечнымъ умиленіемъ онъ удостовѣрился, что портретъ его—какъ и должно было ожидать — окруженъ любопытною толпою. Жаль только было, что глупая толпа не чувствовала присутствія самаго знаменитаго «оригинала», который чуть не со слезами любовался своимъ изображеніемъ, отыскивая въ немъ черты возвышеннаго характера, страстной любви къ природѣ, естественной любви къ самому себѣ, непостижимой доброты души, склонности къ сочувствію человѣкамъ обоего пола, только бы эти человѣки ему сочувствовали, наконецъ, тысячи доблестей и свойствъ второстепенныхъ, которые однако для многихъ другихъ были бы доблестями и свойствами капитальными.

Съ трудомъ оторвавшись отъ самосозерцанія, онъ началъ свою прогулку по Невскому, предположивъ дойти до самой Литейной, а тамъ ужъ нанять наилучшую карету, по сдѣланному ему порученію, и въ той каретѣ совершить обратное путешествіе по всему Проспекту, что во всякомъ случаѣ пріятно, даже и въ томъ сомнительномъ случаѣ, если не встрѣтится ни одинъ знакомецъ, или даже кто нибудь вовсе незнакомый, только внимательный къ тому, что Лукьянъ Тимофеевичъ нынче мало ходитъ пѣшкомъ, а ѣздитъ, большею частію, въ каретѣ.

ВСТРѢЧА СЪ СОЧУВСТВІЕМЪ.

Предположенія Лукьяна Тимофеевича, какъ и должно было ожидать, исполнились совершенно. Лукьянъ Тимофеевичъ, достигнувъ Литейной, достаточно утомленный своею пѣшеходною прогулкою по Невскому, нанялъ, за сходную цѣну, прекрасную докторскую карету, и съ удовольствіемъ расположился на ея мягкихъ бархатныхъ подушкахъ; потомъ онъ приказалъ кучеру ѣхать себѣ съ Богомъ помаленьку, только не такъ, какъ на пожаръ, а памятовать въ своей мужицкой душѣ, что ѣдетъ онъ по Невскому, стало быть — все-таки ѣхать себѣ, по маленьку! Къ этому хозяйскому распоряженію Лукьянъ

Тимофеевичъ присовокупилъ еще нѣчто философское «о человѣколюбивомъ обращеніи съ животными».

Кучеръ, усадивъ Лукьяна Тимофеевича въ карету, до тѣхъ поръ слушалъ его наказы и поученія, пока не возчувствовалъ, что баринъ хочетъ совратить его, своимъ краснобайствомъ, съ истиннаго пути. Потомъ, онъ взобрался на козлы, стегнулъ и лошадки повезли его, вмѣстѣ съ докторскою каретою и покоящимся въ ней Лукьяномъ Тимофеевичемъ прямо на Невскій Проспектъ.

Лукьянъ Тимофевичъ, между тѣмъ, терпѣливо дождавшись, когда карета двинется съ мѣста, опустилъ стекла ея, подъ предлогомъ освѣженія воздуха и занялся выглядываньемъ—то въ одно окно, то въ другое, чтобы всякому прохожему ясно было видно, кто это путешествуетъ или прогуливается въ каретѣ. Его положеніе было совершенно ново для него и онъ съ непривычки къ поѣздкамъ, вообразилъ себѣ, что если бы, на-примѣръ, въ этой каретѣ, рядомъ съ нимъ сидѣла Дашенька, то онъ поднялъ бы оба стекла въ каретѣ, приказалъ бы кучеру ѣхать по Невскому, какъ можно шибче, чтобы ни одна душа не замѣтила, кто и съ кѣмъ и куда именно ѣдетъ, а тамъ уже за городомъ, по Петергофской дорогѣ, ѣхать потихоньку, но безъ малѣйшей остановки и такимъ образомъ достигнуть цвѣтущихъ береговъ какой нибудь величественной рѣки и остановиться въ готовомъ нумерѣ у одинокаго и весьма почтеннаго старца; тамъ, въ нумерѣ, пасть на колѣна передъ старцемъ, признаться и повиниться ему откровенно во всемъ, а старецъ, съ своей стороны, разумѣется, сказалъ бы: дѣти мои! будьте счастливы, дѣти мои! Вотъ вамъ лучшій нумеръ моей хижины: живите себѣ, я—ничего! а если хотите, такъ вотъ вамъ вокругъ хижины лѣсочки разные, огородъ, куропатки, травка зеленая, вороны, ручьи кристальные и всякое естество! Тутъ бы имъ снова упасть на колѣна передъ мудрымъ старцемъ...

— Перетыка! господинъ Перетыка! Лукьянъ Тимофеевичъ!

Эти восклицанія потрясли слухъ Лукьяна Тимофеевича и прервали нить его размышленій. Онъ торопливо, съ безъотчетнымъ страхомъ выглянулъ изъ своего экипажа и съ величайшею радостію увидѣлъ, что его кличетъ никто иной, какъ молодой статный мужчина, съ знакомыми усами, одѣтый франтомъ абсолютнымъ, вооруженный лорнеткою, однимъ словомъ, господинъ Звѣробоевъ, Ахиллесъ Несторовичъ, такой господинъ, что очень хорошее могъ дать понятіе о человѣкѣ, съ которымъ удостоился встрѣтиться, котораго даже остановилъ на Невскомъ. Дѣйствительно, многія дамы и мужчины, шедшіе по тротуару, не безъ крайняго любопытства взглянули на Лукьяна Тимофеевича и его карету. Къ этому должно присовокупить, что всѣ особы, обнаруживавшія такое лестное для него любопытство, очевидно принадлежащія къ хорошему кругу, а можетъ быть, и къ настоящему большому свѣту, ясно услышали произнесенное собственными устами господина Звѣробоева полное величанье счастливаго пассажира этой кареты..., Лукьянъ Тимофеевичъ быстро сообразивъ всѣ выгоды своей

неожиданной встрѣчи, исполнился нелицемѣрной признательности къ Звѣробоеву, остановилъ свой экипажъ и кинулся изъ него на тротуаръ Невскаго Проспекта, въ объятія своего знакомца, въ виду многихъ пѣшеходовъ, все, вѣроятно, изъ высшаго круга, который такимъ образомъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ искренней взаимности и совершеннѣйшей пріязни, соединяющей двухъ любителей природы. Впрочемъ, и то можетъ быть, что особы высшаго круга вовсе не замѣтили сего трогательнаго соединенія сердецъ на Невскомъ Проспектѣ, можетъ быть, даже и кареты не замѣтили, и имени Перетыки, Лукьяна Тимофеевича, явственно произнесеннаго Звѣробоевымъ, не разслышали по разсѣянности... что-жъ!

Въ минуту той встрѣчи, Звѣробоевъ шелъ по Невскому съ праздничною, совершенно приличною физіономіею. Отъ усовъ его, завитыхъ съ нѣжною попечительностію, вѣяло фиксатуаромъ. Прищуривъ лѣвый глазъ, онъ глядѣлъ на свѣтъ Божій правымъ глазомъ, вооруженнымъ модною лорнеткою, которая была искусно поддерживаема нахмуренною бровью; словомъ, глядѣлъ, какъ слѣдуетъ глядѣть свѣтскому человѣку. На лицѣ его выказывалось глубокое убѣжденіе въ своей свѣтскости, неотразимости, а въ душѣ происходила отчаянная борьба, по одному странному случаю, о которомъ онъ думалъ такимъ образомъ:

«Удивительный мошенникъ этотъ Анаксагоръ Леопольдовичъ! двадцать пять процентовъ на одинъ мѣсяцъ! десять рублей сер. подъ такой фракъ! Что я сдѣлаю съ десятью рублями? Хозяйкѣ отдать? Какъ бы не такъ! А самъ останусь на бобахъ — что-ли? Подождетъ, колдунья! А если, напримѣръ, купить одеколону, перчатки?... Да, хорошо, что вспомнилъ. Одеколонь и перчатки это необходимо. А пообѣдать: къ кухмистеру, что-ли? За 30 копѣекъ? — Нѣтъ! Удивительно, какія мечты и глупыя мысли приходятъ въ голову! должно обѣдать у Излера. Тамъ же и билліардъ есть. Вѣроятно будетъ и штабсъ-капитанъ Рюмочка, Это пріятное знакомство. Можно изъ кандитерской проникнуть куда нибудь и далѣе.... Говорятъ, онъ въ связяхъ. Пора бы ужъ проникнуть далѣе... фи! какіе мошенники это ростовщики!... Штабсъ-капитанъ Рюмочка навѣрно встрѣтится. На первый случай нужно показать, что мы тоже народъ порядочный ... А если моя баба въ самомъ дѣлѣ пойдетъ къ надзирателю?... Ну, какъ можно!... Нельзя же разомъ удовлетворить всѣхъ... Ба! это что? это никакъ тотъ, какъ бишь его. . дурачина такой.... Ну да ничего, что дурачина. Дурачина себѣ ѣдетъ въ каретѣ, а мы то, съ умомъ, ходимъ пѣшкомъ.... Какъ бишь его?... Вотъ бы кстати. Это могло бы произвести въ глазахъ публики пріятное впечатлѣніе; тотчасъ замѣтно... И штабсъ-капитанъ Рюмочка тоже можетъ увидѣть... А нужно бы заинтересовать этаго человѣчка. Онъ тоже въ какихъ-то отношеніяхъ.. . Дѣвочка, о которой онъ мнѣ говорилъ, очень не дурна. Купцы, говорятъ, съ состояніемъ....

Очень важно было бы сойтись съ ними.... какъ бишь его, дурака.... А-га! вспомнилъ!

Въ тоже мгновеніе онъ провозгласилъ: Перетыка! и Перетыка налетаетъ въ его объятія. На проходившихъ мимо это произвело замѣтное впечатлѣніе: слышали имена и замѣтили физіономіи: одинъ, тотъ, который былъ въ каретѣ—Перетыка, малороссійскій магнатъ, а другой, который въ усахъ—Звѣробоевъ, нижегородскій магнатъ. Оба одѣты очень просто, и только по совершенной простотѣ одежды можно было догадаться, что это знать такая....

Это сужденіе быстро мелькнуло въ умахъ обоихъ знакомцевъ и взаимныхъ сочувствователей....

— Ну, что ты, что ты, братецъ, началъ Звѣробоевъ самымъ дружественнымъ тономъ и такимъ голосомъ, который показывалъ всѣмъ мимошедшимъ особамъ, что нижегородскій магнатъ не привыкъ стѣсняться и шептаться въ публикѣ. Я къ тебѣ десять разъ «заѣзжалъ»—все говорятъ «уѣхали.» Ты вѣчно занятъ, вѣчно рыщетъ по городу!...

— Теперь-то я не очень занятъ, нужно только съѣздить недалеко, на четверть часа.

— Прекрасно! Кстати, гдѣ ты сегодня обладаешь?

— Я обѣдаю... Лукьянъ Тимофеевичъ прикусилъ языкъ: можно ли было сказать предъ благоговѣвшею толпою, то онъ обѣдаетъ извѣстно гдѣ?

Звѣробоевъ продолжалъ равнодушнымъ тономъ:

— Не хочешь ли у Излера отобѣдать со мною — а? Я свободенъ отъ четырехъ до девяти.

Послѣдняя фраза представляетъ замѣчательную черту скромности Звѣробоева: онъ имѣлъ полное право сказать, что свободенъ постоянно во всѣ дни живота своего.

— Пожалуй.

— Такъ у Излера?

— У Излера.

— Я тебя больше не задерживаю. Тамъ сойдемся, у Излера!

— До свиданія, у Излера, произнесъ Лукьянъ Тимофеевичъ съ глубокимъ сочувствіемъ къ своему новоприобрѣтенному другу, садясь въ карету.

Звѣробоевъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ, покуда карета двинулась съ мѣста, обернулся, взглянулъ съ совершеннымъ равнодушіемъ на толпу гуляющихъ, убѣдился, что толпа достаточно знаетъ постоянный обычай обоихъ друзей обѣдать у Излера, и снова пошелъ своею дорогою. Только вся его фигура приняла болѣе величественный видъ и отъ усовъ еще сильнѣе повѣяло фиксатуаромъ.

Вотъ по какимъ обстоятельствамъ, выказавшимъ господъ Перетыку и Звѣробоева предъ праздною публикою Невскаго Проспекта въ наилучшемъ для нихъ свѣтѣ, возъимѣлось между ними давно желанное искреннее сочувствіе, заключена дружба полезная для обѣихъ сторонъ. Конечно, еслибы Перетыка встрѣтился Звѣробоеву не въ каретѣ, а просто спѣшеннымъ,

какъ всегда, или даже въ каретѣ, только не на Невскомъ Проспектѣ, то Звѣробоевъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшился бы пригласить его къ обѣду у Излера. Такое приглашеніе было бы нелѣпостію, глупымъ фарсомъ, несвойственнымъ практической натурѣ Звѣробоева. Перетыка съ своей стороны не кинулся бы въ объятія Звѣробоева и непочувствовалъ бы къ нему внезапной страшной привязанности, если бы тотъ окликнулъ его въ Большой Мѣщанской, а не на Невскомъ, или даже на Невскомъ, только не въ каретѣ. Но тутъ сама судьба соединила всѣ условія для заключенія между ними тѣснаго союза и братскаго взаимнаго сочувствія.

Въ пять часовъ по-полудни оба взаимные сочувствователи сошлись у Излера по точному смыслу договора, заключеннаго въ присутствіи особъ, гулявшихъ по Невскому Проспекту. Звѣробоевъ немедленно распорядился объ обѣдѣ, и Перетыка почувствовалъ крайнюю надобность въ откровенномъ объясненіи съ нимъ относительно еще нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ вѣчнаго союза. На-примѣръ, какимъ образомъ Звѣробоевъ намѣренъ ему сочувствовать: въ обѣдахъ только, гуляньѣ по Невскому и въ другихъ чисто-практическихъ дѣлахъ, или во всемъ безъ изъятія, въ его привязанности къ неподдѣльной природѣ, къ морскимъ и всякимъ берегамъ, къ шуму ручейка, тихо катящагося съ высотъ стремнины, или какой нибудь другой, ужасающей крутизны, равномѣрно къ таинственному шопоту непроходимаго Екатерингофскаго бора и къ яростному ропоту валовъ морскихъ, съ громомъ дробящихся у ногъ его. А соловьи, жаворонки, воробьи и прочія птицы? Какъ онъ думаетъ держаться относительно къ прочимъ птицамъ? Вѣдь есть же многіе примѣры, что иной сочувствуетъ ярости валовъ морскихъ и равнодушенъ къ щебетанью воробья; плачетъ отъ восторга, растянувшись на зеленой травкѣ, а голубей любитъ только жареныхъ.

Къ сожалѣнію, Лукьяна Тимоѳѣевича никакъ нельзя было привести немедленно въ ясность всѣ важные вопросы, возникшіе въ умѣ его по поводу взаимной сочувственности. Звѣробоевъ то и дѣло развлекался освѣдомленіемъ о добромъ здоровьи новыхъ лицъ, появлявшихся въ ресторанѣ. Притомъ-же, появился обѣдъ, такъ надобно было заняться и обѣдомъ.

— Пріятель мой—человѣкъ нужный, думалъ между тѣмъ Звѣробоевъ. Глупъ, а ѣздитъ въ каретѣ; да кому же и счастье, какъ не глупцамъ. Нашъ братъ все долженъ брать грудью, головою.... мозговой рррработой!... У! и со связями, кажется!... Дѣвочка не дурна, очень, очень не дурна... и не лишена воспитанья, повидимому... купецъ, человѣкъ тоже съ состояніемъ... Пожалуй и успѣетъ... Чего мудренаго, успѣетъ. Кому и счастье, какъ не глупцамъ. Вѣдь человѣкъ плакунъ, больше ничего: любитъ кусточки, ручейки и отъ приданаго не прочь, а глупъ! Нашъ же братъ, поди, попробуй... а почему не попробовать? Даже стыдно будетъ не попробовать... а тамъ можно бы и пожить... Да, пора бы устроиться, заняться

серьезно важными вопросами науки и жизни — пора, особливо человѣку съ здравымъ смысломъ... вѣдь тутъ и примѣръ можно бы взять хоть съ него, дурака.

— Ты меня, любезнѣйшій другъ, извини, началъ Звѣробоевъ, обращаясь къ своему пріятелю. Я задумался, и знаешь о чемъ задумался? Помнишь, когда это мы съ тобой встрѣтились въ Екатерингофѣ? Мѣсяцъ, два, три все равно! Мы ходили вмѣстѣ и встрѣтились съ однимъ семействомъ... Очень почтенное семейство!

— О!

— Ты еще тогда далъ мнѣ понять... Дѣвушка—чудо, братецъ, чудо. Я тебѣ скажу, что если ты влюбленъ въ нее...

— О!

— То у тебя есть и вкусъ къ изящному, и сердце, и... умъ... то есть, тотъ умъ, проникающій, сочувствующій.... Вѣдь я тебѣ скажу — для человѣка съ душею мало того, чтобы знать, видѣть, понимать натуру, надобно ей сочувствовать. Человѣкъ, несочувствующій прекрасному, есть, по моему мнѣнію, и по мнѣнію Анаксагора, а также Осипа Богуславича Скржебницкаго, бѣлорусскаго помѣщика и моего хорошаго пріятеля, такой человѣкъ, я тебѣ скажу, больше волкъ, нежели человѣкъ: одни волки ничему не сочувствуютъ, хоть и все ѣдятъ, — а Платонъ полагаетъ еще болѣе, и я согласенъ даже съ Платономъ. Существо человѣческое, говоритъ Платонъ въ одномъ мѣстѣ, по гречески.... Ты не знаешь по-гречески? какъ жаль, что ты незнаешь по-гречески.... Я тебѣ скажу, что если бы ты зналъ по-гречески....

Тутъ онъ замолчалъ, почувствовалъ, что заврался почти безвыходно. Лукьянъ Тимофеевичъ съ своей стороны переходилъ отъ изумленія къ изумленію, слушая своего сочувствователя. Онъ и неподозрѣвалъ въ немъ такого возвышеннаго стремленія къ природѣ и къ самой сочувствовательности. Пожалѣлъ онъ, что не зналъ по-гречески, но нисколько неусумился въ томъ, что Звѣробоевъ знаетъ по-гречески и сознался въ душѣ, что вообще относительно учености онъ очень уступаетъ ему въ сочувствіи къ природѣ и ко всему прекрасному въ природѣ, хотя и не знаетъ, что именно думаютъ объ этомъ такой-то Платонъ, Анаксагоръ и Осипъ Богуславичъ Скржебнецкій, бѣлорусскій помѣщикъ.

— Ты меня познакомь съ ними, съ этимъ семействомъ, продолжалъ Звѣробоевъ, рѣшительно повернувъ отъ Анаксагора и Платона къ семейству Горчицыныхъ.... Ты меня, братецъ, въ слѣдующее же воскресенье....

— Мнѣ очень пріятно....

— А я тебя, братецъ, съ штабсъ-капитаномъ Рюмочкою? Мы съ нимъ здѣсь частенько.... Лихой малой и хорошаго круга. А съ княгиней Великосвѣтской тоже не знакомъ?

— Съ княгиней Великосвѣтской! воскликнулъ Лукьянъ Тимофеевичъ, озадаченный такимъ страшнымъ вопросомъ.

— Ну, да, съ ней! повторилъ Звѣробоевъ. Я ее недавно

встрѣтилъ здѣсь на Невскомъ. А какъ жаль, что ты незнакомъ съ княгинею! продолжалъ онъ съ жалостію: я тебѣ скажу, еслибъ ты разъ только, братецъ, одинъ разъ взглянулъ на нее... Не хочешь ли вина? Хочешь шампанскаго?

— Пожалуй!

— Ну такъ ты меня познакомь съ ними, а я тебя съ штабсъ-капитаномъ Рюмочкою... Хорошаго круга человѣкъ!

Во все продолженіе обѣда, Звѣробоевъ говорилъ одинъ, неумолкая, такъ, что Лукьяну Тимофеевичу оставалось только слушать его и сочувствовать ему. Онъ такъ и сдѣлалъ, рѣшилъ на этотъ разъ только слушать и сочувствовать, а относительно вопросовъ, сомнѣній и предположеній, вызванныхъ въ умѣ его неожиданнымъ открытіемъ вѣрнаго друга, объясниться послѣ и всего лучше начать это съ завтрашняго же дня откровеннымъ изліяніемъ своихъ чувствованій «на письмѣ.»

Такимъ образомъ вскорѣ послѣ заключенія между господами Перетыкою и Звѣробоевымъ дружескаго союза, отношенія ихъ получили полное развитіе, какъ явствуетъ изъ переписки, представляемой въ слѣдующей главѣ.

—

ПЕРЕПИСКА ВЗАИМНЫХЪ СОЧУВСТВОВАТЕЛЕЙ.

Отъ г. Перетыки, въ Малой Коломнѣ, къ г. Звѣробоеву, въ Чернышевомъ переулкѣ. 7 Іюня 184.....

Драгоцѣнный и единственный другъ мой Ахиллесъ Несторовичъ!

Послѣ незабвенной для меня встрѣчи съ вами на Невскомъ Проспектѣ минувшаго мая 31 дня, я оставляю всякія церемоніи и ложныя деликатности, сіи вериги свѣтскихъ людей, и прямо обращаясь съ описаніемъ истиннаго моего между людьми положенія къ вашему благородному сердцу, которое, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, преисполнено сочувствіемъ къ всему высокому и прекрасному. Вы дали мнѣ позволеніе писать къ вамъ при первой надобности, обѣщая отвѣтствовать мнѣ немедленно.

Прежде, нежели приступлю къ самой сущности сего моего письма, поставляю себѣ священнѣйшимъ долгомъ припомнить здѣсь нѣкоторыя изъ счастливыхъ минутъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, въ извѣстномъ вамъ своею картинностію и неподдѣльною природою паркѣ Екатерингофскомъ. Въ особенности изъ памяти моей никогда неизгладится голубая, свѣтлая ночь, которою мы, при темномъ свѣтѣ блѣдной луны, наслаждались прошлаго мѣсяца въ Тентелевой деревнѣ! По истинѣ, достопамятная, вѣчно незабвенная ночь! Вы (я какъ теперь помню) совершенно сочувствовали мнѣ по своему благородному характеру, и когда я замѣтилъ вамъ, можетъ ли быть что-нибудь упоительнѣе сей небесной ночи, вы, по свойственному вамъ остроумію, замѣтили, что одинъ только хорошій пуншъ можетъ быть упоительнѣе, и потащали меня въ заведеніе къ

Митрофану Макарычу. Тамъ, въ заведеніи, я распорядился о напиткѣ, вами уважаемомъ, а такъ-какъ я самъ, по слабости здоровья и по завѣщанію покойнаго тятиньки, ничего такого не употребляю, то закурилъ трубку, и пока вы кушали пуншъ, я занимался изліяніемъ предъ вами моихъ сердечныхъ чувствованій. Въ ту пору для меня выходили многіе, какъ говорится, шансы въ семействѣ Горчицыныхъ и я всемѣрно старался заслужить доброе расположеніе сего достопочтеннаго семейства. Нѣтъ надобности называть здѣсь по имени принадлежащую къ этому семейству прекрасную особу, единственное существо, привязывающее меня къ жизни... Я тогда же открылъ вамъ нѣкоторую часть моей исторіи и въ тоже время былъ обрадованъ искреннимъ вашимъ сочувствіемъ. Когда мы возвращались отъ Митрофана Макарыча, вы сказали про-себя, какъ бы въ слѣдствіе внезапнаго побужденія, пословицу, относившуюся, въ иносказательномъ смыслѣ, къ тогдашнему моему положенію; вы сказали: «бей сороку и ворону, попадешь и на яснаго сокола». Тогда я не понялъ сей истины, но теперь вполнѣ понимаю, что въ вышеприведенномъ вашемъ изрѣченіи кроется глубокій смыслъ. Вотъ какія обстоятельства довели меня до сего заключенія:

Не безъизвѣстно вамъ, что я по сю пору живу у Максима Степановича Неуступова. Онъ служилъ когда-то писаремъ въ какомъ-то вѣдомствѣ, а теперь въ отставкѣ, съ званіемъ и не безъ денегъ. Человѣкъ онъ уже въ лѣтахъ и женатъ. Существуетъ онъ отдачею квартиръ разному холостому народу, въ томъ числѣ и я нанимаю за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ знакомую вамъ комнату. Нрава онъ кроткаго и молчаливаго. Въ хозяйскія дѣла не вмѣшивается, а все ведетъ его жена, старуха (онъ такъ на ней, на старухѣ, и женился, потому-что старуха имѣла деньгу; до супружества она продавала манишки и прочее бѣлье на Апраксиномъ дворѣ и такою коммерціею пріобрѣла значительное состояніе). Занимается-же онъ преимущественно построеніемъ мельницъ и прочихъ хозяйственныхъ зданій, разумѣется въ маломъ видѣ и для одной забавы только, а прежде симъ способомъ пріобрѣталъ онъ денежныя выгоды, посредствомъ продажи своихъ издѣлій чрезъ артельнаго повара на извѣстномъ вамъ, ежегодно бывающемъ на Невскомъ Проспектѣ въ вербную недѣлю гуляньѣ. Другое, и можетъ быть важнѣйшее, его занятіе есть точеніе перочинныхъ ножичковъ. Сему занятію предается онъ съ такимъ рвеніемъ, которое, для умовъ обыкновенныхъ, даже непостижимо. Я самъ, признаюсь, не могу постигнуть, какое особенное наслажденіе находитъ онъ въ семъ, по видимому, механическомъ занятіи, не требующемъ ни малѣйшаго умственнаго дарованія, (если, на-примѣръ, не принимать тутъ въ соображеніе, что маленькія дѣти и люди поврежденные въ умственныхъ способностяхъ не могутъ точить перочинныхъ ножичковъ?) Жильцы у него—все люди письменные, служащіе, кто въ канцеляріи, кто на купеческой конторѣ, зна-

читъ, всякій имѣетъ свой ножичекъ, и у инаго, напримѣръ, у мѣщанина Зиновьева, моего сосѣда, ихъ цѣлая дюжина: всякіе есть, англійскіе и настоящіе Завьяловскіе. Вотъ нашъ хозяинъ и обираетъ у всѣхъ у насъ перочинные ножички и точитъ,— то и дѣло, что сидитъ съ утра до вечера на окнѣ да точитъ ножички и такъ (самъ онъ сознавался не разъ) *втянется* въ это дѣло, что послѣ, когда уже не останется у него въ рукахъ ни одного ножичка, онъ чувствуетъ скуку и тоску такую, что ужъ не можетъ заняться ничѣмъ другимъ, напримѣръ, построеніемъ мельницъ и прочаго... Тогда онъ, сердечный, не смотря на свое трезвое поведеніе, посылаетъ за извѣстнымъ проклятымъ зельемъ и лечится отъ своей скуки. Это съ нимъ рѣдко случается, можетъ быть разъ въ мѣсяцъ, не больше, только случается, и каждый разъ, когда онъ начнетъ лечиться отъ своей скуки, онъ становится совершенно инымъ человѣкомъ. Сначала поетъ пѣсню извѣстную: «Ахъ на что было огородъ городить,» потомъ вытаращитъ глаза и начнетъ разсуждать, какъ не далеко сказать, давича случилось: окончивъ леченіе и пѣніе, онъ вдругъ разкричался на меня, что онъ дастъ себя знать, что онъ не хуже другихъ и въ обиду себя не допуститъ, если ужъ на то пошло. — Да кто-же васъ обижаетъ, Максимъ Степановичъ? спросилъ я. — Меня-то? Да развѣ меня смѣетъ кто нибудь обижать? Нѣтъ, никто не смѣетъ! утверждаетъ онъ, размахивая руками. Никто меня не смѣй пальцемъ тронуть, а не то... Вотъ что! Такъ не смѣй, не смѣй, говорю!»—Тутъ подвернулся къ нему жилецъ и мѣщанинъ Зиновьевъ, ремесломъ конторщикъ. Ну что это вы расходились, говоритъ: — А ты что? — На своего брата напалъ, на мѣщанина? взговорилъ нашъ Максимъ Степановичъ и, весь посинѣвъ, кинулся на него, вѣроятно съ намѣреніемъ доставить себѣ немедленное удовлетвореніе; только мѣщанинъ Зиновьевъ схватилъ его сердечнаго въ охапку, встряхнулъ и безжалостно бросилъ въ особую камору, заперъ ключемъ, а тотъ въ непостижимой ярости все кричалъ, что онъ не позволитъ никому, даже своему брату, даже равному себя...

Я къ тому описалъ вамъ, кратко сію соблазнительную исторію, что умамъ обыкновеннымъ кажутся непостижимыми нѣкоторыя свойства человѣческія. Почему, напримѣръ, иной человѣкъ такой тихій, молчаливый, робкій, вдругъ, ни съ того, ни съ сего становится совсѣмъ иной: бѣшеный и не резонный. Я съ своей стороны извлекаю для себя изъ описаннаго случая назидательный урокъ, который, могу сказать, не разъ уже приносилъ мнѣ не малую пользу. Польза сія заключается въ томъ, что послѣ долговременныхъ наблюденій надъ различными человѣческими характерами, я получилъ рѣшительное отвращеніе отъ людей по видимому смирныхъ, тихихъ и нравственныхъ до такой степени, что они кажется и водой не замутятъ. Не осуждаю ихъ, потому-что знаю по какой это причинѣ они такіе смирные и нравственные. Разныя, не отъ нихъ зависящія обстоятельства, побудили ихъ, знаете, къ такому мнимо-

му смиренію. За то какъ только есть имъ малѣйшая возможность, то ужъ они вымѣстятъ свое смиреніе, выкажутъ себя совершенно съ другой, не благородной стороны.

Вотъ почему я люблю людей, какъ вы, — откровенныхъ и прямодушныхъ, которые всѣ свои задушевныя претензіи и думы высказываютъ безъ недомолвокъ, любятъ покутить и подурачиться, но ужъ на подлость какую нибудь ко вреду или униженію своего ближняго, подъ видомъ ханжества и преданности ни за что не рѣшатся.

Такимъ образомъ, многократно обманувшись въ дружбѣ со стороны людей кроткаго характера, я отношу сіе къ собственной неопытности, нынѣ же вполнѣ убѣжденъ, что по природной склонности моей ко взаимному сочувствованію, я наконецъ встрѣтился съ другомъ, который можетъ понять меня и которому я могу ввѣриться совершенно, значитъ, на мнѣ самомъ вполнѣ исполнилось ваше изрѣченіе: бей сороку и ворону, попадешь и на яснаго сокола!

Вашъ искренній другъ

Л. Перетыка.

Отъ Г. Перетыки къ Г. Звѣробоеву.

8 Іюня 184...

Во вчерашнемъ письмѣ моемъ я не успѣлъ изложить тебѣ (къ чему ужъ тутъ свѣтское холодное — *вы*!) существенную причину онаго. И потому описаніе нрава моего хозяина есть болѣе литературное, въ нѣкоторомъ смыслѣ, произведеніе, само по себѣ цѣлое, нежели картина изъ исторіи моей жизни, или, такъ сказать, одна черта изъ вседневнаго быта моего. Я не могу ничего скрывать отъ тебя и надѣюсь, что и ты съ своей стороны — тоже.

Сверхъ того, убѣдительно прошу тебя поспѣшить ко мнѣ. Я, по истинѣ, нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Ты человѣкъ болѣе меня свѣтскій и, безъ лести скажу, находчивый: ты немедленно устроишь благополучіе моей жизни.

Пріѣзжай ко мнѣ завтра-же. Я возьму извощика — нѣтъ, лодку и поплывемъ мы въ лодкѣ прямо въ Тентелеву деревню. Обѣдать мы будемъ у Горчицыныхъ, съ которыми я почти свой человѣкъ. Я тебя имъ представлю и отрекемендую, а ты уже, съ своей стороны, смотри дѣйствуй въ мою пользу относительно извѣстной особы, которую не считаю приличнымъ именовать въ сей холостой перепискѣ. Ты предо мною имѣешь большія преимущества въ учености и во всемъ прочемъ, поэтому я увѣренъ, что въ скорости будешь какъ бы членомъ сего патріархальнаго семейства. Только, предваряю тебя, воздерживайся отъ всякихъ разсужденій, или, справедливѣе, соглашайся съ разсужденіями старика Горчицына, а наипаче воздержись отъ малѣйшаго возраженія противъ его задушевныхъ мнѣній: человѣкъ онъ горячій.

Дѣйствуя такимъ образомъ, ты окажешь мнѣ величайшую

услугу въ томъ отношеніи, что присутствіе твое уничтожитъ во мнѣ неприличное свойство робости въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, о коихъ можешь составить себѣ понятіе изъ нижеслѣдующаго краткаго описанія.

Вчера я былъ у нихъ вечеромъ. Случилось такъ, что я остался совершенно одинъ, т. е. въ присутствіи одной Дашеньки. Слѣдовало бы и очень было удобно переговорить кое о чемъ. Вотъ я и началъ... началъ молчать да глупо теряться въ соображеніи, какимъ бы образомъ высказаться кратко и опредѣлительно, безъ многословія, запутывающаго дѣло. Разумѣется, должно вести разговоръ, сообразный съ мѣстностію и обстоятельствами, равномѣрно соотвѣтствующій полу, возрасту, темпераменту особы, съ которою желаемъ разговаривать. Такимъ образомъ, стараясь разрѣшить сію важную задачу, я все молчалъ да молчалъ, и Дашенька все молчала и какъ будто смотрѣла на меня (я не рѣшался смотрѣть на нее, чтобы не спутать нитей моего соображенія), а тамъ вдругъ какъ захохочетъ, такъ звонко и дѣтски, какъ будто ужъ я сказалъ что нибудь удивительное. Я сконфузился и въ туже минуту рѣшился говорить. У меня уже характеръ такой, что вотъ съ Дашенькою хотя и часто случалось говорить, а при каждомъ новомъ разговорѣ мнѣ нужно начинать такъ сказать «осмѣливаться» снова, при чемъ я чувствую крайнюю нерѣшимость и смущеніе. Я и заговорилъ: что это вы такое забавное замѣтили, Дарья Степановна? — Я замѣтила — *васъ*, Лукьянъ Тимофеевичъ, отвѣчала она.—Какъ же это? спросилъ я.—Да такъ сударь, вы сегодня удивительно забавны: сидите, молчите да смотрите, какъ дервишъ, на кончикъ своего носа.—Это она изъ исторіи, должно быть; какъ ты счастливъ драгоцѣнный другъ, что хорошо начитанъ и знаешь исторію—ты, сейчасъ нашелъ бы остроумный отвѣтъ и потомъ разговоръ завелъ бы безконечный и разнообразный; а я такъ чувствую себя съ этой стороны, со стороны ученыхъ познаній совершенно безсильнымъ, только надѣюсь много почерпнуть изъ недавно купленнаго мною славнаго сочиненія господина Кайданова. Такимъ образомъ, не зная, что сказать ей противъ ея уподобленія, я только засмѣялся, признаюсь, засмѣялся насильственно, и сказалъ: извините, Дарья Степановна, что я унесся въ облака. — Что у васъ тамъ, въ облакахъ?—Я опять смутился. — Луна? Ужъ вы не пишите ли стиховъ къ лунѣ? — Боже сохрани, чтобъ я до такой крайности... отвѣчалъ я и самъ опять сконфузился: вѣдь я, иногда, нѣтъ-нѣтъ да и писну стишокъ какой нибудь для собственнаго удовольствія, а напаче потому, что головы тутъ ломать не нужно. — Скажите мнѣ, съ кѣмъ это вы шли въ прошлое воскресенье, когда встрѣтились съ нами? — Это одинъ изъ моихъ пріятелей... нѣтъ-съ, это мой единственный пріятель и другъ Ахиллесъ Несторовичъ Звѣробоевъ. Теперь проживаетъ здѣсь по своимъ дѣламъ. Очень хорошій человѣкъ! —А какъ его зовутъ? Я повторилъ, и тутъ же вздумалъ произвести невинную мистификацію въ твою пользу. Ты догадаешься,

Тебя сочли за отставнаго военнаго. Это все твои усы. Потомъ, она сѣла къ своимъ фортепьяно — и сыграла что-то изъ Фенеллы. Я опять замолчалъ, потому-что слушалъ. Музыка на меня, какъ на человѣка съ душею, производитъ сильное впечатлѣніе. Я тихонько подошелъ къ ея табурету и сталъ слушать, глядя на нее... Кончивъ игру, она быстро повернула ко мнѣ головку, такъ что локонъ ея коснулся моего лица. Я въ глупомъ испугѣ отскочилъ отъ табурета, а она захохотала своимъ звонкимъ, серебреннымъ смѣхомъ. Я, должно быть, покраснѣлъ, чувствуя, что поглупѣлъ, хотя и временно, однако въ важную минуту бытія моего.—А васъ какъ зовутъ, Лукьянъ Тимофеевичъ? спросила она, переставъ смѣяться.—Какъ же иначе, отвѣчалъ я: вы сами называете меня по имени? — Нѣтъ, вы скажите мнѣ подробно; я безпрестанно забываю. — Лукьянъ Тимофеевичъ Перетыка, если вамъ угодно, отвѣчалъ я. — Пере... Пере... какъ? Потрудитесь повторить. — Я ужъ видѣлъ, что Дашенька все это изъ добраго расположенія, и потому повторилъ: Перетыка! — А почему-жъ вы такую фамилію носите черкесскую? — Такъ вы думаете, что это черкесская фамилія? замѣтилъ я; нѣтъ, это совершенно полтавская; я происхожу изъ малороссійскаго званія. — А какъ же васъ звали, когда вы были мальчикомъ, вотъ какъ мой красавчикъ Глѣбушка... Она схватила и жарко поцѣловала только что вбѣжавшаго въ комнату своего брата Глѣбушку, который вовсе не былъ на ту пору красавчикомъ. — А? какъ же васъ звали, когда вы были вотъ такимъ? — Лукьянъ, всегда Лукьянъ, отвѣчалъ я, а впрочемъ въ тѣ поры я былъ — Лукаша! — Лукаша.. Лу—каша! повторила она съ непростительною и несвойственною ея совершеннолѣтію насмѣшливостію, умышленно растягивая мое имя и безъ того длинное, и твердо выговаривая только послѣдніе два слова: каша!

Вотъ, братъ, какія у меня тутъ завязались отношенія. Въ твоемъ присутствіи я надѣюсь быть развязнѣе и въ нѣкоторомъ смыслѣ остроумнѣе. Пріѣзжай-же завтра непремѣнно. Я съ своей стороны всю ночь буду читать сочиненія барона Брамбеуса. Это мнѣ недавно пришло въ голову: человѣкъ начитанный и выражающійся хорошимъ слогомъ, много выигрываетъ во всякомъ обществѣ, — такъ я и начинаю. — Твой преданный слуга Л. Перетыка. PS. На письмо сіе ожидаю рѣшительнаго отвѣта съ посланнымъ.

Отъ А. Н. Звѣробоева къ А. Т. Перетыкѣ.

8 Іюня 181...

Славно, братъ, славно! Пиши, пиши. Вырабатывай свой слогъ. Въ слогѣ братъ, все дѣло, а у тебя есть слогъ! Ты читаешь газеты? Я такъ читаю и признаюсь почерпнулъ многое, особенно изъ той, которая даетъ совѣты, какимъ образомъ можно дѣлать хорошую настойку. Я выписалъ рецептъ. Теперь у меня два рецепта: одинъ я досталъ отъ медицинскаго студента. Славный малый, ученый, чувствительный, вотъ, какъ

ты. Надобно попробовать составить. Только теперь денегъ нѣтъ; хозяйкѣ опять задолжалъ, а чтобы она не мучила меня, я намѣренъ войти съ нею въ дружественныя сношенія.

PS. Вчера встрѣтился на Невскомъ съ княгинею Великосвѣтскою: въ каретѣ — ландо; лошади сѣрыя; раскинувшись самымъ бонтоннымъ образомъ, ни на кого не смотритъ; только ножка, башмачекъ, братецъ и, право не лгу, тоненькая полоска чулочка выглядываетъ... Эхъ братъ, Лукьянъ! пронала моя головушка побѣдная. А впрочемъ еще ничего! Кстати: получилъ ли ты свое жалованье? Если получилъ, то пришли, пожалуйста, или самъ принеси поскорѣе сколько можно больше. Ты человѣкъ не безденежный. Нужно до смерти, я, разумѣется, съ своей стороны въ туже минуту, по полученіи...

Завтра я къ тебѣ непремѣнно. Радъ служить тебѣ. Напрасно ты не предувѣдомилъ, когда они обѣдаютъ. Впрочемъ, я къ тебѣ пораньше... Твой вѣрный другъ А. Звѣробоевъ.

Отъ Г. Перетыки къ Г. Звѣробоеву.

Любезный и единственный другъ мой! Я заваленъ работою и немогу даже на минуту забѣжать къ Горчицынымъ. Теперь только чувствую, какъ тяжело не быть у нихъ. Одно для меня служитъ немалымъ утѣшеніемъ, что ты у нихъ почти каждый день, слѣдовательно не допустишь, чтобъ меня совсѣмъ забыли.... Ты понимаешь, къ кому я отношу возможность сего бѣдственнаго для меня забвенія: Старикъ Горчицынъ вчера былъ у меня съ своими апелляціями и процессами. Я таки послужилъ ему по мѣрѣ силъ и съ его стороны не опасаюсь ничего. Душевно обрадовался я тому, что онъ благодарилъ меня за тебя. Онъ не нахвалится твоимъ характеромъ, степенностію мнѣній, а наиболѣе тѣмъ, что ты изъявилъ намѣреніе заняться коммерціею, по примѣру многихъ англійскихъ милордовъ. Сказывалъ онъ, что хотя у тебя и нѣтъ своего капитала, да и откуда ему взяться, однако онъ съ своей стороны постарается все устроить къ твоему благополучію. Поздравляю тебя.

Равномѣрно постарайся пріобрѣсти вниманіе извѣстной особы, имя которой считаю излишнимъ упоминать здѣсь. Недѣлю тому, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, (тогда я былъ у нихъ на дачѣ цѣлый день) я старался завести съ нею нарочитый о тебѣ разговоръ и къ глубокому своему огорченію замѣтилъ, что она уклонялась отъ сего разговора, изъ чего и вывожу я, къ несчастію, совершенно справедливое умозаключеніе, что ты вѣроятно, не смотря на свойственныя тебѣ любезность и ловкость, сдѣлалъ въ отношеніи къ сей особѣ какую либо опрометчивость. Сдѣлай милость, ради нашего взаимнаго сочувствія, постарайся исправить сіе важное упущеніе. Мнѣ будетъ очень больно, если она будетъ предубѣждена противъ тебя. Постарайся объ этомъ, другъ мой! Тебѣ это легко.

20 Августа.

Драгоцѣнный и единственный другъ мой! Что это съ то-

бой? Я неузнаю тебя. Думаю и не могу придумать, что за причина такая возбудила въ извѣстной особѣ такое противъ тебя предубѣжденіе! Сегодня я настоятельно просилъ ее сказать мнѣ откровенно о тебѣ мнѣніе. При семъ случаѣ я всемѣрно старался выставить тебя въ наилучшемъ свѣтѣ.... Но не пріемля ничего въ разсужденіе, она отозвалась о тебѣ съ такимъ равнодушіемъ, что мнѣ даже обидно стало.

Дружбою нашею заклинаю тебя исправить сіе важное упущеніе. Впрочемъ, несмотря на великое мое огорченіе, утѣшаюсь тѣмъ, что старикъ Горчицынъ и все семейство, кромѣ только одной капризной особы, любитъ тебя и уважаетъ, и что я недѣльки черезъ двѣ надѣюсь освободиться отъ нынѣшнихъ чрезвычайныхъ занятій; къ тому же времени выйдетъ мнѣ повышеніе въ должности и жалованье. Такъ ужъ и приступлю къ рѣшительнымъ мѣрамъ.... Понимаешь? Надѣюсь, что всѣ недоразумѣнія относительно тебя объяснятся и мы въ наступающую осень будемъ счастливы и довольны.

Кстати: ты часто бываешь у Горчицыныхъ и вѣроятно не взирая на предубѣжденіе противъ тебя извѣстной особы, успѣлъ съ своей стороны замѣтить въ какой степени обращаетъ она на меня вниманіе: часто ли вспоминаетъ обо мнѣ? Говоритъ ли, напримѣръ: что это Лукьянъ Тимофеевичъ такъ долго не былъ? и проч. Сдѣлай одолженіе, увѣдомь меня обо всемъ подробно. Твой искренній другъ Л. Перетыка.

Отъ Г. Звѣробоева къ г. Перетыкѣ. 21 Августа.

Спѣшу увѣдомить тебя, драгоцѣнный другъ, чтобы ты ни о чемъ не безпокоился. Извѣстная особа постоянно освѣдомляется у меня о твоемъ здоровьи и жалѣетъ, что занятія препятствуютъ тебѣ бывать у нихъ чаще.

Оченъ радъ, что ты черезъ двѣ недѣли получишь повышеніе и что работы у тебя поубавится. Впрочемъ, если оно продлится и дальше двухъ недѣль, то я постараюсь, чтобы всѣ церемоніи были отложены до того времени, когда ты отдѣлаешься.

Кстати: какъ искренній другъ, подѣлюсь съ тобою нѣкоторою новостію. Я рѣшился устроиться прочно.... Хозяйки давно мнѣ надоѣли, кредиторы преслѣдуютъ неумолимо, такъ я и рѣшился устроиться. Только до сей поры мнѣ не выходило хорошей карьеры. Теперь, однако-жъ, я вышелъ на свою дорогу и пересталъ заниматься фланерствомъ. Пожалуйста, перестань и ты заниматься лужайками, ручейками и прочими вздорами. Свѣтъ, братецъ, вовсе не по нашему плану устроенъ.

Твой искренній другъ А. Звѣробоевъ.

IV.

Эпилогъ.

Въ осенній вечеръ Лукьянъ Тимофеевичъ возвращался по Вознесенскому проспекту изъ мѣстъ своихъ занятій. Дождь

шелъ проливной. Толпы народа укрывались подъ воротами и балконами домовъ. Онъ тоже съ своей стороны разсудилъ остановиться подъ воротами одного дома, насупротивъ церкви Вознесенья. У церкви, между тѣмъ, съѣзжались различные экипажи въ такомъ количествѣ, что со стороны видно было, какая тутъ готовится важная церемонія. Лукьяну Тимофеевичу было въ это время не до церемоніи. Онъ занимался исчисленіемъ всѣхъ измѣнъ и предательствъ, случающихся между самыми искренними и взаимными сочувствователями. Однако рѣшился онъ посмотрѣть на церемонію. Только что онъ вошелъ въ церковь, къ паперти съ громомъ подкатила четырехмѣстная новенькая карета. Толпа хлынула изъ церкви на встрѣчу новоприбывшимъ и увлекла за собою Лукьяна Тимофеевича. — А вотъ это женихъ, женихъ! Зашептали старухи вокругъ Лукьяна Тимофеевича. Онъ взглянулъ въ ту сторону, въ которую обратились многія любопытныя лица, и увидѣлъ только тылъ жениха, его стройную талію, его черный фракъ и гордую походку, свойственную порядочному человѣку и жениху. Онъ вошелъ на паперть.—А, вотъ невѣсту ведутъ! снова зашептали старухи... въ то же время толпа разступилась и Лукьянъ Тимофеевичъ увидѣлъ лица, которыя были ему какъ будто знакомы; только память ему отшибло вдругъ и онъ глядѣлъ на нихъ безсмысленными глазами.... Потомъ изчезли счастливыя и какъ будто знакомыя лица, окруженныя любопытною толпою, а передъ нимъ съ глубокимъ выраженіемъ остались одни усы, какъ символъ взаимной сочувствовательности. Красота ихъ поражала умы, отъ нихъ вѣяло таинственнымъ обаяніемъ.... О! не вѣрьте вы, старухи и отставные кавалеры этому обаянію, не восхищайтесь этими усами вы, любопытныя и прекрасныя зрительницы этой церемоніи.... Они ложь, они вовсе не идутъ къ *нему*, отъ нихъ вѣетъ холодомъ на душу Лукьяна Тимофеевича. Они—ложь, скандалъ и неприличіе!

Но ничего и никѣмъ не принято въ соображеніе со стороны Лукьяна Тимофеевича, и Лукьянъ Тимофеевичъ тихонько вышелъ изъ церкви, поникнувъ головою, и пошелъ себѣ въ свою квартиру, къ своему Неуступову, милостивому государю.... дождь лилъ на него какъ изъ ведра, а ему в нужды мало было до дождя. Онъ сосредоточился, чтобы разгадать глубокій смыслъ таинственныхъ усовъ, онъ томился жаждою взаимнаго сочувствія.....

—

ЮМОРИСТИКА.

—

ГУВЕРНАНТКА.

ОЧЕРКЪ.

—

I.

ПАНСІОНЕРКА.

Знаете ли вы, что такое пансіонерка въ послѣдніе дни пребыванія ея въ заведеніи? Это цѣлый міръ поэзіи, сладкой мечтательности, обольстительныхъ грезъ, заманчивыхъ надеждъ! Сколько плановъ промелькнутъ въ это время въ головѣ ея; сколько разъ затрепещетъ ея чистое, непорочное сердце, при мысли о свободѣ! Любопытство, врожденное всѣмъ женщинамъ, и притомъ высшая его степень, переходящая даже въ желаніе и потребность узнать міръ, познакомиться съ людьми, создаетъ ей дивныя видѣнія и образы, которые готовы осуществиться. И особенно, если къ этому судьба надѣлила ее страстнымъ, воспріимчивымъ сердцемъ, пылкою головою и живымъ воображеніемъ, то существо ея готовится къ чему-то необыкновенному, чудному, особенному!

Юлія Ленская была одно изъ такихъ существъ, кроткихъ, милыхъ, любимыхъ всѣми. Родители ея были люди бѣдные, отецъ убитъ въ какомъ-то сраженіи, а мать, успѣвъ помѣстить ее въ заведеніе, сама отошла въ вѣчность. Значитъ, Юлія была круглая сирота! У ней былъ, впрочемъ, братъ, который воспитывался въ какомъ-то Кадетскомъ корпусѣ, вышелъ въ

офицеры и уѣхалъ на Кавказъ; съ тѣхъ поръ сестра не получала объ немъ никакого извѣстія. Сначала она тосковала объ немъ, потомъ, подумавъ, что братъ умеръ, мало-по-малу привыкла къ этой мысли и утѣшилась. Судьба, обидѣвъ ее, какъ видно, родными, одарила вполнѣ всѣми своими совершенствами. Ее нельзя было назвать красавицей; ея лицо было не классическое, не изумительное, даже не правильное; но, сравнивъ ее съ одной изъ такихъ физіономій, можно сказать, что она была лучше красавицъ. Ангельское выраженіе, небесные глаза, каштановые волосы, падающіе густыми прядями на плеча, стройная талія, томный, упоительный взглядъ, маленькая ножка, маленькій ротикъ, однимъ словомъ, всѣ подробности, которыя такъ трудно встрѣтить по одиначкѣ, и которые вмѣстѣ составляютъ нѣчто очаровательное. Каждое ея движеніе было олицетворенная грація, ея слово — мелодія, ея поступь—совершенство. Ко всему этому она прекрасно пѣла, была «музыкантшей», какъ выражались объ ней ея подруги, граціозно танцовала, знала языки, какъ могла научиться имъ въ заведеніи, и имѣла душу... но такую душу, что еслибы она теперь еще была жива, то я напремѣнно бы на ней женился!

Юлія сидѣла въ дортуарѣ съ нѣсколькими своими подругами. Они уже кончили экзаменъ и зная, что выпускъ не за горами, собирались и приготовляли свое маленькое хозяйство и наряды.

— Ахъ, счастливица Юлія, сказала одна изъ дѣвицъ: тебѣ нечего хлопотать, у тебя немного этой дряни, то ли дѣло у меня, я, право, не знаю, какъ мнѣ со всѣмъ этимъ справиться.

— А въ самомъ дѣлѣ, это хорошо, mesdames, отвѣчала Юлія, меньше будетъ сборовъ и хлопотъ. Мнѣ бы только получить поскорѣй мѣсто, дадутъ задатокъ и я куплю себѣ все необходимое.

— Какія ужасти, ѣхать далеко!.. Неужели ты поѣдешь?

— Чего же бояться? Это превесело! я, напротивъ, очень рада уѣхать куда нибудь верстъ за 1000... видѣть всѣ города по дорогѣ, новое мѣсто, привыкать къ нему... Одно только, грустно будетъ разстаться съ вами... что еслибъ мы могли вмѣстѣ туда ѣхать! И облачко грусти набѣжало на ея глаза.

— Вотъ было бы хорошо! Я поѣхала бы, пожалуй, хоть безъ жалованья, чтобъ только быть съ тобой, Юлія! сказала одна изъ подругъ ея, Машенька Башмакова.

— Благодарю тебя, Мери, но вѣдь ты знаешь, что это невозможно; лучше пиши ко мнѣ почаще: ты знаешь, какое ты мнѣ этимъ доставишь удовольствіе. И я у тебя въ долгу не останусь.

— Да вѣдь все это только воздушные замки. Можетъ быть, ты и не выѣдешь отсюда. Содержательница пансіона обѣщала тебѣ достать мѣсто при заведеніи... Дай-то Богъ, чтобъ это исполнилось!

— Нѣтъ, я бы не приняла этого... Тому хорошо оставаться, у кого есть здѣсь родные; а я не могла бы жить такимъ маленькимъ жалованьемъ, здѣсь большіе расходы....

Во время этого разговора пансіонерокъ, былъ другой разговоръ на половинѣ содержательницы пансіона:

Толстый господинъ съ усами, говорилъ ей:

— Да-съ, мнѣ бы желательно было гувернантку для моихъ дочерей.

— А сколько ихъ у васъ?

— Пока двое-съ.

— Вы женатый или холостой, то есть, вдовецъ?

— Жена моя осталась въ деревнѣ; не могла сама сюда пріѣхать. А я вотъ здѣсь, будучи по дѣламъ, хотѣлъ кстати обдѣлать и это дѣло.

— Въ какую цѣну угодно вамъ гувернантку?

— Не дорогую-съ; да чтобъ и не даромъ деньги брала.

— Съ музыкой или безъ музыки ?

— То есть... какъ это-съ?.. Вы про какую музыку изволите говорить?

— Я спрашиваю, угодно-ли, вамъ чтобъ дѣвица также учила у васъ и музыкѣ?

— Какъ же! какъ же-съ! Всему, чѣму слѣдуетъ.

— Хотите взять въ 1000 рублей. Я вамъ дамъ самую лучшую.

— Если ужъ вы рекомендуете, то я согласенъ.

— Палагея! сказала начальница хорошенькой, востренькой дѣвушкѣ, прислуживающей у ней: поди, позови выпускныхъ Башмакову, Ленскую, Устинову... и еще тамъ кого встрѣтишь...

Дѣвушка ушла и начальница пустилась выхвалять помѣщику достоинства своего заведенія, успѣхъ всѣхъ выпусковъ, вообще, а этого въ особенности. Говорила о томъ, что за 1000 рублей получить такую дѣвушку, это совсѣмъ даромъ, что она сама... и проч. Толстый господинъ условія принялъ и задатокъ отдалъ.

Явились выпускныя. Что чувствовали онѣ, идя на такой смотръ?..

— Вотъ изволите видѣть. Выбирайте себѣ любую. Всѣ онѣ одна другой стоютъ; дѣвушки воспитанныя, кроткія, музыкантши, *нравственныя*, однимъ словомъ, останетесь довольны!

— Помилуйте, развѣ я смѣю выбирать; это.... какъ вамъ угодно! сказалъ пріѣзжій, окинувъ всѣхъ взоромъ, мнѣ все равно; впрочемъ... (замѣтивъ Юлію) если и вамъ все равно, то я бы желалъ эту дѣвушку... (указывая на Юлію) потому-что она очень походитъ на мою старшую дочку Вѣрочку... вѣрно ихъ и характеры тоже будутъ сходны... вотъ почему, единственно только изъ сходства!.. И участь Юліи была рѣшена!

Она получила задатокъ. Завтра отправится въ Гостинный дворъ за покупками, еще день—и она совсѣмъ должна быть готова къ отъѣзду съ *онымъ* господиномъ, котораго она видѣла въ первый разъ въ жизни! съ мужчиной! — куда?.. Къ нему!

О бѣдность! чего ты не дѣлаешь! Будь Юлія богата, и съ такими же совершенствами, она составила бы себѣ прекрасную карьеру, прожила бы весь вѣкъ на волѣ, въ удовольствіи; а теперь она и не подозрѣваетъ, безпечная, что такое значитъ быть гувернанткой!

II.

ОТЪѢЗДЪ.

Покупки въ Гостиномъ дворѣ и сборы промелькнули, какъ одинъ мигъ, потомъ прощанье съ дѣвицами на минуту омрачило ея свѣтлыя черты и, наконецъ, на третій день, къ воротамъ пансіона подъѣзжаетъ дорожная коляска и изъ нея выходитъ пожилая дама, родственница помѣщика, проживающая въ Петербургѣ, и которую онъ упросилъ взять изъ заведенія гувернантку. Она вышла изъ экипажа, объявила о причинѣ пріѣзда, взяла Юлію, которая была уже совсѣмъ готова, и повезла ее на квартиру пріѣзжаго.

Теперь время ознакомить читателя съ главными дѣйствующими лицами нашего расказа. Андрей Иванычъ Бухаринъ служилъ въ отечественную войну въ военной службѣ. Вышедъ въ отставку маіоромъ, онъ поселился въ деревнѣ, обзавелся какъ слѣдуетъ, сворой, женою и тремя дѣтьми. Въ ту эпоху, когда начинается нашъ разсказъ, у него гоститъ Вла-

димiръ, молодой человѣкъ, сынокъ его. Матушка его, Варвара Николаевна Бухарина, была женщина съ молоду не дурная собой, кокетливая, теперь же женщина строгихъ правилъ, настойчивая, мало любезная, много капризная, а главное, съ претензiею на безусловное повиновенiе окружающихъ. Всякiй, входящiй въ ихъ домъ, долженъ напередъ стараться ей понравиться, если же онъ этого не сдѣлаетъ, бѣда ему: ему просто житья не будетъ. Единственное лицо, которое Варвара Николаевна уважала и слушалась, была Федосья Павловна, старая дѣва, дальняя ея родственница, проживавшая въ ихъ домѣ по той причинѣ, что у ней не было своего. Объ Катенькѣ и Сонюшкѣ, двухъ молодыхъ хозяйкахъ, я не стану много распространяться, потому-что онѣ сами пока не Богъ знаетъ что; старшей всего 12 лѣтъ, а младшей и того меньше.

Обратимся лучше къ нашимъ путешественникамъ: мы застанемъ ихъ въ расплохъ въ первый день ихъ выѣзда. Посмотримъ, что они дѣлаютъ.

Обложившись подушками, Андрей Ивановичъ храпѣлъ во всю ивановскую. Уставъ говорить любезности новой своей собесѣдницѣ и принуждать себя къ *порядочности*, онъ уступилъ силѣ привычки и природы, и попросивъ у нея позволенiя заснуть, довольно невѣжливо воспользовался этимъ позволенiемъ. Онъ имѣлъ привычку храпѣть! Но оставимъ его предаваться этому невинному удовольствiю, и посмотримъ, что дѣлается въ душѣ его сосѣдки!—Бѣдная Юлiя!... Въ этотъ день, невидавъ еще ничего, кромѣ почтовыхъ станцiй въ окна колымаги, она испытала уже очень многое. Сначала самую новость положенiя. Сидѣть въ экипажѣ съ вовсе незнакомымъ ей человѣкомъ! Быть такъ близко около него... Что могутъ объ ней подумать?.. Ей прежде всего пришло въ голову, что нельзя ли какъ нибудь ей ѣхать особо, но посовѣстившись на первыхъ порахъ сказать объ этомъ, а потомъ обдумавъ невозможность самаго выполненiя, она рѣшилась увѣрить себя, что это такъ и слѣдуетъ, что иначе быть не можетъ.

Уже на дворѣ совершенно смерклось. Медленно ѣдущая колымага остановилась у воротъ постоялаго двора. Они пріѣхали на ночлегъ. Андрея Ивановича разбудили, онъ былъ очень сердитъ. Его прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ. Онъ только-что видѣлъ во снѣ, какъ напалъ на слѣдъ зайца... заяцъ удивительный!... русакъ, совсѣмъ бѣлый, мускулистый... то-то пожива!... Онъ бросается за нимъ, преслѣдуетъ и какъ

только собирается схватить его за заднія ноги, вдругъ... — Вдругъ лакей будитъ его и докладываетъ, что пріѣхали на ночлегъ. Гдѣ, молъ, прикажите остановиться и выносить ли погребецъ и дорожное?—Первымъ дѣломъ Андрея Ивановича было обругать Петрушку, что онъ осмѣлился его разбудить; ворча и покряхивая, взобрался онъ на лѣстницу перваго постоялаго двора и, спросивъ себѣ комнату, завалился на постель, въ надеждѣ увидѣть десять зайцевъ, и на этотъ разъ уже совершенно изловить ихъ. — Увидѣвъ, куда вошелъ баринъ, Петрушка попросилъ войти туда-же и новую барышню, и какъ баринъ спалъ, спросилъ у ней приказаній. Юлію очень удивило это обращеніе: она еще отъ роду никому не приказывала. Дѣвушекъ и подругъ своихъ въ заведеніи она *просила* и даже не любила, если кто приказывалъ имъ... Она тѣхъ называла злыми; но какъ тутъ ей случилась нужда приказать, то она воспользовалась этимъ, чтобъ велѣть людямъ отдохнуть и дѣлать, что они сами хотятъ. Сама же, не желая безпокоить Андрея Ивановича и не зная что дѣлать, сѣла въ кресла ждать, пока выкормятъ лошадей.

III.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ.

Горько заплакала Юлія, стараясь по возможности скрывать слезы. Въ первый разъ она увидѣла вполнѣ свое одиночество: ей стало больно, очень больно... Тутъ она вспомнила, что она круглая сирота... мать представилась ей со всѣми ея ласками и заботами; какъ она плакала, отдавая ее въ пансіонъ... еслибъ она еще была жива, она бы не допустила ее до этаго! Она бы любила ее... она бы старалась всячески утѣшить ее... за чѣмъ ее теперь нѣтъ въ живыхъ! Потомъ вспомнила она про своихъ подругъ: счастливицы! — Онѣ теперь беззабатно прогуливаются въ своихъ дортуарахъ, и не подозрѣваютъ, что ожидаетъ ихъ за стѣнами пансіона... Дорого пріобрѣтается въ свѣтѣ опытность... Юлія уже многое испытала!... Она получила взглядъ на вещи!... Она получила отвращеніе къ своему положенію!

Проспавшись и видя, что она такъ скучна, Андрей Ивановичъ, который былъ въ самомъ дѣлѣ добръ въ душѣ, захотѣлъ ее утѣшить. Но съ нимъ случилось именно тоже, что съ человѣкомъ, желавшимъ подслужиться

который подавая вещь, разбилъ ее на пути. Онъ сначала хотѣлъ разсѣять ее своими разсказами; но видя, что они мало ее занимаютъ, обратился къ настоящему положенію дѣлъ и сталъ утѣшать ее по своему, называя ея теперешнее положеніе просто ребячествомъ. Юлія было хотѣла ему возражать; но онъ связалъ ей, что теперь пока еще печалиться не о чемъ, что она еще ничего дурнаго не видала, что все еще можетъ представиться въ жизни и что это только пустой капризъ. Юлія не на шутку разсердилась на Андрея Ивановича.

Теперь всѣ ея мысли клонились къ тому, чтобы поскорѣй доѣхать до мѣста. Она желала поскорѣй увидѣться съ хозяйкой дома, сблизиться съ нею, полюбить ее... Она заранѣе уже воображала ее, какъ Королину Ивановну, любимую ея классную даму, кроткою и деликатною. Она воображала, какъ она будетъ проводить съ нею время, какъ избавится отъ Андрея Ивановича, какъ займется своимъ дѣломъ, познакомится съ новыми своими ученицами, какъ подружится съ ними, что будетъ съ ними говорить... Она вообразила, наконецъ, удовольствіе деревенской жизни съ ея мирными наслажденіями, вычитанными ею въ книгахъ. Какъ они будутъ ѣздить къ сосѣдямъ, которые всѣ должны быть *премилые*... Однимъ словомъ, она вообразила себѣ все, кромѣ истины, кромѣ дѣйствительности.... Впрочемъ, и то правда, дѣйствительность нужно почувствовать, испытать — ее вообразить нельзя!

А хорошая ли готовится ей дѣйствительность?.. Въ деревнѣ уже было получено письмо, что Андрей Ивановичъ выѣхалъ изъ Петербурга и везетъ домой гувернантку, молоденькую и хорошенькую. — Вѣсть эта произвела различныя впечатлѣнія на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ его семейства, отъ госпожи до горничной включительно.

Варвара Николаевна подумала, что вотъ выдумалъ взять изъ пансіона недоучку, что она знаетъ?... Только привезетъ изъ столицы Богъ знаетъ какія мысли и сужденія!.. Нужно бъ было выбрать пожилую дѣвушку... Она и опытнѣе, и взяла бы дешевле; а это вѣрно модница, чай нивѣсть что про себя думаетъ, и цѣну немилосердую заломитъ.

Молодыхъ хозяекъ Катиньку и Сонюшку мучило любопытство увидить скорѣе свою воспитательницу или гувернантку. Злая–ли она будетъ, сердитая–ли, будетъ ли ставить ихъ на колѣна и задавать большіе уроки, а пуще всего, будетъ ли

она также, какъ прежняя заставлять всё говорить по французски?..

Владиміръ-же Андреичъ думалъ совершенно противное. Онъ до смерти радовался пріѣзду Юліи. Новое женское лицо, пансіонерка въ домѣ, это хоть кого разшевелитъ. А особенно хорошенькая, какъ писалъ папенька, вотъ эта статья невольно заставила его призадуматься. Онъ станетъ за ней волочиться, и успѣетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но какъ приступить? Онъ уже обдумывалъ въ головѣ тысячу плановъ, одинъ другаго вѣрнѣе и удобнѣе. Тутъ ему помогалъ особенно французскій языкъ, который такъ пугалъ его сестрицъ. На немъ, не выключая и ихъ, не говорилъ никто въ домѣ, и такъ, ему всего удобнѣе объясняться съ нею по французски, хоть при родителяхъ, какое дѣло, лишь бы объясниться!.. И такъ, мы оставимъ его прилежно углубившегося въ какую-то французскую книгу, которую онъ гдѣ-то откопалъ по этому случаю, и читающаго для практики!

Федосья Павловна смотрѣла на всякое входящее въ домъ лицо съ понятною непріязнію. Это отбивало отъ нея вниманіе домашнихъ; она уже заранѣе воображала, что всѣ будутъ только и заниматься пріѣзжей дѣвчонкой, что она заберетъ въ руки Варвару Николаевну, что она будетъ на нее сплетничать, разставлять ей козни.., словомъ, она заранѣе возненавидѣла Юлію.

Даже горничныя смотрѣли очень непріязненно на пріѣздъ *мамзели*, какъ онѣ выражались. Онѣ видѣли въ ней новое лицо, которому должны повиноваться, котораго капризамъ должны угождать... (по ихъ понятіямъ, Юлія непремѣнно должна быть капризна), и наконецъ, которая наговорами можетъ имъ сдѣлать пропасть вреда; онѣ даже рѣшили, что она это непремѣнно сдѣлаетъ..

Вотъ таковы были впечатлѣнія одного извѣстія о скоромъ пріѣздѣ Юліи, впечатлѣнія, противъ которыхъ она должна будетъ бороться, чтобы, говоря техническимъ языкомъ, имѣть житье въ домѣ, гдѣ она обрекла себя на занятіе безъ того уже не слишкомъ веселое, хотя и весьма уважительное.

IV.

ЗНАКОМСТВО.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней, на которые такъ

щедра природа на Югѣ нашей благословенной Россіи, въ сельцѣ Рогозинскомъ, часу въ десятомъ утра, была страшная бѣготня. По дорогѣ изъ лѣсу показалась колымага, медленно ползущая ровнымъ шагомъ усталыхъ крестьянскихъ лошадей. Все въ сельцѣ пришло въ движеніе. Баринъ возвращается изъ Петербурга, послѣ двухъ-мѣсячнаго отсутствія, сколько привезетъ съ собою новостей и покупокъ!.. Привозъ молодой барышни, тоже не былъ ни для кого новостью!.. Развѣ это въ самомъ дѣлѣ не эпоха въ деревенской жизни! Старая барыня поспѣшила распорядиться чаемъ, и кое чѣмъ — перекусить.

Федосья Павловна суетилась болѣе всѣхъ. Тутъ ей понадобилось переодѣться въ другое платье, сбѣгать сто разъ въ верхную комнату, гдѣ она жила, раздать кучу приказаній, одно другому противурѣчавшихъ. Она кончила тѣмъ, что все-таки опоздала къ встрѣчи и пришла послѣдняя.

Владиміръ-же, съ своей стороны, поспѣшилъ надѣть новый свой сюртукъ, чтобы приличнѣе съ перваго раза поразить и совершенно сбить съ толку новопріѣзжую. Въ это время неловко было бы у него спросить по совѣсти, чьему пріѣзду онъ больше радъ: папеньки своего, или Юліи?

Но вотъ всѣ бросились къ окнамъ и къ двери.. Калымага подъѣхала къ крыльцу.

Первыя объятія принадлежали безспорно Трезору, старому бульдогу, который, почуявъ своего барина, бросился, чуть не сбилъ съ ногъ Владиміра, который уже рисовался граціозно на крыльцѣ,... и началъ довольно невѣжливо скакать на плеча и на грудь пріѣзжаго. Умѣривъ по возможности его радость, и потрепавъ его по правому уху, Андрей Ивановичъ поцѣловалъ въ лобъ сына, въ губы жену, далъ поцѣловать руку дочерямъ и всей дворнѣ, и началъ рекомендовать Юлію по своему:

— Рекомендую вамъ Юлію Петровну, сказалъ онъ, прелесть дѣвушка!.. Да вы это и сами можете видѣть... въ нашей губерніи давно не было такой красавицы... (Юлія покраснѣла) Только нехорошо, что мало говоритъ и почти ничего не ѣстъ въ дорогѣ. (Юлія еще больше покраснѣла).

— Да у насъ какъ поживетъ, то привыкнетъ къ кушаньямъ. У насъ нѣтъ бульоновъ и соусовъ французской кухни... а столъ сытный и вкусный, сказала хозяйка дома. И поцѣло-

вавъ Юлію, объявила, кто она, просила быть безъ церемоній и полюбить ее.

— Вотъ это мой сынъ, сказалъ Андрей Ивановичъ, прекрасный молодой человѣкъ; хоть я и отецъ его, но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать правды. — Прошу полюбить и его... я надѣюсь, что вы сойдетесь...

— Помилуйте-съ... Я съ своей стороны очень радъ... готовъ сдѣлать всё... Пробормоталъ Владиміръ, котораго въ самомъ дѣлѣ смутила идеальная красота Юліи и совершенно сбила съ толку.. Онъ уничтожился передъ нею.

Юлія не знала, куда дѣвать глаза. — Какъ ей прямо и при всѣхъ, говорятъ, чтобъ она полюбила-бы молодаго человѣка!.. И онъ еще отвѣчаетъ, что очень радъ!... Она совсѣмъ не понимала, что съ ней дѣлается. Голова ея была въ какомъ-то безпорядкѣ. Она сама готова была наговорить кучу несообразностей и молила только Бога удержаться отъ нихъ.

Но вотъ толпу протискивается, оплевываясь, Федосья Павловна, и необращая на Юлію вниманія, бросается прямо къ Андрею Иванычу, и послѣ другихъ привѣтствій, спросовъ и цѣлованій, говоритъ ему....

—Ну-те, батюшка, рекомендуйте мнѣ пріѣзжую-то. Больно молода еще кажется. Не поторопился ли?

И сцена рекомендацій началась снова со всѣми ея измѣненіями. Юлія была ни жива, ни мертва.

Потомъ ей рекомендовали Катиньку и Сашеньку, просили учить ихъ хорошенько, не неглижировать, смотрѣть за ихъ нравственностію, почаще жаловаться, смотрѣть, чтобъ за обѣдомъ онѣ не клали рукъ на столъ, чтобъ далеко одни не отлучались отъ дому, чтобъ при гостяхъ не сказали какой нибудь непристойности: словомъ, наговорили ей кучу такихъ обязанностей, о которыхъ бѣдная дѣвушка никогда не имѣла понятія. Но она рѣшилась всё переносить.

Послѣ этого мудрено-ли, что жители сельца Рогозинскаго произвели неслишкомъ пріятное впечатлѣніе на кроткую, но уже безъ того растерзанную душу Юліи. — Она увидѣла себя совершенно одинокою, а всё ее окружающее, какъ бы орудіе для ея пытки. Особенно ей не понравилась Федосья Павловна. Ея физіономія была изъ тѣхъ, которыя съ перваго раза производятъ чувство вполнѣ отталкивающее, и заставляющее ихъ убѣгать и опасаться.

Но не такое впечатлѣніе произвела Юлія на нашихъ помѣщицъ.

Съ самаго перваго свиданія Варвара Николаевна полюбила Юлію. Увидѣвъ ея ангельское личико, томный, умоляющій взглядъ, нѣжность и молодость, я незнаю, какое сердце не стало-бы доступно къ жалости и участію. Особенно Варвара Николаевна, которая пожила таки съ молоду, и жизнь которой тоже составляетъ въ своемъ родѣ маленькій романъ, поняла сейчасъ же непріятность положенія Юліи и взяла ее вполнѣ подъ свое покровительство.

Она съ перваго раза рѣшила подѣйствовать сильно на Юлію, слѣдить за ея поступками, внушить ей строгіе правила религіи и нравственности, которыми сама руководствовалась, даже преобразовать совершенно ея характеръ, если бы это понадобилось. — Она положила не отличать ее отъ своихъ дочерей, и очень была рада случаю заняться вполнѣ живымъ существомъ, изъ котораго убѣжденіями она могла сдѣлать, что захочетъ, будучи заранѣе увѣрена, что сѣмяна ея упадутъ не на безплодную почву, и что наставленія ея крѣпко и быстро привьются къ ея молодому и горячему сердцу.

Владиміръ Андреевичъ, какъ мы сказали, былъ уничтоженъ совершенно красотою Юліи. — Въ красотѣ женской онъ былъ знатокъ, какъ самъ выражался. Бывъ еще въ школѣ, онъ уже насмотрѣлся всякихъ физіономій, и предпочиталъ всегда блондинокъ. Юлія, какъ нарочно, была блондинка; но онъ не могъ и подозрѣвать, чтобъ блондинка могла быть когда нибудь такъ хороша!.. Мудрено ли послѣ этого, что онъ съ перваго разу влюбился въ нее. Это удѣлъ всякаго, кто только ее видѣлъ, и еще не отжилъ на свѣтѣ. Но любовь, явившаяся къ нему въ первый разъ серьозно, несчитая мелкихъ дурачествъ, принесла съ собой и всѣ ея странности. Онъ старался искать встрѣчи съ Юліей, а вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ ея. Хотѣлъ остаться съ ней наединѣ, чтобъ высказать ей свое сердце; а при ней не могъ сказать ни одного порядочнаго слова. Французскаго языка уже не было и въ поминѣ.

V.

письмо.

Вотъ что писала Юлія къ своей подругѣ Башмаковой, черезъ недѣлю своего пребыванія въ сельцѣ Рогозинскомъ:

«Милая Мери, ты не повѣришь, какую потребность я имѣю теперь писать къ тебѣ, передать тебя мои мысли и

чувства. Не обижайся, пожалуйста, что я къ тебѣ только потому пишу, но я готова бы была придти къ тебѣ пѣшкомъ, чтобы разсказать все, что со мной случилось со дня моего отъѣзда изъ пансіона. Я столько въ это время перечуствовала столько испытала, что, я думаю, уже ничего больше и не остается. — Я до сихъ поръ какъ будто въ хаосѣ, не могу собрать ни одной мысли. Со всѣми говорю невпопадъ, не могу понять, что мнѣ говорятъ, не смѣю ни на кого посмотрѣть. — Я думаю, что меня здѣсь считаютъ за какую нибудь дуру или сумасшедшую. — Ахъ страсти! Я бы не пережила этаго!.. Вотъ хоть бы и теперь. Я чувствую, что надо писать къ тебѣ, а еще хорошенько незнаю, что я къ тебѣ напишу...

Во-первыхъ, я должна тебѣ сказать, что я теперь въ сельцѣ Рогозинскомъ, П**ой губерніи. Уѣзда еще не знаю; мнѣ говорили, да я забыла. Что сказать тебѣ: счастлива я или нѣтъ? Я сама хорошенько незнаю, но мнѣ кажется, что я должна быть счастлива. — Разумѣется, мнѣ здѣсь все не нравится, всё такъ бѣдно, скучно, не чисто, совсѣмъ не такъ, какъ я воображала въ пансіонѣ;.. но я думаю, что мнѣ это только такъ кажется!.. Потому... что въ самомъ дѣлѣ, мнѣ ничего тутъ не недостаетъ. — Всѣ меня здѣсь очень любятъ, стараются мнѣ угождать. Мнѣ даже совѣстно. Самъ Андрей Ивановичъ и Владиміръ Андреичъ при всякомъ удобномъ случаѣ стараются мнѣ подслужиться. Это мое дѣло дѣлать имъ... ахъ! я и забыла тебѣ сказать, что Андрей Ивановичъ, помѣщикъ, у котораго я живу, а Владиміръ Андреевичъ его сынъ... Жена его, Варвара Николаевна, въ самомъ дѣлѣ *душка* и премилая. И мнѣ кажется, что я ее одну полюбила сильно. Съ самаго перваго дня она отъ меня почти не отходитъ, учитъ меня, какъ должна я поступать, что говорить, что думать... и я ей такъ благодарна... Я очень хорошо вижу, что это очень трудно, безъ нея я совсѣмъ бы растерялась. Вчера еще она меня позвала къ себѣ, и говорила долго и долго... Ахъ, Мери, какія *ужасти* она мнѣ говорила...

— Главное, говоритъ, бойся мужчинъ, и ни за что не позволяй себѣ сближаться съ ними. Это первые злодѣи женщинъ! Мужчины такіе злодѣи, что они созданы только на то, чтобы губить насъ. Изъ нихъ никто не стоитъ нашего вниманія...

За что она ихъ такъ бранитъ? бѣдные мужчины! — Я, конечно, не думала ей возражать... она больше моего знаетъ; и

вѣроятно это такъ, иначе за чѣмъ бы она стала выдумывать... И что страшнѣе всего, что она только и говоритъ со мною, что о нравственности... Чтожъ она тутъ нашла такого важнаго?.. И признаться тебѣ, я сама ужасно боюсь мужчинъ: они всѣ такіе страшные! и повѣришь-ли, что теперь ни за что въ свѣтѣ не останусь одна ни съ кѣмъ изъ нихъ; даже съ нашимъ буфетчикомъ, Петрушкой. А какую страшную исторію разсказала мнѣ про мужчинъ Варвара Николаевна!

Признаться тебѣ, Машинька, я была объ мужчинахъ гораздо лучшаго понятія. Мнѣ такъ было больно разочаровываться! Я конечно никогда не составляла себѣ никакихъ плановъ, но тебѣ это можно сказать... это разрушило всѣ мои надежды! Я сама еще пока незнаю, почему, но какъ бы то ни было, мнѣ было это очень непріятно слышать. Но я вѣрю вполнѣ Варварѣ Николаевнѣ. Она говорила мнѣ такъ долго и съ такимъ убѣжденіемъ, что я теперь и сама готова побожиться, что все это дѣйствительно правда. А жаль, какъ-то больно отвыкать отъ того, чему разъ повѣришь!....

Пиши ко мнѣ почаще, Мери, ты знаешь, что это мнѣ доставитъ большое удовольствіе... и мнѣ нужно это, потому что, хоть я и кажусь здѣсь по-наружности счастливою, но мнѣ грустно, очень грустно... я сама не знаю отъ чего; но что хочешь? Когда привыкнешь къ какой нибудь мысли, и вдругъ нужно стараться отвыкать отъ нее! Прощай, милая Мери! Вспомни когда нибудь о твоей Юліи... и пожалѣй объ ней!»

VI.

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Долго сбирался Владиміръ Андреевичъ приступить къ разговору съ Юліей. Не то, чтобы онъ хотѣлъ ей понравиться, познакомиться съ ней самой, узнать ее короче, сблизиться съ ея понятіями, наклонностями, чтобы умѣть подлѣлаться къ нимъ; нѣтъ, его мучила страшная мысль высказать ей свою любовь разъ — навсегда, излить передъ ней всѣ свои чувства.

Владиміръ, призвавъ на помощь уединенное мѣсто, тѣнь липъ, благораствореніе воздуха и проч. и проч. говорилъ слѣдующее:

— Вы не можете себѣ представить, Юлія Петровна, что это за чувство, которое я теперь ощущаю. Еслибъ вы были въ состояніи это испытать! О! вы тогда согласились бы со мной...

— Да въ чемъ мнѣ съ вами согласиться, Владиміръ Анд-

реевичъ? я право васъ не понимаю. Вотъ уже болѣе получаса вы мнѣ говорите что-то странное, и я право не знаю, какъ мнѣ отвѣчать вамъ...

— Отвѣчайте, какъ предписываетъ вамъ ваше сердце. Я уже сказалъ вамъ, что люблю васъ... я повторю это слово и передъ всѣми... я не испугаюсь никого.

— Ахъ нѣтъ, сдѣлайте одолженіе не говорите этого при всѣхъ... Я и одна не должна этого слушать... Какъ можно?... сказала Юлія и не на шутку испугалась.

— А! такъ значитъ, вы боитесь за меня! Значитъ, вы меня любите! О! произнесите это слово... умоляю васъ, Юлія Петровна!

— Какъ, развѣ я вамъ это сказала? Съ чего вы взяли? Я васъ еще такъ мало знаю...

— Но я то васъ знаю давно. Вашъ образъ всегда носился передо мною. Я создалъ васъ въ моемъ воображеніи Я полюбилъ васъ заочно, невидавъ...

Юлія, растерявшись, вовсе не понимала, какъ онъ могъ ее создать, и полюбить не видавъ.

— О! (продолжалъ поэтъ), еслибъ вы знали всю силу страсти, которая меня пожираетъ! Она какъ змѣй врывается въ грудь, сосетъ по каплѣ кровь, преслѣдуетъ меня, не даетъ мнѣ ни на минуту покоя, ночью является въ различныхъ видѣніяхъ...

Юліи сдѣлалось страшно.

— Да развѣ и вы сами можете остаться нечувствительными къ моимъ страданіямъ?.. Неужели моя любовь не нашла нисколько въ васъ отголоска? Неужели эта мѣстность, эта темная аллея, этотъ лѣсокъ... нисколько не напоминаютъ вамъ объ упоеніи, о томъ, что надо жить другою жизнію, кромѣ прозябанія, о томъ...

Юлія струсила не на шутку. Она вспомнила про слова Варвары Николаевны, вскрикнула отъ страха и — убѣжала! Варвара Николаевна ее выручила!.. Когда она была уже почти готова выслушать Владиміра, поддаться его убѣжденіямъ, можетъ быть, даже повѣрить ему; разсказъ ея спасъ Юлію.

Но такъ ли смотрѣлъ на это Владиміръ?.. Онъ былъ пораженъ этимъ поступкомъ. Неистовство его страсти дошло до безумія... онъ рѣшился во чтобы то ни стало обладать Юліей.

— А! Она не хотѣла понять меня, не хотѣла даже выслушать, хорошо же. Всю жизнь свою я посвящу, чтобы обдумать планъ, планъ... какой представится, худой ли, хоро-

шій, какое дѣло!.. По обстоятельствамъ, это необходимо. А тамъ я приведу его въ исполненіе! И тутъ же, передъ столѣтними липами, призвавъ въ свидѣтели небо, землю, и всѣхъ святыхъ, онъ поклялся еще ревностнѣе заняться Юліей, и непремѣнно достигнуть цѣли, хоть бы для этого онъ долженъ былъ на ней жениться. Любовь такова: чѣмъ больше ей препятствій, тѣмъ больше она разгорается и ищетъ простора.

И такъ, мы теперь видимъ, что сынъ дѣлается прямо противникомъ своей матери, по намѣреніямъ относительно Юліи. А что она дѣлаетъ, невинная виновница всего этого?

Юлія была гувернантка. — Я понимаю слово «счастіе» въ двухъ значеніяхъ: или пользоваться въ настоящихъ обстоятельствахъ такимъ положеніемъ, что не желаешь другаго, лучшаго, то есть, быть довольну собой и окружающими; или имѣть надежду на лучшее будущемъ. У Юліи, нечего и говорить объ этомъ второмъ счастіи. Сирота безпріютная, на что она можетъ надѣяться? Что пріятнаго можетъ ей представить въ будущее?.. Всякая перемѣна состоянія можетъ только пугать ее!.. Если она заболѣетъ, или ей откажутъ отъ мѣста, куда она дѣнется?.. слѣдовательно, надежда не существуетъ для нея; а если она только счастлива, то должна быть счастлива въ настоящемъ. — Посмотримъ, хорошо ли ея настоящее?

Въ пансіонѣ міръ рисуется дѣвушкамъ такими яркими красками, такъ манитъ ихъ къ себѣ, что онѣ считаютъ верховнымъ блаженствомъ отдѣлаться поскорѣе отъ несноснаго, какъ они выражаются, заведенія, и поспѣшить въ свѣтъ, чтобъ воспользоваться своимъ существованіемъ. Они уже начинаютъ чувствовать потребность жить. Но вотъ наступаетъ безмѣрная разница между жизнью въ домѣ родителей, хоть и бѣдномъ, и въ чужомъ домѣ, одинокой.

Одаренная душой теплой и воспріимчивой, жаждой жизни и удовольствій, Юлія понимала это! но она не роптала!.. По ея понятіямъ, она не была совершенно одинока на свѣтѣ, у ней была помощница и заступница... Варвара Николаевна! Да какъ-же? Кто больше занимается ею; кто съ такой заботливостью спрашиваетъ у ней о всѣхъ ея потребностяхъ, кто даетъ ей добрые совѣты; кто болѣе ласкаетъ ее; кто ее учитъ жить; кто открылъ ей такія вещи, которыя она никогда не могла и подозрѣвать?... И хорошо, еслибъ и не подозрѣвала этого, бѣдная дѣвушка! Ранняя опытность и отвращеніе отъ свѣта, такой ядъ, противъ котораго уже нѣтъ

средствъ къ исцѣленію. — Молодая дѣвушка, получившая такой взглядъ на вещи, даже при самыхъ блестящихъ обстоятельствахъ—будетъ самая несчастная. Она не можетъ любить никого! Смотритъ на всѣхъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ... Не вѣритъ ни чьимъ словамъ; во всемъ подозрѣваетъ обманъ, всего опасается, всего боится, вѣчно недовольна. — Словомъ, она нигдѣ не можетъ найдти покоя, и противъ чего же? Противъ собственныхъ убѣжденій! И, къ сожалѣнію, эта недовѣрчивость и боязнь, которая очень можетъ быть результатомъ опыта и несчастной жизни, прививается очень скоро къ нѣжныхъ сердцахъ молодыхъ дѣвушекъ. Женщины отжившія, и особенно старыя дѣвы, у которыхъ кровь уже обратилась въ желчь, поставляютъ себѣ въ непремѣнную обязанность развивать подобныя начала. Онѣ смотрятъ на это, какъ на дѣло спасенія!... А не знаютъ, что безъ распространенія этого зла, въ мірѣ было бы въ половину меньше несчастныхъ, отжившихъ преждевременно, раннихъ жертвъ и разочарованныхъ. А что можетъ быть хуже разочарованія?

Для примѣра приведемъ конецъ одного разговора Варвары Николаевны съ Юліей, черезъ мѣсяцъ послѣ ея пріѣзда.

— Онъ хоть и мой сынъ, говорила Варвара Николаевна, но я тебѣ совѣтую, ни съ нимъ, ни съ кѣмъ не дружись. Дѣвушка даже не должна говорить съ постороннимъ мужчиной. Ея поведеніе должно быть такъ же чисто, какъ солнце. Чтобъ не было даже ни малѣйшаго пятнушка. Что онъ тебѣ, женихъ, что ли? Ты помни всегда, что ты сирота, дѣвушка, у которой нѣтъ никакого имѣнія, что все твое богатство должно состоять въ доброй нравственности.... а что подумаютъ о тебѣ, когда ты будешь шептаться съ мужчиной?

— Что вы, Варвара Николаевна? Какъ это можно?.. Да развѣ я когда нибудь...

— Ну хоть и не шептаться, а все таки, если тебя увидятъ съ кѣмъ нибудь, то Богъ знаетъ, что выдумаютъ. Еще, пожалуй, что нибудь и хуже. Люди такъ злы, такъ хитры, что, повѣрь, рады воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ только повредить тебѣ. —

— Да что-же я имъ сдѣлала? За что они на меня сердятся?

— Не на тебя, а на всѣхъ — такъ. Ты думаешь и на меня они тоже не выдумывали всякаго вздора?... Но ко мнѣ это не пристанетъ, я мать семейства, — моя репутація ужъ слишкомъ извѣстна всѣмъ, чтобъ ее можно было запятнать.

— Да что жъ, развѣ мнѣ совсѣмъ не говорить съ Владиміромъ Андреевичемъ? — Вѣдь это будетъ опять невѣжливо.

— Пускай будетъ невѣжливо. — Лучше, пусть о тебѣ говорятъ, что въ тебѣ недостаетъ свѣтскости, чѣмъ нравственности. И я тебѣ говорю однажды-навсегда, что Владиміръ на тебѣ не женится! Ты ему не пара. — Мы на то его ролители, чтобы этому воспрепятствовать. Ты, конечно, добрая дѣвушка, хорошенькая, но вѣдь не лицомъ же жить; а деньгами... А мы сами что за богачи такіе! На насъ нечего надѣяться. И я тебѣ говорю, какъ родная мать, чтобъ ты подумала о своемъ положеніи. Я, конечно, не скрою отъ тебя, что очень боюсь вашего сближенія; если ты будешь благосклонна къ Владиміру, это такая голова, что онъ и на насъ не посмотритъ. Но ты будешь за нимъ несчастлива; повѣрь моей опытности. — Лучше дай мнѣ слово, передъ Богомъ, не-только не потакать ему въ его поступкахъ, но и вовсе даже не слушать, что онъ тебѣ будетъ напѣвать. Онъ хоть и правдивый человѣкъ, но я увѣрена что въ этомъ случаѣ онъ готовъ тебѣ насказать кучу такихъ вещей, которымъ никогда небывать, и которыхъ вѣроятно самъ не чувствуетъ...

— Ахъ, Варвара Николаевна, онъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ.... иначе я вамъ и не сказала бы этого... Конечно, я ему на половину не вѣрила, а зато остальную половину...

— А за остальную половину я тебѣ ручаюсь, что это неправда. Какъ можетъ такой мальчишка думать теперь о женитьбѣ? Это только бредъ, шалость; повѣрь, что онъ самъ ничему не вѣритъ, что тебѣ наговорилъ. Я даже и не думала ему сказать объ этомъ... Тутъ для него не можетъ быть ничего серьознаго, но все зло падаетъ на тебя. Ты одна вполнѣ пострадаешь: примешь это за настоящую монету, увлечешься, полюбишь его въ самомъ дѣлѣ, а далеко ли до бѣды! Нѣтъ, мой другъ, не какъ мать Владиміра, а любя тебя, я хочу взять съ тебя слово не вѣрить ему. Ты видишь, я очень хладнокровна, потому что я это не считаю стоющимъ большаго безпокойства; но все-таки для вѣрности хочу, чтобъ ты подтвердила мою просьбу.

— Извольте, Варвара Николаевна, все, что отъ меня будетъ зависѣть, я готова дѣлать. Я не буду вѣрить Владиміру Андреевичу, не буду разговаривать съ нимъ, не буду встрѣчаться...

— А если онъ съ тобой встрѣтится и заговоритъ? Тогда что?... Все это очень недостаточно. Нѣтъ! Ты дай слово,

честное слово вовсе не думать о немъ, и никогда съ нимъ не разговаривать.

— Но могу ли сдержать слово? Могутъ случиться обстоятельства...

— Вотъ именно противъ этихъ-то обстоятельствъ я тебя и предохраняю. Повѣрь моей опытности, еслибъ это было не такъ, или не нужно, я бы отъ тебя не добивалась... Рѣшайся-же поскорѣй, и ты покажешь, что ты достойна моей любви, что я не ошибалась въ тебѣ... И я тебя полюблю больше прежняго...

И Юлія дала слово!

VII.

СЛѢДСТВІЕ.

Изъ предыдущей главы мы могли видѣть, что Владиміръ не могши подѣйствовать на Юлію убѣжденіемъ, и поборотъ начала, привитыя его матерью, дошелъ даже до того, что предложилъ ей выдти за него замужъ. Молодая, горячая голова его не могла никакъ отказаться отъ мысли, что Юлія останется всегда для него постороннею; она была такъ хороша, что онъ кажется и теперь уже ревновалъ ее ко всякому, кто скажетъ съ ней слово, не разбирая пола и возраста. А потерять ее совершенно, было для него такимъ чувствомъ, которое, онъ, казалось, и не перенесетъ. Слѣдовательно, видя что не можетъ иначе сдѣлать, онъ предложилъ ей наконецъ руку съ полнымъ убѣжденіемъ на счастіе.

Съ своей стороны Юлія, не питая совершенно ничего особеннаго къ Владиміру, вслѣдствіе того, что ея возвышенная душа была далека отъ земныхъ страстишекъ, что пора ея любви еще не пришла, и наконецъ, въ слѣдствіе добрыхъ наставленій Варвары Николаевны,—не знала совершенно, какъ принять это объясненіе. — Она видѣла въ домогательствѣ Владиміра сперва любезность и препровожденіе времени, потомъ разговоръ, на который она смотрѣла уже съ нѣкоторымъ опасеніемъ, особенно послѣ совѣтовъ и поясненій Варвары Николаевны, отъ которой не имѣла секретовъ; и наконецъ, когда ей теперь серьезно предлагаютъ руку, она не на шутку испугалась. Она видѣла для себя хорошую партію, не вѣрила въ возможность ея осуществленія, и не могла привести въ порядокъ своихъ мыслей, такъ, что не могла выйти изъ этого со-

стоянія, не объяснившись съ своей совѣтницей. Предыдущая сцена былъ конецъ ихъ разговора. — Мы видѣли его результатъ. Юлія отказалась навсегда отъ Владиміра и дала честное слово!... Все это было въ порядкѣ вещей. — Юлія дѣйствовала тутъ съ убѣжденіемъ; она не теряла ничего. Владиміра Андреевича она всегда уважала, была ему благодарна за его любезности и услуги, но до любви еще было далеко. Значитъ все сдѣлалось, какъ нельзя лучше. Но можно ли было угадать послѣдствія? —

Во-первыхъ, Владиміръ, которому мать пересказала этотъ разговоръ, не забывъ притомъ увѣрить, что Юлія его нисколько не любитъ, даже питаетъ къ нему нѣкотораго рода отвращеніе за его преслѣдованія, почиталъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Онъ уже совсѣмъ не зналъ, что дѣлать! объясниться рѣшительно съ Юліей, сказать, что безъ ея сочувствія онъ погибнетъ,... къ чему это поведетъ? Повѣритъ ли она ему?.. Она его не любитъ! — Отказаться отъ Юліи онъ былъ не въ состояніи; это всё равно, что отказаться отъ жизни. И онъ рѣшился ждать, терпѣть, страдать, по мѣрѣ надобности, и этимъ драматическимъ постоянствомъ возбудить къ себѣ если не любовь, то, по крайнѣй мѣрѣ, участіе и состраданіе... Ему и этого было бы пока довольно.

Но какое же вліяніе произвело это обстоятельство на Юлію? Весьма натурально, что никакаго — она ничего не потеряла! Она его не любила! — Но тутъ и случилось именно то, что весьма часто случается въ свѣтѣ, но къ чему еще такъ мало привыкли, чему почти не вѣритъ. Именно вотъ что: извѣстно, что мы всегда обращаемъ вниманіе и намъ нравится тотъ, кто на насъ обращаетъ вниманіе, а тѣмъ болѣе занимается нами. Мудрено ли, что бѣдная, безпріютная дѣвушка была очень благодарна Владиміру, который, разумѣется, готовъ былъ не только для нея все сдѣлать, но даже пожертвовать собою. Это было даже нѣчто болѣе благодарности, какое-то особенное чувство, которое ей дѣлало пріятнымъ его присутствіе, которое ей доставляло удовольствіе отблагодарить его за одолженія, однимъ словомъ, чувство, которое она поняла только тогда, когда его потеряла. — On ne reconnait le prix d'une chose que quand on la perd, говоритъ пословица, и что же можетъ быть натуральнѣе? Видѣвшись и говоря съ нимъ каждый день, и недумая никогда о прекращеніи этаго, она не имѣла времени хорошенько одуматься, и только увидѣвъ себя въ положеніи новомъ и удаленной отъ него, она замѣтила, что

это ей совсѣмъ не всё равно, какъ она думала, и что даже ей это напротивъ очень тяжело и несносно.—Она тутъ только увидѣла, что всегда питала къ нему какое-то особенное чувство, безотчетное, которому она и недумала спрашивать у себя объясненія и которое теперь, развившись вполнѣ, показало, что это удѣлъ всѣхъ юныхъ сердецъ, залогъ счастія или несчастія!

И такъ, мы видѣли, что теперь два любящія сердца разлучены, одно своимъ убѣжденіемъ, что его не любятъ, а другое своимъ честнымъ словомъ. Обѣ вещи равно важны! Оба молодые люди равно несчастны!

VIII.

ДѢЛО РАЗВЯЗЫВАЕТСЯ.

Владиміръ, зная весь разговоръ Юліи съ его матерью, и недумалъ добиваться съ нею разговора или объясненія... Онъ такъ уважалъ Юлію, что нехотѣлъ даже подать ей повода къ нарушенію честнаго слова; къ тому-же, думалъ онъ, она меня даже не выслушаетъ... Она меня не любитъ! И онъ сталъ болѣе и болѣе отъ нея отдаляться... одинокій, задумчивый, часто запирался онъ въ своей комнатѣ, думалъ о ней, вздыхалъ и плакалъ въ первый разъ въ жизни! Всѣ деревья въ саду были исписаны именами Юліи и ея вензелями. Какъ часто заря встрѣчала его подъ окномъ, гдѣ была ея спальня. — Любовь въ немъ уже развилась до такой степени, что весьма не трудно было Андрею Ивановичу и Варвары Николаевнѣ замѣтить это и опасаться. По краткомъ совѣщаніи они рѣшили позвать Владиміра и, запершись съ нимъ въ комнатѣ, серьозно допросить его. Владиміръ признался во всемъ. Сказалъ, что любитъ Юлію больше всего на свѣтѣ; что съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о ея чесномъ словѣ, онъ не спалъ еще ни одной ночи, что ему жизнь не въ жизнь, что онъ не ручается за себя.

По его разстроенному виду, по убѣжденію, съ которымъ онъ говорилъ, а главное, по дѣйствительному образу его жизни, объясненіе это заставило призадуматься родителей. Они сказали, чтобъ онъ ушелъ, разсѣялся, что они подумаютъ и скажутъ ему, что нужно будетъ дѣлать.

Когда Владиміръ ушелъ, то возникъ довольно крупный разговоръ между мужемъ и женой, который кончился даже серьозною ссорою.

Андрей Иванычъ говорилъ, что очень понимаетъ положеніе Владиміра, и почему бы ему не жениться на Юліи, что она дѣвушка хорошая, и сколько могли узнать ее во всѣ время пребыванія ея въ ихъ домѣ, она можетъ составить его счастіе... Чтоже до того, что она бѣдна, то что онъ по своему опыту видѣлъ, какъ невыгодно мужчины гоняться за богатствомъ, что Владиміръ и безъ того не нищій, и прочія вещи, которыя если бы Владиміръ услышалъ, то еще болѣе полюбилъ бы своего батюшку.

Варвара же Николаевна сказала, что она и слышать не хочетъ, что-бы ея сынъ женился на гувернанткѣ!.. Что это срамъ, позоръ,... что еще Богъ знаетъ, кто она такая? кто ея родители?.. что это поношеніе на все ихъ семейство, что имъ въ люди нельзя будетъ показаться, что это только дастъ пищу злымъ языкамъ и что, наконецъ, Володя еще мальчишка, и самъ не знаетъ, чего хочетъ,... что это бредъ, который пройдетъ,... что самъ Андрей Ивановичъ какой-то сумазбродъ, который вмѣсто того, чтобы прикрикнуть на сына, и на первыхъ порахъ заставить его образумиться, самъ раскисъ и повѣрилъ всему... и кончила тѣмъ, чта этой свадьбѣ не бывать, пока она будетъ существовать на свѣтѣ.

Андрей Ивановичъ, котораго тутъ затронули за живое, сказалъ, что онъ нехочетъ идти прямо противъ ея воли, что она тоже мать своему сыну; но только замѣтилъ, что на богатство нечего расчитывать, что онъ много видѣлъ примѣровъ, гдѣ богатая жена выгоняетъ изъ дому своего мужа, и что, наконецъ, родители Юліи Петровны были такіе-же дворяне.

— Такіе-же дворяне! какъ кто? Да какъ ты смѣешь это говорить?..

— Матушка, не горячись!.. будто я и самъ не люблю моего сына. Но ты видишь, что теперь съ нимъ не справиться, на что онъ сталъ похожъ?.. Его совсѣмъ узнать нельзя, похудѣлъ...

— Бѣда какая, что похудѣлъ; это еще ему къ лицу... да и чтожъ такое,—поправится!.. А вотъ ты, такъ неисправимъ, тебя увѣрить всякій молокососъ... я разъ на всегда сказала...

— Съ тобой спорить я не стану, мнѣ тебя не переувѣрить. Лучше я пойду и скажу Владиміру, что съ моей стороны я согласенъ, но что мое дѣло сторона, пусть онъ всѣ у тебя проситъ...

— Прекрасно! Вы хотите поссорить сына съ матерью, хотите вооружить его противъ меня... превосходно!.. Я отъ васъ этаго ожидала!.. Это на васъ похоже!.. Не пойдете ли вы ему

совѣтывать, чтобъ онъ вовсе меня не слушался...

— Не то, что неслушаться, а вѣдь бываютъ разныя обстоятельства...

— А вотъ я говорю, что какія-бы ни были обстоятельства, я прокляну его, если онъ только женится! Я ни на кого не посмотрю... ни на него, ни на васъ... Что же до этой дѣвчонки, то я ее просто выгоню изъ дому...

— Варвара Николаевна! Вы съ ума сходите! Чѣмъ-же она, несчастная, виновата!.. Ну, положимъ, что вы нехотите, чтобы Владиміръ на ней женился, а ее то за что выгонять?

— А если и останется, то я ей дамъ заводить тутъ любовныя шашни... она у меня занимайся своимъ дѣломъ, а не фокусничай тутъ...

— Да давно ли вы сами говорили, это она хорошая дѣвушка?.. А ужь тутъ приписываете ей Богъ знаетъ какія качества!.. Вы просто сами незнаете, что говорите, Варвара Николаевна!

— А ты-то говоришь только одни глупости!.. Отстань отъ меня! Ахъ!.. Вы меня уморите своимъ невѣжествомъ. Я чувствую, что заболѣю отъ этого... я васъ видѣть больше не могу... Много ужь я отъ васъ терпѣла... мнѣ, просто, житья нѣтъ!..

Андрей Ивановичъ, пожавъ плечами, вышелъ изъ комнаты, оставивъ Варвару Николаевну одну бѣсноваться и проклинать судьбу. Ссора ихъ была рѣшена. Въ залу онъ встрѣтился съ Владиміромъ, разсказалъ ему разговоръ свой съ матерью, сказалъ, что онъ ничего не можетъ теперь сдѣлать, что самъ проклинаетъ себя, что женился на богатой (имѣніе всё было Варвары Николаевны), что понимаетъ его положеніе и что ему осталось, одно уговорить мать, впрочемъ не надѣясь нисколько на успѣхъ. Однакожъ, не какъ сыну, а какъ другу, онъ сказалъ ему, что одобряетъ эту безкорыстную страсть и что, еслибъ онъ былъ на его мѣстѣ, то, можетъ быть, придумалъ бы кое-что. Можно увезти Юлію, и, испросивъ ея согласія, обвѣнчаться тайно. Варвара Николаевна, разумѣется, посердится на нихъ, но вѣдь не вѣчно же, и кончитъ тѣмъ, что проститъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ любитъ Владиміра и Юлію.

Владиміръ бросился въ объятія отца, благодарилъ его за неожиданное участіе, сказалъ, что только это одно можетъ его сдѣлать совершенно счастливымъ; но открылся что никогда нерѣшится самъ сдѣлать Юліи подобное предло-

женіе, не надѣясь на успѣхъ и уважая ея обѣщаніе .. Андрей Иванычъ взялъ всё это на себя.

IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Можете себѣ представить удивленіе Юліи, когда въ тотъ – же вечеръ, въ саду, Андрей Ивановичъ подходитъ къ ней и говоритъ, что присланъ отъ сына парламентеромъ; что она, вѣроятно, не могла не замѣтить страданія Владиміра, что онъ, съ своей стороны, согласенъ на свадьбу, но что всё затрудненіе въ Варварѣ Николаевнѣ и что, наконецъ, такъ и такъ, всё могло бы кончиться благополучно.

Новость положенія, въ которое она такъ нечайно попала, совершенно ее уничтожило. — Такъ неожиданно, такъ ужасно напали на ея мысль. Она любила Владиміра. Уже давно любимою ея мечтою былъ онъ; но она связана была честнымъ словомъ!.. Въ тиши, она замѣчала его страданія, она видѣла, какъ онъ худѣетъ, какъ онъ измѣняется въ лицѣ: она страдала за него!

Мысль соединиться когда нибудь съ нимъ, была для нея слита съ понятіемъ о истинномъ счастьи, о вѣчномъ блаженствѣ! И вдругъ теперь представляется случей исполниться всему этому. Она не вѣритъ своимъ ушамъ. Вся внутренность ея перевернулась... Долгъ чести и послушанія Варварѣ Николаевнѣ, которая, въ слѣдствіи привычки, получила деспотическое на нее вліяніе, предстала ей со всѣми ужасами нарушенія его. Она сначала подумала, что это какія нибудь сѣти, однимъ словомъ, не поняла, чего отъ нея хотятъ. Но какъ Андрей Ивановичъ разсказалъ ей подробно свой разговоръ съ женою и сыномъ, какое онъ сдѣлалъ сыну предложеніе, какъ тотъ великодушно отъ него отказался, несмѣя нарушить ея честнаго слова; что онъ погибнетъ безъ ея согласія.... Тогда положеніе бѣдной дѣвушкѣ было въ самомъ дѣлѣ ужасно и достойно жалости. — Она горячо любила Владиміра, видѣла въ его поступкѣ рѣдкое самопожертвованіе и уже готова была уступить страшному нравственному давленію и открыться вполнѣ передъ Андреемъ Ивановичемъ; но тутъ пришли въ голову всѣ ужасы тайнаго брака, что она будетъ причиною ссоры въ семействѣ; вспомнила она негодованіе и огорченіе Варвары Николаевны, и сквозь слёзы, съ разрывающимся на части сердцемъ, сказала

Андрею Ивановичу, что она вовсе не любитъ Владиміра Андрѣевича.

Какъ опытный человѣкъ въ этихъ дѣлахъ, Андрей Ивановичъ видѣлъ, что со всѣми препятствіями противъ свадьбы, можно бы еще сладить, на все есть средства и способы, но что тутъ ему не оставалось болѣе ничего дѣлать! Юлія сказала, что не любитъ Владиміра, значитъ свадьба эта вполнѣ невозможна; и пожалѣвъ сына, онъ пошелъ приготовить его къ рѣшительному удару.

Чего же стоило Юліи это насильственное признаніе?.. Она изнемогла подъ временемъ его! Чувство чести боролось въ ней съ чувствомъ любви... трудно рѣшить, которому отдать преимущество! Сказавъ это, она уже готова была двадцать разъ броситься, вернуть Андрея Ивановича, сказать ему, что она любитъ Владиміра; но когда тотъ уже ушелъ, она бросилась на колѣна и благодарила Бога, что онъ спасъ ее отъ проступка, помогъ безукоризненно выдти изъ борьбы и поступить по внушенію совѣсти.

Но это ей даромъ не прошло! Много ли нужно было слабой, нѣжной дѣвушкѣ, чтобы растроить совершенно ея существованіе?.. Она сдѣлалась опасно больна. Но какъ обнаружить болѣзнь при теперешнихъ обстоятельствахъ? Это могутъ понять Богъ знаетъ какъ, перетолковать въ другую сторону... она такъ боялась обнаружить свои чувства, которыя считала преступными, что рѣшилась переносить все на свѣтѣ, пока будетъ въ состояніи, пока у ней достанетъ силъ. Бѣдная дѣвушка страдала жестоко!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ растроенный видъ ея отъ болѣзни, который таки съумѣли перетолковать, невозможность заняться уже такъ усердно своими обязанностями, и главное, что она была причиною ссоры въ этомъ семействѣ, перемѣнило совершенно съ ней обращеніе Варвары Николаевны. Она стала бранить ее на каждомъ шагу, дѣлать ей выговоры, притѣсненія, даже попрекать ее своимъ сыномъ... Положеніе Юліи сдѣлалось нестерпимымъ. Сколько разъ, заливаясь слезами, въ своей комнатѣ, она молила Бога о прекращеніи жизни. Она видѣла, что поставлена въ свѣтѣ въ какое-то страшное положеніе. Она причиною раздора въ семействѣ, чего до ней не было! Причина страданій и несчастій Владиміра, существа безъ-заботнаго прежде, и за минуту счастія котораго она готова бы отдать все свое существованіе. Наконецъ, она увидѣла себя въ такомъ положеніи, что ей неостается даже и надежды на

лучшее. Нападки Варвары Николаевны вышли до предѣловъ. Женщина раздраженная и разсерженная, способна на тысячи тѣхъ мелкихъ и тонкихъ непріятностей, которыя будучи маловажны порознь, составляютъ одно страшное и невыносимое цѣлое.

Попробовавъ сколько можно смягчить гнѣвъ ея, и по возможности пріучать себя переносить его, но видя, что противъ ея терпѣнія противупоставляютъ всегда новыя козни, Юлія не могла вынести. И въ то самое время, когда болѣзнь ея дошла до самаго разгара, когда ей болѣе всего нужна была помощь, покровъ и попеченіе, она беззащитная дѣвушка, не могла перенести всего этого, и призвавъ на помощь Бога, оставила навсегда домъ Бухаринныхъ.

А. Андреевъ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

—

КАРЛО ГОЦЦИ.

ЕГО ИСПАНСКО-ВЕНЕЦІЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.

(*Статья Филарета Шаля.*)

—

Владычество испанскаго театра еще въ половинѣ XVII вѣка стало ослабѣвать во всей Европѣ, и къ концу его совершенно исчезло. Сами даже испанцы, по восшествіи на ихъ престолъ отрасли Бурбоновъ, стали презирать свои старинные нравы, и дивныхъ своихъ старыхъ поэтовъ, и заимствовать у Италіи образцы элегической поэзіи, а у Франціи дидактическій языкъ и даже греческую форму драмы.

Тѣмъ болѣе поражаетъ насъ удивленіе, когда мы видимъ съ какимъ необыкновеннымъ успѣхомъ возрождаются вдругъ между 1780 и 1790 годами, въ уголку Европы, въ полуистлѣвшей республикѣ, вся испанская фантасмагорія, удальство Кальдероновскихъ драмъ, сказки волшебныя и молодецкія! Виновникомъ этого мгновеннаго возрожденія былъ — Карло Гоцци. Онъ самъ объяснилъ свои побужденія и изложилъ подробно всѣ мысли и чувства, приготовившія его творенія. Проведя лучшіи годы жизни въ полудикой странѣ, онъ сталъ оригиналомъ, чуждымъ всякаго вліянія вѣка. Онъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ чтеніе свободной драмы испанцевъ и успѣхъ приторныхъ драмъ Гольдони породили въ немъ мысль позабавить добрый народъ венеціянскій, и воскресить владычество фантазіи; какъ онъ откинулъ серьезную сторону испанскаго театра, а ребяческую сторону этихъ драмъ обратилъ въ Аристофановскія волшебныя сказки,

изумляющія своимъ страннымъ блескомъ, свѣжестью и новизною характера. Хотя онъ изучалъ, иногда даже копировалъ Кальдерона, Рохаса, Кальдерона и Монтальвана, театръ его, однако-же, вполнѣ оригиналенъ, въ особенности первая часть его, заключающаяся въ сказкахъ *Тысячи одной ночи*, въ родѣ Кальдероновой драмы *Жизнь есть сонъ* (La vida es sueno), и полная ѣдкаго карикатурнаго сарказма, совершенно чуждаго Кальдерону. При большей глубинѣ театръ Гоцци не могъ бы имѣть такого успѣха въ венеціянскомъ народѣ, придерживаясь ближе комическаго элемента дѣйствительной жизни, онъ не плѣнилъ-бы этихъ ребяческихъ головъ. Гоцци такъ ловко выбралъ свою точку зрѣнія и изъ изученія испанской молодеческой драмы, создалъ нѣчто столь оригинальное, что весь народъ съ восторгомъ бросился за нимъ.

Онъ заслуживаетъ, правда, не первокласснаго, но совершенно отдѣльнаго мѣста въ исторіи европейской литературы. Еслибы распредѣлить таланты на отдѣльныя группы, мы не мало бы удивились, увидѣвъ передъ собою цѣлое племя, совершенно особеннаго характера, повинующееся, по-видимому, самому нелѣпому произволу, а въ самомъ дѣлѣ смѣтливое и проницательное; покоряющее безначаліе формы силѣ творчества, влекущее за собою толпу подражателей, скрывающихся въ пышныхъ складкахъ учительскаго платья; шутливое, но не легкомысленное; кочующее, но не безъ цѣли; прекрасное въ особенности тѣмъ, что умѣетъ плѣнять обыкновенные умы ребяческою простотою вымысла и умы избранниковъ глубокою мыслью, кроющеюся подъ этою оболочкою.

Не многочисленъ разрядъ писателей и художниковъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь; онъ едва ли не ограничивается именами Аристофана и Каллота, Гофмана и Гоцци; это рѣдкіе умы, являющіеся обыкновенно въ смутныя эпохи. Причудливость избираемыхъ ими формъ производитъ сильное впечатлѣніе на толпу. Они мастера схватывать все живописное въ хаосѣ, и выкупать точностью намека, смѣлость и новость вымысла, они сначала покажутся, пожалуй, шутами, а между тѣмъ, нѣтъ людей степеннѣе и суровѣе этихъ писателей арабескъ. Грустная насмѣшка кроется въ смѣлыхъ ихъ причудахъ и пропускается подъ прикрытіемъ мнимаго шутовства.

Гоцци произвелъ въ Германіи тоже заразительное дѣйствіе, какъ Гофманъ во Франціи. Съ Гоцци пошла страсть къ фантастическому; Гёте благоговѣлъ передъ нимъ. Такъ ему подра-

жалъ ставилъ себѣ въ образецъ для своихъ двухъ Аристофановскихъ драмъ, несчастный Ленцъ, влюбленный въ принцессу и умершій нищимъ на большой дорогѣ. Гоцци не причастенъ грѣхамъ своихъ послѣдователей; чѣмъ геніяльнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе бываетъ у него нелѣпыхъ подражателей. Прежде, чѣмъ разбирать его драматическія сказки, волшебныя и богатырскія, не мѣшаетъ познакомиться съ не менѣе любопытными похожденіями его молодости, которыя, разсказанныя имъ самимъ съ ироническою, подчасъ грустною шутливостью, покажутъ намъ развитіе его оригинальнаго ума, вмѣстѣ глубокаго и ребячески-простодушнаго.

Часть своей молодости Гоцци провелъ въ полудикой Далмаціи; остальные годы жизни въ истлѣвшей Венеціи. Подъ старость онъ напечаталъ *Безполезныя записки, писанныя имъ самимъ, и изданныя ради смиренія* (*). Эта книга, любопытная картина нравовъ Зары и Далмаціи въ XVIII вѣкѣ и состоянія Адріатической царицы, слишкомъ погрязшей въ нѣгѣ, слишкомъ развращенной, чтобы сохранить способность понимать себя и анализировать, заслуживала извѣстности; но паденіе Венеціи убило ее, и она нынче совсѣмъ забыта. Историкъ итальянской литературы, Женгене, только упоминаетъ о ней, какъ о книгѣ, которую онъ даже не удостоилъ прочтенія. Мы постараемся по возможности приводить собственныя слова Гоцци, хотя и не надѣемся передать его наивный, смѣлый и живописный языкъ, съ его венеціянскими замашками и колоритомъ.

«Я довольно большаго росту, говоритъ онъ, и замѣчаю это по двумъ обстоятельствамъ, во первыхъ, по деньгамъ, которыя берутъ съ меня портные за платье, а во вторыхъ, по числу желваковъ, которые набиваю себѣ на лбу, проходя въ низкія двери. Благодаря Бога, я не косъ, не хромъ, не колѣка, но если бы Богъ создалъ меня колѣкою, я точно также щеголялъ бы своимъ колѣчествомъ въ Венеціи, какъ Скарронъ щеголялъ своимъ безобразіемъ и немощью въ Парижѣ. Хорошъ я или дуренъ? Давно уже я предоставилъ женщинамъ называть меня красавцемъ, когда хотятъ меня надуть, и уродомъ, когда хотятъ поразнить, но имъ не удавалось никогда ни то, ни другое. Одеждою своею я всегда занимался очень мало; хоть спросите добраго моего портнаго Іосифа Форначе,

(*) Memorie inutili di Carlo Gozzi, scritte da lui medesimo, e pubblicate per umilta. Venezia, 1797.

который съ примѣрнымъ постоянствомъ обкрадываетъ меня уже сорокъ лѣтъ. Можете судить о геройской твердости моей души, когда я вамъ скажу, что сквозь сотни тысячъ измѣненій прически въ Венеціи, я сохранилъ въ цѣлости свою природную завивку. Обувь моя также вѣрна старинѣ; когда пряжки мои изъ первоначальной четыреугольной формы обратились въ овальную, это было единственно потому, что такъ заблагоразсудилось моему серебреннику, мастеру своего дѣла и опытному торговцу. Если пряжки мои обыкновенно довольно тонки, то это опять потому, что онъ въ этомъ находитъ выгоду, онѣ скорѣе ломаются, и я чаще долженъ брать у него новыя.

«Если вы встрѣчали когда нибудь, на одной изъ самыхъ узкихъ панелей Венеціи, человѣка сумрачнаго, съ насупленными бровями, ходящаго медленнымъ шагомъ и склонивъ голову, и старающагося избѣгать взоровъ прохожихъ, это былъ навѣрное я. Вы сочли меня, пожалуй, за злодѣя, замышляющаго преступленіе, а я просто обдумывалъ свою драму: *«Прекрасная зеленая птичка»*. Этотъ человѣкъ, котораго вы по наружности считали букою, брюзгою, нелюдимомъ, въ самомъ дѣлѣ первый весельчакъ въ мірѣ. Дѣйствительно, для меня забавно видѣть свѣтъ, каковъ онъ есть, любоваться обширнымъ котломъ, въ которомъ кипятъ людскія глупости; видѣть женщинъ, обратившихся въ мужчинъ и мужчинъ обращающихся въ женщинъ; мужчинъ и женщинъ, сдѣлавшихся обезьянами; разряженную чувственность, выдающую себя за чувствительность; видѣть, какъ вѣкъ мой, съ философскою торжественностію куритъ ѳиміамъ на алтарѣ бога злата. Не олна ли это безконечная комедія? и не правъ ли я, когда обращаю все это въ игрушку, и со смѣхомъ смотрю на кувырканье человѣчества!»

Гоцци, насмѣшникъ, перенесшій на театръ *кувырканье* человѣчества, шестнадцати лѣтъ отправился въ Далмацію съ гитарою и связкою книгъ. Онъ былъ седьмой сынъ одного изъ тѣхъ богатыхъ нѣкогда и благородныхъ венеціянскихъ домовъ, которые, проживъ два или три столѣтія въ лѣни, нѣгѣ и сладострастіи, завѣщали потомкамъ одну суму; семья была большая, а средствъ почти никакихъ, разбитый параличемъ отецъ одною ногою стоялъ въ могилѣ; старшій братъ влюбился въ какую-то академическую стихотворицу, которой аркадское прозвище было Ирминда Паламеда, и за которою мужъ ничего не взялъ, кромѣ пастушескихъ грезъ и ужасной страсти къ мотовству и владычеству. Надо читать въ подлинникѣ эту

семейную картину; «чахотка отцовскаго кармана усиливалась со дня на день, а пользованіе извѣстнаго рода врачей жидовъ ускоряло ея конецъ.» Однимъ изъ главныхъ свойствъ ума Гоцци былъ здравый смыслъ; догадавшись, что ему нечего ждать подъ родительскимъ кровомъ, онъ обратился къ дядѣ: сенатору Альморо Чезаре Тьеполо. Дядя былъ человѣкъ съ вѣсомъ и представилъ племянника Джироламу Квирини, который въ то время былъ назначенъ Дальматскимъ генералъ-провизиторомъ. Такимъ-то образомъ юноша сѣлъ, въ 1738 году, на галеру, которая должна была перевезти его изъ Венеціи въ Зару.

Едва сѣвъ на *адское порожденіе*, именуемое галерою, Гоцци пустился въ философскія размышленія и наблюденія, и первымъ предметомъ ихъ были молодые венеціянскіе офицеры, раболѣпствовавшіе передъ новымъ начальникомъ, и самъ провизиторъ, съ длиннымъ лицомъ и нахмуренными бровями, забывшій свои вчерашнія оргіи и проигрышъ въ фараонъ, чтобы заняться одной желѣзною дисциплиною, которой требовала республика.

Три года пробылъ онъ въ Далмаціи; дѣла было мало, такъ, что онъ могъ свободно продолжать свои наблюденія, перемѣжая ихъ иногда любовью. И то, и другое онъ разсказываетъ съ удивительною философскою важностію. Вскорѣ по прибытіи въ Зару, онъ заболѣлъ; оправившись, онъ усердно занялся математическими науками. «Я предался, говоритъ онъ, изученію этихъ наукъ, причинившихъ міру столько добра и такъ много зла; благодаря имъ, напримѣръ, мы имѣемъ разныя замысловатыя средства убивать людей на сушѣ и на морѣ; благодаря имъ же, я вынимаю изъ кармана крошечный снарядецъ, часы, показывающіе, когда мнѣ пора садиться за столъ или ложиться спать! Судите сами, на которой сторонѣ перевѣсъ?

«Наконецъ, я сдѣлался довольно изряднымъ инженеромъ, то есть, посредствомъ вычисленій и тщательнаго изученія бастіоновъ и контр-эскарповъ Зарской крѣпости, освоился со всѣми снарядами, придуманными смертью для своей службы и для потѣхи смертныхъ, желающихъ убивать своихъ братьевъ. Я сталъ дьявольски искусенъ въ этомъ сатанинскомъ ремеслѣ; помню еще, какъ одинъ храбрый поручикъ, по имени Джіованни Альпенерджи, (человѣкъ весьма богобоязненный, когда его трепала подагра, плодъ его усердія къ мірскимъ радостямъ) училъ меня военной дисциплинѣ и ружейнымъ пріемамъ. У насъ была огромная шахматная доска съ деревянными солдатиками, которыхъ мы строили въ боевой порядокъ,

чтобы научиться обильно побивать чужихъ и скупо отдавать своихъ; дѣло весьма благородное и похвальное. Мы жили точно хищныя птицы на вершинѣ голаго утеса, съ котораго могли видѣть бурное море и городъ Зару.

«Покровителемъ моимъ былъ секретарь намѣстничества, Джіакомо Колумбо, тотъ самый, который имѣлъ почетное несчастіе умереть свѣтлѣйшимъ канцлеромъ; впрочемъ, онъ вѣроятно утѣшился въ этомъ несчастіи великолѣпными похоронами, которыхъ удостоился по смерти. Колумбо былъ человѣкъ образованный и привезъ съ собою небольшую библіотеку; онъ часто снабжалъ меня книгами и уговаривалъ продолжать стихотворенія, характеристическіе очерки и другіе опыты, которые я маралъ безъ счету, по наслѣдственной въ моемъ семействѣ заразѣ писательства.

«Жители Зары вздумали дать праздникъ въ честь своего новаго проведитора, (*) и въ то же время представить образецъ своего литературнаго и академическаго образованія. Посреди крѣпостной площадки воздвиглась прекрасная ротонда на необтесаныхъ бревнахъ вмѣсто колоннъ, съ чудеснымъ куполомъ изъ листьевъ; первый литераторъ въ городѣ, старый дворянинъ, казенныхъ дѣлъ стряпчій, докторъ Джіованни Пеллегрини, въ огромномъ бѣлокуромъ парикѣ, роскошно ниспадавшемъ на черный бархатный кафтанъ, вызвался раздать пригласительные билеты и выбрать предметы для состязанія мѣстныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ. Онъ назначилъ двѣ задачи, во-первыхъ, какъ водится, похвальное слово провизатору; а во-вторыхъ, разсужденіе на вопросъ: что славнѣе для государя: хранить миръ въ своихъ владѣніяхъ, или разширять ихъ посредствомъ оружія?

«Я не получилъ приглашенія; это весьма оскорбило самолюбіе моихъ покровителей и пріятелей. Какъ! меня считали недостойнымъ академическихъ почестей! неспособнымъ сложить сонетъ или скропать плохую рѣчь въ прозѣ. Я написалъ то и другое, единственно съ тою цѣлью, чтобы доказать себѣ самому, что и у меня хватитъ на то умѣнье.

«Пеллегрини распоряжался съ истинно иллирико-итальянскою торжественностью; немудрено, что онъ не могъ принять въ число избранниковъ подобнаго мнѣ молокососа. У меня же сонетъ и рѣчь были готовы. Вотъ я и отправился, съ этими двумя славными произведеніями въ карманѣ, въ знаменитую

(*) Намѣстника или генералъ-губернатора.

Академію, гдѣ уже собрались всѣ ея достопочтенные члены. Посреди стоялъ красный бархатный тронъ съ золотыми кистями, для генералъ-проведитора, а вокругъ амфитеатромъ множество скамеекъ для господъ академиковъ. Толпа была отдѣлена отъ нихъ рядомъ колонъ, или бревенъ, на которыхъ красовалась еще кора. Зрѣлище, какъ видите, самое великолѣпное. Мнѣ до смерти хотѣлось пить, я обращался къ нѣкоторымъ изъ офиціянтовъ, разносившихъ лимонады. — «Намъ не приказано подавать никому, кромѣ членовъ академіи; отвѣчали они, имъ однимъ дѣлается такой почетъ.» Этотъ отказъ, относившійся ко всѣмъ офицерамъ, ужасно бѣсилъ меня, не смѣшно ли, что одни академики имѣютъ право утолять жажду? Я, наконецъ, рѣшился подняться на хитрость.

— «Буду же и я академикомъ, подумалъ я. Стаканъ лимонаду стоитъ вѣдь сонета; куплю стаканъ лимонаду цѣною сонета, выдамъ себя за академика и попытаю счастія.

«Я отвѣчалъ офиціанту, что я тоже академикъ, обманъ увѣнчался успѣхомъ. Съ этой минуты я убѣдился въ пользѣ поэзіи, которую многіе считаютъ за пустую, безполезную забаву. Выпивъ стаканъ лимонаду, я возгордился, какъ пава, и къ крайнему удивленію всѣхъ присутствующихъ, важно усѣлся среди новыхъ своихъ собратій. Битыхъ три часа воздухъ оглашался напыщенными разсужденіями и нелѣпостями въ прозѣ и въ стихахъ, которыхъ размѣръ былъ такъ же сомнителенъ, какъ и смыслъ. Три или четыре сочиненьица, впрочемъ, показались мнѣ довольно сносными, въ томъ числѣ сонетъ одного раздушеннаго аббата, который впослѣдствіи былъ епископомъ; мнѣ поэзія доставила стаканъ лимонаду, а ему клабукъ.

«Дошла очередь и до меня; всѣ взоры обратились на смѣльчака. Я, нисколько не смущаясь, всталъ и прочелъ свои стихи, выхваченныя цѣликомъ изъ посланія Буало, впрочемъ переведены они были довольно недурно: я просто Людовика XIV перекрестилъ въ проведитора. Никто не замѣтилъ подмѣна, а проведиторъ, доселѣ лукаво усмѣхавшійся усиліямъ моихъ соперниковъ, изволилъ изъявить мнѣ свое удовольствіе и одобрить мое похвальное слово. Два дня спустя, послѣ этого торжества, мы отправились, по обыкновенію, прогуляться верхами съ его превосходительствомъ. Проскакавъ съ полчаса, его Превосходительство сказалъ мнѣ: «Гоцци, повторите мнѣ свой сонетъ!» Это было на всемъ скаку. Я подъѣхалъ къ проведитору и началъ декламировать свои стихи. Проведиторъ продолжалъ скакать, а я за нимъ, мыча свой сонетъ со всѣми

трелями, модуляціями, каденсами и прочими, вовсе не академическими прикрасами, какими долженъ былъ разнообразить его скокъ лошади; однако-же я бодро дошелъ до послѣдняго стиха, благодаря Бога за этотъ новый подвигъ. Проведиторъ хохоталъ отъ души; я уже опасался, не подшутилъ ли онъ надо мною, и ожидалъ, что весь штабъ станетъ надо мною смѣяться. Куда! всѣ завидовали моему счастію; не я ли былъ избранникъ, любимецъ его превосходительства? Каждый желалъ быть на моемъ мѣстѣ, и сыграть наѣзднический фокусъ, котораго я былъ героемъ. И эта зависть, изъ-за плохаго сонета и славы, возникшей изъ стакана лимонаду, едва не стоила мнѣ жизни.

«Боснійскій паша подарилъ проведитору кровнаго жеребца, сѣраго въ яблокахъ, прекрасныхъ статей, полнаго огня; но такого бѣшенаго, что никто не дерзалъ повѣрить себя его спинѣ. Однажды конюхи, вѣроятно по какому нибудь высшему распоряженію, котораго я не могъ допытаться, или подкупленные моими соперниками, надѣли мое сѣдло на этого дьявола. Отказаться было бы стыдно; сѣсть же на него, значило подвергаться опасности сломать себѣ шею. Я уже ѣзжалъ на бѣшеныхъ лошадяхъ, да притомъ одно присутствіе товарищей не позволило бы мнѣ отказаться отъ предстоявшей мнѣ опасной чести. Я вскочилъ на лошадь безстрашнымъ витяземъ, не позаботившись даже о томъ, въ порядкѣ ли на немъ узда, удила и прочія принадлежности. Едва я вскочилъ въ сѣдло, какъ мой дьяволъ взвился на дыбы, поворотилъ въ полкруга на право, и пустился со всѣхъ ногъ къ конюшнѣ; какъ я ни тянулъ поводья, какъ ни пилилъ ему рта, онъ ничего не слушалъ и несся, какъ вихрь, своимъ путемъ. Я нагнулся и увидѣлъ, что ему не надѣли ни мундштука, ни трензеля. Зная, по какимъ узкимъ улицамъ, чрезъ какія низкія ворота онъ долженъ нести меня, я размыслилъ что, чего добраго, прискачу къ конюшнѣ безъ головы. Тутъ я вспомнилъ наставленіе, которое мнѣ давалъ нѣкогда добрый конюхъ, желавшій предостеречь меня на случай такой бѣды. Я всталъ на стременахъ, протянулъ обѣ руки впередъ надъ головою свого жеребца, и крѣпко зажалъ ему оба глаза. Внезапный мракъ ошаломилъ его; онъ на всемъ скаку бросился въ сторону, ударился лбомъ объ стѣну и упалъ на колѣна. Я усидѣлъ лихимъ наѣзникомъ, поднялъ коня, дрожавшаго какъ листъ, и, самъ дрожа не менѣе его, поправилъ удила и мундштукъ, и возвратился къ товарищамъ; они встрѣтили меня съ восторгомъ, который обыкновенно возбуж-

дають подобныя безразсудства. Израненный палецъ на лѣвой рукѣ былъ трофеемъ моего подвига; рубецъ остался на немъ до нынѣ, какъ свидѣтельство моей наѣзднической удали.»

Такіе-то подвиги совершалъ въ Далмаціи будущій Аристофанъ Венеціи: «не военные, такъ гарнизонные», говоритъ онъ. Онъ готовъ былъ итти на смерть за отечество, за славу, и за 38 ливровъ жалованья; «но за неимѣніемъ случая, терпѣлъ зной и стужу, дождь и вѣтръ, скакалъ на самыхъ лихихъ скакунахъ и по пяти, шести часовъ въ день прокуривалъ письма его превосходительства, къ великому ущербу своихъ манжетъ и рубашекъ. Въ дополненіе картины далматскихъ нравовъ, мы должны еще привести эпизодъ.

«Городъ Зара, въ которомъ я жилъ, говоритъ онъ, состоитъ изъ одной большой улицы идущей черезъ весь городъ, отъ морской заставы до площади Св. Симеона; къ ней примыкаетъ множество переулковъ, ведущихъ къ валу, которымъ окруженъ городъ. Однажды вечеромъ нѣсколько моихъ товарищей хотѣли пройти по одному изъ этихъ переулковъ; какъ вдругъ человѣкъ, закутанный въ плащъ, съ завѣшеннымъ лицомъ, перегородилъ имъ дорогу, и не говоря ни слова, представилъ имъ огромный заряженный пистолетъ, грозясь спустить курокъ, если они не вернутся назадъ. Офицеры должны были уступить; что за срамъ для военныхъ! Два дни послѣ того не было ни о чемъ рѣчи въ околодкѣ, какъ только о грозномъ далматѣ и о необходимости наказать его дерзость.

«Вотъ причина блокаднаго положенія переулка; въ этомъ переулкѣ жила молодая дѣвушка, прекрасная, какъ только можно себѣ вообразить, по имени *Тонина*. У нея было множество любовниковъ; ловкостью, хитростью, кокетствомъ, она выманивала у нихъ цехины и червонцы и вела свою гнусную торговлю съ большимъ успѣхомъ. Одинъ далматъ, влюбившись въ нее по уши, и желая присвоить себѣ одному право созерцать и обожать это сокровище, вздумалъ дать ей истинно далматское доказательство своей безпредѣльной любви, зарядилъ пистолетъ и сталъ на часахъ у входа въ улицу, въ которой она жила. Какъ ни старались офицеры узнать его имя, всѣ ихъ усилія были напрасны; наконецъ, считая себя оскорбленными въ лицѣ своихъ товарищей, они рѣшились овладѣть улицею штурмомъ и прогнать дерзкаго противника. Двѣнадцать сорванцевъ поклялись совершить этотъ подвигъ.

«Положивъ, чтобы каждый изъ участниковъ въ этомъ дѣ-

лѣ, для отличія, накололъ бѣлую гвоздику на шляпу, мы условились собраться въ полномъ вооруженіи въ бильярдной залѣ, которая была обыкновеннымъ сборнымъ мѣстомъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, какъ принимались эти мѣры, одинъ иллирійскій дворянинъ, по имени Симеонъ Черновичъ, человѣкъ красивый, богатырской наружности и упрямаго, рѣшительнаго характера, изъ тѣхъ людей, которые никогда ни предъ чѣмъ не отступятъ, спалъ растянувшись на лавкѣ, въ прихожей штаба и повидимому, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на нашъ заговоръ; онъ много разъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ. Заключивъ союзъ, мы пошли изъ прихожей въ залу; Симеонъ, всталъ и пошелъ за нами. Въ залѣ онъ подошелъ ко мнѣ, говорилъ сначала о пустякахъ, потомъ отвелъ въ углубленіе окна, и ставъ такимъ образомъ, чтобы никто не могъ насъ подслушать, сказала мнѣ: — «Наступилъ часъ дать тебѣ доказательство моей искренней дружбы и привязанности къ тебѣ. Мнѣ жаль, что ты такъ опрометчиво ввязался въ затѣю этихъ дураковъ. Я увѣренъ въ твоемъ благородствѣ и неспособности твоей на подлость или нескромность. Ты увидишь, какъ я полагаюсь на твою честь, какъ я тебя уважаю и люблю. Замаскированный далматъ былъ я; сегодня вечеромъ входъ въ улицу будутъ защищать четверо вооруженныхъ. Меня убьютъ; но прежде, чѣмъ вы войдете въ улицу, многіе изъ вашихъ также простятся съ жизнью. Уволь себя, подъ какимъ нибудь предлогомъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ; пускай сорванцы эти идутъ одни; имъ будетъ славная встрѣча.»

«Само собою разумѣется, что эти слова, произнесенныя съ рѣшительностію и хладнокровіемъ человѣка, ставящаго ни во что, какъ свою жизнь, такъ и жизнь ближняго, не мало изумили меня; я отвѣчалъ, однако-же, довольно спокойно: — мнѣ странно, что вы начали свою рѣчь съ дружескихъ увѣреній, чтобы свести ее на совѣтъ осторожности. Къ сожалѣнію, я вижу, что вы не имѣете понятія ни о томъ, ни о другомъ. Благодарю васъ только за доброе мнѣніе обо мнѣ, на счетъ неспособности моей открыть вашу тайну; вы въ этомъ не ошиблись; я скорѣе умру, чѣмъ выдамъ ее. Но вы ошибаетесь, если думаете, что опасеніе за жизнь побудитъ меня измѣнить данному слову. Я сталъ бы смѣшонъ и низокъ въ глазахъ товарищей, сдѣлался бы предметомъ всеобщаго презрѣнія. Вотъ чего домогается ваша дружба! чтоже до вашего благоразумія, не думаете ли вы доказать его тѣмъ, что изъ

за глупой дѣвчонки, которую надо бы наказать, подвергнете опасности и свою жизнь и жизнь пріятелей. Бросьте свое безразсудное намѣреніе, дайте этому отряду вѣтренниковъ, не менѣе васъ безразсудныхъ, пробѣжать по улицѣ, что тутъ будетъ дурнаго? Васъ нельзя будетъ упрекнуть въ трусости, между тѣмъ, какъ если я отступлюсь, я останусь подлецомъ и клятвопреступникомъ и сдѣлаюсь посмѣшищемъ товарищей. Вы увѣряете, что будете свято хранить мою тайну; но эта самая тайна оскорбляетъ мою честь. Притомъ, кто вамъ ручается, что кто нибудь изъ вашихъ сообщниковъ не донесетъ о вашемъ намѣреніи начальству; и не всего ли естественнѣе будетъ вамъ подозрѣвать меня въ измѣнѣ? Вы, а не я, должны послушаться совѣта искренней дружбы и истиннаго благоразумія. Бросьте упрямство, бросьте пистолетъ, который не дѣлаетъ чести Тонинѣ. У васъ довольно другихъ средствъ понравиться ей. Она хороша собою, и это вполнѣ оправдываетъ любовь вашу, но сознайтесь сами, въ другихъ отношеніяхъ, многое бы можно возразить противъ нея.

«Далматъ, упрямый какъ дикарь, все твердилъ свое; что онъ неуступитъ, что онъ ляжетъ самъ, но сначала перерѣжетъ половину противниковъ. Чѣмъ мнѣ было побѣдить этого неумолимаго витязя? чѣмъ обезоружить его неистовство? я разсудилъ, что надо прибѣгнуть къ сильному средству; перекрестилъ руки, вперилъ въ него взоры, и, послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ рѣшительно: — хорошо! знайте же, что нынче вечеромъ меня перваго увидите вы у входа въ улицу, которую думаете загородить. Оскорблять васъ я не хочу: но моя грудь первая встрѣтитъ вашу пулю; я не знаю лучшаго средства доказать вамъ, что я считаю васъ своимъ другомъ.» За тѣмъ я отвернулся и пошелъ медленнымъ шагомъ. Черновичь былъ бѣшеный дикарь; но у него было благородное, нѣжное сердце; онъ молча удержалъ меня за руку; послѣ этого уже мнѣ не трудно было образумить его. Входъ въ улицу остался свободнымъ; шесть ночей сряду бѣгали мы по ней во всѣхъ направленіяхъ и пѣли во всю глотку, не встрѣчая ни души; добрый далматъ сдержалъ слово.

«Я вамъ представилъ сцену далмато-венеціянской жизни, теперь поговорю о театрѣ. Труппу нашу составляли нѣсколько молодыхъ офицеровъ, они раздѣлили между собою всѣ роли, мужскія и женскія, и тѣшили проведитора и его дворъ. Условившись предварительно въ общихъ чертахъ, они

импровизировали по этой канвѣ вѣчную комедію, которую такъ страстно любятъ итальянцы. Одинъ игралъ отца, другой Арлекина, третій Коломбину; я задумалъ создать новое лицо, иллирскую камеристку; выучившись далматскому простонародному нарѣчію, я посмѣивался надъ женскими слабостями, разсказывалъ съ разными шутками самые свѣжіе анекдоты, мѣшая сатиру съ карикатурою, я имѣлъ огромнѣйшій успѣхъ. Роль Лучиліи была предметомъ всѣхъ разговоровъ; всѣ барыни хотѣли видѣть бѣсенка, который такъ смѣшилъ ихъ на театрѣ. И какъ онѣ удивились, увидѣвъ скромнаго, степеннаго, простаго, молчаливаго человѣка! Нѣкоторыя сердились на меня не на шутку и я этимъ огорчался. Бѣдняжка! я еще не зналъ тогда всей гибкости и увертливости женскаго характера; я не понималъ, что этотъ гнѣвъ былъ знакомъ благорасположенія. Этотъ успѣхъ, которымъ я не умѣлъ пользоваться, еще увеличивался ловкостью моею во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, о которой толковала вся Зара. Меня не мало дивило, что моя любовь къ наукамъ, скромное поведеніе, небольшой литературный талантъ, разсудительность не по лѣтамъ, не производили такого впечатлѣнія на прекрасный полъ, какъ сплетни далматской камеристки и ловкая игра въ мячъ. Я еще не проникалъ до глубины женскаго сердца, не зналъ еще законовъ, управляющихъ магнетическими влеченіями этихъ странныхъ головъ. Теперь я съ удовольствіемъ вижу, что современные романы распространяютъ весьма благопріятный для этихъ существъ духъ общественности, который бросаетъ ихъ въ настоящее море магнетическаго электричества, вполнѣ согласное съ ихъ природными склонностями.»

Это магнетическое электричество, которымъ въ XVIII вѣкѣ такъ было пропитано все европейское общество и которое, благодаря вліянію Венеціи, начинало уже проникать въ Далмацію и въ Иллирію, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ запискахъ Гоцци. Въ исповѣди Гоцци нѣтъ тщеславія Руссо; онъ не золотитъ, не украшаетъ своихъ пороковъ; онъ можетъ быть и ошибается, ставитъ себя слишкомъ высоко; но онъ никогда не требуетъ, чтобы вы каждую слабость считали геніальною. Одно его бѣситъ: новая философія Руссо, Вольтера и Даламбера, которая противорѣчитъ всѣмъ его понятіямъ. Онъ предпочитаетъ даже далматское звѣрство растлѣнію своего отечества, и въ особенности распространенію философскихъ идей, приносимыхъ къ развращенному народу за тѣмъ только, чтобъ довершить его развращеніе. Все это онъ высказываетъ

не съ утомительною важностью, а забавно, шутливо, въ карикатурахъ. Онъ надѣваетъ маску, наблюдаетъ подъ нею нравы народа, и пишетъ для своей потѣхи. Самый языкъ его испещренъ оригинальными балаганными выходками, которыя схватить и передать могъ только равный ему талантъ.

Много пищи наблюдательному уму представляло время съ 1750 по 1800 годъ. Всѣ авторитеты были подкапаны; тѣже пустяки занимали всю Европу; а центромъ ея удовольствій и пороковъ была Венеція. И среди этого развращеннаго общества, которое онъ забавлялъ насмѣшками надъ нимъ самимъ, Гоцци, такой же оригиналъ въ дѣйствительности, какъ и въ своихъ произведеніяхъ, велъ жизнь умѣренную, почти строгую. Если о немъ мало говорили, то это потому, что талантъ его разцвѣлъ въ могилѣ. Горе могучей мысли, которую обхватитъ истлѣвающее общество; оно непремѣнно вовлечетъ ее въ вѣчный мракъ и ничтожество.

Полудикая Далмація, подлѣ развратной Венеціи, служила венеціянамъ дачею на турецкомъ берегу. Воображеніе ихъ забавлялось этимъ столкновеніемъ жизни лѣсовъ и горныхъ ущельевъ съ столичною изнѣженностью. Дѣла въ Далмаціи имъ не было никакого, и чтобы чѣмъ-нибудь убивать время, они волочились за морлачками, ссорились съ туземцами, или ставили на карту остатки своего имущества, или надежду на будущее богатство. Гоцци тутъ началъ свое поприще наблюдателя.

«Если вы читали Виргилія, или еще лучше Гомера, говоритъ онъ, то вы видѣли морлаковъ. Они такіе-же язычники въ брачныхъ и погребальныхъ обрядахъ, въ обычаяхъ и нравахъ, какъ народы языческой древности. Донынѣ они нанимаютъ за деньги толпы плакальщицъ, которыя воютъ гимны надъ трупами и смѣняются, когда ихъ усталыя гортани отказываются отъ продолженія этой варварской музыки. Донынѣ одно изъ любопытныхъ ихъ увеселеній состоитъ во вскидываніи, какъ можно далѣе, огромнаго мраморнаго кружка. Не напоминаетъ-ли это Діомеда или Турна?

«Колѣно, которое не можетъ указать длиннаго ряда примѣровъ кровавой мести, совершенныхъ имъ или надъ нимъ, подвергается всеобщему презрѣнію. Я часто гулялъ подъ стѣнами Буды съ добрымъ сельскимъ священникомъ, который разсказывалъ мнѣ, о подвигахъ своихъ прихожанъ, о перестрѣлкахъ двухъ селеній, принадлежавшихъ къ его приходу;

о вирахъ за убійство, искони опредѣленныхъ обычаемъ; о наслѣдственной мести, передающейся съ удивительнымъ постоянствомъ изъ рода въ родъ.

«Я скоро имѣлъ случай убѣдиться въ истинѣ разсказовъ священника. На третій или четвертый день моего пріѣзда, какая-то женщина, лѣтъ пятидесяти, явилась съ челобитьемъ къ генералъ-проведитору. Черезъ плечо висѣлъ у нея тяжелый яхташъ, она вытащила изъ него отвратительный клокъ волосъ, на которомъ висѣлъ изсохшій черепъ; бросила черепъ и волоса къ ногамъ проведитора и три раза поклонилась въ землю, рыдая и крича: *Дай судъ и расправу!* Я спросилъ, что значитъ этотъ странный обрядъ; мнѣ разсказали, что это черепъ матери просительницы, зарѣзанной лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ; что убійцы были наказаны, но наказаніе ихъ не утолило жажды мести въ нѣжной дочери, и впродолженіе тридцати лѣтъ, она повторяла тотъ же обрядъ передъ каждымъ новымъ проведиторомъ, съ тѣми же криками, тѣмъ же воемъ, тѣмъ же яхташемъ и тѣмъ же изсохшимъ черепомъ.

«Черногорки вообще не дурны собою, но кажется всѣми силами стараются уничтожить свои прелести. Онѣ укутываются въ огромный черный мѣшокъ, изъ-подъ котораго видны только растрепанные волосы и глаза, горящіе, подъ этимъ мрачнымъ покровомъ, какъ звѣзды. Самыя тягостныя работы, какъ и у всѣхъ дикихъ племенъ, возложены на женщинъ; онѣ настоящія рабы и цѣлуютъ руку своему повелителю каждый разъ, какъ встрѣтятъ мужчину на большой дорогѣ или въ лѣсу. Онѣ воздержны, бережливы, вѣрны, безкорыстны, покорны судьбѣ; не мѣшало бы основать колонію черногорокъ между нами, чтобы сколько нибудь остановить порчу нашихъ женскихъ нравовъ.

«Въ прочихъ частяхъ Далмаціи еще сохранилась въ нравахъ нѣкоторая строгость, но сила страстей, вліяніе климата, а еще болѣе италіянскихъ офицеровъ далеко отогнали тучу предубѣжденія, которую цивилизація на пути своемъ разсѣваетъ и замѣняетъ пороками. Въ мое время еще по возможности соглашали внѣшнюю пристойность съ сладострастіемъ; наружная важность господствовала по прежнему, хотя завѣса ночи скрывала тысячи продѣлокъ. Это было самое странное смѣшеніе сладострастія и суровости, жизни полудикой и жизни изнѣженной.

«Много было попытокъ обработать плодоносную почву Далмаціи, но безъ успѣха. Далматы хотятъ жить, какъ жили ихъ отцы. Къ чему ведетъ обработка земли и промышленность, если имъ не содѣйствуетъ и не управляетъ ими развитіе ума и души? Зачѣмъ въ наше время такъ мало обращаютъ вниманія на нравственную сторону народа? Воображаютъ, что всего можно достигнуть посредствомъ машинъ и новыхъ изобрѣтеній, между тѣмъ, какъ надо прежде всего переродить человѣческое сердце. Вы никогда не убѣдите морлака, что умнѣе бы ему самому воздѣлывать землю и садить лукъ и чеснокъ, которые онъ потребляетъ въ неимовѣрномъ количествѣ, чѣмъ выписываетъ ихъ изъ Неаполитанскаго королевства. Онъ останется при томъ мнѣніи, которое наслѣдовалъ отъ отца. Неужели мы никогда не догадаемся, что просвѣщеніе должно начинаться съ души и что все матерьяльное всегда будетъ въ зависимости отъ духовнаго? Мы гонимся только за богатствомъ, роскошью, житейскими удобствами, словомъ, за физическимъ благосостояніемъ; и не видимъ, что это мнимое совершенствованіе не ведетъ къ счастью, если душа пожирается завистью, корыстолюбіемъ и скукою.»

Гоцци разгадалъ направленіе Европы, матеріализированіе идей; надежду довести человѣчество до высшаго блаженства, чрезъ совершенствованіе матерьяльной жизни; стремленіе ложное, потому-что въ человѣкѣ, кромѣ физическихъ способностей, есть еще другія потребности, которыя не находя себѣ пищи въ размножившихся физическихъ наслажденіяхъ, дѣлаются для него пыткою и ведутъ его къ отчаянію.

Но возвратимся къ Далмаціи.

«Праздность и скука гарнизонной жизни, говоритъ Гоцци: дикость далматскихъ нравовъ, порождали подчасъ престранныя сцены. Одни проигрывали на одной картѣ все свое жалованье за шесть лѣтъ впередъ; другіе давали серенады подъ балконами, не обращая вниманія на пистолетныя ферматы, которыми не рѣдко отвѣчали имъ мужья или отцы; ночнымъ гуляньямъ, пирушкамъ въ лѣсу, похищеніямъ, интригамъ не было конца; словомъ, на каждомъ шагу встрѣчалась растлѣвшая цивилизація съ дикою грубостью. Насъ забавляло, когда мы могли нарушить сонъ своихъ добрыхъ хозяевъ. Я изрядно игралъ на гитарѣ и потому былъ необходимъ товарищамъ; они заставляли меня играть подъ окнами жителей и били тактъ пистолетными выстрѣлами.

«Въ Сполатро, гдѣ мы провели одно лѣто, намъ вздума-

лось всполошить весь городъ пренелѣпою выдумкою. Ночи были теплыя; вотъ мы однажды надѣли по двѣ сорочки; одну какъ слѣдуетъ, а другую вмѣсто исподняго платья, просунувъ ноги въ рукава; связали обѣ сорочки вмѣстѣ, и въ этомъ костюмѣ, въ бѣлыхъ колпакахъ и съ горящими факелами, пустились бѣгать по улицамъ, криками и воемъ будить и пугать женщинъ и дѣтей, стучать во всѣ ворота, словно отрядъ вырвавшихся изъ ада чертей. Мы вошли въ конюшни, которыя были оставлены отворенными, для прохлажденія, отвязали съ полсотни лошадей и пустили ихъ скакать по городу, пугая ихъ факелами. Суматоха была страшная. Жители вскочили съ постелей, думая, что турки напали на городъ, а мы все болѣе шумѣли и дурачились. Утромъ, жители съ трудомъ отыскали лошадей и не знали, какъ себѣ объяснить это дьявольское навожденіе.

«Я вамъ говорилъ о Тонинѣ и о грозномъ блюстителѣ ея вѣрности, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ того отказался отъ своей безразсудной любви. Тонина послужила мнѣ источникомъ новаго торжества на сценѣ. Это было въ послѣдній день масляницы; весь городъ и самъ проведиторъ присутствовали при представленіи.

«Занавѣсъ поднимается. Лучилія (то есть я) жена стараго волокиты и негодяя Панталона, ждетъ его возвращенія. Убаюкивая ребенка, она жалуется на развратное поведеніе мужа, отпускаетъ мимоходомъ тьму остротъ и эпиграмъ, и имѣетъ честь смѣшить высокое далматское дворянство и почтенную публику. Такъ проходитъ четверть часа, Панталонъ пропускаетъ выходъ; я съ безпокойствомъ посматриваю за кулисы, отпускаю еще нѣсколько остротъ, опять смотрю, но никто не выходитъ. Между тѣмъ остроуміе мое было на исходѣ. Стать въ тупикъ! Что можетъ быть ужаснѣе для актера, что скажутъ о моемъ талантѣ. Взоры мои съ отчаяніемъ блуждаютъ по рядамъ зрителей, и невольно останавливаются на прекрасной женщинѣ въ первомъ ярусѣ, осыпанной брилліантами и цвѣтами. Это Тонина, Зарская Цирцея, бездна, поглощающая всѣ богатства, она ослѣпительнѣе, чѣмъ когда-либо; нарядъ ея свидѣтельствуетъ о ея новыхъ побѣдахъ. Ее очень смѣшили мои эпиграммы; я вспомнилъ, какой опасности подвергала меня ревность ея любовника. Молніею сверкнула въ моей головѣ мысль новой сцены. На домашнемъ театрѣ все позволено; вольность первое его достоинство.

«Беру опять на руки куклу, изображавшую мою дочь, и

начинаю съ нею бесѣловать, называя ее Тониною. Красавицею будешь ты, моя Тонина, но берегись! Если ты, не смотря на мою заботливость, на мои увѣщанія и примѣры, станешь дурно вести себя, я прокляну день, въ который родила тебя. Что изъ тебя будетъ Тонина, вѣроломная прелестница? погубишь ты свою душу, проклятая; поблекнетъ твое тѣло! — За тѣмъ посыпались всѣ зазорныя черты изъ жизни настоящей Тонины, съ примѣсью нравоученій; публика хохочетъ, а я продолжаю разоблачать жизнь Тонины; проведиторъ кусаетъ губы со злости; Тонина то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, прячется въ ложу; пока неистовые восторги зрителей не принуждаютъ ее уѣхать изъ театра.

«Это еще не все. Разберите причудливое сердце женщины! Мои товарищи офицеры давали послѣ представленія балъ и ужинъ Тонина опять явилась, но уже въ другомъ нарядѣ; она была обольстительнѣе подъ венеціянскимъ зендало и для кого, вы думаете, она расточала всѣ свои обольщенія? Кого преслѣдовала нѣжными упреками, слезами и томными взглядами? Того самаго, кто нанесъ ей такое тяжкое оскорбленіе. Цѣлые два мѣсяца Тонина обстрѣливала мое сердце; разставляла сѣти моей бѣдной добродѣтели. Я имѣлъ тутъ случай надосугѣ изучить странный магнетизмъ, именуемый любовью и остался побѣдителемъ.»

Гоцци одинъ изъ послѣднихъ представителей того племени оригиналовъ и юмористовъ, которыхъ настоящая родина Англія. Судьба бросила его въ конецъ XVIII вѣка, будто нарочно за тѣмъ, чтобы онъ былъ хранителемъ человѣческой наивности въ эпоху, когда всякая индивидуальность исчезала передъ новымъ направленіемъ. Въ XVIII вѣкѣ не найдется почти ни одного человѣка, похожаго на него; Дидеро—гостинный проповѣдникъ; Свифтъ — человѣкъ, мучимый желчью; Жанъ-Жакъ Руссо—геніяльный ханжикъ. Каждому изъ нихъ нуженъ кружокъ дивящихся слушателей, приверженцевъ, фанатиковъ. Гоцци одинъ размышляетъ въ уединеніи, наблюдаетъ въ безмолвіи, съ грустною улыбкою пишетъ комическія картины, вѣруетъ въ платоническую любовь, среди неистовства венеціянскаго разврата. Онъ не только подмѣчаетъ слабости лицъ, но и слабости вѣка, и рисуетъ ихъ тонкими, мастерскими чертами; тысячи разнообразныхъ фигуръ проходятъ въ его тѣсныхъ рамахъ и каждая имѣетъ свой характеръ, живетъ своею жизнью. Не смотря на свою видимую при-

чудливость, онъ болѣе глубокій наблюдатель, чѣмъ любой изобрѣтатель эстетическихъ классификацій.

Картина венеціянскихъ нравовъ будетъ не полна безъ любовныхъ приключеній Гоцци. Эти мелкія слабости, семейныя и будуарныя тайны необходимы, чтобы дать понятіе о жизни народа. И чѣмъ причудливѣе и проницательнѣе наблюдатель, тѣмъ любопытнѣе начертанная имъ картина. А гдѣ вы найдете другаго такаго проницательнаго чудака, какъ Карло Гоцци.

Посмотрите на этого человѣка, большаго, смуглаго, блѣднаго, съ неподвижнымъ, проницательнымъ взглядомъ, съ величавою походкою, причесаннаго въ 1780 году по модѣ 1735 года, съ золотыми пряжками стараго сенатора на башмакахъ, въ старинномъ воротникѣ. Онъ живетъ въ полуразвалившемся дворцѣ, и выходитъ изъ него только за тѣмъ, чтобы навѣстить кого нибудь изъ своихъ актеровъ и актрисъ. Является ли онъ за кулисы: весь этотъ миніатюрный міръ у ногъ его; арлекинъ, первая актриса встрѣчаютъ его съ почтеніемъ; директоръ ласкаетъ его; женская зависть передъ нимъ умолкаетъ. Вся семья Тартальи и Панталона смотрятъ на эту суровую фигуру съ благоговѣніемъ. Откуда такое уваженіе? сейчасъ узнаете.

Поднять театръ, дать хлѣбъ актерамъ, привлечь толпу, возбудить всеобщее любопытство, перевести деньги изъ кармановъ публики въ карманы артистовъ, уже большая заслуга; авторъ, оказавшій ее, имѣетъ право на уваженіе труппы. Гоцци же не продавалъ своихъ драмъ, а дарилъ ихъ. Онъ не бралъ никакой пошлины съ денегъ, которыя, благодаря ему, сыпались въ карманъ другихъ; онъ ихъ обогащалъ, не требуя самъ никакой награды, за это его обожали; за то весь театръ былъ преданъ ему душой и тѣломъ: актеры и актрисы, декораторы и машинисты, суфлеры и музыканты.

Даже папскому нунцію не оказывали они такого почету. Его пятдесятъ драмъ, которыя нынче довольно трудно собрать, не только вывели труппу бѣднаго Сакки изъ забвенія, дали хлѣбъ множеству сиротъ и дѣтей, причисленныхъ къ этому почтенному сословію, доставили торжество и славу артистамъ, но оживили удовольствія Венеціи, угасавшей въ фараонѣ и въ казино. Но эти пьесы, писанныя по большей части чудными стихами, которымъ дивился самъ Гёте, не увеличили ни на одну копѣйку доходовъ автора; у него только хватало денегъ на покупку перьевъ, бумаги и чернилъ, на

отшельническую жизнь въ углу его развалившагося палаццо и на подарки труппѣ Сакки.

Еслибы онъ посмѣлъ, онъ пожалуй готовъ бы даже платить актерамъ и актрисамъ, такъ ему пріятно было находиться среди ихъ, видѣть ихъ вблизи, наблюдать ихъ, быть повѣреннымъ ихъ тайнъ и тихонько надъ ними посмѣиваться. Не имѣя ни нуждъ, ни заботъ, ни пороковъ, онъ могъ на досугѣ изучать этотъ міръ, представлявшій ему, по собственному его выраженію, «сердца, погруженныя въ столько тайнъ, облеченныя въ столько покрововъ, міръ, измученный боязнію, интригами, странствіями, счастіемъ и несчастіемъ, соперничествомъ, завистью, безпрестанными огорченіями самолюбія и нуждами.» Это лучшая школа для наблюденія. По этому онъ и держался среди этой сѣти, какъ паукъ среди своей паутины, повелѣвая всѣмъ, его окружавшимъ. Онъ зналъ всѣ любовныя интриги актрисъ, ихъ мелкія козни, слушалъ ихъ вздохи, ибо каждая въ свою очередь влюблялась въ него; онъ смѣялся, сулилъ имъ приданыя, то есть, роли на ихъ мѣрку, выдавалъ ихъ за добрыхъ венеціянскихъ ремесленниковъ и снова принимался за свое ремесло *грустнаго насмѣшника*; ремесло Аристофаново и Мольерово, можетъ быть, высшая степень человѣческой мудрости.

Эти философскія наблюденія были не безъ опасности для сердца и чувства; но мудрецъ видѣлъ свѣтъ и оградилъ себя противъ его обольщеній. Онъ умѣлъ оставаться равнодушнымъ среди этихъ женщинъ, дышавшихъ любовью; (impastate d'amore, говоритъ онъ); видѣлъ, какъ всѣ онѣ получали письма изъ Милана, Пармы, Виченцы, Венеціи, слушалъ ихъ объясненія, о томъ, какъ на нихъ сватались молодые купчики, богатые граждане, подчасъ даже дворяне изъ всѣхъ городовъ Италіи; какъ женихи ждали только смерти, кто дяди, кто матери, кто даже жены, которыхъ та или другая болѣзнь должна была со дня на день отправить на тотъ свѣтъ, чтобы очистить мѣсто прекрасной преемницѣ. А когда онъ сохранялъ свою каменную холодность даже среди этаго пламеннаго вихря, точно бы возбудить въ немъ ревность, ему сообщали всю переписку этихъ господъ; одни были сиадоны, другіе поэты; всѣ смѣшны и всѣ оставались въ дуракахъ.

Такимъ образомъ, Гоцци наблюдалъ за кулисами комедію міра; то же дѣлали вѣроятно Мольеръ и Шекспиръ. Но его независимое положеніе давало ему власть и хладнокровіе, которыхъ они не имѣли. Всѣ сосредоточивались около него;

самъ директоръ былъ его покорнымъ слугою, ибо онъ доставлялъ всему этому міру пропитаніе. Такимъ образомъ жилъ онъ много лѣтъ, пока ревность двухъ актрисъ и притязанія вертопраха не разсѣяли труппы Сакки. Тогда онъ удалился въ совершенное уединеніе; и пока Бонапарте довершалъ паденіе льва св. Марка, онъ писалъ свои записки, въ которыхъ воскресилъ свои театральные успѣхи и неудачи, и завѣщалъ потомству дивную картину мелкихъ страстей Венеціи XVIII-го вѣка.

Въ этихъ запискахъ онъ объясняетъ, между прочимъ, какимъ путемъ онъ достигъ той ледяной защиты противъ венціянскаго разврата, которая позволила ему сохранить свѣжесть сердца и спокойствія души, проходя сквозь атмосферу сладострастія, сдѣлавшуюся для сѣверной Италіи едвали не нужнѣе самаго воздуха. Этотъ путь заключается въ троекратной его любви, которую онъ разсказываетъ съ ироническимъ хладнокровіемъ и съ спокойнымъ презрѣніемъ къ своимъ слабостямъ.

Гоцци стыдится своихъ прошедшихъ слабостей. «Съ краскою въ лицѣ, говоритъ онъ: и со всевозможнымъ чистосердечіемъ разскажу я вамъ, какимъ образомъ дошелъ я до того, что мнѣ опротивѣла любовь. Въ молодости, симпатія моя къ женщинамъ представляла мнѣ ихъ какими-то земными божествами; я не могъ низупасть съ этого чуднаго, небеснаго эмпирея къ дѣйствительности и непрочности жизни, не разбивъ кристалла своей мечты. Вотъ какъ это было.

«О, какое прекрасное, какое высокое понятіе я составлялъ себѣ о женщинѣ! Какъ плѣняла меня ея добродѣтель! Я мечталъ о блаженствѣ чистой любви; понималъ страсть единственно какъ влеченіе душъ; извинялъ восторги только ради платоническихъ наслажденій, которыя одни казались мнѣ достойными истинно чувствительнаго человѣка. Я пролилъ бы охотно до послѣдней капли крови за женщину, которая раздѣляла бы мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Эти тонкости моей теоріи любви давали мнѣ, въ шестнадцать лѣтъ, какую-то степенность, какую-то важность, какое-то меланхолическое выраженіе, не совсѣмъ согласныя съ возрастомъ, когда огонь течетъ въ жилахъ, и съ полудикою страною, гдѣ моя юношеская добродѣтель претерпѣла крушеніе.

«Это было въ Далмаціи. Люди серьезные да извинятъ ребячество того, что я собираюсь имъ разсказать, ради нравоученія, заключающагося въ этихъ былях; люди не серьезные

да простятъ мой платонизмъ ради моихъ юношескихъ проступковъ.

«По пріѣздѣ своемъ въ Зару, я долго былъ болѣнъ; однакоже здоровье мое мало-по-малу поправилось. Квартирка моя выходила на городской валъ; изъ нея открывался прекрасный видъ; противъ окна, выходившаго въ переулокъ, были окна трехъ молодыхъ дѣвушекъ, дворянокъ, но чрезвычайно бѣдныхъ, получавшихъ небольшую помощь отъ брата офицера и жившихъ преимущественно рукодѣльемъ. Старшая была бы недурна, еслибъ непортили ее китайскіе глаза въ красныхъ обводахъ, которые я ненавидѣлъ. Вторая была однимъ изъ тѣхъ чертенятъ женскаго пола, которые созданы за тѣмъ, чтобы ихъ ненавидѣли и обожали: небольшаго росту, но прекрасно сложена, смугла, густые черные волосы, спадавшіе почти до пятокъ; и самые блестящіе черные глаза. Третья была еще ребенокъ, то есть обѣщаніе или угроза, прелестная прелюдія, которой продолженіе было еще впереди.

«Я видалъ этихъ трехъ красотокъ только когда отворялъ свое окно на улицу и когда ихъ окна были отворены. Онѣ привѣтствовали меня легкимъ, скромнымъ наклоненіемъ головы, на которое я отвѣчалъ, какъ слѣдовало молодому человѣку, благоговѣвшему предъ идеальною красотою, передъ олицетвореніемъ добродѣтели въ женщинѣ. Я замѣтилъ однакоже, что вторая сестра, черноглазый чертенокъ, всегда отворяла окно, какъ скоро я показывался у своего окна, что она краснѣя опускала голову и что огненные глазки ея всегда будто хотѣли мнѣ что-то сказать. Было отъ чего задуматься платонику моихъ лѣтъ. Но увы! все, что касалось тѣла, что не ограничивалось одною душою, было мнѣ ненавистно; я еще болѣе погружался въ свое строгое воззрѣніе и не дѣлая невѣжливостей, старался, однако-же, показывать совершенное равнодушіе.

«Однажды, когда моя прачка принесла мнѣ по обыкновенію корзинку бѣлья, я увидѣлъ на немъ чудесный цвѣтокъ гвоздики.

— Что значитъ эта гвоздика? спросилъ я.

— Вамъ подарокъ; ее сорвала одна прекрасная особа, ваша сосѣдка, на которую вы однакоже и смотрѣть не хотите.

— Скажите этой особѣ, что я ей чрезвычайно благодаренъ, но что выборъ ея очень неудаченъ, отвѣчалъ я, принимая серьезный видъ.

«Твердость моя была уже поколеблена, голова начинала кружиться. Я почувствовалъ это и мнѣ представился страш-

ный призракъ супружества; я счелъ долгомъ стараться избѣгать опасности и глазъ чертенка, не показываясь болѣе у окна. Средство спасенія хуже самаго зла!

«Мой товарищъ, Джіованни Альпердери, съ которымъ я былъ въ тѣсной дружбѣ и который былъ прежде моимъ руководителемъ въ военной наукѣ, нисколько не раздѣлялъ моихъ платоническихъ понятій; системѣ своей, которой онъ слишкомъ усердно слѣдовалъ на практикѣ, онъ былъ обязанъ подагрою и множествомъ другихъ болѣзней, приковавшихъ его къ постели. Онъ просилъ меня навѣстить его; онъ жилъ недалеко отъ меня, у пожилой вдовы нотаріуса.

«Я отправился на зовъ. Хозяйка сидѣла въ компатѣ моего сослуживца; она встрѣтила меня съ видомъ почтеннаго пастыря, желающаго направить грѣшника на путь истины и добродѣтели. Назидательнымъ, материнскимъ, нѣсколько желчнымъ тономъ журила она мою невѣжливость, мое неумѣнье обращаться съ людьми; представляла, какъ смѣшно въ шестнадцать лѣтъ корчить степенность пятидесятилѣтняго человѣка и заключила свою проповѣдь, реторически раздѣленную на три части, краснорѣчивымъ увѣщаніемъ отказаться отъ своихъ глупыхъ идей и не приводить въ отчаяніе своимъ пренебреженіемъ прекрасныхъ и честныхъ дѣвицъ, которыя были ко мнѣ благосклонны. Такое поведеніе нисколько не похоже на мудрость, говорила она: это просто невѣжество, дурачество и явное тиранство.

«Больной офицеръ, между стонами и даже криками, которые вырывала у него боль, поясняль назидательными толкованіями увѣщаніе старухи, дивился моей глупости, разсуждалъ о ложныхъ моихъ понятіяхъ, о необходимости любви, и умолкалъ только тогда, когда непредвидѣнное возвращеніе болѣзни заставляло его вскакивать на постели.

«Я готовился отвѣчать съ такимъ же краснорѣчіемъ; но легкій стукъ за дверью извѣстилъ о прибытіи новаго лица и въ тоже мгновеніе вошла моя опасная красотка, освѣдомиться о здоровьи больнаго; кажется, впрочемъ, цѣлью посѣщенія былъ не столько больной, сколько здоровый. Гостья пришла одна, потому что старшая сестра была больна, и горничная должна была оставаться дома, чтобы присмотрѣть за нею. Она говорила скромно, привѣтливо, о пустякахъ, но такъ, чтобы показать свой умъ и разсудительность; черные глазки ея, между тѣмъ, ясно говорили мнѣ, что я неблагодарная тварь. Невѣжливо было отпустить ее домой одну; я вызвался ее проводить; она сна-

чала не соглашалась, но только изъ приличія. Я взялъ ее подъ руку; она вся дрожала; до дому было не далеко и мы дошли, не вымолвивъ слова. Въ дверяхъ она сказала мнѣ робкимъ и умоляющимъ голосомъ: «надѣюсь, что вы неоткажитесь войти къ намъ отдохнуть.»

«Все въ квартирѣ показывало крайнюю бѣдность, въ той же комнатѣ, гдѣ она приняла меня, лежала ея больная сестра. Чтобы не разбудить ее, мы разговаривали вполголоса. Я сѣлъ на желтую, полинялую софу, а далматка взяла шитье. Не смѣя поднять глазъ, она сказала мнѣ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ имѣла ко мнѣ чрезвычайное влеченіе; но что она боялась, что не удостоилась отъ меня ни малѣйшей благодарности за это чувство. Я отвѣчалъ ей, также вполголоса, но устремивъ на нее неподвижный взоръ, что не вѣрить ея словамъ значило бы оскорблять ее; но что мнѣ любопытно было-бы знать, какимъ образомъ могла родиться въ ней такая благосклонность къ молодому человѣку, вовсе незнакомому и ничѣмъ не заслужившему такой чести. Она возразила, поднявъ на меня глаза, что она говорила отъ чистаго сердца, и что это чувство возникло въ ея сердцѣ, когда она видѣла меня на театрѣ, въ роли служанки, и еще болѣе усилилось, когда она увидѣла, какъ я игралъ въ мячъ. — Возможно-ли, Боже! вотъ ударъ моему самолюбію! любовь ко мнѣ внушили ей мое умѣнье играть въ мячъ и ничтожная роль субретки. Женщина образованная старалась бы скрыть такія жалкія побужденія, а она простодушно сознавалась. Это такъ укололо меня, что я выслушалъ ее съ суровымъ выраженіемъ и сказалъ:

— Я никакъ не ожидалъ, чтобы благородная дѣвица могла обращать болѣе вниманія на такіе пустяки, чѣмъ на душевныя свойства человѣка.

— Я только говорю вамъ откровенно, что чувствую, отвѣчала она, обидѣвшись и съ колкимъ простодушіемъ; впрочемъ кажется, что всѣ одинакого мнѣнія со мною; я столько наслышалась добраго о васъ, что невольно получила о васъ доброе мнѣніе. Безпрестанныя похвалы усилили мою склонность и ваше пренебреженіе приведетъ меня къ отчаянію.

«При этихъ словахъ она старалась скрыть слезы, блеснувшія въ ея глазахъ, но я ихъ замѣтилъ. Ея признаніе льстило моему самолюбію, тронуло мое сердце, а красота чертенка довершила дѣло. Я призвалъ на помощь все свое благоразуміе; объяснилъ молодой далматкѣ, что я не желаю, да и не могу, по бѣдности своей, жениться, но что ея привязан-

ность очень меня тронула; частыя мои свиданія съ нею могли повредить ея доброму имени и счастью, и что я просилъ ее смотрѣть на будущія старанія мои отъ нея удаляться, какъ на свидѣтельство моего уваженія и преданности.

«Когда бѣдная дѣвушка выслушала этотъ приговоръ, работа вывалилась у нея изъ рукъ. Она схватила мою руку, припавъ головкою къ моему плечу, потомъ продолжала, уже не въ третьемъ лицѣ, какъ требуетъ итальянская вѣжливость, а по далматскому обычаю на *ты*:

«Душа души моей, ты меня незнаешь; благородство и благоразуміе твоихъ рѣчей еще усиливаютъ мою любовь. Неужели ты думаешь, что я хочу воспользоваться твоею молодостью, надѣюсь найти въ тебѣ пособіе моей нищетѣ? что я думаю поймать себѣ мужа? это все могло бы быть; но ты ошибаешься и я не виню тебя. Ради Бога, старайся узнать меня, порадуй меня своею бесѣдою, которая для меня лучшее утѣшеніе; если у тебя есть сердце, ты не покинешь въ жертву нестерпимому горю душу, которая тобою только и живетъ.

«Слезы ея полились сильнѣе прежняго и я былъ въ восторгѣ. Нашелъ я ее, мечту моего юнаго воображенія, женщину, которая любитъ мою душу, которая жаждетъ только идеальной, духовной любви. Я беззаботно предался овладѣвшему мною чувству и пожитія нашихъ рукъ, наши страстныя взоры, наши нѣжныя рѣчи, были вполнѣ достойны пастуховъ Линьона и Астреи.

«Не смѣйтесь этому дешевому счастію! развѣ въ немъ нѣтъ блаженства? то шутливыя и веселыя, то задушевныя бесѣды, вздохи изъ глубины сердца, трепетные взоры, мгновенная краска и блѣдность... мы истощили всѣ эти невинныя наслажденія, которыя я, старикъ, до сихъ поръ считаю самыми высшими и самыми прочными наслажденіями любви. Какое-то чувство стыдливости удерживало насъ обоихъ; дѣйствительно-ли оно было въ насъ — это вы сейчасъ увидите.

«Однажды, вечеромъ, я пошелъ гулять по городскому валу съ проповѣдницею вдовою нотаріуса, подагрикомъ пріятелемъ и молодою далматкою. Подагра и другія болѣзни не позволяли моему товарищу ходить скоро; я тоже шелъ медленно, потому что мой смуглый чертенокъ висѣлъ у меня на рукѣ. Шествіе наше было, слѣдовательно, самое величественное. Я какъ можно болѣе отставалъ отъ шедшей впереди четы; наступила ночь, небо заволокло; чувствуя припадки подагры, Альперджи пошелъ, хромая, домой и оставилъ насъ вдвоемъ.

«Бесѣда наша ограничивалась едва внятными обрывочными восклицаніями; мы шли безсознательно, куда глаза глядѣли, замѣтивъ, что платонизмъ нашъ былъ въ большой опасности, и что свѣжесть ночи не въ состояніи была охладить въ насъ кипящую кровь, мы рѣшились сократить свою прогулку. Но чтобы вести домой мою спутницу, намъ надо было пройти мимо моей квартиры.

«Сдѣлай милость, сказалъ мнѣ черноглазый чертенокъ, дай мнѣ посмотрѣть твою квартиру.

«Я вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ дверь, мы вошли. Ночникъ тускло горѣлъ на столѣ, подлѣ постели. Дѣвушка сѣла на постель.

— Тутъ-то ты спишь одинъ? спросила она.

«Сердца наши бились въ груди, будто хотѣли выскочить. Уединеніе, ночь, слабый свѣтъ ночника, все, по-видимому, должно было погубить насъ; но мы боролись съ обольщеніемъ и не говорили почти ни слова. Дураки! скажутъ нѣкоторые сластолюбцы и негодяи; жаль смотрѣть! къ чему все это колебаніе, все это мѣшканіе? — Глупцы! отвѣчу я: вы не понимаете самыхъ высшихъ, самыхъ очаровательныхъ сладостей любви. Но развязка моего приключенія познакомила меня съ другимъ феноменомъ, который объяснить предоставляю психологамъ, если они съумѣютъ.

«Два мѣсяца предавались мы этому влеченію и носились по морю наслажденій, которыя, однако-же, всегда оставались болѣе платоническими, чѣмъ чувственными. Она была бѣдна; я это зналъ и умолялъ ее позволить мнѣ раздѣлить съ нею свое имущество, которое, какъ ограничено оно ни было, все-таки доставило-бы ей нѣкоторую помощь. Она отвергла всѣ мои просьбы и убѣжденія, говоря, что хотѣла дарить свою любовь, а не торговать ею; что отношенія сердца невозможно согласить ни съ какими корыстными видами. Она была права; она разсуждала въ этомъ случаѣ очень основательно, такъ же основательно, какъ когда задумала вовлечь меня въ проступокъ, сказавшись виновною уже прежде. Она по инстинкту угадывала, что любовь должна быть свободна и что самая ничтожная цѣпь корысти давитъ ее. Увы! слушайте, что изъ этого вышло и какъ кончилось все это идеальное счастіе, развязкою, о которой никто и не гадаетъ.

«Я долженъ былъ отлучиться на шесть недѣль въ горы; Богу извѣстно, чего намъ стоила разлука. Дни казались

мнѣ вѣками! Возвратившись въ Зару, я тотчасъ-же хотѣлъ отправиться къ своей далматкѣ, но у гавани встрѣтилъ одного пріятеля, который отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ осторожно: «Гоцци, я знаю, что ты любишь одну изъ прекраснѣйшихъ здѣшнихъ дѣвушекъ; я долженъ предупредить тебя, что отлучка твоя была для тебя пагубна. Провіантмейстеръ, который давно былъ влюбленъ въ нее, воспользовался удобнымъ временемъ и заступилъ твое мѣсто. Повѣрь мнѣ, я говорю правду!»

«Одна мысль объ измѣнѣ возбудила мое негодованіе и я впалъ въ глубокую грусть. Я не только не навѣстилъ своей возлюбленной, но даже затворилъ окно и старался избѣгать встрѣчи съ нею. Напрасно приходила ко-мнѣ посланница съ гвоздичнымъ цвѣтомъ; я ничего не хотѣлъ слушать; отсылалъ даже записки, не читая ихъ. Но какъ знать истину? Читатель, кто-бы-ты ни былъ, ты не вообразишь ее, не угадаешь, даже не придумаешь. Я тебѣ сейчасъ доставлю, я думаю, удовольствіе посмѣяться той же самой любви, которая, можетъ быть, извлекала изъ твоихъ глазъ слезы.

«Однажды я проходилъ мимо дома вдовы нотаріуса; она увидѣла меня и позвала. Вошедши въ комнату, я увидѣлъ ту, которую такъ любилъ; она сидѣла на диванѣ и заливалась слезами. Насъ оставили однихъ; я стоялъ неподвижно передъ красавицею, которая еще не совсѣмъ утратила свое вліяніе на мое сердце; разговоръ начался съ ея стороны, горькими упреками. Я прервалъ ее.

— А провіантмейстеръ? сказалъ я.

«Она поблѣднѣла. — Какой мерзавецъ оклеветалъ...

— Не трудись оправдываться, отвѣчалъ я, и не вини меня въ неблагодарности; я все знаю.

«Эти рѣшительныя слова сначала ошеломили ее; она склонила голову, пристыженная открытіемъ, и сказала, прерывая слова рыданіями и всхлипываніями:

— Ты правъ... я недостойна... недостойна тебя...

«Рыданія не позволяли ей продолжать.

Такая развязка ввергла мое мечтательное, платоническое сердце въ невыразимое отчаяніе и бѣшенство. Я не могъ выговорить ни слова. При мнѣ было штукъ двадцать червонцевъ; я высыпалъ ихъ, одинъ за другимъ, ей за пазуху и побѣжалъ со всѣхъ ногъ, рыдая и крича, какъ сумасшедшій: проклятый провіантмейстеръ!

Таковъ былъ первый опытъ венеціянскаго философа.

Гоцци былъ въ тѣсной дружбѣ съ другимъ офицеромъ, Массиміо, у котораго онъ даже поселился, когда генералъ-проведитору угодно было отдать другому квартирку, гдѣ посѣщалъ нашего героя черноглазый чертенокъ. Пріятели поселились было надъ городскою стѣною, въ какой-то сторожевой башнѣ; сначала довольно твердо выдерживали вѣтеръ и бури, но наконецъ принуждены были уступить имъ, и поискать болѣе человѣческаго гнѣзда. У Массиміо былъ пріятель лавочникъ, имѣвшій въ Зарѣ большой, удобный домъ и сверхъ того жену полную и румяную, словно кровь съ молокомъ.

—Мнѣ кажется, говоритъ Гоцци, что Массиміо еще болѣе питалъ дружбы къ женѣ хозяина, чѣмъ къ самому хозяину, который охотно отдалъ намъ въ наемъ двѣ комнаты, со столомъ, за очень умѣренную цѣну. Изъ духа христіанской благотворительности, купецъ, не имѣя дѣтей, взялъ на воспитаніе бѣдную молодую дѣвушку, которая обѣдала за однимъ столомъ съ нами. Эта *дочь души* его (figlia d'anima), какъ говорится въ Италіи, была дѣвочка лѣтъ тринадцати, бѣлокурая, съ большими голубыми глазами, съ кроткимъ, покорнымъ взглядомъ, блѣдная, съ легкимъ румянцемъ на восковой бѣлизнѣ щекъ; скромная, немножко полная, но хорошо сложенная и статная.

«Когда я долженъ былъ играть свою комическую роль, эта дѣвушка обыкновенно служила мнѣ горничною, причесывала и завивала мнѣ волосы, надѣвала на нихъ *зендалатто* и всегда хохотала, глядя на меня и играла со мною, какъ котенокъ. Случалось ли мнѣ отпустить какую нибудь невинную шутку—она хохотала еще болѣе. Наконецъ, однажды вечеромъ, убравъ мнѣ голову, вздумалось ей ни съ того, ни съ другаго, дать мнѣ три, четыре поцѣлуя. Это меня очень удивило; я считалъ ее самымъ невиннымъ существомъ; она смотрѣла всегда такою скромницею.—«Она, вѣроятно, считаетъ меня женщиною, въ моемъ женскомъ нарядѣ, подумалъ я». Но продѣлка эта стала повторяться каждый день и притомъ съ глубокими вздохами, явно свидѣтельствовавшими противъ мнимой ея невинности. Я считалъ долгомъ свято соблюдать права гостепріимства; къ врожденной моей разсудительности присоединился мой недавній опытъ; и такъ, я преважно объявилъ красоткѣ, что долгъ строго запрещаетъ такія вещи; она захохотала пуще прежняго.

Я возвратился въ Венецію разочарованный; поселился въ ветхомъ отцовскомъ палаццо и устроилъ себѣ въ верхнемъ

этажѣ рабочій кабинетъ, въ которомъ проводилъ по цѣлымъ днямъ, обдумывая свои игрушечныя произведенія. Туда отъ времени до времени долеталъ до меня звонкій, заунывный голосъ, пѣвшій съ удивительнымъ вкусомъ и глубокимъ чувствомъ разныя грустныя пѣсни; я могъ разслышать каждое слово, потому-что голосъ пѣлъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Извѣстно, какъ узки въ Венеціи улицы, не раздѣляемыя каналами; такая-то улица отдѣляла нашъ палаццо отъ жилища пѣвицы. Подойдя разъ къ окну, я увидѣлъ бѣлое, задумчивое лицо и густые, черные, какъ смоль волосы, перевязанные красною лентою, съ чудесною красною гвоздикою съ боку. Невозможно было вообразить болѣе прекрасныхъ, болѣе правильныхъ чертъ и болѣе пріятной и вмѣстѣ съ тѣмъ величественной физіономіи.

«Средній ростъ, круглая, полная ручка, спокойный, задумчивый взглядъ, могли бы овладѣть моимъ сердцемъ, еслибъ послѣдніе два урока не дали мнѣ нѣкоторой опытности; съ тѣхъ же поръ я былъ остороженъ; отворяя окно и видя ее за работою у своего окна, я говорилъ о погодѣ, дождѣ, снѣгѣ, вѣтрѣ и подобныхъ пустякахъ, наполняющихъ разговоръ тѣхъ, кому не о чемъ говорить; что давало намъ обоимъ полное право взаимно считать себя глупцами. Однажды, я рѣшился спросить ее, почему она пѣла однѣ грустныя пѣсни и зачѣмъ она посвящала такой прекрасный голосъ однимъ мрачнымъ словамъ и напѣвамъ? Она отвѣчала, что пѣла для собственнаго развлеченія и что грустныя слова и напѣвы согласнѣе съ ея задумчивымъ характеромъ.

— Возможно ли, чтобы въ ваши лѣта, въ вашемъ счастливомъ положеніи, при умѣ и возвышенности чувствъ, которые видны въ вашей физіономіи, вы имѣли причину предаваться вѣчной тоскѣ, которая безпрестанно выражается въ вашихъ взорахъ.

— Я, женщина, отвѣчала она съ улыбкою, которая свела бы съ ума мудрѣйшаго изъ мудрыхъ: не берусь, угадывать чувства и мысли мужчинъ. Послѣдуйте моему примѣру, и не воображайте, что вы можете все читать въ сердцѣ и умѣ женщинъ.

«Въ этомъ отвѣтѣ была какая-то мечтательность, тронувшая меня до глубины сердца. Это была уже не дикая наивность далматки; если я ошибся въ первомъ выборѣ, то предметъ его никакъ не могъ сравниваться съ тою, которая теперь была предо мною; съ молодою венеціянкою, образованною,

скромною, разсудительною, наблюдательною, возвышенной души. Вотъ она наконецъ, мечта моей души! вотъ женщина чистая, идеальная!

«Между тѣмъ, тысячи размышленій тѣснились въ моемъ умѣ и окончательнымъ результатомъ ихъ было то, что я долженъ былъ какъ можно рѣже отворять окно и по возможности сокращать свои бесѣды. Что касается до сосѣдки, работа ея повидимому умножалась съ каждымъ днемъ; она почти не отходила отъ окна. Я невольно разсудилъ, что невѣжливо было бы не сказать ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ; и бѣдное мое растроганное сердце старалось облегчить ея печаль философскими разсужденіями о жизни и людяхъ, разсужденіями вовсе незабавными, но на которыя она отвѣчала легкою, обворожительною улыбкою. Всѣ отвѣты ея отличались скромностью, замысловатостью оборота и прелестью выраженія; иногда, среди разговора, она оставляла работу, пристально смотрѣла на меня и слушала, какъ будто читала книгу. Иногда мнѣ приходили въ голову мысли, которыя я находилъ сумасбродными; я старался вытѣснить ихъ и еще болѣе ограничить кругъ нашихъ очаровательныхъ, но опасныхъ бесѣдъ, которыя продолжались уже цѣлый мѣсяцъ; я видѣлъ, что мнѣ не слѣдовало выходить изъ ежедневнаго разговора. Однажды, возобновляя бесѣду, которая очень заняла насъ за три дни передъ тѣмъ, я замѣтилъ, что она вдругъ покраснѣла и опустила глаза.

— «Вы заняты другимъ, сказалъ я; не стану васъ безпокоить.

«Она встала въ смущеніи; постойте, сказала она: не получили-ли вы третьяго дня отъ меня записку и портретъ въ отвѣтъ на ваше письмо?

— «Какую записку? какой портретъ? Я не понимаю о чемъ вы говорите.

«Она поблѣднѣла.

— «Какъ не понимаете?

— «Увѣряю васъ честью, что не понимаю, на что вы намѣкаете?

«Она въ отчаяніи упала въ кресла, съ глухимъ стономъ. «Несчастная! подвели, погубили меня!

«Потомъ, помолчавъ нѣсколько въ размышленіи, она сказала мнѣ: Мнѣ очень нужно съ вами посовѣтоваться; я выпросила позволеніе посѣтить сегодня тетку. Будьте въ двадцать первомъ часу подъ Понтесторто святаго Аполинарія; тамъ

вы увидите гондолу и въ окнѣ ея бѣлый платокъ; войдите въ гондолу; я буду васъ ждать въ ней; тогда я вамъ разскажу, какой опасности подвергла меня моя неосторожность; вы единственный человѣкъ, у котораго я могу просить совѣта; если вы считаете меня достойною вашего состраданія, то исполните мою просьбу; я же увѣрена, что не ошибаюсь въ васъ.»

«Съ этими словами она порхнула и скрылась, оставивъ меня, какъ вкопаннаго; голова моя шла ходуномъ. Я рѣшился узнать тайну гондолы; пообѣдалъ такъ поспѣшно, что едва не подавился, и отправился подъ Понтесторто. Вотъ я уже на назначенномъ мѣстѣ, уже въ гондолѣ и предо мною прекрасная сосѣдка, съ венеціянскимъ зендало на головѣ, съ чудесными брилліянтами въ ушахъ, на шеѣ и на пальцахъ.»

— Задерни занавѣсъ, сказала она гребцу; и поѣзжай къ Джіудеккѣ. Не сердитесь на меня, продолжала она, обращаясь ко мнѣ, за то, что я васъ посмѣла безпокоить; и не судите обо-мнѣ слишкомъ строго изъ-за этого свиданія, которое довольно двусмысленно со стороны честной женщины и притомъ женщины замужней. Я не рѣшилась бы просить вашего совѣта, если-бы не имѣла самаго выгоднаго понятія о вашемъ благородствѣ, вашей разсудительности и вашей нравственности. Я нахожусь въ настоящее время въ весьма затруднительномъ положеніи, которое сейчасъ вамъ объясню. Незнаете ли вы двухъ бѣдняковъ, мужа съ женою, живущихъ въ нашемъ домѣ, внизу.

— Незнаю.

— Надули! воскликнула она, закрывъ глаза въ отчаяніи и сжавъ губы. Онъ меня увѣрялъ, что знаетъ васъ и пользуется вашимъ довѣріемъ и что эта записка отъ васъ.

«Она вытащила изъ-за пазухи записку, и подала мнѣ. Я не понималъ, что со мною дѣлалось; открылъ драгоцѣнный лоскутокъ бумаги, который былъ весь исписанъ любовными клятвами, нелѣпыми восклицаніями и сладенкими стишками Метастазія. Авторъ письма, между прочимъ, писалъ, что не имѣя возможности безпрестанно видѣть предметъ своей любви, онъ проситъ ее, прислать ему свой портретъ, цѣлительное средство противъ стрѣлъ купидона, «бальзамъ любви, говорилъ онъ: который онъ хотѣлъ вѣчно носить на сердцѣ, чтобы облегчить его страданія.»

— Изъ этого-то образцоваго посланія, сказалъ я, прочитавъ

его, вы почерпнули такое выгодное мнѣніе о моей разсудительности и о моемъ благородствѣ.

— Боже мой! мы женщины, никогда не можемъ сбросить съ себя того глупаго тщеславія, которое ослѣпляетъ насъ и заставляетъ дѣлать всякія безразсудства. Я боюсь, что моя неосторожность будетъ стоить мнѣ много слезъ; повѣрите-ли, что я довольно привѣтливо отвѣчала на это мнимое объясненіе и даже приложила къ отвѣту свой портретъ, украшенный брилліянтами?

«Изъ этого разсказа, сопровождавшагося слезами, я догадался, что супругамъ, жившимъ внизу, приглянулись брилліянты, окружавшіе портретъ; что молодая сосѣдка неосторожно открыла женѣ свою любовь ко мнѣ и что та, за-одно съ мужемъ, придумала ловкое средство выманить въ свою собственную пользу и портретъ, и брильянты. Я далъ бѣдняжкѣ самый благоразумный совѣтъ: не показываться болѣе у окна, оказывать своей повѣренной прежнее довѣріе, но сказать ей за тайну, что любовь ко мнѣ совсѣмъ забыта; отъ портрета же отказаться, какъ отъ вещи пропавшей безвозвратно. Я прибавилъ, что лучшее средство поправить ошибку, было — обманывать плутовъ притворнымъ довѣріемъ и, въ случаѣ надобности, задобривать ихъ даже деньгами; въ особенности же увѣрить ихъ, что есть свѣдѣнія обо мнѣ, что я негодяй, и что она обо мнѣ уже и не думаетъ.

«Все случилось, какъ я предвидѣлъ; опять явились карикатурныя любовныя записки, отъ которыхъ надо было отдѣлываться деньгами. Вскорѣ супруги, разлакомленные первою удачею, взломали конторку мужа, украли небольшую сумму денегъ и были выгнаны изъ дому. Она разсказывала мнѣ всѣ эти происшествія, во время прогулокъ нашихъ въ гондолѣ; ибо поѣздки наши продолжались. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, мы пріѣхали къ мѣсту назначенія, церкви святой Маргариты; она держала мою руку въ своихъ дивныхъ рукахъ. Я хотѣлъ ихъ поцѣловать, она ихъ отдернула; потомъ сама схватила мою руку, чтобы ее поцѣловать и я послѣдовалъ ея примѣру.

«Я былъ совершенно сбитъ съ толку; семнадцать лѣтъ, эта платоническая дружба, чистота души моей возлюбленной, ея непринужденность, ея твердость, всѣ это плѣняло меня; свиданія наши подъ Понтесторто продолжались; она привязывала записочку къ камню и перебрасывала мнѣ въ окно; и чрезъ четверть часа мы сидѣли въ гондолѣ, и вели болѣе веселую, чѣмъ любовную бесѣду, и ничего въ голову намъ не прихо-

дило, не только преступнаго, но даже предосудительнаго, кромѣ развѣ болѣе или менѣе страстнаго пожатія рукъ. Долго шло такимъ образомъ, пожалуй, глупо, но очаровательно. Не знаю, сколько она тутъ вспомнила родственницъ и пріятельницъ, которыхъ надо было то поздравить, то навѣстить; каждый разъ она мѣняла гондолу и гребца. Все наше преступленіе заключалось въ поѣздкѣ въ Мурано или къ Джудеккѣ, въ веселомъ обѣдѣ подъ открытымъ небомъ, въ дружескихъ увѣреніяхъ, въ вздохѣ при разставаньи; изрѣдка только доходила наша смѣлость до того, что мы прижмемъ другъ другу руку къ сердцу. Обращеніе наше между тѣмъ становилось короче, мало по малу сошли мы съ церемоннаго третьяго лица на *вы*, а потомъ и на *ты*. Однажды я просилъ ее разсказать мнѣ исторію своего замужства.

— Ты будешь смѣяться надо мною, сказала она; я дворянская дочь. Отецъ мой, не имѣя ни гроша, чтобы дать за мною въ приданое, охотно отдалъ меня за богатаго купца, просившаго моей руки. Мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ; вотъ уже два года, какъ я замужемъ, и, хотя мужъ мой человѣкъ строгій и стариннаго покроя, я съ нимъ очень счастлива.

— Два года, и не имѣете дѣтей?

«Это замѣчаніе, по видимому, оскорбило ее; она покраснѣла; я сталъ просить прощенія; влюбленные всего боятся. Она также въ свою очередь подумала, что я обидѣлся и пожала мнѣ руку.

— Отъ такого друга, сказала она, я ничего не должна скрывать; бѣдный мужъ мой въ чахоткѣ, безпрестанно болѣнъ, и по цѣлымъ ночамъ плачетъ и проситъ прощенія въ томъ, что приковалъ меня къ трупу. Мольбы его такъ трогательны, что и я плачу съ нимъ, болѣе надъ его горемъ, чѣмъ надъ своимъ; стараюсь утѣшить его и обнадеживаю въ невозможномъ выздоровленьи. Я охотно отдала бы за него до послѣдней капли своей крови, если бы могла спасти его. Онъ хотѣлъ было дать мнѣ восемь тысячъ червонцевъ вдовьяго вѣка, но я не согласилась. Каждый день даритъ онъ мнѣ, то деньги, то брильянты, то ожерелья, «чтобы я не ненавидѣла его, говоритъ онъ,» или навязываетъ мнѣ дорогія ткани, дорогіе уборы, тонкое бѣлье, говоря: «Прибереги это, милая дочь; скоро будешь вдовою. Дай тебѣ Богъ болѣе радостные дни, чѣмъ тѣ, которые ты должна влачить въ этомъ роковомъ бракѣ!»

— Я боюсь, продолжала она, устремивъ на меня испытую-

ній взоръ, чтобы сознаніе, которое ты вырвалъ у меня, не внушило тебѣ обиднаго для меня подозрѣнія.

«Ничто не могло быть мнѣ пріятнѣе такихъ чувствъ въ женщинѣ; поэтому наша взаимная любовь росла, не смотря на то, что мы писали ее только платоническими сонетами, которые она считала чистѣйшими перлами и держала всегда за корсетомъ, на груди во сто разъ прекраснѣйшей, чѣмъ сонеты. Я любилъ ее страстно три года... Пріѣхалъ ловкій пріятель и похитилъ ея сердце въ три минуты.»

Такимъ образомъ учился наблюдать людей и страсти этотъ человѣкъ, ума проницательнаго, но не ироническаго, души кроткой и способной понимать всѣ чувства. Думая припомнить только мечты своей юности, Гоцци начертилъ вѣрную картину венеціянской жизни, ея нравовъ и слабостей. Чтобы посудить о растлѣніи этого государства, вспомните только, что приведенные нами повѣствованія вылились изъ подъ пера самаго серьезнаго и глубокаго писателя Венеціи въ XVIII вѣкѣ.

Венеція сохраняла еще одинъ призракъ своего могущества и одну память своихъ празднествъ. Исторія ея началась, какъ легенда, продолжалась въ видѣ разсказа Анны Радклифъ и кончилась будто романъ Аретина. Путешественники Джонъ-Муръ и Архенгольцъ, венеціянецъ Казанова де Стенго, Гольдони, Гаспаро Гоцци (братъ Карла Гоцци и подражатель Аддисона), Джузеппе Баретти и многіе другіе оставили намъ любопытныя свидѣтельства о нравственномъ состояніи этого морскаго Рима, принимавшаго поочередно форму ревнивой демократіи, могущественной аристократіи и дряхлой олигархіи; этого племени взрослыхъ дѣтей, счастливыхъ красотою своихъ ночей и лѣнью, забавляющихся любовными стишками, въ то время, какъ краснорѣчіе Руссо волнуетъ всѣ души и возвѣщаетъ близкое распаденіе Европы. Не чудно ли, что такой народъ, въ такое время имѣлъ своего Аристофана, въ лицѣ Карла Гоцци.

Подобно греческому комику, венеціянскій поэтъ хотѣлъ отстоять старинные нравы и и старыя народныя вѣрованія противъ вліянія новаго движенія умовъ. У обоихъ встрѣчаемъ мы изящный цинизмъ, сознательную, обдуманную вольность, оригинальное употребленіе народной аллегоріи, возстаніе противъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, ненависть къ демократіи, глубину мысли подъ внѣшнимъ ребячествомъ формъ, богатство средствъ, наивность и блескъ выраженія, чистоту языка, соединенную съ забавнымъ подражаніемъ плебейской тривіальности, но здѣсь

сходство и останавливается. Мужественный геній Аристофана, вращаясь въ свободномъ, пылкомъ обществѣ, безъ страху касался за всѣ политическіе и нравственные вопросы; его притчи смѣло шевели самые жизненные, самые животрепещущіе интересы. Онъ былъ соотечественникъ Димосѳена и Эврипида; неполные очерки не удовлетворили бы ни потребности совершенства, врожденной этому художественному племени, ни тонкому вкусу автора. Не довольствуюсь свободнымъ изліяніемъ своихъ причудъ и своего негодованія, онъ вполнѣ развилъ лирическій талантъ, данный ему природою. Всѣ его драмы смѣлы по замыслу, полны въ цѣломъ и окончены въ подробностяхъ. Среди видимаго безпорядка и произвола, въ нихъ видѣнъ всегда трудъ артиста, добросовѣстно занимавшагося своимъ произведеніемъ.

Нравы Венеціи не допускали такихъ стройныхъ и смѣлыхъ явленій, городъ св. Марка былъ дряхлъ, боязливъ, развратенъ, неспособенъ возноситься до идей философіи, или безтрепетно размышлять о своей политической судьбѣ. Народъ его былъ народъ чувственный, сладострастный, поэтическій, въ которомъ огненное воображеніе, лишенное мужества, воспитанное въ лѣни, развращенное деспотизмомъ и ложною цивилизаціею, соединяясь съ дѣйствіемъ климата и привычекъ, создало какіе-то фантастическіе нравы, простодушно развратные, наивные до ребячества и причудливые, какъ волшебная сказка. Зданія Венеціи арабески, вездѣ мавританскія главы, мозаика, рѣзной порфиръ и золото, вездѣ игра воображенія. Самый языкъ Венеціи особое нарѣчіе, въ которомъ всѣ звуки смягчены, твердыя согласныя изгнаны, а преобладаютъ мягкія, нѣжныя, двугласныя, и буквы плавныя, губныя, удобныя для произношенія, нарѣчіе, богатое нѣжными, сладострастными выраженіями; болѣе похожее на дѣтскій лепетъ, или на щебетаніе птицъ, нежели на рѣчь человѣческую. Писатели, употреблявшіе эту изнѣженную отрасль итальянскаго языка, могутъ служить свидѣтельствомъ народной склонности венеціянъ къ легкой шуткѣ, колкой и вольной, ихъ дара повѣствованія, въ особенности же изумительной свободы нравовъ, которая досталась имъ цѣною рабства. Ни римскіе, ни французскіе писатели прошлаго вѣка не могутъ дать понятія объ утонченности и изысканности физическихъ наслажденій, объ отсутствіи всякаго нравственнаго понятія, которые отражаются въ новѣйшихъ венеціянскихъ стихотвореніяхъ; и эта рѣчь разврата полна такой непринужденной прелести, такой очаровательной гармоніи, такого вдохновенія! вольность выра-

женія такъ простодушна, такъ наивна, что ею почти нельзя оскорбляться, она кажется природнымъ языкомъ этого народа.

Этотъ народъ, забывавшій свое уничтоженіе въ обаяніи разврата, утратилъ и политическое и торговое свое могущество. Венеція чахла, лишенная блеску славы и богатства, которымъ озаряли ее побѣды въ то время, когда всѣ народы стекались на празднества Марморнаго острова; сохранила одну поэзію яснаго неба и дивныхъ ночей, волшебство освѣщенныхъ гондолъ, бросающихъ радугу свѣта на колеблющіяся струи, или фазолеръ, шмыгающихъ какъ птицы, по поверхности моря, или своего полувосточнаго племени, смуглаго, съ черными, огненными глазами, какъ на картинахъ Таціана и Веронеза.

«Въ Венеціи, говоритъ одинъ венеціянскій вельможа-поэтъ, Баффò-ди-Санъ-Марко, современникъ Гоцци: въ Венеціи царствуетъ вѣчная радость, вѣчное веселье, какихъ не найти во всей вселенной; любовь, нѣга, тысячи наслажденій; это городъ самой Веверы. Пляска, пѣніе, игры по цѣлымъ ночамъ; чудная жизнь! Зачѣмъ всѣ жители вселенной несходятся въ Венецію, обитель счастія, средоточіе всѣхъ наслажденій?»

Если у такого народа будетъ своя литература, свой театръ, то это будутъ непремѣнно волшебная сказка и волшебная драма. Создастъ ли онъ скульптуру? Это будетъ чувственная скульптура Кановы; свою школу живописи — въ ней будетъ преобладать волшебство колорита.

И такому-то народу Карло Гоцци, возвратившись изъ Далмаціи, вдумалъ создать народный театръ.

Мы знакомы съ его личностью; и потому насъ теперь не удивитъ, что онъ не могъ ужиться съ толпою плохихъ поэтовъ, наводнявшихъ Италію. Нелѣпый духъ подражанія французской литературѣ, распространившейся по всей Италіи и подходившій къ Венеціи, казался ему предвѣстіемъ политической и нравственной смерти Венеціянской республики. Ослабленіе нравовъ благопріятствуетъ слабости и безцвѣтности стиля. Аббатъ Кіари, писатель равно плохой въ романѣ и въ драмѣ, пародировалъ трагедіи Корнелья, но не могъ передавать ни его генія, ни страсти, ни краснорѣчія, а только заимствовалъ у него формы и ходъ дѣйствія. Гольдони, человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ, умный нравописатель, мастеръ разговорнаго языка, знакомый съ требованіями сцены, старался очистить итальянскій театръ; пьесы его имѣ-

ли успѣхъ, Вольтеръ хвалилъ его, то есть посылалъ ему льстивыя грамотки изъ своей Фернейской литературной канцеляріи.

Много было толковъ и въ Италіи и въ другихъ странахъ о настоящихъ заслугахъ Гольдони, и объ успѣхѣ его попытки. Родись онъ въ другой странѣ, онъ сталъ бы въ ряду лучшихъ комиковъ; но что онъ могъ извлечь изъ итальянскихъ нравовъ, изъ этого общества, въ которомъ не было ни одушевленія, ни поэзіи, ни изящества; гдѣ все было вяло и мертво? Эту-то безжизненность общества прекрасно изображаютъ интриги Гольдони, интриги, никогда не подвигающіяся впередъ, вертящіяся вѣчно въ одномъ кругу, около одной пошлой данной. «*Благодѣтельный брюзга*», написанный имъ во Франціи, несравненно лучше остальныхъ его произведеній и свидѣтельствуетъ о вліяніи болѣе живаго и развитаго общества. Въ итальянскихъ его пьесахъ много остроумныхъ шутокъ и вѣрно схвачена повседневная жизнь; онъ передаетъ внѣшнюю сторону нравовъ, но въ этихъ нравахъ нѣтъ ничего привлекательнаго и въ обрисовкѣ ихъ недостаетъ силы ; всѣ эти веселья, рѣзвыя Беатрисы, и чувствительныя Розауры наводятъ скуку. Прочитавъ Гольдони , вы чувствуете потребность болѣе поэтическихъ и болѣе глубокихъ впечатлѣній, которыя чѣмъ-нибудь задѣвали бы самую блестящую и могущественную сторону нашего ума, воображеніе.

Въ этомъ-то недостаткѣ поэзіи , въ этомъ однообразіи , въ этой пошлости ѣдко укорялъ Гольдони итальянскій критикъ Джузеппо Баретти, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ и объѣхавшій всю Европу. Въ своемъ превосходномъ журналѣ Frusta litteraria, онъ является въ видѣ стараго , изувѣченнаго инвалида, который живетъ въ деревушкѣ, близъ Венеціи, и которому приходскій священникъ, донъ Петроніо Замберлукко, читаетъ всѣ новыя произведенія: послѣ чего эти произведенія идутъ ему на закурку трубки. Въ этомъ планѣ ясно видно воспоминаніе аллегоріи Сервантеса и Аддисона. Но чисто итальянская черта, эта неумолимая жестокость, ненависть, съ которою Аристарко Сканнабуэ гонитъ и бичуетъ стадо аркадскихъ и академическихъ барановъ, *кропателей грязныхъ комедій*, *нельпыхъ трагедій*, *глупыхъ критикъ*, *безсмысленныхъ романовъ* и проч.

У этого Баретти, выгнаннаго изъ Венеціи за невыгодный отзывъ о Бембо, было нѣсколько сатирическаго ума Бомарше; подобно Карлу Гоцци, онъ осуждалъ Гольдони за то, что онъ

не дѣйствовалъ на воображеніе народа, въ которомъ преобладаетъ воображеніе, и за загроможденіе театра бѣдными и холодными очерками.

Этому баснословному народу необходимо было чудесное, и если Гольдони и Кіари были въ модѣ, ихъ отвергалъ за то вкусъ народа. Чтобы понять какаго рода театръ идетъ этому народу, стоило только взглянуть на него, когда онъ окружалъ своихъ разсказчиковъ на городской площади. «Въ самый день моего пріѣзда въ Венецію, говоритъ Муръ, я видѣлъ длиннаго, сухощаваго человѣка, въ черномъ платьѣ, съ шляпою въ рукѣ, стоявшаго посреди площади и ломавшагося, чтобы приманить слушателей: Почтенныя барыни-красавицы, честные господа, дорогіе хозяева! слушайте, слушайте! хоть на минуту подарите меня своимъ вниманіемъ! Скажу я вамъ сказку не сказку, а быль о чудесныхъ похожденіяхъ одного храбраго витязя, скажу ее, какъ сказывалъ мнѣ его же собственный конюхъ, далматъ Залокубрини. Сюда, господа, барыни, сюда!» Никто не идетъ. «Герой-то мой, продолжалъ разсказчикъ, благородный рыцарь, влюбленный въ прекрасную дѣвицу; слушайте барышни-красотки.» Слушателей еще нѣтъ. «Ревностный христіянинъ.» Останавливается нѣсколько гондольеровъ.—«Витязь венеціянскій, витязь святаго Марка.» Начинаетъ собираться толпа. «Скажу вамъ, съ какимъ дивнымъ мужествомъ землякъ нашъ восторжествовалъ надъ заговорами сильнаго волшебника.» Кружокъ увеличивается, народъ тѣснится и разсказчикъ начинаетъ свою волшебную сказку, въ которой главную роль занимаетъ пчела, ужалившая въ лицо злодѣя, чтобы отвратить ударъ отъ невинной головы; сказку, полную безчисленныхъ встрѣчъ и превращеній, кровавыхъ битвъ, крылатыхъ змѣевъ, колдуновъ и всякихъ чудовищъ. Въ срединѣ разсказа, въ то время, какъ всего болѣе напряжено вниманіе и любопытство слушателей, опускается шляпа разсказчика за данью, въ нее сыплются со всѣхъ сторонъ паолетти и цехины. Ораторъ продолжаетъ.

Это тѣ же народные элементы, которые входятъ въ испанскій театръ Гоцци: поэтическое любопытство, любовь къ чудесному, народныя воспоминанія, герои, комическія приключенія, волшебство, несообразности, ребяческіе вымыслы. Гоцци сохранилъ притомъ среди этихъ волшебныхъ сказокъ итальянскую семью, которая смѣшила Европу впродолженіе двухъ вѣковъ, и которую Аннибаль Карачи удостоилъ своей кисти: *Арлекина, Панталона, Трюфальдина, Тарталью*, любимцевъ народа.

Эти представители различныхъ частей Италіи заслуживаютъ мѣста въ исторіи искусства, театра и нравовъ, какъ странное произведеніе живописнаго воображенія новой Италіи. Какъ скульптура у древнихъ олицетворила добродѣтели, пороки, силу, законы природы, такъ точно и итальянская комедія придумала символы характеровъ. Народная, карикатурная миѳологія изображаетъ постоянными признаками наивные, яркіе недостатки различныхъ народностей: услужливость и корыстолюбіе *Труфальдина*, хвастовство испанскаго итальянца *Спаванта*, лѣнь и обжорство неаполитанца *Тартальи*, хитрость и гибкость бергамца *Бригелли*; дѣтскую рѣзвость и простодушіе *Арлекина*; чувственность, глупость и сладострастное раболѣпство старика *Панталона*, венеціянца. Это вмѣстѣ и карикатурная сатира, и стереопированная комедія. Для этихъ ролей и актеровъ авторъ писалъ на нѣсколькихъ страничкахъ очеркъ комедіи, въ которой сходились олицетворенія этихъ различныхъ характеровъ; не смотря на видимую бѣдность задачи эти вѣчно одинѣ и тѣ же роли можно было развивать и сводить на тысячи ладовъ, какъ въ шахматной игрѣ одинѣ и тѣ же фигуры съ опредѣленными ходами рождаютъ самыя непредвидѣнныя сочетанія. Итальянскій языкъ, удивительно благопріятный импровизаціи, врожденная смѣтливость и комизмъ итальянцевъ, долго благопріятствовали развитію этой комедіи; но образованный свѣтъ вдругъ возненавидѣлъ ее, Гоцци рѣшился снова ввести ее въ почетъ, примѣшавъ къ ней духъ приключеній и интриги, почерпнутый имъ изъ испанскаго театра.

— Теперь, зная и поэта, и народъ, для котораго онъ писалъ, войдемъ съ нѣмцемъ Мейеромъ въ одинъ изъ девяти театровъ, которые, въ 1780 году, каждый вечеръ отворялись для пятнадцати тысячъ жителей Венеціи. За самую ничтожную плату входите вы въ темную, шумную залу, которой послѣдніе ряды заняты гондольерами и слугами. Противъ сцены устроена галлерея, служащая мѣстомъ прогулки порядочнымъ людямъ; тутъ венеціянки въ маскахъ, накрытыя своими зендалетти, во время представленія ходятъ взадъ и впередъ подъ руку съ своими чичисбеями, смѣются, болтаютъ, ропщутъ, и пренебреженіемъ своимъ изъявляютъ свое неудовольствіе на скуку пьесы или на бездарность актеровъ, между тѣмъ, какъ простой народъ аплодируетъ или свищетъ. Можетъ ли драматическое искусство пасть ниже?

Если вы, за нѣсколько лишнихъ су, сядете въ одной изъ

этихъ обширныхъ ложъ, гдѣ играютъ въ карты, обѣдаютъ, пьютъ шербеты, и прислушаетесь къ актерамъ, выходящимъ на сцену, вы увидите *Любовь трехъ апельсиновъ*, первый комическій опытъ Гоцци; это народная сказка, шутка, сатирическая арабеска и надо сознаться, самое неоконченное, самое ребяческое изъ произведеній этого оригинальнаго писателя. Но какъ оно ни недостаточно, это ѣдкое нападеніе на подражаніе французской школѣ; попытка воскресить истинно итальянскую комедію съ масками, сатира на успѣхи Гольдони и его мѣщанской комедіи, на аббата Кіари и его трагедіи на ходуляхъ; аллегорическое заступленіе за право фантазіи и испанской драмы.

Мы уже говорили объ общихъ сторонахъ Гоцци съ Аристофаномъ, такимъ же противникомъ новизны, демократіи и философовъ, и такимъ же жаркимъ приверженцемъ старыхъ формъ и нравовъ. Оба вывели на сцену, для выраженія своихъ мнѣній, народные символы; венеціянскій Панталонъ по забавности и карикатурѣ стоитъ аѳинскаго Стрепейяда. Оба притомъ, и Аристофанъ и Гоцци, равно ошибались, приписывая успѣхамъ философіи паденіе искусства и порчу нравовъ; оба напрасно боролись съ неизбѣжнымъ ходомъ человѣчества и хотѣли отстоять распадавшуюся родину; оба были поэты. Но не ищите въ Гоцци ни мужественной силы, ни художественнаго совершенства Аристофана; онъ пишетъ для взрослыхъ дѣтей и потому представляетъ вамъ только испанско-итальянскіе очерки, отличающіеся силою вымысла и необходимымъ разгуломъ; эти очерки, рисованные плодовитымъ, сатирическимъ геніемъ, имѣютъ также свою философскую цѣль, свою косвенную, народную иронію; но очертанія ихъ едва набросаны, сатира въ нихъ болѣе причудлива, чѣмъ опредѣленна, искусство въ пренебреженіи; словомъ, видѣнъ слѣдъ рабства.

Гоцци уловилъ истинный венеціянскій духъ; онъ всегда мѣтилъ на эфектъ; краски его рѣзки и свободны; положенія *неустрашимы*, какъ онъ выражается самъ. Безпрестанно выходя изъ предѣловъ естественности и дѣйствительности, онъ ставитъ рядомъ съ чудеснымъ и серьезнымъ, то есть испанскимъ элементомъ, свои чисто итальянскія маски, которыхъ комическая прыть такъ хорошо вяжется съ волшебствомъ. Тривіальность Панталона облагороживается среди окружающаго его фантастическаго театра; ребячество волшебныхъ сказокъ искупается дѣйствительною, мѣткою сатирою, заключающеюся

въ народныхъ символическихъ обрядахъ *Тартальи*, сдѣлавшагося королемъ тунеядцевъ, своего рода Пантагрюелемъ; Макіавеля *Труфальдина*; колбасника и глубокаго политика; типъ венеціянскаго народа съ его веселостью и разгуломъ, въ лицѣ добродушнаго *Панталона*, покорнаго раба своихъ повелителей и своихъ наслажденій.

Если хотите видѣть итальянскую фантазію въ ея зародышѣ, эту фантазію, которая всѣмъ потѣшается, уносится въ безконечное пространство, чтобы испытать свои силы, рисуетъ на иронической основѣ самыя причудливыя фигуры, читайте неаполитанскую книжку Cunto delli Cunti. Народный умъ въ этой книжечкѣ не имѣетъ, повидимому, другой цѣли, какъ только посмѣяться надъ самимъ собою; онъ счастливъ тѣмъ, что можетъ суетиться и создавать. Не ищите тутъ ѣдкой иронiи нормандійцевъ, или утонченной любовной схоластики Прованса; тутъ нѣтъ также и поэзіи арабскихъ ночей. Нѣмецкія фантастики то же вращаются совершенно въ другой сферѣ, въ ихъ веселости болѣе эстетическаго элемента, въ ихъ волшебствѣ болѣе метафизическаго галанія; всѣ грѣзы ихъ проникнуты ученостью. Кто хочетъ понять Гофмана, а еще болѣе Жанъ-Поля, долженъ предварительно много потрудиться. Книжечки неаполитанскаго народа, напротивъ, чисто ребяческая забава. Не даромъ видите вы на заглавномъ листкѣ: Trattenimento per li peccerili e le peccerile.

Наивность воображенія, незлобіе ума, безпечная веселость, склонность къ физическому наслажденію и къ смѣху, способность создавать причудливые, смѣшные образы и положенія, и все единственно для потѣхи воображенія; вотъ элементы той особенной фантастики, которую представляетъ и вполнѣ цѣнитъ одинъ итальянскій народъ. Когда образованность принялась за разработку этого клада неподражаемыхъ шутокъ, къ нему присоединилась болѣе живая, болѣе положительная сатира. Изъ этой народной способности смѣяться ради смѣху, изъ этихъ живописныхъ, причудливыхъ, уморительныхъ карикатуръ, которыхъ слѣдъ видѣнъ и въ Дантовомъ адѣ, въ видѣ рогатыхъ чертей, возникли Пульчи, Боярдъ и неизвѣстная въ Европѣ, не смотря на свои достоинства, эпопея Теофила Фоленго, которую Рабеле задавилъ своимъ подражаніемъ.

Въ Аріостѣ также видна эта склонность тѣшиться формами, звуками, идеями и красками; трунить надъ героизмомъ, надъ добродѣтелью, надъ любовью, не унижая, не оскорбляя ихъ, не отвергая ихъ могущества. Въ противоположность Сер-

вантесу, съ которымъ его часто сравниваютъ и который во всемъ глубокъ и серіозенъ, даже въ шуткѣ, въ веселости, Аріосто поэтъ формъ и колорита, всегда безпеченъ и поверхностенъ. Когда Сервантесъ пишетъ дивную эпитафію рыцарства, *Донъ-Кихота*, онъ знаетъ, что онъ хоронитъ великую развалину, достойную благоговѣнія; и онъ призываетъ на могилу ея, вмѣстѣ съ насмѣшкою, благоговѣніе и сожалѣніе; онъ предвидитъ, что европейская цивилизація, сбросивъ съ себя строгія вѣрованія и высокіе помыслы, обратится къ поклоненію физическимъ стремленіямъ, къ положительному разуму и чувственнымъ наслажденіямъ. И вотъ, чтобы посмѣяться разомъ и надъ прошедшимъ, и надъ будущимъ, онъ ставитъ рядомъ съ символомъ рыцарства Санчо-Пансу; грубый Ламанчскій хлѣбопашецъ становится типомъ цѣлой матерьяльной философіи цѣлаго новаго міра. Сравните его лукавую смѣтливость, его мужицкій здравый смыслъ, его ползущую проницательность съ самоотверженіемъ, величіемъ, романическою доблестью рыцаря. Какъ забавно хлещутъ себя взаимно эти двѣ крайности человѣческой мысли! сколько комизма въ столкновеніяхъ этихъ двухъ силъ, духа и вещества! Въ Аріостѣ нѣтъ ничего подобнаго. Бѣгите, дѣти; заиграютъ передъ вами всѣ цвѣта радуги; умѣйте слушать, любоваться, да имѣйте охоту наслаждаться!—и будете счастливы.

Въ произведеніяхъ Гоцци эта итальянская веселость соединяется съ испанскою страстью. Это соединеніе двухъ элементовъ въ особенности ясно и безискуственно въ первомъ его драматическомъ опытѣ: *Любовь трехъ апельсиновъ*, баснѣ, fiaba, какъ онъ ее называетъ, заимствованной изъ Cunto delli Cunti.

Представьте себѣ, что вы при дворѣ Бубноваго короля, передъ вами всѣ старинные карточные символы, въ ихъ тяжелыхъ мантіяхъ, съ ихъ гербами и полновѣсными скипетрами; вотъ и самъ Бубновый король, царь въ родѣ Пантагрюэля, не желчный, не злобный, не хитрый, кукла комическая или трагическая, смотря по требованію. Королевскій сынъ боленъ, Тарталья чахнетъ съ тоски; а Тарталья никто иной, какъ публика, которую ничто не тѣшитъ. Первая сцена пьесы образецъ аристофановской вольности и шутливости. Посмотрѣли бы вы, какъ врачъ Труфальдино щупаетъ пульсъ публикѣ; послушали бы, какъ онъ объясняетъ, что навело на нее эту тоску: водяная поэзія, слезливые стишки, съ плохими риѳмами испортили пищевареніе; словомъ Труфальдино перечисляетъ вамъ всѣ тайны спальни больнаго.

При дворѣ почти не перемѣжаются праздники, для развлеченія публики Тартальи; но все напрасно; его высочества не развеселить ни чѣмъ! турниры надоѣли, отъ музыки голова трещитъ, отъ напыщенной трагедіи безсонница, а отъ жеманной комедіи больно спится. Это полная истины и комизма карикатура просвѣщенной публики, публики 1780 или пожалуй 1847 года, которая не знаетъ уже за что хватится, чтобы прогнать скуку. Докторъ Труфальдино, которому Бубновый король изъ уваженія къ его врачебному таланту, преисправно набиваетъ карманы, ни дать ни взять тоже, что наши записные критики, которые такъ-же щупаютъ публикѣ пульсъ, и не умѣя ни забавлять, ни лечить ее, утомляютъ ее только своими предписаніями, и взимаютъ дань съ снѣдающаго ее недуга.

Знаете-ли кому суждено счастье и честь изцѣлить королевича? Бѣдная старушка, въ родѣ тѣхъ калѣкъ, которыхъ Каллотъ представлялъ пляшущими подъ звуки волынки съ подпертыми въ бока руками, мѣшается въ великолѣпный турниръ, на которомъ зѣваетъ королевичь, и пускается передъ нимъ кувыркаться. Тутъ сатира дѣлается личностью; эта старуха изображаетъ аббата Кіари, нынче вовсе забытаго, но въ свое время знаменитаго количествомъ своихъ пьесъ и своими неудачами на сценѣ. Смѣшная фигура старухи разрушаетъ дѣйствіе заговора и королевичь начинаетъ хохотать. Весь дворъ Бубноваго короля въ восторгѣ; придворные обнимаются и поздравляютъ другъ друга съ радостнымъ событіемъ. Труфальдино записываетъ это чудесное изцѣленіе въ свою записную книжку, чѣмъ и кончается первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи Гоцци прямо приступаетъ къ дѣтской сказкѣ, на которой основана пьеса. Старая волшебница, недовольная королевичемъ, котораго она разсмѣшила, внушаетъ ему мысль овладѣть тремя чудесными апельсинами, хранящимися въ какомъ-то неизвѣстномъ царствѣ, подъ надзоромъ волхва Креонта. Мысль объ этихъ новыхъ Гесперидскихъ яблокахъ приводитъ бѣдную выздоравливающую публику въ неистовый энтузіазмъ; коралевичь мысленно бросается на свою добычу, какъ публика обыкновенно бросается на все таинственное и новое. Сцена пожалованія королевича въ рыцари, пародія на пьесы Дюбеллуа и его итальянскихъ подражателей, полна забавныхъ намековъ, прекрасно изображающихъ современное положеніе умовъ и литературы въ Европѣ. Тутъ есть цѣлыя тирады изъ Сенеки, аханья и оханья напыщенной трагедіи, стоны въ предлинныхъ періодахъ и всѣ вообще дра-

матическіе пріемы, отъ которыхъ не могъ уйти и самъ Дидеро. Наконецъ, король прощается съ сыномъ, декорація мѣняется. Труфальдино и королевичъ приходятъ къ замку трехъ апельсиновъ. Чертенокъ дуетъ имъ въ спину кухоннымъ мѣхомъ и придуваетъ ихъ на сцену; намекъ на то, какъ всегда кстати является желанное лицо гдѣ и когда нужно. Для овладѣнія тремя апельсинами, надо побѣдить четыре препятствія: желѣзныя ворота, покрытыя ржавчиною, голодную собаку, мокрую колодезную веревку и пылающую печь. Королевичу даютъ: хлѣба, полѣно, волшебную мазь, чтобы снять ржавчину съ воротъ, а веревку совѣтуютъ развернуть и разложить на солнцѣ. Сорвавъ апельсины, онъ можетъ вскрыть ихъ только близь источника. Вотъ нелѣпый разсказъ заимствованный изъ Cunto delli Cunti.

«Я до сихъ поръ не надивлюсь, говоритъ Гоцци, могуществу чуднаго надъ человѣкомъ, и огромному дѣйствію, которое можно произвести самымъ нелѣпымъ предметомъ. Желѣзныя ворота, собака съ воемъ и лаемъ, пробѣгающая по сценѣ, колодезь съ веревкою, булочница, раздувающая огонь въ печи, возбуждали такое всеобщее вниманіе, какого не удостоивались самыя лучшія драматическія произведенія. Тщетно волхвъ приказываетъ булочницѣ: «бросать мерзавцевъ въ печь, воротамъ запираться, а веревкѣ повѣсить незваныхъ гостей; печь, веревка, ворота отвѣчаютъ ему торжественными александринскими стихами, что онъ слишкомъ давно покинулъ ихъ, и что они теперь отплатятъ ему.» Любо было смотрѣть, говоритъ Гоцци, какъ озадачило королевича и Труфальдина такое множество негодныхъ поэтовъ. Что до меня, мнѣ совѣстно было смѣяться, мнѣ старику, тѣмъ же самымъ вещамъ, которыя забавляли меня еще ребенкомъ.» Дѣйствіе заключается ударомъ грома, отъ котораго замокъ Креонта сгараетъ до тла. Его воззваніе вѣрная пародія Сенекинской декламаціи, чумы современныхъ трагедій.

Декорація опять мѣняется. Труфальдино выходитъ прежде своего государя и несетъ три апельсина; его терзаютъ голодъ и жажда; страшно хочется ему отвѣдать апельсина: онъ забываетъ завѣтъ, не вскрывать ихъ далеко отъ источника. Онъ вскрываетъ одинъ апельсинъ: изъ него выходитъ дѣвушка, которую встрѣчаютъ неистовые восторги въ партерѣ. Она проситъ пить; у Труфальдина нѣтъ воды; а она умираетъ отъ жажды. То же дѣлается со вторымъ и съ третьимъ апельсинами. Двѣ первыя дѣвушки умираютъ, но королевичъ поспѣ-

ваетъ во время, чтобы спасти третью, которую онъ вырываетъ изъ рукъ доктора. Послѣ многихъ другихъ несообразностей и превращенія красавицы въ горлицу, Тарталья, то есть публика, женится на чудесной дѣвушкѣ-апельсинѣ, или въ другихъ словахъ, сочетается съ фантастическою и чудесною поэзіею, которой Гоцци такъ удачно предугадалъ вліяніе и успѣхъ.

Гоцци очень хорошо понималъ ничтожество этой басни; но онъ умѣлъ дать ей смыслъ и занимательность, приладивъ къ ней живую и остроумную пародію. Это былъ первый опытъ, скоро талантъ его развернулся въ болѣе достойныхъ его размѣрахъ и въ болѣе стройныхъ формахъ. Чтобы не повторяться, разбирая всѣ его произведенія, мы выберемъ одно изъ самыхъ значительныхъ, которое можетъ вполнѣ показать намъ характеръ поэта и мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ литературѣ своего отечества. Возьмемъ пьесу: *Король-олень*.

Вся Венеція знала въ 1792 году синьора Чиголотти. Красный, дырявый баретъ, недоштопанные фіолетовые чулки, черный кафтанъ, завѣщанный раздушеннымъ аббатомъ, длинное лицо, всклоченная борода, вотъ примѣты любимаго разсказчика площади св. Марка; грамматикъ, критикъ, поэтъ, ученый, вѣчно пьяный, онъ всегда тщательно выставлялъ народу на показъ тосканскія слова и обороты, которыми украшалъ свои сказки. Если вы пріѣзжали въ гостиницу св. Панталеона, Чиголотти встрѣчалъ васъ сонетомъ; женились вы, онъ писалъ вамъ свадебный дифирамбъ; соборовали васъ, онъ тотчасъ принимался за плачевную элегію и за надгробную надпись для наслѣдниковъ. Онъ былъ человѣкъ мыслящій, кроткаго нрава; подвергался многимъ гоненіямъ и не получилъ въ награду даже одной строчки въ исторіи. Венеціянскій Сенатъ, разсудивъ, что число куртизанокъ увеличивалось слишкомъ непомѣрно, декретомъ выслалъ ихъ всѣхъ изъ города; Чиголотти посвятилъ имъ свое вдохновеніе; онъ заступился за несчастныхъ въ трогательномъ плачѣ; народъ сталъ повторять его стихи, написанные на венеціянскомъ нарѣчіи; и Чиголотти раздѣлилъ участь Гомера, Камоэнса и Данта; онъ былъ изгнанъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, изгнанницамъ позволено возвратиться въ Венецію; пѣвецъ же ихъ и заступникъ, какъ существо безполезное и безпокойное для сената, умеръ въ изгнаніи.

Этого-то несчастнаго поэта Гоцци вывелъ на сцену, сохранивъ его имя и обычный нарядъ. Онъ его заставилъ изложить прологъ фантастической комедіи *Король-олень*.

Этотъ удачно придуманный прологъ представляетъ вѣрное подражаніе языку площадныхъ разсказчиковъ, которыхъ Венеція утратила вмѣстѣ съ своимъ могуществомъ, богатствомъ и празднествами. Онъ давалъ автору ловкое средство изложить пьесу и приготовить зрителей къ ея ребяческой причудливости. Выждавъ три поклона режиссера, Чиголотти снимаетъ баретъ и, окинувъ глазами залу св. Салуила, разсказываетъ изысканнымъ, варварскимъ, напыщеннымъ языкомъ происшествія, предшествующія началу пьесы. А вотъ и знаменитая сказка, возвѣщаемая такимъ важнымъ приступомъ; она имѣла въ Венеціи неслыханный успѣхъ, въ то самое время, какъ писали Руссо и Вольтеръ.

Жилъ былъ нѣкогда въ Венеціи великій чернокнижникъ, котораго слава была такъ велика, что самъ король Дерамъ, владѣтель Серендипскій, проѣзжая чрезъ Венецію, навѣстилъ его; они разстались очень довольные другъ другомъ: отвѣты чернокнижника очень понравились королю, и онъ такъ щедро наградилъ его, что чернокнижникъ открылъ ему изъ благодарности двѣ важнѣйшія свои тайны. Магія, какъ увидите ничего еще не изображала чуднѣе и полезнѣе.

«Вотъ, сказалъ чернокнижникъ, мраморная статуя, стоившая мнѣ много труда и одаренная истинно чуднымъ свойствомъ. Какъ только какая нибудь женщина или дѣвица солжетъ въ ея присутствіи, она захохочетъ, и чѣмъ грубѣе ложь, тѣмъ громче будетъ она хохотать. Сознайся, что это настоящій талисманъ и весьма полезный въ жизни. Испытай-ка его: прекрасныя венеціянки не одной уже стоили ему улыбки...»

Король Серендипскій хочетъ поблагодарить чернокнижника, но тотъ прервалъ его и сказалъ:

«Послушай еще, государь: другой мой подарокъ стоитъ перваго. Запомни, если можешь, слѣдующій стихъ, которымъ безсмертный Мерлинъ Коккай украсилъ свои сочиненія:

Crie, crae, trif, taf, not sgnieflet cantatanta riogna.

— Не скоро запомнишь такой мудреный стихъ, замѣчаетъ король.

— Это новая поэзія, отвѣчаетъ чернокнижникъ, она мудрена, но прекрасна. Когда ты увидишь мертвое животное или мертваго человѣка, тебѣ стоитъ только произнести этотъ стихъ надъ трупомъ, и душа твоя тотчасъ перейдетъ въ него и оживитъ его, а твое тѣло падетъ трупомъ на землю. Когда же тебѣ захочется снова принять свой прежній образъ, повтори только то же кабалистическое изрѣченіе надъ собственнымъ

своимъ трупомъ; и душа твоя немедленно перейдетъ въ прежнюю свою обитель. Такимъ образомъ, ты будешь обладать способностью превращенія, которой тайна не часто дается даже самымъ искуснымъ чернокнижникамъ. Не скрою, однако-же, отъ тебя, государь, что даръ, который я тебѣ даю, можетъ подвергнуть тебя большимъ опасностямъ. Впрочемъ, мы еще увидимся; и если ты когда либо увидишь по дорогѣ большаго зеленаго попугая, не бей его, если не хочешь убить своего благодѣтеля.»

Добрый король Деромъ, получивъ эти два клада, отправился обратно въ свое государство. Само собою разумѣется, что онъ поспѣшилъ испытать свое могущество: посредствомъ различныхъ превращеній, которыя производилъ кабалистическій стихъ Мерлина Коккая, онъ проникъ многія тайны, открылъ многіе ковы.

Испытаніе другаго талисмана было забавнѣе. Двѣ тысячи семьсотъ сорокъ восемь женщинъ, дѣвицъ, царевенъ, пастушекъ, всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ, были призваны, одна за другою, въ кабинетъ короля; всѣ отвѣчали одно и то же, и ни одна не сказала правды. Какъ скоро онѣ начинали увѣрять короля въ своей любви и клясться, что сердце ихъ никогда не знало другой страсти, злодѣйка принималась хохотать. Дерамъ хотѣлъ жениться; но гдѣ отыскать чистосердечную жену? Статуя разрушила его мечты; бѣдному королю стало грустно.

А надо вамъ сказать, что при дворѣ короля Дерама водились интриги, какъ и вездѣ. Министръ Тартальи, повѣренный короля, пользовался его безграничнымъ довѣріемъ, и заставлялъ его дѣлать не мало глупостей. Добрый Панталоне, венеціянскій гондольеръ, служилъ вѣрою и правдою, но за то пилъ горькую. Брагодла, министръ финансовъ, черпалъ въ государственной казнѣ, и старался склонить царскую милость на свою сестру, отцвѣтшую, жеманную кокетку, Смеральдину. Съ тѣхъ поръ, какъ разнеслась молва о намѣреніи Дерама жениться, отцы, братья, дяди возлагали всѣ свои надежды на дочерей, сестеръ, племянницъ. Засуетились женскія честолюбія; и все напрасно: немилосердая статуя никому не давала спуску. Женщины Серендипскаго царства не могли надивиться разборчивости короля, но какъ обыкновенно водится, это только усиливало въ нихъ желаніе покорить его сердце. Смеральдина разыгрывала чувствительность, а статуя хохотала. Клариса увѣряла, что никогда еще не знала любви, а статуя опять хохо-

тала. Король проклиналъ свое знаніе, и ему становилось еще грустнѣе.

У Панталона была дочь, простая и чистосердечная, но умная и чувствительная. Анджела до смерти любила короля. Отецъ, какъ добрый венеціянецъ, не разъ журилъ ее, говорилъ, что любить дѣло позволительное, пожалуй, даже похвальное, но что онъ никогда не позволитъ ей любить короля. Анджела была позвана во дворецъ двѣ тысячи семьсотъ сорокъ девятою, первая сказала правду и сдѣлалась царицею. Дерамъ, въ порывѣ любви и восторга, разбилъ статую, избравшую ему чистосердечную жену изъ столькихъ лицемѣрокъ.

Отпраздновавъ царскую свадьбу съ должнымъ великолѣпіемъ, дворъ принялся за прежнее свое житье; только Тарталья сталъ грустенъ. И не мудрено, соперникъ его торжествовалъ; онъ поздравилъ его, скрѣпя сердце и зайкаясь, что еще болѣе бѣсило его. Присоедините къ этой двоякой досадѣ еще тайную любовь, любовь къ Анджелѣ, и вы увидите, что онъ недаромъ унывалъ. Добрый монархъ сжалился надъ старымъ своимъ служителемъ и въ утѣшеніе открылъ ему вторую свою тайну, стихъ Мерлина Коккая и его дѣйствіе. Король и министръ его были въ это время на охотѣ, и убили двухъ оленей. Дерамъ былъ такъ добръ и снисходителенъ, что согласился даже испытать превращеніе на себѣ въ присутствіи своего любимца; произнесъ заклинаніе и тотчасъ душа его перешла въ тѣло оленя, а онъ палъ мертвый къ ногамъ изумленнаго Тартальи. Злодѣй воспользовался случаемъ, произнесъ подслушанный стихъ, и душа его перешла въ безжизненное тѣло короля.

Вошедъ силою волшебства въ тѣло короля, Тарталья разсудилъ, что лучше-де быть царемъ, чѣмъ министромъ, и подумавъ, чтобы ему дѣлать съ собственнымъ трупомъ, схватилъ мечъ, и отрубилъ ему голову.

И такъ душа тирана поселилась въ тѣлѣ добраго короля, и съ этого времени все мѣняется въ государствѣ. Но новый хозяинъ боится, чтобы прежній хозяинъ не нашелъ средства прогнать хищника, онъ наряжаетъ охоты, обловы, чтобы убить страшнаго оленя, обѣщаетъ тысячу цекиновъ тому, кто принесетъ бѣлаго оленя съ черною звѣздочкою на лбу.

Представьте себѣ, между тѣмъ, горесть и безпокойство Дерама; онъ бѣгаетъ по лѣсамъ и полямъ, чтобы скрыться отъ преслѣдованій охотниковъ и собакъ Тартальи, пока не находитъ трупъ старика убитаго новымъ королемъ. Какъ ни жалко это тѣло, однако-же, оно и безопаснѣе для Дерама, и достойнѣе

его, чѣмъ тѣло оленя; онъ произноситъ кабалистическія слова и дѣлается нищимъ дровосѣкомъ. Въ этомъ видѣ онъ приходитъ въ столицу, прокрадывается въ построенный имъ дворецъ и даже въ самые покои Анджелы.

Въ тѣ блаженныя времена были еще женщины, которыя не увлекаясь наружностью, оказывали качествамъ ума и сердца то почтеніе, которое такъ часто расточается богатству, знатности и красотѣ. Анджела была изъ числа такихъ женщинъ. Какъ лже-Дерамъ ни старался воспользоваться своимъ превращеніемъ, и какъ ни предъявлялъ свои права, Анджела видѣла низость его души и отвергала всѣ его ласки. Она не могла постичь причины этого внезапнаго измѣненія своего супруга. Въ этомъ недоумѣніи засталъ ее старикъ нищій и открылъ ей тайну кабалистическаго стиха.

Никогда не видали вы, вѣроятно, чтобы человѣкъ получалъ изъ чужихъ рукъ собственный свой трупъ, дѣлалъ ему великолѣпные похороны и произносилъ надъ нимъ надгробное слово? это потому, что мы съ вами живемъ въ такой жалкій вѣкъ, когда все фантастическое вымерло; а это видѣлъ весь городъ Серендивъ въ царствованіе лже-Дерама. Труфальдино, придворный птицеловъ, разставилъ свои сѣти въ лѣсу, набрелъ случайно на обезглавленный трупъ министра Тартальи, и недалеко отъ него нашелъ трупъ бѣлаго оленя съ черною звѣздочкою, который, какъ вы помните, былъ оцѣненъ; онъ взваливаетъ оба клада на плеча, и несетъ ихъ къ лже-Дераму, который оленя велитъ продать на живодерню, а свое тѣло великолѣпно похоронить, самъ произноситъ надъ нимъ надгробное слово, и велитъ поставить ему памятникъ. Несчастнаго птицелова, чтобы не отягощать казны платою обѣщанной награды, онъ сажаетъ въ тюрьму, а вслѣдъ за нимъ и весь свой дворъ, обвиняя его въ убіеніи Тартальи.

Но наступилъ конецъ его неистовствамъ. Труфальдино, принеся трупы во дворецъ, оставилъ тамъ пойманныхъ имъ птицъ, въ томъ числѣ большаго зеленаго попугая. Попугай же этотъ самъ венеціянскій чернокнижникъ, безвинный виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій. Онъ во время попалъ во дворецъ, Дерамъ въ видѣ крестьянина былъ найденъ въ покояхъ Анджелы, и вмѣстѣ съ нею приговоренъ къ смерти. Чернокнижникъ вступается за невинныхъ, возвращаетъ каждому прежній образъ, Дераму отдаетъ престолъ.

И эта дѣтская сказочка, распредѣленная на сцены, правда съ рѣдкимъ искусствомъ и написанная частью остроумною

прозою, частью мастерскими стихами, приводила въ восторгъ добрый народъ венеціянскій.

Бойкая кисть, смѣлый и свѣжій колоритъ, фантастическая, невозможная архитектура, выступающая на чистой лазури неба; вотъ это великое, странное созданіе. Воображеніе безъ труда схватываетъ его; ибо всѣ дѣйствующія лица, хотя и вращаются внѣ дѣйствительнаго міра, однако-же, удивительно естественны. Невозможно придать болѣе занимательности фантастикѣ, болѣе истины вымыслу; по ясности и опредѣленности рисунка, всѣ эти лица можно принять за портреты и Анджелу, которая по инстинкту любви узнаетъ предметъ своей любви въ чуждомъ ему образѣ, и отвергаетъ измѣнника, принявшаго образъ ея возлюбленнаго, и Тарталью, льстиваго царедворца, Панталона, символъ венеціянскаго народа, преданнаго слуги своего господина и своихъ удовольствій. Рядомъ съ самыми уморительными карикатурами, на-примѣръ сценою, гдѣ Тарталья себѣ самому отрубаетъ голову, или когда онъ устроиваетъ себѣ похороны, говоритъ себѣ похвальное слово и множествомъ другихъ, которымъ позавидовали бы Каллотъ и Гофманъ, встрѣчаете вы сцены, полныя неподдѣльнаго чувства, самыхъ высокихъ и благородныхъ помысловъ, какъ на-примѣръ сцена, въ которой Анджела отвергаетъ любовь лже-короля.

Въ то время, какъ Гоцци преображалъ такимъ образомъ испанское имброгліо въ сатирическо-волшебную драму, все зданіе общества, истлѣвъ во всѣхъ связяхъ, осѣдало съ глухимъ трескомъ. Гоцци очень хорошо понималъ эту угрозу и тѣшилъ своихъ земляковъ, какъ во время бури поятъ матросовъ водкою. Его драмы, дѣтскія сказки, полныя прелести и силы, суть памятники уже разрушеннаго міра. И не думайте, чтобы онѣ не имѣли никакого значенія: въ нихъ заключенъ весь упадокъ, все рабство и все прежнее могущество Венеціи. Народу, у котораго можетъ родиться такая литература, уже нечего дѣлать на свѣтѣ; онъ пережилъ свою старость и впалъ въ ребячество; эта литература есть послѣдній результатъ такого сеціяльнаго положенія, въ которомъ народъ съ пылкимъ воображеніемъ принужденъ заниматься однимъ удовлетвореніемъ своей потребности удовольствія.

Не будемъ разбирать чудеса, которыми набиты всѣ тридцать шесть драмъ Гоцци, частью переведенныя съ Каньисареса, Матосъ-Фригозо и Рохаса; частью же заимствованныя изъ того же источника, какъ Кальдеронова драма: *Жизнь есть сонъ*,

сюда принадлежатъ: *Воронъ*, *Туранда*, *Женщина-змѣя*, *Счастливые нищіе*, *Зобеидъ*, *Синее чудовище*, *Туркино*, *Прекрасная зеленая птичка*, *Царь духовъ*. Безпрестанно въ нихъ тайны, которыхъ открытіе влечетъ за собою гибель; безпрестанно трудные, почти невозможные подвиги, чудесныя превращенія и т. п.

Замѣчательная въ нихъ черта — усвоеніе средневѣковой миѳологіи фей. Гоцци вполнѣ постигъ ее, и преобразилъ въ дивную поэзію; онъ присоединилъ къ восточной магіи духъ рыцарства; изъ этого сліянія возникло созданіе полное оригинальности и граціи. Въ его геройхъ дышетъ спиритуализмъ чести, заимствованный изъ испанской драмы; въ сверхъестественныхъ лицахъ духъ востока, придающій человѣку безграничную силу надъ покорною природою: въ низкихъ характерахъ рабское подчиненіе закону плоти, побужденіямъ страсти и корысти; они подобно Санчо-Пансѣ представляютъ грубую противоположность героямъ, подчиненнымъ судьбѣ и борящимся съ нею и полубогамъ, которые, будучи выше судьбы, влекутъ героя въ различныя испытанія, долженствующія очистить его страданіемъ.

Вотъ въ какихъ обширныхъ размѣрахъ рисуются драмы Гоцци. Разширяя такимъ образомъ свой кругъ, паря въ этой безпредѣльной сферѣ, онъ самъ воздвигалъ себѣ препятствія, равныя его силѣ. Какъ тутъ отчетливо обрисовать всѣ подробности картины? какъ не увлечься быстрымъ движеніемъ сцены, обставленной чудесами волшебства, и не пожертвовать ему развитіемъ страстей? какъ не ослѣпиться блескомъ колорита и яркостью тѣней? Вотъ почему, не смотря на талантъ поэта, произведенія его скорѣе блестящіе очерки, чѣмъ оконченныя драмы. Въ нихъ множество остроумныхъ, сатирическихъ, глубокихъ намековъ; разговоръ искусно веденъ, живъ и страстенъ, но необходимость слѣдовать за вихремъ чудесныхъ событій, принуждаетъ автора довольствоваться нѣсколькими энергическими чертами, не вдаваясь въ развитіе подробностей; отсюда проистекаетъ главный недостатокъ Гоцци: недостатокъ связи, неполнота, поспѣшность въ цѣломъ и частыя отступленія.

Въ произведеніяхъ Гоцци соединяются героизмъ и карикатура; ирония принадлежитъ въ нихъ Труфальдинамъ и Панталонамъ; Гоцци понялъ, что ирония по природѣ своей должна принадлежать народу; она выражается у него прозою, которую, для большей тривіальности иронiи, онъ низводитъ часто до

простонародной рѣчи (patois); между тѣмъ, какъ лица, изображающія самую благородную и чистую сторону человѣчества, говорятъ языкомъ поэзіи.

Это встрѣчается и у Шекспира; но Гоцци имѣлъ то преимущество въ употребленіи народныхъ нарѣчій, что они имѣютъ въ Италіи особенный смыслъ. Сатирическій умъ Италіи подмѣтилъ слабости каждаго изъ своихъ племенъ и выразилъ ихъ въ олицетвореніи извѣстнаго порока. Порокъ этотъ сталъ типомъ и каждый типъ сохранилъ свою мѣстную рѣчь. Бригелла, напримѣръ, употребляетъ бергамское нарѣчіе; его трескучая живость, гасконское произношеніе даютъ болѣе наглядности насмѣшкѣ; языкъ также низокъ, какъ лицо; быстрота рѣчи изобличаетъ безпокойство, неусидчивость интригана, которыхъ онъ типъ. Панталонъ, напротивъ, говоритъ нарѣчіемъ чувственнымъ, мягкимъ, плавнымъ, наивнымъ, дружескимъ, добродушнымъ: это нарѣчіе венеціянское.

Эта типическая карикатура, въ которой Гоцци почерпаетъ свой комическій элементъ, очень хорошо вяжется съ волшебствомъ. И то и другое родилось изъ воображенія и сродно ему; первая веселостью, второе — блескомъ вымысла. Она также хорошо вяжется съ рыцарскою фантастикою Испаніи. Что такое эти удивительные подвиги, нечеловѣческія самопожертвованія, какъ не то же волшебство, перенесенное въ нравственную сферу? Совершенный герой, подобно волшебницѣ, повелѣваетъ нравственнымъ міромъ, заключающимся въ немъ самомъ; онъ торжествуетъ надъ собою, преображаетъ себя, обрекаетъ себя на вѣчное самоотверженіе. Это чудо еще удивительнѣе чудесъ волшебства.

Такимъ образомъ открывается тайное сродство между нравственнымъ героизмомъ, волшебствомъ и смѣшною карикатурою. Сущность драмъ Гоцци составляетъ духъ рыцарства; двигателями и средствами служатъ талисманы магіи; Бригеллы, Тартальи и ихъ братья, олицетворяютъ чернь, которая поперемѣнно смѣется и дѣлается предметомъ смѣха. Чувству чести и долга, энтузіазму рыцарства противупоставляются грубыя побужденія, подлые пороки, нелѣпыя мысли; идеализированному, трагическому человѣчеству, человѣчество низкое, комическое. Словомъ, это все человѣчество, о которомъ Шекспиръ сказалъ: что *оно слишкомъ возгордилось бы своими добродѣтелями, если бы пороки не бичевали безпрестанно его величія.*

Изъ всего сказаннаго нами о Гоцци и его произведеніяхъ,

выведемъ оцѣнку этого писателя, забытаго нынче даже на родинѣ. Его можно считать и послѣднимъ ученикомъ героической Испаніи и послѣднимъ обладателемъ той веселой, шутливой фантазіи, на которой Пульчи, Берни и даже Аріостъ строили свои дивныя строфы. Если спросите, почему этотъ человѣкъ всегда отвергалъ ученіе новой философіи и поднималъ на смѣхъ ея проповѣдниковъ, то это объясняется самымъ характеромъ его генія. Онъ почерпалъ все изъ Испаніи и среднихъ вѣковъ.

Гоцци подходитъ къ Аларкону и Сервантесу своимъ духомъ рыцарства, прямотою, преданностью чести, благородствомъ и благочестіемъ; словомъ, тѣмъ героическимъ величіемъ, которое въ крайности своей сходится съ волшебною миѳологіею и съ вѣчною шуткою народныхъ маскъ. Онъ единственный писатель, облекшій въ драматическую форму мысль Аріоста и мысль Сервантеса.

Драмы его отличаются удивительною внутреннею гармоніею. Условная драма, которой интересъ основанъ на волшебномъ вымыслѣ, требуетъ условнаго комизма, основаннаго на народныхъ повѣріяхъ. Преувеличеніе чудеснаго въ интригѣ необходимо влечетъ за собою преувеличеніе комизма въ веселыхъ сценахъ и патоса въ сценахъ печальныхъ. Угадать это художественное соотношеніе — вотъ тайна генія.

Потомству завѣщаетъ Гоцци нѣсколько сценъ, написанныхъ бойкимъ стихомъ, съ наивною цвѣтистою фантазіею. Никогда онъ не будетъ поставленъ на ряду великихъ представителей европейскаго театра и останется второстепеннымъ Аристофаномъ, котораго произведенія можно изучить, какъ феноменъ, но отнюдь не какъ образцы.

—

ЗАПИСКИ ФЛОРЫ,

КОМИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ.

ГЛАВА XX.

Торжествомъ моимъ въ это время была роль рыбной торговки въ пьесѣ *Дорать и Ваде*. Извѣстно, что нарядъ молодой рыбницы къ лицу каждой женщинѣ, которая недурна собою; алый камзолъ, большой кружевной чепецъ на глаза, длинныя подвѣски въ ушахъ, черная бархотка съ сердечкомъ и большимъ крестомъ на бѣлой шеѣ, все это даетъ особую прелесть живому лицу. Хотя соперницами моими были красавицы Лепентръ и г-жа Вотренъ, однако-же я обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, занимавшихъ обыкновенно ложу въ бенуарахъ, на авансценѣ. Между прочими, не сводилъ съ меня лорнета одинъ довольно еще молодой человѣкъ, благородной, кроткой и даже открытой физіономіи. Высокій лобъ, голубые глаза; тонкій, но спокойный взглядъ, прекрасныя брови, небольшой, но правильный носъ, красивый, улыбающійся ротъ; подбородокъ съ ямочкою, свѣтлые, коротко остриженные волосы, все это составляло самое пріятное цѣлое.

Само собою разумѣется мнѣ было очень любопытно узнать, кто онъ такой. Какъ же я удивилась, когда мнѣ сказали, что это графъ ***, игравшій такую роль въ происшествіяхъ, рѣшившихъ судьбу Наполеона, и котораго карикатуры представляли намъ какимъ-то уродомъ и пугаломъ! Съ нимъ былъ обыкновенно другой иностранецъ, адмиралъ ***, также занимавшій

нѣкогда важныя должности въ своемъ отечествѣ; онъ очень многозначительно посматривалъ на молоденькую товарку мою, Фертонъ, дочь знаменитой актрисы театра Монтансье, недавно дебютировавшую у насъ.

Нетрудно было догадаться, что эти господа имѣли на насъ виды, что они намъ скоро и доказали. Хотя иностранцамъ вообще запрещенъ входъ за кулисы, однако-же это запрещеніе не могло распространяться на такихъ знатныхъ особъ; они часто приходили къ намъ на сцену любезничать съ актрисами, и преимущественно со мною и съ Фертонъ. Адмиралъ даже пригласилъ насъ на свою дачу въ Сеѳ.

Мы не могли отказаться отъ такаго лестнаго приглашенія; и въ первый свободный для насъ день графъ рано утромъ пріѣхалъ за нами и повезъ насъ въ своей каретѣ въ Сеѳ. Дорогою мы много разговаривали: бесѣда его была умна, жива, занимательна. Я сказала ему, между прочимъ, какъ несхожъ онъ былъ съ понятіемъ, которое я составляла себѣ о немъ по портретамъ и описаніямъ.

Дѣвица Фертонъ до сихъ поръ только слушала насъ; она была молоденькая, хорошенькая, умная женщина, съ рѣдкими способностями, получила хорошее воспитаніе и была отличною музыкантшею.

— Графъ, сказала она въ свою очередь, позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Вы были намъ врагами; но уже давно заключенъ миръ; что же еще разсуждать о войнѣ? Надо забывать все грустное, набрасывать завѣсу на прошедшее, и наслаждаться настоящимъ; но въ тоже время заботиться о будущемъ. Вы отличили насъ изъ среды нашихъ товарокъ; какъ ни запирайтесь въ томъ, что моя добрая Флора внушила вамъ нѣжное участіе, я вамъ не повѣрю. Чтожъ до адмирала, онъ былъ откровеннѣе васъ, и предложилъ мнѣ... свою дружбу; онъ могъ бы выразиться точнѣе, ну да я его поняла. Однако-жъ, графъ, скажите мнѣ, что онъ за человѣкъ; потому-что я знаю его, какъ и васъ, только за очень любезнаго человѣка, а этого достаточно развѣ для того только, чтобы мнѣ принять его приглашеніе, посѣтить его дачу и отобѣдать съ нимъ въ вашемъ пріятномъ обществѣ.

— Адмиралъ человѣкъ прямой и благородный, отвѣчалъ графъ, и если что обѣщаетъ, то свято держитъ слово. Онъ говорилъ мнѣ, что болѣе всего нравятся ему во Франціи француженки.

— Такъ вы думаете, что онъ рѣшится остаться навсегда во Франціи? спросила Фертонъ.

— И очень охотно, если кому нибудь угодно будетъ удержать его, отвѣчалъ графъ, лукаво поглядывая на дѣвицу Фертонъ.

— А вы, графъ, спросила я съ такою же лукавою улыбкою, намѣрены-ли вы оставаться во Франціи?

— Я, отвѣчалъ графъ, полусерьезно, полушутливо, я пріѣхалъ во Францію, посудить самъ о достоинствѣ трехъ знаменитостей: герцога Отрантскаго, князя Талейрана и комика Потье; признаюсь, что изъ всѣхъ трехъ, одинъ Потье, по моему, достоинъ своей славы.

Между тѣмъ мы пріѣхали въ Сеò; карета въѣхала на дворъ; самъ адмиралъ вышелъ встрѣчать насъ, на подъѣздъ. «Милости просимъ», сказалъ онъ, подавая руку дѣвицѣ Фертонъ и высаживая ее изъ кареты. Графъ сдѣлалъ туже вѣжливость мнѣ.

— Вы найдете здѣсь весьма пріятное общество, сказалъ адмиралъ; одного моего соотечественника, съ премилою француженкою, одного знаменитаго дипломата и остроумнаго академика.

Онъ самъ отворилъ дверь гостиной и сказалъ собравшимся тамъ гостямъ: Вотъ вамъ подкрѣпленіе, чтобы пріятно провести день. Хотя эти дамы и не съ Французскаго театра, но я увѣренъ, что дѣвица В... приметъ ихъ какъ сверстницъ, посвятившихъ себя тому же искусству, въ которомъ она сама такъ успѣваетъ.

— Какъ-же! отвѣчала дѣвица В... между артистами нѣтъ аристократіи; мнѣ очень пріятно познакомиться...

Мужчины, между тѣмъ, всѣ встали и приблизились къ намъ; я замѣтила, что одинъ изъ нихъ довольно сильно хромалъ, и спросила шопотомъ графа, не это ли академикъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, это дипломатъ.

Между тѣмъ я вспомнила, что видала портретъ этого человѣка во многихъ эстампныхъ лавкахъ по бульварамъ, и узнала въ немъ Талейрана. Поклонившись намъ очень вѣжливо, бывшій Отёнскій епископъ снова усѣлся на свою бержерку.

— Который же академикъ? спросила я своего спутника.

— Вотъ, отвѣчалъ онъ; это г. Лемонтей.

Не ждите здѣсь, любезные читатели, эпизода въ родѣ сценъ Одри и Бобоша; а тутъ находилась въ кругу шутовъ другаго

рода; мы, впрочемъ, провели день не такъ серьозно, какъ я сначала опасалась.

Мнѣ сначала было страшно и неловко въ присутствіи такаго знаменитаго человѣка, какъ Талейранъ, котораго остроты и колкости ходили по рукамъ, и безпрестанно приводились и кстати и некстати. Разумѣется, никто не принуждалъ меня отвѣчать ему тѣмъ же; но непріятно быть въ обществѣ безмолвною куклою, поэтому я рѣшилась, въ случаѣ, если бы онъ обратился ко мнѣ, лучше опустить какую нибудь глупость, чѣмъ молчать.

Къ счастью, разговоръ начался о театрѣ. Гости поздравляли дѣвицу В... съ успѣшными дебютами ея въ роли Герміоны, въ амплуа молодыхъ принцессъ въ трагедіи и любовницъ въ комедіи. Она заговорила тотчасъ объ интригахъ, которыя, по ея словамъ, долженствовали вскорѣ принудить ее оставить театръ.

— Такъ вы думаете, что интриги и сплетни водятся только у васъ за кулисами? спросилъ Талейранъ; увѣряю васъ, что тамъ ихъ не болѣе, чѣмъ на большомъ театрѣ свѣта. На политическомъ театрѣ, какъ и у васъ, свои актеры, играющія поочередно трагедію, драму и комедію, своя публика, аплодирующая актерамъ или освистывающая ихъ, смотря потому, какъ ей придетъ въ голову; свои промышленники, старающіеся водить публику, и поддержать или уронить того или другаго актера, смотря потому щедро или скудно заплатили имъ его друзья или враги.

— Нѣтъ, подхватилъ Лемонтей: если кто подверженъ всѣмъ этимъ кознямъ, то это вѣрно писатель.

— Полноте, любезный академикъ, возразилъ Талейранъ; вы заступаетесь за литераторовъ, потому что сами принадлежите къ ихъ братіи.

— Нѣтъ, я не имѣю притязаній на званіе литератора, потому что написалъ плохую оперу, которая уже давно забыта. *Пальма* удалась, но только благодаря прелестной музыкѣ Плантада и дивному таланту г-жи Сіо. Говоря объ интригахъ, преслѣдующихъ литератора, я имѣю въ виду бѣднаго Арно; его *Германикъ* право хорошая трагедія, и она упала единственно вслѣдствіе интриги.

— Поразительной интриги, на палкахъ, подхватилъ Талейранъ.

— Вы знаете, что тутъ освистывали не талантъ автора, а его мнѣнія.

— Что же вы скажете объ этой пьесѣ, г. Лемонтей? вы должны хорошо знать ее, по своему званію цензора.

— Я скажу, что тѣ, которые аплодировали всему безъ разбору, не совсѣмъ правы; но неправы и тѣ, которые все освистывали; всѣхъ же неправѣе негодяи, которые принесли палки для того, чтобы доказать, что они правы на бокахъ зрителей.

— Ужъ не въ память-ли этого представленія, спросила я, трости названы *германиками*?

— Неужели вы этого не знали? отвѣчалъ Лемонтей. Такъ вы, вѣроятно, не знаете и того, что этотъ случай внушилъ одному изъ вашихъ товарищей мысль основать человѣколюбивое учрежденіе для охраненія боковъ публики.

— Какое учрежденіе? спросилъ адмиралъ.

— Мѣсто для храненія палокъ, учрежденное актеромъ Водевиля, Севестомъ; кромѣ безопасности зрителей, оно доставитъ немаловажную пользу тому, кто его откупитъ. Но возвратимся къ *Германику*: Мартеньвиль, въ своемъ журналѣ безсовѣстно втопталъ его въ грязь, забывъ, что лицо изгнанника должно быть неприкосновенно. Люсьенъ Арно счелъ себя обязаннымъ отомстить за оскорбленнаго отца и вызвалъ на дуэль критика, который поплатился за невоздержность пера легкою раною. Для предупрежденія новыхъ безпорядковъ, правительство рѣшилось запретить представленія пьесы.

— Господа, сказалъ адмиралъ: мнѣ кажется, что вашъ разговоръ едва ли можетъ быть занимателенъ для нашихъ дамъ.

— Вы совершенно правы, сказалъ Талейранъ, мы совершенно забыли долгъ вѣжливости... Скажите мнѣ, ради Бога, сударыня, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: не имѣлъ ли я уже разъ удовольствіе васъ видѣть? Я имѣю память мѣстности и физіономій; и если не ошибаюсь, это было у князя Бертье.

— Я была у него только одинъ разъ.

— А, помню!... Это было въ тотъ день, какъ бѣдному Камбасересу испортили бархатные штаны засаленною шляпою Каде-Руссея! Презабавная была исторія! — Это было не задолго до развода Императора съ Жозефиною. — Эрцканцлеръ, котораго бережливость заходила отчасти за межу скупости, весь вечеръ жаловался на свое несчастіе, онъ принужденъ былъ, подобно слугѣ Мольерова *Скупаго*, закрывать масляное пятно шляпою.

— Какъ же это было? разскажите, сказала дѣвица В...

— Нѣтъ, просите дѣвицу Флору, она разскажетъ лучше меня.

И я принуждена была разсказать злосчастную исторію этого представленія, которую мои любезные читатели вѣроятно помнятъ.

— Камбасересъ, продолжалъ Талейранъ, когда я кончила свой разсказъ, неодобрялъ развода. Такъ-какъ Императоръ былъ весь вечеръ разстроенъ, то и Камбасересъ былъ не въ духѣ, и вымещалъ желчь на вѣрныхъ своихъ прихлебателяхъ, такъ что д'Эгрефель, для котораго весь міръ держался однимъ его покровителемъ, сказалъ намъ въ отчаяніи: «Безрасудства Его Величества доведутъ его до того, что онъ лишится его свѣтлости.»

Много еще было наговорено въ этотъ день умныхъ и оригинальныхъ вещей; къ сожалѣнію, я ихъ не упомню.

Между тѣмъ, какъ адмиралъ любезничалъ съ дѣвицею Фертенъ, а молодой его соотечественникъ съ дѣвицею В... которой сердце уже давно принадлежало ему, которой онъ впослѣдствіи далъ свою руку и графское достоинство, графъ шепталъ мнѣ: «Я очень благодаренъ Талейрану за то, что онъ привелъ насъ въ Парижъ; но будьте увѣрены, что онъ и намъ измѣнитъ, какъ скоро кто другой польститъ его личнымъ выгодамъ.»

Талейранъ смотрѣлъ на него изподлобья, и прервалъ разговоръ свой съ Лемонтеемъ, сказавъ: «Готовъ биться объ закладъ, что вы говорите обо мнѣ, и выдумываете на мой счетъ какую нибудь злую клевету.

— Какъ это возможно, князь, отвѣчалъ графъ.

Намъ пора было возвратиться въ Парижъ. Лемонтей, соединявшій съ рѣзкимъ умомъ и многими прекрасными свойствами немалую толику скупости, не запасся экипажемъ, а пріѣхалъ на простомъ извощикѣ, котораго и отпустилъ. Не смѣя прямо просить графа довезти его, онъ просилъ позволенія положить свой бекешъ въ его карету, спереди.

— Извольте; но куда мнѣ его вамъ прислать завтра?

— Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣчалъ Лемонтей: я буду въ немъ во всю дорогу.

Такъ какъ репертуаръ былъ еще очень ограниченъ, то я довольно часто бывала свободна, и ѣздила въ тѣ дни въ театръ съ графомъ; мы рѣдко бывали одни въ ложѣ; обыкновенно приходилъ къ намъ Лемонтей, съ которымъ графъ познакомился у адмирала ***. Лемонтей еще лучше меня зналъ всѣ

театральныя новости; должность цензора открывала ему почти всѣ закулисныя тайны и продѣлки.

Однажды, когда въ Большой Оперѣ давали въ первый разъ по возобновленіи *Панюржъ на островѣ фонарей*, передъ самымъ началомъ увертюры, въ боковую ложу противъ насъ, вошелъ король Людовикъ XVIII. Опера показалась намъ очень незавидною, не смотря на музыку Гретри и на чудесный голосъ Лаиса, который божественно пѣлъ партію Панюржа; намъ казалось страннымъ, что король выбралъ эту пьесу; но Лемонтей объяснилъ намъ загадку.

— Вы воображаете, можетъ быть, сказалъ онъ, что *Панюржъ* сочиненіе Мореля? Ошибаетесь, Морель далъ только свое имя. Отеческая любовь привела сегодня Людовика XVIII въ Большую Оперу; король нашъ возвратился въ Парижъ за тѣмъ, чтобы дать Франціи конституцію, и посмотрѣть на свое дѣтище, *Панюржа*.

Графъ хотѣлъ непремѣнно, во время пребыванія своего въ Парижѣ, изучить драматическую литературу; онъ утверждалъ, что это лучшее средство узнать характеръ и нравы общества, и научиться разговорному языку народа, котораго иностранцы никогда не знаютъ вполнѣ, если учились ему только изъ книгъ. Руководителями своими онъ избралъ Лемонтея и меня.

Такъ-какъ онъ еще не бывалъ на театрѣ Водевиля, то мы увѣрили его, что онъ долженъ непремѣнно съ нимъ познакомиться. Мы выбрали хорошій спектакль и поѣхали въ театръ; давали *Поѣздку въ Бедламъ*, Скриба и Делетръ-Пуарсона; *Двухъ Гаспаровъ*, Габріеля и Камеля; и *Двухъ Эдмондовъ*, Барре, Розе и Дефонтена, трехъ знаменитостей Водевиля. Въ первой пьесѣ очаровательна была г-жа Перренъ, которая въ то время только-что поступила на сцену Водевиля, и уже составляла одно изъ лучшихъ ея украшеній. Въ *Двухъ Гаспарахъ* Жоли и Филиппъ были уморительны въ роляхъ двухъ Норманцевъ; первый въ особенности могъ служить образцомъ это рода характеровъ.

Два Эдмонда напомнили мнѣ анекдотъ, который разсказывалъ мнѣ самъ Жоли, игравшій въ этой пьесѣ солдата. За нѣсколько лѣтъ, пьесу давали въ Сенъ-Клускомъ дворцѣ, въ присутствіи Императора. Наполеонъ очень забавлялся игрою Жоли, призвалъ его по окончаніи пьесы, и сказалъ: «я очень доволенъ вами, Жоли.»

— Рады стараться, ваше величество, отвѣчалъ Жоли, бывшій

еще въ солдатскомъ костюмѣ, вытянувшись и приложивъ руку къ киверу.

— Судя по вашей игрѣ, можно подумать что вы сами были въ военной службѣ.

— Точно такъ, ваше величество, въ первомъ наборѣ.

— Я тогда былъ еще поручикомъ артиллеріи.

— Вамъ, государь, служба лучше повезла, чѣмъ мнѣ.

— Гдѣ же вы служили?

— Въ кавалеріи, ваше величество.

— За чѣмъ вы оставили службу?

— Государь, я получилъ тяжелую рану въ ногу, и былъ отправленъ въ гошпиталь; полкъ же, между тѣмъ, одерживалъ побѣду за побѣдою и шелъ все впередъ. Когда меня выпустили изъ гошпиталя, онъ былъ такъ далеко, что, не надѣясь его нагнать, я воротился въ Парижъ. Но я вамъ говорю это между нами, и прошу, государь, не доводить моей тайны до свѣденія г. военнаго министра.

Наполеонъ улыбнулся. Чрезъ нѣсколько дней военный министръ прислалъ Жоли приказъ объ увольненіи его изъ военной службы, а императоръ прекрасную табакерку; съ того дня Жоли сталъ нюхать табакъ.

Прежде, чѣмъ стану продолжать повѣсть своихъ приключеній, я должна сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ бенефисѣ одного изъ моихъ пріятелей, о которомъ я уже говорила въ началѣ своихъ записокъ; именно Вопре, самаго уморительнаго изъ комическихъ танцоровъ. Онъ былъ ученикъ Одино и игралъ въ его дѣтской труппѣ, вмѣстѣ съ Мишо, бывшимъ впослѣдствіи однимъ изъ лучшихъ актеровъ Французскаго Театра; соединяя съ талантомъ танцора талантъ хореграфа, онъ былъ долго балетмейстеромъ при Городскомъ Театрѣ; а съ 1790 года поступилъ въ Комическую Оперу. Въ послѣднемъ бенефисѣ его участвовали артисты Французскаго Театра и Комической Оперы. Самому ему вздумалось, ради шутки, играть въ комедіи, роль *Криспина, соперника своего барина*. Онъ сыгралъ ее прескверно и это было тѣмъ замѣтнѣе, что барина игралъ Мишо; онъ, впрочемъ, самъ потомъ смѣялся надъ своею неудачею. За то въ пантомимной роли Санчо-Пансы въ *Свадьбѣ Гамахо*, онъ былъ превосходенъ, какъ всегда. Будто для противуположности съ Вопре, роль Донъ-Кихота игралъ Дерависъ и былъ такъ же скверенъ въ пантомимѣ, какъ Вопре въ комедіи.

Вопре умеръ въ 1844 году, восьмидесяти лѣтъ; онъ до по-

слѣдняго времени сохранилъ свою веселость и живость; за двѣ недѣли передъ смертью онъ приходилъ въ фойе театра Разнообразія и морилъ насъ со смѣху своими затѣйливыми и забавными анекдотами.

Наступило время, когда мое имя долженствовало имѣть вліяніе на сборы нашего театра. Трудно иногда говорить о себѣ: скромность не позволяетъ хвалить себя, а самолюбіе не допускаетъ слишкомъ унижать себя. Простой же перечень ролей, которыя я играла въ свое девятилѣтнее пребываніе на театрѣ Разнообразія, не можетъ быть занимателемъ для читателей.

Графъ *** собирался возвратиться въ свое отечество; онъ предлагалъ доставить мнѣ ангажементъ, но я не согласилась, не смотря на то, что любила его, какъ друга, и дорожила его дружбою. Передъ отъѣздомъ, онъ обѣщалъ не забывать меня, писать ко мнѣ, и взялъ съ меня слово отвѣчать на его письма и давать ему извѣстія о нашихъ театрахъ. Эта переписка очень льстила моему самолюбію; я обѣщала писать исправно, и сказала, что съ нетерпѣніемъ буду ждать перваго его письма. Но, какъ я этого письма не дождалась, то и не считала себя обязанною держать слово.

Такимъ образомъ, я осталась опять одна, безъ любви и дружбы. Тяжела жизнь, когда ее не оживляетъ никакая страсть, никакое чувство; я сначала думала, что послѣ столькихъ тревогъ, мнѣ отрадно будетъ спокойствіе; но скоро убѣдилась, что я рождена не для спокойствія. Повѣсть моей жизни представилась мнѣ скучною, пошлою повѣстью, слишкомъ рано была она окончена. Всего же тяжелѣе было для меня то, что мнѣ не кому было даже сказать, что мнѣ было скучно.

—

ГЛАВА XXI.

На афишкѣ театра Разнообразія было объявлено первое представленіе новой пьесы подъ названіемъ: *Скука*. Соотвѣтствіе названія пьесы состоянію моей души побудило меня идти смотрѣть ее. Это было одно изъ первыхъ произведеній умнаго писателя, котораго имя стало съ тѣхъ поръ знаменитымъ, и отъ котораго публика другой скуки никогда не знала, кромѣ названіе этой пьесы. Этотъ писатель — г. Скрибъ.

Герой его находился точно въ такомъ же положеніи, какъ я; графъ д'Эрфоръ скучалъ оттого, что сердце его было не занято. Пьеса, разумѣется, очень занимала меня, и я слуша-

ла ее съ большимъ вниманіемъ. Подлѣ меня, на балконѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, который, по видимому, страдалъ такою же скукою, какъ графъ д'Эрфоръ и я. Мы смотрѣли другъ на друга, дивясь взаимно своимъ длиннымъ лицамъ, и не говоря ни слова. Въ пьесѣ Скриба любовь, наконецъ, выводитъ графа изъ его апатіи; онъ оживаетъ съ ея заботами и страданіями, и сердце его дѣлается мало-по-малу способнымъ къ счастью. Лицо моего сосѣда также оживилось; онъ прослушалъ пьесу съ вниманіемъ и по окончаніи ея, сказалъ мнѣ съ довѣріемъ:

— Страданіе все таки жизнь; но жить безъ страсти, значитъ быть мертвецомъ.

— Вы правы, отвѣчала я, стараясь подавить подъ платкомъ богатырскій зѣвокъ.

— Вы плачете, спросилъ онъ.

— Нисколько; я только хотѣла скрыть нервическое движеніе, которое могло бы почесться невѣжливостью.

Извѣстно, что зѣвота заразительна; сосѣдъ мой также зажалъ ротъ носовымъ платкомъ.

— Извините, сказалъ онъ; вы можете подумать, что я ужасный невѣжа.

— Ничуть, я сама подала вамъ примѣръ.

— Вамъ, кажется, не слишкомъ весело въ театрѣ?

— Да, повидимому, и вамъ тоже.

— Однако-же, сударыня, вы всегда кажетесь такъ веселы на сценѣ?

— Всѣ мнѣ это говорятъ. Но на сценѣ я занята своею ролью, а какъ скоро она кончена и я возвращаюсь въ свое уединеніе, я опять дѣлаюсь угрюма и скучна.

— Точно, какъ я; у меня есть все, что нужно для счастія человѣка, а между тѣмъ, не знаю почему, я скучаю.

— Мужчинѣ не найти средствъ прогнать скуку! когда ихъ такъ много.

— Чего я уже не испыталъ, чтобы развлечь себя; ничто не помогаетъ.

— Однако-же, есть средства.

— Но вы сами вы ихъ не находите?

— Поискать хорошенько, найдутся!...

— Простите мнѣ впередъ предложеніе, которое я собираюсь вамъ сдѣлать. Вы скучаете, я своей стороны также; позвольте мнѣ имѣть иногда удовольствіе съ вами видѣться. Изучая послѣдствія, можно дойти и до причинъ. Будемъ изучать эту задачу, можетъ быть, успѣемъ найти ей рѣшеніе.

— Предложеніе ваше довольно странно; но скучать вдвоемъ не скучнѣе-ли, чѣмъ скучать поодиначкѣ.

— Да если бы и скучнѣе, все-таки что нибудь новое.

Не смотря на скучное выраженіе лица, собесѣдникъ мой казался очень порядочнымъ и очень любезнымъ человѣкомъ. Странность встрѣчи, сходство положеній, и какое-то безотчетное сочувствіе такъ говорили мнѣ въ его пользу, что я не могла отказать его просьбѣ. По окончаніи спектакля, онъ предложилъ мнѣ довезти меня въ своей каретѣ; это подкрѣпило меня въ хорошемъ мнѣніи о немъ; у кого своя карета, тотъ долженъ быть порядочнымъ человѣкомъ. Однако-же я не приняла его предложенія.

Онъ обѣщалъ явиться ко мнѣ съ визитомъ на слѣдующій день, но пріѣхалъ только на третій день, весь въ черномъ, блѣдный, какъ полотно, словно мертвецъ изъ гробу, и засталъ меня въ слезахъ. Я только что передъ нимъ получила письмо, содержавшее горестное извѣстіе о смерти моей лучшей подруги, Жозефины Майеръ, на островѣ Гваделунѣ.

— Боже мой, воскликнулъ онъ, входя въ комнату: это уже не похоже на скуку; это просто горе!

— Дѣйствительно горе, отвѣчала я: я оплакиваю прекрасную молодую женщину, которой я много обязана, которая подала мнѣ руку помощи въ бѣдствіи. Какъ не почтить хоть слезою память любившихъ насъ и кого мы сами любили!

— У васъ чувствительное сердце; это по моему, драгоцѣнное свойство.

— Бѣдная Жозефина! изъ этаго письма я узнала, что сердце побудило ее предпринять это горестное путешествіе; она не хотѣла разстаться съ предметомъ своей любви и погибла во время переѣзда.

Я плакала на взрыдъ; въ глазахъ моего собесѣдника также блистали слезы.

— Вашего горя, сказалъ онъ, было бы достаточно, чтобы заставить меня плакать; но и у меня самого есть горе, о которомъ я хотѣлъ побесѣдовать съ вами, потому что говорить о своемъ горѣ есть уже нѣкоторое утѣшеніе. Одинъ добрый пріятель мой убитъ на дуэли; вчера получилъ я о томъ извѣщеніе!... Бѣдный Сенъ-Марселенъ! такой благородный молодой человѣкъ; и только двадцати-семи лѣтъ! Вчера, у отца его, г. Фонтана, былъ балъ, въ то самое время какъ внесли къ нему умирающаго сына. Сенъ-Марселенъ, авторъ нѣсколькихъ остроумныхъ пьесъ, храбрый и умный офицеръ, соеди-

пялъ съ прекраснымъ сердцемъ, чрезвычайно горячую голову; онъ имѣлъ не одну дуэль; послѣдняя была съ старымъ его товарищемъ, Файо, съ которымъ онъ не сходился въ политическихъ мнѣніяхъ; поводомъ было то, что онъ забылъ или не хотѣлъ отвѣчать на поклонъ. Когда несчастнаго положили на постель, вошла какая-то дама въ бѣломъ платьѣ, завѣшенная вуалемъ, подошла къ умирающему, приняла его послѣдній вздохъ и скрылась. Я не могъ быть у васъ вчера, какъ обѣщалъ, потому что былъ на похоронахъ. Нынче утромъ я отправился съ нѣсколькими пріятелями на могилу проститься съ умершимъ другомъ, и, что вы думаете, прежде всего поразило насъ? Таже молодая женщина лежала на могилѣ, мертвая!

Подъ вліяніемъ такихъ происшествій бесѣда моя съ новымъ моимъ знакомымъ не могла быть очень весела. Мы долго хранили тягостное молчаніе; черезъ часъ, гость мой сказалъ: «Я было забылъ, что вы еще не знаете, кто навязался на ваше знакомство!..» Онъ всталъ, положилъ на каминъ визитную карточку, грустно поклонился, и вышелъ. Мнѣ очень любопытно было узнать, кто такой этотъ молодой человѣкъ, по наружности и пріемамъ котораго можно было заключить, что онъ принадлежалъ къ лутшему обществу. Я взглянула на карточку и увидѣла, что не ошибалась въ своихъ догадкахъ.

Моя чувствительность, по видимому, произвела выгодное впечатлѣніе на Феликса ***; я, съ своей стороны, имѣла о немъ самое хорошее мнѣніе. Одиночество мое должно было кончиться; сердца наши понимали другъ друга и можетъ быть...

Я нѣсколько дней чувствовала себя нездоровою, и взяла на короткое время отпускъ для поправленія здоровья. Тутъ навѣстилъ меня Тьерсленъ. Къ крайнему изумленію, старый брюзга былъ чрезвычайно веселъ.

— Здравствуй, Флора, сказалъ онъ: ты была больна! Что жъ лучше тебѣ? — Не многко лучше. — Судя по лицу, должно быть лучше. Тебя уже нѣсколько дней не видать въ театрѣ; я принесъ тебѣ двѣ вѣсточки.

— Вѣрно хорошія? спросила я.

— Очень хорошія; во первыхъ, есть для тебя хорошая роль. Я сейчасъ завтракалъ у Лемарделэ съ Дюмерсаномъ и Бразье; они читали мнѣ новую пьесу!... Ручаюсь, что пойдетъ.— Чудесное названіе! *Перекрестокъ*. Для меня будетъ славная карикатура... Увидишь, такая, что самому Карлу Верне не придумать лучше! уличный переплетчикъ соломенныхъ стульевъ, безногій, кляузникъ, сплетникъ! мнѣ кажется, будто я его уже

играю. — Тебѣ роль савоярки; добрая дѣвка прямо изъ деревни. Я выучу тебя говорить саворскимъ нарѣчіемъ; ты знаешь, что я въ немъ кой-что маракую.

— Спасибо Тьерслень. Ну, а другая вѣсть.

— Потье сходитъ съ нашего театра; онъ ангажированъ у Сенъ-Мартенскихъ воротъ. Этотъ франтъ воображаетъ, пожалуй, что безъ него на театрѣ Разнообразія и смѣяться не будутъ! Вздоръ! смѣялись до него, будутъ смѣяться и послѣ него. На что же я? на что Брюне, ты и всѣ другіе?

Я не хотѣла показать этого при Тьерсленѣ, но мнѣ очень жаль было, что Потье лишалъ нашъ театръ своего прекраснаго таланта и переносилъ его на другую сцену.

— Это еще не все, продолжалъ Тьерслень, новый актеръ дебютируетъ у насъ въ амплуа Потье, то есть, новый для нашего театра. Онъ съ прежняго театра юныхъ артистовъ, нѣкто Лепантръ, и пользуется нѣкоторою славою въ провинціи; говорятъ, что при немъ не станутъ жалѣть о долговязомъ.

Потье оставилъ театръ Разнообразія изъ-за денежныхъ разногласій. Онъ дебютировалъ у Сен-Мартенскихъ воротъ въ водевилѣ *Чудаки въ Кофейнѣ*; потомъ онъ игралъ въ портномъ *Жанъ-Жака Руссо*, въ *Свадьбѣ Буассека*; но верхомъ его славы былъ *Сардамскій бургомистръ*, въ которомъ онъ представилъ образецъ самонадѣянной глупости.

Въ это время былъ потребованъ спектакль для королевскаго двора, обитавшаго въ Сен-Клу. Я играла нѣкогда передъ Наполеономъ, судьба опредѣлила мнѣ играть и передъ Людовикомъ XVIII. Такъ какъ Потье уже не принадлежалъ къ нашей труппѣ, а король желалъ видѣть его, то спектакль былъ составленъ изъ двухъ пьесъ нашего репертуара, и одной пьесы театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ; мы встрѣтились тутъ съ своимъ отступникомъ.

Изъ репертуара Разнообразія взяли водевиль *Дуэль и Застракъ*, Армана Гуффе и Леду, въ которомъ Боскье-Гаводанъ и Лепентръ дѣлали чудеса. Эту пьесу выбрали потому, что героями ея были Дезессаръ и Дюгазонъ, актеры Французскаго театра, котораго Людовикъ XVIII былъ страстнымъ обожателемъ; отчасти же и за тѣмъ, чтобы показать королю, что у насъ были актеры, способные играть не одни фарсы. Тьерслень очень насмѣшилъ короля въ *Сборѣ Винограда*, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ умрителенъ, когда, изогнувшись въ дугу, и поглядывая на свои кривыя ноги, говорилъ: «C'est si beau, un bel homme! любо смотрѣть на статнаго молодца!» Я

взяла небольшую роль Бастьяны, которую обыкновенно играла моя товарка Луиза; мы хотѣли, чтобы вся пьеса была обставлена первыми сюжетами труппы. Его величество изволилъ очень милостиво навести на меня лорнетъ.

Въ антрактѣ, я спросила Потье, что онъ будетъ играть?

— Пьесу, которой никто еще не видалъ, отвѣчалъ онъ.

— Это какъ! новую пьесу?

— Новую; его величество увидитъ ее первый. Вотъ какъ это случилось. Я уже нѣсколько дней репетировалъ *Доктора Хину*, новую пьесу Габріеля; когда министръ двора объявилъ намъ о представленіи при дворѣ, я предложилъ ему *Доктора Хину*, какъ презабавный фарсъ, присоединивъ къ тому, что королю вѣроятно будетъ пріятно, чтобы ему дали неигранную еще пьесу; съ этимъ министръ вполнѣ согласился и вотъ я угощу дворъ *Докторомъ Хиною*.

Пьеса дѣйствительно была съиграна къ великому удовольствію короля.

Въ Сен-Клу, какъ и въ Парижѣ, Феликсъ не выходилъ у меня изъ памяти; наконецъ онъ сдѣлалъ мнѣ третій визитъ. Я была въ этотъ день очень весела. Дирекція театра Разнообразія, наконецъ, признала, что я имѣю вѣсъ въ публикѣ и что меня можно поставить въ ряду первыхъ сюжетовъ; вслѣдствіе чего мнѣ было назначено порядочное жалованье, съ которымъ я могла уже жить безъ нужды и даже съ нѣкоторою роскошью, не прибѣгая къ помощи постороннихъ. Больно жить на чужой счетъ, и какъ ни благородны, какъ ни великодушны тѣ, отъ кого мы получаемъ средства существованія, эта зависимость тѣмъ не менѣе ужасно тягостна. Когда можно сказать себѣ: «когда вздумается, буду свободна», только тогда можно охотно наложить на себя оковы.

И такъ Феликсъ засталъ меня въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа, и слѣдовательно чрезвычайно любезною; самъ онъ былъ также очень хорошо настроенъ. Видя другъ друга въ такомъ различномъ состояніи противъ того, что мы были при прежнихъ своихъ свиданіяхъ, мы взглянули другъ на друга съ изумленіемъ и невольно оба разомъ разхохотались.

— Чему же вы такъ смѣетесь? спросилъ онъ меня, когда мы оба успокоились.

— Мнѣ смѣшно видѣть васъ такимъ веселымъ; я этого отъ васъ никакъ не ожидала. Ну, а вы чему смѣетесь?

— Я смѣюсь, потому что вы смѣетесь.

— И только? — за тѣмъ я разсказала ему, что участь моя обезпечена, что я получаю хорошее жалованье, и что за нимъ послѣдуютъ и хорошія роли.

— И я нахожусь въ такомъ же точно положеніи; мнѣ неожиданно досталось наслѣдство послѣ какаго-то старика дяди, котораго я едва зналъ по имени. Мнѣ кажется радостное событіе никогда не является одно; по этому и за этою радостью должна непремѣнно слѣдовать другая радость.

Слово за слово, скоро дошло до объясненія. Феликсъ сказалъ, что онъ находилъ много сходства между нашими характерами, и что, желая бросить свою одинокую жизнь, онъ счелъ бы за счастіе имѣть подлѣ себя особу, которая дѣлила бы его понятія, его чувства и приняла его образъ жизни. Я отвѣчала ему, что сосѣдство его будетъ мнѣ очень пріятно, и что, какъ я намѣрена нанять другую квартиру, болѣе соотвѣтствующую моему настоящему положенію, то я охотно наняла бы ее возлѣ него.

— Кстати, сказалъ онъ, я только что нанялъ прехорошенькую квартиру въ Монъ-Бланской улицѣ, въ первомъ этажѣ; объ дверь съ нею есть другая квартира; чтобы вамъ взять ее?

Я люблю всякое дѣло дѣлать живо и скоро, не откладывая до завтра. Люди часто теряютъ драгоцѣнное время на размышленія и все для того, чтобы слѣлать глупость; по моему, дѣлать глупости, такъ ужъ дѣлать ихъ безъ размышленія; покрайней мѣрѣ, не потеряешь понапрасну времени. Я накинула шаль, надѣла шляпу, и мы отправились немедленно смотрѣть квартиру; она была въ концѣ довольно длиннаго двора, огражденнаго со стороны улицы прекрасною рѣшеткою. Такъ какъ домъ принадлежалъ скульптору, то дворъ былъ уставленъ статуями и походилъ на музей. Войди въ ворота, прежде всего представилась намъ мраморная Флора, очень не дурной работы.

— Еще бы вамъ не жить въ этомъ домѣ! сказалъ Феликсъ; вотъ вамъ и вывѣска, статуя Флоры.

— Пожалуй, отвѣчала я; а противъ Флоры ужъ не вы ли? Зефиры обманчивы и не постоянны.

— Отъ васъ будетъ зависѣть, возразилъ Феликсъ съ любезностью: отрѣзать Зефиру крылья и приковать его къ мѣсту.

— Будетъ, однако-же, миѳологическихъ разсужденій, пойдемте лучше смотрѣть квартиры.

Квартиры были очень удобно расположены, и отдѣланы съ большимъ вкусомъ; я наняла ту, которая была поменьше. Сосѣдство учредило между нами короткость сношеній и дружбу, которыя упрочивались по мѣрѣ того, какъ мы лучше узнавали другъ друга, и я могла оцѣнить рѣдкія качества Феликса. Удивительная ровность нрава, благородство, довѣрчивость выкупали въ немъ недостатокъ живости ума. Не то, чтобы умъ его былъ ограниченъ; но въ характерѣ его было какое-то простодушіе, какая-то наивность, которой слѣдствіемъ была слобость воли, и готовность подчиниться постороннему вліянію. Я это скоро замѣтила и поняла, что этого человѣка слѣдовало покорить себѣ, удалить отъ него людей, способныхъ употребить во зло его простодушіе и занять его такъ, чтобы онъ не увлекался новыми впечатлѣніями. Богатство его должно было приманить къ нему цѣлый рой такихъ существъ, которые объ одномъ только и думаютъ, какъ бы пожить на чужой счетъ; чтобы предостеречь его отъ этого, я сама составила ему общество, которое не могло быть опаснымъ ни его выгодамъ, ни моему счастью. Мои обстоятельства позволяли мнѣ жить открыто, принимать свѣтскихъ людей, литераторовъ, артистовъ, нѣкоторыхъ изъ авторовъ, писавшихъ для нашего театра, и тѣхъ изъ моихъ товарищей, которыхъ можно было допустить въ бесѣду, не исключавшую изъ своей среды умной и непринужденной веселости. Лучшее средство привязать человѣка къ своему дому—это сдѣлать ему домъ пріятнымъ.

Я устроила вечеринки, которыя разнообразились попеременно бесѣдою, музыкою и танцами. Мы условились также давать по обѣду или по два въ недѣлю; но только по приглашенію, чтобы не имѣть у себя людей, которые сами навязываются. Драматическія шарады были въ это время еще въ модѣ, хотя мода на нихъ уже клонилась къ упадку и начинала смѣняться пословицами; я устроила у себя домашній театръ, на которомъ всѣхъ болѣе блистала, разумѣется, я сама. Все это, если хотите, женская политика: но политика самая невинная, которую я даже рекомендую всѣмъ женамъ, если онѣ желаютъ, чтобы мужья ихъ, находя удовольствіе въ своемъ семействѣ, не искали его внѣ дома.

Но пора намъ, любезные читатели, возвратиться къ театру, который мы уже давно выпустили изъ виду.

Одно событіе въ театральномъ мірѣ нарушило и мой покой, и покой директоровъ, и всѣхъ артистовъ театра Разнообразія; это было открытіе театра, который брался и за нашъ репер-

туаръ и за водевильный. Въ сосѣдствѣ нашемъ учреждался театръ Драматической Гимназіи, а какъ публика вообще падка на все новое, то мы и могли опасаться, чтобы онъ не отбилъ у насъ нашихъ посѣтителей. Онъ былъ подъ покровительствомъ герцогини Беррійской. Гонтье и очаровательная г-жа Перренъ оставили первое поприще своихъ успѣховъ, и перешли къ Пуарсону, у котораго они нашли сильныхъ помощниковъ въ Перлеѣ, Бернарѣ-Леонѣ. Скрибъ сталъ главнымъ поставщикомъ Гимназіи. Новый театръ открылъ свою дѣятельность со славою и съ торжествомъ; но нисколько не повредилъ нашему. Мы удвоили свои старанія, усилили жаръ, и нашъ скоромный репертуаръ со славою выдержалъ состязаніе. Верне, игравшій дотолѣ только влюбленныхъ, оставилъ это амплуа и посвятилъ себя исключительно комическому роду, въ которомъ впослѣдствіи составилъ себѣ такое громкое имя.

Верне началъ свое драматическое поприще еще ребенкомъ, на театрѣ малолѣтнихъ актеровъ, у Капуцынскаго саду. На нашемъ театрѣ онъ былъ съ 1808 года. Въ первый разъ показалъ онъ свой комическій талантъ въ чудесной каррикатурѣ, которая тѣмъ болѣе всѣхъ изумила, что никто ея не ожидалъ. Это было въ довольно хорошенькой пьесѣ Дюмолара и Костера: *Уловки.* Въ ней есть сцена, въ которой призываютъ музыкантовъ на балъ. Верне, не предупредивъ ни авторовъ, ни своихъ товарищей, изуродовался, навязалъ себѣ горбъ, искривилъ ноги, сталъ заикаться; его узнали только на сценѣ, когда хохотъ всей залы и неистовыя рукоплесканія доказали ему, что онъ не ошибся въ расчетѣ.

Около этого же времени сталъ выказываться у насъ комикъ, который нынче — краеугольный камень театра Водевиля, именно Арналь. Я уже говорила гдѣ-то, что онъ въ самыхъ еще молодыхъ лѣтахъ отличался на домашнихъ театрахъ. Но кто бы подумалъ, что призваніе актера всегда бываетъ сначала такъ неопредѣленно, что почти всѣ лучшіе комики начинаютъ съ трагедіи. Арналь дебютировалъ въ роли Митридата. Я была въ этотъ день въ театрѣ, потому что хотѣла видѣть молодую актрису, игравшую Мониму. Въ сосѣдней ложѣ былъ Лафокъ, актеръ Французскаго театра; Дойенъ пригласилъ его посмотрѣть молодаго трагика, подававшаго большія надежды. Лафонъ узналъ меня, поклонился и мы стали разговаривать о представленіи и объ актерахъ.

Арналь—*Митридатъ* показался намъ вовсе не трагическимъ

лицомъ: и дикція, и физіономія его изобличали уже комика. За то, въ большой сценѣ, когда Монима говоритъ Митридату:

Seigneur, vous changez de visage.
(Государь, вы мѣняетесь въ лицѣ.)

— Тѣмъ лучше, подхватилъ Лафонъ, пускай мѣняется! если только не хочетъ сохранить физіономіи Жокриса.

Не безъ удивленія увидѣла я, нѣсколько дней спустя, Митридата на нашемъ театрѣ; онъ скромно ангажировался на послѣднія роли. Онъ былъ чрезвычайно робокъ и не развязенъ. Однако-же, Бразье, которому онъ былъ рекомендованъ, далъ ему довольно значительную роль слуги въ своей пьесѣ *Мосьё Гошеньвиль*; къ-несчастью, пьеса эта упала. Потомъ Арналь подцѣпилъ небольшую роль въ *Альфредѣ и Фелиси*, Габріеля и Мевиля. Пьеса имѣла успѣхъ и Арналь могъ въ ней приучить къ себѣ публику и самъ выучиться ходить по сценѣ.

Два года никто не замѣчалъ Арналя, пока онъ не явился въ ролѣ Жерома въ *Перекресткѣ*, по болѣзни Леграна, а потомъ, Брюне, всегда готовый дать ходъ молодымъ актерамъ, въ которыхъ замѣчалъ дарованіе, уступилъ ему свою роль въ *Гремучемъ деревѣ*. Но чтобы обратить на себя вниманіе публики, недостаточно играть за другаго, хотя бы и хорошую роль; надо создать свою. Скоро и въ этомъ насталъ чередъ Арналя, и онъ вполнѣ вознаградилъ себя за прежнее время!

Арналь получалъ въ то время на театрѣ Разнообразія тысячу восемьсотъ франковъ жалованья. Теперь же онъ получаетъ въ годъ до пятидесяти тысячъ франковъ; это не послѣдняя изъ выкинутыхъ имъ штукъ!

—

ГЛАВА XXII.

Нашъ театръ сдѣлалъ вскорѣ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ лицѣ прелестной Женни Верпре, бывшей впослѣдствіи г-жею Кармушъ; не смотря на свою молодость и крошечный ростъ, она уже стяжала колоссальную славу на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, *Сорокою — Воровкою*. Еще въ дѣтствѣ она играла маленькихъ дѣвочекъ на театрѣ Водевиля. Дебютъ ея на нашемъ театрѣ былъ необыкновенно блистателенъ, и не мало возбудилъ зависть Полины, которая давно уже была царицею на театрѣ Разнообразія. Когда Женни Верпре сыграла *Ужи-*

цу и Кокетку, Искательницу ума и *Неуберегенную невѣсту*, Полина сочла себя рѣшительно сверженною съ престола и болѣе году не рѣшалась показываться въ новыхъ роляхъ.

Но говоря о чужихъ торжествахъ, я забываю о своихъ. Къ этому времени принадлежатъ двѣ изъ самыхъ удачныхъ моихъ ролей: Викторіи, въ *Кухаркахъ*, и Madame Fraiche-mar*ée*, въ *Рыбной торговкѣ*.

Вотъ я, послѣ Женни Верпре, любимая актриса нашей публики; пою въ *кухаркахъ*:

Grenadier, que tu m'affliges, Смущаетъ вѣсть разлуки
En m'apprenant, ton départ. Мнѣ сердце, гренадеръ.

Я же, пожалуй и поэтъ; ибо сказать правду, я сама сложила эту пѣсенку, и отдала ее авторамъ пьесы; я же продиктовала и напѣвъ нашему капельмейстеру Бланшару, и говорили въ то время, что я же прославила ее своимъ исполненіемъ.

Стало быть, вотъ и Флора, въ свою очередь, первая актриса, и весь Парижъ сбѣгается смотрѣть ее, обожатели толпятся вокругъ нея, любовныя записки сыплются на нее со всѣхъ сторонъ.

Стыдитесь, господа! Потому-что актриса вамъ полюбилась, вы воображаете, что и вы должны ей полюбиться. Или вы считаете театръ сералью, куда вамъ стоитъ только бросить платокъ. Потому что актриса, играя хорошенькую проказницу, поетъ:

C'est l'amour, l'amour, l'amour,
Qui fait le monde
A la ronde,
Et chaque jour, à son tour,
Le monde fait l'amour.

такъ вы и вообразили, что она должна напѣвать эту пѣсенку для всѣхъ и каждаго.

Это слишкомъ обыкновенное ложное понятіе подало поводъ къ слѣдующему приключенію: возвращаясь однажды вечеромъ домой, я зову свою горничную; вмѣсто ея является кухарка и говоритъ, что горничная ушла въ гости обѣдать, и еще не возвращалась. Мнѣ стало досадно; я пріѣхала изъ театра, и устала до смерти; однако-же, дѣлать было нечего; я раздѣлась съ помощью кухарки, и легла, собираясь на слѣдующее утро порядкомъ побранить виновную.

Проснувшись, звоню въ колокольчикъ; является опять ку-

харка и говоритъ, что Юлія еще не приходила домой. Я наканунѣ заплатила ей жалованье, и заключила, что ей вздумалось отъ меня отойти; мнѣ только казалось страннымъ, зачѣмъ она ни слова мнѣ о томъ не сказала. Иду въ ея комнату: всѣ ея вещи вынесены.

Въ туже минуту доложили мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то господинъ. Я вхожу въ пріемную, незнакомецъ кланяется мнѣ довольно нецеремонно.

— Что доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ у себя? спросила я.

— Вы вѣроятно сами догадываетесь, отвѣчалъ онъ съ двусмысленною улыбкою.

— Нисколько.

— Я приходилъ вчера, когда васъ небыло дома.

— Мнѣ ничего не говорили.

— Я пришелъ за отвѣтомъ.

— За какимъ отвѣтомъ, на что?

— На то, что я имѣлъ честь оставить для врученья вамъ.

— Я ничего не получала.

— Однако-же, я отдалъ вашей горничной.

— Я со вчерашняго утра не видала своей горничной.

— Прикажите позвать ее.

— Я не знаю, куда она дѣвалась.

— Такими вещами не шутять, сударыня, сказалъ онъ, взявъ меня за руку.

Я отдернула руку. Но я ничего не получала; скажите же мнѣ, что такое вы оставили мнѣ; записка, что-ли, и о чемъ? Если любовное объясненіе, то увѣряю васъ, что вы напрасно трудились и прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

Тутъ незнакомецъ заговорилъ дерзкимъ голосомъ: если вы, сударыня, не согласны на мое требованіе, то возвратите то, что получили.

— Да, скажите же, ради Бога, что я должна вамъ возвратить?

— Билетъ въ тысячу франковъ.

Эти слова такъ изумили и взбѣсили меня, что я закричала: Вонъ, сударь, сію же минуту вонъ отсюда!...

Вотъ вамъ разгадка этого происшествія. Этотъ господинъ приходилъ ко мнѣ наканунѣ, говоря, что желаетъ поговорить со мною о важномъ дѣлѣ. Горничная спросила, не можетъ ли онъ сообщить ей этого дѣла, чтобы передать мнѣ по возвращеньи; онъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, далъ ей тысячу франковъ и сказалъ, что зайдетъ на слѣдующій

день за отвѣтомъ. Горничная заблаговременно разсудила взять деньги себѣ и скрыться съ ними, а онъ хотѣлъ, чтобы я за нихъ отвѣчала. Не входя въ подробности этой сцены, скажу только, что потерявъ всякую надежду его образумить, я принуждена была... вытолкать его за дверь.

Филиксъ въ это время всходилъ по лѣстницѣ; выталканный сластолюбецъ, въ бѣшенствѣ, грубо толкнулъ его.

— Нельзя ли быть поосторожнѣе, сказалъ Феликсъ, и смотрѣть, куда идете?

— Чтожъ вы сами не смотрите?

— Вы меня чуть съ ногъ не сшибли.

— Если вамъ это не по душѣ, очень жаль.

— Когда порядочный человѣкъ по неосторожности сдѣлаетъ невѣжливость, то извиняется.

— Я только принимаю извиненія, а самъ не извиняюсь.

— А я имѣю обыкновеніе проучать тѣхъ, кто говоритъ мнѣ дерзости.

— Вы, сударь, не въ духѣ, и я также; я только что думалъ, на комъ бы мнѣ выместить досаду; пожалуй, хоть на васъ, если угодно.

— Что это значитъ сударь—вызовъ?

— Это значитъ, что мнѣ хочется кому нибудь обрубить уши; вамъ-ли, что другому-ли, все равно.

— Но я васъ не знаю.

— Вотъ вамъ моя карточка.

И незнакомецъ, не ожидая отвѣта, стрѣлою пустился съ лѣстницы.

Я стояла за дверью и слышала весь разговоръ; отворила дверь, чтобы объяснить въ чемъ дѣло, но незнакомецъ уже пропалъ изъ виду.

— Феликсъ, воскликнула я: не ужели ты пойдешь?

— Какъ же не идти?

— Помилуй! изъ одного пустаго слова! и я буду причиною дуэли?

— Чтожъ дѣлать? я не хочу прослыть за труса.

— Нѣтъ, я до этого не допущу! ты долженъ сначала узнать, въ чемъ дѣло; это одно недоразумѣніе.

Я разсказала ему все случившееся; но это не только не успокоило, но еще болѣе взбѣсило его.

— Какъ! какой нибудь мерзавецъ придетъ къ тебѣ и будетъ тебя оскорблять, а ты хочешь, чтобы я смотрѣлъ на это равнодушно? Нѣтъ, проучу этого негодяя!

Чего я ни говорила, чтобы успокоить Феликса; но онъ не хотѣлъ ничего слушать.

— Онъ далъ мнѣ свой адресъ, говорилъ онъ: завтра же пошлю къ нему кого нибудь изъ своихъ друзей рѣшить условія свиданія.

Я ушла въ свою комнату, въ отчаяніи. Между тѣмъ пришелъ одинъ изъ друзей Феликса, молодой литераторъ. Феликсъ разсказалъ ему все дѣло и просилъ его устроить все, какъ слѣдуетъ; онъ взялъ карточку противника и прочелъ на ней Эдуардъ П..., въ гостинницѣ Gaillard-Bois, на улицѣ de l'Echelle.

— А, противникъ нашъ пріѣзжій, сказалъ онъ: живетъ въ гостинницѣ! Все равно; завтра, рано утромъ, отправлюсь къ нему и узнаю, такой ли это человѣкъ, что можно съ нимъ драться, не оскорбляя собственнаго достоинства.

Я провела ночь въ жестокомъ безпокойствѣ. Феликсъ былъ такъ же спокоенъ и хладнокровенъ, какъ всегда; никогда не видывала я болѣе флегматическаго характера. На слѣдующій день, онъ пришелъ ко мнѣ рано утромъ, и сказалъ:

— Милая Флора, не бойся ничего; рука у меня вѣрна и я порядочно владѣю шпагою и пистолетомъ.

Въ то же время явился его секундантъ; онъ, казалось, былъ разстроенъ.

— Вотъ такъ удружилъ, пріятель, сказалъ онъ.

— Что такое?

— Отправился я сегодня въ гостинницу, спрашиваю Эдуарда П...

— И что же?

— Изволилъ вчера вечеромъ сѣсть въ Ліонскій дилижансъ, и теперь вѣроятно проскакалъ уже двадцать пять миль отъ Парижа.

Я вздохнула свободнѣе.

— Какъ ты думаешь, спросилъ Феликсъ своего секунданта: долженъ я ѣхать за нимъ въ Ліонъ?

— Кажется, не зачѣмъ.

— Мнѣ тоже кажется, сказалъ Феликсъ.

Мы позавтракали гораздо веселѣе, чѣмъ я ожидала. Пока мы сидѣли за столомъ, мнѣ доложили, что кто-то желаетъ со мною видѣться; опять незнакомый человѣкъ! Я не смѣла принять его, но Феликсъ велѣлъ его впустить; я попросила Феликса и его пріятеля не уходить изъ комнаты. Вошелъ человѣкъ, довольно порядочной наружности, хотя очевидно изъ

простаго званія; очень вѣжливо раскланялся и спросилъ меня, можетъ ли объясниться при моихъ гостяхъ.

— Сколько вамъ угодно, отвѣчала я: эти господа мои пріятели.

— Я пришелъ просить васъ, сударыня, удостоить меня вашего довѣрія.

— Въ чемъ?

— Мнѣ не стать хвалить себя самаго; но могу увѣрить васъ, сударыня, что вы не можете отдать себя въ *лучшія руки*.

— Я не понимаю, чего вамъ угодно.

— Я уже имѣю честь служить многимъ особамъ и счелъ бы за честь имѣть васъ въ числѣ своихъ клiентовъ.

— Да кто же вы, сударь?

— Я сначала занимался своимъ ремесломъ у лучшихъ мастеровъ, и смѣю увѣрить, что теперь самъ умѣю вести дѣло; могу ручаться, что у меня все будетъ исполнено въ совершенствѣ. Я уже не разъ доказалъ свое искуство; нѣсколько лѣтъ я уже смѣюсь для г. Дезожье, и плачу для г. Бульи.

— Смѣетесь, плачете?

— Такъ точно; это верхъ нашего мастерства. Встарину ограничивались однимъ хлопаніемъ; теперь искусство подвинулось далеко впередъ; нынче употребляютъ и смѣхъ и слезы. Вы изволите играть комическія роли; предлагаю къ вашимъ услугамъ всю свою артель *смѣялыщиковъ*; вы мнѣ дадите только небольшое число билетовъ; я присоединю къ нимъ билеты, которые получаю отъ вашихъ товарищей; такимъ образомъ, ваши четыре билета будутъ всегда имѣть силу двѣнадцати.

Это предложеніе показалось мнѣ довольно забавнымъ. Признаюсь, я еще никогда не прибѣгала къ этому средству, я полагалась на одобреніе публики; и довольствовалась имъ; оно мнѣ было лестно. Я сказала это вождю клакеровъ; онъ отвѣчалъ:

— Вы недавно только стали въ первый разрядъ артистокъ, и вѣроятно потому только, что не умѣли *взбивать* себѣ успѣховъ. Но съ вашимъ талантомъ, вамъ пора имѣть *встрѣчи*. — Недавно, продолжалъ онъ, мы имѣли несчастіе лишиться своего предводителя, весьма искуснаго и препочтеннаго человѣка, который успѣлъ своимъ ремесломъ нажить три дома въ Парижѣ. Вы вѣроятно знавали покойнаго Сотона; онъ былъ прежде брильянтщикомъ въ Тампльскомъ предмѣстьи; ему обязано

наше ремесло своимъ усовершенствованіемъ. Я его ученикъ и надѣюсь со временемъ быть преемникомъ его славы.

Я поблагодарила клакера за его готовность служить мнѣ и отпустила его, обѣщавъ подумать о его предложеніи. Когда онъ вышелъ, пріятель Феликса сказалъ:

— Я нечаянно попалъ на похороны этого Сотона; на нихъ случилось презабавное приключеніе. Похороны его были чрезвычайно пышны; когда покойника привезли на кадбище, на гробъ его положили знаки масонскаго общества, къ которому онъ принадлежалъ и въ которомъ занималъ довольно высокую степень: красную ленту, алмазные и финифтяные кресты и звѣзды; все это горѣло на солнцѣ. Въ то же время хоронили какого-то пера Франціи; но за гробомъ Сотона шло гораздо болѣе народу, чѣмъ за гробомъ пера; тутъ были всѣ Парижскіе клакеры и многіе члены братства покойника. Значительный человѣкъ, который долженъ былъ произнести прощальную рѣчь на могилѣ пера, немного опоздалъ, и, видя столько орденовъ на гробѣ Сотона, и за нимъ такое множество народа, пошелъ за нимъ; когда гробъ принесли къ могилѣ, онъ далъ знакъ, что намѣренъ произнести рѣчь; толпа умолкла и окружила его. Въ надгробномъ словѣ своемъ онъ перечелъ всѣ общественныя и семейныя добродѣтели покойника, его великія политическія дарованія, его подвиги на благо общее; говорилъ о *театрѣ* его славы, о громовыхъ *рукоплесканіяхъ*, которыя вызывало одно его имя. Клакеры были внѣ себя отъ восторга. Между тѣмъ, родственники умершаго пера съ нетерпѣніемъ ждали оратора, котораго, вѣроятно, наняли за деньги; наконецъ одинъ изъ нихъ увидѣлъ его на могилѣ Сотона, подошелъ и, услышавъ нѣсколько словъ, понялъ ошибку. Ораторъ заключалъ свое надгробное слово тѣмъ, что «Франція внесетъ имя великаго мужа въ скрижали благодарности; что прахъ его покоился бы въ Пантеонѣ, если-бы это зданіе не получило другаго назначенія; наконецъ, что онъ останется въ памяти потомства знаменитѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ перовъ.» При этомъ словѣ, которое клакеры растолковали по своему, отцомъ (paiг, père), дѣти Сотона прослезились отъ умиленія. «Помилуйте, что вы дѣлаете, сказалъ родственникъ пера, взявъ оратора подъ руку, и уводя его; вѣдь вы прочли свое надгробное слово на могилѣ начальника клакеровъ театра Разнообразія.»

— «Такъ что-же! возразилъ ораторъ; развѣ она не произ-

вела эфекту? и посмотрите, какой еще произведетъ эфектъ тамъ!»

Пріятель Феликса остался у насъ, и мы провели весь день вмѣстѣ; о дуэли уже не было и помина.

Положеніе мое, съ нѣкоторыхъ поръ, было чрезвычайно пріятно; мнѣ аплодировали на театрѣ, я получала хорошее жалованье, жила среди очаровательнаго общества, съ каждымъ днемъ открывала новыя достоинства въ человѣкѣ, съ которымъ свела меня судьба. Такъ прошелъ цѣлый годъ, и ничто не нарушало моего счастія; однако-же я начала замѣчать, что Феликсъ былъ печаленъ и задумчивъ; нравъ его, дотолѣ столь кроткій, сталъ неровенъ; я не знала, чему приписать эту перемѣну; удвоила свои старанія угождать ему; поведеніе мое не могло подать ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Ревность ли терзала его, или связь наша была ему уже въ тягость? Мужчины такъ причудливы, что непостоянная, легкомысленная женщина, прибѣгающая ко всѣмъ ухищреніямъ кокетства, скорѣе прикуетъ ихъ, чѣмъ кроткая, добрая, искренняя подруга. Мнѣ хотѣлось бы хоть кокетствомъ поддержать угасавшую, по видимому, любовь Феликса; но я не могла; это было не въ моемъ характерѣ. Грусть его усиливалась со дня на день и начала меня сильно безпокоить. Я такъ приставала къ нему съ распросами, что онъ, наконецъ, рѣшился открыть мнѣ причину своей печали.

— Милая Флора, сказалъ онъ: я сдѣлалъ ужасную глупость. Состояніе мое было такъ хорошо, что я долженъ бы имъ довольствоваться; но я хотѣлъ еще увеличить свое богатство, и имѣлъ несчастіе пустить свои капиталы въ рискованную спекуляцію. На дняхъ узналъ я, что человѣкъ, которому я довѣрился, одинъ изъ тѣхъ ловкихъ мошенниковъ, которыхъ, къ несчастію, такъ много. Онъ объявилъ себя банкротомъ на огромную сумму и бѣжалъ въ Брюссель. Я лишился всего своего состоянія!

Не скажу, чтобы я была совершенно равнодушна къ этому извѣстію; однако же, оно не такъ огорчило меня, какъ бы огорчилъ меня Феликсъ, сказавъ, что разлюбилъ меня. Я привязалась къ нему, какъ только можно привязаться къ человѣку, который всю свою жизнь посвящаетъ нашему счастію; я не только была ему благодарна за все, что онъ для меня сдѣлалъ, но, сверхъ того, благородныя свойства его души заставляли меня смотрѣть на него, какъ на друга; а другъ есть рѣдкій кладъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

— Ты разоренъ, сказала я: совершенно разоренъ?

— Съ тѣмъ, что у меня остается, я уже не могу занимать въ свѣтѣ мѣсто, къ которому я привыкъ.

— Неужели ты думаешь, сказала я, что твое несчастіе можетъ имѣть вліяніе на мои чувства къ тебѣ? неужели ты причисляешь меня къ тѣмъ женщинамъ, которыя привязываются къ человѣку изъ одной корысти? я раздѣлила твое счастье, раздѣлю и твое горе; буду твоею утѣшительницею и докажу тебѣ, что люблю тебя, ради тебя самого.

— Я въ этомъ никогда не сомнѣвался, отвѣчалъ Феликсъ.

— Съ моимъ жалованьемъ и съ тѣмъ, что у тебя еще остается, мы можемъ жить безъ нуждъ и безъ заботъ. Ты узнаешь своихъ истинныхъ друзей. Вспомни, прибавила я, смѣясь, мудрое изрѣченіе Каде-Русселя; ты видалъ меня въ этой пьесѣ, въ роли Манетты; какъ хорошъ тутъ Брюне, когда говоритъ: «Друзья—что извощики; лѣзутъ къ вамъ, когда погода хороша и вамъ ихъ не нужно; а поди только дождь, они поднимутъ носъ и говорятъ вамъ дерзости!»

— Какъ, воскликнулъ Феликсъ, ты хочешь, чтобы я жилъ на твой счетъ? чтобы я обезчестилъ себя, согласившись пользоваться...

— А я развѣ не пользовалась твоимъ имуществомъ? я только отдаю, что сама получила. Съ друзьями не считаются. И кто же будетъ знать это? Неужели я стану хвалиться вещью, которая будетъ льстить только моему сердцу, и вполнѣ покажетъ его тебѣ?

— Добрая Флора, я не ошибался, считая тебя столько же прямодушною, какъ и безкорыстною. Но оставимъ этотъ разговоръ. Я займусь необходимыми мѣрами для преслѣдованія мошенника, который обобралъ не меня одного, но и многихъ другихъ.

Этотъ обманщикъ пользовался славою человѣка неукоризненной честности, самыхъ строгихъ правилъ. Такіе люди опаснѣе всѣхъ другихъ обманщиковъ; какъ не вдаться въ ловушку ихъ лицемѣрія?

Прошло нѣкоторое время; всѣ попытки Феликса остались безполезными. Обманщикъ ловко скрылъ всѣ слѣды, пріобрѣтая имущество подъ чужими именами. Кредиторы только напрасно потратились для преслѣдованія его. Оставалось покориться судьбѣ. Мы рѣшились оставить свои щегольскія квартиры, нанять вмѣсто двухъ одну квартиру для обоихъ и держать только одну служанку.

— Есть люди еще несчастнѣе насъ, говорила я Феликсу: мы все таки имѣемъ больше, чѣмъ необходимое; надо всегда сравнивать свое положеніе съ положеніемъ тѣхъ, кто ниже насъ. Ты увидишь, какою я сдѣлаюсь славною хозяйкою, какъ я хорошо устрою нашъ домъ, и какъ мы счастливо заживемъ. Право, я почти рада, что вырвалась изъ вихря праздниковъ и удовольствій, которыми ты окружалъ меня. Мы жили для посторонихъ, которые намъ и спасибо не говорили; теперь мы будемъ жить для себя самихъ; пожертвованія наши будутъ намъ легки, когда мы подумаемъ, что мы ихъ дѣлаемъ для того, кого любимъ.

Феликсъ соглашался во всемъ со мною, одобрялъ мою покорность судьбѣ и увѣрялъ, что онъ самъ вполнѣ сей покорился. Съ этого времени; онъ сталъ спокойнѣе, улыбка снова появилась на его устахъ; онъ, казалось, былъ счастливъ и я была всѣмъ довольна.

Между тѣмъ, наступилъ день его рожденія; желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, я пригласила нѣсколько добрыхъ пріятелей позавтракать съ нами; ихъ было не много; это были тѣ, которые остались вѣрны ему послѣ его разоренія. Гости съѣхались довольно рано; на столѣ, убранномъ цвѣтами, приготовленъ былъ скромный завтракъ. Феликсъ еще не выходилъ изъ своей комнаты. Когда пробилъ часъ, въ который мы обыкновенно садились за столъ, я вызвалась идти за нимъ и привести его, не предупредивъ объ ожидавшей его радости.

Я отправляюсь къ нему, подхожу къ двери его спальни, она заперта; стучусь, зову, нѣтъ отвѣта. Бѣгу внизъ, спрашиваю дворника, не выходилъ ли онъ? дворникъ отвѣчаетъ: нѣтъ. Возвращаюсь наверхъ; стучусь опять, и опять нѣтъ отвѣта. Встревоженная бѣгу къ себѣ, и разсказываю случившееся гостямъ. «Онъ можетъ быть болѣнъ, говорятъ они, можетъ быть, въ обморокѣ; надо войти къ нему силою.» Мигомъ дверь подается и изъ нея валитъ намъ въ лицо клубъ невыносимаго чаду, всѣ отступаютъ назадъ, я одна бросаюсь въ комнату къ постели Феликса. Подлѣ постели дымилась еще огромная жаровня; Феликсъ былъ уже мертвъ; онъ лишилъ себя жизни посредствомъ угара.

При этомъ видѣ я упала на полъ безъ памяти.

Не стану разсказывать всѣхъ печальныхъ подробностей, послѣдовавшихъ за этимъ несчастнымъ происшествіемъ; скажу только одно: на письменномъ столѣ Феликса лежалъ листъ

бумаги, на которомъ было написано его рукою: «Жить благодѣяніями женщины я не могу!»

—

ГЛАВА XXIII.

Я поспѣшила выѣхать изъ дому, гдѣ меня окружали бы одни горестныя воспоминанія. Долго не могла я утѣшиться въ утратѣ человѣка, который такъ жестоко доказалъ мнѣ свою деликатность. Какая разница между Феликсомъ и подлымъ Александромъ! Одинъ не посовѣстился бы жить на счетъ женщины, а другой обрекалъ себя на смерть, потому что не могъ болѣе дѣлиться съ нею своимъ богатствомъ. Мнѣ видно на роду было написано, или неудачно выбирать предметъ своей любви, или скоро лишаться его, когда выборъ мой падалъ на достойнаго человѣка.

Но въ жизни надо быть разсудительнымъ; нѣтъ горести, которая бы не забывалась; и сколько ни говорите, что красавица въ слезахъ еще вдвое прекраснѣе, я, напротивъ, замѣтила, что слезы портятъ глаза. Можно искренно жалѣть о близкомъ человѣкѣ, но все-таки не хорониться-же съ нимъ за живо; это размышленіе пришло мнѣ въ голову, когда я увидѣла на театрѣ водевиль *Эфесскую вдову*, г. Раде, пьесу, заимствованную, какъ я слышала, изъ истиннаго происшествія, случившагося тому назадъ тысячи двѣ лѣтъ, и разсказаннаго нѣкіемъ Петроніемъ, изъ котораго Лафонтенъ передѣлалъ свою прелестную сказку. Такъ какъ я въ то время еще не была синимъ чулкомъ, то и не знала всѣхъ этихъ подробностей; а только заключила, что если и въ тѣ давнія времена женщины могли утѣшаться въ смерти своихъ мужей и любовниковъ, то почему же и мнѣ не слѣдовать ихъ примѣру.

Къ тому же у меня было много дѣла по театру; я создала нѣсколько новыхъ ролей, и должна была беречь свою память на изученіе ихъ, и стараться быть веселою, когда ихъ играла. Въ этомъ заключается главная трудность нашего искусства, какъ я уже говорила въ введеніи своихъ записокъ; это премило выражено въ куплетцѣ, который пѣла г-жа Бра, въ пьесѣ Le petite revue, говоря о ремеслѣ актера.

Se contrefaire à chaque instant,
Et prendre un nouveau caractère;

Paraître gai, vif et content,
Lorsque l'on est tout le contraire;
Quand on a tout à désirer,
Faire des efforts pour séduire,
Et souvent tout prêt à pleurer,
Des autres exciter le rire!

Мѣняйся каждую минуту,
Чтобъ былъ характеръ тутъ-какъ-тутъ;
Пляши и пой, подобно шуту,
А кошки на сердцѣ скребутъ!
Старайся милымъ быть для взгляду,
Хотя бурчитъ желудокъ твой;
Пусть всѣ хохочутъ до упаду,
А ты себѣ хоть волкомъ вой.

Мнѣ же нужно было мое искусство, я любила его и предавалась ему тѣломъ и душою.

Къ этому времени принадлежитъ моя роль Нанетты, въ пьесѣ, которая имѣла въ свое время такой успѣхъ, что я не могу умолчать о ней; это *Солдатъ-хлѣбопашецъ*, въ которомъ былъ такъ хорошъ Лепантръ, и началъ выказываться Арналь. Немогла я играть спустя рукава, когда должна была состязаться съ Брюне, Одри и уморительною Баройе, не могла я являться на сцену съ длиннымъ лицомъ, когда сама говорила: «кажется не моему лицу наводить тоску;» и Арналь отвѣчалъ мнѣ: «Это радостное личико, эти живые глазки, эти улыбающіяся губки,..» и прочая. Скрѣпя сердце, надо мнѣ было казаться веселой въ роли прекрасной мясничихи въ *Горбункѣ Гро-Галью*, въ которомъ Верне былъ самымъ уморительнымъ изъ горбунковъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Также въ *Кучерахъ*, чудномъ фарсѣ моихъ пріятелей Дюмерсана, Бразье и Габріеля, въ которомъ я съ Арналемъ морила публику со смѣху. Арналь уже поднимался въ гору, можно было предугадывать его славу. Моя пѣсня въ кучерахъ имѣла такой же успѣхъ, какъ пѣсня въ *Кухаркахъ*, сверхъ того, я въ этой пьесѣ танцовала... такъ, какъ никто никогда не плясывалъ. Я вамъ говорила уже, что единственнымъ моимъ урокомъ танцованія былъ урокъ, обѣщанный, но не данный мнѣ Вестрисомъ.

Блаженное то было время для театра Разнообразія! превосходная труппа, и каждый день по три тысячи франковъ сбору. Помнится мнѣ, пока у насъ шли *Кучера*, авторы отправились въ Гавръ погулять, покушать свѣжихъ устрицъ, и поискать для меня новой роли; Брюне писалъ имъ: «Любезные друзья

пріѣзжайте поскорѣе при и везите мнѣ обѣщанную новую пьесу; мы беремъ только *по двѣ тысячи* сбору, надо поскорѣе поставить что нибудь новенькое.»

Вскорѣ я совершила подвигъ, который мнѣ дорого стоилъ. Женни Верпре должна была играть прехорошенькую роль въ водевилѣ *Комната Сусанны*. Но, наканунѣ представленія, она отказалась отъ роли и отъ нашего театра и перешла на театръ Драматической Гимназіи, куда ее переманили тайкомъ Скрибъ и Делестръ-Пуарсонъ. Надо было какъ нибудь вывернуться. Я вызвалась выучить роль въ сутки, просидѣла надъ нею всю ночь, и на другой день сыграла ее. Всѣ мнѣ были благодарны за это, кромѣ моихъ добрыхъ пріятельницъ, которыя начинали съ завистью посматривать на мои успѣхи. На свою бѣду, я вскорѣ за тѣмъ имѣла огромный успѣхъ въ ролѣ кокетливой вдовушки въ *Крестьянахъ*. Одна актриса, которой имя я умолчу, мѣтившая на большія роли кокетокъ, до того была взбѣшена, что не могла даже скрыть своей досады, и воспользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы втайнѣ отомстить мнѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ говорили; знаю только, что среди моихъ возрастающихъ успѣховъ, меня постигъ самый неожиданный ударъ: мнѣ отказали. Я просила, чтобы мнѣ объяснили причину; мнѣ отвѣчали, что нѣтъ для меня лишняго амплуа и вотъ Флора безъ мѣста; ей отказали, какъ отказываютъ слугѣ, давъ ему недѣлю на пріисканіе мѣста: ибо это было въ мартѣ, а театральные ангажементы заключаются въ апрѣлѣ. Увы, любезные читатели! на театрѣ тоже, что и въ свѣтѣ: счастіе порождаетъ зависть, успѣхи возбуждаютъ враговъ; хотите, чтобы васъ никто не трогалъ и не безпокоилъ? — Не выходите изъ посредственности.

Къ-счастью, мнѣ не было надобности обращаться въ контору театральнаго агентства. Добрый Дезожье былъ директоромъ Водевиля; едва онъ узналъ, что Флора, которую онъ видалъ ребенкомъ, которая взросла на его глазахъ, которая играла его пьесы на театрѣ Разнообразія, изгнана съ родныхъ досокъ, онъ поспѣшилъ предложить ей пристанище у себя и принялъ ее не на испытаніе, а ангажировалъ, какъ извѣстную артистку.

Дезожье не хотѣлъ, чтобы я дебютировала на его театрѣ пьесою стараго своего репертуара; онъ обратился за новою пьесою къ писателямъ, давшимъ мнѣ лучшія роли, къ Дюмерсану, Габріелю и Бразье; они дали мнѣ *Оверньятку или Главную жилицу*, которую написали для меня въ Гаврѣ. Публика

приняла меня какъ давнишнюю, пріятную знакомку. Въ роли моей было и чувство, и шутка; я поочередно смѣшила зрителей и заставляла ихъ плакать. Плакать въ водевилѣ въ то время было не рѣдкостью; но публика только однимъ глазомъ плакала, а другимъ смѣялась. Въ заключеніе водевиля, я просила добраго расположенія публики куплетомъ

J'ai du zèle, j'aime à travailler,
Je mène la besogne ferme,
Je suis nouvelle dans le quartier,
Je veux y rester plus d'un terme.
Je suis ronde et de bonne foi,
Le changement ne me plait guères;
Messiers, passez bail avec moi....
Je vous prends tous pour locataires.

Я угождать вамъ не лѣнилась,
И впредь готова вамъ служить;
Не-давно здѣсь я поселилась,
Но долго хочется прожить.
Я ужъ кругленька, это знаю,
Мѣнятся мнѣ не по лѣтамъ,
Въ жильцы я всѣхъ васъ принимаю....
Лишь только бы поладить намъ.

Публика оправдала мои ожиданія; на нашемъ театрѣ долго не было недостатка въ жильцахъ.

Съ радостью встрѣтилась я въ Водевилѣ съ старымъ товарищемъ, который совершилъ со мною первыя свои кампаніи. Эмиль Котне, пансіонеръ Воланжа, раздѣлявшій мои успѣхи въ Понтуазскомъ сараѣ и въ Эпернеѣ, и мои бѣдствія на бивуакахъ въ Жювизи, въ одно время со мною дебютировалъ въ Водевилѣ. «Человѣкъ — скиталецъ на землѣ. Пріятно послѣ долгой разлуки въ пустынѣ жизни встрѣтиться съ прежнимъ своимъ спутникомъ.» Не помню въ какой романтической книгѣ я вычитала эту фразу.

Встрѣтила я еще другаго спутника, Лепантра, онъ былъ прежде моимъ товарищемъ на театрѣ Разнообразія, но былъ вытѣсненъ, говорятъ, Боскье-Гаводаномъ, и пріютился къ Дезожье, котораго первыя пьесы онъ игралъ еще на театрѣ Юныхъ-Артистовъ. Мы стали опять играть вмѣстѣ *Кузнечнаго мастера* и *Мосье Ботта*, въ которыхъ оба Лепантра доказывали, что талантъ у нихъ семейное достояніе. Всѣмъ извѣстна дородность Лепантра младшаго, но не всѣмъ, можетъ

быть, извѣстно, что онъ человѣкъ очень остраго ума, что не мѣшаетъ ему впрочемъ отпускать иногда каламбуры; для образца, вотъ его каламбуръ, на себя и на брата: Comment peut-on dire: Lepeintre jeune (jeûne), quand on voit Lepeintre aîné (le pain traîner)? Этотъ каламбуръ, говорилъ онъ, довольно плохъ, чтобы почесться хорошимъ.

Дезожье, къ несчастью, скоро отказался отъ званія директора; преемникомъ его былъ Гёрши, а къ этому скоро присоединился Бернаръ-Леонъ, котораго бѣсъ честолюбія подбилъ изъ актеровъ перейти въ директоры. Новые директоры заблагоразсудили устранить меня отъ своего театра; зачѣмъ? спросите не меня, а ихъ самихъ; я думаю, они и сами не съумѣютъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

Не взыщите, любезные читатели, что я вамъ разсказываю одни театральныя событія, какъ понедѣльничный фельетонъ; я сама была въ это время актрисою, и болѣе ни чѣмъ, вся жизнь моя вращалась за кулисами. Если вы охотники до драмы мрачной, шекспировской, то и сію попотчуетъ васъ Флора. Угадайте, въ какую трущобу она попала, несчастная! Она только что разсуждала о пустыни жизни; угадайте въ какую пустыню забросила ее сульба, ее, веселое дитя Разнообразія и Водевиля?

Въ пустыни Египта или Аравіи, думаете вы, чрезъ которыя тянутся караваны молельщиковъ въ Мекку? нѣтъ, тамъ потеплѣе.

Такъ въ холодныя степи Сибири, царство снѣговъ и льдовъ? И не туда, не такъ далеко.

Пустыня, о которой я говорю, находится въ окрестностяхъ Вожирарской улицы и Люксамбургскаго дворца; вы можете усмотрѣть ее съ каланчи обсерваторіи. Директоръ этой пустыни, ибо эта пустыня имѣла своего директора, назывался кавалеромъ Леметейе, а пустыня называлась... *Одеономъ*! Вотъ куда занесла меня враждебная судьба; я разскажу вамъ, какъ я попала въ нее, и какъ едва въ ней не погибла.

Праздность, говорятъ, мать всѣхъ пороковъ; а я скажу: праздность мать всѣхъ несчастій. Не было у меня ролей для препровожденія времени; я сидѣла безъ всякаго занятія, и не знала даже, кому повѣрить свою грусть, чѣмъ убить скуку. Не было уже Феликса, чтобы скучать со мною. Ничто не можетъ быть нестерпимѣе, какъ сидѣть одной, когда не о чемъ

съ собою побесѣдовать. Отъ нечего дѣлать, я пошла гулять и какъ-то очутилась у Ботаническаго сада.

Сначала я забавлялась, разсматривая звѣрей и ихъ зрителей; между послѣдними было много такихъ, которые могли бы подумать, что стоятъ передъ зеркаломъ. Когда некуда дѣваться съ своимъ временемъ, какъ не пофилософствовать! И я пустилась въ самыя глубокія философскія размышленія о сходствѣ людей съ звѣрями. Эти размышленія показались мнѣ такъ мудры и велики, что я тутъ же рѣшилась сдѣлаться писательницею, и посвятить свои досуги на пользу тѣхъ бѣшеныхъ читателей, которымъ все равно, что-бы ни читать, только бы читать! Названіе книги, которую я задумывала, было ново и затѣйливо: *Люди и звѣри.* Я думала сравнивать въ ней льва съ воиномъ, павлина съ щеголемъ, лисицу съ дѣльцомъ, волка съ прожорливымъ откупщикомъ, кошку съ политикомъ, попугая съ гостинными умниками, старую обезьяну съ нѣкоторыми ужимающимися красавицами... я напередъ уже представляла себѣ успѣхъ своей книги.... Вдругъ кто-то назвалъ меня по имени. Я такъ была погружена въ свои созерцанія, что мнѣ показалось, будто голосъ этотъ выходилъ изъ одной изъ клѣтокъ. Голосъ назвалъ меня въ другой разъ, я обернулась къ медвѣдямъ, противъ меня стоялъ книгопродавецъ Барба.

—

ГЛАВА XXIV.

И такъ, гуляя въ Ботаническомъ саду и обратившись къ медвѣдямъ, я увидѣла передъ собою книгопродавца Барбу. Барба, однако-же, отнюдь не былъ медвѣдь, а только торговалъ медвѣжатами. Для непосвященныхъ въ нашъ закулисный языкъ, скажу, что медвѣжатами у насъ называются пьесы, долго лежавшія у автора въ столѣ; ихъ такъ окрестилъ острякъ Теолопъ, у котораго, говорятъ, ихъ всегда водился порядочный запасъ. Онъ былъ такъ плодовитъ, что писалъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ сбывать, не смотря на ежедневное огромное требованіе на новыя пьесы. Частенько говаривалъ онъ директорамъ, просившимъ у него пьесъ, слова Одри въ пьесѣ *Медвѣдь и Паша*: Возьмите моего медвѣженка!

Барба напечаталъ сочиненія почти всѣхъ нашихъ драматическихъ писателей, и съ огромнымъ успѣхомъ издалъ романы

Пиго-Лебрёна. Онъ былъ предобрый малый, молодымъ человѣкомъ еще пріѣхалъ онъ въ Парижъ, и поступилъ прикащикомъ къ книгопродавцу; свелъ знакомство съ многими актерами, и въ одинъ прекрасный день вздумалъ играть въ пьесахъ, которыя онъ дотолѣ только печаталъ и продавалъ. Должно полагать, что продавалъ онъ ихъ удачнѣе, чѣмъ игралъ, ибо скоро отказался отъ актерства, и ограничился прежнимъ промысломъ; лѣтъ пятьдесять онъ былъ покровителемъ всѣхъ писателей.

Встрѣтившись такъ кстати съ Барбою, я хотѣла уже сообщить ему свое намѣреніе, и предложила бы ему издать мою книгу, еслибы мнѣ не помѣшалъ приходъ одного извѣстнаго литератора, Гильбера-де-Пиксерикура, отца кровной мелодрамы и тогдашняго директора театра Веселости.

— Ба, ба, ба, дружище, воскликнулъ Барба, бывшій охотникъ до плоскихъ шутокъ: я пришелъ посмотрѣть на скотовъ, очень пріятно встрѣтиться съ тобою.

— Какъ! подхватилъ Пиксерикуръ, съ обычною грубоватостью, развѣ ты думаешь, что я имѣю здѣсь довольно вѣсу, чтобы выхлопотать тебѣ мѣстечко?

— Полно, возразилъ Барба; не такой же я скотъ, когда издалъ твои плохія мелодрамы, которыя дали мнѣ болѣе прибыли, чѣмъ многія хорошія пьесы Французскаго театра.

— Такъ напечатай еще одну, новую.

— Пожалуй, когда ее играютъ? я ее покупаю хоть впередъ.

— Еще не написана, я затѣмъ и пришелъ въ здѣшнія края, чтобы объ ней подумать.

— Ужъ не звѣрская ли мелодрама? дѣйствіе происходитъ въ звѣринцѣ?

— Полно шутить.

— Кромѣ шутокъ! да чтожъ тутъ удивительнаго? не ты ли вывелъ на сцену *Обріеву собаку*, которая привлекала такую толпу въ театръ, что Мартенвиль всегда дивился ея хвосту.

— Пора собакъ уже миновала; мелодрама подвинулась впередъ, и нынѣ для нея требуется болѣе мрачный колоритъ. Въ прошломъ году я подарилъ публику *Мертвой головою*; потомъ далъ *День казни*, *Марсельскую чуму*, и наконецъ *Амстердамскаго палача*. Но какъ, по выраженію моего предшественника Николе, надо идти все дальше въ лѣсъ, то я и ищу для театра Веселости чего нибудь помрачнѣе, я задумалъ взяться

за *Катакомбы*, и намѣренъ посѣтить ихъ, чтобы проникнуться мѣстностью; вотъ что привело меня въ эту сторону. Не хочешь ли идти со мною?

Барбѣ было некогда; онъ собирался обѣдать у Пиго-Лебрёна, который обѣщалъ ему новый романъ. Я вызвалась идти съ Пиксерикуромъ, посмотрѣть катакомбы; онъ охотно согласился, подалъ мнѣ руку, и мы отправились прогуляться въ подземельѣ.

— Желаю вамъ веселиться! сказалъ Барба, разставаясь съ нами.

Я не намѣрена представить вамъ, любезные читатели, подробнаго описанія катакомбъ. Кто изъ парижанъ не посѣщалъ этого мрачнаго жилища, ради забавы. Вѣдь для парижанъ, по-крайней мѣрѣ, для извѣстнаго разряда ихъ, все служитъ забавою; наступитъ воскресенье, и весь Парижъ задумывается, куда ему ѣхать позабавиться: въ Роменвиль, въ Елисейскія поля, или на кладбище отца Лашеза? Я постараюсь только передать вамъ впечатлѣніе, которое произвела на меня это подземная прогулка.

Мы пришли къ катакомбамъ чрезъ Адскую заставу: странное сближеніе! Проводникъ взялъ факелъ и пошелъ передъ нами. Мы сошли девяносто ступеней, то есть, какъ съ четвертаго этажа, и очутились въ галлереѣ, которая, по словамъ проводника, тянется на шестьдесять футовъ. Мнѣ становилось страшно. Галлерея кончилась чѣмъ-то въ родѣ сѣней; тутъ была дверь въ катакомбы, съ надписью: «Здѣсь царство смерти.» Я хотѣла воротиться назадъ. «Полноте Флора, сказалъ Пиксерикуръ: успокойтесь; чего вамъ бояться?» Я оперлась на его руку и мы пошли далѣе. Передъ нами открылось безчисленное множество галлерей, съ надписями и нумерами, точно по Парижскимъ улицамъ. Кости вездѣ сложены симметрическими фигурами.

— Изъ костей сложили здѣсь, сказалъ проводникъ, весьма изящныя фигуры. Вотъ пилястры, капители, которыхъ рисунки составлены изъ ключицъ и костей руки; вотъ алтарь и два прелестные обелиска, сложенные изъ головъ различной величины. Есть у насъ и *особенные покои*, каждый съ своими удобствами и достопримѣчательностями. Не желаете ли посмотрѣть *саркофагъ*..... называемый... *гробницею Жильбера.*

— Какъ, воскликнула я, Жильберъ здѣсь, бывшій нашъ капельмейстеръ?

— Нѣтъ, не тотъ, отвѣчалъ Пиксерикуръ. Развѣ вы нез-

нете несчастнаго Жильбера, талантливаго поэта, умершаго въ богодѣльнѣ? Вотъ и послѣдніе его стихи, сочиненные имъ передъ смертью, надписаны на саркофагѣ.

Я прочитала на саркофагѣ:

Au banquet de la vie, infortuné convive,
J'apparus un jour, et je meurs;
Je meurs, et sur ma tombe, ou lentement j'arrive,
Nul ne viendra verser de pleurs.

—

На жизненномъ пиру, какъ гость унылой,
Явился я — и вотъ мой часъ ужъ бьетъ!
Умру — и надъ моей забытою могилой
Никто слезы участья не прольетъ.

— Онъ ошибся, сказала я, отирая съ глазъ слезы.

— Вотъ нѣчто получше, продолжалъ проводникъ: это *Источникъ Самаритянки*. Смотрите, какая чистая вода въ этомъ бассейнѣ! посмотрите, какъ играютъ въ ней четыре красныя рыбки.

— Бѣдняжка, сказала я: какъ имъ должно быть скучно!

— Нисколько, отвѣчалъ проводникъ: имъ здѣсь очень хорошо. Это китайскія золотыя рыбки; онѣ тутъ живутъ, растутъ, играютъ, только не плодятся.

— Правду же я говорила, что онѣ скучаютъ.

Мы видѣли еще многое, чего я не упомню, потому что сердце мое сжималось, я едва переводила дыханіе, глаза мои заволокло туманомъ. Я опять хотѣла воротиться назадъ.

— Какъ можно! возразилъ проводникъ: мы прошли не болѣе полумили, а намъ еще остается довольно пути до другаго конца. Намъ надо для того сойти въ нижнія катакомбы.

Дѣйствительно, мы еще разъ сошли съ лѣстницы, и пришли къ водопроводу, ведущему воду въ колодезь у *гробницы Иссуары*. Тутъ мы увидѣли огромный устой, поддерживавшій каменный сводъ, покрытый во многихъ мѣстахъ трещинами.

— Вы видите, сказалъ проводникъ: что здѣсь заботятся о безопасности. Въ этомъ мѣстѣ опасалися обвала, подобнаго тому, который случился нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Пойдемте скорѣе прочь, воскликнула я.

— Не хотите-ли сначала прочитать эти надписи? онѣ очень любопытны.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала я: сводъ, пожалуй, еще обвалится на насъ.

Пиксерикуръ между тѣмъ все внимательно разсматривалъ и записывалъ въ свою памятную книжку.

— Эта обширная галлерея произведетъ славный эффектъ; во второмъ дѣйствіи будетъ у меня обвалъ, и всѣ дѣйствующія лица провалятся въ катакомбы. Прекрасная мысль!

Долго еще ходили мы въ подземельи, и пришли, наконецъ, къ лѣстницѣ, которая вывела насъ на дневной свѣтъ. Я ожила.

— Гдѣ мы? спросила я.

— На дорогѣ къ деревенькѣ Мон-Сури, близъ Пети-Монружа.

— Теперь, сказалъ намъ проводникъ: я подамъ вамъ книгу, въ которой посѣтители записываютъ обыкновенно, что они чувствовали при осмотрѣніи катакомбъ. Въ 1813 году, я имѣлъ честь провожать депутацію новаго погребка; эти господа написали много любопытныхъ вещей. Пиксерикуръ отыскалъ страницы, на которыхъ красовались имена Беранже, Каде-Гассикура, Антиньяка, Теолона, Купара, Жаклена, Мелвиле, Капеля и Піиса, и выписалъ нѣкоторые куплеты и изрѣченія этихъ остроумныхъ эпикурейцевъ; они весьма различны по духу и по содержанію. Вотъ для примѣра, куплетъ Беранже:

Du champ que ton pouvoir féconde
Vois la mort trancher les épis,
Amour, réparateur du monde,
Réveille les coeurs assoupis.
A l'horreur qui nous environne
Oppose le besoin d'aimer,
Et si la mort toujours moissonne,
Ne te lasse point de semer.

—

Съ полей твоихъ, какъ бы для пира,
Смерть пожинаетъ всѣ плоды,
Любовь, зиждительница міра,
Сердца для страсти пробуди!
Средь тлѣнья, что насъ окружаетъ,
Дай намъ восторги угадать:
И если смерть все пожинаетъ,
Ты не лѣнися засѣвать!

а вотъ куплетъ Антиньяка:

Vous qui fuyez à grands pas
Le champ de bataille,
Ici vous ne craindrez pas
Boulets ch mitraille,
Couverts par ce dome épais,
Amis, on repose en paix.
Dans les ca, ca, ca,
Dans les ta, ta, ta,
Dans les ca, dans les ta,
Dans les Catacombes
A l'abri des bombes.

Самые печальные, самые мрачные предметы видно не ограждаются отъ насмѣшливости французскаго ума!

Пиксерикуръ отыскалъ также стихи, подписанные одною начальною буквою П, мы догадывались, что это стихи Писа, который не хотѣлъ подписать подъ ними своего имени сполна изъ за каламбура, которымъ они оканчивались; онъ, какъ человѣкъ тонкаго ума и разборчиваго вкуса, не жаловалъ этого рода остроумія. Стихи его, впрочемъ, не безъ оригинальности:

Qu'on se moque de moi, que partout on me glose,
Je me rends, et je crois à la métempsycose.
Oui, le fait est certain, après l'instant fatal,
Chacun de vous devient arbre, plante, a nimal,
Ici j'ai reconnu la soeur de mon grand-père
Mon oncle, mon cousin, ma nourrice et mon père.
Mais, grand Dieu, qu'ils étaient changés!
Ils étaient tous en os rangés (orangers).

Проводникъ нашъ пригласилъ насъ также написать что нибудь въ книгѣ. Пиксерикуръ написалъ: «Жизнь есть мелодрама, которой развязка — смерть.» За нимъ и я взяла перо, и написала: «Свѣтъ говорятъ театръ; пожалуй Разнообразія, но не всегда забавнаго.»

Выходя изъ этого мрачнаго жилища смерти, съ радостью смотришь на солнечный свѣтъ и на живыхъ людей. Надо, однако-же, сознаться, что это подземелье производитъ совершенно

новыя ощущенія, и что нельзя бродить по немъ, не размышляя о ничтожествѣ всего человѣческаго, и о равенствѣ, соединяющемъ по смерти останки столькихъ существъ, раздѣленныхъ при жизни непреодолимою преградою.

Возвращаясь домой, я объяснила Пиксерикуру свое положеніе, и спросила, не можетъ-ли онъ ангажировать меня къ своему театру.

— Къ несчастью, сказалъ онъ: моя труппа въ комплектѣ; водевиль у насъ второстепенное дѣло, и г-жа Адольфъ, занимающая въ немъ первое мѣсто, станетъ очень косо смотрѣть на соперницу. Но, я думаю, вы можете найти себѣ мѣсто въ Одеонѣ, онъ отказывается отъ оперы, или скорѣе, опера отъ него отказывается; такія прибыльныя оперы, какъ *Фрейшютцъ*, не каждый день родятся. Директоръ, г. Леметейе, набираетъ теперь водевильную труппу, чтобы поразнообразить свой трагическій и комическій репертуаръ; онъ, вѣроятно, будетъ вамъ очень радъ.

Пиксерикуръ повезъ меня къ Леметейе, съ которымъ былъ коротко знакомъ; новый директоръ дѣйствительно былъ мнѣ очень радъ, и немедленно ангажировалъ меня. Я отправилась домой, а директоръ Веселости пошелъ сочинять свою мелодраму, которая, впрочемъ, кажется, не была играна. Видѣла я послѣ пьесу подъ названіемъ *Катакомбы*, но сколько мнѣ помнится, это была пьеса Боари и Добиньи.

И такъ, вотъ я, въ 1828 году, артистка королевскаго театра Одеона. Сначала это показалось мнѣ повышеніемъ; съ театра второй руки вдругъ перейти на королевскій театръ, какая честь! Но честь, безъ денегъ,—дымъ, сказалъ кто-то. Я не могла таскаться каждый день изъ Монмартрскаго предмѣстья въ Сенъ-Жерменскій; омнибусы только что начали появляться, и не обхватывали еще города мелкою сѣтью, какъ теперь. Я переселилась въ скромную квартирку близъ Одеона.

Въ труппѣ Леметейе были артисты съ талантомъ; на-примѣръ: Бокажъ, Прово, Дюпарэ, Локруа, Бовале, г-жи Шартонъ и Анаисъ; всѣ они перешли впослѣдствіи въ труппу Французскаго театра. Но новыя пьесы, за исключеніемъ Les Ephémères, Пикара, были неудачны, касса была пуста. Въ одинъ прекрасный, лѣтній день, актеры не захотѣли играть подъ пустымъ предлогомъ невыдачи имъ жалованья. Аффиша перваго числа, которая, обыкновенно, вывѣшивается въ фойе артистовъ, походила на объявленіе провинціяльнаго директора: «Гг. артисты извѣщаются, что касса будетъ открыта

завтра, въ часъ съ половиною, до половины втораго.» Директоръ набралъ любителей и воспитанниковъ, которые самымъ безпощаднымъ образомъ изуродовали Вольтерова *Магомета* и Мольерову *Школу Женщинъ*. Публика вознегодовала; представленіе было самое бурное, а на слѣдующій день театръ закрытъ по приказанію префекта полиціи.

Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ и я поступила въ Одеонъ; я являлась только въ одной пьесѣ, и то въ интермедіи; это было что-то въ родѣ водевиля, подъ названіемъ *Концерты на дачѣ*, Сенъ-Жоржа и Леона Галеви, бывшаго тогда главнымъ секретаремъ при театрѣ. Цѣль пьесы была извѣстить публику, что Одеонъ не будетъ болѣе давать оперъ, а замѣнитъ ихъ водевилями; я играла садовницу и была очень хорошо принята; но публики было не много, а въ слѣдующіе дни еще менѣе.

Дирекція полагала большія надежды на драму Ансло: *Марія Брабантская*. Пьеса имѣла успѣхъ, но только потому, что некому было освистать ее. Авторъ былъ, однако-же, увѣренъ, что она привлекала толпу зрителей.—«Да, въ другіе театры!» подхватилъ однажды злой острякъ Дюпаре.

У Дюпаре всегда былъ въ запасѣ анекдотецъ или притча. По случаю новой драмы и ея автора, онъ разсказалъ намъ исторію Лемьера, который также всегда былъ убѣжденъ, что сочиненія его производили фуроръ. Вскорѣ по представленіи своей *Малабарской вдовы*, Лемьеръ встрѣчаетъ пріятеля и говоритъ: «Видѣлъ ты мою новую пьесу?»—Нѣтъ, не видалъ, отвѣчаетъ пріятель. — «Тебѣ надо посмотрѣть ее непремѣнно; я выхлопочу тебѣ мѣсто, не знаю только, успѣю-ли, билеты берутъ на-расхватъ; ну да ужъ какъ нибудь усажу тебя.» — Онъ ведетъ пріятеля въ оркестръ и говоритъ придверницѣ: «Впустите этого господина; онъ мой пріятель; ему надо непремѣнно отыскать мѣстечко.» — А мѣстъ было болѣе полусотни: да и ложи были почти пусты. — Помилуй, никого нѣтъ! говоритъ пріятель.—«Ошибаешься, отвѣчаетъ драматургъ; все занято; не знаю только, куда это народъ дѣвался!»

Въ другой разъ, давали также новую пьесу и зрители, соскучившись, выходили одинъ за другимъ изъ театра; авторъ требовалъ, чтобы пьесу доиграли, а актеры того только и ждали, что онъ останется одинъ въ пустой залѣ.

Черезъ полгода по вступленіи моемъ, Одеонъ былъ закрытъ, и открылся вновь только чрезъ полгода, подъ дирекціею Гареля.

Послѣдняя наша пьеса называлась: *Свадьба и похороны*; эта пьеса была заупокойнымъ благовѣстомъ нашему театру; она его похоронила.

И вотъ Флора опять безъ пристанища!

Я вспомнила, что мнѣ разсказывали объ обвалѣ свода въ катакомбахъ, и пожалѣла, зачѣмъ Одеонъ не провалился въ подземелье въ тотъ самый день, какъ я напала на несчастную мысль похорониться за живо подъ своды королевскаго театра!

—

ГЛАВА XXV.

Пребываніе мое въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи болѣе повредило мнѣ, чѣмъ принесло пользы; оно удалило меня отъ всѣхъ прежнихъ друзей и знакомыхъ; денежныя дѣла мои были въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ, потому что ничтожнаго жалованья, которое я получала въ Одеонѣ, едва хватало на мое содержаніе.

Я была свободна; но что можетъ быть обременительнѣе свободы, когда некуда съ нею дѣваться. Тоска, терзавшая меня доселѣ, смѣнилась чѣмъ-то еще болѣе опаснымъ, унынiемъ, жизнь стала мнѣ въ тягость. Вмѣсто того, чтобы искать развлеченія, вернуться въ прежнія мѣста, возобновить сношенія съ пріятелями, которые могли ободрить меня, а можетъ быть и помочь мнѣ, я оставалась у себя одна и плакала. Въ горѣ люди любятъ уединеніе, потому-что одинъ видъ счастливаго и веселаго лица раздражаетъ и усиливаетъ горе. Однако-же, я еще разъ рѣшилась посмотрѣть Парижъ; перешла мосты и дошла до Монмартрскаго бульвара; съ тяжелымъ вздохомъ взглянула на хорошенькій фасадъ театра Разнообразія; пошла далѣе по бульварамъ, мимо восьми театровъ: Драматической Гимназіи, Сенъ-Мартенскихъ воротъ, Амбигю, Олимпійскаго цирка, Веселости, Акробатовъ, канатныхъ плясуновъ Лазари; вездѣ были актрисы, и многія изъ нихъ не стоили меня, шептало мое самолюбіе; я все шла далѣе, до Бастильской площади, пока не очутилась на берегу Сены. Глаза мои впились въ быстрыя струи рѣки, слухъ приковался къ ихъ однообразному журчанію; у меня закружилась голова; душою моею овладѣло непреодолимое желаніе сбросить съ себя эту невыносимую жизнь. «Съ Богомъ, думала я, минута рѣшимости, и

все будетъ кончено! голова моя шла кругомъ, я закрыла глаза, хотѣла броситься...

Вдругъ раздаются крики: «тонетъ, тонетъ, женщина тонетъ!» Въ моемъ безпамятствѣ, мнѣ показалось, будто я сама тону, и меня хотятъ спасать. Открываю глаза: вокругъ меня бѣгаетъ народъ; гребцы бросаются въ шлюбку; женщина отъ времени до времени показывается среди рѣки и опять исчезаетъ. Лодка подплываетъ къ ней, лодочникъ хватаетъ ее за волосы, втаскиваетъ въ лодку; ее выносятъ на берегъ и кладутъ передо мною на панель, я стояла, какъ вкопанная. Увидѣвъ это блѣдное, посинѣлое лицо, страшную печать смерти, я вскрикнула и пустилась бѣжать; незнаю, какъ я поворотила налѣво и наткнулась на похороны, шедшіе къ Восточному кладбищу.

Между слѣдовавшими за гробомъ, я узнала нѣсколько актеровъ Французскаго театра. Я подошла къ Дамасу, и спросила, кого хоронятъ? Онъ отвѣчалъ, что хоронятъ Жоржину Марсъ, племянницу знаменитой актрисы; она умерла на девятнадцатомъ году, доказавъ, въ одинъ годъ своего пребыванія на Французскомъ театрѣ, что она будетъ достойною преемницею талантовъ своего семейства. Я видѣла ея дебюты; она была молода, прекрасна собою, и смерть похитила ее при первомъ вступленіи на поприще! Мнѣ стало еще тяжелѣе на душѣ. Желала бы я быть на мѣстѣ этой бѣдной дѣвушки, и выкупить свою безотрадною жизнью ея жизнь, обѣщавшую ей такую прекрасную будущность. Я пошла издали за печальнымъ шествіемъ, и разсталась съ нею не прежде, какъ опустили въ могилу гробъ, заключавшій этотъ кладъ юности, красоты и таланта.

Слухъ прошелъ по Парижу, будто я бросилась въ Сену; одни говорили, что я утонула, другіе, что меня вытащили. *Фигаро* принялъ первое толкованіе и почтилъ память мою весьма лестною статьею подъ названіемъ *Бѣдной Флоры*. Товарищи мои поспѣшили ко мнѣ, увѣриться въ истинѣ происшествія; директоръ театра Разнообразія также удостоилъ меня этой чести. Нѣсколько дней мнѣ почти не давали вздохнуть; это мнѣ доказало, что много еще было людей, принимавшихъ во мнѣ участіе.

Узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, директоры сами вызвались устроить представленіе въ мою пользу.

Въ то же время я получила письмо, которое доставило мнѣ много удовольствія, ибо изобличало сострадательную и благо-

родную душу. Мнѣ пріятно, что я могу назвать добрую товарку, писавшую его, потому что это письмо дѣлаетъ честь ея сердцу; а какъ ея уже нѣтъ въ живыхъ, то мнѣ нечего бояться оскорбить ея скромность разглашеніемъ ея похвальнаго поступка. Вотъ ея письмо:

«Любезная Флора!

«Съ искреннимъ огорченіемъ узнала я о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ ты находишься. Не хочу пышными фразами увѣрять тебя въ моемъ дружескомъ участіи, а постараюсь лучше доказать его тебѣ на дѣлѣ. Посылаю тебѣ банковый билетъ въ пять-сотъ франковъ, чтобы не оскорбить твоей гордости, прошу тебя принять его въ видѣ займа, но требую, чтобы ты не стѣснялась для возвращенія его; даже когда ты будешь въ состояніи отложить эту сумму, не отягощая себя, я попрошу тебя оставить ее у себя на сохраненіе. Въ настоящее время я обезпечена, но можетъ и для меня настать день нужды; тогда за тобою будетъ очередь помочь мнѣ. Эти же деньги, которыя у меня ушли бы на тряпье и игрушки, гораздо пріятнѣе мнѣ употребить на выручку изъ бѣды пріятельницы. Заходи ко мнѣ, да смотри не благодари меня, если не хочешь разсердить меня не на шутку. Твоя подруга и товарка.

«*Фелиція.*»

Я немогла отвергнуть помощи, предложенной отъ чистаго сердца, къ-счастію, я скора была въ состояніи возратить эти деньги, потому что директоры театра Разнообразія поспѣшили исполнить свое обѣщаніе. Представленіе въ мою пользу было дано 22 сентября; а готовность публики явиться на зовъ и ея лестный пріемъ доказали мнѣ, что она еще не забыла своей прежней любимицы. Сборъ составилъ болѣе пяти тысячъ франковъ.

Съ этимъ я могла ждать ангажемента, котораго могла надѣяться только по окончаніи театральнаго года; директоры мнѣ, однако-же, ничего не предлагали, и я пожалуй опять осталась бы, какъ ракъ на мели, если бы перемѣна дирекціи не имѣла благодѣтельнаго вліянія на мои дѣла. Директоромъ сдѣлался Дартуа. Онъ ангажировалъ меня и тотчасъ далъ мнѣ роль въ новой пьесѣ. Я не обманула его ожиданій. *Модныя бріоши*, въ которыхъ я пародировала *Христину въ Фонтенебло*, показали, что я не утратила своего комическаго чутья.

Не знаю, очень ли были довольны моимъ возвращеніемъ на театръ Разнообразія мои добрыя товарки. У меня хранятся важные документы по этому предмету, въ моей перепискѣ,

изъ которой я вамъ сообщу небольшой образчикъ. Тотчасъ по подписаніи моего контракта, я получила слѣдующую записку:

«Любезная Флора, меня очень обрадовала вѣсть, что ты возвратилась на нашъ театръ. Ты знаешь, какую я всегда питала къ тебѣ дружбу и какъ уважала твой талантъ. Прими же, моя милая, мое искреннее поздравленіе, и будь увѣрена, что никто болѣе меня не радуется доброй, старой товаркѣ. Твоя отъ души, «***»

Скажу откровенно, мнѣ чрезвычайно пріятно было видѣть, что хоть одна изъ моихъ товарокъ была довольна моимъ возвращеніемъ. Я показала записку одной пріятельницѣ, въ которой не могла сомнѣваться, и которая намекала мнѣ, что нѣкоторыя очень морщились на мой ангажементъ. Прочитавъ письмо, она расхохоталась, отворила свою конторку, отыскала въ ней записку, и подала мнѣ. Записка была писана тою же рукою, и вотъ ея содержаніе:

«Любезная ***, до меня дошла вѣсть, что г. Дартуа намѣренъ вновь ангажировать Флору. Можешь себѣ представить! Она займетъ твои роли. По мнѣ все равно, потому что наши амплуа различны; но она будетъ рядомъ съ нами выдѣлывать свои штуки; будетъ смѣшить публику и убивать наши *эффекты*. Если ты, своимъ вліяніемъ, или вліяніемъ лицъ, имѣющихъ вѣсъ у Дартуа, успѣешь образумить его, чтобы онъ не дѣлалъ этой глупости, тебя можно будетъ просто расцѣловать. Постарайся же, моя безцѣнная, подрѣзать крылушки у нашей дорогой товаркѣ, и будь увѣрена, что я, съ своей стороны, ничего не упущу, чтобы обработать ее, какъ слѣдуетъ. — Незабудь сжечь письмо. Твоя «***.»

Если дорогая товарка, собиравшаяся подрѣзать мнѣ крылушки, будетъ читать мои записки, она увидитъ, что я знала ея добрыя намѣренія, но имѣла довольно благородства, чтобы ей этого не показать и не мстить.

Безъ сожалѣнія оставила я Сенъ-Жерменское предмѣстье, и наняла хорошенькую квартирку поближе къ театру Разнообразія, на Монмартрской улицѣ. Тутъ много удовольствія доставило мнѣ знакомство съ сосѣдомъ, человѣкомъ довольно молодыхъ еще лѣтъ, служившимъ въ морскомъ министерствѣ; для меня были чѣмъ-то новымъ эти чисто дружескія, почти братскія отношенія.

Нѣкоторыя люди утверждаютъ, будто дружба между мужчиною и женщиною есть только уловка, подъ которою скрывается любовь. Это мнѣніе ложно. Эти два чувства совершенно

различны между собою; случается иногда встрѣтить человѣка, котораго достоинства внушаютъ намъ привязанность, уваженіе, даже почтеніе, въ которомъ мы рады имѣть друга, но котораго не хотѣли бы имѣть любовникомъ.

Сосѣдъ мой, г. Болье, не требовалъ отъ меня ничего, кромѣ дружбы; бесѣда его была всегда умна, разнообразна и заманчива; я сама немогла надивиться, какъ невольно училась и образовывалась въ его обществѣ. Однажды, одна изъ моихъ пріятельницъ, видя нашу дружбу, спросила его, не желалъ ли онъ скрѣпить эти узы неразрывнымъ образомъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и вотъ почему: одинъ извѣстный литераторъ проводилъ всѣ свои вечера у весьма любезной женщины; эта дружба продолжалась уже нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, женщина эта овдовѣла; кто-то сказалъ это литературу. «Она теперь вдова; что бы вамъ на ней жениться!» — «Сохрани Богъ! отвѣчалъ онъ, гдѣ же я стану проводить вечера?» — Вотъ вамъ другой примѣръ. Одна жена очень скучала съ своимъ мужемъ; однажды онъ сказалъ ей: Не понимаю, отчего бы тебѣ скучать? я не отхожу отъ тебя, дѣлаю все, что можетъ доставить тебѣ удовольствіе.» — «Это правда, отвѣчала она; но мужъ съ женою одна душа, а мнѣ одной ужасно скучно.»

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

—

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

—

Русскій Театръ.

—

СТАРАЯ МЫЗА. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, съ прологомъ. Переводъ съ французскаго.

(*Спектакль 19-го апрѣля*).

Новый театральный годъ открылся на русской сценѣ одной изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ французскаго репертуара, именно драмою Фредерика Сулье: La Closerie des genêts—названной «*Старою мызой*». Мы называемъ эту драму одной изъ *замѣчательнѣйшихъ*, не по созданію ея, не по идеи, а по изложенію и тому успѣху, которымъ она пользовалась на французской сценѣ. Пьеса эта можетъ, такъ сказать, служить образцомъ современнаго направленія драматическаго творчества во Франціи, направленія рѣшительно чуждаго чисто-эстетическихъ началъ искусства, но сильнаго по своему ловкому приноровленію къ сценѣ, по своимъ смѣлымъ вымысламъ, по своимъ потрясающимъ эфектамъ. Этотъ родъ произведеній не можетъ быть причисленъ къ органическимъ созданіямъ человѣческаго ума, имѣющимъ зерно, покоющееся въ основной идеи, изъ котораго правильно развиваются стебель, вѣтьви и листья, которое приноситъ цвѣты и оканчивается плодомъ; нѣтъ, это простая мозаика изъ фальшивыхъ каменьевъ, ловко составленная въ одну обширную и пеструю картину; это плодъ не вдохновенія, а усидчиваго труда. Въ такихъ произведеніяхъ положенія и сцены не вытекаютъ изъ непреложныхъ законовъ че-

ловѣческой натуры или изъ неизбѣжнаго хода обстоятельствъ, а прямо придуманы и подготовлены заранѣе, и потому поражаютъ—не вѣрностію своею съ природою, а только нечаянностію. Жалкое это направленіе драматическаго творчества произошло во Франціи отъ причинъ чисто промышленныхъ: театры наперерывъ стараются завлечь публику въ свои залы, и потому тотъ авторъ имъ по душѣ, который, подчиняясь этому требованію, можетъ своею пьесою произвести не глубокое нравственное или художественное впечатлѣніе на зрителей, но просто потрясти ихъ минутнымъ эфектомъ, развлечь разнообразіемъ картинъ, ослѣпить мишурнымъ блескомъ, утомить непрерывною цѣпью самыхъ разнородныхъ и сильныхъ ощущеній, отъ которыхъ ему не даютъ даже очнуться. Дѣйствительно, пока вы сидите въ театрѣ, все васъ поражаетъ, подстрекаетъ любопытство, авторъ заводитъ васъ въ такой лабиринтъ, что вамъ невольно хочется узнать, какъ-то онъ васъ выведетъ и самъ выпутается изъ собственной паутины. Но чуть вы прикинете хоть гранъ здраваго разума ко всей сказкѣ, которая движется передъ вами въ лицахъ, чуть подвергнете анализу дѣйствія и страсти этихъ лицъ, едва спросите у себя отчета въ собственныхъ чувствахъ — и все очарованіе разлетается, видѣніе исчезаетъ, какъ мыльный пузырь, оставляя по себѣ одну пустую соломенку, изъ которой его такъ пышно и блистательно раздули. Театръ перестаетъ быть зрѣлищемъ свѣта, дѣйствіе теряетъ обаяніе истины, люди становятся простыми актерами, которыхъ цѣль была занять васъ и позабавить два, три часа сряду; художественнаго значенія во всемъ этомъ искать нельзя и недолжно.

Такое направленіе есть прямое слѣдствіе вѣка промышленнаго и производительнаго, когда человѣку, послѣ тяжкихъ и неутомимыхъ усилій дня, нужно развлеченіе, необходимъ отдыхъ, который бы направилъ умъ и душевныя его силы на отвлеченныя и невседневныя явленія. Потребность новизны и разнородныхъ потрясеній становится понятною при такомъ автоматическомъ образѣ жизни. Человѣку, поглощенному внѣшними выгодами существованія, нѣкогда углубляться въ самаго себя; онъ ищетъ въ самомъ театрѣ отдыха и хочетъ только, чтобъ его тѣшили и потрясали его нервы, безъ всякихъ нравственныхъ усилій съ его стороны. По-этому, чтобы согласить отдыхъ съ нѣкоторымъ дешевымъ душевнымъ потрясеніемъ, онъ всегда предпочтетъ конское ристаніе и веселую арлекинаду или другой спектакль, поражающій глазъ, самому

глубокому творенію, вызывающему и разрѣшающему важные жизненные или нравственные вопросы.

Надо сожалѣть, что люди съ большимъ дарованіемъ, какъ, напримѣръ, Фредерикъ Сулье, увлекались общимъ направленіемъ и употребляли свой талантъ на подобныя выгодныя, въ меркантильныхъ отношеніи, но пагубныя для достоинства писателя, спекуляціи. Фредерикъ Сулье даже придалъ новый толчекъ этому отступничеству отъ прямыхъ законовъ искусства: при богатствѣ вымысла, при своей поэтической настроенности и при литературной ловкости, онъ внесъ даже въ произведенія этого рода нѣкоторую стройность, что-то похожее на логическую связь, а главное, теплоту и одушевленіе, которыя порабощаютъ на минуту чувства зрителя. Первая его пьеса, въ такомъ родѣ, была «*Клотильда*», которая въ свое время производила фуроръ, несмотря на дикій парадоксъ своей главной идеи и на странное, натянутое развитіе дѣйствія. Это было еще во времена знаменитаго «*Антони*» Александра Дюма, къ которому *Клотильда* могла служить дружкою; тогда все еще требовали отъ пьесы, чтобы она имѣла какую нибудь, хотя и ложную, основную мысль, къ разрѣшенію которой стремилось бы все дѣйствіе. Послѣдователи этихъ двухъ ересіарховъ драмы пошли гораздо далѣе: они облегчили себя отъ труда искать мысли, а довольствовались одними фактами, безъ духовныхъ причинъ и нравственныхъ послѣдствій, фактами, основанными на необузданности страстей человѣческихъ, изъ разгара которыхъ образуются самые поразительные случаи и положенія и блистательные эфекты для сцены. Завязать узелъ дѣйствія изъ самыхъ запутанныхъ случаевъ и обстоятельствъ и потомъ распутывать этотъ безобразный клубокъ по ниточкѣ, или просто, подобно Александру Македонскому, разрубить его однимъ махомъ, какой нибудь отчаянной катастрофой,—вотъ вся задача новѣйшихъ французскихъ романовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ драмы, и драмъ, которыя больше похожи на романъ, чѣмъ на дѣйствительную жизнь.

Такова и «*Старая мыза*» Сулье. Вы спросите, какая мысль служитъ основою драмы? — Никакой нѣтъ. Но что-же придаетъ ей интересъ, на чемъ она вертится, отчего происходитъ ея успѣхъ? Весь интересъ ея въ театральныхъ эфектахъ, все ея дѣйствіе — эфекты, одинъ другаго поразительнѣе, одинъ другаго страшнѣе и, наконецъ, успѣхъ ея — эфекты! Чего тутъ нѣтъ? Всѣ пороки и всѣ добродѣтели въ самой странной смѣси, самыя низкія страсти и высочайшее благород-

ство перепутаны паутиною обстоятельствъ и происшествій, правдоподобныхъ по видимому, и неестественныхъ въ сущности. Киньте посреди ихъ весьма простой вопросъ: «но почему-же это?» «зачѣмъ это такъ?» «для чего онъ не спроситъ того-то, отчего она не скажетъ этого-то?»—и драма остановится на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Тутъ есть добродѣтельный обольститель, который не можетъ исправить своего проступка, потому-что женатъ на куртизанѣ, опутавшей его всѣми сѣтями порока; есть невинная дѣвушка, которая дѣлается жертвою ложнаго подозрѣнія и клеветы; есть честный крестьянинъ, который рѣшается умереть, узнавъ, что имя его опозорено дочерью; есть Наполеоновскій генералъ, который хочетъ убить свою дочь за то, что ее подозрѣваютъ; есть негодяй, который распускаетъ сплетни и клеветы, по глупости и жадности къ деньгамъ; есть храбрый капитанъ изъ Алжиріи, судьба пьесы, который разрушаетъ всѣ козни, наказываетъ порокъ, спасаетъ добродѣтель отъ воды; словомъ, тутъ есть все, что только можетъ напрягать вниманіе, поражать зрителя, какъ обухомъ по головѣ, и заставлять его трепетать: есть скачка, сельскій праздникъ, публичная пощечина, коронованіе царицы невинности и красоты, грудной ребенокъ, котораго воруютъ и хотятъ убить топоромъ, есть дуэли, тайное судилище, подпольная пропасть для казни, сумасшествіе, утопленница и проч. и проч. всего не перечтешь. Вотъ на чемъ снуется и движется это произведеніе. Страсти выставлены ярко, но не видать психическаго ихъ развитія, не ясенъ ихъ источникъ, не откровенны ихъ дѣйствія, все это, какъ будто, подернуто легкимъ газомъ, сквозь который дѣйствующія лица кажутся вамъ не людьми, а болѣе фантасмагорическими видѣніями. Языкъ прекрасенъ, мысли возвышенны, много поэтическаго колорита, но всѣ эти прекрасныя фразы и мысли слишкомъ отзываются Ларошъ-Фуко, Паскалемъ и другими моралистами, это выдержки изъ нравственныхъ сочиненій, но не чувства, вылившіяся прямо изъ сердца въ минуту тяжкаго страданія, просто, естественно и сильно. Побужденія, заставляющія дѣйствовать лица такъ, а не иначе, подобны внезапно мелькнувшей мысли, прихоти или минутному вдохновенію, а не проистекаютъ изъ энергіи сознательной души, изъ характера, обусловленнаго точнымъ и опредѣлительнымъ взглядомъ на жизнь и человѣка. По-этому, хотя характеры нѣкоторыхъ лицъ, какъ, на-примѣръ, стараго генерала д'Эстева, мызника Керуана, Порника, выходятъ довольно рельефно изъ общей рамы, но это фрески съ силь-

ными очертаніями, съ яркими бликами, на которыя надо смотрѣть издали, а вблизи они громадны, но лишены переходныхъ тѣней, полутоновъ, необходимыхъ для полноты и естественности цѣлаго. И возможно-ли дать полное развитіе характерамъ, когда въ пьесѣ до двадцати-пяти лицъ! Лучшее изъ нихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ натяжекъ ради эфекта, безспорно ярко выдержанное лицо старика Керуана, и оно тѣмъ поразительнѣе, что просто и не принужденно, среди ходуль, на которыя подняты остальныя лица. Женскія характеры вообще хуже выдержаны мужскихъ. Это куклы, дѣйствующія не по свободной волѣ разума человѣческаго, а по послушнымъ нитямъ, которыми авторъ приводитъ ихъ въ движеніе. Есть въ пьесѣ положенія истинно драматическія, которыя, при большей естественности цѣлаго, могли бы производить глубокое впечатлѣніе, но механизмъ драмы слишкомъ прозраченъ, чтобы можно было повѣрить дѣйствительности этихъ положеній. Вотъ все, что можно сказать о знаменитой драмѣ знаменитаго Сулье. Это таже мелодрама дѣдушки Пиксерикура по своимъ элементамъ, только приспособленная болѣе къ современности, съ нѣкоторою претензіею на Шекспиризмъ, съ болѣе яркимъ колоритомъ, съ болѣе утонченной формой выраженія, но по сущности, направленію и цѣли и та, и другая — одно и тоже, все разстояніе между ними во времени и эпохахъ, къ которымъ принадлежали ихъ творцы.

Французскіе актеры привыкли къ подобнымъ драматическимъ натяжкамъ, въ которыхъ все перелито черезъ край; сообразно съ пьесами, гдѣ все основано на эфектахъ, они формуютъ и игру свою, и у нихъ дѣло идетъ не объ истинѣ и естественности характера, а объ эфектной его передачѣ: они напрягаютъ всѣ силы, чтобы мѣста рѣзкія, бойкія, выразить, какъ можно ярче и потому жесты, интонація, позы все принимаетъ у нихъ какой-то патосъ въ рѣшительныя минуты; остальная часть роли у нихъ простое подготовленіе, которое явно ведетъ къ чему-то важному, зритель невольно ждетъ развязки съ любопытствомъ. Такимъ образомъ, неестественностію и напряженіемъ, которое господствуетъ въ своей передачѣ, они скрываютъ нѣсколько неестественность и натяжки пьесы. Русскія артисты на этотъ счетъ дѣйствуютъ откровеннѣе и прямѣе — и это относится къ ихъ чести. Они хотятъ, по возможности, приблизиться къ природѣ, передать черты своихъ характеровъ простѣе, человѣчнѣе — и тѣмъ самымъ обнаруживаютъ скудность внутренняго содержанія драмы и ея несс-

тественность, а эфекты, на которыхъ покаятся всѣ ея достоинства, пропадаютъ. Вотъ причина, почему такія произведенія, имѣвшія огромный успѣхъ на французской сценѣ, на русской проходятъ безъ особеннаго шума. Въ этомъ случаѣ русскихъ артистовъ должно винить не въ недостаткѣ таланта и сочувствія автору, но въ качествѣ самомъ похвальномъ для художника — въ избыткѣ добросовѣстности.

«Старая мыза» была у насъ обставлена и разыграна со всею тщательностію, какой только можно пожелать. Роли были распредѣлены и переданы, какъ нельзя лучше, нѣкоторыя выполнены даже превосходно, такъ, на-примѣръ, роль мызника *Керуана* — г-мъ Брянскимъ, маркиза *Монтеклена* — г. Максимовымъ, работника *Порника* — г. Прусаковымъ, Леоны *де-Боваль* г-жею Дюръ, и *Матильды* — г-жею Жулевой. Г. Максимовъ выдержалъ трудную роль судьбы пьесы съ достоинствомъ, отъ начала до конца, и намъ тѣмъ пріятнѣе отдать ему полную справедливость, что въ подобныхъ, не комическихъ роляхъ, намъ рѣдко приходится сказать о немъ тоже. О г. Брянскомъ говорить нечего: это артистъ умный и опытный, онъ во всякомъ характерѣ отыщетъ человѣческую сторону, которою прямо дѣйствуетъ на душу. Роль Керуана представила ему обширное поприще показать свой неувядающій талантъ во всей силѣ и во всемъ блескѣ. Г–жа Дюръ поняла и передала свой характеръ, какъ нельзя лучше. Г. Прусаковъ, который обыкновенно играетъ каррикатурныя роли въ фарсахъ, здѣсь показалъ, что въ немъ есть много той простоты и наивнаго юмора, которые составляютъ основу высокаго комизма. Онъ умѣетъ быть натуральнымъ безъ усилія: это великое достоинство въ комикѣ. Въ роли Матильды, которой характеръ лучше всѣхъ прочихъ женщинъ очерченъ въ драмѣ, именно потому, кажется, что авторъ обратилъ на отдѣлку его меньше вниманія, — г–жа Жулева отчетлива и безукоризненной своей наивностію возбуждаетъ къ себѣ невольное участіе: въ ней не видно и тѣни актрисы, а это-то именно и дѣлаетъ ее истинной актрисой. Что касается до двухъ главныхъ ролей, генерала *д'Эстева* (г. Сосницкій) и *Луизы* (г-жа Самойлова 2), то исполненіе ихъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ чуждо упрека. Г–жа Самойлова 2, какъ умная артистка, видѣла ясно, что въ роли Луизы, ей подражать г-жѣ Плести недолжно, и въ этомъ отношеніи поступила чрезвычайно основательно. Она поняла и выполнила характеръ иначе, и должно отдать ей полную справедливость, поняла его вѣрно. Она придала Луизѣ болѣе

простоты и прямодушія, помня, что эта дѣвушка дочь мызника, которой неприличны манеры знатной дамы, хотя она и пріятельница дочери графа д'Эстева. Луиза прекрасное, страдальческое созданіе, которое именно возбуждаетъ участіе къ себѣ чистой ясностію и непорочностью своего сердца, полнаго всѣхъ прекраснѣйшихъ побужденій человѣческой природы.

Въ такомъ смыслѣ и выражала г-жа Самойлова роль свою въ мѣстахъ спокойныхъ, въ минуты тихаго страданія, но въ моменты сильныхъ потрясеній, въ самыхъ яркихъ мѣстахъ роли — она впадала въ трагизмъ, который естественно вредитъ впечатлѣнію цѣлаго. Зритель долженъ видѣть страдалицу собственнаго проступка, жертву злобы и пагубныхъ обстоятельствъ, а отнюдь не трагическую героиню. Въ героинѣ предполагается энергія, сила порабощающая, борьба смѣлая и торжественная; въ характерѣ Луизы, напротивъ, энергія пробуждается только одинъ разъ, именно въ минуту, когда въ ней заговорило чувство матери, которую хотятъ лишить ребенка. Это чувство самое простое, человѣчное, его должно рисовать самыми простыми, естественными красками. Всѣ сильныя сцены Луизы подобны этой: онѣ требуютъ выраженія теплаго, задушевнаго, наивнаго; такая женщина скорѣе зарыдаетъ въ минуту сильнаго отчаянія, но не закричитъ и не приметъ грозную позу съ повелительными жестами. Всякая декламація непремѣнно погубитъ этотъ характеръ: но въ самыхъ простыхъ и тихихъ выраженіяхъ есть сила, которая выше трагическаго пафоса, если только они проникнуты глубокимъ чувствомъ. Всякой другой артисткѣ, еслибъ она исполнила роль Луизы подобно г-жѣ В. Самойловой, мы сказали бы, что она сыграла безподобно; но въ г-жѣ Самойловой мы до того уважаемъ художественный тактъ и силу неподдѣльнаго таланта, что мы долгомъ почли замѣтить ей эту ошибку, несогласную ни съ ея умомъ, ни съ вѣрнымъ взглядомъ на искусство. Мы въ этой роли не нашли того, что именно въ ней уважаемъ: отсутствія актерства, отсутствія сценическихъ формъ, которыми многіе стараются прикрыть недостатокъ постиженія и внутренняго участія. Г-жа Самойлова, вѣроятно, и не оскорбится нашимъ замѣчаніемъ, ибо сама почувствуетъ, что оно сдѣлано отъ душевнаго желанія ей полныхъ, достойныхъ успѣховъ.

Г. Сосницкій, въ роли графа д'Эстева, былъ ровенъ, имѣлъ

даже минуты превосходныя, но цѣлый характеръ обрисованъ совсѣмъ не такъ, какъ этого хотѣлъ авторъ и какъ требуютъ самыя обстоятельства драмы. Это крѣпкій бретонскій крестьянинъ, закаленный въ походахъ и битвахъ, еще полный славой и энтузіазмомъ Наполеоновскаго вѣка, убѣжденный, что съ великимъ человѣкомъ солнце Франціи закатилось навсегда, и по лѣтамъ, и по сложенію тѣла онъ еще крѣпокъ и бодръ; но по неодобрѣнію всего современнаго, въ успѣхи котораго онъ не вѣруетъ, брюзга, а по военнымъ привычкамъ, нѣсколько крутъ, вспыльчивъ и упрямъ. Словомъ, это типъ выслужившагося солдата, у котораго сердце на настоящемъ мѣстѣ, а разумъ иногда подгуливаетъ. Авторъ это даетъ даже почувствовать во многихъ мѣлкихъ чертахъ, которыми рисуетъ его характеръ: это то, что французы называютъ un vieux grognard, а нѣмцы ein alter Haudegen. Это поясняетъ и нерасположеніе его къ капитану Монтеклену, къ которому онъ не чувствуетъ глубокой ненависти, на что онъ вовсе неспособенъ, но котораго не любитъ за то, что онъ урожденный маркизъ, выслужился не съ нижнихъ чиновъ, и украшенъ почетнымъ легіономъ не подъ знаменами Аустерлица. Г. Сосницкій представилъ его хилымъ старцемъ, больше плаксивомъ и неистовцемъ, чѣмъ брюзгою и вспышкою, при такой дряхлости и постоянно жалобномъ тонѣ, энергическія вспышки старика въ потрясающія минуты драмы похожи на дѣтство и заставляютъ зрителя только сожалѣть о немъ, а не сочувствовать ему. Вообще артистъ нашъ накинулъ на весь характеръ покровъ печали, тогда какъ эта фигура должна-бы выдвигаться впередъ рѣзкими чертами и составлять свѣтлую сторону картины. Лучшее мѣсто во всей роли г. Сосницкаго то, когда онъ узнаетъ, что дочь его невинна: тутъ говоритъ въ немъ чистая натура.

Переводъ пьесы довольно хорошъ. Его, однако-жъ, можно упрекнуть въ излишнемъ усердіи подлѣлаться подъ разумѣніе нижнихъ слоевъ публики, усердіи, которое заставляетъ переводчика часто прибѣгать къ самымъ простонароднымъ русскимъ выраженіямъ. Отъ этаго пьеса во многихъ мѣстахъ теряетъ цвѣтъ мѣстности, такъ-что костюмы лицъ противорѣчатъ съ ихъ разговоромъ. Чрезвычайно странно и забавно, напримѣръ, слышать, какъ одинъ житель Бретани говоритъ другому: «Убирайся ты, *пошехонецъ*!» Какъ это Пошехонь попала въ Бретанью? Пьеса много выиграла оттого, что изъ нея, по принятому обычаю, ничего не выкинуто *для краткости*:

вслѣдствіе этаго смыслъ ея уцѣлѣлъ. Мы не разсказали здѣсь содержанія драмы, потому-что оно слишкомъ многосложно и чтобы сберечь интересъ ея для читателей *Пантеона*; въ одной изъ нашихъ книжекъ мы помѣстимъ ее цѣликомъ, какъ послѣднее, и не смотря на всѣ свои недостатки, все таки замѣчательное произведеніе однаго изъ лучшихъ писателей Франціи.

—

ПАМЯТЬ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ. Сельская картина 1839 года, въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *И. Е. Великопольскаго.* (*Ивельева*).

УРОКЪ ЮНКЕРУ ПЕРЕДЪ ПРОИЗВОДСТВОМЪ ВЪ КОРНЕТЫ. Оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи и въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. *Д. А. Шепелева.*

ДВОЕ КРИВЫХЪ ИЛИ ДОКТОРЪ—ШАРЛАТАНЪ. Не драма и не трагедія, не комедія и не водевиль, не опера и не балетъ, но всего понемножку, въ одномъ дѣйствіи. Передѣлка съ французскаго *К. А. Тарновскаго.*

(*Бенефисъ г. режиссера Куликова*).

—

«Память Бородинской битвы» очень основательно названа авторомъ *сельскою картиною*, потому-что въ этой *памяти* нѣтъ даже и тѣни того, что въ искусствѣ обусловливается названіемъ — *драматическаго сочиненія*. Это дѣйствительно картина въ разговорахъ, или вѣрнѣе, разговоръ для поясненія картины. Хулители, можетъ быть, скажутъ: «неудачна-же картина, которую надо пояснять!» Но хулу и шутки въ сторону, скажемъ, что появленіе такого произведенія на театральныхъ доскахъ насъ изумило — по своей смѣлости. Если вы хотите, въ строгомъ смыслѣ, тутъ нѣтъ и картины: это просто теплая реляція о Бородинскомъ дѣлѣ, произнесенная очень патетически г. Каратыгинымъ, съ приложеніемъ къ ней и плана сраженія. Однимъ словомъ, это наглядный способъ освоить зрителя съ стратегическимъ дѣй-

ствіемъ. Гдѣ первую роль играетъ разсказъ и нагдяный планъ, гдѣ все дѣлается для разсказа и плана, тамъ, разумѣется, не можетъ быть никакого дѣйствія и движенія, а потому нѣтъ и драмы, которая только и состоитъ изъ движенія страстей, изъ борьбы идей съ событіями жизни, изъ вліянія внѣшняго міра на человѣка внутренняго. Каждый человѣкъ можетъ быть героемъ драмы, или лучше, драматическимъ лицомъ, но только въ минуту самаго сильнаго напряженія его души, въ катастрофу, которая разрѣшается вопросомъ—«*быть или не быть!*» Въ остальныя минуты, когда жизнь его течетъ, какъ по маслу, когда онъ занимается сторонними предметами и не углубляется въ самаго себя — онъ простой смертный, годный, можетъ быть, въ фарсъ, если въ немъ есть странности, или въ разсказчики, если онъ болтливъ.

Уважая вполнѣ прекрасную, патріотическую цѣль почтеннаго автора *Бородинской памяти*, мы только сожалѣемъ, что онъ избралъ для своей мысли не настоящую форму. Тоже самое въ краснорѣчивой брошюркѣ, съ приложеніемъ литографированнаго плана битвы, принесло бы больше пользы, чѣмъ на сценѣ, гдѣ событіе передано въ разсказѣ, а планъ изображенъ картонными дощечками и разноцвѣтными значками, и гдѣ самое намѣреніе автора не нашло должнаго сочувствія. Сцена конечно каѳедра, въ нѣкоторомъ смыслѣ; но съ нея не читаютъ лекцій, а представляютъ факты въ опытахъ. Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ смотритъ на это иначе. Какъ картина, произведеніе г. Великопольскаго имѣетъ достоинство яркости, хорошей рисовки, но за то не носитъ на себѣ вѣрнаго колорита мѣстности. Рисунокъ ея простой и не многосложный: Илья Степанычъ *отставной* (?!) инвалидъ — патріархъ своей избы и деревни, имѣетъ дочь Аннушку, которая приглянулась парню Левону, но Левонъ бобыль, такъ инвалидъ и смѣкаетъ, что выгоднѣе молъ отдать ее за купца Парамона. Межъ тѣмъ, Левонъ не будь глупъ, да и поднялся на хитрости, какихъ иному мужичку и во сто лѣтъ не придумать. Подсмотрѣлъ онъ, что Степанычъ, все читаетъ въ какой-то книжкѣ и наизусть ее твердитъ. Добрался онъ до книжки, глядь, анъ это «*Описаніе Бородинскаю дѣла г-на Неѣлова*». Онъ къ офицеру — обучи его этой книжкѣ. Офицеръ обучилъ, да еще прибавилъ къ ней кое-чего попышнѣе изъ книги того же содержанія Глинки; да мало этаго,

и планъ, находящійся при книжкѣ, выстрогалъ ему изъ дощечекъ и лучинокъ и научилъ парня разставлять, что куда слѣдуетъ. Парень разставилъ все по сценѣ. Вотъ пришелъ Степанычъ, а Левонъ и началъ ему, и началъ: тутъ молъ — стоялъ Наполеонъ, а тутъ анералъ *Быстровъ*, а здѣсь молъ Кутузовъ... а Степанычъ, все больше и больше одушевляясь, пошелъ дополнять его разсказъ, да какъ прочелъ полную реляцію, взялъ да и благословилъ дочку съ бобылемъ, который Нѣлова наизусть помнитъ. Вотъ и все. Трудно повѣрить, чтобы такое событіе было возможно не въ мечтательной русской деревнѣ. Трудно найдти солдата Бородинскаго, который бы говорилъ не своимъ нарѣчіемъ, а риторическими фразами нашихъ народныхъ драмъ. Еще труднѣе безграмотному парню, (что доказывается тѣмъ, что онъ искажаетъ всѣ имена по своему,) изучить въ подробности всѣ движенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ сраженій въ военной исторіи. Вы видите, мы правы, говоря, что картина грѣшитъ противъ колорита мѣстности. Но это только во второмъ дѣйствіи, за то въ первомъ внутренній бытъ русской избы доведенъ до такихъ мельчайшихъ подробностей, что даже великому комику нашему Мартынову пришлось исполнить одну изъ этихъ картинныхъ полутѣней, именно лежать на полатяхъ подъ тулупомъ, потянуться, зѣвнуть живописно и потомъ хриплымъ басомъ сказать: «Парасковья, а ну-ткась сапоги!» Въ этомъ вся его роль, но онъ выполнилъ ее такъ мастерски, что выдвинулся самъ собою на первый планъ картины. Многіе зрители были этимъ чрезвычайно довольны, другіе сожалѣли, что на долю его не досталось роли, болѣе достойной его дарованія.

Въ жизни русскаго народа есть много блистательныхъ, великихъ минутъ, которыя заслуживаютъ *память* вѣчную, но только въ Исторіи, а не на помостахъ сцены. Они такъ возвышенны сами по себѣ, что желая ихъ выставить въ еще большомъ блескѣ, можно только затемнить ихъ многозначительное величіе. По этому драматургамъ слѣдовало бы быть какъ можно осторожнѣе въ выборѣ историческихъ предметовъ для олицетворенія и всегда помнить, что ни въ какой картинѣ, ни въ какой драмѣ не передать такъ коротко и опредѣлительно главную мысль большой части подобныхъ попытокъ, какъ она передана въ одномъ стихѣ старинной трагедіи:

Извѣстенъ свѣту Россъ, — Россъ брани не боится!

«*Урокъ*, даваемый на Александринскомъ театрѣ, *юнкеру передъ производствомъ въ корнеты*» такого свойства, что храни Господь отъ подобнаго назиданія каждаго зрителя, въ какомъ бы чинѣ онъ ни былъ. Выражаясь по персидски—его кормятъ такимъ кускомъ грязи, или въ переводѣ его заставляютъ проглотить такую порцію скуки и безтолочи, что онъ, наконецъ, незная, что подумать, что сказать, произноситъ только—*пшъ*! При соединеніи этихъ звуковъ въ одинъ громкій аккордъ въ цѣлой залѣ—совершается великолѣпное паденіе этой *оригинальной* комедіи. Видите ли, безбородый юнкеръ Волковъ, стоя въ деревнѣ русскаго помѣщика Бѣльскаго, среди Швейцарской долины, въ виду чуть ли не Симплонской дороги, отъ нечего дѣлать, открывается въ любви помѣщицѣ. А майоръ его полка, Вольмаръ, подозрѣваетъ, что онъ волочится за его невѣстой, сестрою помѣщицы. Помѣщица хочетъ дать урокъ юнкеру:—велитъ ему одѣться въ женское платье и придти вечеромъ на свиданіе. Онъ приходитъ и тутъ застаетъ его Вольмаръ, принимая за свою невѣсту: приносятъ свѣчи, храбрый майоръ видитъ свою ошибку и кстати объявляетъ юнкеру, что его произвели въ корнеты. Занавѣсъ падаетъ, пьеса то же. Это урокъ!

—

«ДВОЕ КРИВЫХЪ или ДОКТОРЪ ШАРЛАТАНЪ» — то же *Любовное зелье*, только въ новомъ, и притомъ худшемъ, видѣ. Двѣ дѣвушки въ деревнѣ любили двухъ парней, которые попали въ солдаты. Отпросясь въ отпускъ, воины хотятъ испытать своихъ возлюбленныхъ и завязываютъ себѣ по одному глазу, говоря, что ранены въ сраженіи. При видѣ этихъ амуровъ, лишенныхъ зрѣнія, глупыя дѣвочки не хотятъ за нихъ выходить за мужъ, не понимая, что слѣпой мужъ для жены настоящая находка. Пріѣзжаетъ въ деревню шарлатанъ, въ родѣ доктора Дулькамара и берется вылечивать всѣ болѣзни своими зельями. Молодые люди, испуганные охлажденіемъ своихъ невѣстъ, рѣшаются кончить свою комедію естественнымъ образомъ: они заставляютъ доктора вылечить свои глаза. Шарлатанъ въ отчаяніи, видя, что попался, но къ удивленію его и всей деревни, слѣпые прозрѣваютъ и женятся, кому на комъ слѣдуетъ. Шарлатану славный день въ довѣрчивой публикѣ, а публикѣ это лучшая пьеса въ бенефисѣ. Она, по крайности, забавна.

—

КРАСАВИЦА И ЗВѢРЬ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *А. Н. Ан—ва.*

ВОЛЧІЙ РОТЪ, ЛИСІЙ ХВОСТЪ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *Д. Ленскимъ.*

(*Бенефисъ г-жи Валберховой*).

Красавица—г-жа Самойлова 2, звѣрь—г. Сосницкій; красавица — дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей; звѣрь—ростовщикъ и банкиръ; вы видите, въ этой пьесѣ все натурально. Банкиръ, недовольный цѣлымъ свѣтомъ, который ограбилъ, людьми, которые его обогатили, самимъ собою, за то, что не знаетъ, что дѣлать съ богатствомъ, рветъ и мечетъ, грубитъ, кричитъ, рычитъ, гонитъ и бьетъ, кого попало. Въ числѣ гонимыхъ и его конторщикъ, молодой человѣкъ, прокармливающій своимъ жалованьемъ цѣлую семью. Сестра конторщика приходитъ просить за него, звѣрь въ нее влюбляется и, перевоспитанный любовью, дѣлается кротче агнца, что я говорю, даже кротче—глупаго человѣка. Это тотже *Андрей Степановичъ Бука*, только во французскихъ нравахъ. Характеръ звѣря слабая копія съ *купца Бота*. Пьеса полна общихъ водевильныхъ мѣстъ, но ведена не дурно, а разыграна и того лучше.

ВОЛЧІЙ РОТЪ И ЛЬСИЧІЙ ХВОСТЪ — пьеса хорошая, но, къ несчастію, г. Ленскій не пощадилъ ее отъ русскихъ нравовъ и она стала неправдоподобна. Что-же касается до страшныхъ вещей, помѣщенныхъ въ ея заглавіе и какъ-то напоминающихъ волчью долину во Фрейшютцѣ, то неопасайтесь:—это просто маленькая бенефисная спекуляція, ради афишки; ни волчьей головы, ни лисьяго хвоста вы въ пьесѣ не встрѣтите. Дѣло очень простое. Лилѣевъ, по афишѣ—богатый купецъ, котораго впрочемъ можете принять за кого угодно — за помѣщика, за ремесленника, за чиновника, потому-что онъ не похожъ ни на кого изъ нихъ, пристроилъ было дочку за г. Лирскаго, (тоже за кого угодно,) и разсуждаетъ съ женою о томъ, какъ бы не врелно было приспособить теперь и племянницу, Юлиньку, тоже за какого-нибудь этакого.... за кого угодно. Но тетенькѣ жаль приданаго. Въ эту минуту они получаютъ письмо отъ Кубарева, который рылся въ Сибири и отрылъ себѣ кучу золота. Будучи пріятелемъ Лилѣева онъ предлагаетъ ему взять это золото въ свою торговлю, а его принять въ свое семейство. Вотъ это ладно, по мнѣнію тетиньки: денежки его

мы приберемъ, а ему, взамѣнъ, дадимъ племянницу — оно и выйдетъ, какъ нельзя лучше, онъ будетъ въ семействѣ, и мы останемся при своемъ. Пріѣзжаетъ самъ Кубаревъ. Это нѣчто въ родѣ московскихъ купеческихъ сынковъ, герой Марьиной рощи, обожатель цыганокъ и горскаго, который проводитъ дни въ заведеніи, а ночи въ пріятной компаніи, словомъ, ясный-соколъ, кутило-молодецъ, только во французскихъ формахъ, пресмѣшно противорѣчащихъ его описанію. Онъ о женитьбѣ и слышать не хочетъ: куда тебѣ! ему совсѣмъ не того нужно— подавай разливанное море, да чтобъ оно ему постоянно было по колѣна. Лилѣевъ этому радъ, потому-что не желалъ-бы погубить племянницу, а жена его выходитъ изъ себя, потому-что не можетъ ее сбыть съ рукъ, и наконецъ, гонитъ гостя изъ дому, а бѣдную Юлію въ ея комнату. Юлія несчастна, плачетъ, гулякѣ ее жаль... Ай, говоритъ, чертъ побери! Была не была, женюсь на ней, да и концы въ воду. Тетинька рада, дядинька морщится, Юлія довольна — и свадьба сыграна. Ладно. Вотъ и живутъ себѣ оба семейства Лирскаго и Кубарева на славу. Ладно. Въ домашнемъ быту и водой не помутятъ. Ладно. Въ одно прекрасное утро въ домъ Лилѣева приносятъ какое-то письмецо на имя Кубарева. По сродному женщинамъ любопытству, Лилѣева его распечатываетъ: это любовное приглашеніе отъ какой-то мамзели. Чудная находка! тетинька спѣшитъ разстроить семейное счастіе племянницы. Супруги ссорятся; а молодые Лирскіе гордятся передъ ними своимъ согласіемъ и счастіемъ. Оказывается, что кутило-Иванычъ вовсе не виноватъ, а что это все проказы тихонькаго Лирскаго, который велѣлъ адресовать къ себѣ письма на имя свояка. Тетинька и дядинька остаются въ счастливомъ невѣденіи, и оба семейства благополучны. Вы видите, что тутъ ни лисицъ, ни волковъ не водится, а есть недурная мысль, весьма изуродованная несообразностями дѣйствія, характеровъ и положеній съ нашей жизнью и нашими нравами. Еслибъ пьеса была просто переведена, а не передѣлана, она много бы выиграла. Остроумныхъ куплетовъ нѣтъ.

Разыграна пьеса съ величайшимъ тщаніемъ, но актеры ничего не могли изъ нея сдѣлать, потому-что имъ трудно было попасть въ настоящіе характеры, которыхъ лица не имѣютъ.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ дивертисманъ, подъ древнимъ названіемъ: *Артисты между собою* или *чей фантъ вынется, что тому дѣлать?* Дивертисманъ самъ-по себѣ прекрасенъ, ибо въ немъ г-жа Дюръ пляшетъ по русски, а Брянскій

читаетъ стихи Пушкина; одного этого достаточно, чтобы сдѣлать его для всѣхъ занимательнымъ, но за чѣмъ-же къ нему прицѣпленъ этотъ неизбѣжный, обвѣтшалый прологъ, который тѣмъ смѣшнѣе, что публика за недѣлю уже прочла на афишахъ чей фантъ вынется, и кто что будетъ дѣлать. Пора бы г. бенефиціантамъ придумать интермедію по новѣе и по замысловатѣе.

Ѳ. Кони.

ПАНОРАМА
ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

ПАРИЖЪ. Бѣдственное положеніе здѣшнихъ театровъ становится съ каждымъ днемъ хуже и хуже; всѣ директоры съ трепетомъ ждутъ минуты, когда всѣ ихъ средства истощатся и они принуждены будутъ объявить себя банкротами. Одеонъ уже закрытъ, а директоръ его, Вицентини, бѣжалъ отъ кредиторовъ; всѣ прочіе театры едва держатся. Коммисія, назначенная правительствомъ для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ и правахъ театровъ, не смотря на всю свою добрую волю, не можетъ помочь имъ; потому что единственное средство помочь имъ въ настоящую критическую минуту — деньги, а ихъ неоткуда взять. Между тѣмъ, въ Коммисію каждый день присылаютъ десятки разсужденій и проектовъ новаго устройства и управленія театровъ, какъ по хозяйственной, такъ и по художественной части. Всѣ эти проекты болѣе или менѣе замысловаты и внушены искреннимъ желаніемъ блага искусству и его служителямъ, но были бы неудобоисполнимы даже при цвѣтущемъ состояніи театровъ, а тѣмъ болѣе теперь.

Къ большому еще несчастію театровъ, новыя пьесы слабы и ничтожны до нельзя, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ, трехъ произведеній, и если театры еще имѣютъ какіе нибудь сборы, то только благодаря нѣкоторымъ старымъ пьесамъ, Понсаровой *Лукреціи*, *Клеопатрѣ* — г-жи Жирарденъ, *Алодѣ*, *Гризельдѣ* и проч.

Всѣхъ счастливѣе въ новостяхъ театръ Республики (бывшій Французскій театръ) и театръ Драматической Гимназіи.

Первый поставилъ новую комедію г. Ожье, *Искательница приключеній* (l'Aventurière) и давно извѣстную драматическую пословицу Альфреда де Мюссе, Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée.

Ожье уже давно стяжалъ себѣ почетное мѣсто во французской драматической литературѣ прекрасною своею комедіею *Цикута*. Новое произведеніе его не увеличитъ, правда, славы автора, но и не повредитъ ей. Героиня его одна изъ тѣхъ женщинъ, умныхъ, хитрыхъ, дерзкихъ, которыхъ любили выбирать поэты de la capa y espada. Куртизанка Клоринда такъ овладѣла умомъ и сердцемъ стараго негодяя Геронима, что не смотря на свои сѣдые волосы, на взрослыхъ дѣтей и на негодованіе всѣхъ родныхъ, онъ хочетъ на ней жениться и отдать ей все свое имѣніе. Ксчастью, сынъ его, Фабриціи, во-время пріѣзжаетъ изъ арміи, и, узнавъ о проказахъ отца, рѣшается образумить его. Сестра совѣтуетъ ему отложить въ сторону свое солдатское прямодушіе и бить интригантку собственнымъ ея оружіемъ, хитростью; но хитрость не дается его солдатской натурѣ и едва не дѣлается причиною его неудачи. Чтобы не возбудить подозрѣнія Клоринды, онъ является въ отцовскій домъ подъ именемъ сослуживца; отецъ, давно не видавшій сына, не узнаетъ его. Фабриціи начинаетъ свои военныя дѣйствія съ пьянаго хвастуна и негодяя Франкотрины, сообщника Клоринды; напоивъ его, онъ выводитъ отъ него всѣ тайны куртизаны и передаетъ ихъ отцу. Старикъ приходитъ въ бѣшенство и хочетъ прогнать обманщицу; но ей ли не справиться съ гнѣвомъ влюбленнаго старика? Она доводитъ его до того, что онъ же вымаливаетъ у нея прощенія, и въ знакъ примиренія проситъ назначить день свадьбы. Увидѣвъ первую неудачу, Фабриціи приступаетъ съ другой стороны. Онъ подаетъ старику письмо отъ его сына, въ которомъ выдаетъ себя за богатаго нѣмецкаго принца, путешествующаго инкогнито; честь принимать у себя такую важную особу до того радуетъ Геронима, что онъ сообщаетъ тайну своей возлюбленной, которая вдается въ обманъ и рѣшается завладѣть сердцемъ знатнаго гостя. Фабриціи льститъ ей притворною любовью; но въ то самое время, какъ они уговариваются бѣжать, входитъ Геронимъ и, видя Фабриція у ногъ своей Дульцинеи, хочетъ поколотить соперника. «Батюшка!» вскрикиваетъ Фабриціи; это неосторожное слово разрушаетъ его вторую хитрость и отбиваетъ охоту хитрить.

Какъ сынъ, онъ прямо и смѣло заступается за честь своего дома, открываетъ всѣ продѣлки низкой обманщицы и благороднымъ прямодушіемъ уничтожаетъ ея дерзость. Надо сознаться, что мысль заставить благороднаго человѣка хитрить и кривить не совсѣмъ удачна, характеръ Фабриція дѣлается оттого не послѣдовательнымъ; хитрость, почти перехитрившая Клоринду, не вяжется съ прямизною его въ пятомъ дѣйствіи. Тотъ же недостатокъ и въ характерѣ самой Клоринды; пристыженная, выгнанная изъ дому, гдѣ она была царицею, она вдругъ переходитъ отъ ненависти къ благоговѣнію и любви и умоляетъ Фабриція объ одной милости: позволить ей проститься съ нимъ и утѣшиться въ своемъ уединеніи мыслью, что она заслужила уваженіе и прощеніе благороднаго человѣка! Не смотря на этотъ недостатокъ, пьеса эта одна изъ лучшихъ комедій, явившихся въ послѣднее время; особенное уваженіе заслуживаетъ она по истинно художественной отдѣлкѣ.

О пословицѣ Альфреда де Мюссе говорить нечего; она уже давно напечатана и извѣстна всему читающему міру; притомъ пьесамъ этого остроумнаго писателя судьба являться на Петербургской сценѣ прежде, чѣмъ на парижской, такъ было съ его *Прихотью*, такъ и съ этою пословицею. Скажемъ только, что появленіемъ ея на театрѣ парижская публика обязана преимущественно талантливой г–жѣ Алланъ.

Кстати, вотъ анекдотецъ, ходящій по Парижу, по поводу пословицъ Мюссе. *Прихоть* его, говорятъ, какъ бѣльмо на глазу у Арсенія Гуссе, который самъ, за нѣсколько лѣтъ, поставилъ на театрѣ Одеона *Прихоть маркизы*. Арсеній Гуссе, какъ извѣстно, очень умный человѣкъ, страстный любитель и знатокъ живописи и написалъ о ней нѣсколько очень дѣльныхъ книгъ; но онъ незавидный романистъ и плохой драматургъ; немудрено, что его *Прихоть* не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Недавно, во время представленія *Прихоти* Мюссе, онъ очень наивно сказалъ пріятелю: «Какъ непостояненъ вкусъ публики. Когда я поставилъ свою *Прихоть*, никто не хотѣлъ и взглянуть, а теперь всѣ бѣгутъ на *Прихоть* Мюссе.» О авторское самолюбіе!

Комическая Опера даетъ оперетку г. Лепрово: *Пробужденіе отъ сна*. Въ музыкѣ Лепрово есть умъ, игривость, замысловатость, знаніе дѣла; но непостижимо, какъ онъ могъ выбрать такое пошлое либретто! Авторъ его, дѣвица Дюваль, по всѣмъ вѣроятностямъ, взлелѣянная на книгахъ Флоріана и Беркена. Представьте себѣ молодаго человѣка, прекрас-

наго, скромнаго, кроткаго, влюбленнаго пламенно, но безнадежно, словомъ настоящаго Флоріановскаго жениха – пастушка. Онъ вѣроятно и умеръ бы женихомъ, а мамзель Зелія невѣстою, если-бы не вмѣшался нѣкто мосье Викторъ; онъ, не спрашивая даже согласія прекраснаго молодаго человѣка, сватаетъ его, уламываетъ отца прекрасной молодой дѣвицы, даетъ имъ приданое и ведетъ къ вѣнцу. Тутъ только прекрасный молодой человѣкъ и прекрасная молодая дѣвица узнаютъ свое счастіе и *пробуждаются отъ сна*. Честь и слава прекрасной молодой дѣвицѣ (всѣ дѣвицы молоды и прекрасны), воспитанной на идилліяхъ Флоріана и сказочкахъ Беркена!

Торговецъ игрушками (Le marchand de jouets d'enfans), комедія-водевиль гг. Мелевиля и Гильяра, (на театрѣ Гимназіи) также сбиваетъ на идиллію, но не на Флоріановскую. Мысль ея заимствована отчасти изъ прелестной сказки Диккенса: *Сверчокъ*. Разорившійся отецъ трудится день и ночь, чтобы скрыть свою нищету отъ слѣпой дочери; самъ сидитъ иногда безъ куска хлѣба, но удовлетворяетъ каждой прихоти милой Габріели. Но средства его истощаются съ каждымъ днемъ; скоро ему надо будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ хитростей и открыть бѣдной страдалицѣ весь ужасъ ея положенія. Ксчастью, тутъ подвертывается женихъ, который, по водевильному обычаю, сначала выдаетъ себя за артиста, а потомъ, получивъ сердце Габріели открываетъ, что онъ лордъ милліонеръ, и проситъ ея руки. Въ дополненіе счастія, пріятель его врачъ даетъ слово возвратить ей зрѣніе. Слабость цѣлаго выкупается въ водевилѣ замысловатостью и прелестью подробностей.

Съ нѣкоторымъ успѣхомъ даются также на театрѣ Гимназіи: *Геркулесъ Беломъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Дювера и Лозанна, *Рояль-Пандаръ, или любовь повѣсы*, комедія – водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Деннери и Поля Фуше, и *Негодяй въ супружествѣ*, комедія – водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Филиппа Марвиля.

Знаете ли, что такое Royal-pendard? Въ оригинальный вѣкъ Людовика XV, составился клубъ повѣсъ, умныхъ, очаровательныхъ негодяевъ, имѣющихъ цѣлью кружить головы женамъ и бѣсить мужей и переходить отъ побѣды къ побѣдѣ, пока не найдется существо, которое въ свою очередь покоритъ ихъ сердце и втянетъ ихъ въ узы законнаго брака, (это относится только къ водевильнымъ повѣсамъ, въ дѣйствительности же повѣсы никогда неспособны любить и умираютъ по-

вѣсами.) Къ числу членовъ этого клуба принадлежитъ и Марсильякъ; но онъ исключеніе изъ повѣсъ, даже водевильныхъ, ибо въ немъ есть хоть одно благородное чувство: безпредѣльная любовь къ матери. По водевильной же игрѣ случая, его братья повѣсы, думая похитить его врага, умную и добродѣтельную г-жу Водрель (не дивитесь, дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Людовика XV,) похищаютъ мать Марсильяка, которой, разумѣется, порядкомъ достается отъ насмѣшниковъ. Марсильякъ вызываетъ на дуэль всѣхъ, всѣхъ ранитъ, а самъ получаетъ только небольшую царапину, чтобы имѣть случай проѣхаться въ Италію. Г-жа Водрель, какъ можно предвидѣть, любитъ негодяя Марсильяка; вотъ почему она разстроила всѣ его виды на родственницу ея, Жюльетту, которая рада бы отдать ему сердце и натянуть носъ своему жениху Гастону; но оскорбленная вниманіемъ его къ Жюльеттѣ, г-жа Водрель принимаетъ предложеніе дурака Шандоре. Вскорѣ однако-же, она узнаетъ, что ее, а не Жюльетту любитъ Марсильякъ, и выходитъ за него; Жюльетта же остается по неволѣ вѣрна Гастону, а Шандоре идетъ въ духовное званіе, въ надеждѣ на будущую епископскую митру. — Пьеса, какъ видите, не задорна, но при нынѣшнемъ безплодіи на порядочныя пьесы и за нее спасибо, тѣмъ болѣе, что Марсильяка играетъ Брессанъ, а г-жу Водрель очаровательная Роза Монтиньи (бывшая Шери).

Геркулесъ Беломъ также повѣса, но повѣса девятнадцатаго вѣка, то-есть, левъ, у него одна цѣль въ жизни, хорошо пожить и дать поживиться ростовщикамъ. Въ одно прекрасное утро, ростовщики отказались снабжать его деньгами и ему осталось на выборъ: идти въ тюрьму, или жениться на богатой (деньгами и лѣтами) вдовѣ Дювивье; онъ рѣшился на послѣднее зло; съ этого несчастнаго дня прощайте всѣ радости Парижской жизни; жена ревнуетъ его къ его кузинѣ, у нея же тридцатилѣтній сынъ, который не позволяетъ отчиму ни на шагъ отступать отъ супружескаго почтенія; наконецъ, пощечины дражайшей половины выводятъ несчастнаго изъ терпѣнія и заставляютъ требовать развода; тутъ же онъ узнаетъ, что богатство ея заключается въ трехъ домахъ, описанныхъ за долги. Между-тѣмъ, умираетъ дядя Белома, оставляетъ племяннику, а не племянницѣ огромное состояніе. Бѣдный Геркулесъ! какъ бы онъ прежде радовался этому благополучію! а теперь на что оно ему? Совѣстно-же взять наслѣдство и пустить жену ни съ чѣмъ! Скрѣпя сердце, онъ оставляетъ

ее въ Парижѣ сватать сына на его кузинѣ, а самъ отправляется въ провинцію, управлять дядюшкиною фабрикою. Этотъ бѣдный Геркулесъ Беломъ ни кто иной, какъ Арналь; мудрено ли послѣ того, что публика хохочетъ, а слѣдовательно и аплодируетъ?

Если эти два *Повѣсы* не отличаются новостью, то еще менѣе новъ негодяй г. Марвиля; такихъ негодяевъ перевидано уже безъ счету. Наскучивъ повѣсничаньемъ и волокитствомъ, г. Васси женится, оставляя между прочими жертвами своихъ подвиговъ молодую дѣвушку, которая, видя въ будущемъ для себя и для своего ребенка одно безчестье и нищету, рѣшилась избѣжать ихъ самоубійствомъ. Васси ничего не слыхалъ о несчастной со дня своей свадьбы, и убѣжденъ, что она исполнила свое намѣреніе. Съ тѣхъ поръ совѣсть не даетъ ему ни минуты покою. Съ другой стороны терзаетъ его ревность; Дюбиньянъ замѣтилъ ему, что Виранжъ ухаживаетъ за его женою, сначала онъ не хотѣлъ обращать вниманія на эти навѣты; но онъ перехватываетъ таинственное письмо, писанное химическими чернилами. Онъ думаетъ уже, что имѣетъ въ рукахъ доказательство преступленія жены, а вмѣсто того, открываетъ изъ письма, что она спасла его несчастную жертву отъ смерти и съ тѣхъ поръ помогаетъ ей. Затѣмъ примиреніе; и Дюбиньянъ женится на кузинѣ г-жи Васси.

На театрѣ Разнообразія даются двѣ новыя пьесы: *Мадемуазель де Туази*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Сенъ-Жоржа и Бернара-Лонеса; и *Маделинетта и Маделина*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Альзея.

Кто въ дѣтствѣ своемъ не учился древней миѳологіи? Правда, что вышедши изъ дѣтства, мы прежде всего стараемся забыть все, чему насъ учили; но если не изъ миѳологіи, то хоть изъ Гомера, вы вѣроятно помните исторію Ахиллеса, котораго нѣжная мать, желая предохранить отъ опасностей войны, нарядила въ женское платье? Тоже было съ молодою графинею, или вѣрнѣе, съ молодымъ графомъ де Шуази; это дѣйствительно молодой графъ, хотя онъ и ходитъ въ женскомъ платьѣ. Отецъ его передъ смертью поссорился съ капитаномъ Пильбуа и ранилъ его; Пильбуа поклялся отомстить ему; но какъ графъ вскорѣ за тѣмъ былъ убитъ въ сраженіи, то онъ и перенесъ свою месть на его сына; вотъ почему графиня одѣла его въ женское платье и воспитала, какъ дѣвочку. Но гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно; такъ и Леонида предпочитаетъ рапиры и верховую ѣзду там-

бурной работѣ. Въ домѣ графини живетъ ея племянница, которую она хочетъ выдать за банкира Ларигоди. Но Юліи очень не нравится ея женихъ, что она и говоритъ своей мнимой кузинѣ. Леонида придумываетъ весьма простое средство помочь ея горю ; она рѣшается сама выдти за банкира. Сказано, сдѣлано; молодые вѣнчаются въ отсутствіе графини; а старая няня не замѣтила подмѣны. Ларигоди отправляется съ мнимою супругою въ свои помѣстья ; но дорогою карета опрокидывается и они принуждены остановиться на постояломъ дворѣ; тутъ только няня замѣчаетъ свой промахъ и посылаетъ къ графинѣ гонца съ извѣстіемъ о случившемся. Въ тоже время на постоялый дворъ пріѣзжаетъ Пильбуа ; Леонида, или Леонъ надѣваетъ офицерскій мундиръ и вызываетъ его; Пильбуа сначала не хочетъ съ нимъ драться, однако-же , выведенный изъ терпѣнія, соглашается. Между тѣмъ, пріѣзжаетъ сама графиня, и съ радостью узнаетъ, что сынъ ея отдѣлался цѣною небольшой царапины и помирился съ Пильбуа ; на радости она позволяетъ Леону жениться на Юліи, не смотря на притязанія одураченнаго банкира. Пьеса очевидно написана единственно для г-жи Дежазе, играющей Леониду.

Маделина и Маделинетта ничто иное, какъ полновленная старинная пьеса l'Epée de mon oncle, съ приправою кой-какихъ подробностей, заимствованныхъ изъ полдюжины другихъ пьесъ. Какой-то крестьянкѣ даны были для кормленія двѣ дѣвочки; одна племянница какой-то баронессы, а другая дочь канатнаго плясуна. По смерти кормилицы, плясунъ пришелъ за дочерью, но не могъ узнать ее, и потому взялъ обѣихъ дѣвочекъ, надѣясь этимъ заслужить благодарность родственниковъ баронской племянницы. Съ тѣхъ поръ онѣ шатаются съ нимъ по бѣлу свѣту и научились его ремеслу. Къ Маделинеттѣ присталъ какой-то купеческой сынокъ и готовъ на ней жениться, въ надеждѣ, что она окажется племянницею баронессы. Плясунъ, между тѣмъ, какъ-то отыскиваетъ баронессу и представляетъ ей обѣихъ дѣвушекъ, выхваляя ихъ превосходное воспитаніе по части канатнаго балансированія, которымъ онѣ обязаны ему одному. Хотя это воспитаніе не совсѣмъ баронское, однако-же баронесса на это не обращаетъ большаго вниманія, потому что за племянницею ея огромное приданое, на которомъ ей хотѣлось бы женить сына. Остается только узнать, которая изъ двухъ дѣвушекъ баронская дочь? Къ счастью, кормилица ихъ была грамотна, и написала записку, которая отыскивается весьма кстати и изъ которой, по примѣтамъ, оказывается, что племянница

баронессы Маделина. Купеческій сынокъ въ отчаяніи, потому-что онъ уже женился на Маделинеттѣ. Но Маделина не хочетъ выходить за барона, а выходитъ за бѣднаго молодаго человѣка, котораго она давно любитъ, и остается съ плясуномъ и его дочерью.

Театръ Монтансье (бывшій театръ Пале-Рояля), даетъ *Сентиментальное путешествіе*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Варена, Лёвена и Брунсвика. Не думайте, чтобы это было путешествіе Стерна; совсѣмъ не то; это просто шутка, невѣроятная, нелѣпая, но забавная до нельзя; и полная довольно крупныхъ остротъ, каковы вообще пьесы Варена. Нѣкто, г. Туртеро, едва обвѣнчавшись, уѣхалъ съ своею молодою супругою, чтобы освободиться отъ докучливыхъ поздравленій и пира; онъ ищетъ покоя и уединенія, а вмѣсто того попадаетъ на постоялый дворъ, набитый пирующими пассажирами; мало того, тесть настигаетъ его и хочетъ непремѣнно утащить назадъ; онъ бросается съ женою въ дилижансъ, пріѣзжаетъ... хвать! вмѣсто жены подлѣ него какая-то пѣвица, бѣгущая отъ своего любовника; все второе дѣйствіе онъ гоняется за женою; занавѣсъ опускается, а онъ все еще бѣжитъ... за первымъ поцѣлуемъ молодой супруги.

На театрѣ Веселости имѣетъ большой успѣхъ драма Розье: *Вѣра, Надежда и Любовь*. Водевили и комедіи Розье отличаются запутанностью, а иногда и невѣроятностью; но они всегда замысловаты и забавны; когда же онъ пустится въ драму, изъ подъ пера его всегда выходитъ какое нибудь романтическо-уродливое созданіе. Такова и настоящая его драма. Поль Вальтеръ несправедливо обвиненъ въ воровствѣ и скитается по свѣту нищимъ; онъ встрѣчается съ братомъ, живописцемъ Альберомъ, котораго онъ не видалъ съ дѣтства, и котораго также преслѣдуетъ какой то Мюллеръ, заклятый врагъ всѣхъ таинственныхъ художниковъ. Но Альберу Богъ далъ утѣшеніе, во-первыхъ, у него есть дочь, Лучія, плодъ проступка, которую онъ воспитываетъ въ тайнѣ; во-вторыхъ, его любитъ дочь богатаго банкира Мартелли; все уже готово къ ихъ свадьбѣ, но Мюллеръ разстроиваетъ ее, обвинивъ Альбера въ незаконной связи съ Лучіею; хотя Альберъ объясняетъ тайну, но свадьба все-таки не можетъ состояться, потому что Мюллеръ открылъ, что братъ Альбера приговоренъ къ каторгѣ за воровство; оба брата и Лучія должны бѣжать и жить милостынею. Мюллеръ, между тѣмъ, добивается руки Матильды. Несчастные находятъ убѣжище въ Римѣ, у ученика Альбера, Рауля, который поклял-

ся наказать ихъ гонителя; ему извѣстно, что онъ виновникъ воровства, въ которомъ обвиненъ Поль, и онъ долженъ скоро получить документы, изобличающіе преступника. Но Мюллеръ, провѣдавъ это, убиваетъ Рауля и бросаетъ его въ Тибръ. Подозрѣніе опять падаетъ на Альбера и Поля; они приговорены къ смертной казни; первый идетъ на эшафотъ, съ проклятіемъ, второй съ спокойствіемъ мученика; Мюллеръ торжествуетъ; но близокъ его часъ; Рауля вытащили изъ воды и онъ выздоровѣлъ отъ раны; онъ является съ документами, изобличаетъ преступника и освобождаетъ невинныхъ страдальцевъ.

Другой извѣстный человѣкъ въ театральномъ мірѣ, г. Шарль Лафонъ, также написалъ драму, почти такую же романтико-уродливую; она играна на театрѣ Республики подъ названіемъ *Виконтесы д'Обре*. Много лѣтъ назадъ, еще во время Французской революціи, г. д'Обре, и любовница его, г-жа Бальцъ, прельстясь наслѣдствомъ г-жи д'Обре, обрекли ее революціонному мечу и разнымъ проискамъ, и не только добились того, что она приговорена къ казни, но даже получили свидѣтельство въ исполненіи приговора. Маркизъ д'Обре назначенъ опекуномъ малолѣтной дочери виконтессы и, разумѣется, обираетъ ее и дѣлится съ своею сообщницею. Но виконтесса не умерла; ее какими-то мудреными средствами спасъ музыкантъ Кипелли, и чрезъ пятнадцать лѣтъ она выходитъ изъ своего тайнаго убѣжища и требуетъ отчета отъ преступниковъ. Но что значатъ ея доказательства передъ судебнымъ свидѣтельствомъ о ея смерти; маркизъ обвиняетъ ее въ самозванствѣ и обманѣ; онъ прибѣгаетъ къ суду, но опасаясь послѣдствій процесса, грозится не позволить своему сыну жениться на ея дочери, если она не отречется письменно отъ своихъ притязаній. Виконтесса на все согласна для счастія дочери. Но является докторъ, отецъ той дѣвушки, которая цѣною собственной жизни спасла виконтессу, уличаетъ виновныхъ, и одно великодушіе виконтессы спасаетъ ихъ отъ каторги.

Къ этому перечню новыхъ пьесъ можно бы еще прибавить съ полдюжины патріотическихъ пьесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ перу самыхъ остроумныхъ писателей; но онѣ и на театрѣ возбуждали одну зѣвоту; тѣмъ же болѣе будутъ скучны въ отчетѣ.

—

АНГЛІЯ.

ЛОНДОНЪ. Здѣшніе театры представляютъ мало любопыт-

наго. На праздникахъ, какъ водится, давались *бурлески*, то есть, что-то среднее между произведеніями театральными и балаганными, и напоминающее своимъ остроуміемъ и намеками парижскія revues. Наиболѣе замѣчательны въ нынѣшнемъ году *Отрантскій замокъ*, на Геймаркетскомъ театрѣ, пародія знаменитаго романа Горація Уальполя; *Тезей и Аріадна*, сочиненіе Планше, на театрѣ Лицеума; и *Миссія въ Борнео*, на Олимпійскомъ театрѣ, въ которой является Ванъ-Амбургъ съ своими учеными звѣрями.

Въ Королевской Итальянской оперѣ дебютировала новая для здѣшней публики примадонна, г-жа Шварцъ. Эта молодая артистка, любимица Вѣны, имѣетъ сильный, полный, мягкій контральтовый голосъ и очень хорошо имъ владѣетъ. Для дебюта она выбрала роль Орсини въ *Лукреціи Борджіи*; роль небольшая, но она спѣла ее съ такимъ искусствомъ и одушевленіемъ, въ особенности послѣднее дѣйствіе, что возбудила всеобщій энтузіазмъ, какого не возбуждала въ этой роли сама Альбони. Опера обставлена превосходно; *Алфонсо* играетъ Лаблашъ, *Лукрецію* синьора Крувелли, *Дженнаро* Гардони.

Но торжествомъ Королевской Итальянской оперы былъ дебютъ Женни Линдъ, въ *Невѣстѣ-лунатикѣ*. О томъ, что такое Женни Линдъ въ этой роли, столько было говорено и писано, что трудно о ней сказать что нибудь новое. Впрочемъ, мы, можетъ быть, скоро и возвратимся къ ней, когда увидимъ въ той же роли ея великую соперницу, г-жу Віардо-Гарсію, которая, какъ увѣряютъ, выбрала эту же оперу для перваго дебюта своего на Ковентгарденскомъ театрѣ.

Что касается до пріема, сдѣланнаго очаровательной Аминѣ, нѣтъ словъ, чтобы выразить энтузіазмъ публики.

Ковентгарденская итальянская опера давала до сихъ поръ, кромѣ *Танкреда*, *Семирамиду*, *Дѣву озера*, *Севильскаго цирюльника* и *Дона-Жуана*. Альбони, въ роляхъ Арзаче и Малькольма (въ *Дѣвѣ озера*), несравненно лучше, чѣмъ была въ прошломъ году; она дѣлаетъ явные, быстрые успѣхи. Лучшая, впрочемъ, ея роль, до сихъ поръ, *Ченерентола*; тутъ она почти вполнѣ оправдываетъ громкіе возгласы парижскихъ журналовъ. Въ *Цирюльникѣ* явились опять *Перолли*, которой голосъ совершенно оправился, Сальви и Ронкони.

Недавно имѣли мы удовольствіе видѣть Макреди въ роли Брута, въ Шекспировомъ *Юліи Цезарѣ*.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

—

СИГНАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

—

Разсказы г. Плещеева; Управитель, повѣсть г. Аскольдова; Люди странствующіе, повѣсть г. Ковалевскаго; Приключенія домашняго учителя, романъ г. А. Р-па. Москвитянинъ. Нѣсколько словъ о русскихъ газетахъ.

—

Статья вторая.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ Пантеона намъ остается пересмотрѣть слѣдующіе журналы за Январь и Февраль мѣсяцы: *Библіотеку для чтенія*, *Сѣверное Обозрѣніе*, *Сынъ Отечества* и *Москвитянинъ*, да въ бѣгломъ очеркѣ представить отчетъ о дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ газетъ нашихъ: *С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей*, *Сѣверной Пчелы* и *Инвалида*.

Но прежде — нежели мы приступимъ къ этому, долгомъ считаемъ упомянуть о нѣкоторыхъ небольшихъ разсказахъ, помѣщенныхъ въ смѣси *Отечественныхъ Записокъ* и *Современника*, о которыхъ мы не успѣли представить читателямъ нашего мнѣнія въ прошломъ обзорѣ. Такихъ разсказовъ было три: *Чужая жена* г. Ѳ. Достоевскаго, *мелкопомѣстные помѣщики* г. Ковалевскаго и *Папироска:* г. Плещеева. Чтобъ не дѣлать слишкомъ большаго отступленія, мы поговоримъ лишь о послѣднемъ, потому что г. Плещеевъ только еще выступаетъ на поприще повѣсти и долгъ заставляетъ насъ высказать свое мнѣніе о его талантѣ.

Г. Плещеевъ былъ извѣстенъ до сихъ поръ въ литературномъ мірѣ небольшимъ томикомъ своихъ стихотвореній, изъ которыхъ многія были замѣчательны, особливо нѣсколько поэтически-вѣрныхъ переводовъ изъ Гейне. Но, какъ кажется, въ послѣднее время онъ задумалъ измѣнить Аполлону

и попытать силы свои въ прозѣ. Говорятъ, что время поэзіи и въ особенности лиризма для насъ прошло: мы думаемъ, что оно еще не наступило. Что публика охладѣла вообще къ стихотвореніямъ и почти ихъ вовсе не читаетъ — это еще ничего недоказываетъ. Явится сильное дарованіе, внесетъ новыя стихіи и въ содержаніе и въ форму свою, выдвинетъ изъ жизни доселѣ невиданные образы и вотъ мы всѣ, люди хладнокровные и положительные, читающіе только скуки-ради, между обѣдомъ и преферансомъ, всѣ мы станемъ вдругъ восхищаться, выучимъ наизустъ цѣлыя тирады и, къ крайнему удивленію своему, обрѣтемъ въ груди у себя бездну чувствительности. Чего добраго, намъ даже придется упрекнуть себя — какъ бы это сказать получше? — въ недостаткѣ солидности, tranchons le mot, — въ вѣтренности! Вотъ до какихъ крайностей могло бы довести появленіе могучаго, рѣшительнаго дарованія. Но мы можемъ быть увѣрены, что оно покуда не возмутитъ ни нашего послѣ-обѣденнаго сна, ни милаго сердцу нашему преферанса, — нѣтъ, оно не сдѣлаетъ насъ вѣтренными, почтенный читатель. Мы знаемъ съ вами, мы твердо убѣждены, что историческая послѣдовательность, безъ которой невозможно ни одно рѣзкое явленіе въ жизни, не позволитъ явиться такому дарованію. И потому ничто болѣе не воспрепятствуетъ намъ поговорить о талантѣ г. Плещеева.

До сихъ поръ мы прочли три небольшіе его разсказа: *Енотовую шубу*, *Папироску* и *Протекцію*, первую въ Отечественныхъ Запискахъ, вторую въ Современникѣ, а третью въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ все, что пока напечаталъ авторъ. Прежде всего намъ нравится въ нихъ легкость и непринужденность разсказа, простота вымысла и нѣсколько насмѣшливый, вскользь брошенный, но отнюдь не злобливый взглядъ на солидную жизнь, которую ведемъ мы съ вами, почтенный читатель. Правда, его взглядъ не проникаетъ въ самую глубь этой жизни, въ разрозненныхъ ея явленіяхъ не стремится отыскивать одной полной, потрясающей своимъ пафосомъ картины, но тѣмъ легче для насъ съ вами, читатель. Потому-то, можетъ быть, намъ такъ и нравится этотъ насмѣшливый взглядъ на нашу солидность, и на наши солидныя слабости. Да и за кѣмъ ихъ нѣтъ? Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ читателей полюбилъ итальянскую оперу, сталъ отчаяннымъ «борсистомъ», приходитъ въ френетической восторгъ отъ Casta diva и dore mortale, однимъ словомъ, изъ солиднаго начинаетъ становиться вѣтренымъ читателемъ. Что-жъ вы думаете, кто этимъ воспользовался? авторъ? Нѣтъ, авторъ тутъ нисколько не замѣшанъ, онъ только построилъ изъ этого премиленькую повѣсть: *Енотовая Шуба*. Воспользовалась этимъ супруга солиднаго читателя, нѣсколько легкомысленная читательница, которою онъ сталъ неглежировать за своею новою страстью. Воспользовалась же она этимъ обстоятельствамъ совершенно новымъ и оригинальнымъ образомъ, именно, посредствомъ енотовой шубы своего супруга, которую тотъ отсылалъ изъ театра домой съ своимъ кучеромъ, такъ, что легкомысленная читательница могла минута въ минуту опредѣлить время возвращенія своего солиднаго супруга! Не придетъ же онъ безъ шубы домой! Однако вышло, что онъ разъ пришелъ безъ шубы, правда, но за то въ пріятельской бекешѣ и тутъ съ нимъ случилось нѣчто очень непріятное.

А вотъ еще другой читатель, только этотъ будетъ посолиднѣе перваго, разъѣзжаетъ на щегольскихъ дрожкахъ отъ Морне къ Кадошу и отъ Кадоша къ Морне съ окуркомъ папироски, найденнымъ имъ въ женниной спальнѣ, на ночномъ ея столикѣ — разъѣзжаетъ

для того, чтобы узнать, чьей фабрикаціи могла быть обличительная папироска и по этому уже добиться, кому изъ двухъ его молодыхъ и потому еще легкомысленныхъ подчиненныхъ, на которыхъ падаетъ его подозрѣніе, она принадлежала. По этому узору авторъ написалъ очень занимательную повѣсть: *Папироска*.

Вотъ третій читатель, въ повѣсти: *Протекція*, такъ ужь во-все не солидный, хотя имѣетъ пламенное желаніе сдѣлаться поскорѣе солиднымъ, спитъ и видитъ только о комфортѣ. Онъ увѣренъ, что это благо снидетъ на него единственно черезъ протекцію женщинъ. Но сколько онъ ни гоняется за нею, солидность, какъ кладъ, ему не дается. Вѣчно то онъ попадется въ просакъ, то накроетъ его истинно-солидный читатель, отъ котораго зависитъ осуществленіе всѣхъ его мечтаній. Это цѣлыя приключенія одного молодаго человѣка. Но справедливость требуетъ сказать, что разсказъ этотъ слабѣе двухъ предыдущихъ. Главный недостатокъ въ художественномъ отношеніи состоитъ въ томъ, что около половины повѣсти занято эпизодомъ, въ которомъ повѣствуется о прежнихъ приключеніяхъ героя и только въ другой половинѣ герой является въ настоящемъ періодѣ своей дѣятельности, потому интересъ раздвояется и выходитъ нѣчто въ родѣ двухъ повѣстей, сшитыхъ нѣсколько непрочно.

Повторяемъ, мы рады появленію въ нашей литературѣ такого легкаго дарованія, до того рады, что намъ было бы жаль, еслибъ авторъ, измѣнивъ своему невзыскательному роду, захотѣлъ попробовать свои силы въ болѣе серьезномъ родѣ. Послѣ такого прекраснаго начала и солидные и не солидные читатели въ правѣ ожидать отъ г. Плещеева труда болѣе обширнаго, но въ такой же легкой и занимательной формѣ.

Но вотъ передъ нами двѣ толстыя книжки «Библіотеки для Чтенія.» Равнодушіе ко всему и ко всѣмъ девизъ ея. Она не вмѣшивается ни въ чьи дѣла, не раздѣляетъ ни чьихъ мнѣній, не смущается ни чьими толками и продолжаетъ выходить ежемѣсячно себѣ во славу, а читателямъ своимъ и подписчикамъ на пользу. Она затворилась въ своей желтой оберткѣ и ни на кого и смотрѣть не хочетъ, даже и на свѣтъ Божій не взглянетъ. Она также, какъ и прежде, надъ всѣмъ смѣется и подтруниваетъ, такъ, что невольно спрашиваешь себя: надъ чѣмъ же наконецъ не смѣется Библіотека для Чтенія? Она по прежнему не исповѣдуетъ никакихъ мнѣній, не держится никакой теоріи, въ дѣлѣ искусства. Правда, есть у ней одинъ задушевный конекъ, которому она остается до сихъ поръ вѣрною: это хорошій тонъ и приличіе. Она, напримѣръ, готова бы хвалить Гоголя, потому что она журналъ со вкусомъ и, хотя не отказала бы себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ нимъ при случаѣ, но какъ можно полюбить ей писателя, у котораго попадаются, къ ея великому соблазну, слова: чортъ, воняетъ, и т. д.? Нѣтъ, такихъ писателей она любить не можетъ. Но за то въ ея нелюбви нѣтъ нисколько ожесточенія. Она сказала разъ свое мнѣніе и баста — повторять его не будетъ, въ споры никакія не войдетъ. Это не прилично.

Нынѣшній годъ нашелъ ее въ самомъ цвѣтущемъ здоровьѣ и въ превосходномъ расположеніи духа. Мы признаемся въ своей слабости... мы нѣсколько не равнодушны къ ней. . по старой памяти. Мы помнимъ, тому уже очень давно, когда мы всѣ были, кто еще очень молодъ, а кто моложе, мы помнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, ожидали выхода каждой изъ ея книжекъ. А

какъ бывало восхищались ея стихотвореніями! Гдѣ теперь эти свѣтила русскаго Парнасса, гг. Тимоѳеевы, Бернеты? давно уже мы не встрѣчаемъ ихъ знаменитыхъ именъ на ея страницахъ. Увы! ихъ замѣнили другія имена, которыми уже никто болѣе не восхищается, даже никто не старается удержать ихъ въ памяти, хотя они каждый мѣсяцъ съ акуратностію о себѣ напоминаютъ. Беремъ январскую книжку Библіотеки для Чтенія, развертываемъ ея первыя страницы, чтобы взглянуть покрайней мѣрѣ на имена эти, узнать какія они такія. Нѣтъ ни одного. И даже ни одного стихотворенія! не вѣря глазамъ своимъ, поспѣшно хватаемся за февральскій нумеръ: тоже нѣтъ! и такъ, и у Библіотеки для Чтенія одною иллюзіею меньше. Но за то сколько прозы! Открываете отдѣлъ русской словесности — повѣсти, романы и мемуары; иностранной — опять романы и драма; наукъ и художествъ — снова романы; смѣси — опять романы. Какъ видите, Библіотека для Чтенія вѣрна своему имени, которое она такъ почетно и равнодушно въ продолженіи стольких лѣтъ носитъ на своихъ разноцвѣтныхъ оберткахъ. Она Библіотека для Чтенія, а тамъ по ней хоть трава не рости. Читать она даетъ вамъ въ-волю — въ цѣлый мѣсяцъ не перечтете. И съ кѣмъ вы не встрѣчаетесь въ ней? и съ Александромъ Дюма, и съ Шиллеромъ, и съ авторомъ «Петербурга днемъ и ночью» и съ знаменитымъ авторомъ «Выжигина и Воспоминаній», и со многими другими авторами, болѣе или менѣе знаменитыми. Но начнемъ съ начала:

Первый нумеръ Библіотеки для Чтенія начинается, впрочемъ, не знаменитостью. По крайней мѣрѣ имя, подписанное подъ повѣстью «Управитель», мы, если не ошибаемся, видимъ въ первый разъ въ печати; г. Аскольдовъ, по всей вѣроятности, псевдонимъ и, такъ какъ онъ еще не пользуется завидною участью принадлежить къ знаменитостямъ, то намъ тѣмъ пріятнѣе будетъ высказать ему наше искреннее мнѣніе о его первомъ произведеніи, хотя оно и принадлежитъ къ тому разряду литературныхъ явленій, о которыхъ трудно произнести какое нибудь рѣшительное сужденіе. Нельзя сказать, чтобъ повѣсть эта была вовсе дурна, потому что нѣсколько сценъ, нѣсколько описаній, нѣсколько ловко пойманныхъ чертъ изъ нашей дѣйствительности, одинъ или два почти удавшихся характера протестуютъ противъ такого приговора. Съ другой стороны, нельзя также сказать, чтобъ она была и хороша, потому что нѣтъ въ ней той художественно-стройной связи, которая все бы въ ней обнимала, все ставила бы на свое мѣсто. Она похожа на картину, въ которой группировано много лицъ, болѣе или менѣе удачно очерченныхъ, но вся эта група освѣщена со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ попало, такъ, что все становится и слѣпо и блѣдно и весь ефектъ потерянъ. Все дѣйствіе въ повѣсти основано на бѣдности Петра Ивановича Якорева, управителя на одномъ изъ большихъ заводовъ, но бѣдность эта нисколько, по нашему мнѣнію, не оправдана, или лучше сказать, не находитъ себѣ оправданія въ деликатномъ чувствѣ, запрещавшемъ Якореву требовать себѣ вознагражденія по заслугамъ отъ заводчика, потому что чувство это, какъ весьма странное, требуетъ само для себя оправданія и подкрѣпленія въ самомъ характерѣ. Какъ? человѣкъ, получавшій тридцать лѣтъ тому назадъ, когда деньги были дороги, 1500 р. ас. жалованья, не можетъ потребовать за труды свои прибавки отъ сына того человѣка, съ которымъ былъ связанъ дружбою? Съ сыномъ этимъ и наслѣдникомъ завода, онъ не имѣетъ никакихъ другихъ сношеній, кромѣ дѣлъ по

заводу; даже сынъ этотъ обращается съ нимъ, какъ съ слугою, а не какъ съ другомъ своего отца. Такъ что же мѣшаетъ ему просить себѣ прибавки, какъ и совѣтуетъ ему сынъ его Сергѣй, тѣмъ болѣе, что молодой хозяинъ и слова не сказалъ-бы и если самъ не вздумалъ предложить ему прибавку, то потому только, что по молодости не догадался, а можетъ быть, даже и думалъ, что Якоревъ пользуется нѣкоторыми другими доходами, о которыхъ никогда не упоминается при составленіи контракта. И вотъ этотъ человѣкъ изъ какого-то непонятнаго рыцарства, лучше соглашается видѣть кругомъ себя бѣдность и недостатки всякаго рода, отъ которыхъ страждутъ его дѣти, его любимая дочь Катя; болѣе того: лучше соглашается на подлость, на утайку хозяйскихъ денегъ, чѣмъ на самый прямой, благородный путь къ достиженію безбѣднаго положенія. Якоревъ въ повѣсти является человѣкомъ положительнымъ, здравомыслящимъ, высоко честнымъ и благороднымъ. Стало-быть, въ такомъ характерѣ вовсе нѣтъ оправданія такого страннаго, психологическаго явленія.

Другое лицо, прикащикъ Ершь, тоже грѣшитъ нѣсколько противъ психологіи. Онъ протерся изъ низкаго званія, изъ крестьянъ; выставленъ у автора человѣкомъ стремящимся къ снисканію себѣ общественнаго положенія, готовый для этаго на всякую низость, хотя еще не совсѣмъ отказавшійся отъ человѣческаго достоинства. Какъ видите, характеръ могъ бы выдти великолѣпный. Но вотъ онъ хочетъ жениться на Катѣ, дочери Якорева. Въ повѣсти мы не видимъ, чтобъ онъ былъ особенно влюбленъ въ нее. Но даже еслибъ и былъ, то такіе люди жертвуютъ для своей цѣли своими страстями. Они женятся не иначе, какъ по расчету, и уже добившись какой нибудь карьеры. А какое улучшеніе въ судьбѣ его, въ его положеніи доставитъ ему Катя, дѣвушка бѣдная, безъ всякаго приданаго? Еще намъ не нравится, зачѣмъ Катя умираетъ послѣ катастрофы, лишившей жизни отца ея? Конечно, авторъ можетъ намъ на это отвѣтить, что онъ не сочинялъ все это, что это истинное происшествіе. Согласны, но то, что можетъ быть истиною въ *случившемся происшествіи*, не всегда бываетъ истиною въ *искусствѣ*. Искусство беретъ изъ жизни фактъ, но отрѣшаетъ его отъ всего случайнаго и частнаго и возводитъ его въ общіе законы необходимаго. А въ смерти Кати не было необходимаго. Напротивъ, катастрофа достигла бы всей трагичности, еслибъ Катя, чтобъ облегчить участь брата, пожертвовала собою, отказалась отъ любви своей и отъ нужды вышла за Ерша: она вѣдь не знала, что онъ былъ истиннымъ убійцею отца ея.

Мы распространились объ этой повѣсти, потому-что это первое произведеніе автора, а на первое произведеніе нельзя смотрѣть безъ особеннаго чувства участія, если хоть нѣсколько замѣтно присутствіе таланта. Лучшее лицо въ этой повѣсти, по мнѣнію нашему, Сергѣй. Но все въ ней отзывается еще большою неопытностію и незрѣлостію. Слога нѣтъ, хотя языкъ правиленъ. Жаль, что авторъ любитъ употреблять глаголы въ настоящемъ времени. Это не всегда кстати и хорошо. Повѣсть читалась бы съ большимъ интересомъ, еслибъ была раздѣлена на главы. Раздѣленіе это необходимо: оно помогаетъ читателю скорѣе удерживать въ памяти весь рисунокъ повѣсти, даетъ роздыхъ впечатлѣнію и тѣмъ способствуетъ ему сосредоточиваться. Мы замѣтили еще въ авторѣ наклонность украшать природу. Мы готовы приписать это скорѣе незрѣлости таланта, чѣмъ нарочно принятому желанію слѣ-

довать по избитымъ путямъ риторики. Мы долгомъ считаемъ напомнить автору, что украшать природу еще не значитъ возводить ее въ искусство. Въ искусствѣ нѣтъ риторики. Нѣтъ ея ни у одного великаго писателя. Нечего украшать природу, потому-что въ искусствѣ нѣтъ грязи, потому-что самая низкая природа, перейдя черезъ процессъ творчества, какъ черезъ очистительное горнило, перестаетъ быть низкою природою: ибо не является уже болѣе чѣмъ-то отдѣльнымъ, разрозненнымъ, безъ всякаго смысла и значенія, но въ строгой связи съ какимъ нибудь вѣчнымъ закономъ, но просвѣтленная мыслью художника. Потому-то, отъ чего мы съ чувствомъ омерзенія отворачиваемся въ дѣйствительности, въ искусствѣ привлекаетъ все наше вниманіе. Съ Ноздревымъ, напримѣръ, оборони Богъ встрѣтиться когда нибудь, даже на улицѣ, а тѣмъ болѣе въ обществѣ, а между тѣмъ, онъ невыразимо хорошъ въ романѣ. Нельзя досыта налюбоваться имъ. И въ этомъ заключается тайна эстетическаго наслажденія. Вы любуетесь не самимъ Ноздревымъ, а творчествомъ, посредствомъ котораго созданъ этотъ характеръ и возведенъ до типа.—Украшать природу позволительно только тѣмъ писателямъ, которые не могутъ возвести ее до искусства. На то они риторы!

Вотъ напримѣръ въ повѣсти г. Ковалевскаго: *Люди странствующіе, люди страждующіе*, дѣло никакъ ужъ не могло обойтись безъ украшеній.

Въ наше время трудно написать вещь положительно бездарную и помѣстить ее въ какомъ бы то ни было журналѣ. Такъ и въ повѣсти г. Ковалевскаго есть что-то такое, въ силу чего нельзя назвать ее произведеніемъ вовсе бездарнымъ. Но указать на это *что-то* рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Хочешь указать, напримѣръ, на одну сцену, а тутъ, какъ нарочно, какое нибудь лицо встанетъ вдругъ на риторическія ходули, да и начнетъ передъ вами кривляться въ судорогахъ героизма. Хочешь замѣтить одинъ какой нибудь характеръ, обрадуешься, что онъ одаренъ нѣсколько и костьми и тѣломъ и какъ будто кровью, а онъ возьметъ да и стукнется предъ изумленными глазами вашими и обратится въ наивоздушнѣйшій изъ призраковъ, такъ что вы уже болѣе его и не увидите.

Главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти какое-то существо странное, непонятное, честь открытія котораго принадлежитъ безспорно одному г. Ковалевскому. Служба заноситъ его въ степь на *линію*, на юговосточную границу Россіи, въ мѣстечко, которое не то городокъ, не то укрѣпленіе. Авторъ называетъ это мѣстечко Каратабаномъ и въ немъ-то герой этой повѣсти занимаетъ самое почетное и видное мѣсто правителя. Фамилія его Альпинъ. Признаемся, мы никакъ не могли полагать, чтобъ это была фамилія, мы все думали, что это имя собственное, данное при св. крещеніи и теперь еще, когда прочли повѣсть и узнали въ чемъ дѣло, произносимъ это имя съ удареніемъ на второмъ слогѣ: Альпинъ. Такая странная, аркадская фамилія. И такъ, Альпинъ, человѣкъ богатый, привыкшій къ роскоши, къ столичной жизни, человѣкъ съ самыми пылкими, за-альпійскими страстями, человѣкъ одаренный всѣми совершенствами души и тѣла, принужденъ томиться въ какомъ-то Каратабанѣ.

«Альпинъ глядѣлъ въ окно и невидалъ, какъ пронеслась передъ нимъ по горамъ черная туча. Она разразилась громомъ. Альпинъ *не слышалъ* грома. Два раза приходили ему сказать, что дежур-

ный по карауламъ ожидаетъ (чего?). Секретарь давно переступалъ съ ноги на ногу, покашливая. Альпинъ оставался неподвижнымъ...»

«Дѣятельность у Альпина *ключемъ била изъ сердца*, но самыя мелкія преграды *на пустомъ и скучномъ полѣ останавливали потокъ, затомляли сердце страданіями Тантала*. Для его пылкой души, стремительной мысли, для его генія, *нуженъ былъ Вавилонъ. Вавилономъ, особенно во время столпотворенія, онъ бы управлялъ на славу...*

Мы все думали, что авторъ шутитъ и пытаетъ себя въ сатирическомъ родѣ—какое! Онъ все это говоритъ чрезвычайно серьезно, онъ даже всему этому вѣритъ. И вотъ герой этотъ начинаетъ скучать и распекать и всѣ Каратабанцы передъ нимъ трепещутъ. Онъ становится мраченъ: характеръ его ожесточается. Но спрашивается, зачѣмъ же этотъ герой живетъ въ Каратабанѣ, если ему жить тамъ не хочется и въ тягость? Онъ богатъ, а у насъ насильно служить никого не заставляютъ. Этого авторъ не счелъ нужнымъ довести до свѣденія читателей. Но слушайте дальше. Въ Каратабанъ пріѣзжаетъ обозъ съ актерами; они-то и есть люди странствующіе. Въ числѣ ихъ находится одинъ жалкій, семидесятилѣтній старикъ, суфлеръ, съ дочерью своею, тринадцатилѣтнею дѣвочкою Лялею, прижитою имъ съ одною цыганкой въ то время, какъ онъ былъ въ плѣну въ Хивѣ. Дѣвочка эта—жалкій и блѣдный сколокъ съ Миньоны Гете. Казалось бы, что послѣ Гете и Виктора Гюго, повторившаго этотъ поэтическій образъ въ Эсмеральдѣ, какъ-то страшно, да и вовсе нѣтъ нужды, снова вызывать его. Но для автора, Гете и Викторъ Гюго не указъ. Эженъ Сю написадъ Парижскія тайны, г. Ковалевскій написалъ Петербургъ днемъ и ночью—стало быть, онъ уже достаточно доказалъ, что онъ въ своемъ правѣ. Впрочемъ, дѣвочка Ляля еще лучшее лицо въ повѣсти, вѣроятно оттого, что матеріалы для него были уже готовые. Ляля, какъ вы уже напередъ знаете, должна влюбиться въ Вильгельма Мейстера — въ Альпина, хотѣлъ сказать я; и влюбляется, страстно влюбляется, но безъ всякой взаимности. Альпинъ играетъ ею, какъ игрушкой, оскорбляетъ на каждомъ шагу, потому-что онъ, несмотря на все свое геройство, жестоко грубъ и безчеловѣчно чорствъ: Ляля дебютируетъ на сценѣ въ одной роли и превосходитъ ожиданія всѣхъ. Проходитъ нѣсколько времени. Разъ помощникъ Альпина принесъ къ нему вмѣстѣ съ казенною почтою письмо изъ Петербурга.

«Онъ, (Альпинъ) съ жадностью схватилъ пакетъ. Печать поразила его болѣе самой надписи. Сердце у него забилось. Руки дрожали.

«Лицо Альпина, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ чтеніе, оживлялось болѣе и болѣе: оно сіяло радостью, съ трудомъ скрываемою для того только, чтобы не показаться ребячески веселымъ въ присутствіи подчиненнаго. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ.

— Спиридонъ Ильичъ, радуйтесь, радуйтесь! Я ѣду!

— «Какъ. . то есть, куда изволите ѣхать?

— «*Ѣду туда, куда зовутъ меня тревога, дѣятельность, направленіе моихъ способностей... гдѣ ожидаютъ меня шумъ, волненія, лишенія: гдѣ долженъ я быть на сторожѣ день и ночь, между надеждою и страхомъ за успѣхъ трудовъ моихъ, за славу ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ*, ЗА ТОРЖЕСТВО МОИХЪ ИДЕЙ.

Вотъ такъ фразы! Такъ умѣютъ говорить только реторическіе герои. Не риторическій герой просто бы отвѣтилъ: въ Петербургъ, или куда нибудь въ другое мѣсто.

Вся эта сцена происходила въ присутствіи Ляли.

Бѣдная, любящая дѣвушка обливается слезами при этой вѣсти— съ нею дѣлается, наконецъ, истерическій припадокъ. Пришедши нѣсколько въ себя, она на отрѣзъ объявляетъ ему, что не будетъ болѣе играть на сценѣ.

— «Полно ребячиться, Ляля; ты не понимаешь, что отъ этого зависитъ существованіе и счастіе твое и твоего отца.

— «Что бы ни зависѣло отъ этого, я не хочу играть... говорю, не хочу! Мнѣ не передъ кѣмъ больше играть . если я выйду на сцену, я расплачусь...

— Это пройдетъ черезъ день, черезъ два, послѣ моего отъѣзда.

— «Никогда не пройдетъ!.. о! я знаю себя!.. я съ ума сойду, если ты меня покинешь.

— «Такъ не прикажешь ли мнѣ остаться здѣсь, сказалъ онъ полуласковымъ, полунасмѣшливымъ тономъ.

Всѣ эти реторическіе герои ужасно чорствы и грубы. Потомъ она проситъ его, чтобъ онъ взялъ ее съ собой въ Петербургъ, такъ какъ онъ же ее увѣрилъ, что она обладаетъ сильнымъ талантомъ

— Хорошъ бы я былъ у своихъ тетушкѣ и кузинъ, если бы явился въ Петербургъ съ дитятей... съ дебютирующей актрисой... Богъ знаетъ еще что подумали бы... Воображаю, какъ вытянулись бы ихъ лица и безъ того вытянутыя лѣтами.»

«Альпинъ опять захохоталъ.

Только у однихъ реторическихъ героевъ съ за-альпійскими страстями поворачивается сердце говорить такія ядовитыя рѣчи въ глаза любящей женщины.

Ляля отказывается отъ театра. Взбѣшенный импресаріо выгоняетъ за это отца ея изъ своей службы. Актеры уѣзжаютъ, а они остаются въ страшной нищетѣ. Отецъ ея съ горя и съ заботъ слегъ въ постелю.

«Она *(Ляля)* сама не знала, что дѣлаетъ; часто покидала постель больнаго; скиталась уныло кругомъ дома Альпина, не смѣя войдти въ него по прежнему. Она ясно видѣла, что Альпинъ старался удаляться ея. Возвращалась ли домой, она разсѣянно предавалась вся потоку пламенныхъ мыслей, не слышала стоновъ отца; забывала поднести къ иссохшимъ губамъ его стаканъ съ водою.

«Альпинъ узналъ о болѣзни Бѣдоева. Рука его, *всегда холодная, была открыта для немощныхъ и неимущихъ*. Но онъ *не заботился* о томъ, какъ добро его принимали. *Онъ предложилъ Ляль деньги, какъ предложилъ бы ихъ всякой нищей*, можетъ быть, даже съ большею разборчивостію. Ляля гордо отказалась отъ денегъ Альпина.

Да и можно ли принять ихъ, когда они были предложены такимъ образомъ? Конечно, можетъ быть и предложили – то ихъ такимъ образомъ для того только, чтобъ они были отвергнуты. Эти герои на все способны. Право, еслибъ этотъ характеръ былъ выведенъ авторомъ, какъ самая злая сатира на нравы – романтиковъ, мы отъ полноты сердца рукоплескали бы ему. Невозможно прибрать чертъ болѣе рѣзкихъ, чтобъ подъ носкомъ героизма и великодушія показать всю чорствость, весь эгоизмъ, всю узкость понятій этихъ непризнанныхъ, вулканическихъ натуръ. Но, къ сожалѣнію, у автора характеръ этотъ является, какъ идеалъ всего прекраснаго и великаго. Добродѣтельный Альпинъ совершенно успокоился и съ чистымъ сердцемъ и съ спокойною совѣстію сталъ снаряжаться въ путь. Что ему дѣлается? Онъ совершенно спокоенъ. Онъ предложилъ деньги, ихъ не взяли. Не виноватъ же онъ, что

бѣдная дѣвочка погибаетъ отъ собственной глупости. Ему было скучно въ Каратабанѣ, онъ взялъ къ себѣ эту дѣвочку, какъ игрушку, для развлеченія; вѣдь онъ не зналъ, что она въ него влюбится. Правда, обыкновенный добрый человѣкъ тоже можетъ быть сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ, только не такъ бы ужь кончилъ. Онъ не далъ бы умереть въ нищетѣ отцу ея, ея единственной подпорѣ. О деньгахъ она и не знала бы — зналъ бы объ нихъ только ея отецъ. Онъ не прогналъ бы ее отъ себя, онъ успокоилъ бы ее, онъ оставилъ бы въ душѣ ея по себѣ свѣтлый образъ вмѣсто безвыходнаго отчаянія. Мало-ли что сдѣлалъ бы обыкновенный добрый человѣкъ! У добродѣтельныхъ героевъ другая тактика.

Отецъ ея наконецъ умеръ. На свѣтѣ, славу Богу, не все герои, есть и добрые, обыкновенные люди. Нашлась добрая душа, утѣшавшая Лялю, обѣщавшая ей быть матерью. Похороны. Здѣсь бы могла выдти прекрасная сцена, еслибъ она была болѣе развита, однимъ словомъ, еслибы за нее взялся художникъ.

«За гробомъ Бѣдѣева шла Ляля и съ десятокъ нищихъ, толковавшихъ о томъ, дадутъ ли имъ за упокой души такого нищаго по пирогу, да по чаркѣ вина. Ляля была въ совершенномъ безпамятствѣ. Въ это время раздался почтовой колокольчикъ; дорожная бричка пробиралась сзади; ямщикъ мало заботился о гробѣ и проскакалъ бы мимо, но боялся, чтобъ неиспугались лошади. Онъ медленно подвигался впередъ. Изъ брички выглянулъ нетерпѣливый сѣдокъ и прикрикнулъ на ямщика, Ляля увидала этого сѣдока: то былъ Альпинъ. Огонь вспыхнулъ изъ глубины ея души, память зашевелилась, сердце разорвалось съ ужасною болью. Незамѣтно отдѣлилась она отъ гроба, сама не зная, что дѣлаетъ. Дорога раздвоилась; гробъ понесли направо; бричка, выбравшись на просторъ, понеслась на лѣво. Дѣйствуя по прежнему безотчетно, Ляля пошла въ ту сторону, куда уѣхалъ Альпинъ. Она шла скоро, какъ будто желая догнать его· Но когда повозка совершено скрылась изъ глазъ, бѣдная дѣвушка должна была остановиться, не зная, куда идти. Она какъ будто потеряла изъ виду свою путеводную звѣзду. Она очутилась одна въ открытомъ полѣ, на проѣзжей дорогѣ. Холодъ и снѣгъ сѣкли лицо, леденили тѣло. Силы оставили ее. Она готова была упасть на дорогу, но кто-то поддержалъ ее...

То была цыганка, мать ея, которая и уводитъ ее къ себѣ въ таборъ. Ляля сходитъ съ ума, а повѣсть, такимъ образомъ, приходитъ къ концу.

Мы уже сказали, что ее нельзя назвать положительно бездарною, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя указать, что въ ней хорошее, что дурное. Всего по немножку, но въ такой пропорціи, что повѣсть выходитъ очень плоха. Рецептъ этой пропорціи подробно изложенъ въ любой реторикѣ, и риторическіе писатели умѣютъ имъ пользоваться съ особеннымъ умѣньемъ и сноровкою, такъ, что непремѣнно достигаютъ своей цѣли.

И такъ, вотъ какъ трактуетъ риторика человѣческіе характеры. У героя низкая душа, нѣтъ вовсе сердца, онъ способенъ на всякую низость для удовлетворенія своего эгоизма, а она вложитъ въ уста его громкія фразы, снабдитъ сердце его вулканическими страстями, и вотъ онъ изъ негодяя становится у ней идеаломъ всего прекраснаго и высокаго. Писатели нериторическіе берутъ также иногда подобные характеры, но ужъ никакъ не дѣлаютъ изъ нихъ честныхъ людей. Они прямо называютъ ихъ людями низ-

ками, негодяями, подлецами. Но довольно объ этихъ гнусныхъ характерахъ.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ оригинальныхъ произведеній, Библіотека для Чтенія богата произведеніями иностранныхъ литературъ. По части наукъ и художествъ замѣтили мы двѣ прекрасныя статьи: *Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Периклѣ* и *Впечатленія и воспоминанія покойника*. Въ особенности понравилась намъ первая изъ нихъ. Это, какъ кажется, будетъ цѣлый рядъ статей. Общедоступная всѣмъ форма романа, въ которую облечено это сочиненіе, придаетъ ему новое достоинство, чрезвычайно важное по нашему мнѣнію.

Въ *Сѣверномъ Обозрѣніи* по части изящной словесности мы остановились только на двухъ произведеніяхъ, достойныхъ критической оцѣнки, именно на разсказѣ Т. Ч. *Первый выѣздъ* и на романѣ А. Р–на, *Похожденія домашняго учителя*.

Первый выѣздъ не повѣсть, а живой и легкій очеркъ двухъ дѣвушекъ и матерей ихъ. Мы прочли разсказъ этотъ съ большимъ удовольствіемъ.

Въ статьѣ этой намъ пришлось имѣть дѣло по большей части съ первыми произведеніями. Вотъ еще первое произведеніе — Мы говоримъ о романѣ А. Р-на. *Похожденія домашняго учителя*. Но чрезвычайно рѣдко случается приступать къ разбору такихъ прекрасныхъ первыхъ произведеній, какъ это.

Романъ г. А. Р-на будетъ въ четырехъ частяхъ. Мы прочли только первую и потому неможемъ еще произнести рѣшительнаго мнѣнія объ этомъ произведеніи. Хотя первая часть и заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣлое, все-таки главные характеры не могли въ ней вполнѣ развиться. Это одинъ только эпизодъ, одно только приключеніе изъ жизни домашняго учителя. И потому отложимъ приговоръ свой до выхода остальныхъ частей, и ограничимся теперь только разказомъ содержанія первой части и попытаемся объяснить дѣйствующіе въ ней характеры, какъ по куда ихъ понимаемъ.

Романъ начинается перепискою брата съ сестрою. Они изъ мѣщанскаго званія, очень бѣдны, но, благодаря попеченіемъ своей покойницы матери, получили превосходное образованіе. Въ самой ранней юности они остались круглыми сиротами по смерти матери и жили и кормились трудами рукъ своихъ. Она шила, онъ переписывалъ. Много натерпѣлись бѣдныя дѣти. Судьба нисколько не пожалѣла ни ихъ молодости, ни сиротства и неумолимо продолжала обременять юныя плеча ихъ ношами всякаго рода и разныхъ наименованій. Имъ *посчастливилось*: она не пала подъ ними. Брату удалось пристроить милую сестру свою, выдавъ ее замужъ за одного мѣщанина, обладателя табачной лавочки. Самъ же онъ рѣшился на нѣсколько мѣсяцевъ взять кондицію и отправиться въ деревню къ одному помѣщику въ домашніе учители съ цѣлію скопить себѣ денжонокъ, чтобъ потомъ имѣть возможность безпрепятственно окончить образованіе свое въ университетѣ.

Первое, что бросается въ глаза въ характерѣ этого молодаго учителя, это борьба опыта съ темпераментомъ и молодостію. Иванъ Степанычъ, такъ звали его, думаетъ о себѣ, что онъ чрезвычайно опытенъ. Конечно онъ въ правѣ такъ о себѣ думать, потому что много настрадался во всемъ и дѣлаетъ страшные промахи. Дѣло въ томъ, что опытъ, подвергая весь нравственный со-

ставъ его своимъ экспериментамъ, только производилъ на его молодое сердце непріятныя впечатлѣнія, не могши вызвать умъ на анализъ окружающей дѣйствительности. Молодость съ роемъ надеждъ и иллюзій брала всякій разъ свое и не давала юношѣ задумываться долго надъ сухими и неотрадными явленіями будничной жизни. Вотъ главная черта въ характерѣ героя въ первой части романа. Не знаемъ, какъ дальше разовьетъ его авторъ, но въ первой части онъ очень рельефно и выпукло представилъ его подъ вліяніемъ этой господствующей черты.

Но что сказать о *Сѣверномъ обозрѣніи*, какъ о журналѣ? Съ нынѣшняго года онъ перемѣнилъ свое названіе. Желаемъ ему всякаго успѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не пожелать, чтобъ съ нынѣшнимъ годомъ онъ издавался хоть нѣсколько грамотнѣе, чѣмъ прежде. Журналъ, имѣющій претензію въ наше время называться *ученo-литературнымъ*, несетъ на себѣ большую отвѣтственность передъ публикой не только настоящаго поколѣнія, но и будущаго. Легче пустить въ ходъ сотню ложныхъ идей, нежели одну истину. Предположенныя нами границы не позволяютъ намъ разбирать другіе отдѣлы, кромѣ литературныхъ и изъ послѣднихъ мы выбираемъ только произведенія, замѣчательныя или по своему достоинству, или по имени, которое подъ ними подписано — а то мы бы могли сдѣлать замѣчанія по части, напримѣръ, хоть библіографіи.

Въ продолженіе всего времени, какъ мы писали статью эту, на насъ не переставалъ изъ подлобья коситься *Москвитянинъ*. Читателямъ нашимъ уже вѣроятно извѣстно, что журналъ этотъ имѣетъ свое собственное мнѣніе, отличное по характеру отъ мнѣній всѣхъ прочихъ своихъ собратовъ. Всякое искреннее мнѣніе, истинное или ложное, но основанное на задушевномъ убѣжденіи, всегда уважительно, потому именно, что оно искреннее. Мы не раздѣляемъ мнѣній Москвитянина, но и не хотимъ также сомнѣваться въ его искренности. И одно лицо, въ чемъ нибудь крѣпко убѣжденное, разувѣрить трудно, но это становится вовсе невозможнымъ, когда дѣло идетъ о журналѣ, выражающемъ въ себѣ убѣжденія многихъ лицъ. Долго и много спорили съ Москвитяниномъ почти всѣ наши журналы. Москвитянина они не убѣдили, да не въ этомъ сила. Выигрышъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ небольшой, еслибъ имъ удалось убѣдить его, но выигрышъ былъ чрезвычайно огромный въ томъ отношеніи, что споръ этотъ имѣлъ несомненное вліяніе на сумму убѣжденій въ публикѣ, а въ этомъ-то именно и состоитъ вся польза и цѣль полемики.

И такъ, о мнѣніяхъ Москвитянина мы не скажемъ ни слова. Они извѣстны всему читающему міру, даже тѣмъ лицамъ, которыя никогда не видывали и не читывали этого журнала. Въ статьяхъ своихъ мы будемъ обращать вниманіе только на его литературную сторону.

Въ этомъ отдѣлѣ за январь и февраль мѣсяцы мы прочли занимательную и очень мило написанную повѣсть г. Вельтмана: *Два Маіора*, и два расказа г. Даля подъ извѣстною уже публикѣ фирмою *Картины изъ русскаго быта*. Въ первой статьѣ нашей мы сказали уже свое мнѣніе объ этихъ картинахъ.

И такъ, нами пересмотрѣны всѣ журналы (по крайней мѣрѣ наиболѣе извѣстные) съ литературной стороны за январь и февраль: въ будущей статьѣ нашей мы переберемъ ихъ за мартъ и апрѣль. Теперь намъ бы слѣдовало сказать нѣсколько словъ о нашихъ газетахъ, какъ обѣщали мы въ началѣ статьи этой. Но мы ничего покуда о нихъ не скажемъ, а замѣтимъ только, что газетѣ доста-

лось у насъ гораздо меньшая доля во вниманіи публики, чѣмъ журналу. Журналъ своимъ энциклопедизмомъ завоевалъ у насъ почти всѣ грамотные классы. Газета также идетъ впередъ, но гораздо медленнѣе. Публика какъ-то равнодушнѣе къ ней. Для публики все равно, когда ни прочесть газету: утромъ ли, вечеромъ, на другой день или даже на третій. Для большей части публики даже все равно на какую газету подписаться: на Сѣверную Пчелу, на Академическія Вѣдомости, или на Инвалидъ. Фельетоны тоже не успѣли еще снискать себѣ благорасположенія публики: они обыкновенно или очень мѣстны, или трактуютъ о такихъ частныхъ предметахъ, что въ нихъ можетъ интересоваться только меньшинство читателей. Спрашивается: что губернскому жителю за дѣло, что вчера, на-примѣръ, давался концертъ тамъ-то и тѣмъ-то, и что на этомъ концертѣ было столько-то. Что ему за дѣло до всѣхъ этихъ толковъ объ итальянской оперѣ, когда онъ живетъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Петербурга и не услышитъ ни одной итальянской нотки. А между тѣмъ, большинство подписчиковъ на газеты приходится на долю губерній. Вотъ почему губернскій житель такъ радъ бываетъ, когда фельетонистъ заговоритъ о предметѣ общемъ, на-примѣръ, о литературѣ, о журналистикѣ; онъ бываетъ даже радъ брани, ему даже нисколько не портитъ крови, если онъ встрѣчаетъ мнѣнія діаметрально противуположныя своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Напротивъ, это его пріятно волнуетъ. Тутъ онъ у себя дома. Предметъ ему нѣсколько знакомый, ибо если онъ читаетъ не одни только объявленія, а также и фельетонъ, то уже непремѣнно онъ человѣкъ *читающій*. Слѣдовательно, ему знакомы два, или три журнала. Но къ сожалѣнію, фельетонисты наши не любятъ говорить о предметахъ общихъ. Они рѣдко выходятъ изъ сферы петербургскихъ новостей и слуховъ, которые и для самаго Петербурга бываютъ иногда слишкомъ мѣстны и потому интересны только для немногихъ изъ его народонаселенія.

Оканчивая статью эту, не можемъ не отдать справедливости Академическимъ Вѣдомостямъ, газетѣ употребляющей съ своей стороны всѣ усилія, чтобы заслужить вниманіе публики. Это до сихъ поръ наша лучшая газета.

М. Достоевскій.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ.

Петербургъ, подобно человѣку занятому и озабоченному, имѣетъ свои привычки, которыя составляютъ не вторую, а первую его натуру, ибо дѣйствительной природы въ немъ нѣтъ. Къ числу его привычекъ принадлежатъ переѣзды на дырявыя дачи, въ холодное и дождливое лѣто, прогулки по Невскому Проспекту и Лѣтнему саду въ весенній зной и пыль, хожденіе изъ угла въ уголъ въ безжизненныхъ маскерадахъ, участіе во всѣхъ лотереяхъ и томбалахъ, и, наконецъ, музыка. Напрасно нѣкоторые полагаютъ, что музыка потребность

Петербурга, она его привычка: ему нужно только, чтобы была непремѣнно музыка, а какая она тамъ, ему все равно. По этому и концерты у насъ вещь неизбѣжная, но вовсе не необходимая. Петербургъ притомъ щеголь, онъ все хочетъ дѣлать съ тономъ, съ блескомъ, поэтому онъ и въ привычкахъ своихъ наблюдаетъ моду: нынче у него въ модѣ жить въ Павловскѣ, въ прошломъ году было въ модѣ переселяться на Черную Рѣчку, а въ будущемъ будетъ въ модѣ ѣздить въ Петергофъ. Сперва былъ въ модѣ Лабицкій, потомъ Германъ, потомъ Гунгель, а нынче Гильманъ, не смотря на то, что эти оркестры одинъ хуже другаго, въ той-же прогрессіи, въ какой они возвышались другъ надъ другомъ въ модномъ мнѣніи. Была мода на Рубини и Віардо, потомъ мода на Джули-Борси и Гуаско, потомъ на Фрецціолини, теперь на г-жу Бореръ, пьянистку. Мода музыкальная изнашивается также скоро, какъ и фасоны щегольскихъ нарядовъ. Вхожденіе въ моду артиста бываетъ слѣдствіемъ: иногда причуды, иногда ловкой рекомендаціи, иногда случайности, изрѣдка счастливаго вдохновенія. Для этой цѣли не пособятъ никакой талантъ, никакое усердіе и совершенство, никакія фокусы и происки: кому на роду написано быть въ модѣ, тотъ будетъ; кому не суждено, тотъ хоть прыгай, какъ Пиѳія, на клавишахъ, и ѣзди верхомъ на віолончелѣ, какъ Лежаръ — ничего не возметъ. А въ нашъ промышленный вѣкъ всякая артистическая слава стремится только къ тому, чтобъ что-нибудь *взять* и притомъ, если можно, взять побольше. Доказательствомъ нашихъ словъ могутъ служить очаровательная Камилла Плейель, несравненная Альбони, прелестная Кастелланъ, глубокій Дёлеръ, плѣнительный Блазъ, (а ужъ какіе таланты!) и наконецъ, въ противоположность—авторъ столькихъ полекъ г. Кажиньскій и фортепьянный художникъ Дамке! Чего не могли произвести первые, чего не дѣлали послѣдніе — а въ моду не вошли! Не ходитъ, такъ не ходитъ! — ужъ мы на томъ стоимъ.

Нынѣшній концертный сезонъ принесъ очень немного замѣчательнаго, но въ моду пустилъ двухъ артистовъ: г-жу Бореръ и молоденькаго скрипача Венявскаго. На этотъ разъ мода была отчасти справедлива: г-жа Бореръ артистка съ большимъ талантомъ, г. Венявскій, молодой человѣкъ съ большими надеждами. Мода рѣшила, что г-жа Бореръ первый геній фортепьяно! Мы не станемъ оспоривать у молодой артистки этого лестнаго комплимента, но объ модѣ скажемъ, что она очень забывчива и нисколько не помнитъ прежнихъ своихъ

восторговъ, которые были ей болѣе къ лицу. Она забыла, напримѣръ, щеголевато-блистательнаго Тальберга, вдохновеннаго поэта-виртуоза Листа, глубоко-изумительнаго Дѣлера, шарлатанливо-изящнаго Дрейшока, но главное, позабыла могучую и полную чувства пѣвицу на клавесинѣ Камиллу Плейель. А музыкальная наша критика, одушевляемая модою, поставила г-жу Бореръ прямо выше тѣхъ пьянистокъ, даже выше тѣхъ, которыхъ не имѣла случая слышать. Впрочемъ, это только похвальный избытокъ усердія. Мы, съ своей стороны, нашли въ г-жѣ Бореръ удивительное, по ея лѣтамъ и полу, совершенство техники, бѣглость, силу, блескъ игры и ярко выказывающуюся наклонность къ подражанію Листу, не только въ образѣ его игры, но даже въ пріемахъ и манерахъ. Этого много, очень много для молодой артистки, особливо, когда эта подражательность увѣнчивается успѣхомъ. Но копія, какъ она ни хороша, все-же не оригиналъ. Оригиналъ носитъ на себѣ отпечатокъ собственнаго творчества художника, его духовной силы, его понятій и взгляда на искусство, его артистической, ему только свойственной, организаціи, которая одна можетъ творить новое, оригинальное, геніальное. Пока мы не видимъ въ г-жѣ Бореръ самобытныхъ стихій, мы не можемъ согласиться съ модою, надѣлившею ее наименованіемъ генія.

Во всякомъ случаѣ, отдаемъ артисткѣ полную справедливость, талантъ ея рѣшительно выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ явленій и ставитъ ее выше многочисленной толпы художниковъ, вымолачивающихъ себѣ пропитаніе на фортепьяно. Игра ея мужественна, отчасти даже *героическая*, если можно такъ выразиться, она превосходна въ мѣстахъ, требующихъ силы, ловкости, блеску, труда, она настоящая амазонка на своемъ инструментѣ, и амазонка смѣлая, самоувѣренная, которая явно показываетъ, что презираетъ трудности и опасность. Но въ игрѣ ея нѣтъ того начала, котораго можно бы ожидать отъ виртуоза ея пола: нѣтъ той нѣги, страсти, чувства и мечтательности, свойственныхъ женщинѣ, словомъ, нѣтъ того, что такъ очаровываетъ и увлекаетъ въ г-жѣ Плейель и составляетъ ея артистическое величіе. Мы готовы удивляться г-жѣ Бореръ и пойдемъ наслаждаться, слушая г-жу Плейель. Впрочемъ, дѣвица Бореръ еще очень молода, она усвоила себѣ пока механизмъ въ высшей степени; когда настанетъ для нея минута самосознанія и она начнетъ черпать свое вдохновеніе не изъ образцовъ, а внутри самой себя, она можетъ быть,

дѣйствительно сдѣлается чудомъ своего искусства. Лучшія пьесы, ею исполненныя во время ея концертовъ, были: «увертюра изъ Телля», «Швейцарская пастушья пѣсня», «Фантазія изъ Нормы», «Польскій изъ Пуританъ», «Фантазія изъ Дона-Жуана», «Хроматическій галопъ» — Листа; этюды и мазурки Шопена. Вы видите, что главный ея репертуаръ состоитъ изъ пьесъ артиста, котораго она выбрала себѣ въ образецъ. Для Шопена нужна грація, ее много въ г-жѣ Бореръ, но для его пьесъ нужны также задушевная теплота и мечтательность; въ этихъ мѣстахъ у артистки является холодная декламація, растянутыя украшенія, которыя лишаютъ пьесу главнаго ея характера. Успѣхъ г-жи Бореръ у насъ былъ самый блистательный и заслуженный.

Генрихъ Венявскій — ребенокъ виртуозъ, смѣлый, ловкій, владѣющій механизмомъ скрыпки, особливо въ стаккато, — получившій въ Парижѣ призъ Консерваторіи за свою игру, видимо заключаетъ въ себѣ зерно, изъ котораго можетъ развиться прекрасный талантъ. Пока имъ восхищаются, какъ необыкновеннымъ ребенкомъ, дай Богъ, чтобъ изъ него вышелъ необыкновенный человѣкъ. Вспомните дѣтей Эйхгорновъ — объ нихъ больше не слыхать.

Другой молодой скрыпачь, русскій, г. Севастьяновъ, не получившій въ Парижѣ преміи, но вполнѣ ея достойный, не обратилъ на себя вниманія моды. Оно такъ и быть должно: мы всѣ моды заимствуемъ отъ иностранцевъ, а своей пока еще не выдумали. Но въ этомъ не модномъ артистѣ много самобытнаго таланта, много механизма удивительнаго, много души, и мы увѣрены, что Европа, если услышитъ его, непремѣнно надѣлитъ привиллегіею войти у насъ въ моду.

Г. Кажиньскій, въ свой концертъ, далъ намъ «*Пустыню*» Фелисьена Давида, съ декламаціею г. Каратыгина, съ пѣніемъ г-жи Розановой и г. Михайлова, со словами г-на Анрѣева. Въ повтореніе этого концерта — театръ соотвѣтствовалъ мысли симфоніи: онъ былъ настоящею пустынею, въ которую случайно забрели немногіе странники. Что сказать о музыкѣ Давида? Она пользуется большими похвалами во Франціи, при выполненіи ея у насъ мы не нашли данныхъ для этой колоссальной славы; но, впрочемъ, не рѣшаемся произнести надъ нею окончательный приговоръ, послѣ того, какъ мы ее слышали. Для исполненія такого созданія требуются огромныя, отличныя средства, для отдѣльныхъ партій первокласные голоса, а для сгармонированія цѣлаго, для приданія надлежащаго колорита

частямъ, человѣкъ въ родѣ Берліоза, поэтъ въ лунѣ, музыкантъ-геній. Но нельзя не замѣтить, что все это созданіе ничто иное, какъ рапсодія, сшитая изъ клочковъ, сборъ мѣстныхъ мотивовъ, безъ общей, господствующей, всеподчиняющей мысли. Это картина востока, яркая, цвѣтистая, но съ разбросанными группами, безъ общаго эфекта. Есть мѣста прекрасныя, но все вмѣстѣ не оставляетъ глубокаго впечатлѣнія и слушатель не проникается обаяніемъ той сферы, въ которую композиторъ силится перенести его. Лучшія мѣста, въ 1-мъ отдѣлѣ: *Буря въ пустынѣ*, во 2-мъ: *арабская фантазія, танецъ алмей*, въ 3-мъ: *восходъ солнца* и *пѣснь муэзина*. Вообще мѣста музыкальной живописи гораздо лучше лирическихъ. Ужъ это одно показываетъ одностороннюю исключительность дарованія композитора.

— Во второй части концерта г-жа Самойлова спѣла *обычную* свою русскую пѣсенку, а самъ концертистъ сыгралъ мазурку Шопена; безъ особеннаго успѣха. Отчасти въ этомъ виноваты услужливые друзья г. Кажиньскаго, слишкомъ скорые на перо и щедрые на превознесенія. Но желая принести пользу, они чаще всего причиняютъ вредъ, потому-что

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться. ..

Такъ, напримѣръ, въ одной газетѣ было сказано: «что у насъ не умѣютъ оцѣнить высокихъ дарованій г. Кажиньскаго и упрекаютъ его за *польки*, кромѣ которыхъ онъ ничего не написалъ хорошаго. Что г. Кажиньскій на это не обращаетъ никакого вниманія и въ полномъ убѣжденіи своего творческаго таланта знаетъ, что дѣлаетъ; онъ даетъ польки тамъ, гдѣ кромѣ ихъ ничего понять не могутъ, а что для Европы онъ пишетъ великія созданія, что и доказывается слѣдующими публикаціями на оборотѣ одного Лейпцигскаго музыкальнаго вѣстника.» Тутъ слѣдуетъ исчисленіе нѣсколькихъ отрывковъ изъ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ концертовъ, симфоній и квартетовъ. Не думаемъ, чтобы подобная статья могла быть пріятна г. Кажиньскому, ибо ему не ловко-бы упрекать русскую публику въ томъ, что она, кромѣ полекъ, ничего не понимаетъ и не въ состояніи оцѣнить его, Кажиньскаго, тогда какъ она оцѣнила Мейербера, Галеви, Моцарта, Бетговена, Берліоза и другихъ. Непріятно ему такъ-же указаніе на нѣкоторые опыты, публикованные имъ-же для продажи въ иностранномъ листкѣ, когда объ нихъ ни въ одномъ уважительномъ заграничномъ

журналѣ пока еще не сдѣлано похвальнаго отзыва. Такія угожденія хуже всякаго порицанія.

Другая газета, рекомендуя концертъ г. Кажинскаго, между множествомъ пышныхъ похвалъ, напечатала: «всѣмъ извѣстно, что ни одинъ артистъ не умѣетъ такъ сыграть мазурокъ Шопена, какъ г. Кажиньскій.» Какъ! неужели и Листъ, и Тальбергъ, и Дёлеръ, и Гензельтъ? Такая неумѣренная похвала сразу поставила г. Кажиньскаго выше всѣхъ знаменитыхъ піанистовъ, а между-тѣмъ, на бѣду его, тутъ-же явились г-жа Голговская и Бореръ, которыя обѣ играютъ Шопеновы мазурки недосягаемо лучше его. Вотъ и вышло, что когда г. Кажиньскій рѣшился сыграть мазурку въ своемъ концертѣ, предубѣжденная и потому требовательная публика встрѣтила его неблагосклонно, какъ это всегда бываетъ, когда ея ожиданія обмануты.

По нашему мнѣнію, лучше оставить артиста скромно идти по избранному имъ пути и употреблять свои способности на что онѣ пригодны, чѣмъ подобнымъ выдвиганіемъ впередъ ставить его въ ложное положеніе и передъ самимъ собою и передъ публикою.

Самое значительное, самое отрадное явленіе нынѣшней концертной поры, безспорно, была ораторія покойнаго Мендельсона-Бартольди: *Илія*, данная нашимъ Филармоническимъ Обществомъ. Для истинныхъ, не *модныхъ* любителей музыки концертъ этотъ былъ дѣйствительно праздникомъ. *Илія* послѣднее произведеніе Мендельсона, онъ умеръ въ самый день перваго его исполненія, въ Дрезденѣ, и такимъ-образомъ оно послужило, такъ сказать, тризною надъ знаменитымъ композиторомъ. Вѣтхозавѣтный типъ мастерски схваченъ имъ и разлитъ на все произведеніе. Характеръ пророка рѣзко выступаетъ впередъ, онъ очерченъ размашистой, смѣлой, но спокойной и сознательной кистью. Остальные характеры лицъ ораторіи, Абадія, царя и царицы, гораздо слабѣе: композиторъ видимо хотѣлъ занять весь первый планъ величественной фигурой своего пророка. Это колоссъ, вылитый изъ звуковъ. Хоры ангеловъ безподобны, появленіе Іеговы торжественно-умилительно. Кромѣ того, во все созданіе внесены элементы древне-іудейской народности, которая цѣлому придаетъ цвѣтъ библейской важности и величія, сообразный съ значеніемъ главной мысли. Такое произведеніе не можетъ быть вполнѣ оцѣнено въ бѣгломъ очеркѣ, оно требуетъ внимательной критики, отъ которой мы не отказываемся въ будущемъ, а пока

отдадимъ только полную справедливость стараніямъ и заботливости общества, которое употребило всѣ усилія, чтобы представить великое твореніе въ достойномъ его видѣ. Ораторія *Илія* должна была служить только прологомъ къ другой великой ораторіи: «Іисусъ», которую Мендельсонъ не успѣлъ кончить. Судя по прологу, можно вообразить себѣ, что такое была-бы самая поэма, но увы! — смерть недопустила осуществиться этой музыкальной Мессіадѣ, въ которой композитору хотѣлось представить совершенно новую духовную живопись, основанную на стихіяхъ христіанства.

Исполненіе ораторіи было отчетливое и, по возможности, удовлетворительное. Тутъ явился въ первый разъ пѣвецъ съ прекраснымъ, чистымъ и звучнымъ голосомъ, г. Рейхманъ, который прекрасно выполнилъ возложенную на него партію.

Ѳ. К.

СМѢСЬ.

—

ПОѢЗДКА ВЪ ВЕНЕЦІЮ

въ 1847 году.

(*Статья Арсена Гуссе*).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ читать, я путешествую. Свѣтъ нашъ (онъ далеко не изъ лучшихъ) есть священная книга, написанная самимъ Богомъ, и къ которой люди пишутъ только толкованія. Я раскрываю ее наудачу, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, то на знакомой страницѣ, то на незнакомой. Въ повѣсти свѣта, какъ и въ повѣсти любви, надо умѣть кстати пропускать листки. Надо проскочить скучный городъ, какъ перескакиваешь любовное объясненіе. Чтобы удобнѣе слѣдовать этому правилу, я сѣлъ въ вагонъ Сѣверной желѣзной дороги.

Монтескю говорилъ: «Германія создана на то, чтобы по ней путешествовать, Англія, чтобы мыслить, Италія, чтобы гостить, Франція, чтобы жить. Французы живутъ подобно деревьямъ; всегда подъ однимъ небомъ, подъ однимъ солнцемъ, привязанные къ одной землѣ.» Не читалъ ли онъ старой пословицы: «Italia para pacer, Francia para vivir, Espanna para morir?

Извѣстно, что французы не охотники путешествовать. Парижанинъ съ трудомъ рѣшается сѣсть въ почтовую карету, чтобы ѣхать въ Фонтенебло или даже въ Сенъ-Клу. Говорятъ: учиться жить, значитъ учиться умирать; слѣдовало бы сказать: путешествовать, значитъ привыкать къ смерти. И почему знать, въ самомъ дѣлѣ, могила не есть ли новая страна, *другой свѣтъ*, какъ говорится. Послѣдній путь, смерть, единственное путешествіе, отъ котораго парижанинъ не найдетъ средства увернуться. Самый Парижъ для него невѣдомый міръ. Я однажды серьезно задумалъ совершить путешествіе по улицѣ Сенъ-Денн и сдѣлалъ въ этомъ путешествіи множество великихъ археологическихъ открытій, отыскалъ начало Національнаго театра и французской живописи; я хотѣлъ было написать свое путешествіе, но для этого мнѣ надо бы быть вѣчнымъ жидомъ; притомъ же, я убѣдился, что надо или писать и не путешествовать, или, что гораздо лучше, путешествовать и не писать.

На-примѣръ, въ тотъ самый день, какъ я отправлялся въ Венецію, я встрѣтилъ одного изъ трехъ или четырехъ историковъ, обѣщающихъ нынѣ исторію величія и паденія Венеціянской Республики; этотъ достовѣрный историкъ путешествовалъ только изъ лавки своего

издателя въ королевскую библіотеку; я посовѣтовалъ ему также идти въ Лувръ, изучить картины, въ которыхъ Каналетто съ такимъ талантомъ исказилъ Венецію.

Если же я нынче пишу, не взыщите; мнѣ не съ чѣмъ ѣхать путешествовать; къ тому же, я не пишу, а просто разсказываю.

Есть поговорка: какъ ни поѣзжай, все попадешь въ Римъ; на основаніи этой поговорки и я отправился по Сѣверной дорогѣ, чтобы еще разъ поклониться мимоходомъ Рубенсу, въ Антверпенѣ, и Рембрандту въ Амстердамѣ. Притомъ же, это самый близкій путь въ Римъ: вѣдь самый близкій путь есть тотъ, который всѣхъ пріятнѣе, а какой путь въ Европѣ можетъ быть пріятнѣе Рейна? Кто путешествовалъ за тѣмъ, чтобы путешествовать, а не за тѣмъ, чтобы пріѣхать, согласится со мною, что лучшая дорога въ Италію вверхъ по Рейну и черезъ Сенъ-Готаръ.

Съ выѣзда своего изъ Парижа до самаго прибытія въ Венецію, я не встрѣчалъ ни одного француза; не говорю объ артистахъ, которые принадлежатъ всему міру. Впрочемъ, виноватъ, на вершинѣ горы Риги въ одно время со мною былъ одинъ парижанинъ, родившійся въ Парижѣ, и говорившій объ одномъ Парижѣ, о парижскихъ женщинахъ и о парижской оперѣ. Этотъ отчаянный парижанинъ былъ аудиторомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и кажется, очень дорожилъ этимъ званіемъ, ибо никогда не забывалъ выписывать его сполна въ книгахъ проѣзжающихъ.

Изъ Милана въ Венецію я ѣхалъ съ однимъ нѣмцемъ-философомъ, знавшимъ всѣ языки и даже свой родной. Мы долго разговаривали о современномъ состояніи искусствъ въ Германіи. Такъ какъ прочіе спутники наши были англичане, и на этомъ основаніи видали Венецію по два и по три раза, то я нѣсколько разъ просилъ моего философа пораспросить ихъ о мѣстахъ, чрезъ которыя мы проѣзжали. Онъ прервалъ свои артистическія разсужденія, и въ точности передалъ мое желаніе; но получивъ отвѣтъ, удержалъ его для себя, а самъ продолжалъ съ прежнимъ жаромъ разбирать ученіе Овербека.

Вотъ все, что я узналъ на пути изъ Милана въ Венецію; мѣстоположеніе однообразно, но природа сильна и обильна; растительность поражаетъ путешественника величиною и яркостью цвѣтовъ. Виноградъ стелется пышными аркадами среди полей хмѣлю, маису и табаку.

II.

Санназаро воспѣлъ Венецію въ самыхъ смѣлыхъ гиперболахъ, вызвавъ для того Нептуна и Юпитера: «Смотри, говоритъ богъ морей богу грома: сравни Римъ и Венецію! Какъ ни хвали Капитолій и Тибръ, городъ пигмеевъ и рѣку пигмеевъ, сравни оба города, и ты согласишься, что Римъ строили люди, а Венецію построили одни боги:

Si pelago Tybrim praefers, urbem aspice utramque:
Illam homines dices, hanc posuisse deos.

Венеція вышла изъ моря, какъ Венера, и подобно Венерѣ, прекрасная и страстная, жила жизнью сердца, преданная упоеніямъ устъ и глазъ.

Венеція «царица моря!» Это городъ не нашего міра; едва вы ступили ногой въ ея безмолвныя гон-

долы, обтянутыя чернымъ, будто катафалки, вы забываете откуда вы, вы отдаетесь Венеціи сердцемъ и умомъ. Здѣсь-то въ особенности путешествіе есть обученіе смерти; вокругъ васъ безмолвіе могилы, запахъ могилы, вы словно въ могилѣ. Но кто не захотѣлъ бы обитать въ подобномъ памятникѣ, въ этой величественной поэмѣ, въ которой архитектура и скульптура поочередно воспѣвали прекраснѣйшія строфы восточной поэзіи?

Венеція вышла изъ моря въ полномъ блескѣ красоты и славы; она побѣдила гордаго, строптиваго коня, покоряющагося одной золотой шпорѣ невидимаго вздоха. Но море мало-по-малу, беретъ свое; размываетъ стѣны оставленнаго города, уноситъ каждую ночь по зерну камня отъ дворца дожа, просовывается въ дворцы Фоскари и Барбариго. Рожденная изъ моря, она и погибнетъ въ морѣ. Еслибъ Венеція еще имѣла сыновей: она могла бы, пожалуй, бороться съ моремъ и остановить его торжество; но теперь напрасно силятся спасти ее отъ близкой смерти; тамъ нѣтъ уже города, гдѣ не раздается голосъ его народа; Венеція ничто иное, какъ славная могила, подобно Іерусалиму.

Художники ходятъ въ Венецію на поклоненіе. Я не въ состояніи высказать, съ какимъ благоговѣніемъ я привѣтствовалъ ея куполы и колокольни, какъ только завидѣлъ ихъ на синемъ и багряно-золотомъ полѣ воды и неба; надъ этими церквами парила память Тиціана и Веронеза, великихъ мастеровъ, сіяющихъ солнцемъ и за могилою.

Еще не такъ давно къ Венеціи подъѣзжали въ гондолѣ или въ шлюпкѣ; нынче же, когда всѣмъ овладѣлъ паръ, подъѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ; впрочемъ, такая ѣзда по морю довольно заманчива по своей оригинальности. Желѣзныя дороги уничтожатъ скоро Альпы. При настоящемъ положеніи Венеціи, желѣзная дорога, построена, кажется, не столько для того, чтобы подвозить къ ней, какъ для того, чтобы спасти остатки умирающаго города.

Когда мы пріѣхали въ Венецію, небо было сине и ясно, какъ на югѣ Италіи; это въ Венеціи случается не часто. Выйдши изъ вагона, мы сѣли въ омнибусъ, запряженный двумя гребцами, и поплыли въ гостинницу, подъ вывѣскою *Бѣлаго льва*. — Королева Голландская заняла всю гостинницу. — Къ *Даніели*.—Всѣ нумера удержаны какимъ-то русскимъ княземъ.

Намъ посовѣтовали, хоть до слѣдующаго дня, поселиться въ гостинницѣ *Луны*. Почему-жъ бы и нѣтъ? Я не врагъ луны и луннаго свѣта; гостинница же стоитъ на большомъ каналѣ, передъ дворцовымъ садомъ, почти подъ аркадами площади св. Марка, чего же лучше?

Но кажется, во всѣхъ странахъ луна хороша только въ часъ мечты, а не въ часъ обѣда; хозяинъ отвелъ намъ чудесные покои съ мозаичными полами, расписанными арабесками, но въ тоже время объявилъ, что въ гостинницѣ *Луны* не обѣдаютъ. — Не обѣдаютъ?— То есть, возразилъ онъ: обѣдаютъ, да плохо.

Признаюсь, въ первый разъ случилось мнѣ видѣть такого трактирщика; увѣдомленіе его сильно тронуло насъ, и мы немедленно отправились искать обѣда; но это вещь, которую не легко отыс-

кать въ Венеціи. Венеціяне обѣдаютъ воздухомъ, апельсиномъ, изюминою, рисовою лепешкою, кофеемъ; ресторацоровъ нѣтъ, если не назвать этимъ именемъ нѣсколькихъ темныхъ и грязныхъ кабаковъ, въ которыхъ средй бѣлаго дня не увидишь, что съѣшь. У простаго народа хозяекъ нѣтъ; простолюдинъ обѣдаетъ на улицѣ, поѣдая варенаго морскаго рака. Онъ почти не держитъ квартиры, не разводитъ огня; едва есть у него грязная кровать, между двухъ перегородокъ. Гондольеры живутъ въ своихъ гондолахъ, поютъ, но не стихи Тасса.

Моему нѣмцу-философу хотѣлось, однако-же, пообѣдать; я былъ сытъ одними глазами; не затѣмъ же я пріѣхалъ въ Венецію, чтобы заботиться объ обѣдѣ. Восклицательнымъ знакомъ стоялъ я передъ базиликою св. Марка, этимъ чудомъ архитектуръ греческой, римской и готической, этимъ сномъ изъ *Тысячи одной ночи*, этою живою, яркою поэмою. Базилика св. Марка болѣе похожа на мечеть, нежели на христіанскую церковь. Никакой памятникъ не представляетъ болѣе гармоническаго слія-нія различныхъ архитектурныхъ стилей, греческаго изящества съ византійскимъ великолѣпіемъ.

Изумленные красотою портала и главъ, освѣщенныхъ сентябрскимъ солнцемъ, вошли мы въ храмъ, и остановились въ нѣмомъ благоговѣніи передъ яшмовыми и порфировыми мозаиками, на золотомъ полѣ, изображающими всѣ событія священныхъ книгъ отъ Адама до Евангелистовъ; передъ безчисленными рядами колоннъ, мраморныхъ, бронзовыхъ, алебастровыхъ, античныхъ и змѣеобразныхъ; передъ кропильницею, дивнымъ созданіемъ XV вѣка, поставленномъ на античномъ престолѣ неизвѣстнаго времени; передъ знаменитымъ подсвѣчникомъ, передъ гробницами, передъ всѣми этими массами золота, мрамору, искусства и поэзіи, въ которыхъ играли лучи заходившаго солнца.

Я остановился близъ алтаря, передъ вратами, на которыхъ поразили меня три бронзовыя рельефныя фигуры.

—Это кажется не духовныя лица, сказалъ я спутнику.

Я узналъ Тиціана, товарищъ мой узналъ Аретино; вслѣдъ за тѣмъ въ третьей головѣ мы узнали Сансовина, который посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни на изваяніе и рѣзьбу вратъ.

Аретино изображенъ во всей его дерзости; это живая голова, на которой надмѣнно отпечатанъ подлый нравъ и исполинскій умъ. Аретино торговалъ хвалою и клеветою; самъ Тиціанъ долженъ былъ снять съ него портретъ, чтобы заслужить отъ него имя великаго художника или чтобы избавиться отъ его преслѣдованій. Одинъ Тинторетто не побоялся его; пришелъ къ поэту, измѣрилъ ростъ его пистолетомъ и сказалъ: «Піетро, въ тебѣ три моихъ пистолета». Не даромъ Тинторетто назывался il Robusto, крѣпкимъ.

Слово Аретино было Дамокловымъ мечемъ, висѣвшимъ надъ головою всѣхъ и каждаго. За то, какъ радовались враги его, даже друзья, въ тотъ день, какъ посмѣли написать надъ нимъ, небоясь пробудить его:

Qui giace l'Aretin, poeta tosco
Che d'ognun disse male she di Dio
Scusandosi col dir: io nol conosco,

Сиренъ былъ Аретино, раздаватель журнальной славы и позора. Богатые платили ему, кто золотою

цѣпью, кто конемъ; бѣдные — просто побоями; это не помѣшало ему выбивать медали, на которыхъ онъ называлъ себя divino, божественнымъ

Надо сознаться, что портретъ Аретино не послѣдняя изъ странностей базилики св. Марка. Правда, Микель-Анджело называлъ врата Флорентинской купели не иначе, какъ «Врата рая».

— А чтобы намъ пообѣдать, сказалъ мнѣ вдругъ философъ.

Я молча пошелъ за нимъ.

III.

Я еще не видалъ венеціянокъ. Вдругъ, будто волшебствомъ, явилась предо мною картина Павла Веронеза, во всемъ ея блескѣ и свободѣ.

Это были четыре дѣвушки, бѣлокурыя и смуглыя, съ золотистымъ оттѣнкомъ, живыя и лѣнивыя, знающія только два существа въ мірѣ, солнце и гондольера; ибо у каждой венеціанки низшаго класса два возлюбленныхъ, которымъ сердце ея принадлежитъ въ одинаковой степени: солнце и гондольеръ. Царство одного начинается, когда кончается царство другаго.

Глядя на этихъ прекрасныхъ дѣвъ, созданныхъ, казалось бы, не для труда, а чтобы служить, олицетвореніемъ идеи красоты, я по очереди преклонялся передъ дивнымъ твореніемъ природы и передъ геніемъ Павла Веронеза. Одежда ихъ самая простая; онѣ не знаютъ ни шляпъ, ни чепцовъ, ни одного изъ тѣхъ уродливыхъ изобрѣтеній, которыми сѣверныя женщины стараются защищаться отъ простуды. Обильные волосы едва придерживаются на затылкѣ черепаховымъ гребнемъ, изъ подъ котораго почти всегда вырывается какая нибудь непокорная прядь и разстилается золотыми струями. Платье едва застегнуто: роскошный станъ напоминаетъ Тиціанову любовницу, и едва ли болѣе прикрытъ. Съ восточною величавостью драпируются онѣ въ пятифранковый платокъ; иногда набрасываютъ его на голову, какъ испанки; съ очаровательною лѣнью волочатъ на ногахъ деревянные или сафьянные котики, прелестнаго покроя, и на высокихъ каблукахъ; ростъ ихъ, однакоже, довольно высокъ, чтобъ не нуждаться въ этомъ искуственномъ повышеніи. Всѣ онѣ имѣютъ инстинктъ цвѣтовъ, и съ удивительнымъ искусствомъ прибираютъ согласныя краски или гармоническія противоположности, какъ будто учились у венеціанскихъ живописцевъ золотаго вѣка. Таже у нихъ страсть къ сильнымъ эффектамъ, къ яркимъ краскамъ, тотъ же пышный стиль, равно далекій и отъ простоты и отъ величія, а болѣе гоняющійся за театральнымъ блескомъ. Это стиль Веронеза въ Венеціи, Рубенса въ Антверпенѣ, Джіордано въ Неаполѣ, Лемуана въ Парижѣ.

Тиціано,—царь колористовъ, даже въ сравненіи съ Рубенсомъ, Веронезомъ и Джіорджіоне, признавалъ только три краски, бѣлую, красную и черную; въ нихъ находилъ онъ свои небеса, своихъ Віолантъ, своихъ дожей, свои деревья и лучи. Венеціянки низшаго класса также любятъ только эти три цвѣта; дополняетъ же картину солнце.

IV.

Венеціянскіе живописцы, такъже, какъ фламандскіе, воспроизводили природу съ такою поразительною истиною, что въ

Антверпенѣ и въ Венеціи, на каждомъ шагу, кажется будто встрѣчаешь картину или портретъ; останавливаешься предъ ними въ изумленіи, восклицая: какой тушь, какой свѣтъ! думаешь преклониться передъ талантомъ живописца, Тиціана или Воронеза, Рубенса или Ванъ-Дейка, а преклоняешься передъ твореніемъ природы.

Я еще не видалъ картинъ; но возвращаясь изъ церкви Санъ-Джіорджіо-Маджіоре, встрѣтилъ на Гуидеккѣ, въ довольно вѣтхой гондолѣ, дѣвушку лѣтъ двадцати, въ полномъ цвѣтѣ юности, красоты и здоровья; въ здоровьи есть также своя поэзія. Я съ перваго же взгляду узналъ Тиціанову Флору, дочь Пальмы старшаго. Въ рукѣ держала она букетъ цвѣтовъ, который далеко уступалъ ей самой въ яркости и пышности; она лѣниво склонялась надъ водою, любуясь на свою красоту, и трепля губами завянувшіе уже цвѣты. Гондольеръ, везшій ее къ площади св. Марка, смотрѣлъ на нее съ любовью, припѣвая вполголоса причудливыя вакханаліи Либо. Это былъ прекрасный парень, одѣтый въ рубище, но съ нѣкоторою живописностью; кто не видалъ его, не можетъ вообразить, съ какою ловкостью, съ какою граціею онъ гребъ, между тѣмъ, какъ красавица слушала его пѣніе, будто въ обаяніи темнаго воспоминанія любви. Какая прошедшая страсть воскресала для нея въ этихъ звукахъ. Я помнилъ только Тиціана и его любовницу; исторія ихъ неизвѣстна никому, даже ихъ историкамъ.

ПОЭМА.

У Пальмы была дочь, прекрасная Віоланта.

Когда пятнадцатая весна разцвѣла на ея щекахъ, живописецъ преклонилъ колѣно передъ дочерью.

«Віоланта, Віоланта, бѣлая лилея, разцвѣтшая въ моей любви, на синихъ волнахъ прекрасной Венеціи, несравненна будетъ слава твоя въ мірѣ:

«Ибо золото твоихъ волосъ упало съ неба, какъ лучь любви; ибо пламя, горящее въ глазахъ твоихъ, есть искра святаго пламени.

И съ этими словами, живописецъ взялся за палитру, и сталъ писать во славу искусства.

И мадонна, которая ожила на кедровой доскѣ, была дивнымъ образомъ, сіявшимъ любовью и истиною.

Когда картина окончена, Віоланта упорхнула, какъ птичка, пѣть свою пѣсню. Она была рождена для любви, какъ всѣ дѣвы земныя.

И между тѣмъ, какъ она пѣла свою пѣсню, встрѣтила она Тиціана и друга его, Джіорджіоне.

— Любезный Тиціано, какое чудо родилось бы изъ подъ нашихъ кистей, если бы такая дѣвушка захотѣла войти въ нашу мастерскую. Что за дивная, гордая Діана. Что за ослѣпительная жизнью и свѣтомъ Венера!

— Если бы она вошла въ мою мастерскую, отвѣчалъ Тиціано въ волненіи, я палъ бы ницъ передъ нею и разбилъ бы свою палитру.

Віоланта вошла въ мастерскую Тиціана; и онъ не разбилъ палитры, потому-что нашелъ въ сердцѣ болѣе живое чувство, чтобы одушевить свое созданіе.

Віоланта ходила въ мастерскую Тиціана; вдохнувъ съ нею упоительный ароматъ любви, онъ изобразилъ ее съ цвѣтами въ рукѣ, прекраснѣе самыхъ прекрасныхъ, ослѣпительную жизнью и свѣтомъ.

Джіорджіоне пришелъ посмотрѣть этотъ портретъ; Тиціано скрылъ и подлинникъ, и портретъ.

Долго жилъ онъ въ обаятельной тайнѣ этой живой и свѣжей страсти: она была лучемъ въ росѣ.

Она встрѣтила Павла Веронеза, и онъ вѣнчалъ ее первою позолоченною кистью винограда: «О моя богиня! говорилъ старикъ Пальма; мой сонъ любви! говорилъ Джіорджіоне; моя возлюбленная! говорилъ Тиціано; — «моя Вакханка, говорилъ Павелъ Веронезъ.

V.

Послѣ живаго портрета Віоланты, я увидѣлъ и писанный ея портретъ; впрочемъ, не такъ же ли онъ живъ подъ кистью Тиціана, подъ его огненною краскою? Этотъ чудный портретъ находится почти во всѣхъ картинныхъ галлереяхъ Италіи. Всегда ли онъ писанъ Тиціномъ? Во всѣхъ экземплярахъ видна его кисть: но онъ обыкновенно только доканчивалъ ихъ и налагалъ на нихъ печать генія. Вотъ происхожденіе этого множества Віолантъ, приписываемыхъ Тиціану. «Мастерская его была неприступною святынею: когда онъ выходилъ со двора, онъ оставлялъ дверь ея отпертою, чтобы дать возможность своимъ ученикамъ тайно списывать стоявшія въ ней картины. Чрезъ нѣсколько времени онъ встрѣчалъ нѣсколько такихъ копій въ продажѣ, покупалъ ихъ и поправлялъ; такимъ образомъ, эти копіи дѣлались оригиналами. Иногда онъ ихъ даже подписывалъ! Къ этому извѣстію достовѣрнаго историка присоединимъ слова Теофиля Готьё: «За исключеніемъ семи или восьми королевскихъ и княжескихъ музеевъ, въ которыхъ исторія картинъ хранится съ самаго того времени, какъ онѣ вышли изъ рукъ творца, большая часть картинъ, приписываемыхъ итальянскимъ живописцамъ, просто старинныя копіи.» Впрочемъ всѣ великіе итальянскіе живописцы были такъ плодовиты, въ особенности Венеціянская школа! Оба Беллини писали еще въ девяносто лѣтъ; Монтенья Пальма, Тинторетто, были еще неутомимы въ восемьдесятъ; Тиціано, какъ извѣстно, умеръ отъ моровой язвы девяносто девяти лѣтъ.

И какъ озарена геніемъ и славою эта долголѣтняя жизнь! До самой смерти сохранилъ онъ всю силу и свѣжесть молодости. Я видѣлъ въ Парижской Академіи Художествъ первую его картину и послѣднюю; онѣ поставлены въ одной залѣ, какъ двѣ любопытныя страницы изъ исторіи искусства; и повѣрите ли? въ послѣдней гораздо болѣе смѣлости и жизни, и свѣту; по моему, это даже рѣшительно лучшее его произведеніе. Тоже было и съ Рембрандтомъ, началъ онъ умѣренностью и терпѣніемъ, а кончилъ самою необузданною свободою и смѣлостью. Гомеръ писалъ Одиссею въ старости.

Я заговорилъ о Рембрандтѣ; такъ уже скажу кстати, что я видѣлъ въ Венеціи одну изъ его голландскихъ Магдалинъ. Рембрандтъ доходитъ силою истины до геніяльности, которой другіе достигаютъ возвышенною идеальностью. Его Магдалина, находящаяся въ Венеціи, есть чудо выраженія и составляетъ странную противуположность съ итальянскими Магдалинами. Это простая, но прекрасная голландка; но для этой великой поэмы найдутся образцы во всѣхъ странахъ. Въ Рембрантовой Магдалинѣ вы видите, что прежде, чѣмъ она возвела глаза къ небу, она жила для земной любви; что она проливала слезы радости прежде жгучихъ слезъ, перело-

женныхъ геніемъ на полотно. Она не нагая, какъ ея сестры; представлена вполроста, во все лицо, одѣтая голландкою; живописецъ показалъ одну руку, чудесную руку, какія дѣлалъ Ребрандтъ въ счастливыя минуты. На лицѣ читаете, что въ сердцѣ бьется еще человѣческая жизнь; что страсти, обуревавшія ея душу на гибельномъ морѣ жизни, еще не совсѣмъ уснули въ ея груди.

Тревоги мысли никогда не терзаютъ лицъ Тиціана; онъ не зналъ идеальнаго рая искусства; онъ довольствовался матеріяльною истиною и блескомъ свѣта. Живя въ Венеціи, среди неистовыхъ радостей, онъ избралъ себѣ музою вакханку, и излилъ всю свою поэзію въ роскошныхъ волосахъ любовницы, разсыпающихся золотымъ дождемъ по бѣлоснѣжнымъ плечамъ. Для полнаго развитія его недостало, можетъ быть, искушенія злаго духа, обманутой любви, тайной борьбы съ нищетою, сильнаго, душевнаго горя; счастливо и беззаботно прожилъ онъ до девяноста девяти лѣтъ, всѣми ласкаемый и уважаемый, даже королями; Франциск I поднималъ ему уроненную кисть, Карлъ V далъ ему дворянскую грамоту и пожаловалъ его графомъ священнаго Латранскаго дворца.

Но послѣдній часъ этой долгой жизни счастья и радости представилъ, можетъ быть, самую мрачную драму, какую когда либо пережилъ человѣкъ. У Тиціана были два сына и дочь: Помпоніо, Горацію и Лавинія. Помпоніо пошелъ въ духовное званіе; Горацію былъ живописцемъ. Когда моровая язва появилась въ Венеціи, Горацію былъ изъ первыхъ жертвъ. Тиціано хотѣлъ самъ ухаживать за своимъ сыномъ, за преемникомъ своего таланта и славы и самъ заболѣлъ. Едва Горацію умеръ на его глазахъ, и пока онъ самъ ожидалъ близкой смерти, мерзавецъ Помпоніо прискакалъ на почтовыхъ изъ Милана и бросился въ дворецъ Барбариго, гдѣ жилъ Тиціано, не за тѣмъ, чтобы закрыть глаза отцу, а чтобы обобрать цѣнное его имущество и картины, и продать все съ молотка. Знаменитый художникъ умеръ одинъ, невидя около себя ни друга, ни даже слуги. Помпоніо не исполнилъ даже долга слуги; онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Венеціи, оставивъ отца безъ погребенія. Никто не поставилъ памятника. Въ наше время только сооружаютъ ему гробницу противъ гробницы Кановы, а гдѣ лежатъ его кости, неизвѣстно. Венеція едва начинаетъ догадываться, что живописцы ея заслуживаютъ уваженія.

Между тѣмъ, какъ Тиціану воздвигается мраморный памятникъ, Павелъ Веронезе лежитъ забытый, подъ бѣднымъ камнемъ, въ полуразвалившейся церкви св. Себастіана.

Однако-же, если бы Джіорджіоне не умеръ въ цвѣтѣ молодости, какъ позолотившійся уже колосъ, но въ которомъ зерно еще не созрѣло, Тиціано едва ли былъ бы въ глазахъ потомства царемъ колористовъ. Пока Джіорджіоне былъ живъ, Тиціано считался только талантомъ; когда Джіорджіоне умеръ, Тиціано сталъ геніемъ. Изучая со вниманіемъ Венеціянскую школу, каждый убѣдится, что Тиціано получилъ только наслѣдство трехъ великихъ художниковъ, Цукати, Беллини и Джіорджіоне. И еще вопросъ, достигъ ли онъ мягкости и нѣжности Беллини или романической поэзіи Аріоста, кисти Джіорджіоне? сравнится ли Тиціанова

Магдалина съ Мадонною Беллини? или знаменитое его *Успѣніе Богородицы съ младенцемъ Моисеемъ* Джіорджіоне? Страсть къ колориту не увлекала Джіорджіоне, подобно Тиціану, до того, что стѣснила горизонтъ мысли. Его симфонія не такъ шумна, но гораздо возвышеннѣе. Въ *младенцѣ Моисеѣ* и въ прочихъ своихъ картинахъ онъ противупоставляетъ небольшое число красокъ, но всегда превосходно перемежаетъ ихъ тѣнями; за то гармонія его строга, не смотря на свой блескъ.

Въ Венеціи мало остается произведеній Джіорджіоне, потому-что онъ, по обычаю XV вѣка, писалъ по большой части фрески на фасадахъ дворцовъ; нынче встрѣчаются только немногіе слѣды ихъ, которые сохраняются съ религіознымъ благоговѣніемъ. Джіорджіоне можно узнать съ перваго взгляду, по твердости кисти, свѣжести тѣла, по свободѣ и искусству драпировки, въ особенности же по благородству и гордости выраженія.

VI.

Венеціянскіе живописцы не смотрѣли на жизнь глазами души; не отворяли золотыхъ воротъ невидимаго и безконечнаго: они только улыбались преходящему міру, не угадывая міра вѣчнаго; они срывали цвѣтъ жизни и не замѣчали, что въ чашечкѣ его скрывалась небесная слеза. Какъ далеки чувственныя нимфы Тиціана отъ влюбленныхъ видѣній Корреджіо! Для Корреджіо высшая нѣга заключается въ парящемъ пламени, у Тиціана она является лежащею женщиною, раздвигающею завѣсу.

Венеція никогда не чувствовала терзаній мысли; она любила Бога, не возносясь къ нему; она упоялась лучезарною красотою женщинъ или золотистымъ виноградомъ Ломбардіи. Море, приносившее ей, какъ покорная рабыня, всѣ сокровища Азіи, роскошь и умъ Европы, никогда не внушало ей, ни въ бурю, ни въ штиль, торжественныхъ размышленій, которыя образуютъ поэтовъ. Венеція читала, такъ сказать, одинъ романъ жизни; когда философія хотѣла толковать ей свои начальныя истины, она слушала только застольныя пѣсни, или сажала самую философію за пиръ и подносила ей кипрское вино изъ рукъ прекрасной гологрудой дѣвы.

Изъ всѣхъ венеціянскихъ живописцевъ потомство одного Андрея Скіавони сохранилось до нашего времени; я видѣлъ его правнуковъ. Эти Скіавони донынѣ сохранили страсть колорита, и сладострастныя движенія головы. У стараго Скіавони было болѣе генія, чѣмъ у нынѣшнихъ, но не болѣе любви.

Однажды, рано утромъ, я ѣхалъ по большому каналу, желая посѣтить дворцы, которыхъ фасады поразили меня между церковью св Марка и Ріальто. Гондольеръ мой вдругъ остановился предъ дворцомъ мавританскаго стиля, и сказалъ тономъ знающаго человѣка: Прекрасная галлерея, чудная картина, прекрасная дѣвушка!

Стоило остановиться; онъ позвонилъ, минуты черезъ три какая-то старуха отворила дверь и сдѣлала знакъ, чтобы я за нею слѣдовалъ. Первый предметъ, встрѣтившійся мнѣ, былъ незавидный. Входъ и лѣстница нисколько не напоминали стариннаго Венеціанскаго дворца, гдѣ выбыло золото и мраморъ Старуха повела меня въ какую-то прихожую, обвѣшанную

свѣжими картинами въ сладкомъ, изысканномъ стилѣ, въ родѣ дюжинныхъ картинъ, назначающихся для богатыхъ любителей и покровителей искусствъ. Я уже думалъ, что гондольеръ хотѣлъ подшутить надо мною своею прекрасною галлереею, прекрасною женщиною, и прекрасною дѣвушкою; и собирался уже идти назадъ, подъ предлогомъ, будто ошибся домомъ; но въ эту самую минуту отворилась настоящая галлерея, уставленная плохими мраморными статуями временъ возрожденія, безносыми и безъушими бюстами, словомъ *несомнѣнными* антиками.

Между тѣмъ, какъ я входилъ въ галлерею еще съ большимъ недовѣріемъ, въ противуположномъ концѣ явилось новое лицо. Это былъ самъ хозяинъ: человѣкъ лѣтъ сорока, венеціянскаго типа, нѣсколько скраденнаго подъ новымъ платьемъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и ввелъ меня, наконецъ, въ истинно любопытный кабинетъ. Съ перваго взгляду, у меня зарябило въ глазахъ, будто я вошелъ въ палаты самаго солнца: Джіорджіоне, Беллини, Тиціано, Веронезе, Тинторетто, окружали меня своимъ ослѣпительнымъ сіяніемъ; тутъ Евва, впервые сознавшая свою наготу; тамъ кающаяся Магдалина, во всемъ блескѣ Магдалины; тамъ бѣлогрудая Венера или сребророгая Діана; любовные символы всѣхъ поэтовъ и народовъ. Я тутъ видѣлъ не Эвву и не Магдалину, не познаніе со всѣми его терзаніями и не раскаяніе съ его горькимъ наслажденіемъ, не Венеру и не Діану, торжество сердца и торжество воли надъ собою; я видѣлъ только женщинъ. Символъ исчезалъ подъ блескомъ красокъ; глаза мои были ослѣплены, но только глаза, и не болѣе.

Между этими свѣжими, улыбающимися видѣніями, я замѣтилъ однако-же, одно оригинальное существо, не имѣвшее притязанія на освященное имя. Это была картина стараго Скіавони, произведеніе вылившееся изъ души, въ которомъ живописецъ въ счастливый день безсознательно предался вдохновенію. Представьте себѣ дѣвушку волшебной красоты и свѣжести, передъ столомъ, усѣяннымъ розами, она ихъ ѣстъ; за то, по выраженію одного древняго писателя, щеки ея вскормлены на розахъ. Вотъ мысль истинно поэтическая, мысль достойная мечтателя нѣмца. Я увѣренъ, что когда Скіавони писалъ эту картину, онъ и не думалъ, что въ ней найдется предметъ для сонета; однако же этотъ сонетъ существуетъ; его сложилъ старый французскій острякъ и стихотворецъ Лепен (Le Pays).

A IRIS, QUI MANGAIT ORDINAIREMENT DES FLEURS.

Je ris de vostre goût, je vous jure ma foy;
Hè quoy! manger des fleurs, c'est faire bonne chere,
Ah! vraiment, vos repas ne vous couteront guere,
Quoique vous les nommiez de vrais repas de roy.
Un cuisinier chez vous n'aura jamais d'employ,
Vous pouvez au jardin faire votre ordinaire,
Mais cessons de railler sur semblable matiere,
Quittez cette habitude, Iris, et croyez moy.
Car quand l'hiver viendra faire sentir sa rage,
Qu'on ne verra des fleurs que sur votre visage,
Que la rigueur du tems n'oserait outrager,
Que ferez vous, Iris, dans ce malheur extrême

Si, faute de fleurs que vous puissiez manger,
Vous vous trouvez reduite à vous manger vous-même! (*)

Авторъ сонета достоинъ былъ назваться Венеціянцемъ, если не по колориту, то по изысканности своего остроумія. Такъ ли объяснилъ бы поэму Скіавони, Козегартенъ или Бюргеръ?

— Нравится вамъ эта картина? спросилъ хозяинъ.

— Очень нравится, отвѣчалъ я: въ положеніи головы есть какая-то идеальная нѣга, проникающая до глубины сердца. Я уже видалъ это созданіе въ своихъ юношескихъ мечтаніяхъ. Она должна обитать въ золотыхъ палатахъ Магометова рая.

— Такъ я вамъ покажу, сударь, изумительную копію съ этой дѣвушки, писанной за триста лѣтъ моимъ прапрадѣдомъ, ибо я также Скіавони.

Я отвѣсилъ низкій поклонъ потомку Скіавони.

— И также занимаетесь живописью?

— Такъ точно, сударь; копія, о которой я говорю, безспорно лучшее изъ моихъ произведеній; вы сами увидите.

Г. Скіавони позвалъ старуху и сказалъ ей что-то на венеціянскомъ нарѣчіи; я не понялъ ни слова. Я, между тѣмъ, съ любопытствомъ разсматривалъ этого потомка знаменитаго живописца, который черезъ три столѣтія сохраняетъ наслѣдственный талантъ колориста.

— Вотъ она, сказалъ онъ вдругъ, указывая пальцемъ на прекрасную дѣвушку лѣтъ двадцати, стоявшую на порогѣ кабинета. Она была одѣта просто, безъ изысканности; ибо слишкомъ полагалась на свое лицо, на гордую, лѣнивую шею, и на мраморныя плеча, чтобы прибѣгать къ пособію наряда; русая, золотистая коса ея, едва придержанная гребнемъ, была длинна и густа.

— Что же, спросилъ отецъ, не правда ли, что копія достойна оригинала?

Я былъ изумленъ сходствомъ: тотъ же рисунокъ, то же выраженіе, тотъ же блескъ красокъ.

— Г. Скіавони, мнѣ кажется, вы превосходите своего знаменитаго предка; я не отдалъ бы вашихъ произведеній, или скорѣе отдалъ бы оригиналъ за копію. Чѣмъ объяснить это странное явленіе?

— Весьма просто; эта картина портретъ моей прабабки; я вамъ разскажу ея исторію.

Я сказалъ нѣсколько словъ дѣвушкѣ, что-то въ родѣ пошлаго комплимента, на который она отвѣчала обворожительнымъ движеніемъ шеи и устъ, поклонилась и вышла. Мы подошли снова къ картинѣ, и Скіавони разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Вотъ вамъ исторія этого бѣднаго живописца, въ томъ видѣ, какъ она дошла до меня; этого геніяльнаго художника, не оставившаго

(*) *Прись, питавшейся цвѣтами.*

Кляпусь честью, смѣюсь я вашему вкусу! Ѣсть цвѣты, да это обѣдъ на славу! Онъ не дорого вамъ обходится, хотя вы и называете его царскимъ.

Не нужно вамъ повара; вамъ всегда готовъ обѣдъ въ саду. Но полно вамъ шутить такимъ предметомъ; повѣрьте, Ириса, бросьте эту причуду.

Когда наступитъ лютая зима и цвѣтовъ невидать будетъ нигдѣ, кромѣ вашихъ щекъ, до которыхъ не смѣетъ коснуться время;

Что вы станете дѣлать въ такой бѣдѣ, Ириса? Тогда, за неимѣніемъ цвѣтовъ; вы будете принуждены скушать самое себя?

но смерти, чѣмъ бы его похоронить.

«Онъ сначала писалъ вывѣски. Онъ родился въ Себенико, въ Далмаціи, и въ молодыхъ еще лѣтахъ пріѣхалъ въ Венецію, гдѣ ни одинъ изъ знаменитыхъ въ то время живописцевъ не удостоилъ его совѣта. Однако-же, Тиціано, встрѣтивъ его однажды, когда онъ шелъ продавать свои картины купцу, удивился его оригинальному тушу. Кто научилъ тебя этимъ прозрачнымъ тонамъ, этимъ прекраснымъ позамъ!

— Не знаю.—Отъ чего ты такъ блѣденъ?—Голоденъ.

«Тиціано взялъ Скіавони за руку и повелъ въ библіотеку св. Марка: вотъ тебѣ чѣмъ заработать хлѣбъ.

«Скіавони расписалъ три круга подъ куполомъ: всадниковъ, торжествующихъ надъ врагами; епископа, помогающаго бѣднымъ; царя, раздающаго награды воинамъ.

«Но, послѣ нѣсколькихъ дней спокойствія, онъ опять впалъ въ нищету, ибо тѣмъ, что заработалъ, онъ могъ только расплатиться съ долгами и весело провести карнавалъ. Тиціана онъ болѣе не встрѣчалъ, а идти къ нему не посмѣлъ.

«Единственнымъ утѣшеніемъ его была любовь прекрасной дѣвушки, которую онъ встрѣтилъ въ слезахъ на Ріальто. О чемъ ты плачешь? —Отецъ мой уѣхалъ за море, а мать умерла: я осталась круглою сиротою въ Венеціи.—Пойдемъ же со мною; я также плачу, я также круглый сирота.

«Она пошла съ нимъ и отдала ему свою красоту, а онъ отдалъ ей сердце. Но Богъ видно не благословилъ этого брака.

«Однако-же надежды придавали имъ бодрость. Онъ, великій живописецъ, обратилъ свое искусство въ ремесло, писалъ вывѣски и копіи. Они жили въ небольшомъ домикѣ, невдалекѣ отъ дворцовъ Барбариго и Фоскари; по ночамъ слышали веселыя пѣсни, и не могли уснуть, потому-что были голодны.

«Джіачинта за себя не жаловалась, а только за дѣтей. Семейство ея каждый годъ умножалось однимъ ребенкомъ, а съ встрѣчи ихъ на Ріальто прошло уже восемь лѣтъ. Не горькая ли насмѣшка судьбы?

«Отцы монастыря св. Креста заказали однажды Скіавони образъ Благовѣщенія; онъ принялся за работу, въ надеждѣ, что для милой его Джіачинты кончатся скоро дни горести и лишенія. Когда картина была кончена, въ монастырѣ открыли ее съ торжествомъ; вся Венеція стеклась къ новому образу съ цвѣтами.

«Живописецъ ждалъ въ церкви до вечера; котда народъ разошелся, онъ подошелъ къ монахамъ, и просилъ ихъ дать ему деньги.— Денегъ у насъ нѣтъ, отвѣчали они; прими цвѣты, какъ дань твоему генію.

«Скіавони схватилъ въ отчаяніи два букета розъ, и побѣжалъ домой, какъ сумасшедшій. На порогѣ ждала его Джіачинта съ дѣтьми.—Цвѣты! воскликнула она съ своею божественною улыбкою.— Это деньги, которыми расплачиваются монахи св. Креста! отвѣчалъ Скіавони, бросивъ съ яростью цвѣты къ ногамъ своей возлюбленной.

«Она поблѣднѣла и подобрала цвѣты.—Я сейчасъ подамъ ужинать, сказала она; позабавь между тѣмъ малютокъ.

«Скіавони позвалъ дѣтей въ свою мастерскую. Когда онъ вышелъ, столъ былъ накрытъ; дѣти усѣлись по обычнымъ мѣстамъ; Джіа-

чинта подала на двухъ оловянныхъ блюдахъ ощипанныя розы.

«Это былъ послѣдній ужинъ Джіачинты; она не пережила этихъ безпрестанныхъ горестей; она умерла, оставивъ бѣдному Скіавони восьмерыхъ дѣтей, которыя будили его каждое утро, прося куска хлѣба.

«Скіавони пытался восторжествовать надъ злою судьбою трудомъ, геніемъ; плодомъ усилій его была преждевременная смерть.

«Эта прекрасная дѣвушка, кушающая розы, портретъ бѣдной Джіачинты. Скіавони написалъ ее вѣроятно на память, проливая жгучія слезы. Не больно ли смотрѣть на розы, когда подумаешь объ этомъ ужинѣ безъ крошки хлѣба?»

«Увы! продолжалъ Скіавони послѣ нѣкотораго молчанія: мнѣ не дано генія, а я живу во дворцѣ! Кто бѣднѣе изъ обоихъ Скіавони?

И онъ отеръ слезу.

Я грустно стоялъ передъ Джіачинтою; подъ ея небесною улыбкою открывались мнѣ одно за другимъ, страданія, приведшія ее къ могилѣ. «Джіачинта, Джіачинта!» шепталъ я, и почувствовалъ слезу на глазахъ; какъ бы я желалъ прижать къ груди это дивное созданіе, такъ несправедливо пораженное судьбою.

Легкіе шаги послышались за нами; я обернулся; это опять Джіачинта, теперь дѣвица Скіавони; она пришла сказать отцу, что къ нему пріѣхалъ какой-то знатный гость.

— Джіачинта, Джіачинта! сказалъ я, взявъ ее за руку и поцѣловавъ въ лобъ: ахъ, если бы ты была жива, какъ бы я любилъ тебя!

VII.

У г. Скіавони есть сынъ, живописецъ, какъ и всѣ Скіавони впродолженіе трехъ вѣковъ. Онъ не имѣетъ смѣлой кисти отца; любовь къ искусству безтолковыхъ любителей совершенно погубила его; онъ пишетъ фарфоровыхъ мадонъ, сдерживая кисть, какъ робкій всадникъ сдерживаетъ коня. Онъ, впрочемъ, человѣкъ умный, и работаетъ изъ денегъ, которыя онъ предпочитаетъ славѣ стараго Скіавони, когда она дается на условіи, чтобы ужинать однѣми розами, хотя бы и съ Джіачинтою. Онъ мастеръ писать картины Беллини и даже Джіарджіоне, на копіяхъ его не достаетъ только ихъ подписи. Видя, что я очень люблю произведенія этихъ двухъ живописцевъ—онъ обѣщалъ написать мнѣ въ нѣсколько дней Мадону одного и куртизану другаго. Въ Венеціи преимущественно искуство поддѣлываться подъ старинныхъ живописцевъ доведено до совершенства; есть мастерскія, изъ которыхъ не выходитъ ни одной оригинальной картины; каждый годъ распускаютъ онѣ повсюду сотни подложныхъ картинъ Тиціана, Джіорджіоне, Веронеза и Беллини. Пріѣхавъ въ Венецію, вы вездѣ преклоняетесь передъ живописцами золотаго вѣка; но скоро копіи до того замучатъ васъ, что вы не будете признавать и подлинныхъ ихъ твореній.

Скіавони спросилъ меня съ разсѣяннымъ видомъ, есть ли еще хорошіе живописцы во Франціи. Я незналъ, что отвѣчать на такой вопросъ; мнѣ хотѣлось уже расхвалить г. Бидо и Пенгре; однако-же, я преважно назвалъ Делакруа и Энгра. Онъ спросилъ, пишутъ ли они лица или ландшафты?

— Мнѣ иногда приходило въ голову, продолжалъ онъ, послать свои картины на Парижскую вы-

ставку; но потомъ подумалъ, къ чему мнѣ искать такой далекой славы?

И онъ былъ правъ: завоеванія таланта не то, что завоеванія оружія; онѣ не требуютъ большаго пространства; не много мѣста нужно имъ подъ солнцемъ. Сколько поэтовъ и живописцевъ, которые пишутъ только для небольшаго круга высокихъ умовъ, и пренебрегаютъ рукоплесканіями толпы, которая всегда бы ошибалась въ своихъ сужденіяхъ, если бы не увлекалась иногда въ своемъ безотчетномъ энтузіазмѣ энтузіазмомъ царей мысли.

Скіавони занимаетъ прежній дворецъ Джіустиндани, смежный съ знаменитымъ дворцемъ Фоскари. Странная превратность судьбы! двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Фоскари были главами республики, а Скіавони умиралъ съ голоду подъ тѣнью ихъ дворца, нынче же, потомки Скіавони имѣютъ свой дворецъ, а Фоскари не смѣютъ взглянуть на дворецъ предковъ. Годъ тому назадъ, существовали еще въ Венеціи четыре Фоскари. Одинъ изъ нихъ умеръ, подобно старику Скіавони, не оставя на что бы сдѣлать ему похороны, достойныя его имени; пришлось прибѣгнуть къ добровольнымъ подаяніямъ прихожанъ по церквамъ древней республики Теперь остается три Фоскари; одинъ живетъ въ какомъ то углу и проживаетъ въ день одинъ цванцигеръ; другой служитъ курьеромъ въ почтамтѣ; третій — паяцо въ площадномъ балаганѣ. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, смѣется надъ счастіемъ; онъ одинъ помнитъ своихъ предковъ дожей.

Самая живая картина въ галереѣ Скіавони, *Адамъ и Эва* Тинторетта, ослѣпительная свѣтомъ и свѣжестью. Эва напоминаетъ отчасти *Эву* Луки Лейденскаго и Эву Альбрехта Дюрера, этихъ сѣверныхъ язычниковъ, создавшихъ женщину болѣе для глазъ, чѣмъ для сердца.

Скіавони просилъ меня навѣщать его и обѣщалъ побывать у меня въ Парижѣ. Кто путешествовалъ, тотъ знаетъ, что значатъ эти обѣщанія. Я не полюбопытствовалъ зайти къ нему въ другой разъ; я прочиталъ уже книгу его до конца; если же онъ пріѣдетъ въ Парижъ, ему вѣроятно некогда будетъ и поклониться мнѣ на улицѣ.

VIII.

Я встрѣтилъ *** въ бывшемъ дворцѣ Гримани, въ почтамтѣ. Это уже не прежнее свѣтлое видѣніе, отдѣлившееся отъ неба Парижской Оперы; не та женщина, которая казалось, когда танцовала, припоминала то время, когда у нея еще были крылья. О юность, юность! зачѣмъ покидаешь ты, какъ другихъ смертныхъ и тѣхъ, которыя упивались твоею золотою чашею, которыя жили всякою поэзіею, которыя разсѣянною рукою расточали всѣ роскошные цвѣты любви! Тальони уже не прежняя очаровательная цыганка, возносившаяся граціею до фантазіи; она теперь гражданка, платящая значительныя подати, управляющая своими помѣстьями и домами, то есть дворцами; ихъ у нее два или три въ Венеціи.

*** пришла въ почтамтъ за письмомъ, и жила своей очереди не хуже всякой другой смертной, не смотря на то, что столько разъ бывала богинею и сильфидою. Я тоже ждалъ очереди, и стоялъ съ нею за толпою.

Когда очередь дошла до нея,

она подошла и сказала съ нѣкоторою таинственностью и смущеніемъ: *Маріи* ***.

О суета суетъ! Чиновникъ, раздававшій письма, никогда неслыхивалъ этого славнаго имени. Между тѣмъ какъ онъ искалъ подъ литерою Т, она слѣдила глазами, и читала впередъ. Что бы онъ могъ писать ей? — Увѣрять, что еще ее любитъ. — Это еще водится. — Что послѣдуетъ за нею на край свѣта. — Это уже давно вывелось.

Между тѣмъ, оставалась еще надежда только на два или на три письма. Конторщикъ читалъ медленнѣе, будто угадывая пытку просительницы. Она съ нетерпѣніемъ опирала руку на подоконникъ. (Въ Италіи все дѣлается на улицѣ или въ окно).

— Нѣтъ, сказалъ чиновникъ.

Это слово было какъ вострый ножъ для сердца танцовщицы. Она медленно отошла отъ окна, не зная куда идти. Бѣдная волшебница, потерявшая свою волшебную палочку! десять лѣтъ назадъ не ты ждала письма: сегодня отомщены всѣ тѣ, которыхъ ты заставляла ждать — вотъ исторія танцовщицы!

IX.

Я забылъ разсказать вамъ, какъ обѣдаютъ въ Венеціи. Въ день своего пріѣзда, мы долго напрасно искали гостепріимнаго стола.

— Начинаю думать, что въ Венеціи люди питаются, точно такъ, какъ и одѣваются, воздухомъ.

Мы бродили изъ канала въ каналъ, устремляя жадные взгляды внутрь домовъ. Каждый въ Венеціи торгуетъ хлѣбомъ и плодами; но какъ ни вызолочены маисовыя корки и мускатный виноградъ, такая идиллическая трапеза не прельщала насъ; всѣ путешественники — англичане по аппетиту. Мы объѣхали уже съ полсотни мостовъ, перебрали всѣ дома отъ королевскаго дворца до Ріальто, и отъ Ріальто до театра Фениче, когда судьба представила нашимъ взорамъ объявленіе, заключавшееся въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ: *Пьеръ Марсель, ресторатеръ*. Мы скоро подъѣхали ко дворцу Петра Марселя (въ Венеціи домовъ нѣтъ, тамъ все дворцы).

Намъ подали два бифстекса, четыре котлетки, пару цыплятъ и двѣ бутылки кипрскаго вина; закуски и дессерты сверхъ счету, такъ же, какъ добродушная веселость прислуги.

— Вы путешествуете философомъ и артистомъ? спросилъ меня нѣмецъ.

— Я путешествую безъ опредѣленной цѣли, отвѣчалъ я: но зачѣмъ вы меня спрашиваете?

— Потому что обѣдъ нашъ заключится богатырскимъ счетомъ.

Дошло до счета; у Петра Марселя не водится ни перьевъ, ни чернилъ; его *пикколи* (мальчики) дѣлаютъ сложеніе вслухъ. Они взяли съ насъ четыре цванцигера съ обоихъ. Мы дали себѣ слово въ другой разъ неприходить къ нему; ибо два бифстекса, четыре котлетки, пара цыплятъ и двѣ бутылки кипрскаго вина за четыре цванцигера, это просто даромъ, а мы привыкли платить за обѣдъ.

— Часто у васъ обѣдаютъ? спросилъ я одного пиколиссимо, принесшаго намъ для потѣхи цѣлую семью котятъ.

— Случается, сударь.

— Чтожъ прикажете? сказалъ я философу, не мы первые здѣсь обѣдаемъ, не мы послѣдніе.

X.

Послѣ обѣда мы отправились въ Флоріанову кофейню, которая была знаменита еще во время республики и въ которой донынѣ венеціянскій модный кругъ собирается по вечерамъ задыхаться въ сигарочномъ дыму и поглазѣть на пріѣзжихъ. Насъ усадили среди самой площади св. Марка, между размышляющимъ туркомъ и семьею венеціянъ, состоявшею изъ матери, двухъ дочерей и мужа или жениха. Я представлю одинъ щекотливый случай на судъ публики. Мужъ—это точно былъ мужъ—небрежно курилъ сигару, едва отвѣчая на вопросы двухъ сестеръ, пришедшихъ собственно за тѣмъ, чтобы покушать мороженныхъ плодовъ.

Вдругъ мужъ, неосторожно отряхнувъ пепелъ съ сигары, стряхнулъ нѣсколько искръ на роскошный станъ жены. Она въ страхѣ встаетъ со стула, мужъ ничего не понимаетъ, я бросаюсь къ ней..... и гашу огонь.

Тутъ встаетъ мужъ, и обращается ко мнѣ на ломаномъ французскомъ языкѣ; я ему отвѣчаю на такомъ же ломаномъ итальянскомъ; словомъ, мы говоримъ, говоримъ, и рѣшительно не понимаемъ другъ друга. Онъ возвышаетъ голосъ, и я также; напрасно жена объясняетъ ему, какъ естественъ мой поступокъ и что не дать же ей сгорѣть живой.

Это была самая забавная венеціянская комедія, всѣ смотрѣли на насъ и смѣялись, а всѣхъ болѣе меньшая сестра. Одинъ нѣмецъ философъ сохранялъ свою обычную степенность и важность. Наконецъ и онъ всталъ, чтобы укротить новаго Отелло, важность его въ этомъ случаѣ была еще смѣшнѣе всего остальнаго.

— Синьоръ...

Этого было достаточно; оскорбленный мужъ расхохотался и спокойно закурилъ снова сигарку.

Я начинаю догадываться, что мнѣ въ Венеціи надо будетъ говорить по-итальянски. И какимъ же итальянскимъ языкомъ стану я говорить со всѣми этими нѣмцами и англичанами? Овидій, чтобы объясниться съ скифами, долженъ былъ говорить ихъ нарѣчіемъ; Расинъ, путешествуя по Лангедоку, говорилъ:

«Я подвергаюсь опасности забыть и то немногое изъ французскаго языка, что знаю.» Расинъ былъ умный человѣкъ, и вдавался подчасъ въ *кончете*; вотъ для примѣра стихи, писанные имъ во время путешествія:

La nuit a déployé ses voiles;
La lune au visage changeant
Parait sur un trone d'argent
Et tient cercle avec les étoiles.

Такъ и пахнетъ отелемъ Рамбулье. Когда великимъ поэтамъ придетъ охота сдѣлаться мелкими поэтами, они поступаютъ какъ Геркулесъ у ногъ Омфалы: ломаютъ веретена.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

—

ТЕПЕРЬ и ТОГДА,

Новый романъ Самуила Уаррена.

—

Въ 1830 году молодой человѣкъ, двадцати двухъ лѣтъ, предлагалъ всѣмъ главамъ Лондонской журналистики первую главу новаго романа, и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ, что романъ его не годится для ихъ журнала, и что онъ едва ли можетъ быть зани-

мателенъ для публики. Почти безъ надежды уже на успѣхъ, рѣшился онъ на послѣднюю попытку и отнесъ рукопись корреспонденту журнала Blackwood's Edinburg magazine. Къ крайнему его изумленію, черезъ мѣсяцъ получилъ онъ самый ласковый отвѣтъ отъ редактора, и убѣдительное приглашеніе продолжать начатый трудъ, которому редакторъ смѣло обѣщалъ самый блистательный успѣхъ. Предсказаніе его сбылось; молодой литераторъ былъ Самуель Уарренъ, а романъ: «Записки покойнаго врача,» который съ того времени переведенъ почти на всѣ языки и вездѣ читался съ такою жадностью, что издатели неуспѣвали его печатать.

Чрезъ девять лѣтъ, т. е. въ 1839 году, Уарренъ напечаталъ въ томъ же журналѣ другой романъ «Десять тысячъ въ годъ,» новое его произведеніе имѣло еще большій успѣхъ, чѣмъ первое, и было одолжено этимъ успѣхомъ единственно своему достоинству, а не имени автора; ибо, по обыкновенію англійскихъ журналовъ, оно было напечатано безъ имени. Въ Ten thousand a year талантъ романиста явился въ полномъ развитіи; это уже не легкія поверхностныя очерки людскихъ слабостей и пороковъ, а одно художественное цѣлое, въ которомъ на каждой страницѣ видно глубокое изученіе человѣческой души и всѣхъ пружинъ человѣческихъ дѣйствій. Съ терпѣніемъ и искусствомъ опытнаго хирурга раскрываетъ онъ передъ читателемъ всю подлость, всю мерзость низкой души Титльмоуза; съ поразительною истиною и наглядностью чертитъ онъ характеры Гаммона, смѣси добра и зла, благороднаго между подлыхъ и подлаго между благородныхъ, сильнаго между слабыхъ, и слабаго между сильныхъ, предмета сожалѣнія для тѣхъ и другихъ, человѣка, который могъ бы вполнѣ подавить въ себѣ начало зла, еслибы добрые инстинкты его души были подкрѣплены религіею.

Въ концѣ 1847 года вышелъ третій романъ Уаррена «Теперь и тогда»; если это новое твореніе не возвыситъ и не распространитъ славу автора болѣе прежняго, то во всякомъ случаѣ и не уронитъ ее. По художественности отдѣлки и по языку оно выше прежнихъ двухъ книгъ, но не по занимательности содержанія. Мысль, на которой вертится романъ, слѣдующая: «Пути Господни неисповѣдимы; твори добро, не взирая ни на гоненіе судьбы, ни на козни людей и уповай на Бога; ибо онъ изъ бездны бѣдствія выведетъ тебя на верхъ блаженства.» Содержаніе его чрезвычайно просто.

«Лѣтъ за сто тому назадъ, въ одномъ изъ приморскихъ графствъ Англіи, въ Мильверстокскомъ приходѣ, поодаль отъ всякаго жилья, среди густой шпалеры изъ каприфолій, дикаго ясмину и шиповника, стоялъ низкій, но красивый и уютный сельскій домикъ, построенный изъ грубаго приморскаго камня и крытый соломою. На переднемъ фасадѣ было только два окна, одно надъ другимъ, съ весьма мелкими стеклами, нижнее принадлежало къ горницѣ; верхнее же было гораздо меньше и принадлежало къ главной спальнѣ; другія двѣ спальни, поменьше, были въ задней части дома; надъ дверью была высѣчена начальная буква имени хозяина. Надъ самымъ домомъ развѣсился огромный вязъ, который

очевидно выросъ тутъ еще задолго до постройки дома; передъ домомъ былъ небольшой садикъ, наполненный душистыми цвѣтами, среди которыхъ возвышался огромный улей; а между домомъ и стволомъ вяза, обвитымъ кустами плюща, была калитка, ведшая въ небольшой огородъ; словомъ, домъ во всемъ напоминалъ дома, какіе въ то время строили зажиточные англійскіе однодворцы. И дѣйствительно это былъ послѣдній остатокъ имѣнія старинной однодворческой фамиліи Эйлифовъ! Настоящій представитель ея, Адамъ Эйлифъ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, могъ служить образцомъ древняго патріарха, сѣдые волосы, окружавшіе серебреннымъ обручемъ его лысую голову, чистыя саксонскія черты, голубыя глаза, нѣсколько строгое, но въ то же время доброе выраженіе лица, внушали невольное уваженіе, почти благоволеніе; всѣ сосѣди знали его за человѣка непоколебимой честности, безукоризненныхъ правилъ, прямаго, богобоязненнаго и всегда готоваго помочь ближнему и словомъ и дѣломъ. Въ послѣдніе годы онъ подвергся тяжкимъ испытаніямъ, которыя переносилъ съ покорностью христіанина. Рядъ несчастій его начался смертью жены. Болѣе двадцати лѣтъ жилъ онъ въ любви и счастьи съ своею Сарою; но однимъ утромъ онъ проснулся, а она не проснулась; тихо, безъ страданія перешла она въ сонъ смерти. Больно было сердцу Адама, но онъ не роптalъ, а сказалъ, подобно Іову: «Господь далъ мнѣ ее, Господь же и отнялъ: благословенно да будетъ имя Господне.» Года черезъ два послѣ этого событія, Адамъ лишился почти всего своего богатства. Желая помочь сыну своего умершаго друга получить мѣсто сборщика податей въ сосѣднемъ графствѣ, онъ поручился за него; тотъ несчастный пустился въ мотовство и распутство, и старикъ Эйлифъ принужденъ былъ, какъ поручитель, взнести за него растраченныя деньги.»

Изъ богатаго земледѣльца, Эйлифъ сталъ бѣднякомъ, почти нищимъ. Сынъ его, также Адамъ, былъ помолвленъ на молодой дѣвушкѣ, которую онъ любилъ со всѣмъ пламенемъ первой любви; но которая отказала ему съ презрѣніемъ, какъ скоро онъ обѣднялъ. Этотъ неожиданный ударъ сильно подѣйствовалъ на душевныя и тѣлесныя силы молодаго человѣка; и хотя онъ потомъ женился на воспитанницѣ приходскаго священника Гильтона, дѣвушкѣ кроткой и вполнѣ достойной его, однако-же ничто не могло изгладить изъ памяти его обманутой любви.

Лишившись своего добра, Эйлифы стали добывать себѣ хлѣбъ трудомъ; отецъ, несмотря на сопротивленіе сына, нанялся въ работники, благодаря Бога за то, что онъ сохранилъ ему довольно силы. Однако-же, старикъ былъ крѣпче духомъ, чѣмъ тѣломъ; поработавъ года полтора, онъ принужденъ былъ возвратиться къ сыну; которому съ этого времени пришлось одному прокармливать себя, отца, больную жену и ребенка.

Какъ ни ничтожно достояніе Эйлифово, однако-же оно возбуждаетъ зависть Окселя, управителя графа Мильверстока. Онъ приходитъ торговать клочекъ земли; послѣ продолжительныхъ его убѣжденій и отказовъ Адама, старикъ наконецъ открываетъ библію и

читаетъ, какъ Ахавъ, царь Самаритянскій уговаривалъ израильтянина Навоѳа продать ему свой виноградникъ, и Навоѳъ отвѣчалъ ему: «Господь заповѣдалъ мнѣ отдавать тебѣ достояніе моихъ отцовъ.»

«Такъ-то, Адамъ, воскликнулъ взбѣшенный Окслей, ты мастеръ своего дѣла; умѣешь прибрать и текстъ въ свою пользу. Хорошо, на сегодня прощай; да желаю тебѣ образумиться; твой клочекъ земли да домишко не стоютъ, чтобы ими такъ дорожить; но погоди, я припасу тебѣ квартиру попросторнѣе.»

«Старикъ равнодушно выслушалъ этотъ намекъ на рабочій домъ; но молодая кровь вскипѣла въ сынѣ; онъ всталъ, подошелъ къ Окслею, и прежде, чѣмъ отецъ успѣлъ вступиться, схватилъ его мощною рукою, потащилъ его къ двери, и вытолкнулъ съ такою силою, что тотъ отлетѣлъ на нѣсколько саженъ и растянулся на землѣ.

«— Адамъ, Адамъ, что ты сдѣлалъ!

«— То, чего онъ заслуживалъ, отвѣчалъ сынъ; ступайте, мастеръ Окслей, къ тому, кто послалъ васъ и передайте ему мой отвѣтъ; и не кажитесь мнѣ на глаза, если не хотите, чтобы я васъ отдѣлалъ еще лучше, и отучилъ грозить людямъ рабочимъ домомъ!

—«Молчи, Адамъ, сказалъ отецъ повелительнымъ голосомъ, и подходя къ Окслею, который, между тѣмъ бормоча угрозу сквозь зубы, и бросивъ яростный взглядъ на молодаго Эйлифа, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. На слѣдующій день онъ отдалъ графу отчетъ въ своихъ безуспѣшныхъ переговорахъ, стараясь представить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ непокорность двухъ упрямцевъ; онъ умолчалъ о нанесенномъ ему оскорбленіи, но въ душѣ поклялся жестоко отомстить оскорбителю.»

Съ тѣхъ поръ Эйлифъ ничего неслыхалъ объ Окслеѣ; но судьба неменѣе тяготѣла надъ нимъ. Отцовское достояніе мало-по-малу все уменьшалось, пока наконецъ не ограничилось домомъ и садомъ. Адамъ по прежнему долженъ былъ работать на всю семью. Бѣдность его дошла наконецъ до нищеты, до голоду.

Возвращаясь однажды съ изнурительной работы, съ товарищемъ, котораго онъ считалъ вѣрнымъ другомъ, Адамъ разговорился о своемъ бѣдственномъ положеніи, о больной женѣ, которой онъ не могъ даже доставить питательной пищи, какой требовала ея болѣзнь. Другъ сталъ доказывать, что смѣтливый человѣкъ можетъ все достать, лишь была бы воля; на что-де въ лѣсахъ водится дичь? Законы, правда, запрещаютъ стрѣлять дичь въ чужомъ лѣсу, но онъ самъ во все время болѣзни своей жены, кормилъ ее чужою дичью, и никто этого не зналъ; и въ доказательство подарилъ Эйлифу зайца, котораго онъ только-что застрѣлилъ у сосѣда. Эйлифъ, не слушая голоса совѣсти, идетъ съ добычею домой, и придумываетъ средства обмануть подозрѣнія жены и отца. Но это была западня; сообщникъ его друга подкарауливаетъ несчастнаго, и онъ принужденъ заплатить пеню; посчастью его выручаетъ Гильтонъ.

Это еще не послѣднее горе Эйлифовъ. Виконтъ Окмондъ, единственный сынъ графа Мильверстока, пріѣхалъ погостить въ замкѣ отца. Но надо намъ сначала познакомиться съ главными

обитателями Мильверстокскаго замка:

«Графъ Мильверстокъ человѣкъ большаго росту, худой, прекрасной наружности, волосы его прежде были черны, но уже давно посѣдѣли. Въ обращеніи онъ былъ высокомѣренъ, даже до грубости; онъ былъ гордъ, самонадѣянъ и себялюбивъ. Встрѣчая противорѣчіе въ мелочахъ, какъ и въ важныхъ случаяхъ. онъ становился упрямъ и непреклоненъ; будучи убѣжденъ, что онъ дѣйствовалъ не по минутному внушенію сердца, а обдуманно и сознательно, онъ не отступалъ ни передъ какою жертвою. Онъ былъ человѣкъ обширнаго ума и образованія, игралъ долго важную роль въ государственномъ управленіи, но властолюбіе и высокомѣріе его возбудили противъ него всѣхъ товарищей и онъ былъ принужденъ отказаться отъ дѣлъ. Онъ удалился въ свой Мильверстонскій замокъ, котораго уединенное, даже дикое положеніе согласовалось съ его брюзгливымъ, озлобленнымъ нравомъ. Съ родственниками своей покойной жены онъ былъ въ непримиримой враждѣ; они приписывали смерть ея его деспотизму и безчувственности; справедливо или ложно было это обвиненіе, но оно не мало содѣйствовало къ усиленію его нелюдимости и злобы. Впрочемъ, онъ имѣлъ и нѣкоторыя хорошія свойства: былъ щедръ, непоколебимъ въ своихъ понятіяхъ о чести, считалъ себя истиннымъ христіаниномъ, одобрялъ въ другихъ христіанское умиленіе, снисхожденіе, забвеніе обидъ; но никакъ не могъ убѣдиться, что въ его собственномъ сердцѣ не было и слѣда этихъ добродѣтелей. Большую часть дня проводилъ онъ, зарывшись въ книги, или въ уединенныхъ прогулкахъ по морскому берегу. Управленіемъ своихъ имѣній и благоденствіемъ подчиненныхъ самъ онъ не занимался и оставлялъ это на попеченіе своего управителя Окслея.

«Домовый священникъ графа, Гильтонъ, не пользовался ни его расположеніемъ, ни довѣренностью; графъ отдавалъ полную справедливость его уму, учености, чистотѣ нравовъ и самоотверженію, но не могъ примириться съ его твердымъ, независимымъ нравомъ; онъ хотѣлъ, чтобы все дрожало передъ нимъ, а Гильтонъ, не зналъ страха.

«Немудренно, что нелюбовь графа къ Гильтону, была отчасти причиною уваженія и привязанности къ нему покойной графини, которая, живя въ уединеніи, въ Мильверстонѣ, между тѣмъ, какъ мужъ ея былъ погруженъ въ политику, всегда совѣтовалась съ священникомъ во всемъ, что касалось воспитанія ея дѣтей. Графъ женился въ довольно преклонныхъ лѣтахъ, и имѣлъ только двоихъ дѣтей, сына и дочь. Сынъ наслѣдовалъ въ значительной степени нравъ отца, но былъ гораздо мягче его, и если былъ вспыльчивѣе и бѣшенѣе то гораздо скорѣе забывалъ обиду и сознавался въ собственной винѣ. Дочь была вылитый образъ матери, и по наружности, и по душѣ.»

Случилось какъ-то, что лордъ Окмондъ, пируя въ замкѣ съ офицерами, стоявшими въ окрестностяхъ, удалился съ пиру и пошелъ гулять по лѣсу; во время этой прогулки онъ былъ зарѣзанъ злодѣйскою рукою. За это злодѣйство схватываютъ Адама Эйлифа, сына; онъ находится подъ сильнымъ подозрѣніемъ, его видѣли близъ

трупа, на рукавахъ его кровь, за нимъ слѣдили до дома. Коронеръ производитъ слѣдствіе; Эйлифъ формально обвиненъ въ умышленномъ убійствѣ и передается суду. Только два человѣка, убѣжденные въ его невинности, по очереди посѣщаютъ его: отецъ и пасторъ Гильтонъ; они оба слишкомъ хорошо знаютъ сердце Адама, слишкомъ близко слѣдили за всѣми его помыслами съ самаго дѣтства, чтобъ не повѣрить ему на слово, какъ бы не говорили противъ него внѣшнія обстоятельства.

Судъ, между тѣмъ, идетъ своимъ чередомъ и невинный Адамъ приговоренъ къ позорной смерти; но приговоръ еще не исполненъ и Гильтонъ не теряетъ надежды его уничтожить. Онъ умоляетъ лорда Мильверстока простить несчастнаго, представляя ему, что онъ не можетъ быть виновенъ; посылаетъ просить за него капина Леттериджа, дочь самаго лорда, даже вдову убитаго—и все напрасно; мстительный графъ не проститъ убійцу своего преемника и съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ просьбы. Послѣ многихъ безполезныхъ усилій, Гильтону удается только выпросить у министра отложить исполненіе приговора на двѣ недѣли, чтобы дать время подтвердиться одному безъимянному письму, объявлявшему, что не Эйлофъ, а кто-то другой виновникъ смерти лорда Окмонда.

По срокъ подходитъ къ концу, а новыхъ извѣстій нѣтъ. Гильтонъ получаетъ отъ несчастнаго узника записку: «Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ невижу, духъ мой снова погружается во мракъ.» Гильтонъ спѣшитъ на помощь слабѣющему страдальцу.

«Угрюмый тюремщикъ стоялъ у дверей нумера, съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ; онъ молча отворилъ ее и впустилъ пастора; бѣдный Эйлифъ сидѣлъ на скамьѣ, скованный, опершись локтями на колѣна и закрывъ лицо руками.

— «Адамъ, Адамъ; миръ Господень да будетъ надъ тобою! сказалъ Гильтонъ торжественно, пожимая дружески руку узнику.

«Эйлифъ вскочилъ, цѣпи загремѣли на немъ; онъ схватилъ обѣими руками руку Гильтона и прижалъ ее къ сердцу; потомъ зарыдалъ и снова опустился на скамью.

«— Господь да защититъ тебя, Адамъ; надѣйся на Его благость, но помни, что Онъ, всевящій, всевѣдующій, всемогущій Богъ и не терпитъ неправды! Говори со мною, Адамъ, какъ съ отцемъ духовнымъ, какъ съ другомъ.

«— Вы мой ангелъ утѣшитель, сказалъ Эйлифъ, устремляя на него взоръ, полный глубокой грусти.

«— Нѣтъ, не ангелъ утѣшитель, возразилъ Гильтонъ; я пришелъ къ тебѣ не съ радостною вѣстью, а только съ желаніемъ приготовить тебя къ будущей жизни, къ свиданію съ Богомъ; ибо часъ твой близокъ!

«— Я лучше былъ приготовленъ къ этому пути, когда видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, чѣмъ теперь, сказалъ Эйлифъ, вздохнувъ, и закрывъ лицо руками. Тогда мнѣ казалось, я уже переплылъ до половины пучины, но съ тѣхъ поръ меня отбило назадъ; я уже не вижу предъ собою свѣтлаго берега; передо мною одинъ мракъ.

«— Отчего же, Адамъ? развѣ ты не въ рукахъ Божьихъ? развѣ можетъ что либо съ тобою случиться противъ воли Господа? если онъ послалъ тебѣ тяжкое испытаніе, ты долженъ покориться безропотно Его святой волѣ, и пом-

нить, что Онъ не отвергаетъ никого навсегда, и что какъ тяжело было испытаніе, также велико будетъ и утѣшеніе, которое Онъ ошлетъ тебѣ въ своей безконечной благости.

«— Зачѣмъ же я здѣсь, когда Богу извѣстна моя невинность? за чѣмъ Онъ допускаетъ мнѣ умереть позорною смертью преступника?

«— Адамъ, Адамъ! духъ ада ослѣпляетъ тебя! если небо и попуститъ тебѣ нести незаслуженную казнь, развѣ ты забылъ, что праведный изъ праведныхъ былъ распятъ между двухъ разбойниковъ для искупленія грѣшниковъ.

«Эйлифъ склонилъ голову на колѣна. — «Эти слова, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, повергаютъ меня въ прахъ и въ тоже время возносятъ меня выше прежняго.

«— Такъ и должно быть, Адамъ. Если ты вѣруешь въ Бога и Его святое откровеніе, ты не долженъ предаваться отчаянію. Я свободенъ, Адамъ, а ты въ оковахъ; но жизнь обоихъ равно во всякое мгновеніе зависитъ отъ воли Того, Кто даровалъ намъ ее; я могу еще умереть прежде тебя, и съ большимъ горемъ и страданіемъ. Какъ братъ твой, умоляю тебя выслушать меня. Богъ опредѣлилъ смерть каждаго изъ насъ, также, какъ и образъ жизни; одному даровалъ Онъ богатство, счастье, довольство; другому послалъ въ удѣлъ нищету и горе; и Ему одному извѣстны причины этого распредѣленія! Адамъ, ты уже прожилъ четыре дня болѣе, чѣмъ тебѣ было назначено — мы теперь одни, откройся мнѣ, какъ своему духовному отцу. Богъ проститъ тебя, если ты сознаешься въ своихъ грѣхахъ; но если утаишь ихъ, солжешь передъ Богомъ и передъ своею совѣстью, чего ждать тебѣ, чего надѣяться?

«— Если вы разумѣете то дѣло, за которое я приговоренъ, возразилъ Эйлифъ торжественно, то я на этотъ счетъ спокоенъ: Богу, моему творцу извѣстно, что я говорю правду. Я въ этомъ дѣлѣ невиненъ, какъ новорожденный младенецъ.

«— Я долженъ тебѣ сказать, Адамъ, что всѣ считаютъ тебя виновнымъ.

«— И развѣ это не тяжело? вскричалъ Адамъ съ отчаяніемъ.

«— Тяжело, Адамъ, очень тяжело; но хотя бы оно было еще вдесятеро тяжелѣ, надо покориться. Развѣ не тяжело, напримѣръ, и лорду Мильверстоку, который лишился такимъ предательскимъ образомъ своего единственнаго сына и преемника? Скажи, Адамъ, не сохранилъ ли ты въ сердцѣ чувство злобы противъ того, который считаетъ тебя убійцею своего сына.

«Эйлифъ нѣкоторое время молчалъ; наконецъ онъ воскликнулъ: О, дайте мнѣ время успокоиться, чтобы отвѣчать вамъ; я знаю чьему примѣру долженъ подражать, но..... онъ вдругъ погрузился въ размышленіе. «г. Гильтонъ, продолжалъ онъ потомъ съ выраженіемъ отчаянія, неужели я *точно* долженъ умереть въ понедѣльникъ чрезъ недѣлю? Скажите мнѣ откровенно: признаюсь, тяжело разставаться съ жизнью.

«— Я не могу обманывать тебя, отвѣчалъ Гильтонъ; на меня возложена святая обязанность приготовить тебя къ смерти. Но.....».

«— Повѣсятъ, какъ собаку! воскликнулъ Адамъ, ломая руки; и всѣ будутъ ругаться надо мною, а я невиненъ! и даже не отслужать

панихиды надъ моимъ тѣломъ, не похоронятъ меня. Съ отчаяннымъ стономъ отступилъ онъ назадъ и упалъ бы на скамейку, если бы Гильтонъ не поддержалъ его.—Видѣли вы, продолжалъ онъ, устремивъ на пастора дикіе взоры, видѣли вы того человѣка, что стоитъ у двери съ ружьемъ? онъ тутъ стоитъ и день и ночь, и никогда не входитъ и не говоритъ ни слова! Желалъ бы я, чтобы онъ изъ состраданія размозжилъ мнѣ голову своимъ ружьемъ и кончилъ бы мои страданія!

«— Адамъ, Адамъ, такъ ли должно покоряться волѣ Провидѣнія? то-ли говорилъ ты своему благочестивому отцу.

«— Нѣтъ, нѣтъ, сударь; но голова моя горитъ... теперь... мнѣ кажется, будто я видѣлъ страшный сонъ... но никогда бы я не увидалъ такого сна, если бы вы остались со мною, пока все не будетъ кончено! — Видя, что при настоящемъ разстройствѣ духа страдальца, нельзя сдѣлать ему желанныхъ вопросовъ, Гильтонъ рѣшился оставить это дѣло до болѣе удобнаго времени, и возложить его на старика Эйлифа или на тюремнаго смотрителя. Онъ собирался уже выдти и придумывалъ только предлогъ, чтобы оставить заключеннаго, когда дверь отворилась и тюремщикъ, просунувъ голову, сказалъ: «Ей братъ, женщина-то, что ты просилъ, пришла съ ребенкомъ; я впущу ее, какъ скоро выйдетъ господинъ пасторъ.

«Эйлифъ вскочилъ и бросился къ двери, но цѣпь его была прикована къ полу, и онъ опять упалъ на скамью.

— «Э, братъ, ты долженъ быть поспокойнѣе и посмирнѣе, сказалъ тюремщикъ, если хочешь, чтобы тебѣ принесли ребенка.

— «Давай его сюда, моего малютку, давай сюда! шепталъ Эйлифъ, устремивъ взоры на подходившую къ нему женщину.

— «Защити тебя благость Божія, Адамъ! сказала нянька, зарыдавъ; распахнула свой салонъ и подала узнику младенца, который со страхомъ смотрѣлъ на странное существо, протягивавшее къ нему руки.

— «Адамъ, сказалъ пасторъ, вспомни, что сынъ твой малъ и нѣженъ, что съ нимъ надо обращаться осторожно.

«Эйлифъ взглянулъ на Гильтона такимъ умоляющимъ, такимъ покорнымъ взглядомъ, что пасторъ велѣлъ дать ему ребенка. Бѣдный отецъ взялъ младенца, нѣкоторое время смотрѣлъ на него молча, ласкалъ, цѣловалъ его и слезы градомъ катились изъ его глазъ. «Совершенно въ мать, совершенно въ мать, восклицалъ онъ, указывая на личико малютки, на которомъ былъ написанъ страхъ и недоумѣніе. Ребенокъ схватилъ одну изъ цѣпей, которыми былъ скованъ узникъ, но почувствовавъ холодъ, тотчасъ отнялъ ручонку. Отецъ замѣтилъ это движеніе и оно его очевидно встревожило. — «Какъ легко было бы, мнѣ, малютка, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, размозжить твою головку объ эти оковы, чтобы не допустить тебя до такой-же участи, которая постигла твоего отца!..... Тебѣ будутъ говорить, малютка, что я былъ убійца; но это ложь! Люди будутъ указывать на тебя пальцемъ и говорить: вотъ сынъ убійцы! И не будетъ могилы, надъ которою бы тебѣ съ матерью плакать и молиться!»

— «Адамъ, сказалъ Гильтонъ

боясь и за узника, и за младенца, не смущай собственной души, и не пугай ребенка, предаваясь отчаянію и унынію; пусть лучше, если онъ можетъ вспомнить эту минуту, она будетъ для него образомъ тоей любви и нѣжности! Если тебѣ опредѣлено умереть незаслуженною смертью, Богъ будетъ печься о невинномъ существѣ, которое онъ самъ послалъ на свѣтъ.

«Эйлифъ дрожащими руками поднялъ ребенка и прижалъ его щечку къ своимъ губамъ. И малютка не плакалъ, не сопротивлялся, будто понималъ, что это послѣднее прощаніе отца. Зрѣлище это было такъ тягостно, что Гильтонъ былъ радъ, когда пришелъ смотритель и объявилъ, что пора прекратить свиданіе. Эйлифъ, изнуренный волненіемъ, безропотно отдалъ ребенка нянькѣ и молча схватилъ руку пастора, который скоро за тѣмъ вышелъ; дверь за нимъ захлопнулась и несчастный страдалецъ опять остался одинъ, глазъ на глазъ съ мучительною думою.»

Между тѣмъ, какъ приведенная нами сцена происходитъ въ тюрмѣ, сцена другаго рода происходитъ въ кабинетѣ лорда Мильверстока. Графъ сталъ еще угрюмѣе и суровѣе прежняго; если бы Адамъ Эйлифъ умеръ смертью убійцы и никто бы не оказалъ ему участія, лордъ, можетъ быть, первый сталъ сожалѣть о немъ; но участіе къ нему Гильтона, самой дочери лорда и даже вдовы убитаго, ихъ неотступныя просьбы, бѣсятъ старика; онъ видитъ въ нихъ равнодушіе къ памяти покойнаго и къ себѣ самому. Напрасно леди Эмилія въ слезахъ, на колѣнахъ, умоляетъ отца сжалиться надъ несчастнымъ; напрасно она забываетъ свою ангельскую кротость и покорность, возстаетъ на родительскій деспотизмъ графа и показываетъ ему, что и въ ея жилахъ есть капля его крови, старикъ не поколебимъ; во что бы ни стало, онъ требуетъ мести за кровь сына.

Потерявъ всякую надежду оправдать Эйлифа, Гильтонъ обращается къ милосердію короля, и проситъ смягчить приговоръ; это наконецъ удается; въ самый день казни пріѣзжаетъ курьеръ съ предписаніемъ объ отмѣнѣ смертнаго приговора и присужденіи виновнаго къ ссылкѣ. Эйлифа дѣйствительно ссылаютъ; жена слѣдуетъ за нимъ; отецъ и малютка остаются на родинѣ, на попеченіи Гильтона и леди Эмиліи. Проходитъ двадцать лѣтъ. Сынъ Адама Эйлифа воспитывается, подъ вымышленнымъ именемъ, въ Кембриджскомъ Университетѣ; онъ лучшій другъ и единственный соперникъ молодаго виконта Осланда; мало того, онъ рѣшительно одерживаетъ верхъ надъ виконтомъ; и старый лордъ знаетъ это. И не то еще узнаетъ онъ. Въ сосѣднемъ графствѣ нѣкто Джозефъ Гендль, будучи приговоренъ къ смерти за воровство, открываетъ на исповѣди, что лѣтъ двадцать назадъ онъ убилъ сына лорда Мильверстока и что за это убійство былъ безвинно сосланъ нѣкто, Адамъ Эйлифъ; онъ открываетъ всѣ подробности своего преступленія; принявъ лорда Окмонда за лѣсничаго Годбольта, которому онъ давно рѣшился отомстить, онъ бросился на него съ сохою, которую потомъ скрылъ въ дупло. Слухъ объ этомъ открытіи доходитъ до Гильтона, который немедленно отыскиваетъ орудіе смерти, въ подтвержденіе

показанія виновнаго; невинный страдалецъ возвращенъ изъ ссылки.

Лордъ Мильверстокъ уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, что былъ за двадцать лѣтъ. Бесѣда съ дочерью, умолявшею его пощадить виновнаго, впервые открыла ему глаза; онъ узналъ, что есть на землѣ высшее блаженство и болѣе дѣйствительная сила, чѣмъ самовластіе: любовь; а любовь первый шагъ къ смиренію и снисхожденію. Сердце его открывшись для любви, открылось и для всѣхъ христіанскихъ наставленій пастора Гильтона; суровый, властолюбивый лордъ сталъ смиренною овцою. Можете себѣ представить, какое дѣйствіе должна произвести на него вѣсть о невинности Адама Эйлифа. Онъ вспоминаетъ, что невдалекѣ отъ него живетъ другой старикъ, котораго нѣкогда оскорбили глубоко. Онъ спѣшитъ навѣстить старика Эйлифа.

— «Вотъ, сказалъ Гильтонъ, скромное жилище, гдѣ обитаетъ тотъ, котораго вся жизнь была безпрерывнымъ служеніемъ Богу.

«Графъ молча шелъ къ дому, опираясь на руки пастора и одного слуги; ступивъ черезъ порогъ, онъ снялъ шляпу и съ почтеніемъ поклонился старику, который сидѣлъ передъ огнемъ, опершись на палку, передъ нимъ, на столикѣ, была раскрытая библія и на ней лежали очки. «Адамъ, сказалъ Гильтонъ, лордъ Мильверстокъ пришелъ къ тебѣ покаяться въ своей несправедливости и просить твоего прощенія.

— «Милордъ, сказалъ старикъ, вставъ съ креселъ, мы оба старики и Богъ вѣроятно не безъ цѣли сохранилъ насъ до такихъ лѣтъ.

— «Тебя, такъ, Адамъ Эйлифъ! дай мнѣ руку, въ знакъ забвенія моихъ грѣховъ противъ тебя, сказалъ графъ, протягивая руку.

— «Правда, что ты огорчилъ мое отеческое сердце, но вотъ тебѣ передъ Богомъ моя рука; я никогда не отдергиваю ее отъ того, кто ее проситъ, и подаю ее тебѣ отъ искренняго сердца. Богъ да помилуетъ тебя, милордъ, въ твои старческіе дни; ибо стары мы оба и слабы, и не долго намъ жить на свѣтѣ.

— Позволь мнѣ сѣсть, Адамъ, и садись самъ, силы мои не позволяютъ мнѣ долго стоять. Помилуй меня Богъ въ своей безконечной благости, и ты, мой оскорбленный братъ; я же самъ не могу простить себя, когда подумаю, что ты выстрадалъ, добрый Адамъ, въ эти двадцать лѣтъ.

«—Да, уже двадцать лѣтъ, повторилъ Эйлифъ, съ тяжелымъ вздохомъ. Жизнь моя въ эти двадцать лѣтъ была печальнымъ странствіемъ по мрачной, безутѣшной пустынѣ; но вотъ свѣтило, которое всегда сопровождало меня; безъ него я давно сбился бы съ прямаго пути и погибъ бы въ долинѣ смерти. Съ этими словами старикъ указалъ на лежавшую подлѣ него библію.

— «Адамъ, сказалъ графъ, Богъ смирилъ меня тяжелымъ испытаніемъ; я теперь не то, что былъ прежде.

— «Правосуденъ Господь и въ испытаніяхъ и въ милосердіи. Въ благости своей прислалъ онъ тебя ко мнѣ, въ знакъ милосердія своего и къ тебѣ и ко мнѣ; ибо и я былъ строптивъ и Богъ покаралъ меня. Такъ ты теперь убѣдился въ невинности сына моего?

— «Я знаю теперь, добрый Адамъ, что онъ пострадалъ безвинно. Законъ приговорилъ его; но и я былъ несправедливъ къ

тебѣ и къ твоимъ! Прости меня, и если сынъ твой возвратится до моей смерти, проси его, чтобы и онъ отпустилъ мнѣ мою вину.

— «Богъ безъ пользы испыталъ его, если онъ въ страданіяхъ не научился прощать ближнему; я ручаюсь тебѣ за него.

Гильтонъ замѣтилъ, что лордъ Мильверстокъ былъ изнуренъ волненіемъ, и пригласилъ его возвратиться домой.

— «Прощай, любезный Адамъ, сказалъ графъ, дружески пожимая ему руку. Я буду навѣщать тебя; но если я не буду въ силахъ, то обѣщай навѣщать меня, Адамъ! ибо конецъ мой ближе твоего конца.

— «Даю слово навѣстить тебя, отвѣчалъ Эйлифъ, провожая графа.»

Время сдержать слово наступило скорѣе, чѣмъ ожидали старики. Графъ скоро заболѣлъ; чувствуя приближеніе смерти, онъ вспомнилъ обѣщаніе благочестиваго старика и послалъ за нимъ; Адамъ не замедлилъ явиться къ изголовью умирающаго брата.

Это было вечеромъ, солнце садилось и послѣдніе его лучи разливали красноватый свѣтъ въ спальнѣ графа.

— «Смотри, Адамъ, оно заходитъ! шепнулъ лордъ Мильверстокъ старику, указывая на солнце.

— «Готова ли душа твоя къ свиданію съ Творцомъ? спросилъ Адамъ торжественно.

Больной сложилъ руки на груди, и подумавъ нѣсколько, сказалъ: желалъ бы я, чтобы она была такъ же готова, какъ твоя душа.

— «Не думай обо мнѣ, я также грѣшенъ, не разъ колебался въ вѣрѣ. Тверда ли въ тебѣ вѣра въ Бога и надежда на Его благость?

— «Благодарю Бога, онъ послалъ мнѣ вѣру и надежду; но грѣхи мои на земли были тяжелѣ, чѣмъ ты полагаешь, старикъ.

— «Благость Творца безконечнѣе всѣхъ твоихъ грѣховъ.

— «Адамъ, мнѣ не разъ приходило въ голову, что я могъ бы спокойнѣе умереть въ твоей хижинѣ.

— «Когда душа и сердце чисты, не все ли равно, гдѣ бы ты ни умеръ.

— «Адамъ, рѣчи твои строги для не крѣпкаго духомъ—но благослови тебя Богъ, твое присутствіе ободряетъ меня. — Адамъ, еще послѣдняя просьба — дай мнѣ слово — проводить меня до могилы. И я пошелъ бы за гробомъ твоимъ, если бы ты умеръ прежде меня.

— «Вотъ тебѣ моя рука, я исполню твою волю.

— «Теперь молись за меня, Адамъ — молись!.... часъ мой пробилъ.

«Адамъ открылъ библію и сталъ читать псалмы. Леди Окландъ, сидѣвшая съ другой стороны у постели больнаго, замѣтивъ внезапную перемѣну въ лицѣ его, наклонилась надъ нимъ, схватила его исхудавшую руку, и — зарыдала. Но графъ не видалъ ея слезъ, не слышалъ ея стоновъ; душа его уже отлетѣла въ другой міръ.

Само собою разумѣется, что лордъ Мильверстокъ, въ завѣщаніи своемъ, сдѣлалъ все, что зависѣло отъ него, для облегченія и услажденія будущей судьбы Эйлифа и его семейства, и что конецъ ихъ жизни былъ также свѣтелъ и счастливъ, какъ бурно и мрачно было ея начало.

—

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Шарлотенбургъ.

Когда вы выѣдете чрезъ Бранденбурскія ворота, отъ которыхъ видна вся аллея *подъ липами* (unter den Linden,) любимое мѣсто прогулки Фридриха II, передъ вами пойдетъ широкая аллея, которая передъ серединою Тиргатена дѣлится на двѣ вѣтви, идущія, одна по лѣвой, другая по правой окраинѣ сада. Если вамъ вздумается идти или ѣхать по первой вѣтви, вы придете, вдоль лѣваго края Тиргартена, къ улицѣ сохранившей имя даровитаго архитектора Леннe, гдѣ можете остановиться передъ хорошенькимъ его домикомъ на углу Lennen – Strasse и Schulgarten – Strasse; — оттуда въ нѣсколькихъ шагахъ станція Потсдамской желѣзной дороги, а также âeer, два заведенія, въ которыя весь Берлинъ сходился пить, курить и вязать по крайней мѣрѣ по три раза въ недѣлю. Если же вы поѣдете по правой вѣтви, вы проѣдете мимо прекрасной мастерской живописца Корнеліуса и великолѣпной картинной галереи графа Разинскаго, можете взглянуть на всѣ чудеса Кролева сада, и, наконецъ, остановиться, если угодно, передъ замкомъ, довольно незавидной наружности, который, однакоже, оправдываетъ свое названіе Bellevue, прекрасный видъ на Шпре. Далѣе, обѣ эти дороги сходятся у небольшой площадки; отсюда нѣсколько шаговъ до заставы, въ которую вы въѣзжаете, заплативъ нѣсколько грошей шоссейной пошлины и затѣмъ даете отдохнуть глазамъ до самаго Шарлотенбурга.

Разсказываютъ, что Фридрихъ II, возвращаясь однажды съ охоты, остановился передъ хижиною, бывшею въ то время единственнымъ украшеніемъ этого мѣста. Изнуренный зноемъ и усталостью, король прилегъ подъ дубомъ и уснулъ; немногочисленная свита почтительно послѣдовала его примѣру. Пользуясь этимъ случаемъ, одинъ пажъ поскакалъ по Берлинской дорогѣ на нѣжное свиданіе; между тѣмъ, какъ онъ гналъ своего коня и мечталъ объ ожидавшей его встрѣчѣ, онъ наткнулся на придворную карету; въ ней сидѣла сама королева Шарлотта, которую влекло въ ту сторону безпокойство или желаніе порадовать своего высокаго супруга, среди его трофеевъ, своимъ неожиданнымъ присутствіемъ. — Г. баронъ, а король? спросила королева, велѣвъ остановить лошадей и призывая молодаго человѣка, который робко подъѣхалъ къ каретѣ.

— Его величество изволятъ почивать, отвѣчалъ онъ. — Гдѣ? — Въ просѣкѣ, подлѣ хижины, вотъ подъ тѣмъ дубомъ, что видѣнъ отсюда. — Вы ѣхали, вѣроятно, предупредить насъ о томъ, продолжала королева: мы не забудемъ отблагодарить васъ; поспѣшите во дворецъ, и велите привести въ хижину обѣдъ. Мы жалуемъ васъ на этотъ случай нашимъ гофмаршаломъ. Поѣзжайте, баронъ, да смотрите, не мѣшкайте.

Можете себѣ представить, какъ баронъ былъ радъ этой почести, онъ надвинулъ шляпу на глаза, вонзилъ шпоры въ брюхо коня и скрылся изъ виду.

Королева подъѣхала на нѣкоторое разстояніе отъ избы и для

полноты сюрприза, вышла изъ кареты и пошла пѣшкомъ съ одною штатсъ-дамою, черезъ мѣлкій лѣсъ, съ противуположной стороны дубу, подъ которымъ отдыхалъ король. Но едва она прошла нѣсколько шаговъ, какъ очутилась среди всей свиты его величества. Успокоивъ сначала всѣхъ этихъ господъ, смущенныхъ ея неожиданнымъ явленіемъ, она должна была по неволѣ принять ихъ въ заговоръ. Какъ скоро фургоны съ кладью пріѣхали, раскинули наскоро палатку и накрыли въ ней столъ. Король былъ чрезвычайно доволенъ и сюрпризомъ и обѣдомъ; благодарилъ королеву, ласково улыбался придворнымъ, и при первомъ тостѣ объявилъ: «что въ память этого дня воздвигаетъ на этомъ самомъ мѣстѣ дворецъ, который будетъ называться Шарлоттенбургомъ.»

Лѣтопись не говоритъ, сколько времени продолжалась его постройка, а говоритъ только, что въ 1696 году всѣ работы кончены. Дворецъ образуетъ параллелограмъ, подобно Тюильрійскому дворцу, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Посреди возвышается куполъ, который можно бы, пожалуй, пропустить безъ всякаго замѣчанія, если бы на немъ не стояла довольно смѣшная статуя.

Архитектура замка проста и строга. Два этажа, два ряда оконъ, чрезвычайная умѣренность въ украшеніяхъ; нигдѣ ни фронтоновъ, ни колоннъ; вотъ наружный видъ зданія. Внутренняя отдѣлка его отличается такою же простотою. Единственная роскошь убранства покоевъ заключается въ нѣсколькихъ цѣнныхъ картинахъ и предметахъ искусства.

Въ распредѣленіи покоевъ роскошь и богатство занимаютъ только второе мѣсто; удобство было, повидимому, главною цѣлью архитектора. Это увеселительный дворецъ, который былъ бы королевскимъ только по имени, если бы не былъ окруженъ прекраснымъ садомъ, и если бы въ сосѣдствѣ его не находился одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ, въ художественномъ отношеніи, и изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, въ отношеніи историческомъ: это мавзолей, заключающій бренные останки короля Фридриха Вильгельма III и супруги его, королевы Луизы. Видъ сада съ террассы, находящейся съ противуположной главному входу стороны, очарователенъ. Онъ распространяется на обширную поляну, усѣянную купами деревъ, бесѣдками, цвѣтниками, среди которыхъ извивается протокъ воды, не безъ труда извлеченный изъ сухихъ нѣдръ земли. На каждомъ шагу въ этомъ лабиринтѣ встрѣчаются предметы, изъ которыхъ можно заключить, что королева Луиза особенно любила это мѣсто и что въ немъ хотѣли увѣковѣчить ея память.

Но главное богатство этого сельскаго убѣжища, единственный предметъ истинно заслуживающій посѣщенія и удивленія, есть памятникъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали. Правда, что онъ едва ли не единственная цѣль каждаго, кто отправляется въ Шарлоттенбургъ. Ивовая и еловая аллея, мрачная и безмолвная, какъ могила, ведетъ васъ къ дверямъ мавзолея. Чтобы войти за рѣшетку, отдѣляющую васъ отъ него, вы должны осторожно сунуть небольшую награду доброму инвалиду, который въ отвѣтъ сниметъ шапку и возьмется быть вашимъ чичероне на все время вашего посѣщенія. Никогда не забуду, какимъ торже-

ственнымъ голосомъ онъ излагалъ всю свою историческую и артистическую ученость передъ двумя безжизненными статуями, подъ звучными сводами зданія, между тѣмъ, какъ я, остановившись на первыхъ ступеняхъ перифиля, любовался колоссальными дорическими колоннами, составляющими главное его украшеніе. На фронтонѣ начерченъ символическій треугольникъ, а по обѣ стороны его, греческія буквы A и Ω. Войдя во внутренность зданія, вы видите передъ собою небольшую чугунную дверь, ведущую въ склены; тамъ-то покоятся бренные остатки короля и королевы. Темная гранитная лѣсенка надъ дверью ведетъ въ часовню. Я полагаю, изъ уваженія къ вашему вкусу, что вы не ждали здѣсь ни богатыхъ обоевъ, ни золотыхъ и серебренныхъ украшеній, которыя нашъ вѣкъ, хотя и слыветъ желѣзнымъ, сыплетъ вездѣ съ такою расточительностью.

Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Здѣсь все просто и величественно, все говоритъ уму и душѣ. — Вся часовня представляетъ форму квадрата, искусно расположенныя въ сводѣ стекла, пропускаютъ въ нее слабый, нѣжный свѣтъ; восемь колоннъ отдѣляютъ переднюю часть отъ главнаго отдѣла, гдѣ на двухъ саркофагахъ каррарскаго мрамора покоятся подлѣ самого ковчега, двѣ статуи, изображающія короля и королеву. Приходите къ этимъ двумъ геніальнымъ произведеніямъ размышлять или лучше вкусить весь восторгъ искусства и поэзіи. Я пойму ваше счастіе и позавидую ему, въ особенности, если вы одни, или съ умнымъ, образованнымъ пріятелемъ, какимъ былъ мой спутникъ. Но если судьба на бѣду вашу сведетъ васъ (что было и съ нами) съ какимъ нибудь лавочникомъ, которыхъ, къ несчастью, вездѣ много, жалѣю о васъ; развѣ онъ только выкупитъ свою глупую болтовню какою нибудь выходкою въ родѣ той, которой я бывалъ свидѣтелемъ, когда такіе молодцы предобродушно наклонялись, чтобы поднять кончикъ савана, который, къ крайнему ихъ изумленію, оказывается холоднымъ и тяжелымъ, какъ всякій мраморъ. «Раухъ, думалъ я, безсмертный художникъ, вотъ тебѣ лучшая награда; прими ее, она подаяніе нищаго — умомъ.

И дѣйствительно, что мнѣ сказать, чтобы дать вамъ болѣе ясное и точное понятіе объ изумительной истинѣ, которая, вытекая изъ самаго стиля этого великаго ваятеля, разлилась по этимъ двумъ фигурамъ въ такихъ чистыхъ, такихъ благородныхъ, такихъ поразительныхъ чертахъ, что ихъ почти примешь за одушевленныя, живыя фигуры? Особенно превосходна фигура королевы. Въ статуѣ ея тоже спокойствіе, то же благородство, то же величіе и таже очаровательная кротость, какія были въ ней при жизни. Когда смотришь на это изображеніе женщины, столь знаменитой своею красотою и любовью къ отечеству, кажется, будто она еще жива, что она только уснула и ждешь, что шелестъ вѣтра, лучъ солнца сейчасъ разбудятъ ее и возвратятъ къ ея царской жизни.

Раухъ въ этомъ произведеніи превзошелъ себя! Пигмальонова Галатея поблѣднѣла бы передъ нимъ! Однако-же, и оно показалось мнѣ не совсѣмъ безъ грѣха. Мнѣ кажется, что въ бюстѣ, въ членахъ и вообще въ гибкости, которую артистъ далъ всему тѣлу,

есть какая-то вялость, что-то изысканное и заученое. — Въ мраморномъ покровѣ въ особенности, когда онъ изображаетъ саванъ, не мѣшало бы видѣть болѣе простоты и строгости; словомъ, художникъ долженъ бы болѣе думать о формѣ, чѣмъ о формахъ. Раухъ во всемъ вѣренъ прекрасной натурѣ. Но, съ точки зрѣнія искусства онъ сталъ бы гораздо выше, и создалъ бы болѣе полное произведеніе, еслибы старался представить идеально-прекрасный типъ, въ условіяхъ строгости и спокойствія, которое предписывало ему торжественное назначеніе памятника.

Въ этомъ отношеніи, признаюсь, статуя короля произвела на меня гораздо болѣе удовлетворительное впечатлѣніе. Тутъ также, если хотите, все схвачено живьемъ изъ природы, исполнено съ самою мелочною точностью; но какое благородство, какое величіе стиля! Какъ хорошо драпированы складки королевской мантіи. Какая античная строгость въ очертаніяхъ! сколько истины и величія въ положеніи тѣла!

Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на эти два образцовыя произведенія, какъ вдругъ чичероне мой обратился ко мнѣ съ вопросомъ: Знаете вы, сударь, исторію статуи королевы? — Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я. — Это преумная исторія, сказалъ онъ, видя, что подстрѣкнулъ мое любопытство, и продолжалъ слѣдующимъ образомъ: — Эта статуя, сударь, изваяна въ Римѣ, въ 1810 или 1811 году, художникомъ Раухомъ. Вы знаете Рауха? спросилъ онъ и остановился.

— Не имѣю чести знать его лично, отвѣчалъ я, а знаю только, что онъ одинъ изъ первыхъ художниковъ нашего вѣка.

— Точно, сударь, великій художникъ; — и такой добрый, такой милостивый. За то Богъ и благословилъ его; нынче богатъ и славенъ.

За этимъ торжественнымъ вступленіемъ послѣдовала такая же торжественная понюшка табаку. За тѣмъ, добрый инвалидъ продолжалъ:

— Раухъ пріѣхалъ въ Берлинъ въ очень молодыхъ лѣтахъ и занималъ сначала должность, въ которой ему не изъ чего было богатѣть. Но въ немъ было священное пламя генія; къ тому же, онъ былъ еще молодъ!... Вотъ онъ и бросилъ свою должность писца, и принялся дѣлать статуэтки, сначала изъ хлѣбной мякины, а потомъ изъ глины; но такія схожія, что вездѣ только и было толку, что о нихъ; наконецъ, молва дошла и до дворца. Король случайно увидѣлъ одну такую статуэтку и, умѣя цѣнить дарованіе, онъ разсудилъ, что изъ Рауха можетъ выдти великій ваятель и послалъ его на свой счетъ въ Римъ, кажется, учиться. Юноша сталъ молодымъ человѣкомъ, оправдалъ королевскія надежды и милости, и, какъ видите, сталъ художникомъ и великимъ художникомъ! — Не такъ ли, сударь?

Я безусловно согласился съ мнѣніемъ достопочтеннаго чичероне, и просилъ его приступить къ исторіи статуи, съ которой, по настоящему, ему слѣдовало бы начать.

— Правда, сказалъ онъ: приступимъ къ исторіи статуи. Я вамъ уже докладывалъ, сударь,

она изваяна въ Римѣ. Нелегкое уже было дѣло сдѣлать ее, а перевезти еще мудренѣе; ибо, изволите видѣть, едва она вышла въ открытое море, какъ на корабль напали морскіе разбойники, взяли ее, отвезли въ Тунисъ и продали тамошнему бею. Надо было возвратить ее. Это, какъ говорили въ то время, была задача еще мудренѣе прежнихъ. Король не посмотрѣлъ на деньги; далъ бею хорошій выкупъ, и вотъ нашу плѣнницу привезли и положили сюда.

И добрый инвалидъ, указывая одною рукою на статую, другую отиралъ крупую слезу, стекавшую по его страшно изрубленной щекѣ.

Мнѣ стоило только захотѣть и я узналъ бы, какъ и гдѣ онъ нажилъ себѣ это свидѣтельство своей храбрости; но уже начинало смеркаться, и я принужденъ былъ проститься съ нимъ, и съ мѣстомъ, которому разсказъ его придалъ въ моемъ воображеніи новую прелесть. Я могъ только обѣщать ему пріѣхать въ другой разъ въ Шарлотенбургъ; и мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль, что я принужденъ былъ выѣхать изъ Берлина, не исполнивъ обѣщанія.

—

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ, КАКЪ ВИРТУОЗЪ, И НАПОЛЕОНЪ, КАКЪ МЕЛОМАНЪ.

Мужъ строгой дисциплины, который твердою рукою удерживалъ въ порядкѣ двѣсти двадцати-четырехъ тысячное войско, могучій умъ, который замышлялъ исполинскіе планы и приводилъ въ трепетъ Европу, государь, который мудро управлялъ шестью милліонами подданныхъ, возстановилъ благосостояніе своего народа, павшее подъ грозою Тридцатилѣтней войны, и далъ прочные законы въ подпору своего престола — этотъ государь, Фридрихъ II, король Прусскій, къ удивленію потомства, является столь же великимъ въ области искусствъ, какъ и на полѣ брани. Онъ былъ не только почитателемъ и покровителемъ искусствъ и наукъ, но и самъ былъ поэтомъ и виртуозомъ. Современники егомного толковали о важныхъ литературныхъ его трудахъ и всѣ согласны въ томъ, что Фридрихъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ писателей своего вѣка; но онъ не такъ извѣстенъ, какъ виртуозъ, композиторъ и вообще, какъ истинный меломанъ. По-этому мы надѣемся, что для нашихъ читателей очень интересно будетъ познакомиться поближе съ этой свѣтлою стороною его дарованій, которая характизируетъ его, какъ человѣка исполненнаго глубокаго эстетическаго чувства и способнаго къ поэтическому одушевленію.

Фридрихъ, въ самой ранней юности, бралъ уроки на фортепьяно у Гейне, органиста соборной церкви въ Берлинѣ, но скоро промѣнялъ этотъ инструментъ на флейту, на которой онъ учился подъ руководствомъ знаменитаго въ то время флейтиста Кванца. Въ послѣдствіи онъ пристрастился къ ней и обратилъ ее въ свой любимый инструментъ. Отецъ, желая образовать изъ него воина, старался удалить принца отъ всего, что могло отвратить его отъ этого поприща, и потому запретилъ ему, не только учиться музыкѣ, но и слушать ее, полагая, что воинственный духъ сына ос-

лабится любовію къ искусствамъ. Можно было предвидѣть, что такое запрещеніе скорѣе воспламенитъ въ принцѣ любовь къ музыкѣ, чѣмъ подавитъ ее. Въ послѣдствіи, когда Граунъ былъ опредѣленъ придворнымъ капельмейстеромъ къ королевѣ-матери, молодой принцъ, подъ предлогомъ охоты, часто устроивалъ свои концерты въ лѣсу, или занимался музыкою съ Грауновымъ оркестромъ въ подземныхъ сводахъ Берлинскаго дворца.

По восшествіи на престолъ, когда всѣ препятствія изчезли, оркестръ его состоялъ въ Ренсбургѣ, изъ Грауна, Бенды, Эмса, Шардта, Блюма и Іоганна, съ которыми онъ ежедневно разыгрывалъ свои концерты въ залѣ, подлѣ своей библіотеки. Онъ не прерывалъ ежедневныхъ музыкальныхъ занятій въ продолженіе всей своей тревожной жизни; даже въ походѣ всегда кто нибудь долженъ былъ находиться при немъ, чтобы акомпанировать ему, когда онъ игралъ соло. Каждое утро пробѣгалъ онъ партитуры Кванца: послѣ обѣда игралъ на флейтѣ, а по вечерамъ, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ своей жизни, обыкновенно выполнялъ въ своей концертной залѣ шесть пьесъ, по большой части отрывковъ изъ концертовъ лучшихъ компонистовъ того времени.

Какъ композиторъ, Фридрихъ извѣстенъ сочиненіемъ болѣе 100 пьесъ для любимаго своего инструмента — флейты, многихъ концертовъ, арій и разныхъ музыкальныхъ сочиненій для театра, но изъ нихъ одна только симфонія отпечатана и обнародована въ Нюренбергѣ. Способъ его композиціи чрезвычайнооригиналенъ. Онъ только писалъ ноты для пѣнія, а дѣйствія акомпанирующихъ инструментовъ означалъ словами. Агрикола обыкновенно переводилъ этотъ музыкальный языкъ на ноты. Фридрихъ показалъ самые высокіе примѣры любви своей къ музыкѣ. По окончаніи опустошительной войны 1763 года, на возвратномъ пути въ Берлинъ, остановился онъ въ Шарлотенбургѣ и приказалъ тамошней капеллѣ выполнить Грауновъ «Te Deum.» Ему донесли, что органъ отъ копоти такъ испортился, что теперь вовсе не годенъ къ употребленію. Фридрихъ далъ повелѣніе пропѣть: «Te Deum» безъ органа. Въ повелѣніи короля подозрѣвали приготовленіе великаго благодарственнаго праздника въ присутствіи всего двора, по случаю благополучнаго окончанія войны; но какъ были изумлены, когда въ назначенный часъ король явился совершенно одинъ въ церковь, сѣлъ въ углу, противъ оркестра, и рукою подалъ знакъ начинать. Тутъ сидѣлъ увѣнчанный лавромъ герой, который еще недавно, какъ ангелъ смерти, носился передъ рядами непріятелей, склонивъ голову, чтобы скрыть слезы, струившіяся по его щекамъ. Очарованіе музыки глубоко тронуло его душу, и тотъ, кого не могъ потрясти громъ пушекъ, чье сердце оставалось спокойнымъ подъ ядрами тысячи огненныхъ жерлъ, плакалъ отъ простой гармоніи Граунова канта.

Благодарность Фридриха къ наставникамъ, нѣжная заботливость объ дряхломъ органистѣ Гейне, признательное уваженіе, какимъ онъ почтилъ прахъ учителя своего Кванца, поставивъ ему памятникъ въ оградѣ Науенской церкви — обнаруживаютъ въ немъ не только благородное сердце, но и

высокое уваженіе къ искусству: онъ цѣнилъ и отличалъ артистовъ.

Разительная черта въ его художнической жизни есть, безъ сомнѣнія, его трогательное прощаніе съ музыкальными занятіями, когда физическія силы оставили его. Ломъ отъ опухоли въ рукахъ усилился до того, что препятствовалъ ему заниматься инструментомъ. Когда, въ послѣднюю Баварскую войну, онъ переѣхалъ на зимнія квартиры, любовь къ музыкѣ напомнила ему о флейтѣ, которую онъ въ продолженіе лѣтняго похода рѣдко бралъ въ руки, по причинѣ болѣзни. Онъ велѣлъ принесть свой инструментъ и пытался сыграть что-нибудь по старой памяти; но его стараніе было напрасно. Губы и руки отказались служить ему. Грустно и безмолвно возвратилъ онъ инструментъ глубоко-тронутому концертмейстеру и когда прибылъ въ Потсдамъ, то велѣлъ убрать свою флейту и свои музыкальныя сочиненія въ особенный ящикъ и съ болѣзненнымъ чувствомъ сказалъ Бендѣ: «Любезный мой Бенда! Я лишился лучшаго своего друга.»

—

Если разсматривать жизнь Наполеона съ надлежащей точки зрѣнія, то нельзя не удивляться ему, какъ человѣку геніальному и многостороннему. Всепостигающій геній его рѣзко и выпукло проявляется во всѣхъ случаяхъ жизни. Наполеонъ, этотъ могущественный воитель, передъ которымъ преклонялись во прахъ цари и народы, этотъ маленькій человѣкъ въ треугольной шляпѣ, который во время оно стоялъ выше великихъ людей міра сего, этотъ корсиканскій выходецъ, которому впослѣдствіи сталъ тѣсенъ цѣлый міръ... этотъ человѣкъ въ высокой степени понималъ и цѣнилъ красоты музыки. Онъ также хорошо умѣлъ выбирать артистовъ, какъ и генераловъ. Доказательствомъ тому служитъ театръ и капелла, которыя по приказанію Наполеона были построены на площади Конвента и открыты 2 февраля 1806 года. Первоначально хоръ этой капеллы состоялъ изъ восьми пѣвцовъ и двадцати семи музыкантовъ, которые находились подъ управленіемъ Паизьелло. Впослѣдствіи число ихъ было увеличено. Тамъ пѣли Романъ, Нурри, Лаисъ, Мартенъ, госпожи Браншю, Арманъ, Леонъ; тамъ играли Крейцеръ, Бальо, Прадгеръ, Грассе, Буланже, Фогтъ и Дювернуа.

Наполеонъ не слишкомъ затруднялся въ средствахъ, чтобы привлечь къ себѣ какого нибудь иностраннаго пѣвца или музыканта. Однажды, находясь въ Дрезденѣ, онъ сказалъ госпожѣ Перъ:

— Я вижу, что вы хорошо поете... сколько вы получаете жалованья?

— Пятнадцать тысячъ франковъ, ваше величество.

— Такъ ступайте ко мнѣ: у меня вы получите тридцать. Г-нъ Бріезе, вы отправитесь со мною на тѣхъ же условіяхъ.

— Но государь..... мы ужъ здѣсь законтрактовались.

— Это ничего.... со мною коротки разсчеты. Талейранъ возьметъ это дѣло на себя.

Наполеонъ всегда съ царскою щедростію жаловалъ людей съ талантомъ. Въ 1807 году Кресчентини былъ аганжированъ въ Вѣну. Австрія въ это время и

своимъ солдатамъ и своимъ пѣвцамъ платила ассигнаціями, которыя безпрестанно упадали въ кредитѣ. Г-нъ Ремюза сдѣлалъ Кресчентини предложеніе и артистъ, котораго мелодическій слухъ плѣнился звономъ наполеондоровъ, согласился за шесть тысячъ франковъ служить императору.

— Вы будете получать шесть тысячъ франковъ, сказалъ ему герцогъ Бассано: но приказываю вамъ, именемъ моего государя, принять еще двадцать четыре въ честь вашего таланта и во славу монарха, который умѣетъ цѣнить его.

Всѣ знаменитые артисты, пріѣзжавшіе въ Парижъ, были приглашаемы на императорскіе концерты и всѣ получали награды, соотвѣтствующія ихъ дарованіямъ. Каталани за два концерта получила 5000 франковъ и пансіонъ въ 1200 франковъ, сверхъ того 49.000 сбора въ оперной залѣ, которую ей дали безъ всякой платы.

— Сколько написали вы обѣденъ и ораторій? спросилъ однажды Наполеонъ Лесюэра.

— Двадцать двѣ, ваше величество.

— Не мало же вы испачкали бумаги. Но этотъ расходъ я приму на себя: возьмите 2400 франк. пенсіона на бумагу, на которой вы умѣете писать такъ много хорошихъ вещей. Это только на бумагу, потому что, говоря съ такимъ артистомъ, какъ вы, недолжно и произносить слово: *награда*.

Любимыя артисты Наполеона часто сопровождали героя въ его походахъ: теноръ Бринди и госпожа Перъ слѣдовали за нимъ въ Варшаву, гдѣ первый почти каждый вечеръ пѣлъ передъ императоромъ избранныя аріи изъ итальянскихъ оперъ. Наполеонъ, подобно Фридриху Великому, даже въ военное время любилъ упиваться звуками гармоніи: слушая ихъ, великій полководецъ забывалъ труды военные и смуты политики.

Однажды, утромъ, было сраженіе въ окрестностяхъ Позена. Вечеромъ Наполеонъ возвратился въ главную квартиру, гдѣ его ожидалъ ужинъ и концертъ. Онъ всталъ изъ-за стола, растроганный едва не до слезъ. Тотъ, кого не смущалъ громъ трехъ тысячъ орудій, почти плакалъ онъ мелодическихъ звуковъ!

Позже, на островѣ св. Елены, Наполеонъ лишенъ былъ этого наслажденія. За то онъ жадно и внимательно слушалъ тамъ шелестанье двухъ плакучихъ ивъ, подъ которыми любилъ просиживать до глубокой полночи. Слушая ихъ, вѣнценосный узникъ забывалъ свой плѣнъ и враговъ, которые поступили съ нимъ такъ не милосердно....

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

—

Bald iſt es dieß, bald iſt es das,
Bald iſt es nicht's, bald iſt es was!

—

Благодѣтельный призракъ. Весною, 1839 года, гостинница «Саблоньеръ» въ Лондонѣ была необыкновенно оживлена. Хозяинъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій, не отвѣчалъ ни слова на всѣ вопросы и болѣе ста разъ въ день останавливался передъ дверью двадцать перваго нумера. Трактирщикъ былъ такъ углубленъ въ размышленія, что не слышалъ, какъ подошелъ къ нему гость и когда послѣдній дружески ударилъ его по плечу, онъ вскочилъ въ испугѣ и смотрѣлъ на него помутившимися глазами.

— Ахъ, извините! пробормоталъ онъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ: я самъ не свой.

— Но что же съ вами сдѣлалось? какое таинственное существо живетъ въ этой комнатѣ?

— Тише, ради Бога, тише! Нельзя шутить подобными вещами. Сколько разъ пробовалъ я отойти отъ этихъ дверей, но меня такъ къ нимъ и тянетъ.

— Но что же вы нашли въ этой комнатѣ?

Трактирщикъ наклонился къ уху гостя и прошепталъ:

—Ожившую покойницу. —

— Знакомую вамъ?

— Да.

— Молодую?

— Да.

— И хорошенькую?

— О, да! знаете... съ такими глазами...

— Такъ не стыдно-ли вамъ бояться хорошенькой женщины!

— О, вы не будете такъ разсуждать, когда все узнаете.

За нѣсколько лѣтъ, я жилъ въ Манчестерѣ, гдѣ не задолго женился. Странное безпокойство смущало мое счастіе. Я былъ ревнивъ и подозрителенъ: знаете отчего? Жена моя уходила каждое воскресенье, Богъ знаетъ куда. У меня былъ пріятель, который поджигалъ меня; я напалъ на слѣдъ и узналъ, что жена моя каждое воскресенье навѣщаетъ ребенка. Въ бѣшенствѣ прибѣжалъ я домой; тысячи кровавыхъ мыслей толпились въ головѣ моей; я бросился въ комнату жены моей и закричалъ ей: «презрѣнная! ты обманула меня! я отомщу за себя!...» Я уже схватилъ ее, какъ вдругъ услышалъ за собою пронзительный крикъ. Оглянувшись, увидѣлъ я прекрасную даму, блѣдную брю-

нетку, съ важнымъ видомъ, словно статуя богини. Она медленно подошла ко мнѣ и загородила жену мою рукою: «Не трогайте этой женщины,» сказала она: «прежде дайте мнѣ оправдать ее». — Но какое оправданіе можете вы представить? спросилъ я. — «Вотъ оно: воспользуйтесь имъ и подождите». Съ этими словами незнакомка подала мнѣ бумажку, на которой было написано нѣсколько строкъ; потомъ взяла за руку мою заплаканную жену и — обѣ скрылись.

Разскащикъ вынулъ изъ кармана разорванную, испачканную бумажку. Гость прочиталъ на ней: «Прошу васъ дать подателю этой записки первое мѣсто въ партерѣ. М. М.» — Странное средство, сказалъ онъ: смягчать скорбь обманутаго супруга; настоящая система нынѣшнихъ врачей, предписывающихъ разсѣяніе и развлеченіе.

— Не шутите! возразилъ трактирщикъ съ самымъ серьезнымъ видомъ: я пошелъ въ театръ, столько же по суевѣрію, сколько и по любопытству, и увидѣлъ пьесу, которая произвела на меня странное впечатлѣніе.

— И эта пьеса?

— Отелло, исторія звѣря-мужа, убійцы невинной жены. Но догадываетесь ли вы, кто игралъ роль этой жены? Таинственная незнакомка. Волосы у меня встали дыбомъ, когда я увидѣлъ Дездемону передъ ревнивымъ Отелло.— Помилуй! помилуй! закричалъ я ему: она невинна! Къ концу пьесы меня взяли въ полицію. Ревность моя изчезла. Въ присутствіи незнакомки я подалъ руку женѣ и сказалъ ей: — Да проститъ тебя Богъ, какъ я прощаю тебя.

— Клянусь вамъ, сказала мнѣ пѣвица: ваша жена невинна. Время оправдаетъ ее.

— Но я напрасно ждалъ этого времени. Послѣ одного концерта, въ которомъ пѣла прекрасная незнакомка, она слегла въ постель, чтобы никогда болѣе не вставать и унесла мою тайну въ могилу. Я бросился къ ея мужу; онъ отвѣчалъ, что незнаетъ ничего, а онъ человѣкъ правдивый и не сталъ бы меня обманывать. Жена же моя не хочетъ оправдаться, боясь нарушить какую-то клятву. И такъ, вы видите, что мое счастіе умерло вмѣстѣ съ тою, которая одна могла возвратить мнѣ его. Этимъ не кончилась исторія. Дама, которая теперь въ этой комнатѣ — я узналъ ее — это она, покойница, въ томъ же самомъ костюмѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ Итальянскомъ театрѣ.

— Онъ помѣшался, подумалъ гость и хотѣлъ уйти, какъ вдругъ дверь таинственной комнаты растворилась и изъ нея вышла молодая дама.

— Я не безъ намѣренія остановилась въ вашей гостинницѣ, сказала она трактирщику. Я искала васъ въ Манчестерѣ, но нашла здѣсь. Я привезла вамъ обѣщанное, примолвила она, подавая дрожащему англичанину запечатанное письмо.

Трактирщикъ упалъ въ испугѣ на колѣна.

— Тотъ же почеркъ! закричалъ онъ: это писала покойница; вы возстали изъ гроба.

— Я?... изъ гроба? прервала съ удивленіемъ дама: Развѣ я такъ похожа на привидѣніе?

— Но это ея голосъ, ея глаза, ея повелительный видъ и, наконецъ, это письмо...

— Его писала бѣдная сестра

моя, сказала незнакомка: я исполняю только послѣднюю ея волю.

Ободренный трактирщикъ распечаталъ письмо и радостно вскричалъ: неужели это правда?

— Да, отвѣчала незнакомка: моя сестра знала всю исторію. Жена ваша была невинна. Мальчикъ, котораго она воспитывала, былъ сынъ молодой, знатной дамы, которой честь спасла она молчаніемъ.

— И жена моя имѣла твердость сносить мои упреки.

— Для вашего же счастія: за оказанную услугу она получитъ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Сестра моя укротила вашъ гнѣвъ, доставивъ вамъ случай видѣть *Отелло*; она хотѣла доказать вамъ, что ревнивый мужъ можетъ оскорбить и невинную жену. Ей удалось возвратить вамъ спокойствіе, не измѣнивъ ввѣренной ей тайнѣ. Не позабывайте о ней въ вашихъ молитвахъ.

Благородный трактирщикъ заплакалъ. Гость осмѣлился обратиться къ незнакомкѣ:

— Я былъ свидѣтелемъ небольшой драмы, въ которой вамъ досталась такая прекрасная роль! сказалъ онъ ей: мнѣ извѣстно все, но безъ имени вашего и вашей сестрицы этотъ романъ останется для меня темною тайной.

— Я разъясню вамъ ее, отвѣчала незнакомка; мою сестру звали *Марія Малибранъ*; а мое имя— *Полина-Віардо-Гарсія*.

Сказавъ это, незнакомка удалилась съ поклономъ. Гость остался въ задумчивости. Вдругъ сзади послышался шорохъ: онъ оглянулся и увидѣлъ жену трактирщика, которую страстно обнималъ и цѣловалъ возвращенный къ счастію Отелло.

—

Самъ не свой отъ чужаго. Вотъ забавный случай, бывшій въ Галле. Мызникъ Вальтеръ принесъ жалобу на пастуха Исаака Гебеля, за неплатежъ 10 талеровъ долгу. Пастухъ призналъ долгъ, объявилъ, что не можетъ заплатить, потому что ничего не имѣетъ. — Но у тебя есть коровы!— Правда, у меня есть двѣ коровы, да только не мои. — Какъ это?— Я еще не заплатилъ за нихъ, стало быть, онѣ не мои.—У тебя есть повозка и лошадь» — «Да; только тоже не мои: повозку и лошадь я взялъ на прокатъ у брата. — «Ты торгуешь вѣтошью». — Не на свой счетъ: я веду торгъ за господина Штрумфа. — «Есть у тебя дѣти?» — У меня? нѣтъ; тѣ, что живутъ въ моемъ домѣ — дѣти моего пріятеля. — «Такъ у тебѣ есть, по крайней мѣрѣ, жена?» — До извѣстной степени; у меня живетъ жена, только не моя, а чужая. — Послушай! сказалъ выведенный изъ терпѣнія судья: если черезъ мѣсяцъ ты не уплатишь долга, то у тебя будетъ и квартира *не своя*.» — Пастухъ обѣщался уплатить долгъ, хотя *не своими* деньгами.

—

Третій рядъ англійскихъ причудъ. Лордъ Эджертонъ, графъ Бриджватерскій, былъ чудакъ перваго разбора и богачъ перваго разряда. Онъ проживалъ ежегодно до ста тысячъ рублей серебромъ, на наши деньги. Онъ былъ страстный сабачникъ и домъ его походилъ на настоящую псарню. Мало того, что онъ окружалъ себя всѣми породами собакъ и выписывалъ ихъ отвсюду за дорогую цѣну, онъ садился обѣдать съ ними и, не

забылъ ни одной изъ нихъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи. Самолюбіе его было безгранично. Если въ Лондонъ пріѣзжалъ иностранецъ, не разбирая, кто онъ, лордъ тотчасъ-же посылалъ къ нему пригласительную карточку, угощалъ великолѣпнѣйшимъ обѣдомъ, показывалъ свой музей собакъ и при прощеніи дарилъ горсть бронзовыхъ медалей, на которыхъ съ одной стороны былъ выбитъ его поясный портретъ, а на другой находилась надпись: Francois Henri Egerton, Eearl of Britgewater, прося раздать ихъ друзьямъ и знакомымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ медалей были вставлены въ стеклянные пузыри: онъ приказывалъ бросать ихъ въ моря, въ рѣки и зарывать въ землю, чтобы, такимъ образомъ, имя его дошло до позднѣйшаго потомства.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ докторовъ въ Ливерпулѣ славился своимъ умѣньемъ лечить душевныя болѣзни, и потому ипохондрики стекались къ нему изъ всей Англіи. Онъ доставлялъ имъ разныя развлеченія и забавы и самъ шутилъ и отпускалъ остроты. Но этотъ способъ леченія ему наконецъ надоѣлъ и онъ самъ заболѣлъ сплиномъ. Разъ пріѣхалъ къ нему отчаянный хандрикъ за совѣтомъ. Распросивъ больнаго о ходѣ его болѣзни, докторъ сказалъ: «Пожалуйте ко-мнѣ завтра послѣ обѣда въ садовую бесѣдку: я покажу вамъ лучшій способъ сразу изцѣлиться отъ недуга и совѣтую ему послѣдовать.» Джентельменъ явился въ назначенный часъ и мѣсто, и увидѣлъ опрокинутый столъ съ остатками роскошнаго обѣда, а надъ нимъ висящаго доктора, съ ярлыкомъ на груди: *лучшее лекарство отъ хандры.*

Одинъ страстный охотникъ до трагедій и въ особенности до Шекспировскихъ, въ духовномъ своемъ завѣщаніи, разпредѣливъ все свое имѣніе родным и друзьямъ, заключилъ его слѣдующими словами: «Что-же касается до моей головы, то я ее завѣщаю Друриленскому театру, съ тѣмъ, чтобы она всегда играла роль Іорикова черепа въ пятомъ актѣ трагедіи *Гамлета*.» Вотъ ужъ подлинно можно сказать, что онъ любилъ театръ *до смерти*.

—

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Актеръ Верне. Въ Парижѣ умеръ на дняхъ знаменитый комикъ Верне. Онъ былъ уже въ лѣтахъ и игралъ довольно рѣдко. Верне въ дѣтствѣ былъ отданъ въ ученье къ рисовальщику опахалъ: учитель и ученикъ оба напоминали собою знаменитыя имена въ живописи, потому что вѣрный мастеръ назывался Рубенсомъ. Вмѣсто того, чтобы рисовать амуровъ и аркадскихъ пастушковъ на вѣерахъ, Верне бѣгалъ за кулисы маленькаго театра *Малолѣтнихъ*, гдѣ дѣтьми его возраста разыгрывались небольшія комедіи и водевили. Здѣсь онъ получилъ первое свое сценическое образованіе. Потомъ, поступивъ на роли молодыхъ повѣсъ, въ театръ *Разнообразія*, онъ долго оставался незамѣченнымъ, пока, наконецъ, по отбытіи съ этой сцены Потье и Тьерслена, онъ не занялъ первое комическое амплуа. Здѣсь онъ пріобрѣлъ громкую славу и одно изъ первыхъ мѣстъ между европейскими комиками. Лучшія его роли были отца *Горіо*, *Матьяса* (въ Наполеоновскомъ инвалидѣ) и *Отца дебю-*

тантки (Левъ Гурычъ Синичкинъ.) Въ этой роли мнѣ удалось его видѣть и я никогда не забуду этой прекрасной, высоко-художественной комической фигуры. Это естественность, доведенная до высшей степени иллюзіи; актеръ совершенно исчезаетъ: передъ вами настоящее, живое лицо. Верне былъ забавенъ, но не по придуманнымъ привычкамъ, не кривляньями и гримасами, а этой неподдѣльной веселостью и истиной своихъ изображеній, которыя свойственны только дѣйствительнымъ талантамъ и людямъ со вкусомъ и образованіемъ. Всѣ уважали Верне, какъ человѣка, гражданина и умнаго собесѣдника. Онъ умеръ 58-ми лѣтъ.

II.

Люи Аданъ. Многочисленное семейство пьянистовъ и музыкальное искусство потеряли одного изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ заслуженныхъ представителей.

Жанъ-Луи-Аданъ, отецъ Адольфа Адана, блистательнаго и популярнаго композитора, родился 3-го декабря 1758 года въ Митгергольцѣ, въ департаментѣ Нижняго-Рейна. Сначала онъ учился фортепьянной игрѣ и композиціи у стразбургскаго органиста, по имени Геппа, но пятнадцатому году пришелъ въ Парижъ и вскорѣ составилъ себѣ здѣсь извѣстность, какъ даровитый піанистъ и арфистъ, и въ тоже время хорошій инструментальный композиторъ. Первымъ дебютомъ его творчества были двѣ симфоніи для арфы и фортепьяно, исполненныя въ одномъ духовномъ концертѣ.

Глукъ, бывшій тогда еще въ цвѣтѣ своихъ успѣховъ и славы, принялъ молодаго артиста подъ свое покровительство. Первыя изданія отрывковъ, взятыхъ изъ оперъ великаго композитора, были аранжированы Луи Адановъ, и создатель *Ифигеи* и *Армиды* оставилъ ему два трогательныхъ залога своей дружбы: превосходный портретъ, который потомъ Луи подарилъ Эрару, и собственноручную свою партитуру маленькой оперы, перешедшей теперь въ наслѣдство Адольфу Адану.

Луи Аданъ уже издалъ много прекрасныхъ сонатъ, когда одинъ изъ его собратовъ, Эдельманъ, предложилъ ему издать вмѣстѣ съ нимъ собраніе упражненій для фортепьяно. Упражненія эти были напечатаны подъ названіемъ «Méthode de piano.»

Въ 1798, Луи Адана пригласили занять мѣсто профессора фортепьянной игры въ Національной Консерваторіи Музыки, и онъ исполнялъ эту должность до 1843 года.

Въ 1818 году, классъ Луи Адана былъ посвященъ исключительно обученію женскаго пола.

До этого времени, Аданъ образовалъ много отличныхъ учениковъ, изъ числа которыхъ можно упомянуть Лемуана, Шольё, Бенуа, Калькбреннера; Герольды, отецъ и сынъ, оба брали у него уроки. Изъ женскаго класса вышли превосходныя пьянистки, образовавшія, въ свою очередь, замѣчательныхъ ученицъ.

Въ 1827 году, Луи Аданъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, но этимъ и ограничилась признательность за его долголѣтніе труды: основатель фортепьянной школы во Франціи, по выходѣ своемъ въ отставку, получилъ за сорока-пятилѣтнія услуги — пенсію въ двѣ тысячи франковъ!

За то старость Луи Адана была счастлива: въ первый разъ въ

жизни онъ почувствовалъ благородную гордость, будучи свидѣтелемъ успѣховъ своего сына, и могъ угаснуть съ отрадною увѣренностію, что память объ его имени вдвойнѣ обезпечена.

Всѣ члены Консерваторіи провожали гробъ достойнаго композитора, и на могилѣ его Циммерманъ произнесъ, въ простыхъ, но трогательныхъ выраженіяхъ прощальное слово, нашедшее себѣ отголосокъ въ каждомъ сердцѣ.

Надъ прахомъ Адана будетъ поставленъ скромный памятникъ, для сооруженія котораго теперь открыта подписка между артистами и другими почитателями этого весьма замѣчательнаго человѣка.

—

Новое приложеніе хлороформа. Въ Сѣверной Америкѣ врачи съ большою пользою стали употреблять хлороформъ для облегченія страданій водобоязни. Извѣстно, что укушенные бѣшенными собаками, при развитіи своей болѣзни, жестоко страдаютъ отъ конвульсій и что обыкновенно ихъ заковываютъ въ цѣпи, или запираютъ въ отдѣльныя каморки, гдѣ они бьются, какъ рыба объ ледъ, пока не умрутъ отъ своихъ мукъ. Хлороформъ, конечно, не излечиваетъ страшной болѣзни, но, по-крайней мѣрѣ, уничтожаетъ судороги, облегчаетъ страданія и даетъ возможность подать бѣшенному пособіе и безопасно къ нему приближаться. — Одинъ изъ членовъ англійскаго общества противъ мученія животныхъ, публично совѣтовалъ мясникамъ и колбасникамъ задавать хлороформу быкамъ и свиньямъ, когда ихъ бьютъ, чтобы бѣдныя животныя, по крайней мѣрѣ, сами не могли замѣтить, какъ попали на ростбифъ или ветчину.

—

БАЛАТУРЪ.

Покойный герцогъ Девонширскій былъ настоящимъ типомъ флегматическаго англичанина, котораго ничто не можетъ вывести изъ равнодушія. Въ одинъ вечеръ остался онъ довольно поздно въ клубѣ и читалъ у камина газеты. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ еще одного старика, занятаго тѣмъ же съ другой стороны камина. Къ разсвѣту приходитъ служитель, чтобы перемѣнить свѣчи и видитъ, что у старика выпала изъ рукъ газета, а онъ самъ свѣсился на ручку креселъ. Думая, что онъ заснулъ, слуга подходитъ поднять упавшій листокъ, но замѣтя искаженныя черты старика, вскрикиваетъ: — Боже мой! онъ умеръ; съ нимъ вѣрно сдѣлался ударъ!—Ты правъ, прибавилъ герцогъ, не сводя глазъ съ газеты: ужъ болѣе часа, какъ онъ умеръ.

—

— Однажды, на балѣ дама спросила: отъ чего происходитъ слово *комплиментировать*? Отъ complete mentiri, что значитъ: *совершенно лгать*! отвѣчалъ какой-то острякъ.

—

Послѣдняя часть романа. Виконту Альфреду Л. тридцать лѣтъ. Онъ имѣетъ 30000 франковъ ежегоднаго дохода. Онъ славится своимъ дандизмомъ, а въ салонахъ парижскихъ слыветъ даже литераторомъ, потому что иногда пишетъ мадригалы дамамъ, посланія къ друзьямъ и легонькіе разсказцы для мелкихъ журналовъ. Это маленькій, современный Дорать или Демутье. Онъ большой любитель театра и еще большій — актрисъ; въ особенности онъ пристрастенъ къ одной на Водевильномъ театрѣ, у которой, какъ смоль черные волосы и какъ перламутръ бѣлые зубки. За то бѣда попасть къ ней на зубокъ. Недавно виконтъ имѣлъ удовольствіе быть приглашенъ къ ней на вечеръ. «Правда ли виконтъ, сказала она: «вы написали маленькій романъ? И это я узнаю изъ газетъ, а не отъ васъ! А еще романъ вашъ названъ «Искусствомъ нравиться».

Вамъ этотъ романъ совсѣмъ не нуженъ. — «Благодарю за комплиментъ. Однако, вы вѣрно пришлете мнѣ завтра экземпляръ?» — Непремѣнно. Рекомендую вамъ особенно картинки — это прелесть, ихъ рѣзалъ Тони Жоанно. — «Какая скромность!» — Нѣтъ, нѣтъ, кромѣ шутокъ... Дѣйствительно, на слѣдующее утро актрисѣ принесли романъ. Она разкрываетъ его и у каждой картинки, вмѣсто китайской прокладочной бумажки, лежитъ ассигнація въ 1000 фр. Всѣхъ картинокъ было шесть. Вечеромъ виконтъ спросилъ актрису: ну что, читали вы мой романъ? —«Прелесть! ни одна книга не была для меня такъ *интересна*, какъ эта.» — Очень радъ, что мое *средство нравиться* пришло вамъ по нраву. — «Оно меня такъ заинтересовало, что я съ нетерпѣніемъ жду продолженія.» — Виконтъ улыбнулся, актриса тоже: она была очаровательна въ эту минуту. На другой день виконтъ послалъ ей еще экземпляръ романа, съ тѣми же прокладками, но на заглавномъ листѣ было написано: *вторая и послѣдняя часть*. При первомъ свиданіи плутовка ему сказала: «Виконтъ, я всегда почитала васъ любезнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ... только я вамъ не вѣрю.» — Почему такъ? — «Потому что въ ваши лѣта и съ вашимъ характеромъ не издаютъ въ свѣтъ *послѣдней* части.

—

Молодой актеръ, любившій также пламенно веселую жизнь, какъ и свое искусство, имѣлъ похвальную привычку не запасаться ничѣмъ лишнимъ, даже не имѣть лишней копѣйки въ карманѣ: онъ допускалъ только одну роскошь въ жизни: быть одѣваемымъ, обуваемымъ, угощаемымъ и пробуждаемымъ своими кредиторами. По этому квартира, или точнѣе, *почлегъ* его представлялъ посѣтителю только старый диванъ, на которомъ онъ спалъ, столъ съ помадной банкой и изломаннымъ гребнемъ и черепокъ зеркала, прикрѣпленный къ стѣнѣ, да стулъ-инвалидъ, который за отсутствіемъ одной ножки, утраченной въ битвѣ противъ инсургентовъ-кредиторовъ, крѣпко прижимался къ печкѣ. Разъ, возвратясь домой, послѣ спектакля, молодой художникъ нашелъ дверь свою разломанною и догадался, что его посѣтили воры. Но онъ скоро успокоился, найдя все на прежнемъ мѣстѣ, на столѣ же лежала записка, написанная карандашемъ: «Стыдитесь, милостивый государь! вы артистъ, а у васъ нѣтъ полушки во всемъ домѣ!»

—

Англійскій бродяга встрѣтился въ тавернѣ съ своими пріятелями. «Гдѣ-же твой братъ, Томъ?.. спросили они его. — Ахъ, не вспоминайте мнѣ объ немъ, бѣдняжка умеръ. — «Умеръ! отчегоже?» — Отъ горести, что его повѣсили.

—

Одинъ офицеръ былъ раненъ пулею въ ногу. Въ госпиталѣ врачи три дня сряду все зондировали его рану. Между тѣмъ, онъ ужасно страдалъ и, потерявъ наконецъ терпѣніе, сказалъ имъ: «Да что вы все роетесь въ ранѣ, господа? — Мы отыскиваемъ пулю. — «Такъ вы бы мнѣ давно сказали, чортъ возьми: она вонъ тамъ — въ моемъ бритвенномъ ящикѣ.»

—

Одинъ бездарный писака спрашивалъ разъ Байрона, что-бы ему написать такое, что было бы совершенно ново для публики и чему бы другіе не могли подражать.

— Это легко, отвѣчалъ Байронъ: напишите похвалу своимъ сочиненіямъ.

—

Славный теноръ Дюпре, два года тому, далъ нѣсколько представленій въ Тулузѣ; успѣхъ его былъ огромный. Дюпре большой охотникъ до рыбной ловли.

Директоръ провинціальнаго театра захотѣлъ приготовить сюрпризъ великому Дюпре; зная вкусъ артиста, онъ приходитъ къ нему со всѣми рыболовными припасами. Дюпре всталъ, и черезъ часъ былъ уже въ Бланьякѣ, одномъ изъ самыхъ живописныхъ и пріятныхъ мѣстечекъ.

Немного употребилъ онъ времени, чтобъ наполнить свои ведра рыбою, и люди, кидавшіе возлѣ него удочки, дивились его ловкости. Но въ ту минуту, какъ нашъ герой съ трудомъ вытаскивалъ на берегъ огромнаго угря, маленькій, толстый человѣчекъ закричалъ:

— Дюпре вездѣ торжествуетъ!

— А развѣ вы знаете меня? спросилъ пѣвецъ, вынимая изъ воды удочку.

— Еще бы не знать: мы оба артисты.

— Чѣмъ-же вы занимаетесь?

— Продаю контрамарки, т. е. билеты тѣхъ, которымъ надоѣдаетъ спектакль и которые бросаютъ контрамарки при выходѣ.

— Вотъ что!.. Выгодное занятіе?

— Да, выгодное, но только не съ-тѣхъ-поръ, какъ вы въ Тулузѣ.

— Почему же? спросилъ удивленный Дюпре.

— Боже мой, да когда вы поете, никто не выходитъ изъ театра!

Такой отвѣтъ разсмѣшилъ Дюпре, и, въ знакъ своего удовольствія, пѣвецъ отдалъ артисту всю наловленную рыбу и, въ прибавку, двѣ двадцати-франковыя монеты, въ вознагражденіе за убытки, которые причинилъ продавцу контрамарокъ своимъ пребываніемъ въ Тулузѣ.

—

Модные львы и другія животныя любятъ посмѣяться надъ провинціальными медвѣдями, пріѣзжающими въ столицу. Одинъ степной помѣщикъ, человѣкъ простой, но умный и почтенный, сидѣлъ разъ въ гостинницѣ за столомъ, между двумя молодыми франтами, которые не жалѣли плоскихъ надъ нимъ шутокъ.

— Господа! сказалъ онъ имъ: я вижу, что вы хотите посмѣяться надо мною. Я выведу васъ изъ затрудненія и самъ опишу себя во всей подробности. Я... какъ бы вамъ сказать, не то, чтобы совсѣмъ дуракъ и невѣжа, а такъ себѣ... середина между тѣмъ и другимъ.

—

Одному пройдохѣ нужна была лошадь. За ту, которая ему понравилась, спросили съ него 45 руб. сереб. — Хорошо, сказалъ онъ барышнику: я дамъ тебѣ 25 руб., а двадцать буду долженъ.— Барышникъ согласился; но черезъ нѣсколько дней пришелъ за своими 20 руб. — Надобно, отвѣчалъ покупщикъ: свято хранить условія. Мы уговорились, чтобъ я былъ тебѣ долженъ остальные 20 рублей; а если я ихъ заплачу, такъ не буду долженъ.

—

Стразбургъ славится своимъ пивомъ. Пивовары тамошніе употребляютъ всѣ средства, чтобы превзойти другъ-друга. Одинъ изъ этихъ героевъ, желая сразу убить своихъ собратій, объявилъ, что у него продается пиво, *удовлетворяющее всѣмъ желаніямъ*. Любитель пива — портной является къ нему, выпиваетъ двѣ кружки, прихваливая, и потомъ спрашиваетъ: Вы говорите, что оно удовлетворяетъ всѣмъ желаніямъ, г. пивоваръ? — Точно такъ. — Ну, такъ я желаю не заплатить за него. — Пивоваръ разсмѣялся и не требовалъ платы отъ догадливаго портнаго.

—

Директоръ одной странствующей труппы, не умѣвшій ни читать, ни писать, обѣдалъ разъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ, гдѣ разъигрывались золотые часы. Каждый изъ гостей долженъ былъ дать два рубли, написать имя свое на билетикѣ и бросить его въ шляпу. Выигрышъ долженъ былъ достаться тому, чей билетъ вынется первый. Чтобы не обличить своей безграмотности, директоръ притворился, что пишетъ, свернулъ пустой билетъ и бросилъ его въ шляпу. По случаю, именно этотъ билетъ и вынулся первый. Всѣ удивились, видя, что на немъ ничего не написано. Бывшій тутъ комикъ Б*** просилъ передать ему билетъ и взглянувъ на него, закричалъ: «Э! да я узнаю этотъ почеркъ; это рука нашего директора!»

—

Знаменитому шуту Трибуле кто-то донезилъ, что убьетъ его за слишкомъ смѣлыя штуки на его счетъ. Трибуле пожаловался королю.—Будь спокоенъ, сказалъ ему король: кому вздумается тебя убить, тотъ будетъ повѣшенъ черезъ десять минутъ послѣ твоей смерти.— Ахъ, нѣтъ! ваше величество! воскликнулъ Трибуле: нельзя ли его повѣсить десятью минутами раньше.

—

Рабюсонъ, двоюродный братъ Гораса Верне, служилъ порутчикомъ въ одномъ изъ линейныхъ полковъ. Наполеонъ, осматривая разъ войска, уронилъ шляпу. Рабюсонъ ее поднялъ. — Благодарю, *капитанъ*, сказалъ Наполеонъ, не обративъ вниманія на услужливаго офицера. — Котораго полка, ваше величество? спросилъ хладнокровно Рабюсонъ. — Наполеонъ изумился; потомъ, улыбнувшись, отвѣчалъ: — Моей гвардіи.

—

Фонтенель говоритъ объ Лафонтенѣ: «Онъ былъ до того глупъ, что не понималъ даже, что онъ выше Езопа и Федра.»

—

— Однажды въ судъ приведенъ былъ какой-то жидъ. — Ого! сказалъ судья: да у него въ глазахъ такъ и видѣнъ мошенникъ! — Ваша правда! отвѣчалъ подсудимый: мои глаза настоящее зеркало!

—

— Одинъ кредиторъ написалъ своему должнику очень грубое письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «я очень хорошо знаю законы и напишу на васъ такую жалобу, отъ которой вы не въ состояніи бу-

дете отдѣлаться въ продолженіе всей жизни.» Должникъ отвѣчалъ: «Если вы такъ хорошо знаете законы, то прошу увѣдомить меня, можно ли жаловаться на человѣка, который вамъ скажетъ что вы первый въ свѣтѣ плутъ и невѣжа и въ то-же время оселъ, который, къ стыду человѣчества, ходитъ на двухъ ногахъ?»

—

— Одинъ молодой человѣкъ, разсерженный на бездарнаго капельмейстера, разсказывалъ о немъ, будто онъ укралъ въ кофейномъ домѣ серебряную ложку. — Нѣтъ, это клевета! замѣтилъ одинъ изъ собѣсѣдниковъ: я повѣрилъ-бы этому, еслибъ капельмейстеръ зналъ, что это не серебро, а *композиція*!

—

Папа Климентъ VII, страстный почитатель горчицы, утверждалъ, что она, между другими превосходными качествами, служитъ также къ укрѣпленію памяти. Философъ Кантъ былъ того же мнѣнія. «Странно! замѣтилъ по этому случаю какой-то острякъ: «я знаю человѣка, который ежедневно поѣдаетъ цѣлую банку горчицы, а все-таки такъ слабъ на память, что почти всегда забываетъ заплатить за обѣдъ.»

—

— Буало говоритъ: недолжно жениться тому человѣку, который не имѣетъ адвоката для принятія хлопотъ по разводу. Если Буало правъ, то можно сказать смѣло, что не должно брать доктора тому человѣку, который не имѣетъ гробовщика... на случай какой нибудь нужды.

—

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.
№ 5.

ОБЕРЪ-КУХМЕЙСТЕРЪ
ФЕЛЬТЕНЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Н. Н. Хмѣльницкаго.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Приближенные къ Петру Великому.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ЯГУЖИНСКІЙ.
ГРАФЪ, ЯКОВЪ ВИЛЬМОВИЧЪ БРЮСЪ.
САКСОНСКІЙ ПОСЛАННИКЪ
ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.
БАРОНЪ ИВАНЪ АНТОНОВИЧЪ ЧЕРКАСОВЪ.
ИГНАТІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЕЛАГИНЪ.
НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ВИЛЬБОА.
ИВАНЪ КРЕСТЬЯНОВИЧЪ ФЕЛЬТЕНЪ, оберъ-кухмистеръ.

ДАНИЛА ИВАНОВИЧЪ ШУМАХЕРЪ, зять Фельтена, и главный надзиратель Кунсткамеры.
СОФЬЯ ИВАНОВНА ШУМАХЕРЪ. } Сестры.
МАРЬЯ ИВАНОВНА ФЕЛЬТЕНЪ. } Сестры.
ДРЕВНИКЪ, царскій денщикъ.
ТАУБЕРТЪ, помощникъ Шумахера.
КУХМИСТЕРЪ.
ПОВАРЪ.
ОФИЦІАНТЫ И СЛУГИ.

—

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Фельтена съ роскошно накрытымъ столомъ.

I.

Г-жа ШУМАХЕРЪ. МАШИНЬКА ФЕЛЬТЕНЪ.

ШУМАХЕРЪ. (*входя*). Ну, Машинька, поздравляю, поздравляю, хлопоты мои идутъ чудесно!

МАШИНЬКА. Неужели?... какое счастье!..

ШУМАХЕРЪ. Я сейчасъ отъ Ягужинскаго.

МАШИНЬКА. Возможно ли!.. а Данила Ивановичъ?

ШУМАХЕРЪ. О, сохрани Богъ!.. онъ ничего не знаетъ.—Но что жъ оставалось мнѣ дѣлать? Чтобъ остановить батюшку, образумить мужа и спасти тебя отъ злунаго Тауберта, я спорила, доказывала, плакала, стращала и ничто не помогало. Въ этой крайности, зная, какъ они торопятся твоею свадьбою, я рѣшилась не сказать никому ни слова, прямо броситься къ Павлу Ивановичу просить его защиты.

МАШИНЬКА. Ну, чтожъ? ну, чтожъ, милая сестрица?

ШУМАХЕРЪ. Я разсказала ему все! разсказала, что у насъ въ семействѣ затѣялись ужасныя вещи; что батюшка влюбился въ моего мужа, мужъ мой въ своего помощника Тауберта, а Таубертъ въ твое приданое.

МАШИНЬКА. Да, да въ приданое, я въ этомъ увѣрена.

ШУМАХЕРЪ. Я призналась даже... что ты ненавидишь Тауберта и любишь другаго!

МАШИНЬКА. Ахъ, сестрица!

ШУМАХЕРЪ. Это было необходимо... Послушайте, Павелъ Ивановичъ, продолжала я, вы главный начальникъ моего мужа. Для него начальство—дороже жены. Ради Бога! спасите сестру; уговорите, заставьте образумиться мужа, онъ образумитъ батюшку и страшная туча пройдетъ стороною.

МАШИНЬКА. И Павелъ Ивановичъ все это выслушалъ?

ШУМАХЕРЪ. О, Боже мой! и такъ любезно, такъ искренно, что я просто восхищена его пріемомъ!

Меня онъ встрѣтилъ, усадилъ,
Все сдѣлать обѣщалъ секретно,
И даже двери притворилъ...
Чтобъ объясниться — кабинетно.
Онъ самъ, казалось мнѣ, страдалъ,
Когда узналъ твое несчастье...
И все мнѣ руку пожималъ,
Чтобъ доказать свое участье.
Страхъ расхвалилъ мой туалетъ;
Шутилъ... что нѣтъ такихъ въ Парижѣ,
И каждый мой ловя отвѣтъ,
Ко мнѣ все подвигался ближе.
Онъ такъ былъ милъ, что знать хотѣлъ,
Кто шьетъ мнѣ, кто мой парикмахеръ;
И даже очень сожалѣлъ...
Что почему онъ не Шумахеръ.

МАШИНЬКА. И онъ навѣрно не позабудетъ своего обѣщанья?

ШУМАХЕРЪ. Безъ всякаго сомнѣнья... Онъ при мнѣ даже послалъ за Никитой Петровичемъ Вильбоа, извѣстнымъ повѣсою и вмѣстѣ съ нимъ, какимъ-то образомъ, но по словамъ его, самымъ безвреднымъ, надѣется такъ сильно подѣйствовать на батюшку и на мужа, что они сегодня же откажутся отъ своего Тауберта.

МАШИНЬКА. Дай, дай разцѣловать тебя, милая, добрая, любезная сестрица!

ШУМАХЕРЪ. Надѣюсь, что я этого стою.

II.

ТѢЖЕ, СЛУГА.

СЛУГА, (*входя*). Ѳедоръ Ѳедоровичъ...

ШУМАХЕРЪ. Такъ и есть! опять этотъ несносный Тауберть.

МАШИНЬКА, (*слугѣ*). Боже мой!.. Но ты знаешь, что сегодня здѣсь изволитъ кушать Государь съ своими приближенными, что батюшка занятъ и никого принять не можетъ.

СЛУГА. Я докладывалъ, но онъ говоритъ, что онъ дескать человѣкъ свой, человѣкъ домашній и что такой отказъ до него не касается.

ШУМАХЕРЪ. Чтожъ намъ дѣлать?... Уйдемъ, уйдемъ, чтобы отъ него избавиться. (*уходятъ*).

III.

ТАУБЕРТЪ, ВИЛЬБОА.

ТАУБЕРТЪ, (*слугѣ*). Вздоръ, говоришь вздоръ... войдите Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА. Ѳедоръ Ѳедоровичъ!... другъ и пріятель!...

ТАУБЕРТЪ. Да какъ мы это встрѣтились?

ВИЛЬБОА. Я по всему городу ищу Шумахера.

ТАУБЕРТЪ. А! вѣрно хотите полюбоваться нашей Кунсткамерой.

ВИЛЬБОА. Ей – Богу нѣтъ!

ТАУБЕРТЪ. Тамъ недурно, очень недурно.

ВИЛЬБОА. Молодецъ! вѣчно милъ и веселъ.

Таубертъ.

Да какъ не веселиться мнѣ?
Съ начальствомъ и теперь я въ дружбѣ,
А при хорошенькой женѣ,
Не такъ еще махну по службѣ!
Съ утра Кунсткамеры крыльцо
Кипитъ толпою беззаботныхъ,
А я тамъ первое лицо —
По отдѣленію животныхъ.

ВИЛЬБОА. Не иначе... разумѣется; но скажите-ка лучше мнѣ, какъ поживаетъ съ своимъ ревнивцемъ твоя прекрасная начальница?

ТАУБЕРТЪ. А! г-жа Шумахеръ?

ВИЛЬБОА. Лучшее сокровище между всѣми вашими заморскими диковинками.

ТАУБЕРТЪ. Позвольте однако-жъ... у насъ въ Кунсткамерѣ есть другая красавица, въ спиртѣ закупоренная.

ВИЛЬБОА. О! это вѣрно... для ученыхъ любителей?

ТАУБЕРТЪ. А величайшій глобусъ?... а слонъ?...

ВИЛЬБОА. Ѳедоръ Ѳедоровичъ! побойся Бога.

ТАУБЕРТЪ. Разумѣется, что въ своемъ родѣ... г–жа Шумахеръ выше всего этого. Признаюсь... дѣло прошедшее... я самъ сходилъ съ ума отъ этой женщины... не спалъ ночей, мучился, терзался, совсѣмъ потерялъ голову.

ВИЛЬБОА. Неужели!

ТАУБЕРТЪ. Тайное предчувствіе говорило мнѣ: Таубертъ... ты дурачишься, образумся! я послушался и, чтобъ переломить себя, занялся по прежнему своей латынью.

ВИЛЬБОА. И вышло гораздо лучше.

ТАУБЕРТЪ. Представьте... вышло гораздо хуже... Я такъ воспламенился краснорѣчіемъ древнихъ, что сѣлъ и написалъ ей любовную записку.

ВИЛЬБОА. Боже мой! неужели по латынѣ?

ТАУБЕРТЪ. Нѣтъ, по нѣмецки; но это вышло такъ мило, такъ вкрадчиво... что удивительно, даже невѣроятно!

ВИЛЬБОА, (*про себя*). Любовная записка! чего–жъ лучше, чтобъ поссорить съ нимъ Шумахера (*вслухъ*). Ну чтожъ? и Софья Ивановна натурально... отвѣчала?

ТАУБЕРТЪ. Да, но словесно... при первой встрѣчѣ.... Предчувствіе меня не обмануло... она совершенно меня уничтожила.

ВИЛЬБОА. Чортъ возьми!

ТАУБЕРТЪ. Тутъ я понялъ мою глупость. Я образумился, расчиталъ и очень скоро, и очень кстати, вмѣсто старшей сестры напалъ на младшую.

ВИЛЬБОА. На младшую?

ТАУБЕРТЪ. Пятдесятъ тысячъ приданаго!

БИЛЬБОА. А соперники?

ТАУБЕРТЪ. Разбиты, какъ Шведъ подъ Полтавою.

ВИЛЬБОА. Ай–да Ѳедоръ Ѳедоровичъ! — Но между нами однако-жъ, я слышалъ, что будто какой–то злодѣй отбиваетъ у насъ Марью Ивановну.

ТАУБЕРТЪ. Я знаю, я знаю; это г. Древникъ; но г. Фельтенъ, г. Шумахеръ мнѣ дали слово и я надѣюсь на нихъ, какъ на каменную стѣну. Иначе... сохрани Богъ! вы знаете, я человѣкъ отчаянный, Никита Петровичъ, я готовъ рѣзаться. и стрѣляться.

ВИЛЬБОА. Такъ и должно, и какже иначе?...

Таубертъ.

И чѣмъ же хуже я другихъ?
Отмѣнно милъ, отмѣнно вкрадчивъ,
И вѣрно этакой женихъ
Для всякой дѣвушки заманчивъ.
Въ кругу ученыхъ – латинистъ;
Для мужа — вовсе не ревнивецъ,
Въ Кунсткамерѣ — натуралистъ,
По ласкамъ публики — счастливецъ!
Имѣя все и все сполна
И умъ, и молодость, и силу,
Какого жъ ей еще рожна
Желать, ахъ, Господи помилуй!

Вильбоа. Разумѣется, ужъ чего же лучше?... и для нея и для Фельтена; но правду ли говорятъ, однако-жъ, что будто вчера г-ну оберъ-кухмистеру (*поворачивая палкой*) шибко досталось отъ Государя?

Таубертъ. Можетъ быть... впрочемъ... вы сами видите, что Его Величество съ своей свитой изволитъ у него кушать.

Вильбоа. Я знаю.

Таубертъ. Скажите-жъ, пожалуйста, кто-жъ именно приглашенъ къ обѣду?

Вильбоа. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше для Фельтена: всякій разъ съ брата по червонцу.

Таубертъ. Славно!

Вильбоа. Не хорошо одно: Государь, какъ ни жалуетъ Фельтена, но ему чрезвычайно не нравятся эти вѣчныя заказы кулебякъ, пироговъ, поросятъ, которые изъ кухни мертъ-д'-отеля продаются, какъ изъ лавки. — Я слышалъ, между нами, что Государь просилъ даже Ягужинскаго пристыдить Фельтена и право по дѣламъ, если за это достанется старому скрягѣ.... Но я заболтался, а мнѣ необходимо видѣться съ Шумахеромъ.

Таубертъ. (*взглянувъ на часы*). Къ 12-ти часамъ онъ всегда бываетъ въ Кунсткамерѣ, а чтожъ вамъ до него Никита Петровичъ?

Вильбоа. Это мой секретъ.

Таубертъ. А! секретъ... (*про себя*) Узнаю непремѣнно.

Вильбоа. Прощай же, прощай, любезный волокита!

Таубертъ. Хороши сами! — но знаете что... чтобъ не помѣшать Ивану Крестьяновичу, я отправлюсь вмѣстѣ съ вами.

ВИЛЬБОА. Вотъ хорошо, за чѣмъ же?

ТАУБЕРТЪ. Ничего... ей-Богу ничего, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА. Постой!... Ахъ, ты злодѣй, я догадываюсь!

ТАУБЕРТЪ. Вы догадываетесь?

ВИЛЬБОА. Да, да, я вспомнилъ, что у васъ въ Кунсткамерѣ вѣчный кутежъ и что на угощеніе посѣтителей отпускаются даже деньги.

ТАУБЕРТЪ. Дѣйствительно... отпускаются.

ВИЛЬБОА. Такъ вотъ что! ты хочешь придраться къ случаю и уподчивать пріятеля! Не такъ ли, любезный?

ТАУБЕРТЪ. Очень радъ, очень радъ, но чѣмъ же?

ВИЛЬБОА. Вотъ хорошо... ужъ разумѣется не Невскою водою.

ТАУБЕРТЪ. Помилуйте! у насъ все явится, что угодно: и чай, и кофе, и шоколадъ, и, пожалуй, даже венгерское!

ВИЛЬБОА. Венгерское! неужели венгерское?

ТАУБЕРТЪ Самое лучшее!

ВИЛЬБОА. Чортъ возьми! да ктожъ откажется отъ этого.

Это чудо не вино!
Какъ заманчиво, какъ ярко!
А на вкусъ — скажу одно:
Мнѣ отъ рюмки даже жарко,
Смѣлость чувствуешь не ту:
Шибче ходишь, легче дышешь.
И какъ птица на лету
Подъ собою ногъ не слышишь.

ТАУБЕРТЪ. Жаль только... что Данила Ивановичъ слишкомъ воздержанъ въ этихъ случаяхъ.

ВИЛЬБОА. Пустое, пустое! чего не дѣлается для компаніи... Ужъ если кутить, такъ всѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ по ровну, не такъ ли?

ТАУБЕРТЪ. Ай-да Никита Петровичъ!

Голова и молодецъ
Какихъ.... право мало!
Голова всему конецъ,
И всему начало.

Я согласенъ! пить такъ пить!
Что тутъ за пардоны.....
Вы привыкли съ ногъ валить
Въ головѣ — колоны!

Между умными людьми
Самъ я — съ головою
Но не слалишь — чортъ возми!
Съ вашей — удалою!

Рюмки лишней не въ зачетъ
Ваша — не боится,
А въ мою лишь попадетъ
Мигомъ — закружится!

Какъ тутъ голову сберечь?
Кто друзей не любитъ!
Но повинную и мечь
Не сѣчетъ, не рубитъ.

(вмѣстѣ).

Я согласенъ, пить такъ пить,
Что тутъ за пардоны!
Мы привыкли съ ногъ валить
Въ головѣ колоны!

ВИЛЬБОА. Въ Кунсткамеру! въ Кунсткамеру! (*уходятъ, обнявшись.*)

—

IV.

ФЕЛЬТЕНЪ съ **КУХМИСТЕРОМЪ** и **ОФИЦІАНТОМЪ.**

ФЕЛЬТЕНЪ. Славно, славно! свѣжо, вкусно, объядѣнье да и только. Спасибо, спасибо, г. кухмистеръ.

КУХМИСТЕРЪ. Толи-бъ еще было, еслибъ частные заказы не отбивали отъ дѣла, г. оберъ-кухмистеръ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Пустое, пустое, если мы работаемъ на людей, то разумѣется... не для денегъ.

КУХМИСТЕРЪ. А для чего-жъ, Иванъ Крестьяновичъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. А для того, имянно для того, чтобъ прославить нашу кухню.

КУХМИСТЕРЪ. Да какая-жъ намъ отъ этого польза?

ФЕЛЬТЕНЪ. Какая польза? а честь, а слава?

КУХМИСТЕРЪ. Честь и слава? то есть... намъ трудъ, а вамъ деньги, не такъ-ли Иванъ Крестьяновичъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. Ну, полно-жъ, полно-жъ разтабарывать, Кондратьичъ... Приступимъ-ка лучше къ дѣлу, подавай реэстръ

сегоднишнимъ кушаньямъ! (*Кухмистеръ подаетъ реэстръ, Фельтенъ читаетъ.*) Во первыхъ кулебяка! штука истинно національная!

Говорятъ французскій столъ
Объѣдѣнье!.. просто враки!
Что ихъ геній произвелъ
Лучше русской кулебяки?
Это чудо изъ чудесъ,
Это въ лицахъ небылица,
Это здобный Геркулесъ,
Баснословная жаръ – птица!
Это знамя поваровъ,
Это дьяволъ, Мефистофель...
И отъ русскихъ пироговъ
Не потянетъ на кортофель!

Что–жъ далѣе? щи, смотри–жъ, чтобъ не перепрѣли: студень, смотри–жъ, чтобъ не развалился; за ними поросенокъ подъ сметаною!.. Вотъ это главное блюдо въ сегодняшнемъ обѣдѣ! Этотъ поросенокъ и сметана плоды перваго моего Іоганисбергскаго хозяйства. Они привезены изъ новопожалованной деревни моему сыну, царскому крестнику... этотъ поросенокъ собственноручно мною откормленъ, онъ мой воспитанникъ, которымъ я расхвастался, и если это блюдо не удастся, стыдъ и поношеніе, г. кухмистеръ!

КУХМИСТЕРЪ. Будьте спокойны, будьте благонадежны, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Ради Бога, ради самаго Бога, любезнѣйшій! (*продолжаетъ читать.*) Далѣе! Холодное жареное съ огурцами и солеными лимонами, потомъ сыръ и масло, и, наконецъ, желе... конечно, желе... это бы еще не диковинка, но желе съ иллюминаціей, этого еще никогда не бывало.... Да, да, это моя собственная, великая, геніальная идея! Дѣло въ томъ, что въ пустую средину формы мы вклеимъ зажженые восковые огарки и я ручаюсь, что свѣтъ огня сквозь транспарантное желе произведетъ такой эффектъ, какихъ не производило ни одно пирожное.

КУХМИСТЕРЪ. Ужъ нечего сказать: затѣйливо, истинно оберъ–кухмистерская штука!

ФЕЛЬТЕНЪ. То–то и есть; такія вещи даются не всякому, Кондратьичъ. — Постой, мы еще перемолвимъ словечко, (*удерживая кухмистера.*) Дай отпустить вотъ только этого. — Ну, г. старшій офиціантъ, подавай реэстръ напиткамъ... (*читаетъ*)

водка анисовая, водка горькая, эрмитажъ и венгерское... (*отдаетъ реэстръ.*) Хорошо, смотри-жъ, хоть это и не новое, а все таки повторить не мѣшаетъ: лишь подадите вино, или кушанье, то сами съ глазъ долой сію-жъ минуту. — Высокіе посѣтители не любятъ видѣть за столомъ лишней прислуги. По ихъ мнѣнію, лакеи смотрятъ каждому въ ротъ, подслушиваютъ, что говорятъ, понимаютъ криво и послѣ также криво пересказываютъ.

ОФИЦІАНТЪ. Слушаю, слушаю, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Маршъ! смотри-жъ, подавать ловко и проворно.

(*Офиціантъ уходитъ.*)

V.

ТѢЖЕ. ПОВАРЪ (*вбѣгая.*)

ПОВАРЪ, (*кухмистеру.*) Иванъ Кондратьичъ! спрашиваютъ, нѣтъ-ли продажнаго поросенка?

ФЕЛЬТЕНЪ. Что такое? что такое?..

КУХМИСТЕРЪ. Ничего, спрашиваютъ поросенка.

ПОВАРЪ. Даютъ цѣлковый, Иванъ Кандратьичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Цѣлковый; цѣлковый за поросенка! Да это цѣна неслыханная, Кондратьичъ!

КУХМИСТЕРЪ. Видно именины, или свадьба, а ужъ тутъ сами знаете, безъ поросенка не приходится.

ФЕЛЬТЕНЪ. А развѣ у насъ нѣтъ лишняго?..

КУХМИСТЕРЪ. Изъ деревни привезли всего двухъ: одинъ пошелъ къ Данилѣ Ивановичу, а другой къ царскому обѣду.

ФЕЛЬТЕНЪ. Ну, чтожъ... нѣтъ, такъ нѣтъ... хоть жаль, даже чрезвычайно жаль, а дѣлать нечего... такъ и скажи: нѣтъ поросенка и кончено! (*поваръ уходитъ. — Фельтенъ продолжаетъ.*) Въ моемъ помѣстьѣ я непремѣнно... разведу цѣлое стадо поросятъ, Кондратьичъ.

КУХМИСТЕРЪ. И хорошо сдѣлаете, по числу охотниковъ ихъ мало даже и въ Питерѣ.

ПОВАРЪ, (*вбѣгая.*) Иванъ Кондратьичъ! два цѣлковыхъ за поросенка.

ФЕЛЬТЕНЪ. Два цѣлковыхъ! Это сумасшествіе! Послушай, послушай Потапычъ! скажи, скажи: что къ завтрему мы непремѣнно приготовимъ ему поросенка.

ПОВАРЪ. Ужъ я вызывался, да нѣтъ, кстатѣ-ли... подай сейчасъ.. мало-ли что, говоритъ онъ... завтра! завтра не дадимъ и цѣлковаго.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*съ досадой.*) Но сегодня намъ самимъ безъ поросенка обойтись невозможно... слышишь ли, невозможно, невозможно. Съ глазъ долой и ни слова о поросенкѣ.

(*Кухмистеръ и поваръ уходятъ.*)

—

VI.

ТѢЖЕ, ДРЕВНИКЪ.

ДРЕВНИКЪ. Я къ вамъ отъ Государя, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Отъ Государя!.. ко мнѣ... возможно-ли? какъ... что, зачѣмъ, почему, говорите, приказывайте, мой почтеннѣйшій.

ДРЕВНИКЪ. Государь приказалъ сказать вамъ: что онъ сегодня не будетъ у васъ кушать.

ФЕЛЬТЕНЪ. Не будетъ кушать?

ДРЕВНИКЪ. Это нисколько, однакожъ, не помѣшаетъ обѣду; всѣ приглашенные съѣдутся въ свое время.

ФЕЛЬТЕНЪ. Доложите, почтеннѣйшій!

ПОВАРЪ, (*вбѣгая.*) Иванъ Крестьянычъ, Иванъ Крестьянычъ! три цѣлковыхъ... (*увидя Древника, досказываетъ наухо.*) Три цѣлковыхъ за поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*не оборачиваясь, схватываетъ повара за галстухъ и въ такомъ положеніи продолжаетъ разговаривать съ посланнымъ.*) Да, доложите, что я крайне, душевно соболѣзную... Стало быть, приглашенные особы могутъ обѣдать не ожидая его величества?

ДРЕВНИКЪ. Разумѣется... я бы желалъ, однако-жъ, засвидѣтельствовать мое почтеніе Софьѣ Ивановнѣ, которая у васъ и надѣюсь, вы мнѣ позволите?

ФЕЛЬТЕНЪ. Сдѣлайте милость... она тамъ, вонъ тамъ..... прошу войти, прошу пожаловать...

ДРЕВНИКЪ, (*уходя.*) Много благодаренъ!

—

VII.

ФЕЛЬТЕНЪ, ПОВАРЪ.

ПОВАРЪ, (*вырывался изъ рукъ Фельтена.*) Да пустите – жъ, задушили, совсѣмъ задушили Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. Что ты сказалъ, что ты сказалъ, Потапычъ?

ПОВАРЪ, (*оправляясь.*) Уфъ! Дайте сперва перевести духъ, Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. Что ты сказалъ, что ты сказалъ?

ПОВАРЪ. Сказалъ: что за поросенка даютъ три цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Не вѣрю, не вѣрю, повтори, повтори еще, дьяволъ соблазнитель.

ПОВАРЪ. Три цѣлковыхъ! Слышите ли, три цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Три цѣлковыхъ! это превосходитъ всякое безкорыстіе... слушай, Потапычъ, Государь у меня не кушаетъ.

ПОВАРЪ. Не кушаетъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. Обѣдай онъ, о! дѣло другое, но безъ него... однимъ блюдомъ больше, или меньше... мнѣ кажется, ничего не значитъ. Какъ ты думаешь?

ПОВАРЪ. Я думаю только то, что у насъ безъ поросенка не бывало ни одного обѣда.

ФЕЛЬТЕНЪ. Конечно, не бывало; но мало ли что случается.

ПОВАРЪ. Куда-жъ, скажутъ, дѣлся вашъ воспитанникъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. Мой воспитанникъ?

ПОВАРЪ. Вѣдь не сказать же, что его продали за три цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*зажимая ротъ Потапычу.*) Ни слова, ни полслова, ни четверть слова, этому дѣлу надобно дать оборотъ совсѣмъ особенный. Слушай Потапычъ: ты человѣкъ скромный и ловкій—хочешь ли заработать полтинникъ?

ПОВАРЪ. Кто-жъ себѣ врагъ, всѣ мы люди, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. И такъ по боку, по боку поросенка и кончено, Потапычъ. Скажи на кухнѣ, что Государь у насъ не кушаетъ; что поросенокъ уступленъ, подъ рукою, одной знатной особѣ и если кто пикнетъ объ этомъ хоть одно слово, бѣда!

ПОВАРЪ. Все будетъ исполнено, это не трудно.

ФЕЛЬТЕНЪ. Но вотъ что самое трудное. Когда придетъ время подавать поросенка, ты вбѣги въ столовую, какъ сумасшедшій, плачь, рыдай, если можешь; бросься на колѣна и

кричи, кричи во все горло: виноватъ, несчастье, несчастье! собака утащила поросенка, Иванъ Крестьяновичъ!

ПОВАРЪ. Собака утащила поросенка?

ФЕЛЬТЕНЪ. Да, собака утащила поросенка! я вцѣплюсь въ тебя... можетъ быть ударю...

ПОВАРЪ. Вотъ это напрасно, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Это ничего не значитъ!

ПОВАРЪ. Конечно, если не больно...

ФЕЛЬТЕНЪ. Разумѣется, разбраню, настращаю, выгоню и дѣло кончено. — Скажи-жъ, скажи-жъ откровенно, можешь-ли ты сыграть эту комедію?

ПОВАРЪ.

Комедьянтъ-то я плохой,
Но впрочемъ кто-жъ себѣ злодѣемъ;
И за полтинникъ дорогой
Мы отштукаримъ, какъ съумѣемъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Смотри-жъ! все кстати, все впопадъ,
Не струсь!

ПОВАРЪ.

Ну, вотъ нашли ребенка!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Рыдай, терзайся...

ПОВАРЪ, (*для пробы падая на колѣна.*)

Виноватъ!
Собака съѣла порсенка!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Чудесно! чуръ невыдавать...

ПОВАРЪ.

Спасу отца и командира!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Каковъ актеръ? Ахъ! дай обнять
Мнѣ русскаго полу-Шекспира!

ПОВАРЪ. Благодарю, Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. Одобреніе всегда развиваетъ дарованіе, Потапычъ. Ступай, бѣги и дѣлай, что приказано.

ПОВАРЪ. Буду стараться! буду стараться — изо всѣхъ лопатокъ, Иванъ Крестьяновичъ, (*поваръ уходитъ*).

VIII.

ФЕЛЬТЕНЪ, *потомъ* **ШУМАХЕРЪ.**

ФЕЛЬТЕНЪ. Нечего сказать! Тонко, хитро, мастерски придумано... Съ другой стороны... выходитъ нѣсколько иначе, то есть, не совсѣмъ ловко и даже, нѣкоторымъ образомъ, непростительно. — Странное дѣло!... Схитри... сдѣлай что нибудь подобное... и невольно начинаешь тревожиться, какъ будто самъ не свой... какъ будто теряешься, какъ будто совсѣмъ потерялся.

ШУМАХЕРЪ, (*входя разстроенный*). Иванъ Крестьянычъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*). Боже мой! Данила Иванычъ! Взглянуть не смѣю... вотъ, что значитъ упрекъ совѣсти...

ШУМАХЕРЪ. (*про себя*). Языкъ не шевелится! И вотъ что значитъ венгерское! И вотъ что значитъ развратное поведеніе!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*оправляясь*). Что скажете... любезнѣйшій... почтеннѣйшій зятюшка?

ШУМАХЕРЪ. Я пришелъ спасти васъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Меня?

ШУМАХЕРЪ. Спасти отъ гнуснаго животнаго.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя*). Неужели отъ поросенка.

ШУМАХЕРЪ. Да, да, Иванъ Крестьяновичъ отъ самаго гнуснаго животнаго.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*). Отъ поросенка, безъ всякаго сомнѣнія.

ШУМАХЕРЪ. Я говорю о Таубертѣ...

ФЕЛЬТЕНЪ. О Таубертѣ?

ШУМАХЕРЪ. Да, сударь, знайте, что этотъ Таубертъ, котораго вы считали другомъ, чуть-чуть не зятемъ, этотъ Таубертъ ничто иное, какъ обманщикъ, лицемѣръ и предатель.

ФЕЛЬТЕНЪ. Опомнитесь, Данила Иванычъ.

ШУМАХЕРЪ. Знайте! Онъ сидитъ на гоуптвахѣ!

ФЕЛЬТЕНЪ. Таубертъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Таубертъ на гоуптвахѣ? Быть не можетъ, за что, почему, кто могъ, кто смѣлъ его садить на гоуптваху?

ШУМАХЕРЪ. Спросите у Ягужинскаго.

ФЕЛЬТЕНЪ. У Ягужинскаго... вѣчно Ягужинскій! Вотъ человѣкъ, котораго не терпитъ моя натура, берегитесь его, Данила Иванычъ.

ШУМАХЕРЪ, (*иронически*). Вы думаете?

ФЕЛЬТЕНЪ. Онъ доѣдетъ и васъ, Данила Иванычъ.

ШУМАХЕРЪ. Доѣдетъ? (*про себя*) если не доѣхалъ. (*вслухъ*). Вы правы, вы правы, Иванъ Крестьяновичъ, я предвидѣлъ и вижу... по разнымъ сближеніямъ, что мнѣ должно удалиться и оставить службу.

ФЕЛЬТЕНЪ. О! ужъ это слишкомъ, слишкомъ много, почтеннѣйшій зятюшка.

ШУМАХЕРЪ. Буду спокоенъ, свободенъ, повѣрьте; наука и литература меня также хорошо прокормятъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Не думаю, не думаю... почтеннѣйшій...

ШУМАХЕРЪ. Что шагъ, то интриги и неудовольствія!

ФЕЛЬТЕНЪ. Но гдѣ же безъ нихъ... гдѣ-жъ безъ нихъ, Данила Иванычъ.

ПОВАРЪ. (*вбѣгая*). Иванъ Крестьяновичъ! (*увидя Шумахера, договариваетъ на ухо*) Иванъ Крестьяновичъ, деньги за поросенка.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*беретъ деньги, продолжая говорить съ Шумахеромъ*). Да, такова служба... любезный зятюшка... какъ быть ..

ПОВАРЪ, (*на ухо*). А обѣщанный полтинникъ Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*продолжая говорить съ Шумахеромъ.*) Да, такова служба.. какъ быть! (*кладя деньги въ карманъ*) всякая имѣетъ свои удовольствія, (*отдавая полтинникъ*) и свои непріятности!

ШУМАХЕРЪ. Я встрѣчаю только одни послѣднія...

ПОВАРЪ. Для желе, нужны восковые огарки, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Чортъ возьми! сейчасъ, сейчасъ; вы видите, какъ меня тормошатъ эти злодѣи, Данила Ивановичъ, того и жду, что съѣдутся гости, надо взглянуть, приказать то, другое, пятое, десятое, словомъ, нѣтъ минуты свободной; прощайте, мы въ другой разъ потолкуемъ о Таубертѣ.

ШУМАХЕРЪ, (*удерживая Фельтена*). Нѣтъ, вы должны сейчасъ отказать ему, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Отказать Тауберту?... Когда я далъ ему мое слово... это не такъ легко, Данила Иванычъ... особенно по какимъ нибудь пустымъ слухамъ, пустымъ подозрѣніямъ... жен-

скимъ капризамъ, потому что не угодно Софьѣ Ивановнѣ, стыдитесь, стыдитесь вѣчно плясать по женской дудкѣ, Данила Иванычъ! (*уходитъ*).

—

IX.

ШУМАХЕРЪ, *потомъ* **СЛУГА** *съ письмомъ.*

ШУМАХЕРЪ. По женпиной дудкѣ! нѣтъ чортъ возьми! Это не дудки! что мнѣ дѣлать? брошусь къ Вильбоа и упрошу, чтобъ обождалъ и взялъ терпѣнье...

Я пропадаю за ничто!
А всѣ горланятъ, рты разиня...
Что я счастливецъ — какъ никто
И что жена моя богиня!
И подлинно, хорошъ эдемъ...
Томиться въ вѣчномъ истязаньи
И утѣшаться только тѣмъ,
Что не одинъ я во компаньи!

СЛУГА. Письмо къ Софьѣ Ивановнѣ.

ШУМАХЕРЪ. Что мнѣ за дѣло.

СЛУГА. Отъ Павла Ивановича Ягужинскаго.

ШУМАХЕРЪ. (*вырывая письмо*). Отъ Ягужинскаго! ступай, (*слуга уходитъ*). Этого недоставало! Мало того, что ѣздить къ нему потихоньку, она пустилась въ переписку; все открыто, и вотъ улика, вотъ улика ея невѣрности... прочтемъ, увидимъ, увѣримся въ моемъ несчастіи, (*читаетъ.*) «Хлопоты наши идутъ не дурно. Шутъ Таубертъ за ссору въ Кунсткамерѣ сидитъ на гауптвахѣ, вашъ любезный ревнивецъ на нашей сторонѣ; Г. Фельтенъ попался въ западню, изъ которой не выпутается... Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, онъ тѣмъ пріятнѣе, что принесетъ тройную пользу; онъ отучитъ Тауберта влюбляться невпопадъ, мужа вашего ревновать напрасно ту, которая его такъ любитъ и батюшку вашего позволять себѣ много лишняго. — Ручаюсь, что сестрица ваша сегодня-жъ будетъ объявлена невѣстой. — Кстати, говоря о свадьбѣ... Поздравьте и меня! Государь и мнѣ отыскалъ невѣсту: я женюсь на графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Головкиной». — Боже мой! вѣрить ли глазамъ? чтожъ это значитъ! Таубертъ влюбился невпопалъ, я ревновалъ напрасно; она меня любитъ! Онъ женится!

Безумецъ, безумецъ! ты не достоинъ своего счастія! Гдѣ-жъ она, гдѣ-жъ она, чтобъ броситься къ ея ногамъ и выпросить прощенье! (*уходитъ въ боковыя двери*).

—

X.

САКСОНСКІЙ ПОСЛАННИКЪ, БАРОНЪ ЧЕРКАСОВЪ, ЕЛАГИНЪ, провожаемые **ФЕЛЬТЕНОМЪ.**

ПОСЛАННИКЪ. Господа! мы съѣхались немного рано.

ЕЛАГИНЪ. Кто жъ зналъ, что Государь не изволитъ съ нами обѣдать.

БАРОНЪ ЧЕРКАСОВЪ. Не ѣхать же назадъ.... присядемъ да побесѣдуемъ, дѣлать нечего.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*смотря на часы.*) Теперь половина перваго и г.г. приглашенные вѣрно не замедлятъ явиться.

ПОСЛАННИКЪ. Смотрите-жъ, г. Оберъ-кухмейстеръ, чтобы безъ Государя намъ не проголодаться.

ФЕЛЬТЕНЪ. Помилуйте, какая мысль, ваше сіятельство.... будетъ все тоже, какъ заведено единожды, даже можетъ быть, явится блюдо новой пропорціи.... словомъ, блюдо блистательное.

Посланникъ.

Разумѣется, обѣдъ
Знаменитъ на царской кухнѣ,
Да Царя-то съ нами нѣтъ,
Такъ чего нибудь не бухни.
Наглядѣлся, братецъ я,
Каковы метры-д-отели....
Кто безъ рукъ сталъ отъ огня,
А вы руки понагрѣли.

ФЕЛЬТЕНЪ. Помилуйте! совершенно несправедливо, (*раскланиваясь, выходитъ*).

ЧЕРКАСОВЪ. Да полноте-жъ нападать на него, г. посланникъ.

ПОСЛАННИКЪ. И то правда.

—

XI.

ТѢЖЕ. кромѣ **ФЕЛЬТЕНА.**

ЕЛАГИНЪ. Правда, правда, но скажите-ка подъ рукою господинъ посланникъ, правда ли что васъ вчера сильно потрепало подъ Кронштатомъ?

ПОСЛАННИКЪ Спросите лучше правда ли, что мы чуть непотонули.

ЧЕРКАСОВЪ. И полноте!...

ПОСЛАННИКЪ. Увѣряю васъ, что этого едва не случилось... Вчера Его Величество пригласилъ меня и другихъ иностранныхъ министровъ ѣхать съ нимъ прогуляться изъ Петербурга въ Кронштатъ... Вотъ мы и отправились на голландскомъ буйерѣ, которымъ правилъ самъ Государь.

ЕЛАГИНЪ. Хорошо, хорошо.....

ПОСЛАННИКЪ. Поголите, поголите, выйдетъ не очень хорошо, какъ услышите далѣе.... Подъ Кронштатомъ поднялась ужасная буря, къ бурѣ присоединилась гроза, волны подымались выше борта и ежеминутно угрожали намъ неминуемой гибелью. Признаюсь, кромѣ Государя и его матросовъ, мы всѣ смертельно перетрусились. — Вотъ, мы просить, убѣждать его, чтобъ онъ пристылъ, по краней мѣрѣ, къ Петергофу, который былъ не далеко. — «Не бойтесь, не бойтесь! отвѣчалъ Государь и продолжалъ свое дѣло. — Въ страхѣ, я совсѣмъ потерялся; ради Бога, ради Бога, сказалъ я, прошу Ваше Величество пристать къ берегу! Вспомните, что я не за тѣмъ присланъ въ Россію, чтобъ утонуть безъ всякой пользы.... Если я утону, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, то за меня вы должны будете отвѣчать моему государю..... «Пустое, пустое, возразилъ Императоръ смѣючись... если мы утонемъ, такъ утонемъ вмѣстѣ г. посланникъ и тогда ни жаловаться, ни отвѣчать будетъ нѣкому.»

ЧЕРКАСОВЪ, ЕЛАГИНЪ, (*смѣются*). Ну такъ! это въ его духѣ, совершенно въ его духѣ!

ПОСЛАННИКЪ Да, да.

—

XII.

ТѢЖЕ БРЮСЪ. ТАТИЩЕВЪ, провожаемые ФЕЛЬТЕНОМЪ.

БРЮСЪ. Жаль, очень жаль, а дѣлать нечего.... А! г. посланникъ. (*Черкасову*). Иванъ Антовычъ!.. (*Елагину*). Игнатій Оедоровичъ, почтенный нашъ кораблестроитель какъ поживать изволитъ?

ПОСЛАННИКЪ. Имѣю честь кланяться.

ЧЕРКАСОВЪ, ЕЛАГИНЪ. Мое почтеніе, графъ Яковъ Вилимовичъ. (*Татищеву*) Здравствуйте, Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ. Здорово, здорово почтеннѣйшіе.

БРЮСЪ. Ну, господа, радуйтесь! скажу вамъ славную новость.

ЧЕРКАСОВЪ. Ужъ не конченъ ли Брюсовъ календарь, ваше сіятельство?

БРЮСЪ. Нѣтъ, лучше того, гораздо лучше.... знайте, господа, что Василій Никитичъ принимается писать русскую исторію.

ЕЛАГИНЪ. Славное дѣло!

ЧЕРКАСОВЪ. Ай-да Василій Никитичъ, честь и слава!

ТАТИЩЕВЪ. Подождемъ.... посмотримъ сперва, какъ пойдетъ, что выйдетъ, конецъ дѣлу вѣнецъ, говоритъ пословица.

ПОСЛАННИКЪ. Но все таки предпріятіе труда великаго.....

БРЮСЪ, (*перебивая.*) Нужнаго не только для насъ, но для всего ученаго міра, достойнаго доброй памяти, похвалы и уваженія, Василій Никитичъ.

—

XIII.

ТѢЖЕ. ЯГУЖИНСКІЙ.

ЯГУЖИНСКІЙ Виноватъ, виноватъ, если опоздалъ, дорогіе собесѣдники.

ПОСЛАННИКЪ, (*и другіе.*) Нисколько, нисколько...

ЯГУЖИНСКІЙ. Тѣмъ лучше, (*смотря на часы.*) Ровно часъ и стало быть время обѣда.

БРЮСЪ, (*Фельтену.*) Зачѣмъ дѣло стало, г. хозяинъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. Я полагаю, ваше сіятельство, что не всѣ еще съѣхались.

ЧЕРКАСОВЪ. Кто-жъ виноватъ?

ТАТИЩЕВЪ. Семеро одного не ждутъ.

ЕЛАГИНЪ. Водки, водки, г. Фельтенъ...

(*Фельтенъ подаетъ знакъ людямъ.*)

БРЮСЪ. Обѣдать, скорѣй обѣдать.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*подчуя каждаго.*) Водка сладкая и горькая и закуска...

(*Между тѣмъ гости садятся, а слуги подаютъ кушанья.*)

ЯГУЖИНСКІЙ. Жаль, очень жаль, господа, что сегодняшній обѣдъ не ознаменуется ничѣмъ полезнымъ... нѣтъ головы, а безъ нея ничего не придумаешь.

ЕЛАГИНЪ. Такъ на свободѣ мы покутимъ по крайней мѣрѣ, по ласкѣ Ивана Крестьяновича.

ФЕЛЬТЕНЪ. Готовъ... съ величайшею готовностію.

ПОСЛАННИКЪ. Ужъ эти мнѣ столы и обѣды! того и смотри, что прямо подъ столъ... если не хуже!

БРЮСЪ. Ну, полно-жъ проповѣдывать... Ужъ вѣрно г. оберъ-кухмейстеръ поподчуетъ насъ сегодня чѣмъ нибудь Іоганнисбергскимъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Мое хозяйство еще такъ ново, ваше сіятельство ..

ЯГУЖИНСКІЙ. Вотъ хорошо! а обѣщанный поросенокъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя.*) Поросенокъ!

ТАТИЩЕВЪ. Да, я слышалъ, отличный поросенокъ...

ЯГУЖИНСКІЙ. Собственно-ручно откормленный Иваномъ Крестьянычемъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Такъ точно, такъ точно...

ЕЛАГИНЪ. Чего-жъ лучше, славное блюдо! (*слуги перемѣняютъ тарелки и подаютъ другое кушанье*).

ГОСТИ. (*одинъ за другимъ*). Я не хочу, не надо... подавай поросенка, Іоганнисбергскаго поросенка.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя*). Такъ и дрожу, чтобъ мой Потапычъ не спакостилъ! (*Тутъ за кулисами начинается шумъ и вбѣгаетъ дебютантъ кухмистеръ*).

—

XIV.

ТѢЖЕ, ПОВАРЪ.

ПОВАРЪ. (*бросаясь въ ноги къ Фельтену*). Виноватъ! несчастіе! несчастіе, Иванъ Крестьянычъ! собака, собака утащила поросенка!

ГОСТИ, (*вскакивая*). Собака утащила поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*бросаясь на Потапыча*) Что я слышу! говори, говори, несчастный!.... (*тихо*) Славно! славно, продолжай, продолжай, Потапычъ!

ПОВАРЪ. (*во все горло*). Собака утащила поросенка!

ЧЕРКАСОВЪ. Ахъ, ты разбойникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*повторяя*) Ахъ, ты разбойникъ! (*тихо*) плачь, рыдай, если можешь...

ПОВАРЪ. (*тихо*). Не могу, ни какъ не могу, Иванъ Крестьянычъ.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*тихо*). Закройся фартухомъ.

ПОВАРЪ, (*стараясь вырваться отъ Фельтена*). Нѣтъ, воля ваша, ужъ коли пошло на правду...

ФЕЛЬТЕНЪ. (*зажимая ему ротъ*). Ни слова, или я задушу тебя на мѣстѣ! (*про себя*) Онъ погубитъ меня не возвратно! (*вслухъ*) Милостивыя государи, пощадите! конечно, оплошность его непростительна... но онъ человѣкъ семейный: имѣетъ жену, дѣтей, пятерыхъ, шестерыхъ, семерыхъ дѣтей! я его накажу, выгоню, уничтожу, но не больше, ради Бога, не больше!

ЯГУЖИНСКІЙ. И въ самомъ дѣлѣ, чортъ съ нимъ господа! Вонъ его — съ глазъ долой мерзавца. (*Фельтенъ его выталкиваетъ*) я васъ утѣшу, я живу въ трехъ шагахъ и у меня къ обѣду приготовлено тоже самое блюдо. — Эй! сей часъ ко-мнѣ и мигомъ сюда съ моимъ поросенкомъ. (*Двое изъ слугъ убѣгаютъ*).

ВСѢ. Ай-да Павелъ Ивановичъ! спасибо, любезнѣйшій!

ЧЕРКАСОВЪ. Конечно, спасибо, да гдѣ-жъ тянуться за Іоганнисбергскимъ поросенкомъ.

ЯГУЖИНСКІЙ. Не говорите этого...

БРЮСЪ Ну, г. оберъ-кухмейстеръ—что еслибъ это случилось при Государѣ?..

ЯГУЖИНСКІЙ. При Государѣ этого бы не случилось.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*суетясь*). Какъ знать... бываютъ всевозможные случаи... между тѣмъ, не прикажете ли по рюмочкѣ отличнаго, чудеснаго венгерскаго?

БРЮСЪ Ладно, ладно, давай, давай Иванъ Крестьянычъ.

ТАТИЩЕВЪ. (*подставляя рюму*). Почему же не такъ, — у насъ всякія веселія въ подпитіи бываютъ, не такъ ли, почтеннѣйшій?

ЯГУЖИНСКІЙ. Оно и кстати — чтобъ поздравить меня съ невѣстою.

ГОСТИ. Съ невѣстою?

ЯГУЖИНСКІЙ. Да, господа, поздравьте! я женюсь на графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Головкиной.

ГОСТИ Славно! Ура! здоровье жениха и невѣсты!

ЯГУЖИНСКІЙ. Благодарю, отъ всей души благодарю, почтеннѣйшіе... (*входитъ слуга съ поросенкомъ*). Ай да молодецъ! Господа! прошу взглянуть, прошу отвѣдать, полюбуйтесь, полюбуйтесь, Иванъ Крестьянычъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*косо смотря въ лорнетъ*). Дѣйстительно, славный — отличный поросенокъ...

ЯГУЖИНСКІЙ. Да, дорогой поросенокъ!

ПОСЛАННИКЪ. (*пробуя*). И какъ приготовленъ!

ЕЛАГИНЪ. Что за смегана!

ТАТИЩЕВЪ. Хоть-бы изъ царской кухни!

БРЮСЪ. Что ни говори, а эти похвалы и этотъ поросенокъ, куда не по вкусу Ивану Крестьянычу.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*принужденно*). Напротивъ... я очень радъ...

ЯГУЖИНСКІЙ. Господа! какъ вы думаете, однакожъ, что я заплатилъ за этого поросенка?

БРЮСЪ. Ну что-жъ... поросенокъ не важность — важность въ томъ, какъ приготовленъ...

ЯГУЖИНСКІЙ. Повѣрите ли, я заплатилъ за него три цѣлковыхъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*). Три цѣлковыхъ! Боже всемогущій!

ПОСЛАННИКЪ. Три цѣлковыхъ! да это разбой, дневной разбой!..

ЕЛАГИНЪ. Да кто-жъ этотъ мошенникъ, Павелъ Ивановичъ?

ТАТИЩЕВЪ. Ахъ, онъ разбойникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя*). Съѣдятъ, съѣдятъ за-живо!

ЧЕРКАСОВЪ. Батожьемъ его, батожьемъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя*). Такъ и есть!

ТАТИЩЕВЪ. Да: «бить нещадно и весьма лишить живота!»

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя*). Кончено, совершенно кончено!

ЯГУЖИНСКІЙ. Нѣтъ, это слишкомъ строго; довольно путемъ проучить, чтобы впередъ было не повадно. (*Слуга подаетъ жареное*).

ГОСТИ. Сыты, сыты по горло, — въ сторону жареное.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*едва держась на ногахъ, подчуетъ виномъ*). Лучшій Эрмитажъ.

МНОГІЕ. Славное вино дѣйствительно? (*слуги съ транспарантнымъ желе*).

БРЮСЪ. Ба! это что за иллюминація?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*нѣсколько пріободрясь*). Желе, — моей инвенціи...

ГОСТИ. Ай-да затѣйникъ! ай-да, оберъ кухмистеръ! прошу, какую выкинулъ штуку!

ПОСЛАННИКЪ. Желе съ иллюминаціей!

ЯГУЖИНСКІЙ. Жаль, что не съ фейерверкомъ!

ГОСТИ, (*кушая*). Чудесно! объѣдѣнье, да и только!

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*). Боюсь, чтобъ не проглотить огарка.

ФИЛЬТЕНЪ. Очень радъ, на здоровье, на здоровье! (*подчуетъ венгерскимъ, начиная съ Брюса*) Послѣднюю рюмочку, послѣднюю рюмочку венгерскаго, ваше сіятельство!

БРЮСЪ. Нельзя отказаться; но дай-ка вынуть кошель, достать червонецъ да расплатиться съ хозяиномъ. (*выпивая рюмку, кладетъ червонецъ на подносъ, что дѣлаютъ и всѣ другіе, а Фельтенъ раскланивается*).

ЯГУЖИНСКІЙ. Вотъ и мой червонецъ (*отводя Фельтена въ сторону*). За обѣдъ я заплатилъ, а ужъ какъ хочешь, три цѣлковыхъ подай назадъ, Иванъ Кретсьянычъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо*). Три цѣлковыхъ?

ЯГУЖИНСКІЙ. Да, три цѣлковыхъ за поросенка, котораго утащила собака.

ФЕЛЬТЕНЪ. Собака! (*про себя*) Такъ и есть, я пропалъ! (*Ягужинскому*) Я отдамъ, сію минуту отдамъ, Павелъ Ивановичъ, но ради Бога..,

ЯГУЖИНСКІЙ. Нѣтъ! со мной этимъ не раздѣлаешься.

БРЮСЪ. Они что-то шепчутся...

ЧЕРКАСОВЪ. Свое дѣло; а намъ пора во свояси.

ЯГУЖИНСКІЙ Слушай, Иванъ Крестьянычъ! негодяй Тауберъ ищетъ не жены, а приданаго; онъ писалъ любовную записку Софьѣ Ивановнѣ, разсорился съ Шумахеромъ и вызвалъ его даже на поединокъ... кончено, онъ не женихъ для Маріи Ивановны, — она любитъ другаго, вы должны согласиться...

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо*). Отказать Тауберту!.. я далъ слово, я далъ честное слово, Павелъ Ивановичъ.

ЯГУЖИНСКІЙ Безъ согласія дочери? Стыдитесь, Иванъ Крестьянычъ! — Да, да, я вашъ поступокъ распубликую по всему городу, (*вслухъ*) Господа узнайте славную новость.

ГОСТИ Что-жъ это за новость?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо, удерживая Ягужинскаго*). Пощадите, пощадите, Павелъ Ивановичъ!

ЯГУЖИНСКІЙ. Такая новость, о которой стоитъ доложить самому Государю.

БРЮСЪ. Сказывать, такъ сказывай, Павелъ Ивановичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*Ягужинскому*). Не погубите! я согласенъ, согласенъ на все на свѣтѣ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*гостямъ*). Поздравте Ивана Крестьяныча съ невѣстой.

ГОСТИ. Онъ женится!

ФЕЛЬТЕНЪ. (*про себя.*) Да, женили! погубили, уничтожили!

ЯГУЖИНСКІЙ. Нѣтъ, онъ выдаетъ за мужъ меньшую дочь.

ГОСТИ. За кого-же Иванъ Крестьяновичъ?

ФЕЛЬТЕНЪ. (*тихо Ягужинскому*). Я самъ незнаю... за кого, за кого... прикажите?...

ЯГУЖИНСКІЙ, (*гостямъ*). За г. Древника, общаго нашего знакомца.

ГОСТИ. Поздравляемъ, поздравляемъ, славный малый!...

БРЮСЪ. Однакожъ, мнѣ пора.

ГОСТИ. И намъ также...

БРЮСЪ. Ну что-жъ, не вмѣстѣ-ли, Павелъ Ивановичъ?

ЯГУЖИНСКІЙ. Нѣтъ, господа, я хочу видѣть хозяекъ и поздравить невѣсту, (*уходитъ на дамскую половину*) Честь имѣю кланяться.

БРЮСЪ и ДРУГІЕ, (*Фельтену*). Прощай, прощай, г. оберъ кухмистеръ, благодаримъ за хлѣбъ, за соль.

ЕЛАГИНЪ. Богъ тебѣ судья! а за что, самъ знаешь.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*раскланиваясь и провожая*). Ради Бога, ради Бога! чтобъ все осталось между нами.

ТАТИЩЕВЪ. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, Иванъ Крестьянычъ.

ЧЕРКАСОВЪ. То-то и есть, поддѣлъ было поросенкомъ.

БРЮСЪ. Да выручилъ иллюминаціей!

(*Фельтенъ всѣхъ выпроваживаетъ*).

—

XV.

ФЕЛЬТЕНЪ, потомъ ПОВАРЪ и ТАУБЕРТЪ.

ФЕЛЬТЕНЪ. Уфъ, я насилу держусь на ногахъ!.... умру, умру непремѣнно, умру въ самомъ непродолжительномъ времени, я это чувствую.

ПОВАРЪ, (*вбѣгая*). Иванъ Крестьяновичъ! не прикажете-ли остатки поросенка отослать къ Ягужинскому?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*выталкивая повара*). Подавись ты самъ поросенкомъ, проклятый! (*поваръ убѣгаетъ*).

ТАУБЕРТЪ, (*вбѣгая*). Прямо къ вамъ, прямо съ гауптвахи, Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ. Чортъ возьми! да что въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ пристали? я все знаю! слышите-ли... знаю, что вы ищете не жены, а приданаго; (*стараясь вспомнить*) что вы... писали любовныя записки Шумахеру; что вы вызывали на поединокъ Софью Ивановну, чего-жъ послѣ этого хотите вы отъ меня, милостивый государь мой?

ТАУБЕРТЪ. (*надъвая шляпу и грозно наступая на Фельтена*). Такъ этакъ-то, этакъ-то, Иванъ Крестьяновичъ?

—

XVI.

ТѢ ЖЕ и ЯГУЖИНСКІЙ.

ЯГУЖИНСКІЙ. Г. Таубертъ! что это значитъ?

ТАУБЕРТЪ. (*отступая*). Вы сами чрезъ г. Вильбоа... приказали мнѣ явиться за отвѣтомъ.

ЯГУЖИНСКІЙ. Отвѣтъ готовъ: Марья Ивановна выходитъ за другаго.

ТАУБЕРТЪ. За другаго?

ЯГУЖИНСКІЙ Послѣ ссоры съ г. Шумахеромъ, вы не можете служить при Кунсткамерѣ.

ТАУБЕРТЪ. Прекрасно! стало быть и невѣста и мѣсто все къ чорту, ваше превосходительство?

ЯГУЖИНСКІЙ. Утѣшитесь, вы назначены суббибліотекаремъ.

ТАУБЕРТЪ Суббибліотекаремъ?

ЯГУЖИНСКІЙ. Съ двойнымъ противъ нынѣшняго жалованьемъ.

ТАУБЕРТЪ. Съ двойнымъ жалованьемъ? возможно-ли! да это лучше всякой невѣсты по моему,

XVII.

ТѢЖЕ. — Дѣвица **ФЕЛЬТЕНЪ**, потомъ **ДРЕВНИКЪ**, **ШУМАХЕРЪ** съ женою и **ВИЛЬБОА**.

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ. Батюшка! батюшка! я незнаю, какъ благодарить васъ....

ДРЕВНИКЪ. Иванъ Крестьяновичъ, могу ли я вѣрить моему счастью?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*принужденно.*) Да, да, рекомендуюсь и поздравляю....

Г. и **Г-жа ШУМАХЕРЪ**, (*входя.*) Поздравляемъ, поздравляемъ: и васъ, и васъ, и всѣхъ, и каждаго.

ВИЛЬБОА. (*въ дверяхъ.*) Поздравленья! цѣлованья! Ура! венгерскаго! венгерскаго!

ШУМАХЕРЪ, (*забывшись.*) Ни за что на свѣтѣ!

ТАУБЕРТЪ, (*про себя.*) А, а! на ворѣ шапка горитъ, говоритъ пословица.

ДРЕВНИКЪ, (*оборачиваясь къ невѣстѣ.*) Вамъ однимъ, вамъ однимъ я за все обязанъ, Марья Ивановна!

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ, (*оборачиваясь къ сестрѣ.*) Вотъ, вотъ кому мы обязаны.

Г-жа ШУМАХЕРЪ, (*мужу.*) Онъ меня послушался.....

ШУМАХЕРЪ, (*обращаясь къ Фельтену.*) Вотъ на кого я умѣлъ подѣйствовать.

ФЕЛЬТЕНЪ. (*оборотясь къ Ягужинскому.*) Я..... я вамъ обязанъ....

ЯГУЖИНСКІЙ, (*къ Вильбоа.*) Нѣтъ, вотъ кому мы обязаны.

ВИЛЬБОА, (*къ Тауберту.*) Больше всѣхъ..... Я вамъ обязанъ.

ТАУБЕРТЪ. Покорно благодарю; безъ Павла Ивановича, по вашей милости, я былъ бы въ самыхъ тонкихъ.....

ЯГУЖИНСКІЙ. Чтожъ дѣлать! гдѣ тонко, тутъ и рвется, любезнѣйшій!...

Жизнь наша съ горемъ пополамъ:
Въ ней прочности ужасно мало,
Сегодня здѣсь, а завтра тамъ —
И многихъ будто не бывало!
Не трудно это разгадать,
Жизнь наша парками прядется.....
А нить тонка: чего-жъ тутъ ждать?
Гдѣ тонко, тамъ и рвется!

ВИЛЬБОА.

Въ залогъ любви, Наташа мнѣ
Шнурочикъ какъ-то подарила,
Носи его, люби вдвойнѣ!
Она, вздыхая, говорила.
Я берегу ея залогъ,
Наташа тоже бережется....
Шнурокъ не цѣпь, она, не Богъ....
Гдѣ тонко тамъ и рвется.

ТАУБЕРТЪ.

Вотъ что замѣтилъ я давно:
Изъ тонкостей, чего нѣтъ легче,
Всѣхъ лучше — тонкое вино
За тѣмъ, что эта тонкость крѣпче.
А тонкій умъ, и тонкій вкусъ,
И все, что тонкостью зовется,
Все взлоръ! и я того держусь:
Гдѣ тонко тамъ и рвется!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Въ иныхъ піесахъ вилы сплошь
Такія тонкости, что чудо!
Послушаешь: въ нихъ складъ хорошъ,
А прочитаешь — очень худо!
Но не ломая головы,
Безъ тонкостей здѣсь обойдется,
За тѣмъ, чтобъ не сказали вы:
Гдѣ тонко тамъ и рвется.